

**Konferenču materiāli
2015–2016**

**Materials of conferences
2015–2016**

Rīga 2016

Kultūras ministrija

Galvenais redaktors un projekta vadītājs rabīns *Dr. paed. Menahems Barkahans*

Izpilddirektore **Karina Datašvili**

Redkolēģija:

Rita Bogdanova, Josifs Ročko, *Dr. hist. Grigorijs Smirins*

Sastādītājas **Lilija Levina, Karina Datašvili**

Maketētāja **Svetlana Samovarova**

Chief editor and project manager rabbi *Dr. paed. Menahem Barkahan*

Executive director **Karina Datashvili**

Editorial board:

Rita Bogdanova, Josif Rochko, *Dr. hist. Grigory Smirin*

Compiled by **Lilija Levina, Karina Datashvili**

Computer design by **Svetlana Samovarova**

Izdevējs: Biedrība „*Šamir*” (Rīga, Latvija)

Publisher: Society “*Shamir*” (Riga, Latvia)

© Society “*Shamir*”, 2016

CONTENT

- Karlis Shadurskis*
SALUTATORY TO THE PARTICIPANTS OF CONFERENCE
BY THE MINISTER OF EDUCATION AND SCIENCES OF... .. 15
- Zehavit Gross*
HOLOCAUST EDUCATION FROM A GLOBAL POINT
OF VIEW- AN INTERNATIONAL PERSPECTIVE 18
- Jolanta Ambrosewicz-Jacobs*
EDUCATION AND LACK
OF MOURNING OF EUROPEAN JEWS IN POLAND 36
- Andrej Angrick*
OPERATION 1005: THE NAZI OBLIVION PROJECT 45
- Dmitriy Astashkin*
FORCED LABOR ON OCCUPIED TERRITORY
OF USSR AS A WAR CRIME (ON THE MATERIAL
OF OPENED TRIALS OVER WAR CRIMINALS 1943-1947) 56
- Vlad Basilevskyi and Iryna Radchenko*
FEATURES OF STUDYING AND TEACHING OF HOLOCAUST IN
UKRAINE («TKUMA» UKRAINIAN INSTITUTE FOR HOLOCAUST
STUDIES, AS AN EXAMPLE) 66
- Inna Birman, Maria Kunineva, Natalia Chertok*
PROJECT “MEMORY. HELP. GENERATION” 71
- Anna Bogdanova*
SALASPILS AND **TROSTENETS** IN NAZI SISTEM
OF EXTERMINATION OF THE CIVILIAN POPULATION (1941-1944) ... 81
- Reinhold Boschki*
TOWARDS A NEW THEORY AND PRACTICE OF HOLOCAUST
REMEMBRANCE IN GERMANY – AND BEYOND 93
- Alex Carter*
THE ‘COUNTER-JIHAD’: A TROJAN HORSE FOR THE FAR-RIGHT 98

<i>Anna Castriota</i>	“BACK TO THE FUTURE: ITALY AND THE RETURNING OF RADICAL NATIONALISM. THE CASE STUDY OF CASAPOUNDITALIA AND OF THE LEGA NORD”	104
<i>Semen Charny</i>	SUBSTITUTION, DISSOLUTION, RECONSTRUCTION – ESPECIALLY DENIAL OF THE HOLOCAUST IN POST-SOVIET SPACE.....	116
<i>Semen Charny</i>	VIOLENCE MOTIVATED BY HATE IN RUSSIAN FEDERATION IN YEARS 2001-2015, DYNAMICS AND ANALYZE.....	140
<i>Hayk Demoyan</i>	THE ARMENIAN GENOCIDE AND THE EUROPEAN HISTORY AND MEMORY	152
<i>Elena Djakova</i>	JEWS IN WWII ITS NOT ONLY THE HOLOCAUST.....	160
<i>Valery Engel</i>	PRESENTATION XENOPHOBIA, DISCRIMINATION AND AGGRESSIVE NATIONALISM IN EUROPE (January 2014 – June 2015) <i>English version</i>	165
	ПРЕЗЕНТАЦИЯ ДОКЛАДА «ПРОБЛЕМЫ КСЕНОФОБИИ, ДИСКРИМИНАЦИИ И АГРЕССИВНОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ЕВРОПЕ» (январь 2014 – июнь 2015 гг.) <i>Русский текст</i>	185
<i>Benjanim Erusalem</i>	“ECHO OF THE HOLOCAUST” EXPOSITION OF THE MUSEUM “FROM THE HISTORY OF GRODNO JEWS”	207
<i>Ekaterina Gertsman</i>	TEACHING HOLOCAUST HISTORY FOR FOREIGN STUDENTS IN RUSSIA (PROJECT OF THE COURSE).....	210
<i>Maria Gulakova</i>	“THE PECULIARITIES OF TEACHING THE HISTORY OF HOLOCAUST”	218
<i>Shelale Hasanova</i>	THE ARMENIAN GENOCIDE AS A FORERUNNER OF THE HOLOCAUST: THE WESTERN EXPERTS’ VIEW ON THE ISSUE.....	224
<i>Olga Kartashova</i>	THE SOAP MYTH OF THE HOLOCAUST. THE OLD STORY AND THE NEW SPECULATIONS.....	234

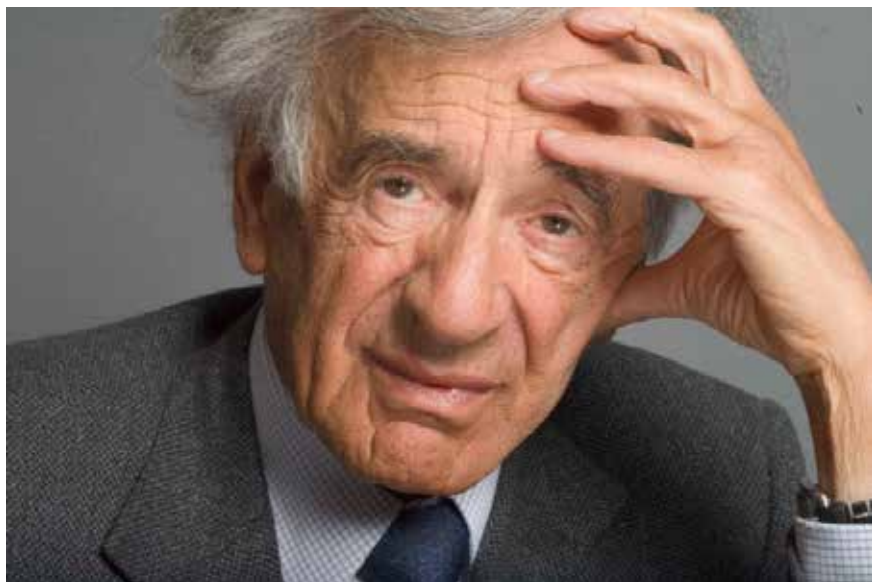
<i>Mikhail Kizilov</i>	THE ROLE OF THE LOCAL COLLABORATORS IN THE MASS MURDER OF THE SOVIET CITIZENS IN SIMFEROPOL IN 1941-1944	244
<i>Boris Kovalev</i>	HOLOCAUST AND COLLABORATION: WHY NEIGHBORS BECAME MURDERERS?	255
<i>Tatjana Ljujic</i>	WILLKOMMEN POLICY IN CONTEXT: EXTREME RIGHT, ANTI-SEMITISM AND ISLAMOPHOBIA	268
<i>Vanja Ljujic</i>	TOLERATING INTOLERANCE: AUTOCHTONE AND ALLOCHTONE RADICALIZATION IN THE NETHERLANDS.	275
<i>Tanya Lvova</i>	FESTIVAL OF THE TOLERANCE – EXPERIENCE OF MASS EDUCATIONAL EVENTS FOR SCHOOL CHILDREN FOR MEMORIALIZATION OF HOLOCAUST... ..	279
<i>Boris Maftsir</i>	FOLLOWING THE TRACES OF UNKNOWN HOLOCAUST (DOCUMENTARY PROJECT ABOUT THE HOLOCAUST ON THE TERRITORY OF EX-SOVIET UNION)	283
<i>Joseph Mendelevich</i>	LOYALTY TO THE LAWS OF TORAH DURING THE HOLOCAUST . . .	289
<i>V. Mesamed</i>	THEME OF THE HOLOCAUST IN ANTI-ISRAELI DISCOURSE OF FOREIGN POLICY OF IRAN	296
<i>Garnik Momjan</i>	HISTORY OF THE JEWISH COMMUNITY OF ARMENIA AND MEMORIALIZATION OF THE HOLOCAUST.	312
<i>Irena Mostowicz</i>	MOBILITY AS A SIGN OF EVERYDAY LIFE IN THE SOVIET UNION ON THE EXAMPLES OF FORCED AND VOLUNTARY MOVEMENT.. .	327
<i>Irina Polyakova</i>	MEMORIALIZATION OF THE HOLOCAUST VICTIMS IN BELARUS. ...	332
<i>Amalya Prtavyan</i>	SPECIFICS OF MEMORIALIZATION OF THE SHOAH AND ARMENIAN GENOCIDE IN OSMAN EMPIRE.	337

<i>Olga Radchenko</i>	RELATIVES AND ACQUAINTANCES OF COLLABORANTS IN ZOTONSCHINA – HOLOCAUST WITNESSES OR PARTNERS IN CRIME?	350
<i>Werner Rechmann</i>	THE WHITE ROSE: RESISTANCE AGAINST THE NAZI REGIME	357
<i>Gregory Reikhman</i>	MUFTI OF JERUSALEM AMIN AL HUSEINI – FATHER OF ARABIC NAZISM	370
<i>G.K Reikhman, L.A Terushkin</i>	RUSSIAN MEDIA ISRAEL ABOUT WORD WAR II AND THE HOLOCAUST. COOPERATION VETERAN’ S ORGANIZATIONS, MUSEUMS AND SPC “ HOLOCAUST?”	383
<i>Joseph Rochko</i>	SAVIOURS, SURVIVORS, THE RESCUE	392
<i>Joseph Rochko</i>	A PORTRAIT OF A COLLABORATOR IN LATGALE	399
<i>Oleksiy Salivon</i>	PRIMO LEVI IN THE CONTEXT OF THE HOLOCAUST COMMEMORATION..	417
<i>Giovanni Savino</i>	“WITHOUT EUROPE? ITALIAN AND FRENCH FAR RIGHT, A COMPARATIVE APPROACH”	428
<i>Akiva Sela</i>	PRESERVING THE MEMORY OF THE HOLOCAUST THROUGH MUSEUMS AND MONUMENTS IN LITHUANIA AND ISRAEL	442
<i>Motti Shalem</i>	THOUGHTS ON THE EDUCATIONAL GOALS OF HOLOCAUST EDUCATION	449
<i>Margalit Shlain</i>	TRANSPORTS FROM THERESIENSTADT TO THE ‘EAST’ – THE RIGA GHETTO – A CASE STUDY	457
<i>Aharon Shneyer</i>	THEY SAVED THE WORLDS. ABOUT THE RIGHTEOUS AMONG THE NATIONS IN LATVIA.....	463

<i>Aharon Shneyer</i>	ON THE WAY TO THE SHOAH IN LATVIA: FROM THE TRADITIONAL ANTISEMITISM TO RASISM 415
<i>Sergey Shoshin</i>	PERSPECTIVES OF USAGE INNOVATIVE TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES IN EDUCATION IN MEMORIALIZATION OF THE HOLOCAUST VICTIMS IN THE ASPECT OF GLOBALIZATION. 473
<i>Mikhail Sigalov</i>	FAMILY ARCHIVE AS THE BASE FOR MUSEUM EXHIBITION ABOUT THE HISTORY OF FATES OF THE JEW DURING THE WWII AND HOLOCAUST. COLLECTION OF FAMILY SIGALOV-KOLPACHKI.. 479
<i>Ilya Tarasov</i>	“RIGHT-WING RADICALISM AND XENOPHOBIC FACTORS OF SOCIAL PRACTICES IN HUNGARY AND SLOVAKIA: A COMPARATIVE ANALYSIS” 483
<i>Leonid Terushkin</i>	“I AM THE ONLY WITNESS WHO SURVIVED.” FRAGMENTS FROM THE FAMILY CORRESPONDENCE 500
<i>Leonid Terushkin</i>	LETTERS FROM NEIGHBORS AND FRIENDS UNKNOWN EVIDENCES OF DEATH AND SALVATION DURING THE HOLOCAUST. RESEARCH IN THE FAMILY ARCHIVES AS AN APPROACH IN MUSEOLOGY AND EDUCATION.. 523
<i>Harrie Teunissen</i>	EAST OF AUSCHWITZ MAPPING THE HOLOCAUST IN EAST CENTRAL EUROPE 536
<i>Vera Tika</i>	MANIFESTATIONS OF CONTEMPORARY ANTISEMITISM IN GREECE. VARIATION AND PERSISTENCE OF STEREOTYPES 545
<i>Neonila Tsiganok</i>	MONUMENTS FOR HOLOCAUST VICTIMS IN OCIPOVICHY NEIBHOORHOOD, IN MOGILEV REGION OF BELORUS 549
<i>Katarzyna du Vall</i>	POLISH LAW AND TOTALITARIAN IDEOLOGIES: THE NEED FOR CHANGE 560
<i>Tamara Viarshytskaya</i>	ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМЫ 563

Tatjana Vukelic
MIGRATION OF ROMA PEOPLE FROM SOUTHEASTERN EUROPE
TO WESTERN EUROPE (PARTICULARLY GERMANY)... .. 570

Maria Vyathcina, Anna Yudkina
BETWEEN “LOYAL ADMINISTRATION” AND
“CONCERNED CITIZENS”: ACTORS OF MEMORIALIZATION
OF HOLOCAUST IN SMOLENSK REGION. 576

Сборник материалов 4 и 5 конференций 2015-2016 годов посвящен памяти профессора Эли Визеля ם"ל
Еврейский юноша, переживший ад и восставший из пепла. Он первый назвал Трагедию словом Холокост, тем самым призывая каждого человека, в каждом поколении, проникнуться памятью так, будто он сам это пережил.

Да будет благословенна его память.

The digest of the materials of the IV and V Conferences 2015-2016 is dedicated to the memory of Professor Eli Wisel ם"ל
A young man who have survived in hell and resurrected from ashes. He was the first one who named the Tragedy Holocaust, invoking all the people in the entire generations feel these sad memories as if they have been there themselves.

Blessed be his memory.

Dr. Joel Rappel

Founder and Director
of Elie Wiesel Archive at Boston
University (2009-2015)

FAREWELL TO ELIE WIESEL

Professor Elie Wiesel ז"ל transmitted the memory of the Holocaust to millions of people around the world. Dr. Joel Rappel established and runs the Eli Wiesel Archive, which includes millions of documents. In this essay, Rappel takes leave of his teacher, who also became a close friend.

If one were to ask Elie Wiesel what he would like to have written on his gravestone, he would have said: “Teacher and Fighter on Behalf of His Nation.” This epitaph summarizes his entire life’s work, from the time of his birth in Sighet, Romania, in 1928 until the day of his death, Shabbat *Parshat Korach* 5776. If one were to continue to probe and ask him how to record the years of his life, he would have asked to do so according to the Jewish calendar: 16 Tishrei 5689-26 Sivan 5776 (Sept. 30, 1928-July 2, 2016).

Elie Wiesel was careful his entire life not to fall prey to the inclination to arrogance, despite the fact that he had a multitude of good reasons to be proud of his accomplishments. But there was one matter about which he never hesitated to demonstrate pride, even in public – in his identity as a Jew and his belief in the Creator of the world. He himself described numerous times how his very difficult experiences during the Holocaust aroused in him many questions and doubts, which caused him to possess what he termed “wounded faith.” But his wounded faith never brought him to negate or abandon it. In fact, the opposite is the case.

Many years ago, I described to Rabbi Yehuda Amital, Wiesel’s good friend, what I had heard from Wiesel on the topic of faith. Rabbi Amital,

who was the head of a yeshiva and a Holocaust survivor, responded, “Eli Wiesel is a true believer. After what he witnessed, he is certainly entitled to ask difficult questions. I did the same.” When I told Wiesel about this conversation, he said, “After the Holocaust, it is impossible not to ask questions about faith.”

The question of faith is one of the underlying themes in Wiesel’s works, and its manifestations in his writings has been the subject of many scholarly studies. In his book *The Town Beyond the Wall*, he wrote: “That entire year, Michael did not cease following after God. Night after night, he stayed away in order to study himself and to hear the voices of the early ones – perhaps they know. I will continue to follow Him to every place in time and in the world. He will not elude my grasp. I will pursue Him, no matter what – whether He wishes it or not. He took my childhood from me, so I am entitled to ask Him what He did with it.”

Elie Wiesel dedicated his life to the preservation of the memory of the six million Jews who were murdered during the Holocaust, weaving that memory into global consciousness so that no similar event can ever take place again.

In April 1944, all of the Jews in Wiesel’s birthplace, Sighet, were taken to Auschwitz. His mother and younger sister, Tzipora, were murdered a short time after their arrival. He and his father worked in slave labor in various sub-camps of Auschwitz until January 1945, when they were taken on a death march to Buchenwald in Germany. His father died there shortly before the American army liberated the camp.

After the war, Wiesel, along with another two-hundred child Holocaust survivors, were brought to a Jewish orphanage in France run by the AZA organization. His two sisters, who also survived, found him there as a result of a picture of him and his friends that was published in a Jewish French newspaper. A number of years later, he began his studies in the Sorbonne, and in 1949 he began his journalistic career. For 22 years, he worked for the Israeli *Yediot Acharonot* newspaper, first as a reporter in France and later in the US. He moved to New York in 1956 and lived in the United States until he died. Wiesel’s journalistic career included work for over ten newspapers. He was invited to write for the Yiddish *Forvartz* newspaper, in which he published over 6,000 articles, and he also wrote for Jewish newspapers in France, England, and South Africa.

In 1971, he retired from journalism, and in 1972 he was appointed professor in the City College of New York. In 1976, he was appointed to the

prestigious humanities department of Boston University, a position that he held for 36 years. Until his death, he was involved in academic teaching

In 1969, Wiesel married Marion Rose and he had one son, Elisha. His grandchildren were the joy of his life.

Literary Works

Wiesel's first book was published in Yiddish in Argentina in 1956 under the name *And the World Remained Silent*. Francois Mauriac convinced him to republish the book in French in 1958 under the name *Night*. Two years later, the book was published in English, and immediately afterwards in Hebrew. Since then, the book has been translated into over thirty languages. It is the most popular book in the world about the Holocaust of European Jewry.

Wiesel published an additional 56 books, only 5 of which deal with the Holocaust. A number of his books are about Judaism and characters from the Bible, Talmud, and Hasidism. Some of these works were compiled in *Wise Men and Their Tales: Portraits of Biblical, Talmudic, and Hasidic Masters*. Wiesel published a number of novels, as well as his autobiography, *All Rivers Run to the Sea*. Other works were not translated into Hebrew, including *Open Heart* and *Hostage*. In addition, Wiesel published scholarly works based on his articles and lectures. The three volume work *Against Silence* is required reading for anyone interested in Wiesel's views.

Over the past forty years, over 100 books have been written about Elie Wiesel. As he told me more than once, "I have not read many of those books, and it seems that I will not read them."

It is worthwhile to compare Wiesel's work with that of other American Jewish writers, such as Saul Bellow (whom Wiesel hired to teach at Boston University) and his good friends Chaim Potok, Leslie Epstein, and Cynthia Ozick. The clear distinction between Wiesel and authors who developed in the American Jewish milieu is that he never viewed himself as guilty. His works do not include self-castigation and he felt no obligation to justify himself to the world around him. Wiesel felt no guilt regarding the accusation that Jews do not do enough to fix society around them. The characters in his books are not guilty Jews, but rather accusing Jews. Judaism was too dear to Wiesel for him to blame it for all evil. In his works, he always emphasized the beauty of Judaism and Jewish life.

The Struggle for Soviet Jewry

Wiesel, who was a Zionist and a supporter of Israel, began his involvement in the struggle for Soviet Jewry already in the 1960s. In one of his articles, he wrote, “More than anything, I wish to be remembered by Jewish history as one who acted on behalf of Soviet Jewry.” I once asked him to explain to me why he saw this struggle as more important than his efforts on behalf of Holocaust remembrance. He responded unequivocally. “The Jews of Europe were physically destroyed by the Nazis. The Russians wished to destroy Soviet Jewry spiritually. Both were bent on destroying us. The Jewish People were unsuccessful in preventing the former. We are obligated to prevent the latter.”

After the publication of his *Jews of Silence*, Wiesel devoted all of his energies to freeing the Jews from behind the Iron Curtain. He told me that there was not one day in the course of 25 years (1965-1990) that he was not somehow involved in the matter of Soviet Jewry for at least an hour a day.

Wiesel applied the lessons that he learned from the Holocaust in his outspoken defense of human rights and his attempts to stop genocide in Uganda, Darfur, South Africa, Cambodia, and among the Indian tribes of Brazil. In 1986, he was awarded the Nobel Peace Prize in recognition of these efforts. The prize committee described Wiesel as “a messenger to humanity who, in his struggle to make peace with his personal experience of utter subjugation as well as his practical work in the advancement of peace, transmitted a powerful message of peace, atonement, and human dignity.”

Elie Wiesel was once described as the most influential Jew in the world in the late 20th and early 21st centuries. World leaders invited him and he spoke around the world. But the man who was constantly busy was, first and foremost, a teacher. “I love to teach,” he told me dozens of times. During his 36 year tenure at Boston University, he never missed a lecture. His students admired and respected him, often attesting that he changed the course of their lives. Letters of his students that are found in the Elie Wiesel Archive speak of a teacher who inspired his students to think deeply and who challenged his disciples as a class and as individuals. The warmth and love that he exuded and the constant smile on his face erased the distance between the Nobel Prize laureate and the good student (usually the excellent student) who sat in his classes.

Wiesel was a master of the written and spoken word. His lectures drew thousands, and sometimes tens of thousands of people. His classroom in

the university was for him an intimate corner in which to conduct rich and fertile conversations. All those who were accepted to his courses anticipated the experience all year. Wiesel insisted on meeting each of his students individually. That half hour to an hour conversation once or twice a year empowered many students as they returned to their homes.

Over the years, 138 educational institutions awarded Elie Wiesel honorary degrees. The number is simply staggering. The United States deeply valued the man who was considered the moral compass of American society. In recognition of his accomplishments, he was awarded the three most important medals in the United States – the Presidential Medal of Freedom, the Congressional Gold Medal, and the Statue of Liberty Medal.

Elie Wiesel is no longer with us. His presence will be missed in many realms. And there is no doubt that no one will write about him the way that he could have written about himself.

**SALUTATORY TO THE PARTICIPANTS
OF CONFERENCE BY THE MINISTER
OF EDUCATION AND SCIENCES OF LATVIA
PROF. DR. KARLIS SHADURSKIS**

**SVEICINĀJUMS KONFERENCES DALĪBNIEKIEM
NO LATVIJAS IZGLĪTĪBAS UN ZINATŅU MINISTRA
PROFESSORA DR. KĀRĻA ŠADURSKA**

Dārgie draugi,

Par Holokaustu vienmēr ir grūti runāt. Un Holokausta tragēdija bija jauno laiku vēsturē bija nepieredzēts un iepriekš neparedzams, un dramatisks cietsirdīgs akts un noziegums pret cilvēci. Tālajos viduslaikos un arī pirms tiem pasaules vēsturē tā bija tradīcija, ka kara apstākļos tika pieredzēta veselu tautu un civiliedzīvotāju iznīcināšana, bet nekad, neviens 20 – tajā gadsimtā nevarēja iedomāties, ka varētu notikt kaut kas līdzīgs.

Pēc tam kad nacionāl-sociālistiskā vācu strādnieku partija ieguva politisku varu Vācijā un sākās represijas pret ebrejiem, neviens pat visbriesmīgākajā murgā nevarēja iedomāties, par kādu humāno katastrofu izvērtīsies nacistu antisemitisma ideoloģija. Vācijas impērijas vadība saprata, ka 20 – tā gadsimta vidū pie tā laika tautas izglītības līmeņa un humānis-

ma ideju iesakņotības vācu sabiedrības apziņā, nav iespējams gūt tautas atbalstu visdrausmīgākajam tautas genocīdam pasaules vēsturē. Tādēļ nacistiskās propagandas mašīna radīja mītu par antisemitisma vilni nacistu okupētajās teritorijās. Nacisma propaganda, ko pat pēc nacisma sagrāves, mainot tikai dažus akcentus, turpināja padomju propaganda piecdesmit gadu garumā, vēstīja par antisemitisma izpausmēm un noziegumiem pret cilvēci nacistu okupētajās teritorijās un šie fakti bija drausmīgā patiesība, taču nacistu virsvadība un komandķēde, ka sekoja no reihsfirera Himlera pavēlēm, bieži tika noklusēta, kas radīja nepareizu priekšstatu par šiem noziegumiem pret cilvēci.

Tomēr patiesība, agri vai vēlū parādās dienas gaismā, un pasaules sabiedrība ierauga 20 – to gadsimta visdrausmīgākos tautu slepkavas. Pirmkārt, Vladimīru Ļeņinu – nozieguma pret cilvēci ideologu un realizētāju, koncentrācijas nometņu un okupēto, un apspiesto tautu masu slepkavību idejas autoru un viņa skolniekus – Josifu Staļinu – septiņu miljonu Ukrainas golodomora vaininieku un desmitiem miljonu citu krievu, un citu padomju okupēto tautu cilvēku slepkavu. Un Ādolfu Hitleru – miljoniem ebreju cilvēku Holokausta upuru slepkavu. Ebreju tauta Latvijā ir pieredzējusi grūtos laikus sākot no padomju okupācijas, kas 41. gada 14. jūnijā padomju deportācijā procentuāli vislielākais deportēto skaits Latvijā bija tieši ebreji. Turpinoties nacistu okupācijai, milzīgs daudzums ebreju, kas glābās no reiha okupētās teritorijās saskaņā ar slepeno 38. gada gestapo – KGB līgumu, tika nodoti nacistu okupācijas varai, noslepkavošanai reiha koncentrācijas nometnēs. Nevar nepieminēt Rīgas geto iznīcinātos ebrejus, kas tika noslepkavoti, lai nacistu vadība varētu atbrīvotajā telpā izvietot no citām Eiropas valstīm deportētos ebrejus, kuri vēlāk nonāca Rietumeiropas nāves nometnēs un turpināja savus sāpju ceļus.

Mēs nedrīkstam aizmirst, ka kopš Otrā pasaules kara beigām ir nākušas jaunas paaudzes, kuras nezina, kas ir karš, kuras nezina, kas ir kara ciešanas. Mums ir jārūnā par vēsturi, lai ikviens Latvijas skolēns zinātu, ko nozīmē karš, etnocīds, noziegumi pret cilvēci un Holokausts. Izglītības un zinātnes ministrija sadarbībā ar Starptautiskās Holokausta piemiņas aliansi un Izraēlas vēstniecību Latvijā ik gadu rīko pedagogu profesionālās kompetences pilnveides kursus Holokausta izglītībā, antisemitisma un diskriminācijas jautājumos, kas norisinās Jeruzalemē sadarbībā *Memorial Delašoāš* Izglītības un zinātnes ministrija pagājušgad organizēja kursus Latvijas pedagogiem “Holokausta vēsturiskā pieeja”. Savukārt šogad, sadarbībā ar partneriem, ministrija rīkos starptautisku semināru par Ho-

lokausta izglītību, piemiņu un pētniecību Latvijas, Igaunijas un Lietuvas pedagogiem.

Godātie kolēģi, šī sadarbība mums ir ārkārtīgi nepieciešama un mēs esam ļoti pateicīgi mūsu partneriem gan Izraēlā, gan Vācijā, gan Francijā, gan citās zemēs par to metodisko atbalstu, ko mēs saņemam un par to lielisko sadarbību, kas notiek mūsu pedagogiem, jo tas ir mūsu šīs paauzdes pienākums stāstīt bērniem, jauniešiem, rādīt arī pasaules cietsirdīgo un necilvēcīgo seju, jo tas stiprina mūsu vērtību apziņu un tas dod mums pārlicību, ka nekad vairs...

Godātie kolēģi, es vēlu ļoti sekmīgu konferences darbu, vēlu gūt labas un jaunas atziņas savam tālākajam darba cēlienam. Paldies.

Prof. Zehavit Gross

Chairholder of Unesco Chair for Values Education, Tolerance and Peace and the Sal Van Gelder Center for Holocaust Research and instruction School of Education, Bar- Ilan University

HOLOCAUST EDUCATION FROM A GLOBAL POINT OF VIEW- AN INTERNATIONAL PERSPECTIVE

Prof. Zehavit Gross is the head of graduate program of Management and Development in Informal Education Systems in the School of Education, Bar-Ilan University, Israel. She holds the position of UNESCO Chair in Education for Human Values, Tolerance Democracy and Peace and is the head of the Sal Van Gelder Center for Holocaust Instruction & Research, Faculty of Social Sciences, School of Education Bar Ilan University. Her main areas of specialisation are civic education, peace education, and interfaith and religious education. Her research focuses mainly on socialisation processes (religious, secular, feminine and civic) among adolescents. She is currently involved in four international research projects and is an honorary research associate at the University of Sydney (NSW). Her book together with Doyle Stevick, entitled *As the Witnesses Fall Silent: 21st Century Holocaust Education in Curriculum, Policy and Practice*, was published recently (2015) by Springer and was sponsored by UNESCO. Her book with Lynn Davies, is entitled *The Contested Role of Education in Conflict and Fragility*, and was also published in 2015 by Sense Publishing. She is the recipient of the 2016 Ursula Thrush Peace Seed Award of the American Montessori Society (AMS) and a research grant for the years 2016-2018 from The Harry S. Truman Research Institute for the Advancement of Peace in the Hebrew University in Jerusalem

Over the past two decades, awareness of the Holocaust has become a new form of collective cultural remembrance, which researchers refer to as global commemoration. While the events tend to fade with time, remembrance of the Holocaust is intensifying, and constantly obtains multifaceted expressions in literature, art, and in education systems across the world. The resolution taken in 1998 to establish an international task force for Holocaust education (known as The Task Force for International Cooperation on Holocaust Education, Remembrance, and Research) to teach about the Holocaust, and UN Resolution A/RES/60/7 designating January 27 'as an annual International Day of Commemoration in memory of the victims of the Holocaust', have powerfully contributed to boosting awareness of the Holocaust globally. They have also been instrumental in spurring many nations to apply practical steps to commemorate it, via both formal and non-formal education systems. Research into teaching about the Holocaust has gradually become an integral part of researching globalization's impact on education systems (Levy & Sznajder, 2002) .

The Holocaust as a singular event

Holocaust Education is considered one of the main foundation of anti-racist education. The brutal murder of over hundred innocent Norwegian teens at a summer youth camp in July 2011 by a single rightwing fanatic shows that the world has not learned the lessons of the Holocaust.

After the murder in one of the internet website it was written: "There's not really much one can say; there's a limit to what mere words can express ... however many times this is commented on, debated, condemned, analysed, it will still hover around the edges of "incomprehensible." The killer looks like, well, ... normal, even ordinary: "the banality of evil." The fact that the murderer looks normal and ordinary means that there is a need for educational intervention. This sentence shows that the world is still threatened and that Europe is still under siege and that the possibility of mass murder by so-called normal and ordinary people can still occur. Yet, although this is a brutal, horrendous and monstrous deed it is not a Holocaust – namely what the Nazi regime called "the final solution" for the systematic, well planned, mass murder of a whole race of innocent people as a rational outcome of Hitler's racist ideology. This premise is still singular and unique to what is called in the literature "Holocaust".

The word "holocaust" comes from the Greek *holokauston*, a translation of the Hebrew words *korban olah*, and means a burnt sacrifice offered

whole to God (*Encyclopedia Britannica*, 2009). The Holocaust refers to the systematic murder of six million Jews by the Nazis and their collaborators between 1941 and 1945. Several other terms are used in this connection as well: destruction (*hurban* in Hebrew and Yiddish), *Shoah* (the Hebrew word for catastrophe), and genocide. The use of the term *Shoah* emphasizes the unique nature of the Holocaust. The use of the term “genocide” lumps the Holocaust together with other mass killings that fit the same criteria, which makes it comparable to other murderous events.

One of the main problems of Holocaust education is the singularity of the catastrophe (Gross, 2013). The Holocaust was massive in scale, enormously complex, extreme and unprecedented in its horrors, and verged on incomprehensibility in the evil of its totality and of its myriad constituent events. On the one hand, it is beyond human capacity to comprehend the horror of the systemization of mass murder, yet from an educational point of view one cannot allow it to be perceived as the work of beasts, as it was carried out by real normative human beings and led by a democratically elected leader. Zygmunt Bauman (1989) argues that the Holocaust was a product of modernization. The systemization of murder was an integral part of a conscious rational decision that characterized modernization; hence it could have happened only in Europe and only as a direct result of modern thought. Bauman explains that the Holocaust was a product of a European bureaucratic culture that embraced decisions based on considerations of functional efficiency and procedural rationality rather than morality. Owing to the instrumental rationality that was typical of European modernity, the Nazis were able to ignore the ethical consequences of their actions. Following Bauman, Levy & Sznajder (2002, p. 88) argue that “the mass murder of European Jews by the Nazis is not considered a German-Jewish tragedy but rather a tragedy of reason or of modernity itself.” This concept has the potential for constructing a trans-national memory, which in the long run might become the foundation of global human-rights politics.

Teaching Holocaust Education in a context

The challenges of teaching about the Holocaust would be substantial enough had it occurred in an historical vacuum, disconnected in time and place from contemporary societies, absent from the world geopolitics (Gross & Stevick, 2010). But of course, it did not. Today, the teaching of the Holocaust is bound up with the histories of the societies in which it is taught; with questions of global politics and power, of religious and ideological perspectives, of guilt, responsibility, and victimhood; with national

narratives of heroism and suffering, and of identity itself. The understanding as well as the meanings and the sense of relevance of the Holocaust in different parts of the world have shifted over time. The countries in which so much of the killing took place are experiencing some of the most important developments in the area of Holocaust education today.

Since the rise of nation-states in Europe after the French revolution, public education has been controlled by the state and was a primary instrument for fostering and disseminating nationalist ideologies. At a time when many societies are more diverse than ever before, legitimate concerns about nationalism and xenophobia underscore the importance of an inquiry into whether knowledge of the Holocaust helps to develop mutual understanding and respect.

While Holocaust instruction is broadening in non-Jewish secondary schools in democratic countries around the world, a simultaneous wave of anti-Semitism and racism is being observed among the students who are learning about the Holocaust. The introduction of Holocaust education in the classrooms lead many times to massive anti-semitic reactions from students. This does not mean the dimensions of Holocaust education should be reduced. On the contrary, we need a much wider educational effort aimed at all age groups and population strata and cultivate all over the world a culture of remembrance.

Researching Holocaust education all over the world

Recently I was invited together with Doyle Stevick from the university of South Carolina by UNESCO to edit two special issues on Holocaust Education entitled: 'Policies and Practices of Holocaust Education: International Perspectives'

Researchers from ten countries, including Germany, Austria, Switzerland, Estonia, Scotland, Australia, USA, Canada, Poland and Israel, participated in the project. The purpose of the study was to analyze major issues in the context of Holocaust instruction in public schools in a number of countries around the world.

Because Holocaust education is highly politicized, we do not have much sober empirical research about the actual policies and practices of Holocaust education around the world. This unique project seeks to provide a solid international empirical basis for discussions of Holocaust education and explore the actual policies and practices of Holocaust education in countries and classrooms around the world.

As was mentioned before the United Nations resolution 60/7 designated

27 January as an annual International Day of Commemoration in memory of the victims of the Holocaust and Urges Member States to develop educational programs that will inculcate future generations with the lessons of the Holocaust in order to help to prevent future acts of genocide. These two goals deserve an international study to investigate how the different countries implement this resolution and will be presented below . Here after I will present the findings only from schools in specific countries where while teaching holocaust education are confronted with antisemitic reaction or different forms of Holocaust denial.

Holocaust Education and antisemitism- an international perspective Germany

The findings of this international project reveal that in Germany Holocaust education constitutes an important issue for the establishment and official curriculum, yet teachers encounter anti-Semitic and racist expressions from their students during class, expressions which emanate from prejudice learned at home. The researchers argues that one of the main challenges at the classroom is to overcome the diverse pre-existing knowledge and understandings on the nazi period , prejudice and stereotypes that students bring to the classroom from their homes provided by grandparents or parents and the need to cope with its impact upon the educational process at school and upon the group of students in the classroom as a whole. Reinhold Boschki, Bettina Reichmann and Wilhelm Schwendemann provide a useful overview of education after and about Auschwitz in Germany. As the survivor and perpetrator generations pass away, and increasingly the third generation after Auschwitz teaches the fourth, the course of Holocaust education continues to unfold. Issues of the Holocaust are relevant not only in school classes, but also in memorial days and sites, adult education programs, religious education, and the media more broadly. The authors explore the situation and relevance of each of these domains. They also explore the relationship of Holocaust research and education, and recognize the demographic changes in Germany and their relevance to issues of Holocaust education. They find, strikingly, that fragments of Nazi ideology remain, and that Germany must grapple with an apparently growing right-wing extremist movement. The main problem of the teacher in Germany is how to treat National Socialism and it's crimes as curriculum topics in a way that would combat racism and anti-Semitism. Teaching about National Socialism is an obligatory part of german school

curricula and a core issue in the study of history of Germany that cannot be ignored. How can the teacher not only transmit information but convey an ultimate criticism about this period and about his nation's history and foundations. Boschki et al argue that the influence of the Nazi reign still exists in many parts of Germany "even after the Nazi reign of terror ended, large sections of the population were left in an emotional state similar to the withdrawal symptoms as addict experiences. Indeed the taboos surrounding Nazi ideology give it an almost magical attraction... (p.142)

Moreover the researcher found that "Fragments of Nazi ideology still appear to be present in the German society" p. 144 and therefore a systematic holocaust education which is rooted on antiracist principles is needed.

Wolfgang Meseth and Matthias Proske document the case of a German teacher berating the children in his room for statements whose problematic nature they have not yet been brought to understand. The incident evokes shame and stigma, and the reader expects the students to be silent on these issues thereafter, stung by rebuke rather than invited to self-reflection or led to more profound understanding. One would not be surprised if subsequent research in that classroom documented a damaged relationship between students and teacher that subverted educational goals for the rest of the year, or if the students' orientation towards schooling shifted as a result.

Such failures must not be reason for inaction; indeed, it is important to distinguish between failures that result in significant damage and the failures that are inevitable bumps in developing and expanding a new realm of learning. Still, they require us to take great care in preparing and implementing programmes. And learning about the Holocaust, an intellectually and emotionally challenging undertaking, is among the most powerful tools available in schools.

Wolfgang Meseth and Matthias Proske analyze how the organizational framework of instruction in Germany shapes the treatment of National Socialism as a topic and gives it a specific pedagogical form; it gives rise to a tension between the need to provide an adequate representation of National Socialism's crimes and to fulfill the goals of moral education. This dilemma is illustrated across four cases, each of which demonstrates the challenges that can arise—and how they are handled in the classroom—from the moral implications of certain teaching materials, such as an interview with a contemporary witness, an excerpt from Hitler's *Mein Kampf*, and a

documentary on Hitler's seizure of power. The authors draw attention to the paradox of how to develop autonomous judgment while directing the moral outcomes to be achieved, a difficult line to navigate in the frequent over-moralization and under-moralization of German Holocaust education in practice.

In Austria, where the Holocaust was once taught as an "accident of history", there has been a turnaround in recent years whereby the nation has admitted and taken responsibility for its role in the annihilation of Jews during the Holocaust. In Austria, as well, students express anti-Semitic sentiments in the classroom.

. Heribert Bastel, Christian Matzka, and Helene Miklas analyze Holocaust education in Austria, tackling the ambivalence, complexity, and sensitivities involved within this issue. The authors point to the lack of serious research concerning memorials in Austria as compared with Germany, especially because of the anti-Semitism and Nazi background of Austria.

The authors start their article with some examples where students who visited a concentration camp staged a performance imitating the Hitler salute or students who visited Auschwitz-Birkenau memorial while using "anti semitic and holocaust denial attitudes"

The authors explain how difficult it is to teach and visit with students the Heldenplatz in Vienna which "was and still is the basis of Austrian identification and national confidence" (p. 58). In 15 March 1938 Adolf Hitler proclaimed the Anschluss (annexation) of Austria into the German Third Reich. While transports went to the concentration camps 250,000 Austrian people cheered Hitler who stood on the balcony addressing his well known speech. The *Anschluss* was a crucial moment in the development of Hitler's agenda and power as it was the first step to create a unified empire. This powerful moment inspired artists and was the basis of major works of literature (e.g. Thomas Bernhard's play: *Heldenplatz* and a poem by Ernst Jandl named *wien: heldenplatz.*) as it was the first major steps in Adolf Hitler's implementation of his plan to create an empire including German-speaking lands. This place is used until now to commemorate national events like the day of the national army on October 26. This horrendous event is intertwined in the collective and cultural memory of Austrian history and historiography. It symbolizes German-Austrian nationalism, hatred and xenophobia. How can a teacher cope with those contesting memories? With his duty to educate to anti-racist education and his natural inclination to express pride to his national history? Can he ignore this part

in the history? How can he cope with this ambivalence? Teachers have to cope with the current fear from strangers and different forms of populism “ which are rooted in the mostly unspoken collective consciousness. The Holocaust was perceived in Austria as a historical accident and practically didn't play a meaningful role in the educational curriculum up to the 90's. In 1991 Chancellor Franz Vranitzky has mentioned “the moral co-responsibility of Austrians in Nazi war crimes and in 1993 he officially asked forgiveness from the victims of Austrian perpetrators. Since then a huge amount of educational initiatives on Holocaust education have been established while combating stereotypes, prejudice, racism and antisemitic reactions and behaviours (p.66) among the Austrian pupils (e.g. the Jews killed Jesus etc.).

Poland

In Poland, 90% of the teachers believe that the integration of Holocaust studies into the curriculum is a factor in shaping moral sensitivity, tolerance, and understanding of human rights among the students. Teachers and students feel deep solidarity with the victims, because they see themselves as the main victims of World War II. The memorial sites in Treblinka, Auschwitz-Birkenau, Majdanek etc. play a major factor in enhancing Holocaust remembrance. Although there is a tendency to demythologize Polish-Jewish relations as a nation the Poles still keep a social distance from Jews. (p. 122). Though at the beginning the Holocaust was perceived as a crime against the Polish nation gradually and especially under the influence of Jan Gross' publications Polish students were ready to acknowledge the singularity of the Holocaust as “a unique act of barbarism against the Jews. (p. 123).

Bogusław Milerski attempts to reconstruct the historical and political context of Holocaust education, as well as the practical forms in which it is implemented in schools in Poland. The analysis provides us with a changing perception of the Holocaust influenced by the social and political situation in Poland. The article presents the transformation of the perceptions of the Holocaust in school education, starting with its conceptualization as one of many elements of the war crimes against the inhabitants of Poland as a whole, to an understanding of it as a singular phenomenon: the unparalleled mass extermination of the Jewish nation. Then, from the perspective of this change, he analyzes Holocaust education, and its status in the curriculum and in teaching practice. Bogusław Milerski who reports on a recent survey he conducted among teachers who teach in 150 schools in central Poland. Teachers perceive Holocaust education as an important subject

51% of the teachers investigated said that the number of hours spent on teaching about the holocaust was adequate and relevant whereas 49% said it is not sufficient. (p. 127) . Most of the participants (90%) indicated that holocaust education is very relevant for forming moral sensitivity, tolerance (85%) and the understanding of human rights and the rights of minorities (86%). The Holocaust was not perceived as a historical event but rather as an event that has actual significance to the present and future. Holocaust education is perceived as a core issue in fostering social awareness.

Switzerland

In Switzerland, Holocaust education was long avoided. In recent years, however, Switzerland has joined the trend of teaching the Holocaust, which is studied as part of human rights education. This approach allows Switzerland to continue to be neutral and to clear her conscience that she is engaged in Holocaust instruction. The attempt to teach holocaust education as human rights education makes holocaust education obscure and neutral.

Which is a general trend to globalize Holocaust education, to link this particular genocide to a universal story of human victimization and the struggle to overcome it. This can be important, because it has the potential to increase the breadth and depth of Holocaust scholarship. Gross & Stevick, 2010) . But removing the Holocaust from its historical context and placing it into the more abstract discourse on human rights may also limit its pedagogical and political value. While it conveys the Holocaust as an atrocity, it depersonalizes the perpetrators and obscures the specific circumstances in which genocide occurred in the past and occurs in the present. Education about the Holocaust should not avoid the uncomfortable truths that pervade the period. The human repertoire is vast, and no one is immune to the myriad forces that turned people into perpetrators, victims, bystanders, heroes—and, however improbable it might seem—players of different roles in different circumstances and at different times. Situating Holocaust education only within the context human rights education where the holocaust serves as an illustration of human rights violation can be perceived as a form of a “ soft holocaust denial. Monique Eckmann from Switzerland explores the relationship between Holocaust education and human rights education. Her experiences and research contribute a great deal to our understanding of the key challenges in Holocaust education, including the importance of distinguishing between history and memory without setting them at odds, and the danger posed by easy moralizing before students have developed adequate historical knowledge and

understanding. She notes three approaches to human rights education in which Holocaust education can play a role: education about human rights, education for human rights, and education within the framework of human rights. An important finding from her work in Switzerland is that—except during the 60th anniversary of the liberation of Auschwitz, when the Holocaust received extensive media coverage—there have not been signs of ‘burnout’ or significant resistance to Holocaust education, which is in striking contrast to the situation in Germany.

Thomas Schlag and Oliver Wäckerlig explore Holocaust education in Swiss schools in relation to human rights education. They examine contemporary political and educational frameworks and connect these issues to education for democratic citizenship. Historically, the Holocaust received little attention in Swiss schools, though this has been changing, with the subject integrated into different subject areas. This article focuses particularly on the role of religious education in Holocaust education, within the context of human rights education. In this capacity the main question is : What are the religious and theological motives behind anti-Semitism and what were the roles of the churches or aspects of religiously motivated resistance? (p. 233) The religious background is investigated to examine the possible influence that religious attitudes have on questions of human rights and the importance of religious self-understanding and collective identity for a culture of remembrance. (ibid). The authors argue that the principles underlying a religious democratic citizenship education need to be kept in mind, and that this task is essential because of Switzerland’s identity as a European society that must contribute to a more peaceful Europe. The authors argue: “ even if the Swiss people might not have been actively involved in activities of World War II and the cruelties of the Holocaust , they must face the question of their own responsibility for the past and for a more peaceful European future. The acknowledgement of “ the dark side of European history” is considered to be an important foundation in order to “ enhance sensitivity to the violations of “the other” in current politics and to acquire greater competence to bring democratic citizenship to real life” (p. 234-235).

Estonia

Doyle Stevick applies a socio-cultural analysis to Estonia’s Holocaust Day policy, a day both of commemoration for victims of the Holocaust and other crimes against humanity, and of education about the Holocaust. It investigates the multi-level development of the policy in light of exter-

nal pressure (from foreign advocates and transnational groups including NATO and the Council of Europe) and the ways in which policy as normative discourse was constructed and its meanings negotiated between international sources, the national government, and educators. It draws attention to the multifaceted nature of discourse in a post-authoritarian context in which the disparities of power between people at different policy levels (international, national, school) are quite large. Stevick argues that “in an era of globalization and transnational governing entities such as European Union, when power shifts to varying degrees beyond the boundaries of the state itself, the normative cultural power shifts to varying degrees beyond the boundaries of the state itself, the contexts, policy as an act of power may simultaneously contest meanings internationally while conveying different normative messages nationally and locally. (p. 241).

In Estonia, Holocaust remembrance is taught around International Holocaust Remembrance Day, and the education system binds and identifies Stalinism and Nazism as equally cruel and totalitarian regimes. Creating this equality dwarfs instruction of the Holocaust. A movement has grown there, linked to the Prague Declaration and prevalent in the Baltic states, that uses the Holocaust as a template for teaching about the crimes of communism, often implying equivalency between Nazi and Soviet crimes, and in this way obfuscating, if not explicitly denying, the Holocaust (Katz 2009). In Lithuania, these efforts have gone to the extreme of persecuting Holocaust survivors as Soviet war criminals. It would be easy to dismiss all such advocates as ill-intentioned anti-Semites and Holocaust deniers/obfuscators. Many are. But they represent a wide range of people in the region and in the Baltic states in particular, and Stevick argues it would be a mistake to dismiss them as a homogenous bloc. Stevick argues that the “ongoing struggle over meaning will continue to have profound implications for policies regarding Holocaust commemoration and education across Europe” p. 253

Generally speaking, there are indeed a great number of critical failures that can accompany Holocaust education (Gross & Stevick, 2010). It is easy to lapse into overly simple moral narratives of good and evil when these extremes—particularly the latter—are so amply documented through the Holocaust. The broad use of categories like “Germans” and “European Jews” can reify the categorization of people that was so catastrophically destructive in the first place.

Even the common division of people into “victims, perpetrators and by-

standers” can lead students to infer that everyone in Europe during World War II fell into one of these categories, fully aware of what was taking place, a natural if misleading conclusion from the language that educators are apt to use.

Australia

In Australia, Holocaust instruction is seen as a means for teaching against racism and anti-Semitism. The researchers found serious incidences of anti-Semitism in the classroom during study of the Holocaust. In public schools some of the students are Muslims, who express anti-Semitic and anti-Israeli sentiments, and use severe verbal violence positions against teachers and students.

Suzanne Rutland examines the beliefs of Muslim school children towards Jews in Sydney and then discusses the efforts made to use Holocaust education to combat racist beliefs and hate language. An alternative approach in attempting to change negative attitudes is illustrating the common values in the Abrahamic faiths. Rutland analyzes the advantages and disadvantages of using the Holocaust in educational school programmes to counter anti-Jewish feelings amongst Muslim children and suggests that such programmes should be compulsory.

Knowledge and understanding about the Holocaust in some Muslim communities can be limited or problematic, particularly in those who feel antipathy towards the state of Israel or who hold strong views about the circumstances and conditions of the Palestinian people (see, for example, Gur-Ze'ev 2000). Interesting and important work has been conducted in the area of Holocaust education for Muslim students and communities in Western countries. Short (2009) explores the experience of teaching the Holocaust to Muslim students in the UK. In the same journal, Tine Brøndum (2009) discusses the situation in Bosnia, which wrestles with its own issues of genocide and divisions between Croats, Serbs, and Bosniacs. Some of the highest quality research on Holocaust education among Muslims comes from Israel itself. Shoham, Shiloah and Kalisman (2003), for example, studied how Arab teachers in Israel learn about the Holocaust (though of course, not all Arabs are Muslims).

Suzanne Rutland’ work in Australia confronts the powerful anti-Semitic stereotypes that exist within some of Australia’s Muslim communities. Her experience shows that “Holocaust education can provide and facilitate more positive inter-faith and inter-ethnic relations”.(P. 89). She found in her research that during Holocaust education Muslim students express

appreciation for Hitler and the Nazi movement. In the interviews she has conducted with teachers they said that the students drew swastikas on the desks and had posters of Hitler. They also made statements in class such as “Hitler did the right thing” and “Hitler did not go far enough”. One of the teachers said that one of the students said: “Sir why do you all teachers hate Hitler? After all, he only killed Jews. One of the students said: “My brother told me that the Zionist paid Hitler to kill a lot of Jews so that they would get to Israel” They also accuse Jews of bringing down the Twin Towers in New York on September 11, 2001, on the grounds that no Jew was among those killed in the Twin Towers “Why is it that no Jews were killed in September 11 Obviously they (the Jews) did it” (p. 81).

Inattention to the context and beliefs of these communities could lead to counterproductive Holocaust education, but Rutland documents an innovative approach that seeks to reduce prejudice towards Jews in Australia’s Muslim communities by stressing the common Abrahamic origins of both faiths. This approach should be further investigated. If it is shown to succeed in the long term, it may set the stage for productive Holocaust education within those communities.

The need for a transformational change

The anti-Semitic waves in the schools all over the world need a transformational change within the classrooms. The focus of transformational change in citizenship education (Gross, 2013) is to create a powerful vision and a deep-seated reshaping of the mindset, values, and behaviour of professional and lay leaders about how citizenship education functions and how it relates to lifelong learning. Transformation only occurs if a new reality is created for the substantive issues, along with stakeholder engagement (Bidol Padva 2008, p. 473). Processes of transformative change must respond to emerging challenges and opportunities with carefully thought-out course corrections for both the goals of action and steps for implementation. Thus, initiatives for such change must address three factors: the substantive areas to be changed (e.g. curriculum); the people themselves (mindset, behaviours, cultural changes required to achieve the desired substantive changes); and the processes (actions used to plan, design, and implement a set of concepts and approaches that mobilize communities) (Bidol Padva 2008, p. 474).

Fostering Culture of Remembrance

A transformational change can be achieved through a systematic cultivation of culture of remembrance. Holocaust education can be consistent

with and complementary to the development of a culture of remembrance, which engages with the past and fosters a commitment to a better future (Gross 2008). Remembrance isn't a static picture of the past; it's also a dynamic task for the future, which poses major challenges for the entire civilized world. The notion of a culture of remembrance is inspired by the UN definition of a culture of peace. The United Nations (1998, 1999) defined a culture of peace as a set of values, attitudes, modes of behaviour, and ways of life that reject violence and prevent conflicts by tackling their root causes in order to solve problems through dialogue and negotiation among individuals, groups and nations. A culture of remembrance is a hermeneutic process that involves continual adaptation, criticism and reflection (Gross, 2012b).

Kluckhohn (1951, p. 86) argues that while "culture consists of patterned ways of thinking, feeling and reacting, acquired and transmitted mainly by symbols, constituting the distinctive achievement of human groups, including their embodiment in artifacts, the essential core of culture consists of traditional (i.e. historically derived and selected) ideas and especially their attached values". Hofstede (1991, p. 5) has enlarged the scope of this definition to adapt it to different settings and contexts. Hence he perceives culture as "the collective programming of the mind that distinguishes the members of one group or category of people from another". This conception implies that culture is a multi-layered entity that is contextually bound.

A culture of remembrance means that victims, perpetrators and the entire world will always remember what happened in the Holocaust. This remembrance has different facets and consists of contesting memories in the Foucauldian tradition. Thus, the extent to which remembrance becomes visible stems from discourses of power/knowledge (Foucault 1980, 1982) in which social agents and educators in particular must participate. Human beings are obliged to remember both the brutal aggression of Nazi actions and the attempt of Jews to sanctify life even during abnormal and horrendous moments. Thus, though the subject is surrounded by a culture of remembrance, we refer to cultures of remembrance. This culture can be manifested and interpreted and presented differently in different contexts, but the point is to embrace the responsibility and commitment to enhance remembrance so that the mistakes of the past will be neither forgotten nor repeated.

Remembrance is a multifaceted process; it seeks to undermine racist education. To develop a culture of remembrance, a society must actively strive for positive values, and promote knowledge, attitudes, and skills con-

ducive to mutual understanding and to an active commitment to a cooperative and caring democratic society. The culture of remembrance requires vitality: the capacity to revive essential, generative elements of culture that have been lost in moments of destruction, bringing together the members of the group to renew their interest in, and adherence to, the central themes of their communal identity. Thus, a main goal of a vital culture of remembrance is not just to focus on the past, but rather to provide a vision for the present and the future. This kind of culture has the potential to reinforce, extend, and further the aims of antiracist education.

The Holocaust may serve as a vital memory for the entire world (Gross, 2012 A) . It cannot be seen as a unique historical issue that relates to a specific nation but rather as a moral threat to liberal values and human rights that was committed by apparently “civilized people”. Hence, it is important to study both the ideology and the actual actions of the ordinary people who participated willingly (Goldhagen 1996), while benefiting economically and socially from this atrocity (Aly 2009). An important element is to uncover the mechanisms that brought the Nazi regime to power (Paxton 2004). While the Nazi regime influenced the masses, it did not come to power after a putsch; on the contrary, it worked through the electoral system even as it sought to undermine the liberal democratic premises of the system that it manipulated to obtain power in the first place. Hence, an important goal for educators is to uncover the sophisticated mechanism that brought the Nazi regime to power and made this catastrophe possible, and to understand what caused democracy to fail.

Paxton (2004) believes that the rise of fascism and Nazism was facilitated by weak democracies. Formulating a five-stage life cycle of fascism, from its birth in “mobilizing passions” provoked by World War I, to its destructiveness when in power, his main conclusion is that fascism is possible when there is a threat to security or prosperity, and when enough people fear that the democratic institutions are not strong enough to cope with the threat. According to Joseph Dan (2009, pp. 137-38), some have attempted to show Nazism as a phenomenon that mainly stems from illiteracy and the unruliness of the masses and to ignore the crystallized intellectual background of the ideologists who brought Nazism to the world. This is reflected in the historical narrative that centers on the personality of the leader and the power of the state he leads (p. 141).

Holocaust education is not only rooted in history, but linked profoundly to issues of citizenship. Civic education relates to the transmission

of universalistic and democratic values such as understanding, equality, and freedom, along with particularistic national values (Ichilov 2003). Citizenship education can be divided conceptually into three distinct strands: moral and social responsibility, community involvement, and political literacy (Deakin Crick 2008). As a part of compulsory education, it supports the acquisition and development of key concepts, values and dispositions, skills and aptitudes, and knowledge and understanding. Skills relate to cognitive and social learning processes, while values and dispositions relate to moral concerns.

Since the rise of nation-states in Europe after the French revolution, public education has been controlled by the state and was a primary instrument for fostering and disseminating nationalist ideologies. At a time when many societies are more diverse than ever before, legitimate concerns about nationalism and xenophobia underscore the importance of an inquiry into whether knowledge of the Holocaust helps to develop mutual understanding and respect. Fostering a culture of remembrance is the challenge of civic education, global citizenship education and holocaust education.

References

- Aly, G. (2009) *Hitler's Beneficiaries: Plunder, Racial War, and the Nazi Welfare State*. New York: Macmillan.
- Bauman, Z. (1989) *Holocaust and Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Bar-Tal, D., & Teichman, Y. (2005) *Stereotypes and Prejudice in Conflict: Representations of Arabs in Israeli Jewish Society*. New York: Cambridge University Press.
- Bastel, H., Matzka, C. & Miklas, H. (2010) Holocaust education in Austria: A (hi)story of complexity and ambivalence. *Prospects*, 40, 1: 57–74.
- Bauer, Y. (2010) Understanding the Holocaust: some problems for educators. *Prospects*, 40, 2: 183–188.
- Bidol Padva, P. (2008) Informed and passionate dialogue: Transformative community change initiatives. In P. A. Flexner, R. L. Goodman & L. D. Bloomberg (eds.), *What We Now Know about Jewish Education: Perspectives on Research for Practice* (pp. 471-486). Los Angeles, CA: Torah Aura Publications.
- Boschki, R., Reichmann, B. & Schwendemann, W. (2010) Education after and about Auschwitz in Germany: Towards a theory of remembrance in the European context. *Prospects*, 40, 1: 133–152.

- Brøndum, T. (2009) Education after genocide: The case of Bosnia. *Canadian Diversity*, 7, 2: 101–106.
- Dan, J. (2009) *Chaos Theory and the Study of History*. Tel Aviv: Dvir (Hebrew).
- Deakin Crick, R. (2008) Pedagogy for citizenship. In F. K. Oser & W. Veugelers (eds.), *Getting Involved: Global Citizenship Development and Sources of Moral Values* (pp. 31-55). Rotterdam: Sense Publishers.
- Encyclopedia Britannica Online (2009) “Holocaust.” Available at: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/269548/Holocaust>
- Foucault, M. (1980) *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972-1977*. New York: Prentice Hall.
- Foucault, M. (1982). The subject and power. In H. L. Dreyfus & P. Rabinow (eds.), *Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics*. Brighton: The Harvester Press.
- Giddens, A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity
- Goldhagen, D. J. (1996) *Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust*. New York: Alfred A. Knopf.
- Gross, Z. (2008) The culture of remembrance and its significance. Paper presented at the European Research Consortium, Vienna, Austria, 11-12 December.
- Gross, Z. (2010a) Holocaust education in Jewish schools in Israel: Goals, dilemmas, challenges. *Prospects*, 40, 1: 93–113.
- Gross, Z. (2010b) The secret of the success of Holocaust education in Israel. *Education and Society*, 28, 2: 29–44.
- Gross, Z. (2011) A topology for the development of Holocaust education scholarship: Coping with a national trauma. *Curriculum and Teaching*, 26, 1.
- Gross, Z. (2012A). Globalization and Holocaust education. *Education and Society* 30(3): 79-93.
- Gross, Z. (2012B). Holocaust education and Anti-Semitism in Western countries. In N. Davidovitch, & D. Soen, (Eds.). *The holocaust ethos in the 21st century dilemmas and challenges* (pp 442-460). Krakow: Austria Publishing House.
- Gross, Z. (2013). Teaching about the Holocaust: Major educational predicaments, proposals for reform and change – an international perspective. *International Journal of Educational Reform* 22. (2):35-54.
- Ichilov, O. (2003) Teaching civics in a divided society: The case of Israel. *International Studies in Sociology of Education*, 13, 3: 219–241.

- Levy, D., & Sznajder, N. (2002) Memory unbound: The Holocaust and the formation of cosmopolitan memory. *European Journal of Social Theory*, 5, 1: 87–106.
- Macgilchrist, F. & Christophe, B. (2011) Translating globalization theories into educational research: Thoughts on recent shifts in Holocaust education. *Discourse*, 32, 1: 145–158.
- Meseth, W. & Proske, M. (2010) Mind the gap: Holocaust education in Germany, between pedagogical intentions and classroom interactions. *Prospects*, 40, 2: 201–222.
- Milerski, B. (2010) Holocaust education in Polish public schools: Between remembrance and civic education. *Prospects*, 40, 1: 115–132.
- Paxton, R. O. (2004) *The Anatomy of Fascism*. New York: Alfred A. Knopf.
- Rutland, S. D. (2010) Creating effective Holocaust education programmes for government schools with large Muslim populations in Sydney. *Prospects*, 40, 1: 75–92.
- Short, G. (2009) Teaching the Holocaust to Muslim students: A British perspective. *Canadian Diversity*, 7, 2: 57–60.
- Stevick, E. D. (2007). The politics of the Holocaust in Estonia: Historical memory and social divisions in Estonian education. In E. D. Stevick & B. A. U. Levinson (eds.), *Reimagining Civic Education: How Diverse Societies Form Democratic Citizens*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
- Stevick D. E. (2010). Education policy as normative discourse and negotiated meanings: Engaging the Holocaust in Estonia. *Prospects*, 40, 2: 239–256.
- Trigano, S. (2002) *La nouvelle question juive*. Gallimard.
- United Nations General Assembly (1998) Culture of peace. Document A/RES/52/13: adopted by the General Assembly, 52nd session, Agenda item 156.
- United Nations General Assembly (1999) Declaration and programme of action on a culture of peace. Document A/RES/53/243, adopted by the General Assembly, 53rd Session, Agenda item 31.
- Wiersma, W. & Jurs, S. A. (2009) *Research Methods in Education: An Introduction* (9th ed). Boston: Allyn and Bacon.

Dr hab. Jolanta Ambrosewicz-Jacobs

Director of the Center for Holocaust Studies Lecturer, UNESCO Chair for Education about the Holocaust Jagiellonian University

EDUCATION AND LACK OF MOURNING OF EUROPEAN JEWS IN POLAND

The Holocaust is a complex topic, strongly dividing Poles and Jews and Poles and Poles as well. The Holocaust is a historical fact but also a phenomenon still present in human memories, in collective memories and in material public space. Mostly as felt emptiness in the former shtetls. There was not mourning after almost total destruction of whole Jewish communities. In the times of omnipresent war terror, roundups aimed at civilians, and post-war anomy, Poles had plenty of “own” ethnic victims to mourn. In 1944, as Antony Polonsky stated in his monumental book “The Jews in Poland and Russia. Volume 3: 1914-2008”, in 1944 there was approx. 1.3 million of Polish slave workers in Germany and about 20 000 Polish blond children were kidnapped from their parents.¹ Almost 2 million non-Jewish Polish citizens lost their lives.

Jews were not mourned not only in Poland. Post WWII Europe needed to recover from the war wounds and the danger of civil war in divided countries, such as France, was a real threat. Political leaders had priorities to integrate states and in many countries numerous “own” victims were mourned above all. Iron curtain soon dividing Europe needed strong Germany in its

¹ Polonsky Antony, “The Jews in Poland and Russia. Volume 3: 1914-2008”, The Littman Library of Jewish Civilization, 2012, 368.

Western sphere of influence. Jewish survivors staying in DP camps in some cases as late as till 1957 often did not want to return to Central-Eastern Europe which for them was nothing but the cemetery. Polish landscape, however, was not all covered by political will to rebuilt cities, villages, economy and social life. Between 4 and 4.5 million Jews were killed in the occupied Poland and Germans built their major death and concentration camps in the occupied Poland. This marked Polish land forever.

The title of this text refers to Polish historian of literature Maria Janion who emphasized that „the Holocaust will remain a mourning without end” and (...) we will never be purified, because – asks professor emerita of the University of Warsaw – where is an end of mourning after more than one million of killed Jewish children? When could we say that we have mourned enough? Nonetheless, according to Maria Janion “the chance is not lost, and it is worth talking especially to young people”² and I think that education about the Holocaust in Europe, in particular in the last 15-20 years has a function of long postponed mourning after European Jewry. The collective memory of young Poles, however, seems to be still immune to teaching about the Holocaust, but innovative approach to this education has a potential for healing. Creative education about the Holocaust and other crimes against humanity has to be connected to memory, a collective memory above all.

The concept of the social construction of memory was introduced by Maurice Halbwachs³ in 1922, in his development of Durheim’s idea of researching collective conscience. Various groups of people – stressed Halbwachs – have different collective memories, so it is always selective and collective. The concept of collective memory, however, did not emerged as a topic of academic debate till the mid-seventies, carried by historians focusing on the relativity of knowledge in history and on the conflict of interpretations.

What Polish society faces now is a process of reconstruction of the Holocaust memory, in which “collected” memories of various groups may dif-

² Janion Maria, *Tygodnik Powszechny*, 6 (2007), 8.

³ Halbwachs Maurice (1950/1980), *The Collective Memory*. New York: Harper Colophon; Halbwachs Maurice (1925/1992), ‘The Social Frameworks of Memory’, in Halbwachs, *On Collective Memory*, L.A. Coser (ed). Chicago: Chicago University Press.

fer, and various points of view may need to come to the surface, interact, and compete. Memory, according to Charles Maier,⁴ cannot be universal because we remember as communities of memories grounded in the past, often related to the past victimhood.

Michael Steinlauf named phases of Polish memory of the Holocaust as “memory’s wounds”, memory: “repressed”, “expelled”, “reconstructed” and “regained?”⁵ To this list we could add also: detached and still unwanted. Empirical studies conducted more than 50 years after the Holocaust still reveal conflicts of memory, “inherited” by young generations after their ancestors – witnessing the annihilation of the Jews in occupied Poland.

What Polish society faces now, is a process of reconstruction of the Holocaust memory, a memory called by James Young a “collected” memory, in opposition to “collective” memory.⁶ In this process “collected” memories of various groups may differ and various points of view may need to come to surface, interacting and turning into conflicts. Sławomir Kaprański recalling Richard Sennet comforted us that conflicts of memory are natural and save memory against creating myths.⁷ This process was attributed to memories of distinct groups. Is this also a feature of the process regarding the memory of one ethnocultural group? Are conflicts of memory revealed in the empirical studies carry a potential for difficult but true dialogue between Jews and Poles looking back at their painful history? Numerous intergovernmental, governmental and civil societies initiatives indicate that the process of asking “difficult questions” begun.

Kazimierz Wyka wrote about Poles inheriting Jewish property in his essay dated in 1945: “From under the sword of the German butcher perpetrating a crime unprecedented in history, the little Polish shopkeeper sneaked the keys to his Jewish competitor’s cashbox, and believed that he had acted morally. To the Germans went the guilt and the crime; to us the keys and the cashbox....Germans liquidated the Jews rest on the Germans’ conscience. *The*

⁴ Maier Charles S., *Hot Memory, Cold Memory....*, Res Publica Nowa, July 2001.

⁵ Steinlauf Michael, “Bondage to the Dead. Poland and the Memory of the Holocaust, Syracuse 1997.

⁶ Young James E., *The Texture of Memory: Holocaust Memorials and Meaning*, New Haven, 1993.

⁷ Kaprański Sławomir., *Rytuał pamięci i konstruowanie nowoczesnej tożsamości wschodnioeuropejskich Romów*. W: *Forum Europejskie*, 2005 nr 10.

*reaction to these methods rests nevertheless on our conscience. The gold filling torn out of a corpse's mouth will always bleed, even if no one remembers its national origin.*⁸ Guilt of Poles is a guilt of witnesses, different than a guilt of prosecutors, difficult guilt, impossible to repent, easy to deny and suppress. Such guilt is a trap⁹

...for many Poles the fate of the Jews proved economically profitable. ... While the Germans, certainly, took the lion's share of factories, warehouses, luxury residences, fancy furniture, and clothing, the leftovers went to Poles', reminded Steinlauf.¹⁰

Education about the Holocaust in Poland is located between two poles: one perceives the Holocaust as a metaphor for all genocides, and the other sees it as local, regional history, as genocide that happened right here, before our parents' and grandparents' eyes. Between these two poles there are still many blank pages. Lili Cole, former director of the 'Changing Narratives of the Nation and the Search for Reconciliation' project at the Carnegie Council for Ethics and International Affairs, noted that 'we have been struck by the importance of examining the role that education as a long-term process has played, and potentially plays, in reconciliation. Education is often referred to in the many calls for alternatives to legal approaches to reckoning with the past...'¹¹ In the Polish context we can say that the process of reconciliation has begun and is very dynamic, but not completed.

Empirical studies conducted among Polish youth ten years after the fall of communism indicates that some remnants of the emotional conflict still exist, as shown by their inconsistent attitudes toward the Holocaust and related topics. The lack of coherence between answers related to the Holocaust can be explained by the students' lack of knowledge on the topic and by emotions related to patriotism and attachment to an image of the special role of Poles

⁸ Wyka Kazimierz, *Gospodarka wyłączone* [The Excluded Economy] W: *Życie na niby. Pamiętnik po klęsce*, Kraków 1984, 157. Quoted from: Steinlauf Michael, "Bondage to the Dead. Poland and the Memory of the Holocaust, Syracuse 1997, 59.

⁹ Steinlauf Michael, "Bondage to the Dead. Poland and the Memory of the Holocaust, Syracuse 1997, 73-74.

¹⁰ Steinlauf Michael, "Bondage to the Dead. Poland and the Memory of the Holocaust, Syracuse 1997, 31.

¹¹ http://www.carnegiecouncil.org/programs/archive/68/714.html/res/id=sa_File1/714_hpr_textbook.pdf [accessed June 15, 2016].

in history. Another hypothesis can be that the topic of the Holocaust causes conflict and elicits defense mechanisms.¹² The outcomes of the studies are mixed. The data from the items with multiple choice answers in the survey from 1998 indicated that the majority of the students have neutral or positive attitudes toward the Jews. This was not supported by the social distance measurement scale, where the Jews score just one place above the Gypsies, with only 22.7% acceptance. Since Jews are at the bottom of the various scales of acceptance, this low position (or high rank on the reverse scale of xenophobia) can explain a certain lack of empathy toward Jewish suffering revealed in the distribution of answers. The conflicts around the Auschwitz site – and the overbearing, unwanted and inescapable presence of the former camp in the town's history and present-day life – cause a great deal of tension. Nonetheless, 88% of the total sample of the surveyed adolescents in 1998 (almost 95% of the high school students and 100% of the experimental program students in Warsaw and Cracow in the study from 2000) affirmed that “knowledge about the atrocities committed in Auschwitz and other concentration camps should be conveyed to the next generations as a lesson for all mankind”. This kind of statements seems to disclose that certain “obvious” opinions are repeated without deeper reflection, who was mostly killed in Auschwitz. More detailed analysis of data reveals that there is a certain opposition in some schools, as report teachers attending annual Summer Institutes at the Center for Holocaust Studies at the Jagiellonian University, in reference to teaching about the Holocaust. This opposition is expressed as form of “competition of suffering” and reluctance to learn about Jewish fate during the WWII. Some Poles are afraid that learning about Jewish suffering may diminish awareness of Polish suffering.

Jewish suffering and attitudes of Poles toward Jews during the Holocaust, a conflictual for the collective memory topic, is not explored and explained well in schools. The survey analysis indicates that the attitudes of Polish adolescents reflect a presence of ‘competition in suffering’ between Poles and

¹² Ambrosewicz-Jacobs Jolanta, *Mes, Us, Them. Ethnic Prejudices and Alternative Methods of Education*, Cracow, Universitas, 2003. All empirical studies listed in this text were conducted by the author and are analyzed in the above publication, unless indicated otherwise. Presented data are from the project: Jolanta Ambrosewicz-Jacobs, “Attitudes toward Jews and the Holocaust among Polish Youth 2008-2010” Grant ITE, the Foundation pour la Mémoire de la Shoah and the Jagiellonian University

Jews. Such a thesis was raised for the first time probably by Polish sociologist Aleksandra Jasińska-Kania¹³ in her study on attitudes of Poles toward other nations and also brought up by a team of Warsaw' researchers led by the team led by Ireneusz Krzemiński, who did empirical studies on national sample of adult Poles three times, first time in 1992.¹⁴

The outcomes of the author's survey show that young Poles do not acknowledge the specific features of the Holocaust. One possible reason is that (in their opinion) Polish suffering during World War II might not be acknowledged enough if Jewish suffering were admitted. Poles through the centuries have incorporated a – historically understandable – sense of victimhood and heroic struggle into their national awareness. Remnants of this sense of national martyrdom are still in the schools today. Jewish suffering remains taboo for many of the respondents.

Data from the survey of Polish youth show that teaching in the traditional, conventional format about the Holocaust, that is, merely transmitting knowledge of it, is very limited and does not expose students to the complexity of the subject. The data also confirm that students' attitudes are affected by deeply committed history teachers who communicate their knowledge and viewpoints. In one such class from Warsaw, taught by Robert Szuchta, teacher of history and expert in the area of education about the Holocaust in Poland, there was much less defensiveness about the question of Polish aid to Jews during the Holocaust, as compared to the control sample.

The most controversial topic revealed by the study is Polish aid to Jews during the Holocaust. When asked 'Do you think that the Poles helped the Jews during the war?' (multiple choice item with one open answer), almost half of students in 1998 indicated answer 'yes, as much as they could' and

¹³ Jasińska-Kania Aleksandra, 'Zmiany postaw Polaków wobec różnych narodów i państw', in A. Jasińska-Kania (ed.), *Bliscy i dalecy: studia nad postawami wobec innych narodów, ras i grup etnicznych* (Warsaw, 1992), vol. 2, 219-246.

¹⁴ Datner-Śpiewak Helena, 'Antysemityzm w powojennej Polsce – perspektywa socjologiczna', in *Studia z dziejów Żydów w Polsce. Materiały edukacyjne dla szkół średnich i wyższych*, Warsaw, 1995, 110; Krzemiński Ireneusz (ed.), *Czy Polacy są antysemitami? Wyniki badania sondażowego*, (Warsaw, 1996); I. Krzemiński, 'Polish-Jewish Rivalry. A Complex Background to the Dialogue', in M. Bron Jr. (ed.), *Jews and Christians in Dialogue II. Identity – Tolerance – Understanding* (Stockholm, 2001), 141-151, Krzemiński Ireneusz (ed.), *Antysemityzm w Polsce i na Ukrainie. Raport z badań*, Warsaw, 2004.

more than 40.0% indicated choice 'hard to say'. Less than 10% of surveyed answered 'they could have done more'. Some opinions related to the question 'do you think the Poles could have saved more Jews during the war, or not?' were also polarized among the surveyed youth. A great number of students were uncertain or avoided the question. These emotionally loaded questions are very hard to answer but should be raised, not just in surveys, because they tackle problems essential to the historical truth, the process of reconciliation, moral education and civic responsibility.

Analyzing attitudinal changes toward the Holocaust through the prism of education shows a long path leading from silence and taboo to efforts to face the trauma of the disappearance of the neighbors of ethnic Poles, with whom they shared the homeland for almost 1,000 years. Numerous intergovernmental, governmental and civil society initiatives indicate that the process of asking "difficult questions" has begun, and that it may help to integrate unwanted and detached memories. They are steps on the way to a deeper understanding of the tragedy and the legacy of the Holocaust.

The vital question for Poland and neighboring countries is: How can facts of the Holocaust, in particular the attitudes of local populations toward their Jewish neighbors that have been repressed or dismissed from the individual and collective memory be reintegrated into consciousness?

Maria Janion, recalled at the beginning of this text stated that the morning after Polish Jews should last. But from the post-Freudian reflection we know that endless mourning is counterproductive, turns into melancholy and rejects present and future. Too much memory, as Nietzsche reminded, is not good. There should be balance between memory and forgetting, not to block the energy, allow flowing and making space for awareness of presence. People endorsed exclusively into past, do not live here and now. But lack of memory of the Holocaust for several generation resulted, after the end of communism and even more after 2000, in increase of interest in the topics of Jewish history and culture, Jewish fate during the Holocaust, absence and Judaism. At the top of the Jedwabne debate, after the publication of the book by Jan Tomasz Gross "Neighbors"¹⁵ more than 100 articles were published monthly, related to the fact of murder of Jewish neighbors by Poles in Jedwabne and other localities in North-Eastern Poland.

¹⁵ Gross Jan T., *Sąsiedzi: Historia zagłady żydowskiego miasteczka, Sejny*, Fundacja Pogranicze, 2000.

My hypothesis is that numerous educational project implemented in Poland demonstrate perhaps a compensation for previous non-memory and lack of mourning of Polish Jews. A revival of Judaism and Jewish culture supported by the Lauder Foundation, Taube Foundation and Koret Foundation, active Jewish Community Centers in Warsaw and Cracow draw attention to Jewish culture not only Jewish minority but also young ethnic Poles. Forum of Dialogue among Nations¹⁶ and Foundation for the Preservation of Jewish Heritage in Poland¹⁷ implemented educational projects incorporating Jewish heritage as common Polish-Jewish past. Many non-Jewish educators devote their time and effort much more that the curricular framework requires. Their work is their life mission. Some students undertake the Master studies on the Holocaust or PhD studies focusing on the history and/or memory of the Holocaust. Education in such cases may compensate for lack of mourning of Polish Jews among previous generation of Poles.

Photo 1. Jewish Cemetary in Starachowice (phot. Sz. Beźnic)

¹⁶ <http://www.dialog.org.pl/en/> [accessed June 15, 2016].

¹⁷ <http://fodz.pl/?d=1&l=en> [accessed June 15, 2016].

Photo 2. Memento Student's Association at the wall of the former ghetto in Warsaw (phot. Adam Banach)

Photo 3. Bodzentyn (phot. Sz. Beźnic)

Dr. Andrej Angrick

historian and representative of
Foundation: “Hamburger Stiftung zur
Förderung von Wissenschaft
und Kultur”

OPERATION 1005: THE NAZI OBLIVION PROJECT

Part I: Aktion 1005

This presentation examines one of the most significant – and least known – operations in the history of the Third Reich, a regime that already had plenty of other secrets to keep, including the extermination of Europe’s Jews, the systematic persecution of political dissidents, the mass murder of the Poles (downplayed as simply a “fight amongst ethnic minorities”), the campaigns against “antisocial elements”, the liquidation of the Roma, the “euthanasia” program to methodically eliminate handicapped people, the killing of war prisoners, and the burning of towns and villages. The German dictatorship applied a strict secrecy policy to most of these things, but one undertaking was handled with the utmost of security precautions: *Aktion 1005* or “Operation 1005”. It was so secret that even this code name offered no semantic clues to the uninformed. Code words like *Euthanasie* or *Aktion Reinhard* might have triggered a mental association, but what about “Operation 1005”? What could this signify? Nonetheless, Operation 1005 was not only one of the most secret, but also one of the most gruesome projects undertaken by the elite of German mass murderers – at least those under the domain of Himmler and Heydrich. This major undertaking had two components: *Aktion 1005*, which took place in all the extermination camps

of the Third Reich, and the mobile *Sonderkommando 1005* (“Special Commando 1005”), which will be examined more in detail here.

Operation 1005 was the code name for the clearance of all mass graves, in an attempt to erase evidence of genocidal crimes beyond the frontier of the German Reich. It is not known when exactly the leading officials of the Third Reich decided to have the burial sites completely and systematically removed. Previous history, though, provided clear harbingers in terms of forerunners or “test runs” – this particularly applies to the euthanasia program. A concern for concealment is already reflected in orders issued in late 1941, which prohibited the explicit telegraphic transmission of execution figures, banned the relevant photography, and called for the increased use of secret code, even in internal communications. However, the existence of corpses and mass graves could not be resolved with just a simple command.

The order to carry out “Enterdung” (a jargonistic word meaning “de-earthing”) at *every* gravesite seemed somewhat absurd, especially since there were so many sites whose exact positions had already been forgotten by the murderers, and nobody knew how to best execute this order anyway. Burning the official documents was not a problem, but excavating these necropolises of terror was another matter altogether. In any event, the operation was ultimately assigned to SS-Standartenführer Paul Blobel, the head of Special Commando 4a, who is also infamous for organizing the biggest massacre at Babi Yar during the Eastern Campaign, where exactly 33,771 people were murdered – including men and women, seniors and children, and even babies. Blobel took leave of his old unit on March 24, 1942 – and Operation 1005 must have begun no later than then. As anyone knows from today’s internet, a suspicious code name can quickly provoke awkward associations. So in order to keep this operation a secret, it was simply named after its file number at the Gestapo office of the RSHA (*Reichssicherheitshauptamt* or “Reich security main office”). Operation 1005 was launched even though the Third Reich was still at the peak of its power in the spring of 1942, with the following factors being the most likely triggers:

The Declaration of St. James’s Palace concerning the punishment of war criminals;

The temporary recapture of Kharkiv, Rostov-on-Don and other cities with high casualties, which made the Soviets cognizant of the German war crimes committed there; and The March 1942 arrival in London of detailed reports from the Warthegau concerning the Chelmno extermination camp – which may have been the most important factor.

Having been assigned to the task, Blobel probably met with his boss Reinhard Heydrich – who acquainted him with the operation – in Warsaw towards the end of March 1942. From there, Blobel went to Berlin where he received further details on his sinister new assignment from SS-Gruppenführer Heinrich Müller, who was head of Gestapo at the RSHA. This constellation of Heydrich-Müller-Bobel (all under the ultimate supervision of Himmler) is in itself rather interesting, because it considerably increased the importance of the RSHA in its internal power struggle with the SS about who was in charge of exterminating the Jews.

Himmler gave Blobel a special pass granting him every possible help. He could even override command hierarchies. Blobel was thus in a position where he could lean on both the SS and the police forces for support. Still, his operation was still in the embryonic stage. He had neither a team nor an office, and above all, no technical knowledge about how to “clear” a mass grave. So he had to do a lot of research. In Berlin, he resided in the gracious Wannsee district while studying the files of the RSHA, especially those from Eichmann’s department, in order to gather information about the locations of mass graves and the number of people murdered.

Apart from that, he also traveled to Łódź (then called “Litzmannstadt”, the capital of the Warthegau, and the site of a major ghetto), where he took a room at the General Litzmann Guesthouse in the early summer of 1942. From there he regularly visited the Chełmno extermination camp, where his plan was to have the first corpses exhumed in order to develop a feasible method for “disposing” of them without any traces. Chełmno was thus a place to start fulfilling his assignment while also testing out techniques for doing so. There was a “comradely” competition between two teams searching for the best procedure. One consisted of Blobel and his associates, while the other was headed by SS-Hauptsturmführer Hans Bothmann, the commandant of Chełmno extermination camp. Both Blobel and Bothmann considered themselves “specialists” and seemed to have seen each other as rivals, despite their clear difference in rank. Blobel ordered experiments at open gravesites, to see whether it was possible to simply burn corpses inside a mass grave without first moving them to another grave. In July 1942, he received three flamethrowers, one flamethrower-recharging wagon, protective clothing and various additional implements from the stock of the Wehrmacht armaments department. There was also an increased demand for chlorine, to be used for disinfection. For example, in late March 1942, the Kopernikus pharmacy in Posen dispensed just 1641 kg of chlorine

bleaching powder, but late June then saw the arrival of a 13 ton delivery. In any case, Blobel was unsuccessful in his attempts to incinerate corpses inside open gravesites without first extracting them. Meanwhile, Bothmann ordered incendiary bombs for Chełmno camp, which proved to be devastating. A controlled destruction of the corpses was not possible with them. The effect of the bombs was so strong that they caused a forest fire, which of course ran contrary to the goal of strict secrecy, as local inhabitants were bound to notice these fires eventually. A German guard would later testify to the activities that took place there:

“In the summer of 1942 they started opening the gravesites and burning the corpses. In this regard I would like to describe my observations at one of the mass graves during an assignment in the summer of 1942. Blood or a similar liquid was sputtering in thick streams from several places in this grave and was forming big puddles near it. I was unaware of the reason for what was happening. Shortly afterward, the graves had to be opened by the Jewish commando. In the meantime, three or four pits measuring 5 m in length, 4 m in width and 3 m in depth had already been excavated. Those corpses that had been hauled out of the mass graves were then being stacked into these new graves, sprinkled with a powder and set on fire. [...] At this point I do not want to neglect mentioning that I watched the starving Jews assigned to this grave commando eat parts of the corpses they had just taken out of the graves.”

This testimony comes from a German court transcription – there are no statements from any survivors of this period at Chełmno. But even if they existed for discussion, no words could ever do justice to the events that happened there, or the suffering of the victims. An appropriate language for Operation 1005, a crime beyond all “experience and imagination”, has yet to be worked out. The words of one survivor will be discussed later; at this juncture, it is enough to know that after much experimentation, the murderers finally succeeded in developing the right incineration method: funeral pyres on grids made either of steel girders or ideally of railway tracks. The bodies, partly decayed, sometimes recognizable as an individual, were put on these grids, doused with oil and fuel, and set alight. It may well be that the prisoners discovered their own missing friends and relatives, who were then dragged on special hooks to the funeral pyres in order to be stacked up in a pyramid shape. In 1943, Blobel’s team managed to stack 2000 bodies on a single funeral pyre. The crucial fact is that Blobel was ultimately successful in eliminating all the corpses of an extermination

camp, leaving no residues. When necessary, bone fragments were pounded by mortars or crushed by machinery (such as cement mixers and industrial coffee grinders) to produce bone meal, which was then used as fertilizer or simply thrown into a river.

Blobel's work in Chełmno was finished by the end of 1942. But the procedure that was developed there would then be used at the extermination camps of Operation Reinhard, the camps of the East, the burial grounds of Auschwitz-Birkenau (Bunkers 1 and 2), and again at Chełmno after its second opening in 1944. But the Nazi regime also needed to deal with the mass graves and forest execution sites where the victims of its mobile commando units lay buried. The main fields of action for Operation 1005 still loomed in eastern and southeastern Europe, particularly in the occupied territories of the Soviet Union, but also in the General Government territory of occupied Poland, as well as Serbia.

Sonderkommando 1005

With the German defeat at Stalingrad, Blobel was immediately posted to the East. This urgency was mainly triggered by Soviet Union's propaganda offensive after its Extraordinary State Commission publicized the discovery of mass graves containing 20,000 corpses at Rostov-on-Don. Goebbels issued an order not to react. Blobel's job was to make sure that this would not happen again. This led him to establish two subunits of *Sonderkommando 1005* ("Special Commando 1005"): Sk 1005-A and Sk 1005-B. The former was assigned to the General Commissariat of Kiev, while the latter was assigned to the General Commissariat of Dnipropetrovsk. Other subunits were also established: *Sonderkommando 1005-Mitte* ("center" or Sk 1005-C) for central Russia and Byelorussia, as well as the largely unknown Sk 1005-D and Sk 1005-E for the northern territories, particularly Lithuania and Latvia. But these units were certainly not capable of clearing the huge number of graves and burning all the corpses by themselves. Therefore, local Gestapo posts were also asked to establish their own Operation 1005 commandos in order to help unburden their specialist comrades. Furthermore, Blobel issued a general order in 1943 that prohibited the creation of new graves; instead, corpses were to be cremated immediately after executions.

Part II:

Operation 1005 in Latvia

It is hard to define a precise date for the launch of Operation 1005 in Riga, as well as Latvia in general. However, the corresponding preparations in terms of materials and logistics can be traced back to the summer of 1943. It was at this point that the administration of the Reichskommissariat Ostland – specifically its Department of Domestic Trade, which was in charge of all “trade goods” – received an order to set aside combustible fuels. The appropriate tools also needed to be delivered on time, along with the screening walls that would later shield the so-called “construction sites” from outside view. In contrast to other deployments of Operation 1005, Riga’s local “KdS”, or district commander of the SiPo and SD, had already had an advance commando in place since early 1942, whose sole responsibility consisted of excavating and preparing the pits, performing hygienic operations and camouflaging the grave sites. This was called the “Hochwaldkommando”, meaning “High Forest Commando”, otherwise known as the “Krause I” Special Commando. With the dissolution of the Riga Ghetto, which began in August 1943 and ended on November 2, and the subsequent integration of its work commando into the Kaiserwald concentration camp system, Blobel’s plans also entered a new phase, in which the Lenta workshop complex began sending work details to the “Stützpunkt 1005” (or “Base Camp 1005”) commando, located in the nearby forests. This was a site “from which none of the prisoners returned”.

After the establishment of the main camp at Kaiserwald, the camp administration under its commandant SS-Sturmbannführer Albert Sauer began conducting much-feared “Appelle” (or “roll calls”), “starting in late 1943, early 1944”, during which prisoners were appointed to the “Base Camp” special commando, “with longer, irregular intervals at first, which then became shorter and shorter in the summer of 1944”. The selections generally assembled groups of “fifteen to thirty men, mostly young and strong”. Beyond their age group and physical condition, no pattern could be seen as to why these particular individuals were chosen for the “Base Camp”, at least not by the remaining inmates. Sometimes the roll call involved stepping forward to be inspected one by one, and sometimes there were prepared lists that were simply read aloud. Some of the selected had been accused of “misconduct”, and so were punished with a transfer from the main camp to “Base Camp”. Conversely, Sauer sometimes looked for

volunteers, recruiting men by offering attractive promises. Naturally without wasting a word on the fact “that after completion of this work assignment, it was death that awaited these prisoners.”

In this context, it is important to note the twofold intentions of the murderous overseers, as they differentiated between sick, completely exhausted prisoners and younger, stronger men – the former were to be executed on-site before their bodies were then burned without further ado, and the latter were to do the disposal work. The “Base Camp” was the solution to both endeavors. In principle, this methodical procedure was no different from the three-step process of using up members of the Jewish “special commandos” at the gas chambers of Birkenau:

First, the prisoner’s labor was exploited until body and spirit were completely exhausted and broken; Second, the prisoner was murdered, since no more labor of productive or economic value could be extracted; and then Third, the body was immediately incinerated.

As a result of this methodology, hundreds of men were made to “disappear” at the Kaiserwald concentration camp alone. There is testimony that women were also sometimes selected for the “Base Camp”, which was additionally known as the “Himmelfahrts-Kommando” (or “Ascension commando”).

Furthermore, there were “two independent commandos” in Salaspils, “each having seventy persons”, which were permanently at Blobel’s disposal for the implementation of Operation 1005. Salaspils must have been also been the home of a local supply depot, perhaps *the* local depot, where the Operation stored gasoline and tar, along with specialized tools (including the infamous “corpse hooks”).

By all appearances, a division of responsibilities would begin in the spring of 1944, with incinerations in the immediate vicinity of Riga to be handled by Sk 1005-E under the command of Kurt Roschmann, while its sister troop Sk 1005-D ranged further afield. But in the autumn of 1943, the Operation was still in its early stages: this period saw the first verifiable deployment of a “Blobel special commando”, charged with eliminating the bodies of people murdered during the ghetto liquidation of November 2, 1943. Most of the last internees were transported to Auschwitz, but not the sickly, nor children and their mothers – these were sent to “disappear” at an unknown location. Meanwhile, a cleanup commando was left behind to

“cleanse” the ghetto site in the Maskavas Forštate district before it was returned to the Riga municipal administration. Incinerations also took place in the vicinity of Salaspils, but instead of the excavation of old mass graves (also made impractical by the onset of winter), this involved the disposal of corpses produced by an “action” to be conducted in that town. Just like at the ghetto, Riga’s central prison also needed to be “cleared”, which meant eliminating the political prisoners that were held there. These “delinquents” were removed from their cells in groups, to be driven in the direction of Salaspils. Finally, in a nearby piece of woodland, their journey ended with deadly shots.

In addition, starting in the summer of 1944, prisoners of war were taken from the local Stalag to Salaspils, where they were murdered alongside camp inmates who were unfit for work. Immediately afterwards, “the Germans burned the vestiges of their crimes”. This was a continuously repeated procedure, although the final number of victims may be unknown. So much for the elimination of the bodies, which the perpetrators called “frische Leichen” or “fresh corpses”.

In contrast, preparations for a major deployment of Operation 1005 covering all of Latvia were delayed by winter conditions until early March 1944. This was when some sixty SS members and police officers – mostly from Riga’s regular city police, but also with a few rural officers too – were summoned to Riga’s House of the Livonian Noble Corporation (“Ritterhaus”) by Friedrich Jeckeln, the regional SS and Police Leader. There, he revealed to the men gathered in the hall that they had now been assigned to a special commando. The assembled policemen were then divided into two groups for the newly established commandos of Operation 1005.

One commando, Sk 1005-D under the command of Kurt Krause, was to be assigned to Latgallia. Its first deployment was in Daugavpils, significant as the regional center of Latgallia and the second-largest city in Latvia. As a result, Krause left the 1005 camp in Salaspils and traveled in the company of his superior Blobel to the KdS field office located there. The incinerations near Daugavpils, at the mass grave in the Pogulianka woods near the resort of Mežciems (about six kilometers from the city) began in March 1944 and lasted for several weeks. The prisoner commando consisted mostly of captives from the Red Army, along with French prisoners of war. There were at least thirty men, who had been “allocated” by the local KdS field office. At the end of each day, they were crammed into a trailer that had been con-

verted into a mobile jail, which took them “to each particular worksite”. No matter where they excavated, they were always met with the same harrowing, stomach-turning sight: in the depths of the earth, they found a tangle of bodies, all “pressed flat”. “It was no longer possible to tell if these were men, women or children”. Using special hooks originally developed at Babi Yar, the prisoners pulled the bodies from the ground, stacked them up and burned them. According to one statement: “Depending on the size of the excavation site, we might stay for one day or several days”. In April, they received the order to push onward to Rēzekne, apparently without having finished with removing all the graves in Daugavpils, particularly those of killed Red Army soldiers.

It appears that Sk 1005-D was also responsible for disposing of the mass graves in Krustpils, on the border between Latgallia and Semigallia. After Latgallia was abandoned, it could be that the next assignment was Liepāja on the east coast. In any case, it was there that Krause fell into the clutches of partisans, now appearing a broken man in the eyes of former ghetto internees who saw him there; according to testimony, the partisans brutally abused Krause before killing him. In Liepāja itself, the mass graves on the beach must have already been excavated sometime between April and August 1944, by a local 1005 troop under the command of Wilhelm Tempel.

Meanwhile, the parallel deployments of Sk 1005-E are the least known of all. The only certainty would seem to be that it operated in the Riga region. According to one rural policeman, whose memories were sometimes imprecise, the commando conducted excavations at a *minimum* of ten locations, but “it could have also been more”, and it rotated through a “perimeter that was at least twenty to thirty kilometers away from Riga, maybe more.” Each “weather station” needed “from one to two weeks”. In violation of Blobel’s earlier instructions, the troop kept a permanent work commando with it until the very end, since it made no sense to kill trained prisoners (in any case, not right away). This consisted of some twenty Jews who were either German or German-speaking, or at the least the great majority of them. As a result, the bored guards would occasionally chat with their shackled “compatriots” about their old homeland. But whoever failed to toe the line, or otherwise “stood out” during an official inspection, was simply taken aside and executed.

The leader of Sk 1005-E, an SS-Obersturmführer, had precise notes and maps concerning the locations of mass graves. After finishing its work around Riga, Sk 1005-E acted henceforth as a traveling commando, “up-

rooted from its fixed base”, with a primary focus on processing localities that were situated in a wider radius from Riga. The graves were mostly located in nearby fields; after taking several days to eliminate a “weather station”, the caravan would then move on to the next locality. This unit may have also been responsible for the incinerations at Dreilini Forest, located some five to seven kilometers east of Riga, as well as those in the Dreplina Forest and at sites farther and farther away from what was the capital of Reichskommissariat Ostland. The only certainty is that the final deployment would later be in Jelgava.

It was clear that the local 1005 teams were quickly overwhelmed with their work in Latvia, which is why they needed reinforcements. Therefore, the men of Sk 1005-B, who had previously been on deployment in Ukraine, departed from a vacation resort on Easter Sunday, April 9, 1944, to board a train that would take them 1.400 kilometers to the north. They then took up quarters in Salaspils. It was not until late April that Sk 1005-B began its actual work, starting at the mass graves of Rumbula. There, the incinerations continued until June 1944, and all the excavated pits were finally refilled and smoothed out. The stench gradually faded, and where the murdered had previously lain, there now stood young pine trees, surrounded by new grass.

The next stop for Sk 1005-B was the pits at Bikernieki Forest, the other major mass-murder site in Riga, which included two separate main areas. The first consisted of six or seven mass graves, whose removal lasted from mid June to late July 1944, accomplished by sixty prisoners that has been assigned to work at the “Base Camp” commando. The number of excavated bodies is estimated to have been from ten to twelve thousand.

After that, Sk 1005-B moved on to the second burial area in the forest. Here, it would excavate and destroy *at least* ten thousand bodies, possibly even twenty thousand. It continued its work until mid September, in a routine and mechanical way: dig up, pull out, drag away, build a funeral pyre, stack the bodies, douse with fuel, burn completely, crush the bones, scatter the ashes.

As they continued retreated from the advancing Red Army, they began their final job with the exhumations at Kaiserwald. Some fifty prisoners marked for death were forced to “excavate some 20,000 corpses” in the immediate vicinity of the concentration camp. At the same time that the surrounding mass graves were being eliminated, the systematic evacuation of

the camp itself began on August 6, 1944, with 15,000 inmates destined for Stutthof near Danzig. In late September, Sk 1005-B was forced to abandon its cover-up operations at Kaiserwald, as Riga could no longer be held. All the prisoners were left behind at the burn site, executed with a shot through the back of the head. The murderers had to reach the waiting transport ships as quickly as possible. For the men of Operation 1005, Danzig represented the true safe haven: from there, Blobel had them transferred to the so-called "Ostmark", formerly Austria, where they could be incorporated into the "Illtis" commando. In the late summer of 1944, it was also time for the members of Sk 1005-E to disappear, and they reached Salzburg without major incident.

The murderers made it to safety in time, and even decades later, none of the SS men who conducted Operation 1005 in Latvia was ever prosecuted for their crimes in a court of the Federal Republic of Germany; in fact, there was never a vital interest in pursuing a *comprehensive* resolution to these crimes.

What more need be said?

Dmitriy Astashkin, Candidate of Historical Sciences

docent of “Yaroslav-the-Wise Novgorod State University”

Дмитрий Асташкин, кандидат исторических наук

доцент Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого

**FORCED LABOR ON OCCUPIED TERRITORY
OF USSR AS A WAR CRIME
(ON THE MATERIAL OF OPENED TRIALS OVER WAR
CRIMINALS 1943-1947)**

**ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД НА ОККУПИРОВАННОЙ
ТЕРРИТОРИИ СССР КАК ВОЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОТКРЫТЫХ СУДОВ
НАД НЕМЕЦКИМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ 1943-1947 гг.)¹**

Нацизм сделал военные преступления не исключением из системы, а самой системой. В нарушение всех норм международного гуманитарного права миллионы советских жителей были убиты, а миллионы красноармейцев уничтожены в лагерях. Это отвечало плану «Ост», предусматривавшему уничтожение в СССР 30–50 миллионов славян. Полностью уничтожались еврейские и цыганские семьи. Остальную же часть населения, пригодную по расовым признакам, фактически ожидала участь рабов – то есть принудительный труд под страхом смерти. Для разграбления оккупированных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943-1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации» № 16-21-08001

территорий был создан специальный экономический план «Ольденбург».

Несмотря на масштабность военных преступлений, многие из них остались анонимными – по разным причинам.

Во-первых, после поражения под Сталинградом нацисты системно стали скрывать следы военных преступлений, чтобы избежать возмездия, поэтому точное число жертв неизвестно до сих пор. К тому же, при отступлении нацисты угоняли в рабство всех жителей, то есть потенциальных свидетелей.

Во-вторых, в первый год войны и череды отступлений советские власти не могли системно зафиксировать военные преступления оккупантов. О творящихся злодеяниях на оккупированной территории сообщали в центр подпольщики и партизаны, но эти данные не были полными. Масштабные сведения удавалось получить только при освобождении территорий – что происходило нечасто в первый период войны. Так, после изгнания оккупантов из Ростова и Ростовской области в 1941 году были составлены свидетельские акты о военных преступлениях на местах, некоторые из них опубликованы в газете «Красная Звезда» от 6 декабря 1941 года. Их подписывали очевидцы, фиксировали и распространяли органы военной юстиции и пропаганды. Однако в большинстве актов почти не упоминались имена преступников.

Чтобы найти следы преступлений и конкретных виновников, 2 ноября 1942 года был выпущен Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и по учету ущерба, причиненного ими предприятиям, общественным организациям, совхозам, колхозам, учреждениям и отдельным гражданам» (далее – ЧГК). ЧГК была призвана зафиксировать в освобожденных районах СССР следы военных преступлений, как то: пытки и убийства мирных жителей, насильственный угон их в немецкое рабство, разграбление личного и общественного имущества, разрушение и расхищение культурных ценностей. В составы районных комиссий часто включались уважаемые местным населением журналисты, писатели, ученые, медики, священники. Сразу после изгнания оккупантов они опрашивали свидетелей, собирали улики, проводили экспертизы и эксгумации. На основе этих расследований составлялись акты по конкретным населенным пунктам и районам. В них указаны многочисленные факты преступлений, но приводится мало имен конкретных преступников (иногда их нет вообще). Объяснить это мож-

но несколькими причинами – на работу ЧГК отводились считанные недели, многие свидетели были угнаны в рабство, да и сами палачи не представлялись. Тем не менее, акты ЧГК стали первой доказательной базой для открытых и закрытых судов над оккупантами и их пособниками.

Суды производились по указу Президиума Верховного Совета СССР №39 от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Краткий текст указа обобщал все преступные действия (и преступное бездействие) оккупантов одной формулой «совершение убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев». Некоторые уточнения этой формулы были в других ведомственных нормативных актах. Так, в положении «О порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников», утвержденном Прокурором СССР 26 июня 1943 г., вводился примерный перечень признаков преступных действий нацистов, которые военные следователи и дознаватели должны были раскрывать². Это были факты убийств мирных граждан; насилий; издевательств и пыток над беззащитными людьми (женщинами, детьми, стариками), увода советских людей в рабство; пыток и истязаний в отношении пленных, больных и раненых советских военнослужащих. Принудительный труд на оккупантов часто сопровождался убийствами и пытками, поэтому эти преступления входили во многие обвинительные заключения.

За 1943-1947 гг. было проведено 18 открытых судов над немецкими военными преступниками в наиболее пострадавших городах: Харьков, Смоленск, Брянск, Ленинград, Николаев, Минск, Киев, Великие Луки, Рига, Сталино (Донецк), Бобруйск, Севастополь, Полтава, Кишинев, Чернигов³, Витебск, Новгород, Гомель⁴. Поскольку все остальные суды в СССР над нацистами были закрытыми, а их материалы не публиковались, то эти 18 открытых судов особенно важны для

² Епифанов А. Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1956 гг.: Монография. Волгоград: ВА МВД России, 2005. С. 29.

³ На открытом процессе в Чернигове 17–25 ноября 1947 г. были осуждены 13 венгров и трое немцев.

⁴ На открытом процессе в Кишиневе 6–12 декабря 1947 г. были осуждены семь румынских военных преступников и три немца.

научного анализа. На открытых судах часто звучали уникальные свидетельства самих преступников и их жертв об использовании принудительного труда. Это уникальный источник, доступный лишь фрагментарно (в России большинство этих не выдается исследователям). На основании доступных нам судебных материалов мы предлагаем авторскую классификацию пяти категорий преступлений, связанных с принудительным трудом:

1) Принудительный труд в гетто и расстрелы нетрудоспособных евреев⁵. Важно отметить, что само слово «гетто» нечасто упоминалось в материалах прессы о судах, в советской пропаганде это понятие подавалось как часть нацистской лагерной системы. Цитата ТАСС по Минскому процессу: «Одним из основных орудий порабощения и истребления советских людей были концентрационные лагеря, организованные в Белоруссии в большом количестве под различными наименованиями: лагеря эвакуированных, военнопленных, трудовые, «гетто» и т.п. Мирные советские граждане десятками тысяч заключались в лагеря вместе со своими семьями без суда и всякого определения сроков наказания. Условия удержания в лагерях – голод, холод, непосильные работы, побои и истязания – были рассчитаны на то, чтобы довести всех заключенных до смерти, а потому ряд лагерей получил название «лагерей смерти». Таким образом, в материалах прессы иногда производилось смешение понятий. Однако в судебных материалах и подробных брошюрах со стенограммами заседаний понятие «гетто» фигурировало. Вот цитата из обвинительного заключения Рижского процесса: *«Еккельн на допросе показал «Все евреи, которые содержались в гетто, были расстреляны за исключением немногих, посланных на работу в различные хозяйственные учреждения». В конце ноября 1941 года немецкой полицией и войсками СД было отобрано из всего населения гетто 4500 наиболее трудоспособных, а все остальное население гетто свыше 30000 человек 30 ноября и 7 декабря 1941 года было расстреляно»*⁶. В судебных принудительный труд в гетто почти всегда упоминался в контексте массовых казней: *«Позднее в Рижское гетто и в так называемые «рабочие лагеря» немцы свозить евреев из различных концов оккупированной Европы – Парижа, Праги, Вены, Гааги. Здесь они также*

⁵ Подробней о гетто в СССР см.: Альтман И.А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М.: Фонд «Ковчег», 2002.

⁶ Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории латвийской, литовской и эстонской ССР. Рига, 1946. С. 22-23.

истреблялись»⁷. Таким образом, тема жестоких условий труда в гетто на суде почти не поднималась. Сведения о нем исследователю нужно собирать из многочисленных, но разрозненных показаний свидетелей.

2) Создание «рабочих лагерей» (иногда в материалах суда их называли «трудовые лагеря»⁸). В городах их организовывали на территории важных для оккупантов предприятий. Так, на процессе в Великих Луках подробно изучались жестокие условия труда в лагере для рабочих паровозовагоноремонтного завода имени Макса Гельца (созданный по приказу подсудимого Раппарда). В этом лагере 500 рабочих (включая подростков) трудились по 12-13 часов, получая паек в 200 грамм хлеба с опилками. По приказу Раппарда расстреляли 36 рабочих, подозреваемых в подготовке восстания (доносчиком на них был подсудимый Гуго Ганн, директор завода). О труде подростков (за малейшую провинность избивали и наказывали) на заводе свидетельствовал 16-летний А.И. Смирнов, ему было 13 лет, когда он с матерью работал на заводе. Прокурором был зачитан приказ, подписанным Ганном и подсудимым Зонневальдом, в котором говорилось, что отлучка с завода карается – вплоть до расстрела. После выхода приказа для устрашения повесили тут же двух рабочих (всего на заводе нацисты убили 50 человек)⁹.

В 1943-1944 годах создавались рабочие лагеря для оборонительных работ (вопреки Гагскому праву) у линии фронта – за колючей проволокой под открытым небом. В них сгоняли стариков, женщин, детей – справки о нетрудоспособности игнорировались. В таких лагерях нацисты расстреливали недовольных и слабых, девушек массово насиловали. Так на Витебском процессе обвинялся генерал пехоты Ф. Гольвитцер, командир 53-го армейского корпуса. Он строил оборонную линию «Пантера» от устья реки Припять до города Витебска, и для выполнения этой работы насильно мобилизовал до 200 тысяч женщин, стариков и подростков, большинство которых было согнано в лагерь. Они работали по 10-15 часов в сутки, получая 150 граммов

⁷ Из показаний свидетеля И.У. Адлера, работавшего на захоронении жертв казней и дезинфекции вещей убитых. Цит. по: Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории латвийской, литовской и эстонской ССР. Рига, 1946. С. 75.

⁸ ТАСС о Минском процессе: «Суд устанавливает далее, что в так называемые трудовые лагеря были согнаны целые деревни. Там были дети, старики и женщины, испытывавшие на себе все кошмары лагерной жизни, ставшие жертвами фашистского террора».

⁹ Винк В.И. Конец фон Засса: очерки. Великие Луки, 1999.

хлеба и баланду, спали за колючей проволокой под открытым небом. На стройматериалы шли дома и колхозные постройки. Прибыв 1 октября 1943 года в Витебск, Гольвитцер организовал для оборонных работ такие же лагеря, куда согнал горожан. Там нацисты расстреливали недовольных и слабых, девушек массово насиловали и убивали (этим занимался и подсудимый фельдфебель Г. Рух):

«Прокурор: Доложите суду о ваших личных преступлениях, совершенных в этом лагере.

Рух: Я лично утром выгонял заключенных из барака на работу и при этом избивал их. Проводил много времени в бараках, где удар живались девушки. Я насиловал их, как и другие из охраны лагеря.

Прокурор: Можете вы вспомнить, сколько было таких случаев?

Рух: Вспоминаю семь случаев.

Прокурор: Сколько из этих девушек вами расстреляны?

Рух: Расстрелял четырех.

Прокурор: Сколько вами было расстреляно мужчин и женщин?

Рух: Я расстреливал мужчин за то, что они не могли больше работать по причине бессилия.

Прокурор: На предварительном следствии вы показали, что имели намерение расстрелять и оставшихся девушек, изнасилованных вами. Что помешало вам совершить это преступление?

Рух: Я больше не мог. Моя совесть не позволила это сделать. (Смех в зале)¹⁰.

3) Использование труда военнопленных красноармейцев¹¹. Военнопленные содержались в тяжелых антисанитарных условиях, подвергались побоям и истязаниям, их вынуждали работать при минимальном пайке. Как показывала на Рижском процессе свидетельница: *«Военнопленные находились в ужасных условиях, переживали невыносимые лишения и страдания, их морили голодом, убивали и заставляли делать непосильные работы. Помню, зимой в декабре 1941 года и январе 1942 года, почти ежедневно два раза в день проходила большая грузовая машина, на которую как дрова шу-*

¹⁰ Судебный процесс в гор. Витебске по делу о преступлениях немецко-фашистских захватчиков, причиненных в Белорусской ССР, утреннее заседание 30 ноября // «Віцебскі рабочы», 2 декабря 1947 г. Цит. по: Подлипский А.М. Возмездие: судебный процесс над немецко-фашистскими преступниками в Витебске. Витебск, 2013.

¹¹ Подробней см. Шнеер А. Советские военнопленные в Германии, 1941–1945. М.: Мосты культуры, 2005.

цманы, охраняющие лагерь наваливали трупы по 35 чел. на машину. Я также лично видела, как в январе 1942 г., когда военнопленных Красной Армии вели на работы, то они от истощения падали и не могли встать. В таких случаях шуцманы, сопровождавшие пленных били прикладами, стегали плетьюми, вывертывали руки, но предлагали следовать на работу».

В том числе труд военнопленных использовался на строительстве оборонительных сооружений (вопреки международному гуманитарному праву). Это было сознательным преступлением генералов вермахта. Опять же приведем цитату из материалов Рижского процесса: *«Прокурор: Подсудимый Вертер, кто давал вам военнопленных для строительства оборонительных сооружений?»*

Вертер: Военнопленные передавались мне военным комендантом гор. Риги генерал-лейтенантом Руфф»¹².

4) Угон на германскую каторгу, сопровождавшийся расстрелом непокорных¹³ – многие подсудимые участвовали в написании или выполнении подобных приказов. Так, на территории Витебской области генерал Гольвитцер (подсудимый Витебского процесса) и его начальник штаба полковник Г. Шмидт (также подсудимый) дважды разрабатывали и передавали для исполнения подчиненным войскам приказы о принудительном уgone работоспособного советского населения на каторжный труд в Германию. В Риге было угнано почти все население города: *«Суд устанавливает, что Руфф совместно с Еккельном 6 и 7 октября 1944 года провели в Риге одну из многочисленных массовых облав... с целью захвата и угона в Германию мирных советских граждан. Спротивляющихся избивали и расстреливали... Было угнано 76 000 жителей города»¹⁴.*

¹² Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории латвийской, литовской и эстонской ССР. Рига, 1946. С. 81.

¹³ Подробней см.: Полян, П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002; Gerlach C. Die Rekrutierung von Zwangsarbeitern in den besetzten sowjetischen Gebieten //Kriegsverbrechen im 20. Jahrhundert / Hrsg. W. Wette; G. R. Ueberschär. Darmstadt, 2001. S. 193–207.

¹⁴ Показания свидетельницы Клавдии Семеновны Витиньш. Цит. по: Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории латвийской, литовской и эстонской ССР. Рига, 1946. С. 81.

5) **Создание команд смертников для разминирования дорог, а также для сжигания трупов жертв массовых казней.** Эти пункты обвинения фигурировали на процессах в Минске, Брянске, Риге и других городах. Так, в Минске: *«Судебным следствием установлено, что Рихерт приказал разминировать дороги, принуждая к этому население. Под угрозой смерти мирных жителей заставляли тянуть бороны по заминированным дорогам. Многие при этом погибали... Далее суд выясняет обстоятельства мобилизации населения для разминирования дорог. После долгих уверток Молл признает, что при бороновании люди подрывались, что примененный им «способ» разминирования противоречит всем международным законам и является преступлением»*¹⁵.

Также смертники привлекались для захоронения или сжигания жертв Холокоста. На Рижском процессе свидетель из гетто Ноа Семенович Геймансон показал: *«30 ноября 1941 года я был свидетелем расстрела немцами 18 тысяч евреев. ...После расстрела указанного количества я с группой содержащихся в гетто евреев был направлен немцами на уборку трупов, которые хоронили в заранее подготовленных ямах... 7–8 декабря 1941 года я был свидетелем второй акции, проведенной немцами, во время которой было расстреляно до 10 тысяч евреев. 7 декабря вечером их выгнали под открытое небо, продержали до утра 8 декабря на морозе и затем расстреляли в Эргли. Во вторую акцию я так же был привлечен немцами на уборку трупов... С целью сохранения в тайне проводимых расстрелов еврейского населения, немцы для рытья ям и закапывания трупов привлекали русских военнопленных, которые по исполнению работ, немцами расстреливались»*¹⁶. Таким образом, одно военное преступление – принудительный труд – использовалось для сокрытия другого военного преступления – массовых казней.

По судебным материалам мы можем выделить также два подвиды принудительного труда, обусловленные возрастом и полом: **бордели для девушек и детское рабство.**

Так, на некоторых процессах (Рига, Великие Луки) встречались обвинения на тему сексуального рабства – отправки советских девушек в **бордели** для оккупантов. Из показаний свидетеля Я.Я. Каулиньш на Рижском процессе: *«В апреле месяце 1943 года из города Риги при-*

¹⁵ Из материалов ТАСС по Минскому процессу.

¹⁶ Цит. по: Кантор Ю.З. Прибалтика: война без правил (1939-1945). СПб.: Звезда, 2011.

были большие крытые автобусы /два/ в Саласпилский лагерь и с ними приехали 3 человека офицеров «СД», которые по прибытию в лагерь выгнали из барака всех молодых девушек и женщин и приступили к «просмотру» последних. Отобрав наиболее красивых и сложенных по телосложению в отдельную группу, – произвели им медицинский осмотр, насильно /так же как и отбирали/ чисто одели в пальто и платье после расстрелянных евреев и отправили в Ригу в дом терпимости на Парковую улицу. Об этом, что все девушки были отобраны и направлены в дом терпимости рассказала девушка Аболтиньши, которая бежала из этого дома и вновь попала в Саласпилский лагерь»¹⁷.

Дети насильно использовались оккупантами в «рабочих лагерях», в оборонительных работах и в сельскохозяйственных работах на хуторах¹⁸. Вот характерная цитата обвинительного заключения Рижского процесса: «Немецко-фашистские варвары торговали детьми, продавая их в рабство местным кулакам по цене от 9 до 16 оккупационных марок в месяц. Установлено, что кулацким хозяйствам фашистскими властями было продано в рабство 2200 детей от 4-летнего возраста. Фактически же количество распроданных детей составляет до 5000 человек, из которых впоследствии угнано на каторгу в Германию около 4000 человек».¹⁹

Таким образом, материалы открытых процессов 1943-1947 годов представляют собой уникальный и малоизученный источник о военных преступлениях всего периода оккупации и использования принудительного труда, в частности. Это широкая доказательная база о злодеяниях на конкретной территории: акты комиссий, свидетельства жертв и очевидцев, экспертизы, допросы военнопленных, приказы и признания самих преступников. Судебные документы и показания, распространенные при помощи прессы на весь мир, стали частью официального советского нарратива о войне. К сожалению, по политическим причинам на большинстве открытых процессов не упоминались имена пособников оккупантов в совершении многих

¹⁷ Цит. по: Кантор Ю.З. Прибалтика: война без правил (1939-1945). СПб.: Звезда, 2011.

¹⁸ См. также: Шнеер А. Они стали латышами? Или ... немцами? (Социальные аспекты судеб детей из России и Белоруссии, депортированных в Латвию в 1942-1944 гг.) <http://histudies.ru/info.php?id=3>

¹⁹ Цит. по: Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории латвийской, литовской и эстонской ССР. Рига, 1946. С. 20-21.

преступлений. А ведь именно им нацисты часто поручали грязную работу. Двойственным было и отношение к евреям, военные преступления против этого народа были важной частью обвинения, но само слово «евреи» часто вымарывалось из пропагандистских материалов о судах.

К сожалению, далеко не все преступники получили справедливое наказание, часть виновников сбежала, некоторые скрываются до сих пор. С каждым годом всё меньше остается очевидцев злодеяний, снижается шанс на полное расследование зверств оккупантов и проведение новых судов. Но даже сейчас все свидетели преступлений могут вспомнить важные подробности для идентификации палачей, ведь военные преступления нацистов не имеют срока давности. Тем важнее искать данные и судить всех пока ещё живых подозреваемых.

Vlad Basilevskiy and Iryna Radchenko

«Ткума» Ukrainian institute for Holocaust Studies

Влад Базилевский, Ирина Радченко

Украинский институт изучения Холокоста «Ткума»

FEATURES OF STUDYING AND TEACHING OF HOLOCAUST IN UKRAINE

(«TKUMA” UKRAINIAN INSTITUTE FOR
HOLOCAUST STUDIES, AS AN EXAMPLE)

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ХОЛОКОСТА В УКРАИНЕ: НА ПРИМЕРЕ УКРАИНСКОГО ИНСТИТУТА ИЗУЧЕНИЯ ХОЛОКОСТА «ТКУМА»

(ДНЕПРОПЕТРОВСК, УКРАИНА)

Институт «Ткума» был зарегистрирован в 1999 г. (тогда – Центр «Ткума»). С 2001 г. – это общественная организация, которая занимается изучением и преподаванием истории евреев Украины и Холокоста. В то же время началась работа над созданием Музея «Память еврейского народа и Холокост в Украине», открытого в октябре 2012 г.

Институт «Ткума» широко известен в Украине и за рубежом благо-

даря изданным научным монографиям, проведению научных конференций и образовательных семинаров, посвященных истории евреев Украины, Холокоста, проблемам межнациональных отношений.

Научные программы «Ткумы» включают работу по организации научных конференций, семинаров, форумов, научного сотрудничества с украинскими и зарубежными партнерами. Важными направлениями исследовательской работы является изучение механизма нацистского «окончательного решения еврейского вопроса» на территории оккупированной Украины, подвиг Праведников народов мира, сбор и анализ воспоминаний свидетелей событий Холокоста и т.д.

Одним из ведущих направлений работы Института является издание научной и учебно-методической, литературы. Спектр изданий «Ткумы» постоянно увеличивается, это – учебники, монографии, сборники статей и документов. Учебники истории, созданные сотрудниками Института «Ткума», победили на Всеукраинских государственных конкурсах и изданы тиражами в сотни тысяч экземпляров. Отдельное внимание заслуживают мультимедийные разработки, к примеру, мультимедийный учебник «Всемирная история: Вторая мировая война. Часть I». Это современный интерактивный учебник, посвященный истории Второй мировой войны. Особое внимание уделяется установленному нацистской Германией и ее союзниками «новому порядку» и Холокоста на оккупированных территориях.

Институт «Ткума» обращает особое внимание на образовательные программы. Среди них хотелось бы выделить передвижные мобильные выставки (спайдеры / плакаты). Каждый спайдер посвящен конкретной теме, проблеме. Поскольку приоритетным направлением деятельности Института является проблематика Холокоста, именно данной трагедии было уделено особое внимание.

Особенность изучения Холокоста Институтом «Ткума» заключается в единстве всех элементов, составивших геноцид европейского еврейства: массовые акции уничтожения в ходе Холокоста – коллаборационизм и т.н. «bystanders» – Праведники народов мира – мемориализация. Каждый из перечисленных вопросов представляет собой отдельную проблему, изучение которого предполагает научную и методологическую базу. Следует отметить, что такой подход был использован при создании 2-го зала Музея Холокоста – зала «Холокост», где также предусмотрен компаративистский подход – изучение Холокоста в сравнении с другими геноцидами XX века:

геноцид армян, Голодомор 1932–1933 гг., депортация крымских татар 1944 г. и т.д.

5 спайдеров, представленные здесь, демонстрируют концепцию подхода Института «Ткума» и Музея Холокоста: «Холокост», «Коллаборационизм», «Бабий Яр», «Праведники народов мира», «Геноцид армян».

В частности, Холокост в Украине характерен планомерным и организованным физическим уничтожением еврейского населения. За годы войны было уничтожено около 6 млн. евреев. Накануне войны по количеству евреев, проживавших на территории разных стран, Украина занимала первое место в Европе и второе в мире. Здесь проживало 2,7 млн. евреев. На территории Украины убито более 1,5 млн. евреев. Следует отметить особенность Холокоста в Украине: в отличие от евреев Европы, еврейское население Украины «было избавлено» от последовательных кругов ада (депортация – гетто, трудовые лагеря – уничтожение в лагерях смерти): уничтожение проводилось сразу на месте.

Что касается коллаборационизма, то следует сказать, что с появлением немецких войск на территории Украины после начала войны Германии и СССР украинские освободительные организации надеялись на получение государственной независимости Украины и в той или иной степени сотрудничали некоторое время с немецкими государственными и военными органами. И скоро (по крайней мере, уже в 1942–1943 гг.) выяснилось, что немецкие власти оказались даже хуже власти времен СССР. В то же время, в 1941–1943 гг. в Бабьем Яру было расстреляно 621 члена Организации украинских националистов и среди них – известная украинская поэтесса Елена Телига вместе с мужем. У Степана Бандеры в концентрационном лагере погибли два брата. Таким образом, нацистская политика немецкого оккупационного режима была направлена на ослабление всех потенциальных факторов национального сознания, которые могли стать составляющими освободительного движения. Возникшая в начале 1942 г. Украинская повстанческая армия выбирает путь сопротивления обоим тоталитарным режимам. УПА привлекает в свои ряды кадры ОУН, Полесской Сечи, бывших коллаборационистов, и, со временем, преобразуется в мощную силу сопротивления в Украине.

Большинство евреев Украины во время Холокоста были уничтожены путем массовых расстрелов, которые проводились в ближай-

шем яре или балке. Ужасным преступлением нацистов на территории Украины стала трагедия в киевском Бабьем Яру. Массовые расстрелы в Бабьем Яру начались 29 сентября 1941 г. и продолжались несколько дней. По историческим источникам, в течение только этих дней было уничтожено более 33 000 евреев. Это был «Холокост от пуль». Приводятся разные цифры общего количества уничтоженных в Бабьем Яру – примерно от 70 000 до 200 000 человек разной национальности. В этом году Украина и весь цивилизованный мир будут отмечать 75-ю годовщину со дня расстрелов в Бабьем Яру – преступления против человечества, которое не может быть предано забвению. В связи с данным мероприятием, в Киеве будет проведен ряд семинаров, лекций, симпозиумов, посвященных данной теме, одним из инициаторов которых выступает и Украинский институт изучения Холокоста «Ткума».

Люди, которые спасали евреев во время Холокоста, награждались почетным званием «Праведники народов мира». Ни один из тех евреев, кому была спасена жизнь в период Холокоста, не мог бы надеяться на свое спасение без помощи, которую с риском для собственной жизни и жизни своих родных, предоставляли евреям представители других народов, которые тоже страдали от гитлеровской оккупации. Украина занимает четвертое место в мире по количеству «Праведников народов мира», хотя исследования истории спасенных началось в Украине только после 1991 г., когда большинства свидетелей уже не было среди живых. Кроме того, следует отметить определенное количество людей, которым было отказано в звании Праведника на основании либо неполной информации, либо каких-либо других причин. Так, кандидатура греко-католического митрополита Андрея Шептицкого рассматривалась на присвоение звания Праведника 12 раз, но всякий раз получала отказ. Благодаря помощи Шептицкого, было спасено более 150 евреев. Данный факт послужил основой признания Шептицкого Праведником со стороны еврейской общины Украины в 2007 г.

Геноцид армян – умышленное целенаправленное физическое истребление армянского народа, что происходило на территории Османской империи и Турецкой республики с 1915 по 1923 гг. Из 2 млн. армян, проживавших на территории страны, было уничтожено около 1,5 млн. чел. Уничтожение армянского населения сопровождалось кампанией по уничтожению культурного наследия, архитектурных

памятников, церквей и т.д. Беженцы, которым удалось покинуть Османскую империю, создавали диаспоры во многих странах мира. Международное сообщество помогала армянам. Так, в странах Западной Европы и США создавались Комитеты помощи армянским беженцам. День памяти жертв геноцида армян ежегодно отмечается 24 апреля.

Данные спайдеры используются в качестве вспомогательного, визуального материала на международных конференциях, семинарах, конкурсах, клубах, музейно-образовательных уроках и уроках истории в украинских школах. Популярность использования такого рода материалов объясняется необходимостью дополнить, систематизировать и обобщить имеющиеся знания, но сделать это в простой и доступной форме.

Inna Birman, Maria Kunineva, Natalia Chertok
coordinators of a volunteering project 'Memory. Help. Generations.'
Moscow, Russia

*Бирман Инна Михайловна,
Кунинева Мария Александровна,
Черток Наталия Леонидовна*
координаторы волонтерского проекта «Память. Помощь.
Поколения», г. Москва, Россия

PROJECT “MEMORY. HELP. GENERATION”

ПРОЕКТ «ПАМЯТЬ. ПОМОЩЬ. ПОКОЛЕНИЯ»

О проекте

Создавая 4,5 года назад проект «Память. Помощь. Поколения»¹ мы ставили себе две основные задачи: во-первых, сбор сведений о евреях, погибших в Холокосте и в рядах Красной Армии во время Второй Мировой войны², с последующей передачей этих сведений в Зал Имен Мемориального комплекса Яд ва-Шем; во-вторых, укрепление связей между молодым и пожилым поколениями евреев Москвы и Подмосковья.

¹ Далее – ППП.

² В дальнейшем в статье будет говориться о «погибших евреях», под этим термином следует понимать обе вышеозначенные категории.

Основной предпосылкой создания проекта является то, что большинство жертв Холокоста было именно на территории бывшего СССР. Но, к сожалению, данные о них собраны Яд ва-Шем (Залом Имен) примерно на 60%. Связано это с тем, что многие архивные данные собирались локально (в Книгах памяти или в Музеях Славы) и никуда дальше не передавались. Причиной этому является длительное отсутствие дипломатических отношений между СССР и Израилем. А вместе с тем, онлайн база имен (электронный вариант архива) – одна из самых больших и удобных в поиске. В скором времени, в наш век все более развивающихся электронных технологий, подавляющее большинство людей будет пользоваться именно такими базами для поиска данных о своих родных. Так что внести данные в базу – это не только дань уважения к прошлому, но и вклад в будущее. Важно отметить, что хранители семейных историй, те, кто помнит имена погибших родственников, друзей, одноклассников, учителей и других знакомых им людей, уже не молоды, это либо фронтовики, либо дети войны. Следовательно, если не собрать имена сейчас, то уже никогда не удастся это сделать.

Название проекта было выбрано не случайно. *Память* – сбор сведений о погибших. *Помощь* – организация помощи пожилым одиноким евреям Москвы и Подмосковья в осуществлении трудных для них дел (то есть таких, которые не подпадают под список услуг хеседа). Например, установить программу скайп на компьютере и научить, как ей пользоваться, чтобы можно было созваниваться с родственниками в других странах. Или съездить вместе на кладбище, помочь в уходе за могилами близких. *Поколения* – проведение мероприятий, направленных на сближение поколений: совместные походы в театры и музеи; посещение тех людей, которым трудно самостоятельно передвигаться; поздравление и вручение подарков к еврейским праздникам.

Технология сбора информации

Сбор информации о погибших осуществляется несколькими способами:

- телефонные интервью,
- личные встречи,
- мероприятия организаций-партнеров.

Проект работает при поддержке Благотворительного Фонда «Джойнт» (БФ Джойнт). Благодаря сотрудничеству с Фондом мы

имеем возможность связываться с пожилыми людьми – подопечными московских благотворительных центров (хеседов). Мы звоним этим людям и выясняем, есть ли у них в семье погибшие в Холокосте или на фронте, а также готовы ли они передать свой архив (письма, воспоминания, фотографии) периода Второй Мировой войны в Яд ва-Шем или в Научно-просветительный Центр «Холокост» (НПЦ «Холокост»).

Технология проведения телефонного опроса разработана нами, написана методичка, по которой обучаются новые волонтеры. Она используется как основа, но каждый волонтер в свою очередь перерабатывает ее под себя, руководствуясь главным принципом: постараться узнать ответы на все вопросы, включенные в Лист свидетельских показаний Зала Имен, а также получить контактную информацию подателя листа (почтовый адрес, электронная почта, номер телефона). Эти данные нужны для того, чтобы после обработки Листа свидетельских показаний сотрудники Яд ва-Шем могли прислать опрошенному (свидетелю) сообщение о том, что информация о его погибших родственниках занесена в архив Зала Имен.

Один из важных вопросов, включенных в Лист, касается сохранившихся фотографий погибшего, писем и других документов военных лет. Если фотографии сохранились, то мы просим их отсканировать и прислать нам по электронной почте. Если такой возможности нет, то мы даем объявление в социальных сетях о том, что ищем волонтера, готового приехать к подателю листа домой и отсканировать у него фотографии, а затем прислать на электронную почту проекта. Такой подход позволил нам собирать данные в более полном объеме. Примерно 40% Листов свидетельских показаний передаются в Яд ва-Шем с фотографиями.

По той же схеме мы работаем с документами времен войны. Эта работа по выявлению документов, воспоминаний, дневников и писем позволила нам плотнее сотрудничать с Научно-просветительным центром «Холокост». Так, часть собранных нами материалов вошла в сборник «Сохрани мои письма...Вып. 4».³

Копии документов вместе с заполненными Листами мы передаем в Яд ва-Шем.

В некоторых случаях телефонного интервью оказывается недо-

³ Более подробно о совместной работе с НПЦ «Холокост» будет рассказано далее.

статочно, тогда волонтер встречается с подателем Листа у него дома. Это позволяет собрать более точные сведения о погибших и получить оригинальную подпись на Листе свидетельских показаний.

В настоящее время у проекта имеется номер телефона и электронная почта. Телефон +7 925 531 80 04 работает 6 дней в неделю, отвечает на него координатор проекта Наталия Черток. Так что мы не только обзваниваем сами, но и принимаем звонки от тех, кто узнал о нашем проекте из рекламы, от друзей или родственников, из публикаций в прессе. Электронная почта (9255318004@mail.ru) используется коллективно. Ее наличие позволяет нам оперативно обрабатывать поступающие фотографии и документы, вести их учет, а также расширить географию сбора информации.

В ходе работы стало понятно, что наших усилий по сбору информации посредством обзвона недостаточно. Мы продвигаемся слишком медленно из-за постоянной нехватки волонтеров. Тогда мы решили принимать участие в различных мероприятиях еврейских общин близких к нашей тематике. Например, в мероприятиях, посвященных Дню Победы, Международному Дню Памяти Жертв Холокоста, Йом-а-Шоа, Дню Иерусалима. Начиная с прошлого года, мы участвуем в образовательной конференции Лимуд. Наши волонтеры рассказывают о Проекте, предлагают заполнить Листы свидетельских показаний. После заполнения Листов они интересуются письмами и документами военных лет.⁴

Работа на подобных мероприятиях строится обычно следующим образом: мы просим организаторов выделить нам стол и несколько стульев, чтобы наши волонтеры могли расположиться вместе с теми, кто хочет подать данные на погибших, и все подробно записать. Обычно о присутствии волонтеров объявляют во время торжественной части мероприятия. Также мы просим выделить нам время на небольшой рассказ о проекте и о том, почему так важно подать данные в Яд ва-Шем. Участие в мероприятиях обычно вызывает живой интерес у новых волонтеров. Впоследствии некоторые из них продолжают сотрудничать с нами. Поскольку на мероприятиях мы активно распространяем листовки проекта, то звонки продолжаются и после окончания основной работы.

⁴ Фотографии с мероприятий можно посмотреть в наших группах в социальных сетях: <https://www.facebook.com/groups/ppp.hillel/>
<https://vk.com/ppphillelru>

К настоящему моменту проведено несколько совместных мероприятий в хеседах «Шаарей Цедек» и «Рука помощи», в Ассоциации евреев-узников гетто, в различных еврейских общинах Москвы и Московской области.

В мае 2016 года мы приняли участие в праздновании Дня Победы в хеседе «Шаарей Цедек» и в Большой Хоральной синагоге, работали на Дне Иерусалима. На этих мероприятиях волонтеры собрали порядка 180 листов свидетельских показаний.

О волонтерах

В начале работы проекта нам помогали молодые люди из еврейской студенческой организации «Гилель». По мере развития и роста проекта расширялся и круг волонтеров. Зачастую они охотно соглашались помочь, но их мотивация очень быстро угасала, иногда уже после первого звонка, после первого телефонного интервью.

Сейчас мы переориентировались и стараемся искать волонтеров старшего и пожилого возраста (наиболее пожилому нашему волонтеру сейчас 80 лет). Такая активная работа по вовлечению новых волонтеров, инструктажу и помощи им на начальном этапе возможна только при наличии координатора волонтеров. Поиск волонтеров – наиболее проблемная задача проекта, над которой мы сейчас работаем.

В настоящее время в проекте принимают активное участие порядка 10 человек, которые обзванивают потенциальных свидетелей. Есть также большое сообщество (около 250 человек), образованное в социальных сетях, но в большинстве своем эти люди читают наши новости и готовы помочь в разовых поручениях, например, съездить за фотографиями или принять участие в мероприятии.

В решении задачи по поиску новых активных волонтеров нам старается помочь Служба координации волонтеров «Маагаль», но мы только недавно начали сотрудничать с ней.

С 2014 года при мемориальном комплексе Яд ва-Шем начал работать Волонтерский центр по обзвону. Основная задача этого центра заключается в том, что волонтеры из Израиля обзванивают подопечных хеседов Москвы и московской области и собирают данные о погибших. Для тех, кто живет не в Иерусалиме, есть возможность собирать информацию по телефону из дома. Такое взаимодействие дает положительные результаты. На данном этапе в Яд ва-Шем работают 15 волонтеров, которые на постоянной основе обзванивают людей,

примерно по 100-150 телефонных номеров в месяц. Таким образом, волонтеры из Израиля компенсируют нехватку волонтеров, занимающихся обзвоном в Москве.

Трудности в работе

Конечно, важно понимать, что работа по сбору имен – непростая задача. Приходится говорить с людьми о близких, которых они потеряли, а это почти всегда психологически трудно. К такому разговору нужно подготовиться. Для этого мы разработали шаблон опроса с рекомендациями: какие лучше использовать слова (например, вместо «убит» говорить «погиб»); как быть, если человек не готов к разговору на эту тему; как реагировать на плач... Важно помнить, что у этого грустного разговора есть светлая сторона. Ведь после записи рассказа и отправки его в Израиль человек получает из Яд ва-Шем письмо о том, что данные о его родственнике получены и будут храниться в Зале Имен. Что тот, чье имя волонтеры помогли восстановить, навсегда останется в истории, и уже никогда не будет забыт.

Вопрос мотивации всегда стоит остро в волонтерской работе, и наш проект не стал исключением, особенно с учетом вышеизложенных обстоятельств. Для того чтобы укрепить командный дух, а также снять психологическую трудность работы, несколько раз в год мы устраиваем для волонтеров совместные походы в театр, на развлекательные мероприятия, тренинги. Также совместно со Службой координации волонтеров «Маагаль» ежегодно проводится семинар «Workshop добрых дел» (а в 2015 году был проведен семинар и для координаторов проектов). На 3-х дневном семинаре есть отделение для волонтеров проекта ППП, в рамках которого с опытными коучами и психологами мы прорабатываем сложные моменты в общении с пожилыми людьми, возникающие конфликты интересов и ситуации недоверия. На семинаре волонтеры знакомятся с участниками других волонтерских проектов, что способствует расширению нашего проекта и его популяризации.

Ежегодно мемориальный комплекс Яд ва-Шем и Зал Имен награждает волонтеров проекта грамотами и памятными значками.

Структура проекта

Куратор – благотворительный фонд «Джойнт». Куратор несет ответственность за проект как руководитель высшего ранга и является его основным спонсором.

Руководитель несет ответственность за стратегическое планирование, функционирование и контроль работы проекта.

Координатор (секретарь) несет ответственность за фактическое выполнение задач проекта: работа с телефоном, распределение работы между волонтерами, учет и контроль поступившей информации, публикация информации в социальных сетях.

Координатор по волонтерам несет ответственность за привлечение новых волонтеров в проект и контроль над исполнением заданий действующими волонтерами. В задачи координатора по волонтерам входят: работа с электронной почтой, общение с настоящими и потенциальными волонтерами посредством телефона и социальных сетей, выдача волонтерам заданий и контроль их исполнения, публикация информации в Интернете.

Преимущества проекта

Разработанная нами методика проведения звонков и последующей обработки полученной информации позволяет не только внести новые имена в Зал Имен, но и уточнить уже имеющиеся данные. Иногда более точную информацию мы получаем от ближайших родственников погибшего.

- Более 30% информации, которую мы собираем, дополнена фотографиями погибших, а также документами военного времени и воспоминаниями, что позволяет не только повысить достоверность собираемых данных, но и дополнить имеющуюся в базе информацию.
- Сбор и сравнение полученной информации с базами сайтов ОБД Мемориал, Подвиг народа и Память народа позволяет уточнить и расширить полученную информацию.
- В ходе общения с подателями у нас появляются контакты с краеведческими музеями, а также фотографии надгробий, мемориальных досок и памятников в местах массового уничтожения евреев. Все эти данные мы также передаем в Яд ва-Шем.

Промежуточные результаты работы

За время существования проекта мы собрали порядка 2200 имен, множество архивных документов, дополнили уже существующие в базе Зала Имен анкеты новой информацией, приняли участие в под-

готовке сборника «Сохрани мои письма... Вып.4» НПЦ «Холокост». Помогли многим людям, которые интересуются историей своей семьи, найти биографические сведения о погибших родственниках.

Также за время деятельности проекта проведено много мероприятий по сбору данных у свидетелей и популяризации проекта в широких массах (выступления в хеседах, на памятных вечерах и концертах, а также в молодежных организациях). Статьи, рассказывающие о деятельности проекта, были опубликованы в печатных и электронных СМИ (газета «Еврейское слово», журнал «Лехаим»).

В Москве наш проект довольно известен, но мы работаем не только в столице, но и в Брянске, Уфе, Севастополе, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Великом Новгороде и других городах.

Не во всех городах работа ведется по единой технологии. Например, в Брянске объявления о сборе сведений для Листов свидетельских показаний размещены на информационной доске в хеседе постоянно. Во время различных мероприятий, связанных с Холокостом и Великой Отечественной войной, также делается устное объявление о месте и времени сбора данных. Ведется работа с Книгами памяти. Имена погибших из этих Книг передаются также в Яд ва-Шем. Проводятся «выездные миссии» – команда волонтеров выезжает в места, где проводились акции массового уничтожения евреев: фотографируют надгробия и мемориальные доски с именами, беседуют с теми, кто может помнить погибших. А в некоторых городах у нас есть только один волонтер – активный человек, который проводит сбор данных.

В дальнейшем мы надеемся активно развивать взаимодействие с регионами, устанавливать взаимоотношения с местными еврейскими общинами, налаживать работу по сбору имен.

О сотрудничестве

Как уже упоминалось ранее, проект ППП сотрудничает с НПЦ «Холокост». Можно на примере показать, как звонок по объявлению в газете привел к публикации фронтовых писем.

Ко Дню Победы в 2015 году впервые была опубликована небольшая заметка о проекте в газете «Еврейское слово». После публикации было большое количество звонков, люди откликнулись, захотели использовать такую возможность – увековечить память своих близких. Так, нам позвонила Александра Яковлевна Кононович. Ее отец – Яков Маркович Кононович родился в 1902 году, был военным служащим, за-

кончил курсы «Выстрел» в Ленинграде. С 1934 по 1937 год служил в охране Кремля. После возникших трений с начальством он подал рапорт, и в 1937 году семья уехала на Дальний Восток. Александре Яковлевне было 7 лет. Тогда же репрессировали ее дядю – брата отца.

После возвращения в Москву отец начал работать на заводе «Калибр», вырос от ученика до начальника отдела сбыта и снабжения. Летом 1941 года руководил пионерским лагерем, именно там для Якова Марковича и его дочери началась война. Отец вместе со многими «калибровцами» ушел в 13-ю дивизию Московского народного ополчения. Как рассказал впоследствии очевидец, Яков Маркович был ранен в голову, его обнаружили в стогу сена, взяли в плен, избили, бросили в какой-то сарай. Евреи из плена, как правило, не возвращались. Скорее всего, отец Александры Яковлевны был расстрелян.

Волонтеры нашего проекта заполнили Лист свидетельских показаний по телефону. На вопрос о письмах, прозвучал ответ, что да, есть письма отца, а также есть фронтовая переписка других родственников. И к тому же есть письма родственников, находившихся в эвакуации.

Этой информацией волонтеры поделились с сотрудниками архивного отдела НПЦ «Холокост». Дома у Александры Яковлевны весь ее архив, включая письма, документы, фотографии был отсканирован. Часть материалов семейного архива (оригиналы) переданы в Архив НПЦ «Холокост». А также были записаны устные воспоминания и пояснения. Фронтовые письма Якова Марковича Кононовича вошли в состав четвертого выпуска сборника «Сохрани мои письма...»

Семейная история, которую хранит Александра Яковлевна, не ограничивается историей жизни ее отца. В этой семье были и выжившие, и погибшие на фронте, подвергшиеся сталинским репрессиям, были и те, кого беды 20 века обошли стороной. Эти разноликие истории людей тем и ценны, что позволяют нам лучше понять жизнь «маленьких» людей на фоне больших исторических событий.

Заключение

Основным итогом нашей работы за 4,5 года можно считать пополнение Зала Имен мемориального комплекса Яд ва-Шем листами свидетельских показаний. Одна из задач Зала Имен – увековечивание памяти шести миллионов евреев, погибших в Катастрофе. К сожалению, еще очень много имен не найдено и, видимо, не будет найдено

никогда. Тем не менее, работа, которую делает Зал Имен – бесценна, и можно сказать уверенно, что мы внесли в нее свой небольшой, но очень важный вклад.

Также хочется отметить, что сбор имен и активный поиск потенциальных свидетелей – это лишь ниточка, потянув за которую, можно разматывать семейные истории. Документы военного времени, фронтовые письма и дневники, письма из эвакуации, воспоминания, фотографии помогают лучше понять историю страны. А знание и осмысление истории – гарантия того, что Холокост никогда больше не повторится.

Anna Bogdanova
Master Degree in History,
Belorussian State University (Minsk)

Анна Богданова
магистр исторических наук,
Белорусский государственный
университет (Минск)

SALASPILS AND TROSTENETS IN NAZI SISTEM OF EXTERMINATION OF THE CIVILIAN POPULATION (1941-1944)

САЛАСПИЛС И ТРОСТЕНЕЦ В НАЦИСТСКОЙ СИСТЕМЕ УНИЧТОЖЕНИЯ МИРНЫХ ГРАЖДАН (1941-1944 гг.)

Начало Второй мировой войны способствовало стремительному росту сети нацистских концентрационных лагерей на территории оккупированных европейских стран, появлению лагерей смерти, где ликвидация узников шла непрерывно. Лагеря стали одним из важнейших средств по установлению «нового мирового порядка».

Нападение гитлеровцев на Советский Союз и захват территории сделали возможным осуществление целенаправленной политики геноцида в отношении неугодных нацистскому режиму групп населения и целых народов, и в первую очередь для уничтожения евреев.

До осени 1941 г. политика национал-социалистов была нацелена на выживание евреев из Германии, но с началом войны планы по отношению к евреям кардинально изменились. Политику принудительной эмиграции сменила политика – точнее, планы – депортации. Это объяснялось, прежде всего, тем, что каждый новый шаг военной и

экономической экспансии вовлекал в сферу германского владычества миллионы новых евреев [15, с. 13].

Антисемитская политика Германии предусматривала уничтожение 11 миллионов евреев Европы. Планы «окончательного решения еврейского вопроса» начали разрабатываться летом 1941 г., а 20 января 1942 г. руководители нацистской Германии приняли Ванзейский протокол. «В ходе практического осуществления окончательного решения еврейского вопроса Европа будет прочесана с Запада на Восток», – говорилось в документе. Программа предусматривала создание гетто для концентрации и изоляции евреев и последующую их депортацию в лагеря уничтожения, цепь которых была выстроена в Европе [13, с. 74].

Конечные пункты этой цепи располагались в пределах рейхскомиссариата Остланд, в границы которого входили территории Беларуси, Латвии и Литвы. В одном ряду стоят печально известные нацистские лагеря Тростенец (Минск, Беларусь), Саласпилс (Рига, Латвия) и IX форт (Каунас, Литва).

10 октября 1941 г. Рейнхард Гейдрих, шеф Главного управления государственной безопасности, представил в Праге план депортации евреев из Центральной Европы в Ригу и Минск, по 25 тысяч человек в каждый из городов [15, с. 17]. О последовавших после этого массовых депортациях еврейского населения говорится в телеграмме от 9 ноября 1941 г., отправленной Генрихом Лозе рейхскомиссаром Остланда, Альфреду Розенбергу, генеральному комиссару оккупированных восточных территорий: «Полиция безопасности сообщает о прибытии 50000 евреев в Остланд. Прибытие первого эшелона в Минск – 10 ноября, в Ригу – 19 ноября» [6, Л. 52]. Однако первые несколько эшелонов с депортированными евреями были направлены не в Ригу, а в Каунас в IX форт Ковенской крепости [11, с. 37]

На протяжении трех месяцев, с 8 ноября 1941 г. по 6 февраля 1942 г., в Минск, Каунас и Ригу было отправлено 32 крупных транспорта, из них 7 в Минск, 5 в Каунас и 20 в Ригу [15, с. 18]. О судьбе депортированных сообщается в одном из немецких отчетов: «С декабря 1940 (точнее с 1941 г. – прим. автора) эшелоны с евреями отправлялись с короткими промежутками. Из них 20000 евреев было направлено в Ригу, а 7000 в Минск. Первые 10000 евреев, эвакуированных в Ригу, частично размещены в приемном лагере, а часть в новом строящемся лагере недалеко от Риги (имеется ввиду Саласпилс – прим. автора).

Оставшиеся эшелоны были направлены в Рижское гетто» [11, с. 38].

Всего, за годы немецкой оккупации в Латвии было истреблено более 25 тысяч человек еврейской национальности, привезенных из Австрии, Германии и Чехии [11, с.13]. Всего же на территории Латвии было уничтожено около 100 тысяч евреев. Для содержания, а затем уничтожения нацистами в Риге использовались как уже имеющиеся места заключения (Центральная и Срочная тюрьмы), так и новые – Рижское гетто, лагерь Кайзервальд (на территории нынешнего Межапарка), лагерь военнопленных Шталаг-350 и лагерь Саласпилс [11, с.13].

Строительство лагеря в Саласпилсе было начато в ноябре 1941 г. и длилось до осени 1942 г. На строительстве лагеря были заняты советские военнопленные и иностранные евреи, привезенные из Австрии, Германии и Чехословакии. Руководил постройкой лагеря латышский инженер Магнусс Качеровский [11, с. 26]. Подчинялся лагерь начальнику полиции безопасности Латвии оберштурмбаннфюреру Рудольфу Ланге. Первым комендантом Саласпилского лагеря был Рихард Никель, позже ему на смену был назначен Курт Краузе (в октябре 1942 г.). В охране лагеря были задействованы солдаты из полицейских батальонов, внешнею охрану лагеря и его рабочее отделение Сауриеши нес латышский отряд СД старшего лейтенанта Конрада Калейса [11, с. 27]. Кроме того, при лагере была собственная полиция, которая назначалась комендантом лагеря из числа заключенных. В каждом бараке, так же из числа заключенных, назначались старший барака и пожарный [11, с. 32].

Заключенные Саласпилского лагеря использовались на разных работах за пределами лагеря. Основными рабочими отделениями были: каменоломни в Сауриеши, каменоломни Бема, саласпилское торфяное болото, цементная фабрика Броцены, саласпилская лесопилка, аэродром Спилве, Мазьюмправское гетто. Кроме того, заключенные использовались на работах и в самом лагере: на постройке новых бараков и строений, возделывание огородов на территории лагеря, женщины использовались в качестве прачек, которые стирали белье немецких солдат, присланное с фронта, часть заключенных плела соломенную обувь для солдат вермахта. При лагере были также столярная, механическая и пошивочная мастерские. В пошивочной мастерской из одежды расстрелянных узников гетто и иностранных евреев шили новые одежды и отправляли ее на рижский рынок или в Германию [11, с. 30].

В лагере Саласпилс содержались разные категории заключенных. В большинстве своем еврейское население, которое доставлялось в лагерь насильно из европейских стран, которые согласно расовой теории, уничтожались. Латвийских евреев там практически не было, поскольку к моменту организации лагеря местные карательные и полицейские отряды успели уничтожить почти все еврейское население Латвии [11, с. 27].

К весне 1942 г. Саласпилский лагерь стал неким подобием огромной тюрьмы, куда перемещали заключенных из разных региональных латвийских тюрем. В основном это были уклоняющиеся от трудовой мобилизации латвийские граждане и бывшие советские активисты. Сразу после ареста подозреваемого помещали в одну из тюрем, в Риге это были Центральная и Срочная тюрьмы (последняя была предназначена для женщин). После приговора присуждалось заключение в лагерь Саласпилс. Срок заключения зависел от тяжести «преступления» [11, с. 27]. Целенаправленной установки на уничтожение местного населения (за исключением евреев и цыган) у немецких оккупационных властей не было. Кроме того, у таких заключенных была возможность выйти из лагеря досрочно [11, с. 28].

Третья категория заключенных в лагере – мирное население из западных областей России и Беларуси. В основном это были жители деревень и сел, которые насильно угонялись в целях борьбы с партизанами. Большую часть этих заключенных составляли женщины с детьми и старики [11, с. 30]. Однако общее количество заключенных из числа белорусов и русских остается неизвестным, как и общее количество жертв Саласпилского лагеря. Это связано с отсутствием документальных подтверждений преступлений нацистов и их пособников, которые при наступлении частей Красной Армии сожгли лагерь вместе с его архивом [11, с. 19]. Ликвидирован лагерь был гитлеровцами в начале октября 1944 г. при наступлении советских войск на рижском направлении [11, с. 26].

Судьба первых депортированных из Европы евреев в Минск в ноябре 1941 г., также как депортированных в Ригу, была predetermined, их расселили на территории Минского гетто и использовали на различных работах, однако многие понимали, что выжить удастся только единицам [15, с. 39].

Всего в 1941 г. в Минск прибыло 7 транспортов, общее число де-

портированных составило предположительно 7032 человека¹. Причиной преждевременного прекращения депортаций стала катастрофическая ситуация на железных дорогах на территории группы армий «Центр» в период, когда предпринимались тщетные усилия для предотвращения угрозы поражения в битве под Москвой.

В мае 1942 г. после довольно длительного перерыва, возобновились депортации евреев из Западной Европы в Минск. Депортированные евреи, за исключением очень немногих, отобранных для работы, уничтожались сразу же после прибытия, в окрестностях Тростенца, у специально вырытых ямах-могилах в урочище Благовщина [18, s. 10]. С июня 1942 г. для массового уничтожения стали использовать специальные газовые автомобили – «душегубки». Всего с мая по октябрь 1942 г. в Минск, точнее в окрестности Тростенца прибыло по разным подсчетам от 16 до 18 транспортов, общее количество депортированных с ноября 1941 по октябрь 1942 гг. составило свыше 28 тысяч человек².

Одновременно с проведением массовых казней иностранных евреев, в окрестностях Тростенца уничтожались евреи из Минского гетто вплоть до его полной ликвидации в октябре 1943 г. [16, s. 769]. Кроме того, в окрестностях Тростенца совершались казни подпольщиков и лиц, подозреваемых в связях с подпольем, партизан, взятых в плен в ходе карательных экспедиций [4, л. 28], мирных горожан, схваченных в ходе «облав», после крупных операций подполья, которых после беглой проверки отправляли на расстрел к Благовщинским рвам [7, с. 5]. В том числе, систематически проводились «чистки» среди узников лагеря Тростенец [3, л. 88].

Тростенец объединяет название нескольких мест массового уничтожения: урочище Благовщина – место массовых расстрелов и удушения в специальных газовых автомобилях; «подсобное хозяйство СД» или, как его называли нацисты «имении командира службы безопасности и СД» и трудовой лагерь – рядом с деревней Малый Тростенец; урочище Шашковка – место массового сожжения людей.

Создание трудового лагеря при «имении командира службы безопасности и СД» было начато в апреле 1942 г., когда командир минской

¹ Данные о численности евреев, депортированных в Минск, в разных источниках существенно различаются. Приведенная цифра получена на основании перечня состава всех депортаций в Минск в ноябре 1941 года.

² Приложение 1 и 2.

службы безопасности и СД Эдуард Штраух получил бывшую территорию колхоза для ведения собственного хозяйства. В этот момент Штраух решил использовать хозяйство в качестве дополнительного места заключения, чтобы получать прибыль от принудительной работы заключенных, тем более подобный опыт практиковался в Риге, по созданию лагеря в Саласпилсе. В конце апреля 1942 г. сюда были доставлены первые принудительные рабочие – 22 белоруса из минской тюрьмы, их разместили в одном из амбаров и приказали выполнять строительные работы [8, с. 187].

В начале мая из Риги в Тростенец был направлен эшелон с 34 головами крупного рогатого скота, который сопровождали два немецких еврея, узники Саласпилского лагеря. Оба эти мужчины стали первыми евреями, принудительно интернированными в Тростенец, именно они возглавили создание скотоводческого и аграрного хозяйства [12, с. 161]. Как уже было отмечено выше, для работ по организации сельского хозяйства привлекались депортированные евреи, которые обладали необходимыми специальностями. Таким образом, на работах по созданию Тростенцкого и Саласпилского лагерей были заняты советские военнопленные и иностранные евреи.

Кроме того, Тростенец, как и Саласпилса, находился в ведении службы безопасности, и подчинялся командиру службы безопасности и СД оберштурмбаннфюреру СС Эдуарду Штрауху [5, л. 25], который возглавлял Управление полиции безопасности и службы безопасности по Беларуси в Минске.

Однако имелось и отличие в системе лагерной администрации, в Тростенце должность коменданта отсутствовала, на территории же лагеря постоянно находился помощник командира службы безопасности и СД из числа немецких офицеров [2, л. 88-89]. В соответствии с временными рамками, помощниками были: унтерштурмфюрер СС Герлах Майвальд, штурмфюрер СС Генрих Эйхе – с осени 1942 г. по осень 1943 г. (его заместителем шарфюрер Тош), хауптштурмфюрер СС Мадкер, Вильгельм Кальмейер, Йозеф Фабер, его заместитель Венцель (Вензель) [19, с. 193].

В охране лагеря была задействована латышская вспомогательная полиция безопасности, т.е. сотрудники «команды СД Арайса», находившиеся в распоряжение минского СД [3, л. 88-89].

На территории Тростенецкого лагеря было создано большое хозяйство по производству продуктов питания. Подсобное хозяйство,

должно было обеспечивать производственные потребности минского гарнизона и полиции, а также гарнизонов и постов, расположенных в окрестностях Минска. На его территории располагались посевные площади, огороды, сады, фермы для разведения скота и птицы, цветочная оранжерея, мельница, лесопилка [9, с. 27]. Заключенные, как и в Саласпилсе, работали в прачечных, где очищалась одежда расстрелянных людей от песка и крови, в швейной мастерской, где ремонтировалась разорванная и пострадавшая от пуль одежда, в сапожной мастерской, где приводились в порядок поврежденные сумки жертв.

С октября 1942 г. в минском СД велась картотека по учету лагерей: в Тростенце, по улице Широкой в Минске – и того, что к ним относилось. Имелись списки всех арестованных, содержавшихся в этих лагерях. Главный ассистент криминального отдела Эрнст Фридл, ответственный за картотеку заключенных в лагерях СС, выезжал в Тростенец. На месте он составлял списки узников, чтобы завести карточки, так как многие люди оказывались в лагере, минуя Минск. Ни одна из этих картотек до настоящего времени не обнаружена [17, s. 512-513]. Скорее всего картотека, как и архив Саласпилского лагеря, была уничтожена вместе с лагерными постройками, которые нацисты сожгли перед отступлением.

Тростенецкий лагерь смерти был ликвидирован за три дня до освобождения Минска от гитлеровцев, 30 июня 1944 г. В этот день в бывшем колхозном сарае были расстреляны последние жертвы, но для того чтобы скрыть следы своих преступлений, сарай подожгли. По данным Государственной чрезвычайной комиссии в районе лагеря Тростенец погибло 206, 5 тысяч человек. Судить о правильности выводов официальных органов, расследовавших трагедию Тростенца и Саласпилса, довольно трудно и уже не представится возможным установить точное количество уничтоженных, так как помимо невероятно большого числа расстрелянных, убитых и замученных неисчислимо количество сожженных.

Следует заметить, что Тростенец на протяжении всего периода существования, входивший в компетенцию службы безопасности и СД, рассматривался нацистами как система мест уничтожения с отдельно функционирующим «подсобным хозяйством службы безопасности и СД», которое служило лишь прикрытием, чтобы беспрепятственно осуществлять уничтожение военнопленных, партизан, подпольщиков, участников Сопrotивления, узников

тюрем и концлагерей, мирное население, а также многие тысячи евреев со всей Европы.

Политика национал-социализма была направлена на «окончательное решение еврейского вопроса», Минск и Рига в планах нацистов выступали в качестве конечных пунктов, а окрестности Тростенца и Саласпилса являлись типичным порождением нацистской системы уничтожения огромных масс людей: истребление мирного населения и военнопленных, заранее спланированные убийства людей разных национальностей и вероисповеданий. От рук нацистских палачей и их пособников погибли миллионы людей в концентрационных лагерях по всей Европе. Редко кому удавалось выбраться живым из лагеря смерти. Дикий произвол и садизм лагерной администрации, охранных команд, специальных отрядов полиции безопасности и СД по отношению к заключенным в лагерях смерти не поддается никакому описанию. Гибель многих тысяч узников – следствие ужасных условий жизни, непосильного труда, систематическое уничтожение неугодных нацистскому режиму.

Источники и литература:

1. Геноцид во Второй мировой войне: проблемы исследования (в память о жертвах Тростенца) : материалы междунар. науч. конф., Минск, 25-27 апреля 2002 г. / Изд. центр Белорус. гос. ун-та ; редкол.: К.И. Козак, А.М. Литвин, У.Н. Сидорцов. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2003. – 278с.
2. Государственный архив Латвии (ГАЛ). – Ф. 1986. Оп. 1. Д. 2782. Т.1. Л. 87-94.
3. ГАЛ. – Ф. 1986. Оп. 1. Д. 2782. Т.2. Л. 150-208.
4. ГАЛ. – Ф. 1986. Оп. 1. Д. 2891. Л. 27-37.
5. ГАЛ. – Ф. 1986. Оп. 1. Д. 28445. Л. 23-28.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 7445. – Оп. 2. – Д. 145. Л. 52.
7. Жумарь, С.В. Тростенец / С.В. Жумарь, Р.А. Черноглазова. – Минск : 2003. – 104с.
8. Лагерь смерти Тростенец. Сборник документов и материалов. – Минск: НАРБ, 2003. – 260с.
9. Лагерь смерці Трасцянец 1941-1944 гг.: памяціяхварнацызма ў Беларусі.//Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канфэрэнцыі 10 лістапада 2004 года. Мінск. Адк. рэд.

- В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. – Мінск, 2005. – 316 с.
10. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944 гг.) : сб. док. / 3-е изд.; сост.: Г.Ф. Заставенко (рук.) [и др.], под общ. ред. Е.А. Болтина. – М. : Экономика, 1985. – 328 с.
 11. Приговоренные нацизмом. Сборник документальных свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы Германской оккупации Латвии в 1941 – 1945 гг. : сб. док. / Фонд «Историческая память» ; состав.: В. Богов. – Рига : Фонд «Историческая память», 2011. – 288 с.
 12. Рэнтрап, П. Малы Трасцянец як гаспадарка камандзіра ахоўнай паліцыі і СД і як лагер смерці / П. Рэнтрап. с. 157-173. // Свидетельствуют палачи. Уничтожение евреев на оккупированной территории Беларуси в 1941-1944 гг.: документы и материалы/ сост.: В.И. Адамушко, И.П. Герасимова, В.Д. Селемонов; науч. ред. С.Е. Новиков. – Минск: НАРБ, 2009. – 216 с.
 13. Спасенная жизнь: жизнь и выживание в Минском гетто. / сост.: В.Ф. Балакирев [и др.]. Минск: И.П. Логинов, 2010. – 102 с.
 14. Уничтожить как можно больше...: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1941-1944 гг. : сб. док. / Фонд «Историческая память» ; редкол.: А.Р. Дюков [и др.]. – М. : Фонд «Историческая память», 2009. – 360 с.
 15. Хеккер, К. Немецкие евреи в Минском гетто / К. Хеккер. – Минск : 2007. – 154с.
 16. Gerlach, Christian Kalkulierte Morde die deutsche Wirtschafts-und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944 / Ch. K. Gerlach. – Hamburg : 2000. – 1232 S.
 17. Karner, Stefan Österreicher und Sudetendeutsche vor sowjetischen Militär- und Strafgerichten in Weißrussland 1945-1950 / St. Karner. – Schörgelgasse, 2007. – 727 S.
 18. Kohl, Paul Das Vernichtungslager Trostenez: Augenzeugenberichte und Dokumente / Paul Kohl. – Dortmund : 2003. – 112 S.
 19. Rentrop, Petra Tatorte der «Endlösung»: Das Ghetto Minsk und die Vernichtungsstätte von Maly Trostinez / P. Rentrop. – Berlin : 2011. – 256 S.

Депортация в Минск в 1941 году³

Город	Дата от- правления, 1941 г.	Дата при- бытия, 1941 г.	Количество депортиро- ванных	Источники
Гамбург	8 ноября	10 ноября	990	Paul Kohl Das Vernichtungslager Trostenez: Augenzeugenberichte und Dokumente. S.9.
Дюссельдорф	10 ноября	15 ноября	993	Paul Kohl Das Vernichtungslager Trostenez: Augenzeugenberichte und Dokumente. S.9.
Франк- фурт-на-Май- не	11 ноября	17 ноября	1042	Клара Хеккер Немец- кие евреи в Минском гетто. с.20.
Берлин	14 ноября	18 ноября	1030	Paul Kohl Das Vernichtungslager Trostenez: Augenzeugenberichte und Dokumente. S.9.
Брно	16 ноября	21 ноября	999	Июффе Э.Г. Ино- странные евреи в Тростенецком лагере смерти.с.10.
Гамбург/ Бремен	18/19 ноя- бря	23 ноября	407/570	Клара Хеккер Немец- кие евреи в Минском гетто. с.20
Вена	28 ноября	05 декабря	1001	Paul Kohl Das Vernichtungslager Trostenez: Augenzeugenberichte und Dokumente. S.9.

³ Данные о численности евреев, депортированных в Минск, в разных источниках существенно различаются. Приведенная цифра получена на основании перечня состава всех депортаций в Минск в ноябре 1941 года.

Депортация в Минск (Тростенец) в 1942 году⁴

Место отправления	Дата отправления	Дата прибытия	Количество депортированных	№ поезда
Вена	06.05.1942	11.05.1942	1000	Da 201
Вена	20.05.1942	23.05.1942	1016	Da 203
?/Рейх	?	26.05.1942	1000	?
Вена	27.05.1942	01.06.1942	998	Da 204
Вена	02.06.1942	06.06.1942	<i>около 1000</i>	Da 205
Вена	09.06.1942	13.06.1942	1006	Da 206
Терезиенштадт	13.06.1942	?	<i>около 1000</i>	?
Кенисберг	24.06.1942	26.06.1942	770	Da 40
Дахау	?	Июнь 1942	?	?
Терезиенштадт	14.07.1942	17.07.1942	1000	Da 220
Кельн	20.07.1942	24.07.1942	1164	Da 219
Терезиенштадт	28.07.1942	31.7.1942: Барановичи	999	Da 221
Варшава	до 31.07.1942	до 31.07.1942	1000	? ⁵
Терезиенштадт	04.08.1942	10.08.1942	993	Da 222
?	?	<i>между 1 и 15.08.1942</i>	?	?

⁴ Хеккер, К. Немецкие евреи в Минском гетто. Минск, 2007. С. 128. Данные о 18 транспортах с депортированными подтверждены достоверно, сведения о 6 транспортах, выделенных курсивом, нуждаются в проверке.

⁵ Сведения об этом транспорте встречаются в донесении генерального комиссара Беларуси Кубе рейхскомиссару Остланда Лозе о борьбе с партизанами и репрессиями против евреев в генеральном округе Беларусь, датированное 31 июля 1942 г.

Вена	17.08.1942	19.08.1942	около 1000	Da 223
<i>Терезиенштадт</i>	20.08.1942	?	<i>около 1000</i>	?
Терезиенштадт	23.08.1942	25.08.1942	1000	Da 224
Вена	31.08.1942	02.09.1942	около 1000	Da 225
<i>Терезиенштадт</i>	01.09.1942	?	<i>около 1000</i>	?
Терезиенштадт	08.09.1942	10.09.1942	1000	Da 226
Вена	14.09.1942	16.09.1942	около 1000	Da 227
Терезиенштадт	22.09.1942	25.09.1942	1000	Da 228
Вена	05.10.1942	07.10.1942	547	Da 230

Reinhold Boschki
Tübingen University, Germany

TOWARDS A NEW THEORY AND PRACTICE OF HOLOCAUST REMEMBRANCE IN GERMANY – AND BEYOND

In our time, Europe is witnessing a dramatic transformational change. Europe today definitely is migration continent. The situation of flight and migration has an immense influence on people's minds and political attitudes. In some cases and countries refugees are welcomed, in other countries or from specific right-wing groups in all countries, including Germany, they are rejected or treated inhumanely.

Such experiences evoke memories of past situations. If we see refugees whose flight ended up at fences of barbed wire, our collective memory evokes the concentration camps more than 70 years ago where fences of barbed wire separated life from death. The past is present in our days – and the presence recalls past events.

The transformational change in society and politics in European countries is one of the reasons for a radical change of Holocaust remembrance and Holocaust education. We are currently witnessing a paradigm shift in Holocaust education.

As far as I can see this paradigm shift is mirrored and discussed in theory and research as well as in reflection of the practice of Holocaust remembrance – for example: Gross/Steivick 2015; Matthes/Meilhammer 2015;

Brumlik 2016: Politics and contemporary history: a quite famous journal read especially by teachers; A free print and open access online journal published by the governmental Centre for Citizenship Education, Berlin: The first issue in 2016 was dedicated to “Holocaust and historical learning.

In all of these publications in the last couple of years we find the topic of the past / remembrance of the past alongside with the debate on present issues, such as refugee situation, war and crimes against humanity, genocide in present times, actual violation of human rights.

This is part of the paradigm shift in Holocaust education: To perceive history as it is mirrored in the present; to see past with the eyes of the present.

The reasons for this paradigm shift are multifaceted. Some of the most important are:

Social and political change, as mentioned above (migration; refugees, pluralistic society a.s.o.).

The witnesses fall silent.

Time shift: Holocaust Remembrance deals with history that is far away from young people today. They are no more directly involved through parents or even grandparents.

Globalization: Divided memory, overlapping memory e.g. in Post-Communist countries, but also in migration countries. Migrants bring along their own memories of their own traumatic experiences.

Therefore, the question is: How can the Holocaust be remembered today? Is Holocaust education a means or a tool for something else, e.g. for teaching human rights or for the transmission of moral lessons? (Eckmann 2015, p. 53) If so, a dangerous connection can arise because Holocaust remembrance could be reduced to an instrument for educational intentions and goals only.

Instead – and that is my basic thesis –, remembrance of the victims must be “pure”, “clear”, “consistent” – and must not be underlined by additional goals. “To remember” means, just to remember – it does not include other purposes and aims. If we remember the situation of suffering and death in the Holocaust, first of all Jews, we do have to respect the dignity of the victims.

We do not go to the cemetery in order to gain moral lessons from it. We go there to remember, to remember the life, the biography, the entire person, the fate of the deceased person – be it a friend, a relative, or whoever.

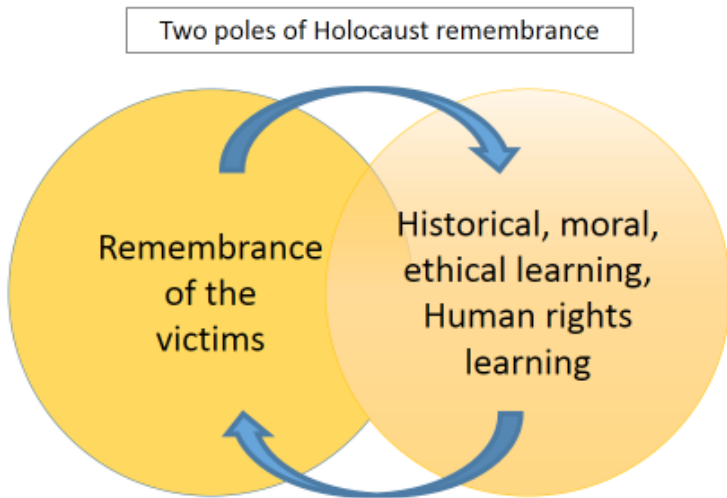
This notion of the dignity of the victims originally is a religious one: To

touch the dead make impure. The duty is to honor the dead, to encounter them with respect, to wash hands before entering the cemetery, meaning: the realm of memory, in means to mourn (emotionally), to never forget (intellectually).

To remember the victims of a historical trauma means to remember their death, their fate, as well as their lives, the world they came from, their tradition, their entire biography, their religion, festivals, and culture – and not only their suffering and death. The latter would mean reducing the entire person to his or her destiny. It would mean to see only the discrimination, the deportation, the suffering in the camps, the march towards death. All this is important but it is only part of the process of remembrance. Remembrance of a person is so much more. It is filled with respect for the entire biography of the person and the groups who are to be remembered.

The basic theoretical assumption of this paper is:

History and remembrance are not the same (see Pierre Nora). Teaching historical lessons is not the same as remembrance of the dead. There is a basic distinction between remembrance of the victims and historical, moral, and ethical learning. Nevertheless, both poles are intertwined and overlapping.

Although both poles relates to each other closely, they have to be seen separately and can never be identical.

Holocaust remembrance today has to be aware of this fundamental difference. If both becomes the same level of relevance, we can speak of a “culture of remembrance” that is realized within a specific country or continent such as Europe.

Consequences:

Europe is a continent of divided memories. All victims have the right to be remembered.

We must create a culture of listening to the stories of others, of the victims of other ethnical, religious and social groups.

Holocaust remembrance *is not* a tool for teaching human rights.

Remembrance of the victims has to start with their biographies.

Remembrance of the victims has to respect the dignity of the victims.

Not reducing them (again!) to numbers / statistics.

Nevertheless, we need historical facts and insights to understand the historical, political and economic conditions of discrimination, of Anti-Semitism, of persecution and crimes against human beings.

Both, remembrance of the victims as well as historical investigation have immense consequences for the living together in presence and future.

Both, remembrance of the victims as well as historical investigation should be carried out *within* the framework and the awareness of human rights.

Holocaust Remembrance in both perspectives sensitizes learners to the history and presence of the Jewish people in Europe and beyond. For this reason it promotes sensitivity against Anti-Semitism.

At the same time, it sensitizes us to the history and presence of other ethnic, social and religious groups, especially to “Group-Focussed Enmity” (Heitmeier 2012; Zick et al. 2011), hostility towards other people, racism, xenophobia, and violation of human rights.

Bibliography:

Boschki, Reinhold / Reichmann, Bettina / Schwendemann, Wilhelm (2015), Towards a new Theory of Holocaust Remembrance in Germany: Education, Preventing Anti-Semitism, and Advancing Human Rights, in: Gross/Steivick, 469-488.

Brumlik, Micha (2016), Globales Gedächtnis und Menschenrechtsbildung, in: „Holocaust und historisches Lernen“, Aus Politik und Zeitgeschichte

- (Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament) 66, Heft 3-4, 29-37.
- Eckmann, Monique (2015): Is Teaching and Learning about the Holocaust Relevant for Human Rights Education? In: Gross/Steivick 53-66.
- Gross, Zehavit / Steivick, Doyle (eds.) (2015): As the Witnesses Fall Silent. 21st Century Holocaust Education in Curriculum, Policy and Practice, New York: Springer.
- Heitmeyer, Wilhelm (Hg.) (2012): Deutsche Zustände. Folge 10, Frankfurt: Suhrkamp.
- Matthes, Eva / Meilhammer, Elisabeth (eds.) (2015): Holocaust Education in the 21st Century, Heilbrunn.
- Nora, Pierre (ed.) (1984-1992): Les Lieux de mémoire (7 volumes), Paris: Gallimard.
- Zick, Andreas / Küpper, Beate / Hövermann, Andreas (eds.) (2011): Intolerance, Prejudice and Discrimination. A European Report, Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung.

Alex Carter
(UK), Teesside University

THE ‘COUNTER-JIHAD’: A TROJAN HORSE FOR THE FAR-RIGHT

The old traditional far-right in Britain is currently in a fractured state. The previously dominant British National Party, who in 2010 had over 50 councillors, 2 Members of the European Parliament and managed to field 338 candidates in that year’s general election, has now all but disintegrated. They only managed to field 8 candidates in last year’s election and currently only have around 500 members.¹ While no other far-right party has appeared to fill the vacuum left by their demise, a new threat *hase-*merged in the form of organised anti-Islamic sentiment, generally referred to as the ‘counter-jihad’ movement (CJM).

In the Bedfordshire town of Luton, a demonstration held on 10 March 2009 by members of the Islamist group Ahlus Sunnah walJamaah, in protest against British soldiers returning from active service in Iraq, sparked off a series of counter-demonstrations by a number of far-right groups.² In the aftermath of these, often violent, demonstrations, members from these organisations, as well as a number of football hooligan groups, formed the first significant British ‘counter-jihad’ organisation, the English Defence

¹ *HOPE Not Hate*, January-February 2016, Issue no.23, p.17

² Nigel Copsey, *The English Defence League: Challenging Our Country and Our Values of Social Inclusion, Fairness and Equality* (London: Faith Matters 2010).

League, or EDL, with the aim of forcing 'the Government to get Islamic extremists "off the streets"'.³ On their website, the EDL described themselves as a "human rights organisation" who are "committed to a campaign of public education to ensure that all aspects of Islam that impact on our society can [be] debated in an open and honest way."⁴ Despite the roots of the organisation lying in violent protests, the organisation has always claimed to be committed to moderate non-violent campaigning, as well as firmly denying any links to far-right or racist organisations or people; this is perhaps best summarised by their well-known slogan 'Not racist, not violent, just no longer silent'. Indeed, the EDL have gone to great lengths to appear as an inclusive, liberal and multicultural organisation; even forming Jewish, LGBT, Sikh and Cypriot divisions.

While this may have been a sincere sentiment at the national, or leadership level, as their leaders recognised the need to be seen as a legitimate campaigning organisation, research has shown that at the rank-and-file level members of the EDL "are not simply anti-Muslim or overtly racist, but xenophobic and profoundly hostile towards immigration. They are more likely than others in society to expect inter-communal conflict and to believe that violence is justifiable."⁵ It has been frequently documented that EDL supporters are also members of more explicitly racial nationalist organisations such as the National Front and the Infidels. For example, research carried out by the organisation Indymedia showed that around a quarter of the members (24%) of the English Defence League in the North East of Britain were also members of explicitly racist and white-power groups.⁶ Furthermore, EDL organised rallies have often descended into violent clashes with police and counter-demonstrators. Gathering exact data is impossible, but there is firm evidence that hundreds of EDL members have been arrested for violent crimes since the groups' formation;⁷ one salient example oc-

³ Chris Allen, 'Opposing Islamification or Promoting Islamophobia? Understanding the English Defence League', *Patterns of Prejudice* 45 (2011); Nigel Copsey, *The English Defence League: Challenging Our Country and Our Values of Social Inclusion, Fairness and Equality* (London: Faith Matters 2010), p.11

⁴ <http://tinyurl.com/hqpxgzt>

⁵ Goodwin, Matthew. *The Roots of Extremism: The English Defence League and the Counter-Jihad Challenge* (London: Chatham House 2013).

⁶ <http://www.indymedia.org.uk/en/2013/12/514369.html>

⁷ Nigel Copsey, *The English Defence League: Challenging Our Country and Our*

curred in July 2013, following the shocking murder of British soldier Lee Rigby on 22 May of that year by two Islamists, when an EDL rally with about 2,000 members “descended into disorder as police and protesters clashed.”⁸ The violence lasted for around 2 hours and resulted in 52 EDL members being sentenced to prison in 2015.

However, the murder of Lee Rigby had actually been something of a boon to the ailing fortunes of the EDL, who were already in decline by 2013, when their charismatic leader Stephen Yaxley-Lennon left, tellingly citing the growing involvement of right-wing extremists as the reason.⁹ While in 2011 the think tank Demos had estimated their membership “to be around 25,000– 35,000 people. Of these, around half have been involved in demonstrations and/or marches”,¹⁰ by 2015 their membership had fallen to the low hundreds, and at the time of writing they no longer even had a website.¹¹

As the EDL’s fortunes have waned, the CJM in Britain seems to have had new life blown into it from their former leader, Yaxley-Lennon, who is now in a position of leadership of the British branch of the German counter-jihad organisation Pegida (Pegida UK). The anti-fascist monitoring organisation HOPE not Hate have argued that Yaxley-Lennon ‘is the one person who could reverse the fortunes of Britain’s far right due to his name and reputation, his confrontational approach, the ease with which he engages with the media and because, unlike the traditional far right, he opposes racial nationalism, and, his focus on the threat of Islam has far greater resonance in society.’¹² After an abortive attempt at launching the group in the summer of 2015 by ex-EDL members, Pegida UK was launched properly – with the blessings of the German parent-group – in early 2016. Their only recent events this year have been moderate, peaceful affair, attracting

Values of Social Inclusion, Fairness and Equality (London: Faith Matters 2010)

⁸ <http://www.expressandstar.com/news/local-news/2015/01/10/the-day-violence-rocked-a-city-centre-police-chiefs-verdict-as-edl-thugs-jailed/#d8YXU-HzIebLIDpel.99>

⁹ <http://www.theguardian.com/uk-news/2013/oct/08/tommy-robinson-english-defence-league>

¹⁰ http://www.demos.co.uk/files/Inside_the_edl_WEB.pdf

¹¹ *HOPE Not Hate*, January-February 2016, Issue no.23, p.30

¹² *HOPE Not Hate*, January-February 2016, Issue no.23, p.5

a more middle-class crowd.¹³ The most high profile one was a 'silent protest' held in Birmingham in February this year, the same weekend that Pegida rallies were held around the world in cities including Prague, Amsterdam, Dresden, Calais and Canberra. Unlike many of these other rallies, Pegida UK's one passed entirely peacefully, although it only attracted a few hundred people.¹⁴ Their next event, to be held in June 2016, has been titled a 'Peaceful and Silent Walk' through the northern town of Rotherham, which they have tried to bill as a family event.

Nevertheless, there have been signs that Pegida UK might well attract exactly the same right-wing extremists that the EDL did. In February 2015 a group of 20 EDL members disrupted an anti-fascist meeting which had been held to organise a counter-demo to a proposed Pegida march in Newcastle. The EDL members shouted abuse at the anti-fascists, stating that the women present should be sterilised.¹⁵ In June 2015 a number of Pegida UK members, along with members of the hard-line racist group the Infidels, tried to violently disrupt an event at Hartlepool Mosque, where they were issued with warning by the police and ordered to leave the area.¹⁶ Furthermore, groups like the British National Party and Infidels have made concerted efforts to piggyback off of Pegida UK events.¹⁷

The examples of the EDL and Pegida UK demonstrate that the counter-jihad movement holds several threats to civil society in Britain, and throughout Europe, Australia and America. Firstly, just like the older traditional far-right groups, their events are divisive and damaging to community cohesion, and are often than a precursor to serious violence. Furthermore, as many of the groups in the movement do not contest elections, they are not susceptible to the moderating effect which is sometimes generated by electioneering.

¹³ <http://www.newstatesman.com/politics/uk/2016/02/pegida-uk-new-face-britain-s-far-right-movement-and-how-challenge-it>

¹⁴ <http://www.theguardian.com/uk-news/2016/feb/06/pegida-uk-supporters-stage-anti-islam-silent-march-birmingham>

¹⁵ <http://www.chroniclive.co.uk/news/north-east-news/pegida-newcastle-edl-tell-anti-fascists-8674533?>

¹⁶ <http://tellmamauk.org/north-west-infidelspegida-try-to-disrupt-activities-in-hartlepool-ahmaddiya-mosque/>

¹⁷ For example see: <https://www.youtube.com/watch?v=6i8z6zY3uhs>

Secondly, as the international Centre for the study of Radicalisation has noted “... *the sensationalist character of the [counter-jihad] narrative, which includes a paranoid tendency towards conspiracy-theory, can act as inspiration for violent terrorist attacks like those carried out by [Anders] Breivik, who emerged from the [counter-jihad]’s ideological milieu.*”¹⁸ Another example of this occurred in Britain in June 2008 when a man called Martyn Gileard was sentenced to 16 years in prison after police found a wide assortment of weapons, including nailbombs, in his flat, together with a note that read ‘I am sick and tired of hearing nationalists talking of killing Muslims, blowing up mosques and fighting back only to see these acts of resistance fail. The time has come to stop the talking and start to act.’¹⁹ A more recent example, is the case of PavloLapshyn, a man who was jailed for 40 years in 2013 for the racially motivated murder of Mohammed Saleem and for planting bombs at three mosques in Birmingham.²⁰

Thirdly, the genuine rejection of racial nationalism and the claim to be a liberal human-rights organisation by a number of the movement’s leaders can serve to add a veneer of acceptability to groups who are in reality xenophobic extremists. The most successful counter-jihad organisations in Britain have based their front-stage ideology on cultural racism, publicly demanding that Muslims assimilate to a British, i.e. non-Muslim, way of life, rather than calling for their expulsion from the country or for their murder.

And finally there is the threat that their actions will lead to the dynamic of ‘cumulative extremism’ developing between counter-jihad groups and Muslim communities. This is a concept which was first coined by the political scientist Roger Eatwell, which he defined as the ‘the way in which one form of extremism can feed off and magnify other forms.’²¹ Put very simply, this is the concern that a tit-for-tat relationship of reciprocal violence will develop between opposing groups or social movements, potentially leading to spirals of violence and community polarisation. The formation of the

¹⁸ Meleagrou-Hitchens, Alexander & Hans Brun ‘A Neo-Nationalist Network: The English Defence League and Europe’s Counter-Jihad Movement’ http://icsr.info/wp-content/uploads/2013/03/ICSR-ECJM-Report_Online.pdf

¹⁹ <http://news.bbc.co.uk/1/hi/uk/7469180.stm>

²⁰ <http://www.bbc.co.uk/news/uk-england-birmingham-24675040>

²¹ Roger Eatwell, ‘Community Cohesion and Cumulative Extremism in Contemporary Britain’, *Political Quarterly* 77 (2006)

EDL in response to the small Islamist demonstrations has been cited by some scholars as an example of this dynamic.²² It is at least possible that the actions of the counter-jihad movement may contribute to young Muslims feeling more alienated and disenfranchised and thus becoming radicalized. Indeed, the case in June 2013 of six English Islamists being arrested while attempting to plant a bomb at an EDL demo adds some weight to this theory.²³

In conclusion, it is clear that since its growth from 2009, the CJM has become one of the biggest threats to civil society from the far-right in Britain, as well as elsewhere in the world. Their ability to generate support by tapping into genuinely held concerns over Islamic extremism has proven to be an enduring one, and the concerted efforts of the leadership to vocally embrace liberal democratic values makes it harder for anti-fascists to use their older tactics of tarring them as fascists. There is a dire need for academics, journalists and anyone else with the ability to highlight the cultural racism at the heart of their rhetoric, and to expose the fact that they are using the language of liberalism for wholly illiberal ends.

²² Matthew Feldman, *From Radical-Right Islamophobia to Cumulative Extremism* (London: Faith Matters 2012). P.4; Matthew Goodwin, *The Roots of Extremism: The English Defence League and the Counter-Jihad Challenge* (London: Chatham House 2013). P.5

²³ <http://www.bbc.co.uk/news/uk-22344054>

Dr. Anna Castriota
Member of the Radicalism Group,
Dept. of History, Northampton
University

“BACK TO THE FUTURE: ITALY AND THE RETURNING OF RADICAL NATIONALISM. THE CASE STUDY OF CASAPOUNDITALIA AND OF THE LEGA NORD”

Introduction

“Immigrants are all terrorists and need to be sent back home. We don’t want them here. Italians first”. This is an over common comment that is easy to hear in today’s Italy. It does not characterise necessarily a specific part of the country or a specific city. It looks as the overall Italian population has been contaminated with the virus of nationalism and with the bacteria of racism. From a sociological perspective is interesting to see how the Facebook and Twitter pages dedicated to openly ultranationalist/ Nazi-fascist movements have become bolder in affirming their xenophobic and racist agenda. Impressive is also the number of negative and openly anti-Semitic and anti-immigrant comments that users of this internet social platforms leave on those pages¹. Italy is going through what seems to be a common political trend in today’s Europe and it is in good company with countries

¹ See the Facebook pages of “Matteo Salvini”; CasaPound; Mafia Capitale; Forza Nuova to cite the most popular on internet.

like France, Austria, Hungary, Greece, Germany, Britain and several other EU member states where also we are witnessing a rise in hate crime, xenophobia and increasing popularity of nationalist parties and movements².

The overall climate seems to reflect the crudest form of populism that has not spared the US as well considering the electoral success and popularity that a character like Donald Trump is obtaining in the current American presidential primaries waving the threat of immigration and Islamic terrorism. The general impression is that in Italy, as in most of Europe, the traditionally Left-wing, liberal parties and movements are losing terrain and have become weaker on the territory, paving the way to a stronger nationalist and protectionist response that they are not able to arrest. What is interesting to notice is indeed the selfish attitude against the ‘other’ that can be detected in the wider populace, the so-called “man of the street”; but also the general political attitude held by well established political institutions- whether we are referring to single states or to a supranational bodies like the European Union- where recently, many member states have put into discussion the freedom of movement guaranteed by the Schengen Agreement (14 June 1985).

The recent terrorist attacks in Paris (13 November 2015) and Brussels (22 March 2016) have strengthened further the xenophobic and neo-fascist parties and movements in Europe, providing a fertile ground for those political realities³. Countries like Italy, with a heavy historical legacy⁴, with a consolidated historical past of anti-Semitism and with little experience in multiculturalism, have become more exposed to those latent but never completely gone ideological expressions. In the specific case of Italy we need to consider several factors like the past of the country⁵, the unstable economy and severe level of unemployment, the endemic corruption, the

² See for instance, the increasing popularity of the far-right movements *Alternative für Deutschland* and *PEGIDA* in Germany and the British UKIP main promoter of the “Leave” campaign for the so called “Brexit” referendum to be held on 23 June current year.

³ In the EU nine member states have already in place ultra-nationalist governments.

⁴ In Italy historically speaking, the fascist *Ventennio* of Mussolini’s regime has impressed in the country’s political culture an ideological blueprint that has survived until current times and that did not end with *Piazzale Loreto*.

⁵ Italy has experienced neo-fascist terrorism with numerous terrorist attacks between the period of 1969 and 1984. This is a point that will be further discussed in the course of the paper.

social disparity between the north and the south and the infiltration of the organised crime in the socio-political echelons of the country. Italy therefore, results being a quite frail democracy where the strong populism of ultra-nationalism encounters popular favour.

Here it is intended an analysis of the current socio-political dynamics of Italy where the presence of ideological claims by specific political realities reflects an involution of the liberal democratic parameters and shows the fragility of the Italian democracy which never has been able to expel out of its system the germs of fascism but that has instead always appeased the most hard-core fascist political declinations in an attempt to domesticate them within the fences of legality and legitimate political reality⁶. Obviously, this attempt of taming fascism has failed as we can see today a worryingly increase in popularity of far-right expressions like the Northern League (*Lega Nord*) and *CasaPoundItalia* which can be considered for the present analysis.

The paper will be structured as follows: the first subsection will be an analysis of the current Italian political climate and the socio-economic difficulties that the population is experiencing at the moment providing an explanation of the former through a brief anthropological assessment of the main characteristics of Italian society. The second subsection will be an analysis of the party Northern League and an attempt to provide an exhaustive explanation of its recent electoral and popular success. The third subsection will be an analysis of the far-right movement *CasaPoundItalia* and an assessment of the increasing presence on the territory of this openly neo-fascist movement with political ambitions. Finally, in the conclusion an evaluative summary of what insofar discussed will be provided in order to conclude in a clear and exhaustive manner our initial analysis with the hope to further discussions on the problem of contemporary Italian ultra-nationalism.

⁶ Example of this political attitude has been the formation of an openly self-declared legitimate neo-fascist party, the MSI (*Movimento Sociale Italiano*), born in the aftermath of WWII (1946) with the permission of the official newly elected democratic political forces. See P. Ignazi, *Il Polo Escluso: Profilo del Movimento Sociale Italiano*, Bologna: Il Mulino (1989).

1. *Italy's socio-economic conditions and political climate*

The post war Italian democracy has been built upon the ashes of a defeated fascist regime and with still many socio-political issues affecting the settling of the new political system. The post-war efforts in shaping an Italian accomplished liberal democracy have succeeded only partially⁷. Looking at Italy today, it is legitimate to talk about the anomaly of the Italian democracy which is definitively rather fragile and peculiar if compared to other Western liberal regimes⁸.

The first aspect that needs to be clarified regarding the Italian political culture and its socio-economic tenets, is the extent of value given to the concept of ‘authority’. Authority within the Italian political cultural tradition-not institutional- is perceived as ‘absolute authority’ where the notion of accountability and the notion of shared authority, which are characteristics proper of any liberal democracy, are often neglected and misinterpreted⁹. This misplaced sense of authority has led in time to the creation of a political caste with the tacit complicity of the electorate that has sought often their own particular interests in casting their vote rather than the common good of the whole community, as according to the main tenets of liberal democracy.

This misunderstood sense of authority together with an unbalanced *do ut des* exchange of favours between the electorate and the political class, can be traced back in the ancestral meaning of the term ‘family’ that characterises anthropologically Italian society. The little sense of common interest but rather, the attention to the *particolare* as Guicciardini and Machiavelli already highlighted in their analysis of Italian politics in the fifteenth century¹⁰, seems to characterise the rapport between the country’s base and its ruling elite.¹¹

The experience of the fascist dictatorship created a Manichean divide in the country after the war in anti-fascists and fascists with an underlining

⁷ L. Morlino/D.Della Porta (ed), *Democracy Report for Italy*, <http://www.idea.int/publications/sod/upload/Italy/pdf> (2000); cfr. M.J. Bull/J.L. Newell, “Still the Anomalous Democracy? Politics and Institutions in Italy”, *Government and Opposition*, Vol. 44, n.1, (2009), pp. 42-67

⁸ *ibid.* M.J. Bull/J.L. Newell (2009)

⁹ *ibid.* M.J. Bull/ J.L. Newell (2009)

¹⁰ N. Machiavelli, *The Prince* (1532); cfr. F. Guicciardini, *History of Italy* (1583)

¹¹ S. Acquaviva, *Social Structure in Italy: Crisis of a System*, San Francisco, CL: M. Robertson (1976).

sense of authoritarianism that saw one single party, the *Democrazia Crstiana*, holding power for more almost thirty years¹². The country has also experienced twenty years of domestic terrorism with political subversive groups and organizations that often fought against each other and against the common enemy, the State, using civilians as main target¹³.

The country therefore, has always experienced political and social instability with strong social and economic tensions between the different groups and has always privileged the 'turn to the right' that a misplaced sense of authority has often promoted and encouraged¹⁴. The other aspect to be considered to better understand the rise of ultra-nationalism in Italy is an also misplaced sense of identity. Italians are troubled by their identity as the country became unified only in 1871 with the royal family of Piedmont to take over the rule on the whole country.

The unification process has also created integration and assimilation problems between the populations of the north and of the south of the country; this is due to the complete different cultural influences and history that both north and south experienced in their history. A case apart is central Italy for centuries under the political and administrative authority of the Pope. Therefore, Italians have a different understanding of the concept of identity as until nowadays, the average Italian will identify themselves in the region they come from if not the city but not necessarily in Italy as their nation.

National identity is not strongly felt as Italians seem not to have succeeded in overcoming regionalism that instead characterises the most popular idea of identity. The propaganda and rhetoric of the fascist regime

¹² the *Democrazia Cristiana* (Christian Democracy) has been *de facto* the ruling party for more that thirty years (1946-1993) when a huge scandal, *Mani pulitelit*. 'Clean hands' has wiped out almost the whole party's political elite involved in a massive corruption case. See on this chapter of Italian History P. Ignazi, *Il Polo Escluso: Profilo del Movimento Sociale Italiano*, Bologna: Il Mulino (1989).

¹³ In Italy the chapter regarding the terrorist season is known as *Strategia della Tensione*(Strategy of Tension) or/and *Anni di Piombo* (Years of Lead) between 1969 and 1984. See F. Ferraresi, *Threats to Democracy*, Princeton: Princeton University Press (1997)

¹⁴ the rise to power of characters like Berlusconi, for instance, can be explained by the Italian political attitude to seek for the "man of providence" rather than accept individual responsibility for the well functioning of the democratic system. It must be said that Italians look for an authoritative ruling figure as they are incapable to share authority as any liberal democracy system implies.

of Mussolini attempted to create the ‘Italian’ national conscience but with little success. However, nowadays it seems that regionalism has increasingly been overshadowed by a new sense of identity closer to the ideal of national identity as it may be experienced in other countries with different history and socio-political dynamics. Today’s new sense of national identity has been promoted by factors like immigration, socio-economic crisis, Euro-scepticism and a newly found sense of nationalism. The Lega Nord and CasaPound represent different and yet complementary realities of the same phenomenon that is ultra-nationalism.

2. *The Lega Nord*

The Lega Nord is the ultimate result of the fusion of several ethnic-regional parties and movements founded in the north of the country in the 1980s. Specifically, the Northern League is the result of the fusion of *Lega Lombarda* (f.1984) and the *Liga Veneta* (f.1979). The main ideological features of those two parties were: strong regionalism, the secession and independence of the northern part of Italy that they identify with the mythical name of *Padania*¹⁵; distrust in the central authorities; strong ethnicity claims; aim to an authoritative local government; a simplified and primitive notion of democracy.

The Lega Nord is the fusion of those two regionalist parties and has become national since 2013 with the young leader Matteo Salvini that has launched his ferocious campaign against immigration, Euro-scepticism and anti-global. In the local election in 2015 the Lega Nord has been elected with a large majority in the north of the country: in Lombardy, Venetia region, Tuscany and Emilia Romagna region¹⁶. The party is now opening branches also in the South where traditionally was not so popular due to its racist and discriminatory agenda against southern Italians but it is worryingly substituting the more traditionally neo-fascist parties in this part of the territory and it is now the second largest party in the country after the centre-left PD.

¹⁵ *Padania* is the valley that is situated between the Lombardy region and the Veneto region and has acquired for the followers of the Lega Nord a mythical meaning as the Lega Nord officially claims that they, the *Padani* are ethnically different from the rest of the Italian populace as they descend directly from the Celts.

¹⁶ For instance, in Tuscany, which is a traditionally Left – wing party region, the Lega Nord has gained in the local elections of 2015, 20% of the votes.

The success of the Lega Nord in the last couple of years is due to the current times of uncertainty, to the increasing economic and financial crisis, and to the problem of immigration that has worsen with the Syrian refugees' crisis since last summer (2015). The party's propaganda focuses on the safeguarding of the Italian ethnicity, on the criminalization of the immigrant, especially if from East Europe or from Africa or Muslim. In the last year (2015) the Lega Nord's leader, Matteo Salvini, has consistently used the Media to promote his party's main domestic agenda in matter of immigration.

What is the worryingly main aspect in Salvini's political message is the ruthless use of populism that is often the tool used by ultra-nationalist parties like the one he leads. In a country with a solid religious tradition, he has made his own the populist cry of 'defending the Italian religious traditions'. The reference is to a campaign that his party and other kindred neo-fascist parties and movements have initiated last Christmas (2015) for the nativity display in public schools¹⁷. The use of the national religious creed as a populist and political tool to instigate the Italian populace in building up a so called 'defence of one's own culture' is a propaganda activity that has been well exploited by Salvini and his party. If we analyse attentively any of his public interviews or speeches, the similarities with a typical racist statement of the Nazi period is astonishing.

On this matter, it should be said that recently, the Italian court has quitted an Italian politician who had accused Salvini of being Nazi and again, the Lega Nord has also threatened to lawsuit the former Italian president, Giorgio Napolitano, because he has defined the Lega Nord as a xenophobic party¹⁸. The vehement attacks that the Lega Nord launches on the current Italian prime minister, Matteo Renzi on how the Italian government is handling the refugees' emergency and the other socio-economic problems of the country, has shown a strong response that the party seems to get in return from large part of the Italian electorate.

This makes the party and its leader as the Italian homolog of other popular European ultra-nationalist parties like the French FN, which has recently publicly endorsed Matteo Salvini and his party. The general prediction is

¹⁷ See: http://www.repubblica.it/scuola/2015/12/01/news/scuole_feste_natale-128543523

¹⁸ <http://www.rainews.it/dl/rainews/articoli/Napolitano-Lega-Nord-xenofoba-il-Carroccio-risponde-una-infamia-procediamo-per-vie-lega-li-19547a02-f3674cba-9e50-819f43c41f99.html>

that in view of future general elections, the party may dissolve and change name and logo in order to become a larger national party with a wider electorate. Interesting is a recent opinion poll that shows the traditional Lega Nord's electorate and party's membership's reaction to such possibility.

According to the opinion poll's statistics, the 61% would agree to such operation which would see as a result, a wider electorate covering also the centre-southern regions of the country. While the 34% would like to keep the name and ideological tenets of the party as traditionally are even if this means to lose the elections and only 5% of the sample taken for the poll, does not know. Overall, statistics estimate the following: 5.500.000 will currently vote LN; 2.000.000 votes lost in case LN becomes a new larger national party. The overall potential electorate is however estimates of 9.000.000¹⁹.

What has particularly distinguished the LN's leadership is the consistent attack and xenophobic propaganda against the immigrants, especially those of Muslim faith. The several declarations made by both party's members and leadership have found fertile ground in the Italian population that does not have a strong understanding and experience of multiculturalism being Italy mainly a land of migrants rather than a country used to migratory fluxes like Great Britain or France where the colonial past has facilitated somehow the multi-ethnicity of their people.

The other factor that has strengthen the Lega Nord's political success is the simplification that the party has made associating refugees and migrants of Muslim faith to terrorism. In the lieu of the recent terrorist attacks in Europe and of the constant threat of Islamic terrorist organizations like ISIS, it is easier for the party to play the terrorism card with the most naïve part of the electorate.

The claim for national identity, stronger authority on the territory and vehement racial hate and xenophobia against the other makes the Lega Nord to be defined as a neo-fascist/ far-right political party summarised in the expression of *fascioleghismo*. The fear is that the Italian population seem to have fallen under this nationalist spell and that in the next political elections, the party is likely to win as in France, the fear is of a victory of the FN.

¹⁹ Data from: http://www.iltermometropolitico.it/1189627_sondaggio-lega-nord-per-il-61-dei-leghisti-salvini-deve-sciogliere-il-partito.html

3. CasaPound

The other organization taken into consideration in our analysis of ultra-nationalism in Italy is the Nazi-fascist group of CasaPound. This openly self-declared neo-fascist movement was founded by Gianluca Iannone in 2003 in Rome. The initial action of CasaPound was squatting in an abandoned state owned building in the Esquilino area in Rome and establishing there the headquarters of the organization. By 2010, 23 families for a total of 82 people lived in the occupied building. By 2008, CasaPound Italia constituted an “association of social promotion” but in the meantime, the movement had spread to other areas of Rome with demonstrations, other squatting and becoming a well defined political movement.

The members of CasaPound define themselves as “fascists of the third millennium” stating their renewed and modern version of the fascist ideology tenets and focusing more on the social issues and problems generated by Capitalism. In fact, the name of the group is to pay a tribute to the American poet Ezra Pound, notoriously a strong fascist supporter and anti-capitalist. In particular, they refer to Pound’s work *Cantos* where the poet launches his attack against the bourgeoisie system and usury. This attack to the idea of capitalism and the activity of squatting has often generated confusion as these are the typical political response and militancy that are expected by Marxist youth organizations. In reality, the same founder of the movement has soon clarified the aims and ideological tenets of CasaPound²⁰.

It is clear from reading and viewing the movement’s official webpage the fascist blueprint of CasaPound: the website dutifully enlists and documents the initiatives that the movement takes all over the national territory. Quite popular among the Italian youth, most of their membership is between 16 and 30 years of age²¹. This aspect provides CasaPound with strong potentials for a future strengthening of the group and also its rapid wide-spreading amongst the young people; already in Rome, CasaPound is the most popular youth movement.

The group is characterised by a strong ultra-nationalism and marked xenophobic attitude when discussing the problem of migration in Italy.

²⁰ see: A. Castriota/M.Feldman, “Fascism for the Third Millennium: An Overview of Language and Ideology in Italy’s CasaPound movement”, *Doublespeak: The Rhetoric of the Far Right since 1945*, Stuttgart: Ibidem- Verlag (2014)

²¹ *ibid.* A. Castriota/M.Feldman (2014)

For instance, last July 2015, CasaPound took the leadership of a group of residents' protest in the area of Casale San Nicola, Rome, following the transfer of immigrants and refugees in one of the state owned buildings²². The movement alternates reassuring volunteering work on the territory often helping unemployed, elderly, disabled people, single mothers, collaborating with the local institutions in case of natural emergency, with more questionable activities like participating in 2011 in a seminar promoted by the far-right movement Finnish Resistance Movement in Helsinki. Also in 2011, Gianluca Casseri a member of CasaPound, went on a killing spree in the Florence's open market shooting and killing two Senegalese vendors and wounding other three people before being shot down by the police²³. Most recently, the movement is attempting to become a political party and in the local elections held last 9 May, in the Bolzano constituency, CasaPound's candidate obtained 6.21% of the votes showing an increasing popularity of the movement on national territory.

Unlike the case of the Lega Nord that is born as a political party acting within the fences of the legitimacy of the Italian political system, CasaPound is instead a neo-fascist extra-parliamentary youth movement that has soon endorsed the most radical forms of fascist ideology often taking as role models historical characters like Hitler or notoriously fascist intellectuals sympathizers like Drieu La Rochelle, Mirceade Elide, Alan de Benoist or the Russian Alexander Dugin.

Compared to the Lega Nord, CasaPound's militants are more intellectually active and more educated with an often utopian view of what the ideal society should be. On the ground, their process of radicalization of the young members of movement is worrying as their ideological tenets lead towards Nazi-fascism with a clear and well defined racist and xenophobic agenda. In addition, CasaPound praises violence as form of vitalism and creative energy exactly as it is stated by the most prominent radical neo-fascist ideologue, Julius Evola. One of the activities that the members of CP often are involved in is called "cinghiamattanza" (lit. Belt-fighting) that consists in a sort of one-to-one fighting duel using a belt as weapon. The idea of sporting this 'creative' practice is to channel the youth's vital energy as in

²² http://roma.repubblica.it/cronaca/2015/07/17/news/roma_arrivano_i_profughi_casale_san_nicola_protestano_i_residenti_con_casapound_via_da_qui`-119264654

²³ <http://www.ilfattoquotidiano.it/2011/12/14/strage-senegalesi-firenze-altro-simpatizzante-casseri-casapound/177552>

the best of Nazi-fascist ideological tenets. CasaPound Italia' activities and growth needs to be constantly monitored as the movement's aspirations to become a legitimate political party are not far from becoming reality.

4. *Conclusions*

The current times see a wave of global ultra-nationalist populism. It seems that in the future we need to pay close attention to all those events, circumstances, facts that may lead to a 'return to the future'. I often use this expression as I am convinced that we are before a new permutation of fascism that we prefer to call 'ultra-nationalism' but that has all its fascist characteristics. The late Umberto Eco coined the expression of 'UR-fascism' where he detected the perennial aspect of fascism²⁴. In other words, according to the Italian intellectual, fascism was not destined to perish like any other ideology but to always come back in a different format; permutating exactly like a virus that eventually becomes resistant to the drugs used to defeat it. Why is that? Because fascism is irrational, it is based and feeds itself out of the most innate fears of human beings; because it feeds and grows on the *voluntas potendi*, the willingness to dominate the other that as humans, we all ancestrally possess; it develops out of the fear of the other and out of the willingness of belonging to a territory that is part of our collective imagination. The Nazi motto was notoriously "Blut und Boden" (blood and soil) and this motto explains perfectly well the core of fascism: the irrational tenet of the ethnicity and the belonging of that ethnicity; this strengthens the idea of 'identity'.

In a sense, this is also true today when we see the several ultra-nationalisms crying out this binomial that became so popular with Nazism. Are we turning all fascist again? Is Italy, the country from which fascism as ideology originated, turning back to fascism again? In reality, Italy has never abandoned completely fascism. The country has never been able to completely eliminate it and has not managed to achieve a proper, mature liberal democracy. As already said in the course of the paper, many are the factors that have contributed to the fragility of the Italian democracy and to its anomaly. The lack of a proper de-nazification of the society in the aftermath of WWII has also contributed to the permanence of fascist ideas and atti-

²⁴ U. Eco, "Ur-fascism", The New York Review of Books, June 22, 1995 on <http://www.nybooks.com/articles/1856>

tudes in the population and slowed down the process of democratization of the country.

The presence of a legitimate neo-fascist party in the Parliament for more than sixty years, has also contributed to the consolidation of fascism. It is therefore hypocritical today to look at political and social phenomena like the Lega Nord and CasaPound Italia-to quote the most popular- and show disconcert and fear. These are just the latest permutation of Italian fascism.

The clues were all there: almost thirty years with one government party; social and economic tensions between the several social groups; a repressive presence of the institutions on the territory; the endemic poverty and underdevelopment of the south of the country and also, an endemic corruption at all levels of the society.

The success of the Lega Nord can therefore be seen in all those above enlisted factors; it is the success of a misplaced sense of national identity; crude xenophobia and ignorance of the other; it is the result of not wanting to face the problem of intolerance and ideological extremism present in the Italian society; it is the result of the ‘bandwagon’ effect where people tend to follow irrationally the political leader that seems more power and successful regardless; it is the result of a misunderstood sense of religious traditions. It is the result of bigotry and racial prejudice. It is the result of lack of trust in the authorities and institutions that has strengthen the xenophobic populism of the Lega Nord.

The same can be said for CasaPound Italia whereas all the factors mentioned above meet the sense of frustration of the Italian younger generation with the uncertainties of the future and loss of points reference that a society deeply troubled and increasingly fragmented is not able to provide anymore. Therefore, this counter-reaction to the global problems of migration, terrorism and economic crisis can be exemplified in the irrational response of ultra-nationalism that in Italy has the symbols of a green ‘Alpine Sun’ and a black and white turtle²⁵. Ultra-nationalism that is growing and becoming increasingly stronger on the territory feeding people’s irrational fears and agitating old ghosts of the past.

²⁵ the green Alpine sun is the logo of the Lega Nord and the black and white turtle is the logo of CasaPound Italia. For reference look at the websites: www.casapounditalia.org and www.leganord.it

Dr. Semen Charny

Institute for the Study of national
policies and international relations

Др. Семён Чарный

к.и.н., член правления Института
Изучения Национальной Политики и
Межэтнических Отношений

SUBSTITUTION, DISSOLUTION, RECONSTRUCTION – ESPECIALLY DENIAL OF THE HOLOCAUST IN POST-SOVIET SPACE

ОСОБЕННОСТИ ОТРИЦАНИЯ ХОЛОКОСТА В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И БЫВШЕГО СССР

Холокост стал не только важнейшим событием европейской истории XX века, но и важнейшей точкой исторической памяти. К концу века в Европе установился консенсус, согласно которому Холокост – это беспрецедентный акт геноцида, а его участники – это целиком и полностью отрицательные персонажи.

Однако, известно, что без активного соучастия местного населения нацистам просто не удалось бы осуществить уничтожение евреев в таких масштабах. На если в Западной Европе государство и общество осознали и признали этот факт, то в странах, возникших после крушения советской системы, с подобным признанием возникла сложная коллизия.

В ряде стран те группы населения, которые выдавали евреев или даже сами убивали их в дальнейшем участвовали в борьбе с совет-

скими войсками – и в этом качестве были вознесены пропагандой на пьедестал «борцов за свободу», поскольку в рамках концепции, в которой коммунистический режим, ассоциируемый со сталинизмом рассматривался как абсолютное зло, те кто противостоял ему получали статус Добра или хотя бы «меньшего зла». Кроме того, в советский период истории масштаб коллаборационизма всячески преуменьшался, чтобы не разрушать легенду о всенародной борьбе с нацизмом. В результате, население предпочитало «забывать» об участии своих отцов и дедов в истреблении евреев.

«Выходом» из положения в этой ситуации и стала «теория замещения», согласно которой геноцид осуществляли исключительно немцы. Роль же местных жителей была незначительной и даже в этом случае они лишь подчинялись приказу немцев. Либо коллаборационистов в худших традициях советской пропаганды, выводят кучкой уголовников-маргиналов.

В авангарде подобных начинаний оказались страны Балтии, где у значительной части нынешней элиты есть дальние или близкие (как в случае с патриархом литовской политики В.Ландсбергисом) родственники, по уши замазанные в сотрудничестве с нацистами. В Латвии «теорией замещения» озаботились уже послевоенные эмигранты на Запад – во многом для обеления самих себя. В выпускавшихся ими учебных пособиях говорилось об уничтожении евреев, но все сваливалось исключительно на немцев. В дальнейшем эта концепция перешла в школьные учебники независимой Латвии. Причем авторы некоторых учебников были готовы приписать ответственность за уничтожение евреев кому угодно, но не латышам. В одной из книг в качестве палачей фигурировали некие полицейские, прибывшие с Украины. Впрочем, некоторое участие латышей авторы учебников вынуждены были признать, поскольку совсем «замести под ковер» истории о пресловутой «команде Арайса», целенаправленно истреблявшей евреев, было невозможно. Однако, это участие было объявлено исключительно следствием нацистской пропаганды.

В учебниках истории для школ в современной Эстонии либо говорится о том, что очень мало эстонцев убивало евреев, либо эта тема не упоминается вообще, а все сводится к восхвалению «высокого боевого духа» эстонских и латышских батальонов, созданных немцами. При этом в учебниках полностью замалчивается спор об участниках уничтожения узников концлагеря Клоога – самого известного факта

Холокоста в Эстонии – в сентябре 1944 г. (по одной из версий расстрелом узников занимались как раз эстонские формирования)¹.

В мае 2005 года президент Эстонии Арнольд Рюйтель заявил в интервью газете «Аргументы и факты»: «Я не располагаю данными, что эстонцы участвовали в расстрелах евреев, и что они вообще совершали такие дела в Эстонии... могу сказать с полной уверенностью – участие эстонцев в расстрелах еврейского населения исключается»².

В декабре 2008 года уже представители Министерства обороны Эстонии сделали заявление, в котором вина за преступления Холокоста была возложена исключительно на нацистов с умалчением о роли эстонских коллаборационистов из организации «Омакайте», несмотря на вышедший двумя годами раньше отчет Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности где прямо говорилось об участии членов «Омакайте» в уничтожении евреев (см.ниже).

Когда Центр исследования геноцида и сопротивления жителей Литвы составил было список из сотен фамилий литовцев- участников уничтожения евреев , этот список был вскорости убран с сайта центра, а его руководство всячески пыталось отрицать наличие самого этого списка. Было объявлено что эти имена не будут обнародоваться без решения суда о правомерности заключения советских карательных органов об участии этих людей в уничтожении евреев.

Приближенный к властям Литвы историк Арунас Бубнис последние несколько лет утверждает, что якобы «нет доказательств», масштабного участия литовцев в уничтожении евреев.

Естественно, что этот процесс не ограничился Литвой, Латвией и Эстонией. В апреле 2013 г. польский посол в Германии Ежи Маргански выступил против вышедшего в ФРГ сериала «Наши матери, наши отцы», в котором солдаты польской Армии Крайовой были изображены как антисемиты³.

¹ «NewsBalt»: государственные СМИ Эстонии лгут об организаторах Холокоста // Портал Русской Общины Эстонии, 18.09.2013. (<http://baltija.eu/news/read/33482>).

² Президент Эстонии Арнольд Рюйтель. Разве мы восхваляем нацизм?// Аргументы и факты, 23. 03.2005 (<http://www.aif.ru/archive/1640045>).

³ Зельфанов К. В Германии сняли фильм, в котором нацисты спасают еврейскую девочку от украинских полицаев // Новый регион, 2013, 24 апреля (<http://www.nr2.ru/kiiev/436069.html>).

Подобные же тенденции наблюдались и в Венгрии. Теория «страны-жертвы» активно пропагандируется и в Венгрии. Как отмечает известный венгерский историк Тамаш Краус в Венгрии вообще предпочитают не вспоминать даже о зверствах венгерских солдат на оккупированных территориях, не говоря уж о соучастии в Холокосте. 17 января 2014 г. новоназначенный директор Института исторических исследований «Веритас», которому поручено заново написать новейшую историю Венгрии, Шандор Шакали дал интервью, в котором описывая события в Каменец-Подольске, где в 1941 г. были уничтожены почти 20 тысяч венгерских евреев, не имеющих регистрации в Венгрии, назвал это «административными мерами в отношении нелегальных мигрантов», почти дословно повторив знаменитую цитату Суллы о «наказании нескольких негодяев»⁴. Когда вспыхнул скандал, Ш.Шакали объявил, что его неправильно поняли. Но уже в июле того же года, он выступил с новым заявлением, якобы доказывавшем непричастность венгерской элиты к Холокосту. Директор Института исторических исследований утверждал, что руководство Венгрии якобы до последнего момента не знало о массовом уничтожении евреев нацистами, а антисемитское законодательство Хорти, и вовсе не так нарушало права граждан, как, к примеру, депортация немцев коммунистическим режимом в 1946 г.⁵

Апогеем теории «Венгрии-жертвы» стало открытие в июле 2014 г. памятника к 70-й годовщине немецкой оккупации Венгрии. Надписи и изображения на памятнике ничего не говорили о венгерском коллаборационизме, представляя Венгрию лишь одной из «жертв Гитлера». Против открытия среди прочих выступила и еврейская община Венгрии. Президент еврейской общины страны Андраш Хейслер еще в январе 2013 г. заявил, что власти таким образом пытаются снять ответственность за гибель венгерских евреев с режима Хорти. «Венгерские нацисты активно участвовали в массовых расстрелах еврейского населения и в депортации евреев в лагеря смерти, и на каждом монументе»

⁴ Hungarian Jewish leaders accuse government of minimizing Holocaust// JTA, 2014, jan. 20. (<http://www.jta.org/2014/01/20/news-opinion/world/hungarian-jewish-leaders-accuse-government-of-minimizing-holocaust/>)

⁵ Toth S. Veritas director Sandor Szakaly: "Ideas of history constantly evolve, change" // Поптал budapestbeacon.com, 2014-07 -18. (<http://budapestbeacon.com/featured-articles/veritas-director-sandor-szakaly-ideas-history-constantly-evolve-change/>)

менте жертвам нацизма эти факты должны быть отмечены», – заявил он⁶. Подобные взгляды встречают поддержку в венгерском обществе. По данным опроса общественного мнения, проведенного в декабре 2014 г. 38% полагали, что венгерское государство не несет ответственности за истребление венгерских евреев, а 60% считали, что во время войны венгры понесли такие же потери как и евреи⁷.

«Теорию замещения» пытаются активно внедрять и на Украине, руководство которой видимо сделало ставку на строительство новой украинской идентичности с прежними антигероями в качестве объектов поклонения. В ноябре 2007 г., во время посещения музея Холокоста в Иерусалиме, тогдашний президент Украины Виктор Ющенко заявил о том, что «ни один архив не подтвердит сегодня ни одной акции карательного типа, в которой принимали бы участие бойцы УПА (Украинской повстанческой армии – основной военизированной организации украинских националистов в 1940-е – С.Ч.) или другие подобные организации».

Фиксируются попытки «замазать» участие украинцев в уничтожении евреев в Львовской области – в том числе в рамках печально знаменитого Львовского погрома. К примеру, в Золочеве, где было уничтожено 9000 евреев – почти 60% тогдашнего населения города, в экспозиции местного музея практически не упоминается об этой резне, в которой активно участвовали все те же «местные пособники», зато подробно расписывается уничтожение НКВД в 1941 г. заключенных-украинцев. На стоящей во дворе замка-тюрьмы доске говорится, что евреи были «убиты нацистами». В Дрогобыче в экспозиции музея, репрессии советского и нацистского режимов объединили в короткой записи: «С конца 1939 по начало 1943 годов население Дрогобыча уменьшилось почти вдвое – на 45 процентов», и опять же аккуратно выведя за скобки участие в этом «уменьшении» (особенно во втором случае) местных кадров⁸. В интервью, появившемся в июньском номере журнала «Лехаим» за 2014 г., преподаватель Украинского католического университета Андрей Павлышин попытался снять

⁶ Евреи Венгрии против памятника жертвам нацизма без упоминания жертв Холокоста // Сайт Евроазиатского еврейского конгресса, 23.01.2014 (<http://eajc.org/page16/news42633.html>).

⁷ Антисемитские предрассудки в современном венгерском обществе. Научный доклад, 2015 г.

⁸ <http://comments.ua/life/520221-lvov-zapadnaya-ukraina-vzglyad.html>

ответственность за Львовский погром с украинских националистов, перекаладывая ее, правда, не на немцев, а на поляков⁹.

Весной 2015 г. Украинский институт национальной памяти выпустил методическое пособие для преподавателей «Украина во Второй мировой войне», в котором, говоря о том, что массовое уничтожение еврейского населения началось с первых дней войны, автор (авторы) книги списывали все зверства на немецкие айнзатцкоманды, стыдливо умалчивая об активной помощи украинского населения (которое в некоторых местах начало уничтожать евреев и без всяких айнзатцкоманд)¹⁰.

1 июня 2015 государственная комиссия в Ровно, которая должна была одобрить надпись на мемориала погибшим евреям в с. Острожец, отказалась это делать. Речь шла об одном из пяти мемориалов, которые должны были открыться 28 июня в рамках проекта “Защита и мемориализация мест массовых захоронений евреев Украины периода Второй мировой войны” (Protecting Memory Project in Eastern Europe), финансируемого МИДом ФРГ при поддержке Американского еврейского комитета, Украинского еврейского комитета, Центра изучения Холокоста. Раздражение комиссии в надписи “У 1941–1944 роках єврейське життя в Острожці та навколишніх містечках і селах було знищено німецькими окупантами та підлеглими їм місцевими службами. На цьому місці було вбито щонайменше 800 євреїв. Нехай душі їхні будуть зав’язані у вузол вічного життя.” (“В 1941-1944 годах еврейские жители Острожца и окружающих городах и селах были уничтожены немецкими оккупантами и подчиненными им местными службами. На этом месте были убиты не менее 800 евреев. Пусть души их будут завязаны в узел вечной жизни”) вызвало всего пять слов “та підлеглими їм місцевими службами»¹¹. 1 июля стало известно, что депутаты Ковельского районного совета в ответ на открытие подобного же мемориала в находящемся на территории района селе

⁹ С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА...// ЛЕХАИМ, 2014, № 267 (<http://www.lechaim.ru/1132>).

¹⁰ Україна в Другій світовій війні. – Київ, Український інститут національної пам’яті, 2015. – С. 16 (<http://www.memory.gov.ua/sites/default/files/userupload/broshura-ukr-sait.pdf>).

¹¹ Запись в ФБ Э.Долинского, 2015, июнь, 01 (<https://www.facebook.com/eduard.dolinsky/posts/968569456508456>)

Бахов готовятся оправить протест в вышестоящую инстанцию¹².

3 июля прошло заседание коллегии Ковельского районного совета, под руководством председателя совета Игоря Верчука. Как сообщалось на официальном сайте райсовета депутаты, обсуждая надпись на мемориале заявили, что «видят в надписи прямое обвинение украинского народа в пособничестве и участии в массовом расстреле евреев», и предложили составить письмо председателю Волынского областного совета Валентину Ветра о принятии мер об изменении надписи¹³.

8 июля состоялось заседание постоянной комиссии Ковельского районного совета по вопросам духовности, образования, науки, культуры и туризма, религий, средств массовой информации, связей с политическими партиями и общественными организациями, на котором и рассматривался вопрос «о содержании памятной таблички на Мемориальном комплексе Холокоста евреев в годы Второй мировой войны»¹⁴.

Директор Украинского центра изучения истории Холокоста Анатолий Подольский в интервью автору статьи заявил, что каждая надпись на каждом мемориале – «это результат кропотливой исследовательской работы с архивами и другими видами источников по каждому из пяти проектных мест». Впрочем, А.Подольский постарался максимально приуменьшить масштаб происходящего, сообщив, что мол просто кто-то из присутствующих сказал, что не надо было писать на памятнике, что местные помогали нацистам, так как это делает виновными сегодня живущих ковельчан. «Так вот уж точно в этом антисемитизм искать не нужно (как это делает все время Эдуард Долинский, Александр Фельдман и К...)... А то, что на открытии в Бахове под Ковелем такое сказали это вполне нормально, в Украине постепенно идет процесс осмысления прошлого, в том

¹² Запись в ФБ Э.Долинского, 2015, июль, 01 (<https://www.facebook.com/eduard.dolinsky/posts/986371138061621>)

¹³ ВІДБУЛОСЯ ЗАСІДАННЯ КОЛЕГІЇ КОВЕЛЬСЬКОЇ РАЙОННОЇ РАДИ// Официальный сайт Ковельского районного совета, 2015, 07,03 (<http://kovel-rayrada.gov.ua/news/vidbulosya-zasidannya-kolegi-kovelsko-rayonno-radi-5>)

¹⁴ ВІДБУЛОСЯ ЗАСІДАННЯ ПРОФІЛЬНОЇ КОМІСІЇ//Официальный сайт Ковельского районного совета, 2015, 07,08 (<http://kovel-rayrada.gov.ua/news/vidbulosya-zasidannya-profilno-komisi>).

числе и Холокоста» – написал он. Что касается случая с мемориалом в Острожце, который открылся без надписи, то А.Подольский свел все к неумению ровненских евреев «внятно объяснить местным властям суть проекта и мемориала» и их «мягко скажем, нахрапистому» поведению¹⁵.

Судя по официальному ответу, полученному автором статьи, и подписанному И.Верчуком, это письмо было подготовлено и отправлено. И.Верчук отмечал, что имеющаяся надпись «откровенно обвиняет местное население в уничтожении евреев», отождествляя население и пронацистских коллаборантов.

В Ровенской области, как рассказал председатель еврейской общины Ровенской области Геннадий Фраерман, дело также было отнюдь не в непонимании членами комиссии сути памятника. «На комиссии, когда я пришел туда, то встретил яростное сопротивление в отношении слова «местных». Предлагали заменить любым словом, даже изобрели термин «немецко-гитлеровские захватчики». Я говорю – немцы приняли свое решение, они узаконили это и это их формулировка. Мне в ответ – давайте мы вспомним о том, что у нас тут россияне были, калмыки населенные пункты жгли, может и тогда россияне были? Я говорю – есть же свидетельства местных жителей. Я потребовал провести второе заседание. Но они уже на первом проголосовали, чтоб убрать слово «местные»» – подчеркнул он. На втором заседании, которое прошло примерно в середине июня, по словам Г.Фраермана, члены комиссии (по большей части – ветераны УПА во главе с вице-губернатором области А.Савчуком, пришедшим во власть по квоте партии «Свобода») буквально не дали раскрыть рта специально приглашенной им даме-историку, которая привезла документы, свидетельствовавшие, что уничтожением евреев занимались никакие не калмыки, а самые что ни на есть местные жители. «Они предложили – давайте вы в Киев в центральную комиссию отправите свой вариант, а мы свой, но в итоге, поскольку во второй раз они даже не голосовали, в Киев отправился только их вариант» – рассказал Г.Фраерман¹⁶.

Как выяснилось позднее, скандал мог разразиться и в третьей из охваченных проектом областей – Львовской. «Там тоже не очень хотели, но поскольку там участвуют немецкие деньги, придраться

¹⁵ Интервью с А.Подольским (июнь 2015)// Личный архив автора.

¹⁶ Интервью с Г.Фраерманом (июль 2015)// Личный архив автора.

было трудно. Хотя сопротивление было и мы боялись, что что-то будет» – рассказал Э.Долинский¹⁷.

Даже в том случае, если власти этих стран говорят об участии пособников нацистов в уничтожении евреев, в ряде случаев это делается сквозь зубы и максимально неопределенно.

Так, 21 сентября 2010 г. сейм Литвы принял постановление, согласно которому 2011 год объявлялся Годом памяти жертв Холокоста в республике. В постановлении было сказано, что евреев уничтожали нацисты и некие «пособники», чья принадлежность расшифрована не была¹⁸.

На стенах Девятого форта в Каунасе, где проходили массовые расстрелы, также говорится о неких безликих «пособниках», не упоминающая «активизм» литовцев, начавших убивать евреев едва ли не до прихода немцев. Поэт и публицист Томас Венцлова, автор знаменитого эссе «Евреи и литовцы», написанного в 1975 г., в своем новом эссе «Евреи и литовцы: что изменилось и что не изменилось за 40 лет», замечает по этому поводу, что коллаборационистах говорят очень абстрактно; «любое обвинение в адрес конкретных лиц чаще всего называют клеветой и выдумками КГБ»¹⁹.

В Польше после выхода в 2001 книги Я.Гросса «Соседи», и сопровождавшего книгу громкого скандала, общественное мнение признало случай уничтожения евреев соседями в местечке Едвабне. Однако эту историю стараются подавать как выходку толпы алчных и необразованных крестьян, и единичный случай (хотя сейчас исследователи насчитывают почти 130 подобных случаев). При этом власти все же попытались представить события в Едвабне как «немецкую инициативу». В официальном расследовании Института национальной памяти говорилось в качестве одной из гипотез, что убийства «были инспирированы немцами». До появления книги Гросса эта тема практически не фигурировала в общественном сознании, а материалы об

¹⁷ Интервью с Э. Долинским (июль 2015 г.) // Личный архив автора.

¹⁸ Литва осудила Холокост, но о своих преступлениях не вспомнила // Интернет-портал IzRus, 2010, сентябрь, 21.(<http://izrus.co.il/diasporaIL/article/2010-09-21/11800.html#ixzz3t4QVlfnl>).

¹⁹ Т.Венцлова. Евреи и литовцы: что изменилось и что не изменилось за 40 лет//Портал RuDelfi, 2015, апрель, 27.(<http://ru.delfi.lt/opinions/comments/tvenclova-evrei-i-litovcy-что-izmenilos-i-что-ne-izmenilos-za-40-let.d?id=67805470>).

участии поляков в Холокосте, к примеру в Белостокском воеводстве, хранились в архиве местного Института национальной памяти не систематизированными и заброшенными²⁰.

Одновременно это сопровождается активной пропагандой, призванной поставить на место «народа-страдальца» не евреев, а «титупное» население. В странах Балтии для этого объявили сталинские репрессии и вообще все действия советских властей за 50 лет нахождения этих стран в Составе СССР геноцидом. В той же Литве активно развивается концепция «симметрии геноцидов», когда участие литовцев в Холокосте рассматривается как месть евреям за их якобы имевшее место «активное участие» в помощи и проведении советских репрессий против литовцев в 1940–1941 гг.²¹.

Продвижением этой концепции занимается и созданная в 1998 г. Международная комиссия по оценке преступлений нацистского и советского оккупационных режимов в Литве. И здесь же мы встречаем аргументацию, уже знакомую по украинским дебатам вокруг памятников жертвам Холокоста – если мы заговорим публично о том, что литовцы не герои, и что бывало всякое, это будет очень на руку Путину. Он воспользуется этим, и сделает нас нацистами, фашистами, а затем действительно нападет. Т. Венцлова, комментирует это так: «Истина не может быть на руку ни Путину, ни кому-то другому из наших оппонентов. Правда не может повредить Литве. Ложь или замалчивание может, и именно замалчивание выгодно для политики Путина»²².

В Латвии практически официально утверждается, что советская оккупация была страшнее немецкой. А на станции «Шкиротава» («Сортировочная»), куда во время войны привозили для уничтожения эшелоны евреев со всей Европы, висит табличка о том, что в «период оккупации (1940-1991)» оттуда вывозили эшелонами латышей в Сибирь.

В изданном в 2006 г. отчете Эстонской международной комиссии

²⁰ Еврейские погромы: интервью с автором шокирующей книги// ИноСМИ.ру, 2015, октябрь, 02. (<http://inosmi.ru/world/20151002/230579127.html#ix-zz3ntk7uueS>).

²¹ [Freedland J.](#) I see why 'double genocide' is a term Lithuanians want. But it appals me // The Guardian, 2010, sept., 14 (<http://www.theguardian.com/commentis-free/2010/sep/14/double-genocide-lithuania-holocaust-communism>).

²² Ванагайте Р. В Литве об этом не говорили, не говорим и не будем говорить// Обзор.лт, 2015, 05, 02. (<http://www.obzor.lt/news/n16198.html>).

по расследованию преступлений против человечности под названием «Эстония, 1940-1945», эстонцы были объявлены исключительно жертвами, несмотря на приводимые там данные об участии и не менее 1000 членов военнизированной организации «Омакайте» в истреблении евреев.

В Польше активно продвигается концепция «двух оккупаций», нацистской и советской, делающая поляков исключительно пассивным объектом истории, и выводящие за скобки пассивное (а во многих случаях и активное) соучастие поляков в истреблении евреев. В сознание поляков еще с советских времен внедрена цифра в 6 миллионов погибших «поляков и евреев» (при этом подразумевается, что поляки среди них оставляли большинство, что было совсем не так). Эта теория является базовой для Института национальной памяти. Любые попытки напомнить об этом соучастии встречаются в польском обществе и власти крайне болезненно. Так, фильм «Стерня», поднявший вопрос о масштабном участии поляков в уничтожении евреев, фактически расколол польское общество. Экс-премьер страны, лидер партии Право и Справедливость Ярослав Качиньский сказал, что фильм он не смотрел, но и не собирается, потому что это ложь. Правая «Газета Польска» охарактеризовала картину как «вредную для поляков». Популярный еженедельник «Впрост» поместил на обложке портрет исполнителя главной роли М.Штура в обрамлении звезды Давида с заголовком «Мачей Штур запрашивается, чтобы его линчевали»²³.

Авторы экспозиции в Ясеноваце даже вписали хорватов в число жертв лагеря (не уточнив, что в этом случае жертв выбирали не по этническому признаку, как это было с евреями, а из-за реального противостояния власти усташей). А выпущенной музеем монографии Ясеновац и вовсе объявлялся «нацистским концлагерем».

«Теория замещения» проникла даже в западную литературу, претендующую на научность. Так, в труде Тимоти Снайдера «Кровавые

²³ «Это было шоком, ведь мы считали, что поляки всегда вели себя очень благородно» // Colta.ru, 2013, 16 декабря (<http://www.colta.ru/articles/cinema/1538>), Плахов А. Кровавая жатва // Коммерсантъ, 2013, 12, 13 (<http://kommersant.ru/doc/2366395?isSearch=True>), Hoberman J. The Past Can Hold a Horrible Power // NY Times? 2013? 10? 27 (http://www.nytimes.com/2013/10/27/movies/aftermath-a-thriller-directed-by-wladyslaw-pasikowski.html?_r=1&/)

земли», который активно рекламируется как последнее слово об истории Холокоста в Восточной Европе, уже немецкая айнзатцгруппа «С» вместе с неким «местным ополчением» (а не украинские националисты и солдаты из укомплектованного из них же батальона «Нахтигаль») организует печально известный погром во Львове в первые дни войны. Описывая уничтожение евреев в Бабьем Яре автор опять же говорит исключительно о немцах. Об участии коллаборационистов в уничтожении евреев он упоминает крайне скупно, приводя в пример расстрелы в Румбульском лесу в Латвии и (без какой-либо конкретизации) Белоруссию. Хотя, впрочем, он все же признает (превознося перед этим Армию Крайову за полумифическую помощь восстанию в Варшавском гетто), что солдаты АК в ряде случаев убивали евреев – в том числе и с целью грабежа²⁴.

Но есть и оборотная сторона этой теории. Обычно она проявляется там, где востребован советский исторический нарратив. Там не скрывают ни Холокоста, ни наличия коллаборационистов и их участия в уничтожении мирного населения, но подставляют на место главной жертвы либо безликих «мирных граждан» либо представителей «титულიной нации».

Главным образом это относится к России и Беларуси В этом случае правящий класс не испытывает нужды в возвеличивании антисоветских повстанцев, сотрудничавших с нацистами. Здесь власть признает и Холокост и участие коллаборационистов в уничтожении евреев (впрочем, к вящему удобству властей, коллаборационисты эти часто оказываются пришлыми – украинцами и прибалтами). Но при этом Холокост старательно «растворяется» в общей трагедии граждан СССР оказавшихся в плену или под оккупацией, и (как побочный результат «приватизации» советского нарратива о войне Россией в 1990-е) представление о жертвах понесенных СССР автоматически переносится на Россию, которая становится «самой пострадавшей от войны».

Так, во время проведения сайтом Regions.ru в апреле 2007

²⁴ Вообще книгу Т.Снайдера характеризует буквально безудержное доверие к источнику, если он антисталински настроен. К примеру, автор обличает СССР за призыв к полякам развертывать партизанскую войну против немцев, поскольку Сталин, мол, собирался таким образом воспрепятствовать польскому сопротивлению советской власти, когда она придет. Вероятно, Черчилль призывал народы Европы к Сопротивлению тоже для того, чтоб установить над ними британскую гегемонию

года опроса по вопросу о том, нужно ли вводить уголовной ответственности за отрицание Холокоста председатель Комитета Совета Федерации по правовым и судебным вопросам А. Лысков заявил, что поскольку такую же трагедию пережили все народы СССР, то нужно вводить наказание и за отрицание этой трагедии. Член Комитета Совета Федерации по делам СНГ О. Пантелеев также, как и Лысков, предложил «не выделять отдельно трагедию Холокоста». Еще несколько депутатов Государственной Думы – заместитель председателя Комитета по информационной политике А. Кравец (КПРФ), член Комитета по международным делам И. Баринов («Единая Россия») и член Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками В. Алкснис («Народная воля») – выступили с заявлением о том, что принятие подобного законопроекта приведет к тому, что евреи будут якобы выделены из числа погибших и окажутся «равнее» других²⁵.

О подобных взглядах некоего крупного госчиновника рассказал в интервью Радио «Свобода» 27 января 2016 г. президент РЕК Юрий Каннер: «Я как-то обсуждал эту тему с одним крупным государственным деятелем, совершенно не антисемитом. Он мне сказал: “Слушай, Юра, что вы, евреи, со своими шестью миллионами жертв?! У нас тридцать миллионов погибло”»²⁶.

Именно в рамках этой теории российские власти уже несколько лет (как минимум – с 2011 г.) отказываются внести День памяти жертв Холокоста в перечень официальных памятных дат, при этом не возражая, чтобы этот день отмечала еврейская община. Предлогом для отказа служит наличие в календаре Дня памяти и скорби (22 июня – день начала войны)²⁷.

Эта идеология проникла и в школьные учебники. Так, в издаваемом издательством «Просвещение» учебнике истории для 11

²⁵ Отрицание Холокоста – глупость, а не преступление // Regions.ru, 20.04.2007 (<http://regions.ru/news/2070829/>)

²⁶ «Говорят, Андропов был еврей» . Президент Российского еврейского конгресса Юрий Каннер – о Холокосте, антисемитизме и об отношении Путина к евреям // Радио «Свобода», 27.01.2016 (<http://www.svoboda.org/content/article/27510599.html>)

²⁷ Юрий Каннер: уважаем позицию Администрации Президента, но будем продолжать // Новости Российского еврейского конгресса, 2011 .12.04 (<http://www.rjc.ru/rus/site.aspx?SECTIONID=345557&IID=1433552>).

класса для профильного уровня, написанным В. Шестаковым Холокост (без упоминания этого термина) был изображен как одна из частей страданий мирного населения. «Киев – фашисты замучили здесь более 200 тыс. советских людей. Местом гибели свыше 100 тыс. русских, украинцев и евреев стал овраг на окраине Киева – Бабий Яр». Далее туманно говорится о «чудовищных преступлениях против человечности», и в большей степени описывается трагедия советских военнопленных (опять же – без выделения судеб военнопленных-евреев)²⁸. Лучше в этом отношении ситуация в учебнике написанном О. Волобуевым и С. Карпачевым. Здесь авторы даже знают слово «Холокост» и сообщают о массовых расстрелах евреев в Бабьем Яре и почему-то в Керчи (Ростов-на-Дону отдельного упоминания не удостоился, хотя это было бы логичнее). Но рецидивы «растворительного» подхода видны и здесь. Успешное восстание узников-евреев в лагере смерти Собибор превращается в восстание просто заключенных под началом «советского офицера Печерского». Глухо упоминается, что « в результате массовых политических, этнических, расовых чисток были уничтожены миллионы людей», но национальность этих людей не конкретизируется²⁹.

Наглядным отображением этой идеологии стал скандал, разразившийся в 2012-2013 гг. вокруг замены мемориальной доски с фасада траурного зала (музея) на мемориале в Змиёвской балке города Ростова-на-Дону. В ноябре 2011 года мемориальная доска с текстом: «11-12 августа 1942 года здесь было уничтожено нацистами более 27 тысяч евреев. Это самый крупный в России мемориал Холокоста», была демонтирована, и вместо нее появилась новая доска, на которой фигурировали «мирные советские граждане и военнопленные».

Областное Министерство культуры вначале сослалось на формальную причину – отсутствие официальных документов, в которых говорилось бы, что мемориал в Змиевской балке – памятник Холокоста. Но уже 24 января 2012 г. начальник Ростовского управления культуры Людмила Лисицына заявила, что это «не подтверждено ни одним документом» и точных данных о том, сколько среди погибших

²⁸ Шестаков В.А., под ред. Сахарова А.Н. История России, XX - начало XXI века. 11 класс. Профильный уровень. 5-е изд. – М.: 2012., С. 234, 235.

²⁹ Волобуев О.В., Карпачёв С.П. История России, начало XX-начало XXI века, 10 класс. М., 2016, – С. 202, 184, 182, 181-180.

было евреев нет³⁰. Эта линия продолжала оставаться магистральной в дальнейшем, обрастая подробностями по мере попыток еврейской общины Ростова-на-Дону пр поддержке Российского еврейского конгресса добиться исправления ситуации.

В ростовских СМИ появились заявления о том, что евреи-де, пытаются «приватизировать» общую трагедию и «делить погибших по национальностям»³¹. Строивший мемориал архитектор Рубен Мурадьян несколько раз заявлял, что начатый общиной судебный процесс с требованием восстановления прежней таблички «разжигает межнациональную рознь среди ростовчан» и предлагал еврейским организациям создать свой мемориал на части «расстрельной» территории, где ныне существует бензоколонка³². А националисты из ростовского филиала движения «Русский Образ» в начале 2012 г. объявили о подаче в прокуратуру заявления с требованием проверить деятельность Российского еврейского конгресса на предмет разжигания межнациональной розни, под предлогом того, что «выделение» евреев из общей массы жертв нацистов якобы «оскорбляет память» и «принижает национальное достоинство» остальных погибших в Змиевской балке³³. Компромисс был достигнут в декабре 2013 г. (по слухам – после вмешательства «сверху»). Текст новой таблички звучал так: «Здесь, в Змиевской балке, в августе 1942 года гитлеровскими оккупантами было уничтожено более 27 тысяч мирных граждан Ростова-на-Дону и советских военнопленных. Среди убитых – представители многих национальностей. Змиевская балка – крупнейшее на территории Российской Федерации место массово-

³⁰ Лукашев Я. Минкульт Ростовской области ликвидировал памятник жертвам Холокоста // ВестиФМ 24/01/2012 (<http://www.radiovesti.ru/articles/2012-01-24/fm/30221>), Коцубинская М. Змиевский мемориал оказался в центре спора // Город N, 24.01.2012 (http://www.gorodn.ru/razdel/obshchestvo_free/v_gorode/660).

³¹ Громова Е. Буря в памятном стакане // МК- Ростов-на-дону, 25.01.2012 (<http://rostov.mk.ru/article/2012/01/25/664140-burya-v-pamyatnom-stakane.html>).

³² Алфеева У. Кого расстреляли в Змиевской балке? //Интернет-портал «Дом 161», 10 августа 2012 г. (<http://161metr.ru/text/daynews/552373.html>).

³³ Русские националисты: Нацисты расстреливали не евреев, а советских граждан// Regions.ru, 03.02.2012 (<http://regions.ru/news/2392620/>).

го уничтожения фашистскими захватчиками евреев в период Великой Отечественной войны»³⁴.

Этот стереотип может влиять не только на чиновников. В первой половине 2000-х автор статьи был свидетелем того, как президент Фонда «Холокост» Алла Гербер, говоря о том, каким ужасом был бы фашизм для России патетически воскликнула, что страна, потерявшая более двадцати миллионов человек в борьбе с фашизмом, должна была получить прививку от него, автоматически переноса на Россию все потери, понесенные СССР.

В 2010 г. главный редактор челябинского Интернет-СМИ UralDaily.ru А.Корецкий, обвинил евреев в неблагодарности, поскольку они, мол, не сказали русским «спасибо» за спасение от фашизма. «37 миллионов жизней русских для вас – вода. Ведь это не еврейская кровь, верно? Евреи чужую кровь не жалеют», писал он³⁵.

Подобная точка зрения пользуется поддержкой некоторой части клириков РПЦ. Когда в мае 2012 г. портал Regions.ru провел среди клириков опрос о необходимости изучать в школе историю Холокоста директор Традиционной гимназии, кандидат исторических наук священник Андрей Постернак заявил, что «правильным, и более справедливым» было бы изучение потерь погибших во Второй мировой войне граждан ССР « в основном русских», а также мучеников за веру. Призыв «не выделять» жертвы Холокоста поддержал и преподаватель Московской духовной академии и семинарии иеромонах Тихон (Зимин)³⁶.

А в следующем, 2013 г., председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион в приветствии участникам церемонии открытия в Аушвице обновленной российской национальной экспозиции «Трагедия.

³⁴ Будни ТС: в Ростове разгорелся скандал вокруг 27 тыс. уничтоженных евреев // Интернет-портал Glavnoe.ua, новости, 10.12.2013 (<http://glavnoe.ua/news/n157812>).

³⁵ В дальнейшем статья была удалена с сайта. Цитируется по: Чарный С. И др. Антисемитизм в России в 2010 году. Доклад Экспертной группы еврейской общины России по проблемам антисемитизма (<http://www.eajc.org/page454>).

³⁶ Нужно ли изучать Холокост в российских школах? – Мнения священнослужителей // Regions.ru, 04.05.2012 (<http://www.regions.ru/news/2406292/>).

Мужество. Освобождение» писал, фактически копируя стиль своих подчиненных: «Люди, охваченные безумной идеей собственного совершенства, объявив остальных людей «недочеловеками», создавали подобные лагеря для «технологичного» истребления тех, кто не соответствовал их критериям принадлежности к человеческому роду. Следствием такой политики стали миллионы невинно убиенных людей, единственная вина которых состояла в том, что они родились евреями, русскими, украинцами, белорусами, поляками, сербами, цыганами и людьми иных национальностей»³⁷. Тот факт, что по национальному признаку уничтожались лишь три перечисленных митрополитом народа – евреи, цыгане и сербы, (при этом лишь евреев и цыган уничтожали повсеместно, а уничтожение сербов было идеей хорватских усташей, но не Гитлера) не был упомянут.

Этот прием активно используют и радикальные националисты. В вышедшей в 2013 г. книге публициста О.Платонова «Эпоха Сталина» со ссылкой на отрицателя Холокоста Ю. Графа численность погибших евреев оценивалась в 0,5 миллиона человек. При этом демагогически заявлялось, что эта цифра, мол, в 44 раза меньше численности русских, погибших на войне, и именно русский народ «испил самую большую чашу страданий во вторую мировую войну»³⁸.

Подобная же ситуация сохраняется в Беларуси, где власти, по оценки историка-эксперта пытаются решить две задачи: «а) формальное приспособление советских интерпретаций истории Второй мировой войны к новому «национальному» контексту и борьба с политической оппозицией, пытавшейся подвергнуть сомнению некоторые аспекты истории войны, и б) сохранение риторики «общего военного прошлого» для сохранения отношений с Россией»³⁹. В учебнике истории для 10 класса, написанном Е. Новиком описывалось уничтожение евреев Минского гетто, упоминается, что на оккупированной территории СССР было еще около 100 подобных гетто, говорилось

³⁷ Митрополит Волоколамский Иларион направил приветствие участникам церемонии открытия в Освенциме российской национальной экспозиции «Трагедия. Мужество. Освобождение» // Сайт Отдела внешних церковных связей РПЦ МП, 30. 01. 2013 (<http://mospat.ru/ru/2013/01/30/news79971/>).

³⁸ Платонов О. Эпоха Сталина, М. 2013, С. 191

³⁹ Браточкин А. Память о «Великой Отечественной войне» исчерпала себя?// Журнал «Новая Европа», 22.04.2015 г. (http://neurope.eu/article/2015/04/22/pamyat_o_velikoi_otechestvennoi_voine_ischerpala_sebja).

об участии коллаборационистов из Литвы, Латвии и Украины в массовом уничтожении евреев. Однако, когда рисуется общая картина геноцида и упоминаются лагеря уничтожения, автор предпочитает не говорить о том, что основными их «клиентами» были евреи. В конце темы резюмируется, что всего во время оккупации в Беларуси погибло 2,2 млн. мирных жителей, однако цифры погибших евреев нет. Есть лишь данные по Минскому гетто, которые при всей своей грандиозности – 100000 человек, абсолютно «не смотрятся» рядом с итоговыми цифрами погибших⁴⁰. Реальная цифра еврейских жертв – 800000 человек не приводится, поскольку могла бы вызвать ряд очень неудобных вопросов, подтачивающих положение белорусов, как «народа-страдальца». Кроме того, белорусским еврейским общинам в значительно большей степени, чем российским довелось столкнуться с унаследованным от СССР стремлением власти «растворить» Холокост на уровне памятников. Белорусский историк и еврейский активист Я. Басин отмечал в 2015 г., что лишь единичные памятники и обелиски имеют надписи о том, что под ними покоятся столько-то и столько-то евреев, погибших в результате гитлеровского геноцида. «Чаще всего власти не желают разрешать такие надписи. Их довод: даже если здесь лежит хотя бы один нееврей – партизан или просто местный житель – надпись уже неверна» – подчеркивал он в интервью газете «Салидарносьць»⁴¹.

Другое отражение «теории замещения» – попытки принижения значимости Холокоста путем конструирования других «холокостов». Вероятно, авторы подобных теорий надеются не столько подорвать статус Холокоста как неповторимого явления, сколько получить выплаты (или какие-то привилегии, которые, как они уверены, имеют евреи), как жертвы геноцида. В основном речь идет о попытках провозгласить существование т.н. «русского холокоста» – якобы имевшего места под руководством евреев истребления русских в советский (а иногда и в постсоветский) период. Так, ЛДПР, в предвыборной

⁴⁰ Новик Е. История Беларуси, 1917-1945. Учебное пособие для 10 класса. Минск, 2012 г., – С. 129-130.

⁴¹ Горбачев Р. «Руководство СССР потворствовало нацистам в осуществлении геноцида» // Салидарносьць, 28.05.2015 (http://www.gazetaby.com/cont/art.php?sn_nid=95802).

брошюре «ЛДПР указывает дорогу», выпущенной осенью 2011, выдвигала требование о создании «Института Русского холокоста XX века».

От увлечения «холокостостроительством» оказались несвободны и ученые. В 2012 г. журналистом Алексеем Пивоваровым был снят фильм «Хлеб для Сталина. История раскулаченных» где «русским Холокостом» объявлялась коллективизация. В фильме говорилось «Разница двух геноцидов – в отборе и степени огласки. В СССР не было ни газовых камер, ни лагерей раскулаченных. Большинство жертв русского Холокоста умрет от голода»⁴². При этом, на открытом показе фильма в пресс-центре РИА «Новости» 21 ноября 2012 г. историк-крестьяновед Теодор Шанин, хорошо представляющий, что такое Холокост⁴³, решительно поддержал это сравнение, заявив: «Это и был русский Холокост. Его решительно можно сравнить с Холокостом и с точки зрения населения которое пострадало и с точки зрения результатов – исчезновения целого слоя»⁴⁴. Однако, ни журналист, ни ученый не подумали, что у двух процессов было одно кардинальное отличие. Крестьяне могли спастись от ссылки, вступив в колхоз, или сбежав из родной деревни в город (беглецов за редким исключением, не искали), а от нацистской машины уничтожения откупиться имуществом было невозможно (исключения касались в основном представителей крупного и сверхкрупного бизнеса).

Подобные же попытки регулярно предпринимаются на Украине, где мы видим упорное желание уравнивать Голодомор как «геноцид украинцев» (иногда добавляется – «геноцид украинцев евреями», но это отдельная тема) и Холокост.

Некоторые шаги на этом пути сделали и крымские татары. Крымско-татарское новостное «Агентство «Крымские новости» 27 января с.г. опубликовало интервью с руководителем Украинского центра изучения истории Холокоста Анатолием Подольским, который якобы заявил: «Депортация крымских татар как одно из преступлений Сталинского режима сравнима с геноцидом евреев при Гитлеровском

⁴² <http://leonidparfenov.ru/leonid-parfenov-kollektivizaciya-%E2%80%93eto-russkij-xolokost/>

⁴³ Т.Шанин, родившийся в 1930 в Вильнюсе, в 1946-1948 г. жил в Польше, откуда выехал в Израиль.

⁴⁴ <http://www.pressria.ru/media/20121121/601090381.html>

режиме»⁴⁵. Впрочем, сам А. Подольский в интервью автору статьи заметил, что в «Крымских новостях» его неправильно перевели. «Я говорил «...порівнюємо...», а это значит, что мы сравниваем (говорим о типологии и особенностях, о различиях, о важности памяти...), а не «сравнима»» – написал он⁴⁶. Видимо, очередным «кирпичиком» в формировании мифа о «татарском холокосте» станет победившая на «Евровидении-2016» песня певицы Джамалы «1944», где, в частности, есть такие слова «Когда приходят незнакомцы ...

Они приходят в ваш дом,

Они убивают вас всех и говорят:

«Мы не виноваты... не виноваты»⁴⁷, хотя никаких массовых убийств при депортации 1944 г. не было.

Однако, наиболее заметный, и экзотический случай такого рода – конструирование обвинений в соучастии в Холокосте для очернения врага. В последние десять лет этим крайне активно занимается Азербайджан в рамках пропагандистской войны с Арменией за симпатии мирового общественного мнения. До середины 2000-х у Армении было беспроектное оружие в этой войне – Геноцид армян 1915 г., совершенный по приказу лидеров Османской империи. Попытка противопоставить этому «геноцид азербайджанцев», подкрепленная даже изданием в 1998 г. специального указа тогдашнего азербайджанского президента Г. Алиева и введения траурного Дня геноцида 31 марта, не вызвала в мире особого интереса. Видимо тогда для успешного противостояния в Азербайджане было решено использовать в пропаганде обвинения армян в участии в Холокосте, в надежде на то, что это сработает у западной публике, представляющей себе, что такое Холокост. В мае 2006 г. депутат Милли Меджлиса, представляющий горских евреев, Евда Абрамов заявил: «В настоящее время изучаются данные об участии армян в геноциде евреев в годы второй мировой войны. Мы ведем эту работу. Мы хотим показать всему

⁴⁵ Ломакина К. Историк: Мы вписываем Холокост в контекст истории Украины // Агентство «Крымские новости», 27.01.2016 г. (<http://qha.com.ua/ru/obschestvo/istorik-mi-vpisivaem-holokost-v-kontekst-istorii-ukraini/154214/>).

⁴⁶ Интервью с А.Подольским, 28.01.2016 г.

⁴⁷ Текст и перевод песни Джамалы. Чем украинская певица будет покорять Европу // Вести-Украина, 22 февраля 2016 г. (<http://vesti-ukr.com/kultura/137110-tekst-i-perevod-pesni-dzhamaly-1944>).

миру, что армяне не ангелы и на их счете преступления против человечества»⁴⁸.

В том же 2006 г., когда в городе Губа – центре компактного расселения горских евреев, были обнаружены неизвестные до того массовые захоронения, представители Азербайджана поспешили объявить похороненных «жертвами геноцида со стороны армян». Историк Ровшан Мустафаев, специализирующийся на негативном освещении армян, в апреле 2006 г. уверенно заявил, что жертвами «геноцида горских евреев, осуществленного армянами в Губе в 1918-1919 годах» стало более 3000 горских евреев (собственно в захоронениях было обнаружено около 200 скелетов и вопрос о том, кому они принадлежат до сих пор остается спорным) и немедленно сравнил это с Холокостом⁴⁹. При этом скромно умалчивалось, что по данным официального отчета Генеральной прокуратуры Азербайджана, согласно официальному списку, предоставленному еврейской общиной в Кубе за тот период погибло лишь 18 евреев (а по всему Азербайджану – 104 еврея)⁵⁰. В 2007 г. тем же Мустафаевым была выдвинута версия об активном участии армян в Холокосте в Крыму и убийстве «десятков тысяч евреев, караимов и цыган». Основанием для этого послужил предъявленное историком секретное донесение № 150 от 2 января 1942 г. о деятельности неких армянских карательных батальонов в Крыму (судя по контексту – 809-го батальона) в конце 1941 – начале 1942 г.: «С 16 ноября по 15 декабря 1941 года включительно расстреляно 17645 евреев, 2504 караима, 824 цыгана и 212 партизан (НО – 2834). Симферополь, Евпатория, Алушта, Карасубазар, Керчь и Феодосия, а также другие районы Западного Крыма, очищены от евреев⁵¹. Однако, при ближайшем рассмотрении этот документ выглядит скорее как фальшивка. В частности там говорится об уничтожении более

⁴⁸ Еркян А. Азербайджан собирается убедить мир в том, что геноцид евреев организовали и осуществили армяне // Сайт PanARMENIAN Net, 2006, 20 мая. (<http://panarmenian.net/rus/details/42449>).

⁴⁹ Ровшан Мустафаев: «Армянскими бандформированиями в 1918-1919 годах было убито свыше 3.000 горских евреев» // Day.Az, 21 апреля 2006 (<http://news.day.az/politics/47066.html>).

⁵⁰ Официальное заключение Генеральной Прокуратуры Азербайджанской Республики прокуратуры по массовому захоронению в Кубе (<http://www.myazerbaijan.org/index.php?p=history/37>)

⁵¹ Мустафаев Р. Марши смерти, Иерусалим, 2008. – С. 24.

2500 крымских караимов, хотя, как мы знаем, целенаправленного уничтожения крымских караимов не было⁵². Кроме того, судя по данным историков, писавших о «восточных солдатах Гитлера» 809-й батальон был сформирован лишь в середине 1942 г. и физически не мог участвовать в расстрелах⁵³. Авторы документа явно не в ладах с географией, причисляя находящиеся на юге и востоке крима города к Западному Крыму. Таким образом, для очернения армян использовался фальшивый документ. При этом, по мнению организаторов кампании, достигалось две цели – армяне дискредитировались в глазах мирового общественного мнения, а, кроме того, оставался за кадром вопрос о частях, сформированных нацистами из азербайджанцев.

В 2007 г. тем же Р.Мустафаевым была озвучена версия о армянском происхождении лидера венгерских нилашистов, активно участвовавших в Холокосте в 1944-1945 гг., Ференца Салаша, которого с этого момента в азербайджанских СМИ стали называть не иначе как «натурализовавшимся армянином Салосьяном». Для большей демонизации армян ему были приписаны действия по депортации евреев, осуществленные еще при правительстве Хорти⁵⁴. В 2008 году

⁵² Караимы // Краткая еврейская энциклопедия, Т. 4, Иерусалим, 1988. – Кол. 96.

⁵³ Чуев С. Проклятые солдаты. Предатели на стороне III Рейха, М. 2004. – С. 517.

⁵⁴ Моисей Беккер: «Антисемитизм и ксенофобия в Армении – это не миф, а такая же печальная реальность, как и идеи расового превосходства армян-«арийцев» над представителями тюркских, семитских и иных народов» // NewsDae.Az, 2 февраля 2008 (<http://news.day.az/armenia/106459.html>). Арье Гут: «Азербайджанцы никогда не предавали евреев, евреи никогда не предавали азербайджанцев» // AzerTAG, 28.01.2016 (http://azertag.az/ru/xeber/Are_Gut_Azerbaijdhancy_nikogda_ne_predavali_evreev_evrei_nikogda_ne_predavali_azerbaidzhancev-922350), Ровшан Мустафаев: «Венгерские страницы Холокоста были связаны с именем армянского узурпатора власти в стране, ставленника Гитлера, Ф.Саласьяна» // Day.Az, 3 августа 2007 (<http://news.day.az/politics/87805.html>). Ровшан Мустафаев: «Сотрудничество дашнаков с Вермахтом наладилось еще во время визита будущего шефа гестапо Мюллера в Баку в 1938 году» // Day.Az, 10 июля 2007 (<http://news.day.az/politics/85385.html>), Gut A. Armenia immortalizes fascists, anti-Semites who participated in the Holocaust // Jewishjournal.com, 28.04.2015 (http://www.jewishjournal.com/opinion/article/armenia_

в Израиле была издана книга Ровшана Мустафаева «Марш смерти», посвященная «преступлениям армян против еврейского народа» и содержащая перечисленные выше гипотезы. В 2009-2010 г. в Губе был даже воздвигнут Мемориальный комплекс геноцида, куда стали возить зарубежных гостей⁵⁵.

Кроме того, азербайджанская пропаганда активно использует г. н. Ходжалинскую резню (гибель части мирных жителей в г. Ходжалы при его штурме войсками Нагорно-Карабахской республики в 1992 г.) как доказательство «фашистского характера» деятельности армян, пытаясь поднять этот эпизод до масштабов Холокоста. С 2015 г. в Баку перед Днем памяти жертв Холокоста проводится ежегодный «круглый стол» на тему «Холокост и Ходжалы – глазами современников». В январе 2016 г. на очередной круглом столе израильский эксперт (входящий в число членов правления ассоциации «Азербайджан-Израиль») Арье Гут даже сравнил Ходжалы и Бабий Яр⁵⁶.

Таким образом, мы видим, что тему Холокоста можно использовать не только для отрицания Холокоста и обеления коллаборационистов, но и для укрепления советского нарратива о войне и советской версии истории 20 века и даже для дискредитации соперников, которые сами могут обвинить тебя в преступлениях.

На первый взгляд кажется, что из замкнутого круга с нежеланием посттоталитарных обществ вспоминать грехи своих отцов и извиняться за них, нет выхода. Однако, есть как минимум два блиста-

immortalizes_fascists_anti_semites_who_participated_in_the_holocaust), Известный израильский эксперт Арье Гут: «Армения на государственном уровне увековечивает память фашистов и антисемитов, участвовавших в уничтожении европейского еврейства» // Бакинский рабочий – 2015.- 31 марта.- С. 5.(<http://www.anl.az/down/meqale/bakrabochiy/2015/mart/427923.htm>), Арье Гут «размазал» Римму Варжапетян// Портал Азе-ри-Пресс, 22.05.2015 (<http://azeri.press/ru/politika/13303-are-gut-razmazal-rimmu-varzhapetjan.html>).

⁵⁵ Кто захоронен в Кубе – лезгины, евреи или «мусульмане» ?// Свободный Лезгистан, 19.03.2012. (<http://lezgistan.tv/novosti/kto-zaxoronon-v-kube-lezginy-evrei-ili-musulmane/>)

⁵⁶ «Азербайджанцы никогда не предавали евреев, евреи никогда не предавали азербайджанцев» //AzerTAG, 28.01.2016 (http://azertag.az/ru/xeber/Are_Gut_Azerbaidzhancy_nikogda_ne_predavali_evreev_evrei_nikogda_ne_predavali_azerbaidzhancev-922350)

тельных исключения, которые опровергают эту теорию. В Румынии в июле с.г. парламент принял специальный закон, где к преступлениям против мира и человечности были причислены все преследования евреев и цыган на территории, контролируемой румынской администрацией в 1940-1944 гг., и запрещено восхваление лиц, принимавших в этом участие. Принятие этого закона стало возможным после прихода к власти нового президента Румынии Клауса Йоханниса, который, в отличие от своего предшественника Траяна Басеску, не заиклен на идее восхваления режима ближайшего союзника Гитлера Йона Антонеску, который, собственно и осуществлял эти преследования. Правые круги, естественно, оценили этот акт как «антирумынский закон» и «покушение на национальную память»⁵⁷. А власти Болгарии, нашли в себе мужество перешагнуть через миф о «народе-спасителе» и вспомнить о депортации в лагеря смерти евреев с оккупированных Болгарией греческих и югославских территорий. Таким образом все, что нужно для того, чтобы вырваться из этой ситуации – это некоторое количество мужества и политической воли. Конечно, вначале жителям той или иной страны будет не очень приятно, что подобные воспоминания вылезли наружу, но затем они испытают гораздо большее облегчение, очистившись от постоянной необходимости доказывать самим себе и всем окружающим ложный тезис о невинности виноватых.

⁵⁷ Мачь М. В лабиринте памяти. Проработка прошлого в посткоммунистической Румынии // Журнал «Историческая экспертиза», 2015, № 4, – С. 4-41. (http://istorex.ru/page/mach_m_v_labirinte_pamyati_prorabotka_proshlogo_v_postkommunisticheskoy_ruminii).

Dr. Semen Charny
Chairman of the Board
of the Institute for national policies
and interethnic relations Studies,

Др. Семён Чарный
к.и.н., член правления Института
Изучения Национальной Политики
и Межэтнических Отношений

VIOLENCE MOTIVATED BY HATE IN RUSSIAN FEDERATION IN YEARS 2001-2015, DYNAMICS AND ANALYZE

НАСИЛИЕ НА ПОЧВЕ НЕНАВИСТИ В РФ В 2001-2015, ДИНАМИКА И АНАЛИЗ

Насилие на почве ненависти – наиболее заметный индикатор состояния ксенофобии в стране. За первые 15 лет XXI века в России уровень насилия на почве ненависти резко возрос, затем значительно снизился, что стало следствием проводимой государством политики.

Источниками для анализа уровня насилия на почве ненависти стали составлявшиеся мною в 2004-2015 гг. по данным открытых источников отчеты для Московского бюро по правам человека, движения «Мир без нацизма» и Института изучения проблем национальной политики и межнациональных отношений. Сведения за 2001-2003 гг. собраны самостоятельно из открытых источников.

Начало и середина 2000-х стали временем обвального роста насилия на почве ненависти. Итогом 2001 г. стали 10 погибших и 111 пострадавших. Большинство из них пришлось на Москву

(7 погибших и 88 пострадавших) – этот отрыв во многом обеспечил погром в Царицыно. Также можно отметить Волгоград (2 погибших), Тулу (1 погибший), С.-Петербург (9 пострадавших), Воткинск (5 человек), Орел (4 пострадавших), Воронеж и Нижний Новгород (по 2 пострадавших), Тольятти (1 пострадавший).

В 2002 г. итогом нападений на почве ненависти стало 17 погибших и 150 пострадавших. Подавляющее большинство жертв погибло и пострадало в Москве и Московской области (11 погибших и 101 пострадавший). За ней следовали Волгоград (3 погибших), С.-Петербург (1 погибший, 4 пострадавших), Ивановская область (1 погибший, 2 пострадавших), ХМАО (1 погибший), Красноярский край (7 пострадавших), Владимирская область (6 пострадавших), Воронежская, Орловская и Свердловская области и Краснодарский край (по 3 пострадавших), Саратовская, Тверская и Томская области и Хабаровский край (по 2 пострадавших), Новосибирская, Ростовская, Рязанская, Челябинская и Ярославская области (по 1 пострадавшему).

По данным за 2003 г. итогом нападений на почве ксенофобии стало 14 погибших и 37 пострадавших. Первое место по числу нападений с большим отрывом занимала Москва и Московская область (10 погибших, 26 пострадавших), за ней следовал С.-Петербург и Ленинградская область (3 погибших, 7 пострадавших), Свердловская область (1 погибший, 1 пострадавший), Владимирская, Нижегородская и Тульская области (по 1 пострадавшему).

Рост численности нападений начался в 2004 г., когда жертвами насилия на почве ненависти стали 25 погибших и свыше 85 пострадавших. Наибольшее количество инцидентов произошло в Москве (7 погибших, 15 пострадавших), далее следовали С.-Петербург (6 погибших, 6 пострадавших), Новосибирск (1 погибший, 19 пострадавших), Владивосток (3 погибших, 7 пострадавших), Краснодарский край, Нижний Новгород и Самара (по 2 погибших), Псков и Республика Бурятия (по 1 погибшему, 5 пострадавших), Воронеж (1 погибший, 2 пострадавших), Волгоград и Чита (по 1 погибшему), Курск (5 пострадавших), Владимир (не менее 4 пострадавших), Ижевск, Кострома, Рязань (по 2 пострадавших), Великий Новгород, Иркутск, Орел, Сургут, Тамбов (по 1 пострадавшему).

В 2005 г. было зафиксировано 25 погибших и около 200 пострадавших: С.-Петербург (3 погибших, 25 пострадавших), Москва (33 по-

страдавших), Воронежская область (4 погибших, 18 пострадавших), Йошкар-Ола (15 пострадавших), Астраханская область (6 погибших, 8 пострадавших), Нижний Новгород (3 погибших, 6 пострадавших), Свердловская область (3 погибших, 3 пострадавших), Иркутская область (2 погибших), Ярославль (1 погибший, 3 пострадавших), Краснодарский край (1 погибший, 2 пострадавших), Пермь (1 погибший, 3 пострадавших), Калуга (10 пострадавших), Ростов-на-Дону (не менее 6 пострадавших), Благовещенск (5 пострадавших), Курск (4 пострадавших), Абакан (2 пострадавших), Липецк, Великий Новгород, Владивосток, Тольятти, Мурманск (по 1 пострадавшему).

В 2006 г. было зафиксировано 56 погибших и около 340 пострадавших: Москва (29 погибших, около 180 пострадавших), С.-Петербург (5 погибших, свыше 60 пострадавших), Владивосток, Волжск (по 2 убитых, 2 пострадавших), Сунженская область, Бийск (по 2 погибших), Калмыкия (3 погибших), Нижний Новгород (1 погибший, 23 пострадавших), Воронежская область, Читинская область (по 1 убитому, 3 пострадавших), Тульская область, Самара (по 1 погибшему, 2 пострадавших), Саратов (по 1 погибшему, 1 пострадавшему), Ивантеевка, Рыбинск, Кисловодск, Омск (по 1 погибшему), Калининград (более 10 пострадавших), Иркутская область (8 пострадавших), Краснодарский край (более 5 пострадавших), Кострома, Ярославль (по 5 пострадавших), Красноярск (4 пострадавших), Чебоксары, Уфа, Екатеринбург (по 3 пострадавших), Калуга, Казань (по 2 пострадавших), Орел, Иваново, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Рязань, Хабаровск, Уссурийск, Челябинск и Сургут (по 1 пострадавшему).

В течение 2007 г. в результате нападений на почве ненависти 74 человека погибли и 320 получили увечья различных степеней тяжести. Наибольшее количество нападений на почве межнациональной вражды было совершено в Москве и Московской обл. (47 погибших, 109 пострадавших); за ними следует Ингушетия (12 погибших, 7 пострадавших), Санкт-Петербург (10 погибших, 43 пострадавших), Республика Калмыкия (свыше 25 пострадавших), Нижегородская область (25 пострадавших), Ростов-на-Дону (4 погибших, 13 пострадавших), Иркутская область (2 погибших, 20 пострадавших), Ленинградская область (2 погибших, 2 пострадавших), Ставропольский край (1 погибший, 8 пострадавших), Владивосток (1 погибший, 2 пострадавших), Барнаул, Уфа, Оренбург, Архангельская область, Республика Дагестан (по 1 погибшему), Воронеж (свыше 10 пострадавших),

Екатеринбург, Свердловская область (по 13 пострадавших), Челябинская область (8 пострадавших), Волгоград (6 пострадавших), Краснодар, Липецк, Саратов, Саратовская область (по 6 пострадавших), Хабаровск (по 4 пострадавших), Архангельск, Самара, Красноярск, Тверская область, Хасавюрт (по 3 пострадавших), Владимир, Иваново, Томск, Кострома и Ижевск (по 2 пострадавших), Волгоградская область, Омск, Ярославль, Пермь, Орел, Мурманск, Новосибирск и Калининград (по 1 пострадавшему).

В 2008 г. итогом нападений на почве ненависти стали 128 погибших и не менее 395 пострадавших.

По территориальному признаку, больше всех потерпевших было зафиксировано в Москве и Московской области (54 погибших, не менее 177 пострадавших), далее следуют С.-Петербург и Ленинградская область (21 погибших, не менее 42 пострадавших), Свердловская область (6 погибших, 8 пострадавших), Ярославль (4 погибших), Ульяновская область (3 погибших, 3 пострадавших), Ингушетия (3 погибших, 3 пострадавших), Омск, Новосибирск (по 2 погибших, 2 пострадавших), Дагестан (1 погибший, не менее 24 пострадавших), Воронеж (2 погибших, не менее 17 пострадавших), Нижегородская область (2 погибших, 6 пострадавших), Удмуртия (1 погибший, 4 пострадавших), Петровск-Забайкальский (1 погибший, 3 пострадавших), Ставрополь, Тула, Челябинская область (по 1 погибшему, 2 пострадавших), Красноярский край, Тольятти, Обнинск и Саратовская область (по 1 погибшему, 1 пострадавшему), Калужская область (по 1 погибшему), Нальчик (не менее 29 пострадавших), Брянск (14 пострадавших), Владивосток (13 пострадавших), Липецк (не менее 8 пострадавших), Пенза, Казань, Калининград (по 6 пострадавших), Рязанская область (5 пострадавших), Республика Северная Осетия-Алания, Уфа (по 4 пострадавших), Архангельская, Волгоградская, Владимирская области (по 3 пострадавших), Калининградская область, Республика Чувашия, Амурская, Тверская, Белгородская, Владимирская области (по 2 пострадавших), Курск, Первоуральск, Орел, Ярославль, Новгородская область, Ростов-на-Дону, Республика Калмыкия, Республика Кабардино-Балкария, Вологда, Тамбов (по 1 пострадавшему), Оренбург (численность пострадавших неизвестна).

Впрочем, реально жертв и пострадавших могло быть гораздо больше. Так, арестованный 17 апреля в Москве за убийство К. Абрамяна А. Рыно заявил что за период с августа 2006 по апрель 2007 совершил

37 убийств. При этом далеко не все они нашли отражение в СМИ¹. Хотя в дальнейшем А.Рыно отказался от своих показаний представители правоохранительных органов заявили, что как минимум 22 убийства нашли свое подтверждение². Известно, что в 2007 г. было несколько случаев избияния детей-мулатов в Рязани, но ни один подобный случай не был зафиксирован в СМИ, а сами жертвы из-за страха не подавали заявлений в милицию³.

Значительно расширился ареал преступности по ксенофобским мотивам: если в начале 2000-х она в основном была характерна для мегаполисов, то с середины 2000-х подобные преступления стали распространяться и в малых городах, хотя доля преступлений на почве ненависти, совершенных в мегаполисах, продолжала оставаться значительной (около 50%) – поскольку именно в мегаполисах и действовали основные националистические группировки.

Во многом подобный рост был вызван попустительством части чиновников национализму. На середину 2000-х приходится проекты т. н. управляемого национализма, поддерживаемого отдельными группами чиновников, пробовавших сделать из националистов опору режима в борьбе с возможными «цветными революциями». В Госдуме в 2003-2007 гг. существовала фракция партии «Родина», депутаты которой активно поддерживали националистов. В центре Москвы начиная с 2005 г. проходили массовые митинги – «Русские марши», в 2007 г. – откровенно нацистские митинги Национал-социалистического общества. Подобная безнаказанная публичная активность создавала иллюзию возможности ухода от наказания за убийства «нерусских», которые и расследовались не очень активно. Не случайно именно в этот период возникает ряд профессиональных банд, «охотившихся» на «нерусских» («Боевая террористическая организация» в С.-Петербурге, организация «Спас», группа Рыно-Скачевского и группа «НСО-Север» в Москве, банда «Фольксштурм» в Екатеринбурге и т.д.). С 2006 г. то в одном, то в другом городе проходили погромы на почве ненависти, наиболее «знаменитым» из которых стали столкновения в 2006 г. в карельской Кондопоге.

Подобный всплеск насилия не остался без ответа со стороны государства. 24 июля 2007 г. был принят Федеральный закон № 211-ФЗ «О

¹ <http://news.mail.ru/incident/1315305/>

² http://www.polit.ru/news/2007/06/14/otkaz_skinheda.html

³ http://www.ren-tv.com/pages/page_1.php?id_page=2&id_text=49149

внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму». Статья 4 этого закона вводила в статьи Уголовного кодекса РФ, посвященные насильственным преступлениям, новый состав преступления – «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы»⁴.

В сентябре 2008 г. Указом Президента Д.Медведева были созданы подразделения по противодействию экстремизму – Центры «Э», подчиненные соответствующему Главному управлению МВД⁵. Первый из этих актов существенно упростил судопроизводство по делам о насилии на почве ксенофобии, а второй – создал группу представителей правоохранительных органов, прямо заинтересованных в активной борьбе с преступлениями на почве ксенофобии, поскольку от этого зависело их продвижение по службе, поощрения и т. д.

По сравнению с данными за прошлые годы, можно говорить о существенном снижении количества нападений и числа их жертв. В 2009 – 216 нападений, 83 погибших и 341 пострадавший. Реформа Путина-Медведева довольно быстро принесла результаты. Основные банды националистов, профессионально «охотившиеся» на нерусских, были обезврежены и осуждены на значительные сроки лишения свободы. В 2009 г. от рук националистов погибли уже 85 человек, количество пострадавших составило 324 человек. Нападения были зафиксированы в Москве и Московской области (34 погибших, 136 пострадавших), в С.-Петербурге и Ленинградской области (9 погибших, 26 пострадавших), Чечне (5 погибших), Нижнем Новгороде (5 погибших, не менее 44 пострадавших), Краснодарском крае (4 погибших, 5 пострадавших), Ставропольском крае (2 погибших, не менее 13 пострадавших), Самарской области (2 погибших, 8 пострадавших), Калужской и Рязанской областях (по 2 погибших и

⁴ Федеральный закон № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» (<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=52146&fld=134&dst=100021,0&rnd=0.7274089196728808>)

⁵ Указ Президента РФ от 06.09.2008 N 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79834/).

по 2 пострадавших), Ярославле (2 погибших, 2 пострадавших), Приморской и Хабаровской краях (по 1 погибшему и 6 пострадавших), Калининградской области (1 погибший, 2 пострадавших), Дагестане (1 погибший, 3 пострадавших), Челябинской области, Ульяновской области, Орловской области (1 погибший, 1 пострадавший), Ингушетии, Липецкой области, Новосибирской области, Кемерово, Бурятии, Карачаево-Черкесии, (по 1 погибшему), Владимирской области (7 пострадавших), Екатеринбурге (5 пострадавших), Татарстане и Иркутской области (4 пострадавших), Мурманской области (3 пострадавших), Кабардино-Балкарии, Республике Адыгея, Саратовской области (не менее двух пострадавших), Воронежской и Тамбовской области, Коми, Волгоградской области, Костромской и Курской областях, Новгородской области, Удмуртской республике, Карелии, Пензенской области, Башкостостане, Кировской области, Курской области (по 1 пострадавшему).

В 2010 наблюдалось дальнейшее снижение количества жертв. Итогом нападений на почве ксенофобии стали 46 погибших и 299 пострадавших. В 2010 г. ксенофобские нападения на людей происходили в следующих регионах: г. Москва и Московская область (18 погибших, 148 пострадавших), Республика Дагестан (7 погибших, 7 пострадавших), Нижегородская область (4 погибших, 6 пострадавших), ЯНАО (2 погибших, 1 пострадавший), Омская область (2 погибших), Санкт-Петербург и Ленинградская область (1 погибший, 50 пострадавший), Кабардино-Балкария (1 погибший, 6 пострадавших), Ставропольский край (1 погибший, 4 пострадавших), Томская область (1 погибший, 4 пострадавших), Алтайский край (1 погибший, не менее 3 пострадавших), Владивосток (1 погибший, 3 пострадавших), Рязанская область (1 погибший, 2 пострадавших), Брянская область, Калининградская область, Ярославская область (1 погибший, 1 пострадавший), Волгоградская область, Ивановская область, Карачаево-Черкесия, (по 1 погибшему), Тверская область (9 пострадавших), Орел (7 пострадавших), Ростовская область (7 пострадавших), Самарская область (5 пострадавших), Саратовская область (5 пострадавших), Северная Осетия-Алания (4 пострадавших), Воронежская область (4 пострадавших), Татарстан (1 пострадавший), Хабаровский край (3 пострадавших), Пермский край (3 пострадавших), Пенза (2 пострадавших), Удмуртия (2 пострадавших), Якутия (2 пострадавших), Башкортостан (2 пострадавших), Бурятия (2 пострадавших),

Архангельская область (2 пострадавших), Калужская область (2 пострадавших), Карелия (2 пострадавших), Кострома (2 пострадавших), Смоленская область (2 пострадавших), Иркутск (2 пострадавших), Кемеровская область (1 пострадавший), Мурманская область (1 пострадавший), Свердловская область (1 пострадавший), Ульяновская область (1 пострадавший), Карелия (1 пострадавший), Челябинская область (1 пострадавший), Ингушетия (1 пострадавший), Тюменская область (1 пострадавший), Новосибирская область (1 пострадавший), Краснодарский край (1 пострадавший), Курганская область (1 пострадавший).

Оценивая этот спад как временный, автор доклада писал в отчете за 2010 г.: «Фактически подобное падение во многом было достигнуто за счет исчезновения скин-банд, специализирующихся на убийствах «нерусских», которые базировались в Москве и С.-Петербурге. При этом Москва и московский регион продолжают уверенно с большим отрывом лидировать в печальном перечне территорий, где совершаются подобные преступления. Поскольку питательная база для образования подобных банд, в виде ксенофобной публицистики и пропаганды, которая обрушивается на молодежь, не исчезла, то возникновение подобных образований – лишь вопрос времени. Наличие у молодых людей ксенофобного потенциала вполне продемонстрировал погром на Манежной площади 11 декабря и последовавшие события. Поэтому без дополнительных действий правоохранительных органов по разрушению инфраструктуры идеологической поддержки нападений на почве ксенофобии, они будут продолжаться, и, вероятно, даже расти»⁶.

В какой то момент казалось, что эти опасения оправдаются. В 2011 снижение насилия продолжалось – было зафиксировано 29 погибших и 123 пострадавших. Нападения фиксировались в Дагестане (10 погибших, 2 пострадавших), Москве (9 погибших, 33 пострадавших), С.-Петербурге (3 погибших, 22 пострадавших), Астраханской области (1 погибший, 12 пострадавших), Архангельской области (1 погибший, 4 пострадавших), Нижегородской области (1 погибший, 2 пострадавших), Краснодарском крае, Ярославской области (1 погибший), ХМАО (1 погибший), Тверской области (15 пострадавших), Калининграде, Уфе (5 пострадавших), Новгороде Великом,

⁶ Отчет Московского бюро по правам человека «Проявления ксенофобии и национализма в РФ в 2010 г.».

Калуге, Томске (3 пострадавших), Самаре, Туле, (2 пострадавших), Свердловской области (2 пострадавших) Ростове-на-Дону, Челябинске, Хакасии (2 пострадавших), Новосибирске, Хабаровске, Казани, Йошкар-Оле, Благовещенске, Владивостоке, Северной Осетии, Ставропольском крае (по 1 пострадавшему)⁷.

Но уже в 2012 г. был зафиксирован рост числа жертв: 41 погибший и 182 пострадавших. Первое место по числу жертв занял Дагестан (15 погибших, 7 пострадавших), за ним шли Москва и Московская область (8 погибших, 57 пострадавших), Свердловская область (4 погибших, 7 пострадавших), С.-Петербург и Ленинградская область (3 погибших, 28 пострадавших). Далее по количеству пострадавших шли Самарская область (2 погибших, 4 пострадавших), Ростовская область (1 погибший, 12 пострадавших), Тульская область (1 погибший, 2 пострадавший), Республика Северная Осетия – Алания (1 погибший, 2 пострадавших), КБР (1 погибший, 1 пострадавший), Татарстан (1 погибший, 1 пострадавший), Ставропольский край (1 погибший, 1 пострадавший), Приморский край (1 погибший), Удмуртия (1 погибший), Башкортостан (17 пострадавших), Саратов (11 пострадавших), Краснодарский край (10 пострадавших), Волгоградскую область (4 пострадавших), Кировская область (4 пострадавших), Ульяновская область (4 пострадавших), Воронежская область (3 пострадавших), Тюменская область (3 пострадавших), Ярославская область (3 пострадавших), Республика Коми (2 пострадавших), Нижегородская область (2 пострадавших). Замыкали список Карелия, Оренбургская, Орловская, Костромская и Калужская области где было зафиксировано по 1 пострадавшему⁸.

В 2013 г. рост численности жертв продолжился. Было отмечено 36 погибших и 257 пострадавших. По территориальному признаку можно было выделить Москву (9 погибших, не менее 73 пострадавшего), Дагестан (8 погибших, 9 пострадавших), Липецк (4 погибших и 9 пострадавших), С.-Петербург (4 погибших, 60 пострадавших), Свердловскую область (2 погибших, 16 пострадавший), Волгоградскую область (1 погибший, 1 пострадавший), Камчатский край (1 погибший), Красноярский край (1 погибший), Республику Бурятию

⁷ Отчет Московского бюро по правам человека «Проявления ксенофобии и национализма в РФ: январь-декабрь 2011 г.»

⁸ Отчет Московского бюро по правам человека «Проявления ксенофобии в РФ, декабрь 2012»

(1 погибший), КБР (1 погибший), Тюменскую область (1 погибший), Иркутскую область (1 погибший), Краснодарский край (15 пострадавших), Воронежскую область (8 пострадавших), Калужскую область (6 пострадавших), Рязанская область (4 пострадавших), Пермский край (3 пострадавших), Челябинскую область (3 пострадавших), ХМАО (3 пострадавших), Вологодская область (2 пострадавших), Республика Коми (2 пострадавших), Республику Татарстан (2 пострадавших), Кировскую область (2 пострадавший), Ростовская область (2 пострадавших), Ульяновская область (2 пострадавших), Тюменская область (1 пострадавший), Ставропольский край (2 пострадавший, Новосибирскую область (2 пострадавших), Владимирскую и Омскую область (по 2 пострадавших), Астраханская область (1 пострадавший), Костромская область (1 пострадавший), Республика Мордовия (1 пострадавший), Самарскую область (1 пострадавший), Хабаровский край (3 пострадавших), Ивановскую область (1 пострадавший), Тамбовскую область (1 пострадавший), Саратовскую область (1 пострадавший), Республику Карелию, Забайкальский край, Калининградскую область (по 1 пострадавшему)⁹.

Произошедшее в 2014 г. присоединение Крыма вызвало взрыв энтузиазма среди населения России. На этом фоне «имперский» национализм, направленный вовне, серьезно потеснил ксенофобские настроения в адрес «понаехавших» (по данным опросов Левада-центра в 2014 эти настроения серьезно сократились¹⁰). Кроме того, часть активных националистов оттянули на себя самопровозглашенные республики в Донбассе. На ситуации сказалось и то, что правоохранительные органы продолжили жесткое давление на националистов. Давление особенно усилилось после попытки националистов поучаствовать в протестах 2011-2012 гг. – были запрещены их основные организации (ДПНИ, «Славянский союз», ЭПО «Русские», Национал-социалистическая инициатива¹¹), часть националистических лидеров и активистов оказалась в заключении, другие были вынуждены бежать из России. В результате снижение уровня насилия на почве ненависти продолжилось. В 2014 г. жертв

⁹ Обзор проявлений национализма в РФ за 2013 г. , «Мир без нацизма».

¹⁰ Результаты опроса «Национализм, ксенофобия, миграция», 2014, 08. 26 (<http://www.levada.ru/2014/08/26/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya/>).

¹¹ Федеральный список экстремистских организаций (http://minjust.ru/nko/perechen_zapret).

вами нападения ненависти стали 35 погибшими и 146 пострадавшими. Из регионов по количеству жертв традиционно «лидировала» Москва и Московская область (14 погибших и 25 пострадавших). За ней, С.-Петербург и Ленинградская область (5 погибших, 32 пострадавших). На третьем месте, «благодаря» «сахалинскому стрелку» следовала Сахалинская область (2 погибших, 7 пострадавших). За ней шли Калужская область (2 погибших, 3 пострадавших), Краснодарский край (1 погибший, 9 пострадавших), Крым (1 погибший, 8 пострадавших), Пермский край (1 погибший и 5 пострадавших), Иркутская и Нижегородская области и Дагестан (1 погибший, 2 пострадавших), Северная Осетия, Владимирская и Томская области (1 погибший и 1 пострадавший). Затем идут Камчатский край, Архангельская и Калининградская области (1 погибший), Новосибирская область (8 пострадавших), Республика Коми (5 пострадавших), Бурятия и Липецкая область, Оренбургская и Рязанская области (по 3 пострадавших), Республика Карелия, Башкортостан, Костромская, Тульская, Самарская и Свердловская области (по 2 пострадавших), Республика Марий Эл, Забайкальский и Приморский края, ЕАО, ХМАО, Астраханская, Вологодская, Воронежская, Ростовская, Челябинская области, КБР и Татарстан (по 1 пострадавшему). В 2015 г. итогом нападения на почве ненависти стали 16 погибших и 63 пострадавших. Таким образом, количество жертв вернулось к ситуации начала 2000-х. Из регионов по количеству жертв традиционно «лидировали» Москва и Московская область (4 погибших и 24 пострадавших). За ней шли С.-Петербург и Ленинградская область (3 погибших, 12 пострадавших). На третьем месте, «благодаря» обстрелу туристов в Дербенте, следовал Дагестан (3 погибших, 11 пострадавших). За ним шли Воронежская область (2 погибших), Курская область (1 погибший, 2 пострадавших), Красноярский и Ставропольский края (по 1 погибшему), Ростовская область (4 пострадавших), ХМАО, Хабаровский край, Мурманская и Самарская области (по 2 пострадавших), Алтайский край, Чувашия, Мордовия, КБР, КЧР, Карелия, Архангельская, Волгоградская, Вологодская, Нижегородская, Тверская, Ярославская области (по 1 пострадавшему).

Однако, при этом сохраняется опасность разворота этого тренда в обратную сторону. В России сохраняется то, что можно назвать «допускаемой ксенофобией» – разжигание ненависти со стороны представителей власти и СМИ к ЛГБТ, «сектантам», цыганам. Экономи-

ческий спад по мере угасания энтузиазма от «крымского синдрома» может вызвать новый всплеск ненависти к трудовым мигрантам, как к занимающим «чужие» рабочие места. Кроме того, активное неправомерное использование антиэкстремистского законодательства во многом дискредитирует борьбу с экстремизмом в глазах общества.

Hayk Demoyan, Ph.D
Director, Armenian Genocide Museum-
Institute
Yerevan, ARMENIA

THE ARMENIAN GENOCIDE AND THE EUROPEAN HISTORY AND MEMORY

The history and the culture of the Armenian people are strongly connected with the European history and memory. Armenia has adopted Christianity in 301 AD as a state religion, and since then Armenia as a state and geographical name was regarded as an important outpost of the Christian Europe, although in the medieval Europe there was lack of knowledge about the Christians in the Orient, until the Crusades. Between XI-XII Europeans ‘found’ another, Little Armenia, or Cilician Armenian Kingdom on the way to Jerusalem.

After Armenia felt under the control of Persia and the Ottomans several delegations of the Armenian nominees were sent to European courts to discuss the possibility of the liberation of Armenia with the help of the European monarchs. Leon VI, the last king of the Cilician Armenia, who came to Europe in search of help, subsequently became the senior of Madrid until his death in the late 14th century. Nevertheless, all those attempts were futile and resulted in only promises but not the direct steps to launch a campaign for liberation of Armenia from Turks and Persians.

The history of the Armenian question and genocide of 1915-1922, are strongly connected with the European history and memory with many links. The questions of security and respect of elementary human rights of

Armenians in the Ottoman Empire gave a birth to the ‘Armenian question’, which officially was defined in the Article 61 of Berlin treaty in 1878, shortly after the Russian-Turkish war of 1877-1878. It says: “*The Sublime Porte undertakes to carry out, without further delay, the improvements and reforms demanded by local requirements in the provinces inhabited by Armenians, and to guarantee their security against the Circassians and Kurds. It will periodically make known the steps taken to this effect to the powers, who will superintend their application.*”¹

The package of reforms to ameliorate the condition of the Armenian population of the Ottoman Empire, who became targeted for massacres were proposed by the European powers to the Ottoman Turkish government several times but with no any result. In fact, any time when the Armenians started to talk about the necessity of the implementation of the Berlin treaty commitments resulted in harsher suppression and massacres.

The question of security and defense of human rights of Armenians who since the very birth of the Berlin treaty became under treat of mass violence and massacres created a huge pro-Armenian movement in European countries in the late 19th century and during the years of 1915-1922 genocide and afterwards.

The movements of solidarity and relief organizations were very active in Germany, France, Great Britain, Italy, Swiss, Russia, etc. Many organizations were set to adopt Armenian orphans or were in charge of orphan care in Turkey. For example in 1896-1899 there were ‘Swiss orphans’ in Armenia – Armenian orphans who lost their parents during Turkish atrocities and were under the care of ordinary Swiss citizens. After the Hamidian massacres of 1894-1896 several orphanages were set in the Western Armenia and Cilicia for the Armenian orphans by the European relief organizations.

In the late 19th and the beginning of the 20th centuries European intellectual and political circles raised their voices on behalf of the Armenians. Many European political figures criticized the Sultan and his regime for inhuman treatment of Armenians and called their own governments to act. Among them were: William Gladstone, Jean Jaures, George Clemenceau and many others.

¹ See Sir Charles Elliot. Turkey in Europe, Frank Cass &Co. Ltd, 2006. P. 397.

European intellectuals and human right activists also were involved in Armenophil/pro-Armenian movement and appeared with lectures and specific publications on the condition of Armenians in the Ottoman Empire. Among them Anatole France, Georg Brandes, Fridtjof Nansen become part of humanitarian reaction of the Europe touching the issue of Armenia and the settlement of consequences of the Armenian genocide.

During the First World War, when European nations were involved in bloody fighting the issue of the Armenian Genocide and the destruction of Armenians were under the attention of the world leaders and governments. In 1916, James Bryce and Arnold Toynbee published famous blue book titled “The treatment of Armenians in the Ottoman Empire” which was the first collection of the eyewitness accounts of the Armenian genocide survivors². This book compiled statements from both survivors and eyewitnesses from other countries including Germany, Italy, the Netherlands, Sweden, and Switzerland, who similarly attested to the systematized massacring of innocent Armenians by the Ottoman government forces.

In May 1915, Great Britain and France together with Russia appeared with the historical and unprecedented declaration calling Young Turks: *“For about a month the Kurd and Turkish populations of Armenia has been massacring Armenians with the connivance and often assistance of Ottoman authorities. Such massacres took place in middle April (new style) at Erzerum, Dertchun, Eguine, Akn, Bitlis, Mush, Sassun, Zeitun, and throughout Cilicia. Inhabitants of about one hundred villages near Van were all murdered. In that city Armenian quarter is besieged by Kurds. At the same time in Constantinople Ottoman Government ill-treats inoffensive Armenian population. In view of those new crimes of Turkey against humanity and civilization, the Allied governments announce publicly to the Sublime-Porte that they will hold personally responsible [for] these crimes all members of the Ottoman government and those of their agents who are implicated in such massacres.”*³

Winston Churchill described the massacres as an “administrative holocaust” and noted that “the clearance of the race from Asia Minor was about as complete as such an act, on a scale so great, could well be. [...] There is

² See James Bryce. *The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, 1915-1916*. London, JOSEPH CAUSTON & SONS, 1916.

³ Gary Jonathan Bass. *Stay the Hands. The Politics of War Crimes Tribunals*, Princeton University Press, 2000. P. 114-116.

no reasonable doubt that this crime was planned and executed for political reasons. The opportunity presented itself for clearing Turkish soil of a Christian race opposed to all Turkish ambitions, cherishing national ambitions that could only be satisfied at the expense of Turkey, and planted geographically between Turkish and Caucasian Moslems.”⁴

Although Germany was not involved directly in deporting or massacring Armenians of the Ottoman Empire, huge burden of responsibility lays on Germany, especially the German military leadership controlling all power structures in the Ottoman Turkey. The German ambassador in Constantinople, Count Paul Wolff-Metternich, wrote to the Imperial Chancellor, Theobald von Bethmann Hollweg, in Berlin on December 7, 1915:

“...Our displeasure over the persecution of the Armenians should be clearly expressed in our press and an end be put to our gushing over the Turks. Whatever they are accomplishing is due to our doing; those are our officers, our cannons, our money... In order to achieve any success in the Armenian question, we will have to inspire fear in the Turkish government regarding the consequences. If, for military considerations, we do not dare to confront it with a firmer stance, then we will have no choice but... to stand back and watch how our ally continues to massacre.”⁵

In December 1915, as a response to the criticism and outrage of German officials in the field over the inhuman treatment of the Armenians, German Chancellor and Foreign Minister Theobald von Bethmann- Hollweg wrote: **“The proposed public reprimand of an ally in the course of a war would be an act which is unprecedented in history. Our only aim is to keep Turkey on our side until the end of the war, no matter whether as a result Armenians do perish or not.”**⁶

At the same time German theologian Johannes Lepsius tried to convince the Young Turk perpetrators to stop deportation and massacres of the Armenians with no results. Many German soldiers and officers as Einar af

⁴ See Winston Churchill, *The World Crisis*, vol. 5, “The Aftermath”, New York: Charles Scribner’s Sons, 1929. See also <http://www.armenian-genocide.org/churchill.html>

⁵ See “The Armenian Genocide: Evidence from the German Foreign Office Archives, 1915-1916,” compiled and edited by *Wolfgang Gust*. New York and Oxford: Berghahn Books, 2014. Quoted also in *Asbarez*, January 10, 2014.

⁶ *Ibidem*.

Wirsen, Swedish military attaché in Constantinople witnessed, returned back the Ottoman medals and orders they received in sign of protest after they witnessed horrible scenes of the treatment of Armenians.⁷

Many Scandinavians, especially females, who were citizens of neutral countries, became eyewitnesses of the crimes of the Young Turk's regime against the Armenian population. Numerous Swedes, Norwegians, Danes tried to lend the Armenian nation their helping hand and share the pain of the nation targeted for genocide. The historian emphasizes that in 1917 many Swedes came out on the Stockholm streets demanding to stop and condemn the mass massacres of the Armenians.

The Armenian Genocide is well documented in the European archives becoming a part of general human rights history of Europe. Tens of thousands of eyewitness accounts, diplomatic dispatches, letters, etc. prove the historical fact of the genocide. Archival sources from German, Austrian, French, British, Scandinavian, Italian archives are published in many volumes.

After the genocide a specific symbolic geography made this time the consequences of the Armenian Genocide as a part of the European history and memory. Among the numerous orphanages set in the Middle East, after the genocide, Armenian orphanages appeared in France, Italy, Greece, Cyprus, Romania, Bulgaria, and Swiss.

The current attempts of Turkey to silence any mentioning about the Armenian Genocide or questioning its historical reality are direct threat to the European memory and the European humanitarian history. Turkey practices the censoring of its own history and memory and regulating history writing and this time Ankara tries to force Europe to follow its own example of intentional forgetting or censoring of public memory and putting old-styled control over the past. Modern Turkish leadership has many phobias they never hide of. Those include the fears of Ankara on possible reparations which are linked to the crimes and deportation of native population from Anatolia and Western Armenia.

Here are some of them:

⁷ *Einar af Wirsen*. *Memories of Peace and War* Stockholm, ALBERT BONNIERS FORLAG, 1942. Chapter "The Murder of a Nation" (pp. 220-227) See at http://www.genocide-museum.am/eng/eye_witnesses4.php

The Treaty of Sevres: The “Sevres Syndrome” plagues Turkish leadership from the very beginning of the establishment of the Turkish republic. Even Turkey’s NATO membership and close military and political partnership with leading Western powers, especially USA, have not eliminated the complexes and fears of modern Turkish leaders and society today. The Treaty of Sevres, signed on August 10th, 1920 delineated the borders of Armenia and Kurdistan as separate states, which comprised many eastern territories of modern Turkish Republic, historically known as ‘Armenia’. Turkey succeeded in escaping the ratification and implementation of the treaty even after the arbitrary decision of then U.S. President Woodrow Wilson in November 1920, due to diplomatic and military maneuvers of Kemalists, who played double games with Allies and Bolsheviks that time. The question of the legitimacy of this agreement from the point of view of international law, still is open, and could be a subject for the final conclusion of the serious and unbiased legal experts’ commission.

Treaty of Lausanne: One may think that Turkey appeared victorious after signing the Lausanne treaty in 1923, by which Kemalists escaped from the responsibility for the Armenian Genocide and all other violations against the Christian subjects of the Ottoman Empire using the Realpolitik approaches of the Western powers regarding to the ‘Armenian question’. Lausanne treaty was the contradiction to Sevres Treaty, but even poor wording acknowledging minority rights in this Treaty, were violated by Turkish rulers from the very moment it was in force.

Modern Turkey is responsible for eliminating early Christian civilizations on the territory of Asia Minor. The consequences are very heavy: nearly five thousand early Christian monuments, of which three thousands are of Armenian identity, are lost forever because of the State policy of destruction in effect within last century. It is a crucial task for UNESCO to send a fact finding missions in Turkey to prepare a list of damaged, converted and fully destroyed Armenian, Greek and other Christian worshipping places and cemeteries. Turkey should have to carry the responsibility for the presented undeniable facts of the intentional destruction of those monuments in violation of the treaty of Lausanne.

The current Turkish attempts to Anatolize (simply re-naming all existing monuments and all cultural heritages with names of Anatolian origin) every cultural and historical monument on Turkish soil is quite under-

standable. This is a soft way of hiding or at least blurring the identities of unique and separate civilization markers of the local cultures, bearers of which were killed, deported or are currently in the exile from their native lands.

Within last decade Turkish leadership appeared with the proposal to set the commission of historians to discuss “common pain” or “events of 1915.” This proposal to discuss the Armenian Genocide issue with historians is perfectly clear attempt at making the issue disputable rather accept the crimes committed and face with the necessity of elimination of its consequences. They try keeping clear their face before the world community.

It has many objectives:

First, the commission will give Turkey the opportunity to debate the validity of historical facts that have long been supported by reliable, international sources. Second, the objectivity and genuine intentions to learn the truth will be difficult to enforce since Turkey has been, for decades, viewing the recognition of the Genocide as a serious threat to its national security. Therefore, it is not likely to accept the consequences of an objective discussion. Any evidence, which does not conform to its own version of history and does not serve its political interests, will be denied.

With its current stance of ignoring the vast amounts of international evidence of the Turkish atrocities carried out against its Armenian population in the Ottoman Empire during the First World War, which resulted in the deaths of more than 1 million people, simply humiliates the Turkish nation and image of the Turkish state in the eyes of the international community.

By overlooking the numerous photos and textual documentations preserved in the global mass media and State Archives of numerous countries, and by disregarding a plethora of Foreign and local eyewitness testimonies, shame abounds for which the next generation of Turks will not easily forgive. The current iron-fisted position of Ankara leaves limited chances for winning of Turkish viewpoints on the issue. Moreover, Turkish side still keep some archives closed for the researchers, including Turkish scholars.

It should be noted that the Armenian-Turkish border currently is closed by the decision of Ankara, which puts some preconditions unacceptable for

the Armenian side. The issue of the Armenian Genocide was first raised by Ankara immediately after the collapse of the Soviet Union, demanding making it as one of the main preconditions to establishing diplomatic relations with Armenia. The Turkish blockade of Armenia, since 1992 has served as a “stick” or leverage for the country to pressure Armenia to “forget” its own past. That past relates with the memories of the WWI.

And the last but not least, let’s not forget that Turkish-Armenian border is not just a frontier between two countries, but a crucial window for Armenia to be linked with Europe.

Summary

The Armenian Genocide is a part of the European history and memory. It is well documented in the European archives with numerous documents. Representing as a reaction to gross violation of human right in the Ottoman Empire, the Armenian question and the genocide are strongly connected with the European humanitarian history. Current attempts of Ankara to blockade Armenia and force Armenians to forget the tragic pages of their history are attempts which represent a direct insult not only to the collective memory of the Armenians, but also represent a dangerous precedent of silencing the victim’s side, which in its turn could pave a wave for new genocidal crimes in our age.

Elena Djakova

H.S. Skovoroda Kharkiv National
Pedagogical University

Елена Дьякова

кин, доцент кафедры истории
Украины Харьковского
национального педагогического
университета имени Г.С. Сковороды

JEWES IN WWII ITS NOT ONLY THE HOLOCAUST

ЕВРЕИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ – ЭТО НЕ ТОЛЬКО ХОЛОКОСТ

Обратиться к этой теме меня заставил альбом выставки «На линии огня», присланные Григорием Рейхманом из Израиля [1].

При анализе школьные учебники по истории Украины [2-3], прослеживается общая закономерность: в годы Второй мировой войны шло массовое уничтожение евреев. Это же подтверждают и созданные в некоторых городах Украины музеи и мемориалы, посвященные Холокосту. Всё это правильно и об этом надо говорить как можно чаще. Особенно сейчас, когда во многих европейских странах националисты укрепляют свои позиции.

Также следует отметить, что в школьных учебниках по истории Украины, освещая результаты Великой Отечественной войны, говорится о вкладе украинского народа в Победу над нацизмом. При этом «упускается» тот факт, что Украина – многонациональная страна и количество представителей других национальностей составляло и составляет около трети ее населения [4]. А значит, среди граждан Украины вклад в Победу внесли не только представители титульной

нации, но и люди разных национальностей, жившие в этой республике бывшего Советского Союза, в т.ч. и евреи [6].

Такое изложение истории Второй мировой войны приводит к появлению определенных стереотипов. В результате получается, что в 1939 – 1945 гг. евреев только физически уничтожали. Ну, еще некоторых из них спасли неравнодушные люди, которых позже назвали «праведниками мира» [2-3]. И всё – больше в истории еврейского народа не происходило.

Поэтому следует напоминать людям и о том, что еврейский народ не только страдал, но и боролся за освобождение мира от нацизма.

Это и демонстрирует выставка-альбом «На линии огня», составленный Давидом Зельвенским в 2012 году [1]. Альбом включает в себя 15 плакатов, рассказывающих об участии евреев в разных сферах жизни в годы Великой Отечественной войны.

На первом плакате «Воины – евреи во Второй мировой войне 1939 – 1945 гг.» размещены фотографии, свидетельствующие об участии евреев в борьбе против нацизма в составе армий стран антигитлеровской коалиции. Почти 1,5 млн. представителей этой национальности воевали в Вооруженных силах разных стран. Более всего и было в армиях США (550 тыс.), СССР (500 тыс.) и Польши (200 тыс.) [1].

На семи плакатах освещается боевая деятельность народа. Рассказывается, например, об артиллеристах (плакат № 7), танкистах (№ 8), военных инженера (№ 9), моряках (№ 10).

Плакат № 4 свидетельствует о том, что около 300 генералов и адмиралов были евреями [1]. На одной из представленных на этом плакате фотографии изображен Владимир Яковлевич Колпакчи. В 1940 году был назначен начальником штаба Харьковского военного округа и в первые дни войны принимал участие в формировании 18-й армии. Он воевал с первых и до последних дней войны, окончив ее в Берлине. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 года генерал-полковник Колпакчи Владимир Яковлевич удостоен звания Героя Советского Союза [5].

Плакат № 5 рассказывает о Героях Советского Союза. Согласно данным Д. Зельвенского, этого звания удостоен 141 еврей [1]. В то же время некоторые авторы дают другие цифры: Израиль Подрабинник – 131 [6], Сергей Антонов – 128 [6], Геннадий Малинский – 107 евреев – Героев Советского Союза [8].

Следующий – шестой – плакат посвящен полным кавалерам Ордена

Славы, которые, как известно, приравнены к Героям Советского Союза. По утверждению Д. Зельвенского 14 евреев стали кавалерами ордена Славы трёх степеней (по подсчетам С. Антонова – 9 [7]).

На плакате № 10 «На морском фронте» среди моряков упоминается Герой Советского Союза Израиль Ильич Фисанович, долгое время живший в Харькове. В 1941 году он был назначен командиром подводной лодки М-172 Северного флота. В 1944 году во время командировки в Великобританию подлодка В-1, на которой находился и И.И. Фисанович, ошибочно была уничтожена самолетом британской береговой охраны [9].

Но не только бойцы и офицеры на линии фронта приближали день Победы.

Во вражеском тылу евреи воевали в партизанских отрядах. И в этой ситуации они подвергали себя двойной смертельной опасности. И как представители нации, которую нацисты массово уничтожали, и как партизаны, наносившие вред захватчикам в тылу врага.

Важную роль в достижении Победы над немецкими оккупантами играли работники советского тыла. Плакат № 11 «Оружие для фронта» посвящен руководителям наркоматов, конструкторам военной техники, руководителям оборонных предприятий. По данным Д. Зельвенского три – еврея возглавляли наркоматы (хотя названы наркомы танковой и оборонной промышленности). На 40% заводов танкостроя, 33% – металлургических, 20% – артиллерийских и боеприпасов директорами были евреи [1]. По данным Википедии 112 евреев были Героями Социалистического Труда [10] что говорит о большом вкладе в создание военной техники, оружия для победы на фронтах.

Важнейшее значение в годы войны имела медицина. Санитары выносили раненых с поля боя, врачи, фельдшера, медсестры их лечили. 73,2% раненных и 90,6% больных солдат и офицеров медики смогли после лечения вернуться в строй [1]. Многие евреи возглавляли госпитали, медсанбаты, лазареты и другие медучреждения.

Но не меньшее значение имело не только физическое, но и моральное состояние духа людей. Среди представителей творческих профессий много евреев. Благодаря кинооператорам и сегодня можно увидеть хронику как шли боевые действия в 1941 – 1945 гг., как боролись партизаны на оккупированной врагом территории, как жили и трудились люди в советском тылу, как выглядели освобожденные от немецких захватчиков города и села.

Многие знаменитые писатели стали военными журналистами. Среди них И. Эренбург, З. Кац и другие [1].

Плакат № 14 посвящен окончательному разгрому нацистов в Берлине, надписям, оставленным победителями на Рейхстаге.

Последний – 15-й плакат – посвящен музею «Энергии мужества», который находится в городе Хадера (Израиль) и рассказывает о героизме еврейского народа в 1941-1945 гг.

Конечно же этот сборник несовершенен. Как указывалось выше, в нем есть информация, которую необходимо уточнить. Возможно, альбом следует дополнить и некоторыми другими темами. Например, осветить работу кинематографистов, актеров театра, писателей и других деятелей искусства, ученых; рассказать о евреях, воевавших в армиях-союзниках.

Несмотря на указанные недочеты, альбом дает возможность продемонстрировать, что история еврейского народа в годы Второй мировой войны – это не только Холокост, но еще и борьба, труд и творчество ради Победы над нацизмом.

Таким образом, в годы Второй мировой войны история еврейского народа была многогранной и включает в себя не только трагические страницы Холокоста, но и героические страницы народа – победителя. И об это нужно говорить молодому поколению, воспитывая у него чувство гордости и уважения.

Список использованных источников и литературы

1. На линии огня: Евреи СССР в Великой Отечественной войне /Автор-сост. Д. Зельвенский. – Израиль – Хадера, 2012. – 18 с.
2. Кульчицкий С.В. Історія України: підруч. для 11 кл. загальноосвіт. навч. закл. : рівень стандарту, академічний рівень / С.В. Кульчицкий, Ю.Г. Лебедева. – К.: Генеза, 2011. – 304 с. : іл., карти.
3. Турченко Ф.Г. Істрія України: підруч. для 11 кл. загальноосвіт. навч. закл. : рівень стандарту, академічний рівень / Ф.Г. Турченко. – К.: Генеза, 2011. – 400 с. : іл., карти.
4. Население Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D1%8B (22.04.2016) . – Название с экрана.

5. Колпакчи Владимир Яковлевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2335 (22.04.2016) . – Название с экрана.
6. Подрабинник И. Евреи в Великой Отечественной войне / Израиль Подрабинник (Вашингтон) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://pobeda-70.umi.ru/evrei-geroi_sovetskogo_soyuza/evrei_v_velikoj_otechestvennoj_vojne/ (22.04.2016) . – Название с экрана.
7. Антонов С. Сколько героев было в СССР в годы Великой Отечественной войны / Антонов Сергей // Русская планета. 2015. 5 июля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rusplt.ru/society/skolko-geroev-byilo-v-sssr-v-godyi-velikoy-otechestvennoy-voynyi-17773.html> (22.04.2016) . – Название с экрана.
8. Малинский Г. Герои Советского союза по национальностям [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.proza.ru/2009/08/16/901> (22.04.2016) . – Название с экрана.
9. Фисанович Израиль Ильич Яковлевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B8%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87,%D0%98%D0%B7%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BB%D1%8C_%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D1%87 (22.04.2016) . – Название с экрана.
10. Евреи – Герои Социалистического Труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://cyclowiki.org/wiki/%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%B8_%E2%80%94%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B8_%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%A2%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%B0 (22.04.2016) . – Название с экрана.

Valery V. Engel, Ph.D.

President of the European center for Democracy, Chairman of the Expert Board of the European Tolerance Center (Latvia)

PRESENTATION

XENOPHOBIA, DISCRIMINATION AND AGGRESSIVE NATIONALISM IN EUROPE

(January 2014 – June 2015)

Discrimination and violence are known to be extreme manifestations of racism and other forms of intolerance, i.e. what we define as manifestations of hatred. These manifestations are based on xenophobia – dislike of or hostility towards that which is perceived to be foreign or strange. A xenophobic society forms a strong demand for radicalism. The goal of our study was to understand the factors that contribute to xenophobic sentiments. Thus, the study pursues the following objectives:

Analyse the most prominent manifestations of hatred in Council of Europe member-states. The first 8 EU countries subject to monitoring were France, Germany, Great Britain, Greece, Hungary, Italy, Poland, and the Netherlands; as well as 2 non-EU states – Russia and Ukraine.

Analyse how the government in these countries turned out to be ready for new challenges.

Identify factors that contribute to public demand for radicalism.

Assess the prospects of the radical right in Europe today.

This project involved history and politics experts from various European universities – Oxford University, University of Leiden, Jagiellonian Universi-

ty (Krakow), Humboldt University, University of Napoli, Panteion University of Social and Political Sciences (Athens). Two doctoral candidates also participated in the project under supervision of their academic mentors.

Present report draws upon several sources: legislative acts, internal documentation of government institutions in public domain (such as statistical reports on hate crime), documentation from the office of the human rights ombudsman, materials of international human rights organisations, sociological surveys conducted in countries during the observed period, and media reports.

What were our conclusions?

Conducted research indicates that xenophobia became an integral part of everyday life in European countries. These sentiments are fuelling the popularity of extreme right organisations, leading to radicalisation of mainstream parties, which borrow radical slogans in order to attract nationalist voters, and causing interethnic clashes and hate crime.

We can distinguish four most common forms of Xenophobia today in Europe: it is *Migrantophobia*, closely related to it the *Phobia* towards *ethnic* and *religious* minorities and *Homophobia*.

According to the *Eurostat*, in the middle of 2015 the most negative attitude towards immigrants was recorded in Italy – more than 80% of people in this country were against immigrants. After Italy we can see Greece and Hungary, where negative attitudes towards them have expressed an average of 72-78% of the respondents. There are also France and Germany (65-71% against), Poland and the United Kingdom (58-64%) and the Netherlands, which still remains relatively favorable climate for immigrants (an average of only (!) 54% against)¹.

In Russia, according to the analytical center of the famous “Levada-center”, 68% of Russian citizens feel isolationist attitudes towards migrants². However, more loyal, according to the analytical center of another – the Fund “Public opinion”, they are towards the refugees from Ukraine. At the same time, the theme of migrants is no longer a question №1 for the Russians, as it was a few years ago. According to the surveys by another analytical center “Russian Center for Public opinion studies” (WTSIOM),

¹ <http://www.voxeurop.eu/en/content/news-brief/4932007-map-showing-eu-countries-attitude-towards-foreign-immigration>

² http://www.levada.ru/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm&sa=U&ved=0CAsQFjACahUKewji_7Wioe_HAhVBWRoKHX2SA5E&client=internal-uds-cse&usg=AFQjCNE7wFG916TPllhqlRtqX9ThbCHNXA

published on February 17 and March 31, 2015, only 1% of respondents considered migration policy like the most important problem at the national level³.

Despite the lack of professional research in this field in Ukraine, the United Nations stated in April 2015 the growth of Xenophobia in relation to IDPs.

As for phobias towards ethnic and religious minorities, the most widespread are anti-Roma sentiments. According to polls, the Roma people feel aversion of 86% of Italians⁴, 70% of Hungarians, 60%⁵ of Ukrainians (and 80% of respondents – Ukrainian Roma feel the negative attitude to themselves)⁶, 60% of French⁷, 48% of Poles⁸, 37% of people in the UK, 34 % of Germans⁹ and 23% of Russians¹⁰.

Meanwhile, in spite of such dismal figures, attitudes to Roma in 2015 improved on average. For example, in the UK, according to the Pew Research Center, this attitude improved by 16 percentage points¹¹. In Poland, the figure improved by 19%¹², while in Russia – by 9%¹³. But in Italy, and Hungary has not changed.

- *Anti-Islamic sentiments*. These sentiments have 61% of Dutch citizens¹⁴

³ <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115209>

⁴ <http://www.giornalettismo.com/archives/1484477/litalia-e-uno-dei-paes-piu-razzisti-deuropa/>

⁵ <http://www.finugor.ru/dve-pyatykh-vengrov-protiv-immigrantov>

⁶ <http://vchaspik.ua/ukraina/180733v-ukraine-prozhivayut-bolee-200-tys-cygan>

⁷ [Мы просим справедливости” Неспособность Европы защитить цыган от насилия на почве расизма Индекс: EUR 01/007/2014 Amnesty International Апрель 2014](#)

⁸ See: <http://www.pewglobal.org/files/2015/06/Pew-Research-Center-European-Union-Report-FINAL-June-2-20151.pdf>

⁹ Ibid.

¹⁰ <http://www.levada.ru/26-08-2014/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya>

¹¹ <http://www.pewglobal.org/2015/06/02/chapter-3-anti-minority-sentiment-not-rising/>

¹² Konflikt między Polakami a Romami w Andrychowie. Będą “patrole obywatelskie” // <http://wiadomosci.onet.pl/krakow/konflikt-miedzy-polakami-a-romami-w-andrychowie-beda-patrole-obywatelskie/f93sm>

¹³ <http://www.levada.ru/05-11-2013/rossiyane-o-migratsii-i-mezhnatsionalnoi-napryazhennosti>

¹⁴ <http://www.dutchnews.nl/news/archives/2015/06/anti-muslim-sentiment-far->

(which is indicative the loss of the Netherlands appeal as the most tolerant and open society in Europe), the same number of inhabitants of Italy¹⁵, 56% of Poles¹⁶, 24% of the French and the Germans¹⁷ and 18% of Russians (but 40% of Russians believe that Islam plays a negative role in the modern world today)¹⁸.

Compared with the previous periods, the attitude towards Muslims has improved by 11 percentage points in Germany, by 8 points – in the UK¹⁹ and by 5% in Russia²⁰. In other countries, changes have not occurred.

- *Anti-Semitism*. That is the problem for more than 28% of Poles, 21% of Italians, 15% – of Hungarians²¹, 11% – residents of the Netherlands²², 9% of people in Germany, 7% – the inhabitants of France and the UK²³, as well as 8% of Russians²⁴. In Ukraine, the study in 2014-15 was not carried out, but according to the data of 2013, 38% of Ukrainians in varying degrees, were imprisoned by anti-Semitic stereotypes²⁵. The number of anti-Semites in comparison with the year 2014 has not changed in any country other than France, where a slight decrease is observed. According to the Pew Research Center, the number of outspoken anti-Semites in this country decreased by 3 percentage points²⁶. The only exception is the Netherlands, where in 2015 the anti-Semitic sentiment rose by 6 percentage points, i.e. more than in 2 times²⁷.

higher-than-anti-jewish-prejudice-report-shows/

¹⁵ <http://www.pewglobal.org/files/2015/06/Pew-Research-Center-European-Union-Report-FINAL-June-2-20151.pdf>

¹⁶ <http://www.pewglobal.org/2015/06/02/chapter-3-anti-minority-sentiment-not-rising/>.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ <http://fom.ru/TSennosti/12121>

¹⁹ <http://www.pewglobal.org/2015/06/02/chapter-3-anti-minority-sentiment-not-rising/>

²⁰ <http://fom.ru/TSennosti/10652>

²¹ <http://global100.adl.org/#country/hungary>

²² <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4674840,00.html>

²³ <http://www.pewglobal.org/2015/06/02/faith-in-european-project-reviving/eu-report-17/>

²⁴ <http://www.levada.ru/26-08-2014/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya>

²⁵ <http://global100.adl.org/#country/ukraine>

²⁶ <http://www.pewglobal.org/2015/06/02/chapter-3-anti-minority-sentiment-not-rising/>

²⁷ <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4674840,00.html>

We can also select *specific forms of Xenophobia* on ethnic and religious grounds, which are characterized mainly for individual countries. This is, for example, Russophobia in Poland²⁸, Pakistanofobiya in Greece, Caucasophobia in Russia, etc.

It is feared that in 2014 29% of UK residents identified themselves as racists²⁹, racist beliefs are shared by 9% of French and 26% of French consider themselves “a little racist.”³⁰

Despite the overall decrease in the level of Xenophobia and the fall in popularity of small nationalist parties and groups in Russia in recent years, the word “nationalism” was perceived positively by many people. In 2009, “generally positive” to this word were treated 9% of respondents, but in 2015 there were each one in five respondents (20%), and most of them were young people from 18 to 24 years. The share of Russian people negatively perceiving the concept of “nationalism” decreased for six years by 11%: 64% in 2014 against 75% in 2009³¹. On the other hand, as emphasized by the experts of the Russian analytical center “Levada-center”, it can be assumed that young people are more likely to perceive the word “national” as a synonym of civil and public (as part of the European tradition), but not the ethnic³².

65% of those surveyed have negative feelings towards sexual minorities in Russia (though it is by 9% less than in 2013, which was the peak of nega-

²⁸ See: Attitude towards other nations, CBOS Public Opinion Research Center, January 2015, http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2015/K_014_15.PDF [accessed: 12 August 2015]

²⁹ <http://www.theguardian.com/uk-news/2014/may/27/-sp-racism-on-rise-in-britain>

³⁰ <http://www.bva.fr>; <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20140401-sotsiologi-ras-izm-vo-frantsii-perestal-byt-marginalnym>

³¹ http://www.levada.ru/25-08-2015/loyalnost-rossiyan-k-migrantam-dostigla-rekordnogo-urovnnya&sa=U&ved=0CA4QFjADahUKEwji_7Wioe_HAhVBWRoKHX2SA5E&client=internal-uds-cse&usq=AFQjCNEQS-fEy3EJe4vr-qgO-640Jp3rvDA

³² Ibid.

tive attitudes towards LGBT in Russia)³³, 46% – in Poland³⁴, 40% – Greece³⁵, about 35% – in the Netherlands³⁶, 22% – in France³⁷, 18% – in the United Kingdom and 11% – in Germany³⁸. In Ukraine, the polls were not conducted in the period under review, however, in 2013, 80% of respondents in the country expressed a negative attitude toward homosexuals, which is by 11% more than it was in 2007³⁹.

Against the background of the high level of Xenophobia is maintained also the high level of hate crimes. It is characteristic that in the 2014-2015 unexpectedly high rates showed the country having a strong reputation for tolerance. This is directly linked with the new wave of migration crisis.

For example, by the level of Vandalism directed against objects of religious and national minorities in 2014 the first place sensationally got Germany! There had been 229 cases of xenophobic vandalism. The main part of the attacks were directed against objects related to the migrants institutions (172 attacks), 39 cases were anti-Semitic (a large part of them took place at the time of Israel's war with the terrorist organization Hamas in Gaza), seven – Islamophobic, four were associated with the abuse of prisoners of Nazism, two – with christianophobia. One incident was related to the objects associated with the LGBT, Roma, antifascists, the Left Party (die Linke) and Ukrainian nationalists.

For comparison, in Russia with 145 million inhabitants were recorded in these period 30 cases of xenophobic graffiti and vandalism.

The second place has Ukraine, where 53 cases of such attacks were recorded in 2014 (in 2013 – 46 cases). In this case 23 of them were anti-Semitic, 16 – anti-Christian, and 14 – other. 53 incidents were recorded in Russia (2013 – 77), 43 cases occurred in France (in 2013 – 45 acts of van-

³³ http://www.levada.ru/15-05-2015/nevidimoe-menshinstvo-k-probleme-gomofobii-v-rossii&sa=U&ved=0CAsQFjACahUKEwjo6begwe_HAH-VLiRoKHR32Cog&client=internal-uds-cse&usg=AFQjCNE2u3m-CiDgbTGbp-G3ZqYlaQtyp_Q

³⁴ <http://www.pewglobal.org/2013/06/04/the-global-divide-on-homosexuality/>
³⁵ Ibid.

³⁶ <http://www.icare.to/news.php?en>

³⁷ <http://www.pewglobal.org/2013/06/04/the-global-divide-on-homosexuality/>
³⁸ Ibid.

³⁹ <http://nbnews.com.ua/allquestions/>; <http://newsplot.org/id/2013/09/10/ukraina-ne-evropa-otnoshenie-k-odnopoloj-lyubvi-v-ukraine-ta-koe-zhe-kak-i-v-musulmanskih-stranah/>

dalism). This is followed by the UK, Italy, Hungary, Greece and Poland⁴⁰.

At the same time we don't have the data for 2014 for the Netherlands, but it is known that 39% of the 475 mosques in this country there were the objects of serious acts of vandalism, such as arson⁴¹.

In the first part of 2015 the acts of vandalism were recorded in almost all countries of monitoring. Particularly affected France, where, after a terrorist act against the editorial board of the magazine Charly Hebdo 26 mosques were desecrated⁴². However, it was not just Muslims. In February 2015, it was desecrated 300 (!) Graves in the Jewish cemetery in the Unión Sarre (Sarre-Union) near Strasbourg⁴³, and desecrated the monument to Holocaust victims in the city of Elbeuf (Elbeuf) in the north of the country⁴⁴.

A wave of vandalism against religious sites and cemeteries of almost all the religions represented in Poland, swept through the country in January-April 2015⁴⁵.

30 cases of xenophobic graffiti and vandalism were recorded in Russia in this period. It may be noted the termination of attacks on cemeteries. However, the attacks and the desecration of religious sites amount to 35% of all cases of xenophobic vandalism. 5 cases has Islamophobic character, 3 – anti-Semitic and christianophobic – 1. 10% are desecrating of monuments of military glory and Russophobic graffiti.

20 Xenophobic acts of vandalism have been officially registered in Ukraine in the first part of 2015. Ten acts were directed against the Ukrainian Orthodox Church of Moscow Patriarchate (UOC-MP) and ten were anti-Semitic. In 2014, during the same period were marked 21 incident of this kind.

12 cases of vandalism were recorded in Greece, which took place from 24 February to 6 June 2015.

⁴⁰ See: "White Papers of Hate", Moscow, 2015.

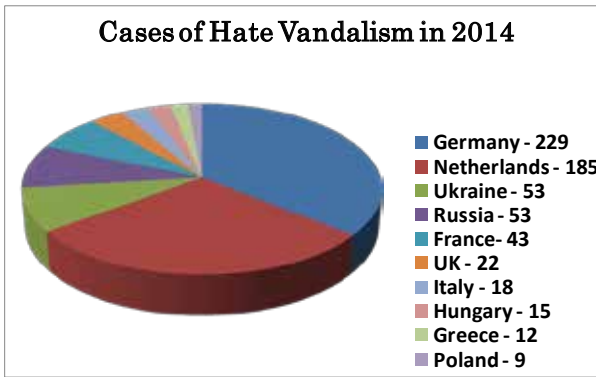
⁴¹ <http://www.euro-islam.info/2015/04/26/monitoring-muslim-discrimination-pdf-report/>

⁴² <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/firebombs-and-pigs-heads-thrown-into-mosques-as-antimuslim-attacks-increase-after-paris-shootings-9977423.html>

⁴³ <http://www.theguardian.com/world/2015/feb/15/hundreds-of-tombs-defaced-in-french-jewish-cemetery>

⁴⁴ <http://www.haaretz.com/jewish-world/jewish-world-news/1.643945>

⁴⁵ P. Żytnicki, Akcja przeciwko islamowi w Poznaniu. Okleili meczet, Gazeta Wyborcza, 19 stycznia 2015

The same applies to the inter-ethnic clashes. In 2014, these clashes have taken place in Russia (about 10 conflicts), Poland – one collision between the indigenous population and the Roma, which lasted 3 days – from 6 to 9 June⁴⁶, in France (mainly in the collision were Judeo-Muslim character)⁴⁷, in Ukraine – mainly on racial grounds between locals and foreign students, in Italy – between locals and refugees, and even in Germany, where in October 7, 2014 in Hamburg and Celle clashed Yezidi Kurds with Muslims, among whom in particular, were natives of Russian Chechnya.

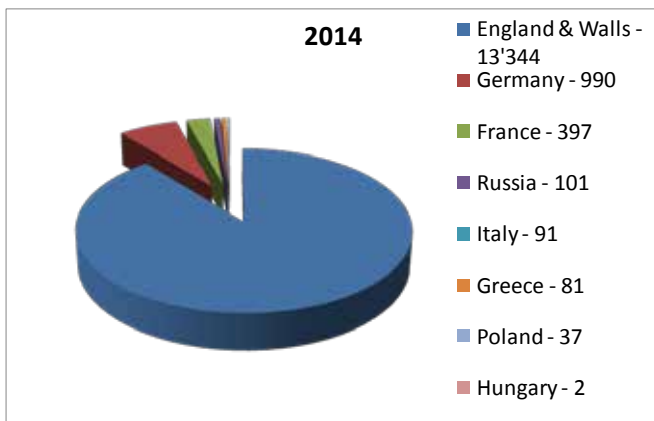
However, in 2015 the situation has deteriorated significantly, primarily due to attacks on refugee detention places and clashes with them. It is above all about Germany, Italy, Greece and other countries of Western Europe.

The consequence of Xenophobia is the disappointing figures of hate crimes in 2014-15., including murders and terrorist acts.

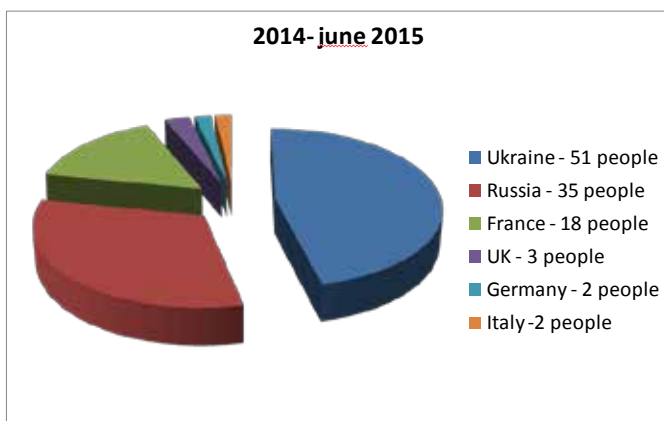
⁴⁶ <http://www.polskieradio.pl/5/3/Artykul/1155756,Andrychow-narodowcy-i-pseudokibice-planuja-wielka-antyromska-manifestacje>

⁴⁷ http://aen.ru/?page=brief&article_id=71169

Violent Hate Crimes

The murders motivated by hatred

Terrorist Attacks (2014 – June 2015)

№	Country	Terrorist Attacks	Dead	Injured
1	Ukraine*	2	48	70
2	France	9	17	11
3	Russia	2	2	7
4	Hungary	3	-	-
5	N. Ireland (UK)	3	-	-
6	Italy	1	-	-

In 2014, positive changes have occurred in 2 countries only: Greece and Russia. In Greece, the number of violent crimes has decreased this year by the half, and in Russia – in 1.8 times. Crime fall occurred in both countries due to the tightening of anti-extremist legislation. However, in 2015, the number of hate crimes has risen sharply in Greece. There are the crimes motivated by racial hatred and homophobia. In the first part of 2015, there were recorded in Greece 30 racially motivated attacks, including attacks on immigrants, and 60 violent crimes motivated by homophobia and transgender hatred. In Russia in 2015 was registered a further decline in crime, which is associated primarily with the legislative streamlining of migratory flows, the activity of the security services, as well as the outflow of extremist movements activists to take part in the hostilities on the side of extremist groups in Syria (around 3000 people) and on the both sides of the conflict in Ukraine.

Comparative Table of Violent Hate Crime Offences Greece and Russia

Country	2013	2014	2015 (Jan-Jun)
Greece	166	81	90
Russia	184	101	32

So, migration crisis has exposed serious problems of European society. The question is: how the political European establishment (EU and non-EU) going to cope with these challenges? To answer this question, we ana-

lyzed the legislation and law enforcement practice in the countries of monitoring.

Conclusions are quite disappointing. In Europe, there are still a number of countries, where criminal law does not consider the motive of racial and religious hatred as an aggravating circumstance in the commission of crimes (such as Hungary and Poland), or leave it to the discretion of the court (Germany), or link the criminal responsibility for racist actions to certain conditions – for example, with “direct intent”, which is necessary to prove (Ukraine) or the fact that the act was carried out with the purpose of influencing a wide audience in order to “change its behavior” (Italy)⁴⁸.

There are countries having specific discriminatory rules in respect of certain religions. For example, Greek law explicitly refers to the possibility of discrimination against non-traditional religions. Thus, Art 13 (2) of the Constitution states that “every *known* religion is free, and the administration of its religious rites performed freely under the protection of the Law.”

Among the countries, which have in their legislation restrictions on the activities of religious organizations or create a legal opportunity for abuse in law enforcement may be called Hungary, Germany, France, Italy, Ukraine and Russia.

However, the *main problem of European legislation remains the attitude to the national minorities*. This problem has two parts:

Firstly, it is the *negation of the ethnic minorities as such* and, therefore, their specific rights, which would be different from the “classical” human rights. Ethnicity and ethnic identity of minorities is fully excluded from the legislation and the political lexicon in France and Greece (with the exception of Western Thrace). Moreover, as a justification for this position is argued that the recognition of “special rights” of ethnic minorities leads to the escalation of racism and inequality on ethnic grounds. For this reason, neither France nor Greece has never acceded to the Framework Convention for the Protection of National Minorities and to the European Charter for Regional or Minority Languages. Meanwhile the *de facto* representatives of national minorities, both in France and in Greece are 10% of the population, but their presence is not recognized and therefore their rights are not protected.

⁴⁸ It should also be mentioned that Italy – the only state of all monitoring countries which in the past 10 years reduced the punishment for hate crimes from three to one and a half years and has established a maximum penalty bar to 6,000 euros for racial discrimination or appeals (Law № 85/2006) – *author's note*.

Secondly, there are the manipulations with the list of ethnic groups officially recognized as national minorities with all the consequences arising from the Framework Convention for the Protection of National Minorities. A number of monitoring countries tends to limit the list of such groups by including to the list the small-numbered indigenous ethnic groups and eliminating the most numerous national minorities. These countries joined the Framework Convention for the Protection of National Minorities, thus making substantial reservations.

In this connection we should mention Germany, which recognizes like the ethnic minorities *the German citizens only* who consider themselves to Sörbs, Danes, Frisians and German Roma, the Netherlands, who accept like their national minorities the Frisians only, and Poland, which does not recognize as such any national minority, if their representatives are not Polish citizens, etc.

Most of all suffer non-indigenous peoples, mostly immigrants, but not only – for example, in Germany live millions of people who were born there, but have no relation to national minorities, because they do not identify themselves with any of the 4 recognized as such peoples. They came from Asia and Africa, are not recognized as national minorities, and are not covered by the Framework Convention.

Not much different situation in most of the countries that have signed and ratified the Framework Convention without reservations, for example, the UK.

In this country is one State (national) language (English) and three regional – Welsh in Wales, Gaelic in Scotland and Irish in the North. Ireland. The use of other languages in dealings or interaction with administrative bodies is prohibited, although in some cases provided translator.

English is the only language in which it is possible schooling, argued that care for the students integrate as well as the fact that the country is home to more than 200 ethnic groups and there are schools with an enrollment of carriers 60 languages. Native children can learn only as the second or, if this is not possible, in the school of additional learning. Moreover, under the minority language, usually refers to the same Welsh in Wales, Gaelic in Scotland and Irish in the North. Ireland. Thus, there are no national schools for training in the languages of national minorities in the UK, including in places of their compact residence.

The same situation is with the religious minorities. According to the Report of the Council of the European Framework Convention for the Pro-

tection of National Minorities for 2012⁴⁹, the government supports only 2 Muslim schools – in Brent and Birmingham – considering it sufficient for the demands of state education. Instead of establishing religious and national schools, the government implemented the policy of “promotion of religious and cultural identity”. For example, if a large amount of minority students wants to introduce Halal meals, such meals are introduced for the whole school⁵⁰. Minority cultures are studied by minorities themselves only. All in all, Great Britain does not prevent minorities from education and self-realization; however, usually this is not funded by the State.

Generally, this model is supported by a vast majority of foreign nationals. However, this is no longer an absolute majority. The crisis arose as a result of globalization processes, when streams of immigrants poured into Europe unwilling to *voluntarily assimilate*. Tunisians in France wanted to stay Tunisians, and not become French. In France, the number of Muslims who do not want to accept the European model of integration is 25%. Not very different is this figure among the Christian immigrants from the Third World⁵¹. The situation is similar in other European countries. It is a large figure! In other words, a quarter of immigrants from developing countries consider themselves the nationals of their original countries or the origin religious. They consider themselves as Muslims, Arabs, Turks or Pakistanis, but not French, Greek or Italian.

Yes, they enjoy living in these countries, where their children were born; and they were ready to accept themselves as citizens of France or Germany, but not as French and Germans. This is particularly relevant with respect to people who were born in these countries, who even consider themselves European, but with a completely different identity that has nothing in common with European traditions. However, European traditional national states, despite claims of commitments to the ideals of multiculturalism, were not ready to accept the new reality. If 25% of minorities are unwilling to accept the integration model of the state, then it is a crisis of not only integration, but also the national state itself! Ancient European traditions that founded national states came into conflict with the modern reality and unwillingness to respect these traditions of a significant part of “new” minorities.

⁴⁹ <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20120919132719/www.communities.gov.uk/documents/communities/pdf/152275.pdf>

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ <http://councilforeuropeanstudies.org/critcom/the-diversity-of-muslims-in-france-pre-and-post-charlie-hebdo/>

This is particularly illustrated by the people from Asia and Africa. After all, many members of the second and even third-generation of immigrants from these countries not only did not take civilizational model of European countries, but opted for Islamic fundamentalism. Here lies the greatest danger, since these processes can result in a very short time to the emergence of a serious clash of civilizations in Europe.

On the other hand, the EU has fairly contradictory policy on immigration, when, on the one hand the EU-countries have adopted laws and regulations to tighten immigration policy (here can be called Great Britain, Italy, Hungary, France and Germany), and on the other – have enacted laws and regulations, which literally put on the agenda the question of the existence of the EU in its present form. It is primarily about the August (2015) Germany's initiative on the Admission of Syrian refugees in circumvention of the EU regulations, and on the June (2015) initiative of Greece, which has adopted a law which granted to the children of immigrants who were born on its territory the Greek citizenship.

The obvious problems with the growth of immigration flows have the monitoring countries outside the EU. According to the Federal Migration Service of Russia, at the end of June, 2015 in the Russian Federation there were over 10 millions of foreign citizens. Basically it is the residents of former Soviet republics. More than 25% of them are from the Ukraine, about 35% came from Central Asia and 11% – from the Caucasus. At the beginning of May, 2015 in Russia had been 970,000 refugees from Ukraine. Just over 500 thousand of them asked and got a temporary residence permit and temporary shelter⁵².

Russia is trying to streamline the immigration process. On the one hand, by the beginning of May 2015, the Russian authorities denied entry to 1 million 350 thousand violators of the immigration rules of stay in Russia. It was imposed a relative order to the registration of citizens at the place of their actual residence. Measures are being taken to simplify the employment through the purchase of job patents.

But, on the other hand, the problem is the lack of proper anti-discrimination legislation in Russia that allows for discrimination and the most brutal exploitation of migrants.

The heavy situation with the IDPs, who fled from the hostilities in the interior of the country, is in the Ukraine. The number of internally displaced people is, according to the UN, up to almost 1 400 thousand peo-

⁵² <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49417>

ple⁵³. Among immigrants are Ukrainians, Jews, Roma, Greek, Russian and representatives of the Caucasian peoples and others⁵⁴. Ukraine committed itself to reform the system of refugee reception that is achieved by great difficulty, mainly due to lack not only resources, but also the legislative framework. There are certain problems with the Rusynian national minority, which is not yet able to achieve their status in the country.

Regarding to the law enforcement, the main criterion here is the ability to assess its power to build an effective infrastructure to combat discrimination and hate crimes – from information gathering mechanism prior to policing or judicial protection measures. According to these parameters should pay attention to the positive experience of the countries such as the Netherlands, the UK and Germany, which really created an effective system of collection and processing of information, including the active participation of NGOs.

For example, in the Netherlands, there is a two-tier system, which allows to cover maximum of population. Directly with the population in each of the 393 municipalities of the country operates a network of anti-discrimination bureaus. Each person may apply to the bureau for their place of residence with a complaint or for advice.

If committed a hate crime, the victim goes to the police. All police information flock to the special service of the Public Prosecutor, having branches in all 11 regional districts of the Netherlands. The Public Prosecutor determines whether an act is a hate crime, then he decides to institute criminal proceedings. To make decision helps him the special National Centre of Expertise on Discrimination.

Thus, all cases of discrimination fall at the first stage to hate crimes and ordinary incidents or administrative offenses relating to discrimination.

In addition, each resident of Holland knows where he may apply (including anonymously) on this issue in their own municipality. Multistage system relieves the police of unnecessary work, cutting off everything that is not associated with the hate crimes, but this does not violate the rights of citizens to receive free advice in anti-discrimination bureau, and to protect their interests in administrative court clearly understanding the prospects of the deal.

UK and Germany have extensive experience in combating discrimination and hate crimes with the use of NGOs opportunities.

⁵³ <http://rian.com.ua/society/20150714/370485794.html>

⁵⁴ <http://donoda.gov.ua/?args=&cmd=main&iface=Public&lang=ru&sec=01.04>

These NGOs, in cooperation with the municipalities and the government are active outreach to citizens, initiated boycotts of neo-Nazis and right-wing radicals, including businesses owned by them. In fact, NGOs in those countries often act as intermediaries between the government and the public in matters of countering hatred. For example, in the United Kingdom in 2012, the government announced the start of a new program to combat hate crimes under the symbolic title “Find, said stop!”, which relies heavily on the involvement of the population in the fight against this scourge, especially in prevention of such offenses. At the same time, the project “Tell Mama” was launched in 2012, aimed at combating crimes against Muslims, which partly serves as the anti-discrimination offices in the Netherlands.

However, in most countries of our monitoring the State operates on the old-fashioned way, without singling out hate crimes from the total weight of other offenses. At the same time, as a rule, there is not only no special body that would deal with the investigation of cases of discrimination and hate crimes, but sometimes in the law enforcement system is no specialization. Thus, the police officer receiving the application in the territorial division, has to deal with both the banal hooliganism and violence motivated by racism, which often results in numerous cases of hate crimes qualifying as a domestic crimes.

The most critical situation is today in this sense in Ukraine, where since 1998, is no official expertise on interethnic relations and hate crimes, but to initiate a criminal case related to hate crimes is necessary to prove a direct intent by the Ukrainian law.

No less important criterion for evaluating the effectiveness of law enforcement is the focus of law enforcement agencies on the results in efforts to combat racism and hate crimes. Without it any professionalism and availability of infrastructure practically do not give the desired effect.

For example, while the high level of anti-discrimination system in the Netherlands, in 2014 the Public Prosecutor agreed to only 83 from the 1,600 cases of complaints to the police about the discrimination in respect of which criminal proceedings were instituted⁵⁵. This is the lowest level since 1998. However, the level of hatred in the country has not decreased: only in 2014 9'714 complaints have been filed with the anti-discrimination bureau, compared to 6'186 in 2013⁵⁶.

⁵⁵ <http://www.nrc.nl/nieuws/2015/03/29/aangifte-van-discriminatie-belandt-va-ak-niet-bij-om/>

⁵⁶ <http://www.art1.nl/>

There are serious complaints about the work of law enforcement agencies in the UK⁵⁷, Germany⁵⁸ and even in Poland⁵⁹, because this country demonstrates a high level of professionalism in combating hatred. Similar problems exist in France, where in 2014 it was made a total of 35 convictions on charges of committing hate crimes⁶⁰. And this despite the fact that in France in the same year were reported 1'662 hate crimes, and in 2013 – 1'274⁶¹.

On the background of the failure of the ruling elites to give an adequate response to today's challenges in the form of the effects of globalization, migration crisis, the growth of terrorist threat, and so on, which actually form a xenophobic moods, the radical right-wing movements and parties actively enhance its positions.

Right-wing radical groups exist in all countries of the monitoring, however, they are represented in the legislative assemblies only in Hungary (the party "Jobbik"), Greece ("Golden Dawn"), Netherlands (Freedom Party) and in France ("National Front"). It should be noted the significant impact of the Ukrainian neo-Nazi party "Freedom" (Svoboda) in the local government in the western regions of Ukraine. Strong position in the field has the Jobbik party in Hungary. There are also the moderately nationalist parties – UK Independence Party (UKIP) and the "League of the North" in Italy. All these parties are the opposition in their parliaments and can draw on their ever-expanding electorate in recent years, which today amounts to various estimates from 11% in Greece to 25% in France.

In Russia, their influence is now the lowest for all the past 25 years due to the fact that after the Ukrainian events (2014) the nationalist movement was split, and its activists have moved to Ukraine, where they are fighting for one of the warring parties. In addition, as already was mentioned,

⁵⁷ <http://www.theguardian.com/uk-news/2014/feb/08/gay-asylum-seekers-humiliation-home-office>; <http://www.theguardian.com/politics/2014/jun/15/po-lice-uphold-just-one-percent-of-public-complaints-of-racism>

⁵⁸ <http://www.turkishweekly.net/2015/04/28/news/un-urged-to-examine-murders-of-turks-racism-in-germany/>; Human Rights Watch, WORLD REPORT 2015; <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/016/1801629.pdf>

⁵⁹ http://www.hfhr.pl/wp-content/uploads/2014/02/HFHR_CERD_84_session_shadow_report.pdf

⁶⁰ See: "White Papers of Hate", Moscow, 2015.

⁶¹ http://www.cncdh.fr/sites/default/files/cncdh_-_essentiels_rapport_racisme_2014.pdf

3000 Islamist activists fight today on the side of jihadist groups in Syria.

The general ideology of radical nationalist parties include anti-immigrant sentiments, anti-Semitism, anti-Islamism, anti-Roma views, and additionally in the EU – Euroscepticism. In Hungary and Ukraine there are also attempts to make heroes of their own collaborators during the Second World War⁶².

As a rule, radical nationalists successfully combine the techniques of parliamentary activity with street rallies activity. Especially successfully used it Greek party “Golden Dawn”, despite the fact that the authorities suspended its funding and become massively to prosecute its activists.

Obviously, the right-wing parties have achieved obvious success due to the inability of the political establishment in their countries to confront current challenges. These include, as already indicated, a migratory crisis. Also successful right-wing radicals use the forthcoming signing of an agreement on the transatlantic partnership between the US and the EU TTIP / TISA, as well as smaller stimuli, such as anti-Russian sanctions and a visa-free regime with Ukraine and Turkey.

Right-wing radicals frighten the inhabitant by the invasion of migrants and illegal workers from Turkey and Ukraine, by the ruin of European producers as a result of filling the market with cheaper US goods against the background of the closure of the Russian market, etc. Right-wing political trend is becoming popular, these parties for some years have transformed from marginal into equitable and successful players in the policy of many European countries. Fearing the growth of their influence, the traditional parties are seeking to intercept their political slogans and to attract a part of the conservative nationalists electorate, who sympathize with radical views, but afraid of abrupt changes and possible chaos in the event of coming to power of the extreme right. This trend is typical for almost all monitoring countries.

These processes are active today in Hungary, where the ruling party “Fidesz” actively adopts anti-immigrant and homophobic rhetoric of the party “Jobbik”, in the UK, where the Independence Party was able to rally the previously fragmented nationalist electorate, in France, where the party of ex-president Nicolas Sarkozy also use some of the slogans of the “National front”, for example in relation to same-sex marriages, in Poland,

⁶² <http://ejac.org/page16/news42633.html>; <http://www.unian.net/politics/912242-vo-lvove-okolo-polutyisyachi-chelovek-prinyali-uchastie-v-marshе-v-chest-divizii-galichina.html>

where the party of conservator Jaroslaw Kaczynski “Law and justice” periodically resorted to anti-Semitic and anti-Russian rhetoric, etc. As for Russia, almost all Russian political parties, including many liberal parties of the spectrum (for example, the party “Yabloko”(the Apple)) are using the anti-immigrant rhetoric, which was previously taken into service only by the representatives of Russian nationalist groups. And in Ukraine in the past two years we have seen how the ideology of “integral nationalism” becomes a part of the ideology of the State.

On the other hand the EU administration, as well as the governments of the majority of the monitoring countries, is not ready to see right-wing radical danger. And it’s a big mistake.

All this indicates the unwillingness of the old political establishment in most European countries to respond to new challenges. Because of that they can be replaced in a few years of such a policy by the new political leaders.

The Conclusion.

So, today, Europe is faced with a powerful challenge which intensified xenophobic sentiments in the society. It is a migratory crisis that develops against the backdrop of a clear unwillingness of the political elite to confront him. Changes in the law and practice have clearly unsystematic and inconsistent character. The existing system of integration of foreigners needs for a long time to be reformed, but this does not happen, because such reforms require a rethinking of the European identity and the transformation of the model of the traditional European nation-state, built not on the basis of a pan-European ideas, but on the basis of individual ethnic cultural traditions of the title nations in certain countries. This model is increasingly in contradiction with the expectations of immigrants, and not only of new immigrants, but also those of them who live in European countries in the second and third generations, and, strictly speaking, are not immigrants.

The inability of the State to solve these problems leads to increased terrorist threat from extremist organizations, to inter-ethnic clashes in the previously stable societies, as well as to an increase in the popularity of right-wing organizations, and the radicalization of large conservative parties, including the ruling parties.

Right-wing parties cease to be marginal and transforming into very

influential political forces with the stable electorate, ranging from 10 to 20%. Thus, the inability of European governments to solve the problems of tolerance has led to the emergence of a real force capable of changing the political vector of European development. This power requires an independent political and economic course of European governments from Brussels, rejection from the new European identity at the expense of the traditional identity of certain European nations, as well as substantial tightening of immigration laws and legislation in relation to national, religious and other minorities.

This new force, whose value is apparently underestimated today either in Brussels or in the other capitals of Europe, *de facto* can be considered as a new challenge, which threatens not only the European integration prospects and the identity of many European countries, but threaten the ideological, value bases of post-war Europe.

Энгель В.В., к.и.н.,
Президент Европейского центра
развития демократии (Латвия)

**ПРЕЗЕНТАЦИЯ ДОКЛАДА
«ПРОБЛЕМЫ КСЕНОФОБИИ,
ДИСКРИМИНАЦИИ И АГРЕССИВНОГО
НАЦИОНАЛИЗМА В ЕВРОПЕ»
(январь 2014 – июнь 2015 гг.)**

На протяжении трех лет сотрудники и ассоциированные эксперты нашей организации занимались тем, что проводили мониторинг ксенофобии, агрессивного национализма и проявлений дискриминации в целом ряде стран на пространстве ОБСЕ.

Начиная наше исследование, мы ставили следующие задачи:

Проанализировать основные вызовы и связанные с ними проявления ненависти в странах географической Европы. Для начала объектом мониторинга стали 8 стран ЕС (Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Италия, Нидерланды, Польша, Франция) и 2 страны, не входящие в ЕС (Россия и Украина).

Проанализировать, насколько государство в этих странах оказалось готово к новым вызовам.

Выяснить, какие факторы, влияют на формирование общественного запроса на радикализм.

Оценить перспективы правого радикализма в современной Европе.

В проекте приняли участие эксперты – историки и политологи целого ряда европейских университетов – Оксфорда, Лейдена, Ягеллонского университета в Кракове, Университета Гумбольта, Неапольского университета, Panteion University of Social and Political Sciences, Athens (Греция). Важно, что в проекте также приняли участие два докторанта, которые писали свои доклады под руководством своих научных руководителей.

Основными источниками для подготовки отчетов по указанным странам являлись: законодательные акты, внутренняя документация министерств и ведомств, находящаяся в открытом доступе (например, статистические отчеты о преступлениях на почве ненависти), документы бюро омбудсмана, материалы международных правозащитных организаций, материалы социологических опросов, проводившихся в странах в рассматриваемый период, материалы СМИ.

К чему мы пришли?

Мы констатировали наличие серьезных вызовов, стоящих сегодня перед большинством стран мониторинга, а также перед Европейским союзом.

Это миграционный кризис, который может иметь далеко идущие последствия для архитектуры ЕС и правый радикализм, угрожающий не только европейскому единству, но и тем ценностям, которые были положены в основу послевоенной Европы.

Было бы неверным утверждать, что эти вызовы стали первопричиной ксенофобных настроений в Европе, но они безусловно активизировали эти настроения, сделали их актуальными для значительной части европейцев, в том числе новых европейцев из числа тех же мигрантов, не сумевших или не пожелавших интегрироваться в Европе.

Можно выделить 4 наиболее распространенные сегодня формы ксенофобии в Европе: это *мигрантофобия*, тесно связанные с ней *фобии по отношению к этническим и религиозным меньшинствам* и *гомифобия*.

Так, по данным Евростата, на середину 2015 года самое **негативное отношение к иммигрантам** сохраняется в Италии – более 80% жителей этой страны настроены против иммигрантов. Далее следуют Греция и Венгрия, где негативное отношение к ним выразили в среднем 72-78% опрошенных. За ними следуют Франция и Германия (65-71% против), Польша и Великобритания (58-64%) и Нидерланды, где пока еще сохраняется относительно благоприятный климат для

иммигрантов (в среднем только (!) 54% против)¹. В России, по данным известного аналитического центра «Левада-центр», 68% жителей России испытывают изоляционистские установки в отношении мигрантов². Правда, более лояльное отношение, по данным другого аналитического центра – Фонда «Общественное мнение», существует по отношению к беженцам из Украины. В то же время, тема мигрантов перестает быть вопросом №1 для россиян, как это было еще несколько лет назад. По данным опросов ВЦИОМ, опубликованных 17 февраля и 31 марта 2015 г., лишь 1% респондентов считал миграционную политику наиболее актуальной проблемой в масштабах страны³.

Несмотря на отсутствие профессиональных исследований в этой области по Украине, Организация Объединенных Наций констатировала в апреле 2015 года рост ксенофобии по отношению к вынужденным переселенцам.

Что касается **фобий по отношению к этническим и религиозным меньшинствам**, то наиболее широко распространены *антицыганские настроения*. Согласно опросам, к народу рома испытывают неприязненное отношение 86% итальянцев⁴, 70% венгров⁵, более 60% украинцев (причем более 80% опрошенных украинских цыган чувствуют к себе негативное отношение)⁶, 60% французов⁷, 48% поляков⁸, 37% жителей Великобритании, 34% немцев⁹ и 23% россиян¹⁰.

Между тем, несмотря на такие удручающие показатели, отношение к цыганам в 2015 году в среднем улучшилось. Например, в Великобритании, по данным Pew Research Center, на 16 процентных пунктов¹¹. В Польше этот показатель улучшился на 19%¹², а в России – на 9%¹³. Между тем, в Италии и Венгрии он практически не изменился.

– *Антиисламские настроения*. Их испытывает 61% граждан Нидерландов¹⁴ (что позволяет говорить о потере Голландией привлекательности как самого толерантного и открытого общества в Европе), столько же жителей Италии¹⁵, 56% поляков¹⁶, по 24% французов и немцев¹⁷ и 18% россиян (при этом 40% россиян считают, что ислам в целом играет отрицательную роль в современном мире)¹⁸.

Сравнительно с предыдущими периодами, отношение к мусульманам улучшилось на 11 процентных пунктов в Германии, на 8 пунктов – в Великобритании¹⁹ и на 5% в России²⁰. В остальных странах изменений не произошло.

– *Антисемитизм*. Ему подвержено более 28% поляков, 21% итальянцев, 15% – венгров²¹, 11% – жителей Нидерландов²², 9% жителей

Германии, по 7% – жителей Франции и Великобритании²³, а также 8% россиян²⁴. По Украине исследование в 2014-15 гг. не проводилось, однако по данным 2013 года, 38% украинцев в той или иной степени находились в плену антисемитских стереотипов²⁵. Количество антисемитов сравнительно с 2014 годом практически не изменилось ни в одной стране, кроме Франции, где наблюдается небольшое снижение. По данным Pew Research Center число откровенных юдофобов в этой стране сократилось на 3 процентных пункта²⁶. Исключение составляют лишь Нидерланды, где в 2015 г. антисемитские настроения выросли на 6 процентных пунктов, т.е. более, чем в 2 раза²⁷.

Можно выделить также специфические формы ксенофобии на этнической и религиозной почве, которые характерны, в основном, для отдельных стран. Это, например, русофобия в Польше²⁸, пакистанофобия в Греции, кавказофобия в России и т.д.

Вызывает опасения, что в 2014 году 29% жителей Великобритании назвали себя расистами²⁹, расистские убеждения разделяет 9% французов, а 26% считают себя «немного расистами»³⁰. При общем снижении уровня ксенофобии и падения популярности мелких националистических партий и групп в России за последние годы, слово «национализм» стали воспринимать положительно в два раза больше людей. Если в 2009 году «в целом положительно» к нему относились 9% респондентов, то сейчас уже каждый пятый опрошенный (20%), причем большинство среди них составляет молодежь от 18 до 24 лет. Доля отрицательно воспринимающих само понятие «национализм» за шесть лет снизилась на 11%: если в 2009 году этот вариант выбирали три четверти россиян (75%), то сейчас 64%³¹. С другой стороны, как подчеркивают эксперты российского аналитического центра «Левада-центр», можно предположить, что молодежь чаще других категорий населения воспринимает «национальное» как синоним гражданского, государственного (в рамках европейской традиции), а об этнической нагрузке национализма они мало что знают³².

У 65% опрошенных преобладают *негативные чувства по отношению к сексуальным меньшинствам* в России³³ (впрочем, это на 9% меньше, чем в 2013 году, на который пришелся пик негативного отношения к ЛГБТ у россиян), у 46% – в Польше³⁴, у 40% – в Греции³⁵, примерно у 35% – в Нидерландах³⁶, у 22% – во Франции³⁷, у 18% – в Великобритании и у 11% – в Германии³⁸. На Украине в рассматриваемый

период опросы не проводились, однако в 2013 году 80% респондентов в этой стране заявили о негативном отношении к гомосексуалистам, что на 11% больше, чем было в 2007 г.³⁹

На фоне высокого уровня ксенофобии сохраняется и **высокий уровень преступности на почве ненависти**. Характерно, что в 2014-2015 гг. неожиданно высокие показатели показали страны, традиционно имевшие репутацию толерантных. Это напрямую связано с новой волной миграционного кризиса.

Так например, по уровню вандализма, направленного против объектов религиозного культа и культурно-образовательных учреждений национальных меньшинств в 2014 г. первое место сенсационно держала *Германия*, где имело место 229 случаев ксенофобного вандализма. В основном объектами нападений были учреждения, связанные с мигрантами (172 нападения), 39 случаев носили антисемитский характер (значительная часть из них пришлось на время войны Израиля с террористической организацией ХАМАС в Газе), семь – исламофобский, четыре были связаны с надругательством над памятью узников нацизма, два – с христанофобией. По одному инциденту было связано с объектами, связанными с ЛГБТ, цыганами, антифашистами, *Левой партией (die Linke)* и украинскими националистами.

Для сравнения в России со 140 млн. населения было зафиксировано в этот период 30 случаев ксенофобских граффити и вандализма.

На втором месте находится *Украина*, где было зафиксировано 53 случая подобных атак (в 2013 г. – 46 случаев). При этом 23 из них носили антисемитский характер, 16 – антихристианский, и 14 – иной. 53 инцидента было зафиксировано в *России* (в 2013 г. – 77), 43 случая имело место во *Франции* (в 2013 г. – 45 актов вандализма). Далее следуют Великобритания, Италия, Венгрия, Греция и Польша⁴⁰.

В то же время в докладе не представлены данные за 2014 год по Нидерландам, однако известно, что в 39% всех 475 мечетей этой страны имели место серьезные акты вандализма, например поджоги⁴¹.

В первой половине 2015 года почти во всех странах мониторинга также были зафиксированы акты вандализма. Особенно пострадала Франция, где после террористического акта против редакции журнала Шарли Эбдо было осквернено 26 мечетей⁴². Однако пострадали не только мусульмане. В феврале 2015 года было осквернено 300 (!) могил на еврейском кладбище в Сарре-Уньон (Sarre-Union) недалеко

от Страсбурга⁴³, а также осквернен памятник жертвам Холокоста в г. Эльбеф (Elbeuf) на севере страны⁴⁴.

Волна вандализма в отношении объектов религиозного культа и кладбищ практически всех представленных в Польше религий прокатилась по этой стране в январе-апреле 2015 г.⁴⁵

В России было зафиксировано в этот период 30 случаев ксенофобских граффити и вандализма. При этом можно отметить прекратившиеся нападения на кладбища. Однако нападения и осквернения религиозных объектов составляют 35% всех случаев ксенофобного вандализма. 5 случаев носят исламофобский характер, 3 – антисемитский и христианофобский – 1. По 10% занимают осквернения памятников воинской славы и русофобские граффити.

20 актов ксенофобного вандализма было официально зафиксировано на Украине в первой половине 2015 г. **Десять акций были направлены против Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП) и десять носили антисемитский характер. В 2014 г. за тот же период был отмечен 21 инцидент такого рода.**

В Греции было зафиксировано 11 случаев вандализма, которые произошли с 24 февраля по 6 июня 2015 года.

То же касается и межэтнических столкновений. В 2014 году такие столкновения имели место в России (около 10 конфликтов), Польше – одно столкновение между коренным населением и цыганами, длившееся 3 дня – с 6 по 9 июня⁴⁶, во Франции в 2014 г. (в основном столкновения носили иудео-мусульманский характер⁴⁷, на Украине – в основном на расовой почве между местными жителями и иностранными студентами, в Италии – между местными жителями и беженцами, и даже в Германии, где в 7 октября 2014 года в Гамбурге и Целле произошли столкновения курдов-езидов с мусульманами, среди которых, в частности, были выходцы из Чечни.

Однако в 2015 году ситуация существенно ухудшилась, прежде всего за счет нападений на места содержания беженцев и столкновения с ними. Речь идет, прежде всего о Германии, Италии, Греции и ряде других стран Западной Европы.

Следствием ксенофобии стали и удручающие цифры преступлений на почве ненависти в 2014-15 гг., в том числе убийства и террористические акты.

В 2014 году позитивные изменения произошли лишь в 2-х странах: Греции и России. В Греции число насильственных преступлений

сократилось в этом году в два раза, а в России – в 1.8 раза. Падение преступности произошло в обеих странах за счет ужесточения антиэкстремистского законодательства. Однако в 2015 году число преступлений на почве ненависти в Греции резко возросло. Причем первенство держат преступления на почве расовой ненависти и гомофобии. В первой половине 2015 года в этой стране было зафиксировано более 30 нападений на расовой почве, включая нападения на иммигрантов, а также 60 насильственных преступлений на почве гомофобии и трансгендерной ненависти. В России же в 2015 году наблюдалось в 2015 дальнейшее снижение преступности, что связано, прежде всего, с законодательным упорядочиванием миграционных потоков, активностью спецслужб, а также с оттоком активистов экстремистских движений для участия в военных действиях на стороне экстремистских формирований в Сирии (около 3000 чел.) и на Украине.

Итак, *миграционный кризис*, сопровождаемый экономическими трудностями, испытываемые жителями многих стран, обнажил серьезные проблемы европейского общества. Возникает вопрос: как политический истеблишмент ЕС, входящих в него стран, а также стран, которые не входят в ЕС, справляются с этими вызовами?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос мы проанализировали **законодательство** в его развитии в странах мониторинга, а также **правоприменительную практику**.

Выводы достаточно неутешительны. В Европе до сих пор существует целый ряд стран, уголовное законодательство которых либо не рассматривает *мотив расовой и религиозной ненависти в качествеотягчающего обстоятельства* при совершении преступлений (например, Венгрия и Польша), либо оставляют это на усмотрение суда (Германия), либо увязывают уголовную ответственность за расистские действия с определенными условиями – например, с «прямым умыслом», который надо доказать (Украина) или с тем, что деяние осуществлялось с целью оказания воздействия на широкую аудиторию с целью «изменения ее поведения» (Италия)⁴⁸.

Существуют страны, имеющие определенные *дискриминационные нормы в отношении отдельных религий*, что создает условия для недовольства верующих и, в конечном итоге ведет к сокращению влияния государства на религиозные организации. Например, законодательство Греции прямо указывает на возможность дискриминации нетрадиционных религий. Так, ст. 13(2) Конституции страны гласит,

что «всякая известная религия свободна, и отправление ее культовых обрядов осуществляется беспрепятственно под охраной закона». Среди стран, которые включают в свое законодательство ограничения на деятельность религиозных организаций или создают правовую возможность для злоупотреблений в сфере правоприменительной практики, можно назвать Венгрию, Германию, Францию, Италию, Украину и Россию.

Принятый в 2011 году закон Венгерской Республики «О праве на свободу совести и вероисповедания, церкви, религии и религиозных организаций» также создал проблемы для новых религиозных организаций, которые не действовали на территории страны в течение 20 лет и которые имеют менее 1'000 последователей, имеющих постоянное место жительства в Венгрии и подтвердивших это письменно.

В неравные условия ставит религиозные организации и законодательство Германии, которое делит их на «публично-правовые корпорации» и на все остальные. Публично-правовые корпорации имеют право на получение своей части т.н. «церковного налога». Статус публично-правовой корпорации подразумевает, что религиозная община, своим уставом и числом своих членов гарантирует длительный срок существования. В современной Германии таким статусом обладают христианские общины различных конфессий, включая православных и мормонов, «Свидетели Иеговы», иудеи и Союз религиозных общин, куда входят мелкие общины и секты преимущественно христианского вероисповедания. В то же время мусульманская община Германии, насчитывающая более 4 млн. человек, или почти 5% населения страны, не подпадает под статус публично-правовой корпорации, хотя отвечает всем необходимым условиям для включения в указанный перечень.

Во Франции практически отсутствует государственное финансирование исламских религиозных школ, что практически выводит исламское религиозное образование, которое все равно существует в той или иной форме, из-под контроля государства. Данное положение основывается на законе 1925 года, запретившем государственное финансирование всех религиозных организаций, которые не имеют культурных связей с Францией, французской историей и культурой. Таким образом, большинство религиозных организаций иммигрантов, многие из которых являются мусульманами и не имеют исторических связей во Франции, не имеют права на государственные

средства. Государственную поддержку, в соответствии с Актом Дебре (1959), получают лишь католики, протестанты, иудеи, но не мусульмане⁴⁹.

В Италии существуют проблемы у религиозных общин, не заключивших конкордат с правительством. К их числу также относятся мусульмане.

На Украине в 2012 году были приняты поправки в Закон «О свободе совести и религиозных организациях», которые не были отменены и с приходом нового правительства в 2014 г. Поправки осложняют регистрацию религиозных организаций, предоставляют право контроля за их деятельностью широкому кругу государственных органов власти (среди них – органы прокуратуры, министерство культуры, другие министерства и ведомства, местные государственные администрации и органы местного самоуправления), а также вводят для верующих и религиозных организаций разрешительный порядок проведения публичных мероприятий мирного характера, что прямо противоречит статье 39 Конституции Украины.

В России уже с середины 90-х существует разделение религиозных организаций на традиционные и нетрадиционные, что накладывает определенные ограничения на деятельность последних.

Однако *основной проблемой европейского законодательства остается отношение к национальным меньшинствам*. Эта проблема состоит из двух частей:

Во-первых, это *отрицание этнических меньшинств* как таковых и, соответственно, их особых прав, которые отличались бы от «классических» прав человека. Этническая принадлежность, а также этническая самоидентификация меньшинств исключена из законодательства и политического лексикона в таких странах как Франция и Греция (за исключением Западной Фракии). Причем в качестве обоснования данной позиции выдвигается тезис о том, что признание «особых прав» национальных меньшинств ведет к эскалации расизма и неравенства на этнической почве. По этой причине ни Франция, ни Греция до сих пор не присоединились к Рамочной конвенции о защите прав национальных меньшинств и к Европейской хартии о региональных языках и языках меньшинств. Между тем де-факто представители национальных меньшинств, как во Франции, так и в Греции составляют не менее 10% населения, но их наличие не признается, а, следовательно, не защищаются и их права.

Во-вторых, это *манипуляции с перечнем этносов, которые официально признаются национальными меньшинствами* со всеми последствиями, вытекающими из Рамочной конвенции по защите прав национальных меньшинств. Целый ряд стран мониторинга стремится ограничить список таких народов, включив в него малочисленные коренные народы и исключив наиболее многочисленные национальные меньшинства. Эти страны присоединились к Рамочной конвенции по защите прав национальных меньшинств, сделав при этом существенные оговорки. К ним относится Германия, Нидерланды, Польша,

Прежде всего, следует упомянуть Германию, которая признает своими национальными меньшинствами только граждан ФРГ, относящих себя к сёрбам, датчанам, фризам и немецким цыганам, Нидерланды, которые считают своими национальными меньшинствами только фризов, и Польшу, которая не признает таковыми любые национальные меньшинства, если их представители не являются польскими гражданами.

Больше всех от этого страдают некоренные народы, в основном иммигранты, но не только – например, на территории Германии проживают миллионы граждан, родившихся там, но не имеющие отношения к национальным меньшинствам, поскольку не идентифицируют себя ни с одним из 4-х признаваемых таковыми народов. Они, выходцы из стран Азии и Африки, не признаются национальными меньшинствами и на них не распространяется действие Рамочной конвенции.

Не многим отличается ситуация и в большинстве тех стран, которые подписали и ратифицировали Рамочную конвенцию без оговорок, например, Великобритания. В этой стране один государственный язык (английский) и три региональных – валлийский в Уэльсе, гэльский в Шотландии и ирландский в Сев. Ирландии. Использование других языков в делопроизводстве или при взаимодействии с административными органами запрещено, хотя в отдельных случаях предусмотрен переводчик.

Английский язык является единственным языком, на котором возможно обучение в школе, что аргументируется заботой об интеграции учащихся, а также тем, что в стране проживают представители более 200 этносов и есть школы, где обучаются носители 60-ти языков. Родной язык дети могут изучать только в качестве второго или,

если это не представляется возможным, в школах дополнительного обучения⁵⁰. Причем под языками меньшинства, как правило, понимаются те же валлийский в Уэльсе, гэльский в Шотландии и ирландский в Сев. Ирландии. Таким образом, речи о национальных школах, об обучении на языках национальных меньшинств, в Великобритании не идет, в том числе и в местах их компактного проживания.

Т.е. государство в большинстве европейских стран не занимается проблемами наиболее значимых этнических и религиозных меньшинств. Более того, оно либо самоустраняется от процессов интеграции, либо пытается навязать меньшинствам свою цивилизационную модель поведения, т.е. иными словами, предлагает им ассимиляционную программу, предполагающую, по сути дела, полную или частичную смену идентичности. Часто, как мы видим, государство отрицает наличие наиболее значимых национальных и религиозных меньшинств. Но как можно заниматься тем, чего нет?

Пока большая часть представителей непринятых национальных меньшинств принимает эту программу, как это и было на протяжении всей истории Старого Света. Например, во Франции, примерно 75% мусульман чувствуют себя «в той или иной степени» или «безусловно» французами, а потом уже представителями своей религии, своего народа или страны исхода⁵¹. Но 25% (а это очень большая цифра) не согласны принять такую модель. Для них первичным является их этническое, религиозное и географическое происхождение. Это особенно видно на примере выходцев из стран Азии и Африки. Ведь многие представители второго и даже третьего поколения иммигрантов из этих стран не только не восприняли цивилизационную модель европейских государств, но сделали выбор в пользу исламского фундаментализма. Здесь таится большая опасность, поскольку такие процессы могут привести в очень скором времени к возникновению серьезного межцивилизационного противостояния в Европе.

С другой стороны, в ЕС проводится довольно противоречивая политика в отношении иммигрантов, когда, с одной стороны принимаются законы и подзаконные акты, которые ужесточают иммиграционную политику (здесь можно назвать Великобританию, Италию, Венгрию, Францию и Германию), а с другой – принимаются законы и подзаконные акты, которые буквально ставят на повестку дня вопрос о существовании ЕС в прежнем виде. Речь идет, прежде всего об августовской (2015 г.) инициативе Германии по приему сирийских

беженцев в обход регуляций ЕС, и об июньской (2015 г.) инициативе Греции, которая приняла закон, предоставивший детям иммигрантов, родившимся на ее территории, гражданство.

Великобритания, Венгрия, Италия и Франция в последние несколько лет приняли ряд законов, которые ужесточили процедуру приема иммигрантов и выдачи им социальных пособий. Германия в 2014 году признала балканские страны безопасными для проживания, что означает отказ в предоставлении статуса беженцев выходцам из этих стран. В то же время в 2013-14 гг. в ФРГ были приняты программы по приему 20 000 сирийских беженцев по гуманитарным основаниям. Главной их целью стало воссоединение разрозненных семей. 21 августа 2015 года Германия издала внутреннюю инструкцию, согласно которой она не будет соблюдать регуляции ЕС во всем, что касается сирийских беженцев. Всем им будет позволено подать заявку на статус беженца – независимо от того, где они были изначально зарегистрированы. Чуть позже эти нововведения буквально взорвали Европу – осенью 2015 года начался новый виток миграционного кризиса

Греция в июне 2015 года приняла закон, который предоставлял детям, родившимся на ее территории, гражданство. Это имело важное значение не только для 200 000 иммигрантов во втором поколении, проживающих в стране, но и для многих других только намеревающихся туда переселиться⁵².

Интересно, что 2 апреля 2015 года премьер-министр Италии подписал постановление, согласно которому произошло сокращение легальных мест для иностранных рабочих с 15 до 13 тыс.⁵³ При этом месяцем раньше министр внутренних дел Итальянской Республики подписал постановление о выделении дополнительных средств для приема иммигрантов из стран, не входящих в ЕС. Это постановление было принято на основании регламента ЕС №514/2014 и было утверждено кабинетом министров 16 апреля 2015 года⁵⁴. Т.е. правительство Италии выделяет дополнительные деньги на прием иммигрантов, понимая, что их поток будет возрастать, но одновременно принимает постановление о сокращении легальных рабочих мест для иностранцев. Таким образом, объективно итальянские власти содействуют формированию рынка нелегальной рабочей силы и криминализации иммигрантской среды.

Очевидные проблемы с ростом иммиграционных потоков испы-

тывают и страны мониторинга, не входящие в ЕС. По данным Федеральной миграционной службы России, на конец июня в РФ находилось свыше 10 млн. иностранных граждан. В основном это жители бывших советских республик. Более 25% из них составляют выходцы из Украины, около 35% – выходцы из стран Центральной Азии и 11% – из Закавказья. На начало мая в России было 970 тысяч беженцев с Украины. Из них лишь немногим более 500 тысяч имели разрешение на временное проживание и временное убежище⁵⁵.

Россия пытается упорядочить иммиграционный процесс. С одной стороны, по состоянию на начало мая 2015 года, российские власти закрыли въезд для 1 миллиона 350 тысяч нарушителей режима и правил пребывания из числа иностранных граждан. Был наведен относительный порядок с регистрацией этих граждан по месту реального жительства. Принимаются меры для упрощения трудоустройства через покупку патентов на работу.

Но, с другой стороны, проблемой остается отсутствие полноценного антидискриминационного законодательства в России.

Тяжелая ситуация сложилась с вынужденными переселенцами, которые убежали от военных действий во внутренние районы страны, на Украине. Как следует из доклада по этой стране, число внутренних переселенцев там, по данным ООН, достигает почти 1 млн. 400 тысяч человек.⁵⁶ Среди переселенцев украинцы, евреи, рома, греки, русские и представители кавказских и других народов⁵⁷. Украина взяла на себя обязательство реформировать систему приема беженцев, что пока достигается большим трудом, прежде всего из-за отсутствия не только средств, но и законодательной базы. Существуют определенные проблемы и с русинским национальным меньшинством, которое пока не может добиться своего статуса на территории страны.

Что касается правоприменительной практики, то главным критерием ее оценки является способность власти выстроить *эффективную инфраструктуру* для противодействия дискриминации и преступлениям на почве ненависти – от механизма сбора информации до принятия полицейских мер или мер судебной защиты. По этим параметрам следует обратить внимание на позитивный опыт таких стран как Нидерланды, Великобритания и Германия, где действительно создана действенная система сбора и обработки информации, в том числе с активным участием НПО.

В Нидерландах существует двухступенчатая система, позволяющая

осуществлять максимально широкий охват населения страны. Непосредственно с населением работает сеть антидискриминационных бюро, осуществляющих свою деятельность в каждом из 393 муниципалитетов страны. Каждый человек может обратиться в свое бюро по месту жительства с жалобой или за консультацией.

В случае если совершено преступление на почве ненависти, то пострадавший обращается в полицию. Вся полицейская информация стекается в специальную службу Общественного прокурора, имеющую свои отделения во всех 11 региональных округах Нидерландов. Именно Общественный прокурор определяет, является ли то или иное деяние преступлением на почве ненависти, после чего он принимает решение о возбуждении уголовного дела. Принять решение ему помогает специальный Национальный центр экспертизы по вопросам дискриминации.

Таким образом, все случаи дискриминации делятся уже на первом этапе на преступления ненависти и обычные инциденты или административные правонарушения, связанные с дискриминацией. При этом каждый житель Голландии знает, куда он может обратиться (в том числе анонимно) по данному вопросу в собственном муниципалитете. Многоступенчатая система разгружает правоохранительные органы от ненужной работы, отсекая все, что не связано с преступлениями ненависти, однако при этом не нарушаются права граждан, которые получают бесплатные консультации в антидискриминационных бюро, имеют возможность обратиться за бесплатной экспертизой в НИПЧ и защищать свои интересы в административном суде, четко понимая перспективы своего дела.

Великобритания и Германия имеют большой опыт работы по противодействию дискриминации и преступлениям ненависти с использованием возможностей неправительственных организаций.

Именно НПО во взаимодействии с муниципалитетами и правительством проводят активную разъяснительную работу среди граждан, инициируют, бойкоты неонацистов и праворадикалов, в том числе принадлежащих им бизнесов. Фактически НПО в этих странах часто выступают посредниками между властью и населением в вопросах противодействия ненависти. Например, в Объединенном Королевстве еще в 2012 году правительство объявило о начале новой программы борьбы с преступлениями на почве ненависти под символическим названием «Найди, сообщи, останови!», которое в значи-

тельной степени опирается на вовлечение населения в борьбу с этим злом, прежде всего в профилактике таких правонарушений⁵⁸. Тогда же, в 2012 году был запущен проект «Tell Mama», ориентированный на борьбу с преступлениями против мусульман, который частично выполняет функции антидискриминационного бюро в Нидерландах.

Однако в большинстве стран мониторинга государственная машина работает по старинке, не выделяя преступления на почве ненависти из общей массы других правонарушений. При этом, как правило, не только отсутствует специальный орган, который занимался бы расследованием случаев дискриминации и преступлений ненависти, но подчас и в самой правоохранительной системе отсутствует специализация. Таким образом, офицер полиции, принимающий заявления в территориальном подразделении, имеет дело как с банальным бытовым хулиганством, так и с насилием на почве расизма, что зачастую выливается в массовые случаи квалификации преступлений ненависти как бытовых или в банальные отказы регистрировать такие преступления вообще.

Наиболее острая ситуация в этом смысле сложилась сегодня на Украине, где с 1998 года отсутствует официальная экспертиза по межнациональным отношениям и преступлениям на почве ненависти, а для возбуждения уголовного дела, связанного с преступлениями ненависти необходимо доказать наличие прямого умысла.

Не менее важным критерием оценки эффективности правоприменительной практики является *нацеленность правоохранительных органов на результат* в работе по противодействию расизму и преступлениям на почве ненависти. При отсутствии таковой профессионализм и наличие инфраструктуры практически не дают должного эффекта. К примеру, при всей развитости системы по борьбе с дискриминацией в Нидерландах в 2014 году, Общественный прокурор из 1600 случаев обращений в полицию по поводу фактов дискриминации согласился лишь с 83 случаями⁵⁹, по поводу которых были возбуждены уголовные дела. Это самый низкий уровень, начиная с 1998 года. Однако, уровень ненависти в стране не снизился: по данным НИПЧ только в 2014 году в антидискриминационное бюро было подано 9'714 жалоб, по сравнению с 6'186 в 2013⁶⁰.

Есть серьезные претензии к работе правоохранительных органов также в Великобритании⁶¹, Германии⁶² и даже в Польше⁶³, хотя эта страна демонстрирует высокий уровень профессионализма в проти-

водействии ненависти. Схожие проблемы имеются и во Франции, где в 2014 году было вынесено всего 35 обвинительных приговоров по обвинению в совершении преступлений на почве ненависти⁶⁴. И это при том, что во Франции в том же году было зарегистрировано 1'662 преступления на почве ненависти, а в 2013 году – 1'274⁶⁵.

На фоне неспособности правящих элит дать достойный ответ современным вызовам в виде, последствий глобализации, миграционного кризиса, роста террористической опасности и пр., которые собственно и формируют ксенофобные настроения, активно укрепляют свои позиции во внутриевропейской политической жизни **праворадикальные движения и партии.**

Праворадикальные группы существуют во всех странах мониторинга, однако представлены в законодательных собраниях они только в Венгрии (партия «Йоббик»), Греции («Золотая Заря»), Нидерландах (Партия Свободы) и во Франции («Национальный фронт»). Следует отметить существенное влияние украинской неонацистской партии «Свобода» в местных органах власти в западных областях Украины. Сильные позиции на местах имеет и партия Йоббик. Можно назвать также умеренно-националистические партии – Партия независимости Великобритании (UKIP) и «Лига Севера» в Италии». Все эти партии представляют собой оппозицию в своих парламентах и опираются на свой постоянно расширяющийся в последние годы электорат, который сегодня составляет по разным оценкам от 11 % в Греции до 25% во Франции. В России их влияние сейчас минимально за все последние 25 лет в связи с тем, что после украинских событий националистическое движение оказалось расколотым, а его активисты переместились на Украину, где они воюют за одну из враждующих сторон. Кроме того, как уже указывалось, 3000 активистов исламистских движений воббт на стороне джихадистских формирований в Сирии.

К общей идеологии радикально-националистических партий следует отнести антииммигрантские настроения, антисемитизм, антиисламизм, антицыганские взгляды, а в странах ЕС дополнительно – евроскептицизм. В Венгрии и на Украине это дополняется попытками героизировать собственных коллаборационистов времен второй мировой войны⁶⁶.

Как правило, национал-радикалы успешно сочетают методы парламентской деятельности с уличной митинговой активностью. Особенно успешно этим пользовалась греческая партия «Золотая Заря»,

несмотря на то, что власти приостановили ее финансирование и стали массово привлекать к уголовной ответственности ее активистов.

Очевидно, что праворадикальные партии добились очевидного успеха благодаря неспособности политического истеблишмента своих стран противостоять современным вызовам. К ним относится, как уже указывалось, миграционный кризис. Не менее успешно праворадикалы используют готовящееся к подписанию соглашение о трансатлантическом партнерстве между США и Евросоюзом TTIP/TISA, а также более мелкие раздражители, вроде антироссийских санкций и безвизового режима с Украиной и Турцией.

Праворадикалы пугают обывателя нашествием мигрантов и нелегальных рабочих из Турции и Украины, разорением европейского товаропроизводителя в результате заполнения рынка более дешевыми американскими товарами на фоне закрытия для него российского рынка и т.д. Праворадикальный политический тренд становится популярным, эти партии за какой-то год превратились из маргинальных в равноправных и успешных игроков на политическом поле целого ряда стран. Опасаясь роста их влияния, традиционные партии политического истеблишмента стремятся перехватить их политические лозунги и привлечь на свою сторону часть консервативно настроенных националистов, которые симпатизируют радикальным взглядам, но опасаются резких перемен и возможного хаоса в случае прихода к власти крайне правых. Эта тенденция характерна практически для всех стран мониторинга.

Эти процессы происходят активно в Венгрии, где правящая партия «Фидес» активно перенимает антииммигрантскую и гомофобскую риторику партии «Йоббик», в Великобритании, где Партия независимости удалось сплотить вокруг себя ранее разрозненный националистический электорат, во Франции, где партия экс-президента Н. Саркози также используют некоторые лозунги «Национального фронта», например в связи с однополыми браками⁶⁷, в Польше, где партия Ярослава Качиньского «Право и справедливость» периодически прибегает к антисемитской и антирусской риторике, и т.д. Что касается России, то практически все российские политические партии, в т.ч. многие партии либерального спектра (например, партия «Яблоко») использовали антимигрантскую риторику, которую ранее брали на вооружение только представители русских националистических групп, в ходе своих предвыборных кампаний в 2013-14 гг. И на Укра-

ине за последние два года мы увидели как идеология «интегрального национализма», становится частью идеологии партий политического истеблишмента, объявивших себя политическими наследниками Степана Бандеры.

С другой стороны руководство ЕС, также как и руководство большинства стран мониторинга не готово видеть праворадикальную опасность. И это большая ошибка.

Все это говорит о неготовности старого политического истеблишмента большинства европейских стран реагировать на новые вызовы и о том, что ему на смену через пару лет такой политики вполне может придти новый политический истеблишмент в лице праворадикальных сил.

Заключение.

Итак, сегодня Европа столкнулась с мощнейшим вызовом, который активизировал ксенофобные настроения в обществе. Речь идет о миграционном кризисе, который развивается на фоне явной неготовности политической элиты противостоять ему. Изменения в законодательстве и правоприменительной практике носят явно несистемный и противоречивый характер. Существующая система интеграции иностранцев давно требует реформирования, но этого не происходит, потому что такие реформы требуют переосмысления европейской идентичности и трансформации модели традиционного европейского национального государства, построенного не на основе общеевропейской идеи, а на основе традиций отдельных этносов, являющихся титульными в тех или иных странах. Эта модель все чаще входит в противоречие с ожиданиями иммигрантов, причем иммигрантов не только новой волны, но и тех, которые проживают в европейских странах во втором и третьем поколениях и, строго говоря, иммигрантами не являются.

Неспособность государства решить эти проблемы приводит к активизации террористической угрозы со стороны экстремистских организаций, к межэтническим столкновениям в ранее стабильных обществах, а также к росту популярности праворадикальных организаций, и к радикализации крупных консервативных партий, включая правящие.

Праворадикальные партии перестают быть маргинальными и

трансформируются в весьма влиятельные политические силы со своим стабильным электратом, который сегодня составляет от 10 до 20%. Таким образом, неспособность европейских правительств решить проблемы толерантности уже привело к появлению реальной силы, способной политический вектор европейского развития. Эта сила требует независимости политического и экономического курса правительств европейских государств от Брюсселя, отказа от новой европейской идентичности в ущерб традиционной идентичности отдельных европейских наций, а также существенного ужесточения иммиграционного законодательства и законодательства по отношению к национальным, религиозным и прочим меньшинствам.

Эта новая сила, значение которой очевидно недооценивается сегодня ни в Брюсселе, ни в европейских столицах, вне зависимости от вхождения той или иной страны в ЕС, де-факто уже можно рассматривать как новый вызов, который ставит под угрозу не только перспективы евроинтеграции и сформировавшуюся на протяжении веков идентичность многих европейских стран, но угрожает идеологическим, ценностным основам послевоенной Европы.

В результате сегодня европейская политическая элита идет как по минному полю, когда любая ошибка, связанная с ущемлением прав европейцев, начиная от товаропроизводителей, с опасением ожидающих заключения американско-европейского соглашения о трансатлантическом партнерстве, и заканчивая обычным обывателем, опасаясь наплыва нелегальных рабочих из-за рубежа или последствий очередного витка экономического кризиса, – все может привести к тому, что праворадикалы реально начнут формировать политический курс в своих странах – либо путем выборов, либо путем укрепления влияния в правящих партиях нынешнего политического истеблишмента.

(Endnotes)

- 1 <http://www.voxeurop.eu/en/content/news-brief/4932007-map-showing-eu-countries-attitude-towards-foreign-immigration>
- 2 http://www.levada.ru/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm&sa=U&ved=0CAsQF-jACahUKEwji_7Wioe_HAhVBWRoKHX2SA5E&client=internal-uds-cse&usg=AFQjCNE7wFG916TPllhqlRtqX9ThbCHNXXA
- 3 <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115209>, <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115151>

- 4 <http://www.giornalettismo.com/archives/1484477/litalia-e-uno-dei-paesi-piu-razzisti-deuropa/>
- 5 <http://www.finugor.ru/dve-pyatykh-vengrov-protiv-immigrantov>
- 6 <http://vchasnik.ua/ukraina/180733v-ukraine-prozhivayut-bole-200-tys-cygan>
- 7 Мы просим справедливости» Неспособность Европы защитить цыган от насилия на почве расизма Индекс: EUR 01/007/2014 Amnesty International Апрель 2014
- 8 See: <http://www.pewglobal.org/files/2015/06/Pew-Research-Center-European-Union-Report-FINAL-June-2-20151.pdf>
- 9 Ibid.
- 10 <http://www.levada.ru/26-08-2014/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya>
- 11 <http://www.pewglobal.org/2015/06/02/chapter-3-anti-minority-sentiment-not-rising/>
- 12 Konflikt między Polakami a Romami w Andrychowie. Będą “patrole obywatelskie” // <http://wiadomosci.onet.pl/krakow/konflikt-miedzy-polakami-a-romami-w-andrychowie-beda-patrole-obywatelskie/f93sm>
- 13 <http://www.levada.ru/05-11-2013/rossiyane-o-migratsii-i-mezhnatsionalnoi-napryazhennosti>
- 14 <http://www.dutchnews.nl/news/archives/2015/06/anti-muslim-sentiment-far-higher-than-anti-jewish-prejudice-report-shows/>
- 15 <http://www.pewglobal.org/files/2015/06/Pew-Research-Center-European-Union-Report-FINAL-June-2-20151.pdf>
- 16 <http://www.pewglobal.org/2015/06/02/chapter-3-anti-minority-sentiment-not-rising/>
- 17 Ibid.
- 18 <http://fom.ru/TSennosti/12121>
- 19 <http://www.pewglobal.org/2015/06/02/chapter-3-anti-minority-sentiment-not-rising/>
- 20 <http://fom.ru/TSennosti/10652>
- 21 <http://global100.adl.org/#country/hungary>
- 22 <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4674840,00.html>
- 23 <http://www.pewglobal.org/2015/06/02/faith-in-european-project-reviving/eu-report-17/>
- 24 <http://www.levada.ru/26-08-2014/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya>
- 25 <http://global100.adl.org/#country/ukraine>
- 26 <http://www.pewglobal.org/2015/06/02/chapter-3-anti-minority-sentiment-not-rising/>
- 27 <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4674840,00.html>
- 28 See: Attitude towards other nations, CBOS Public Opinion Research Center, January 2015, http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2015/K_014_15.PDF [accessed: 12 August 2015]
- 29 <http://www.theguardian.com/uk-news/2014/may/27/-sp-racism-on-rise-in-britain>
- 30 <http://www.bva.fr>; <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20140401-sotsiologi-rasizm-vo-frantsii-pe-restal-byt-marginalnym>
- 31 http://www.levada.ru/25-08-2015/loyalnost-rossiyam-k-migrantam-dostigla-rekordnogo-urovnya&sa=U&ved=0CA4QFjADahUKEwji_7Wioe_HAhVBWRoKHX2SA5E&client=internal-uds-cse&usg=AFQjCNEQsfEy3EJe4vr-qgO-640Jp3rvDA
- 32 Ibid.
- 33 http://www.levada.ru/15-05-2015/nevidimoe-menshinstvo-k-probleme-gomofobii-v-rossii&sa=U&ved=0CAsQFjACahUKEwjo6begwe_HAhVLIiRoKHR32Cog&client=internal-uds-cse&usg=AFQjCNE2u3mCiDgbTGbp-G3ZqYlaQtyp_Q

- 34 По данным за 2013 год: <http://www.pewglobal.org/2013/06/04/the-global-divide-on-homosexuality/>
- 35 Ibid.
- 36 <http://www.icare.to/news.php?en>
- 37 По данным за 2013 год: <http://www.pewglobal.org/2013/06/04/the-global-divide-on-homosexuality/>
- 38 Ibid.
- 39 [http://nbnews.com.ua/allquestions/;](http://nbnews.com.ua/allquestions/)
- 40 <http://newsplot.org/id/2013/09/10/ukraina-ne-evropa-otnoshenie-k-odnopoloj-lyubvi-v-ukraine-takoe-zhe-kak-i-v-musulmanskih-stranah/>
- 41 See: "White Papers of Hate", Moscow, 2015.
- 42 <http://www.euro-islam.info/2015/04/26/monitoring-muslim-discrimination-pdf-report/>
- 43 <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/firebombs-and-pigs-heads-thrown-into-mosques-as-antimuslim-attacks-increase-after-paris-shootings-9977423.html>
- 44 <http://www.theguardian.com/world/2015/feb/15/hundreds-of-tombs-defaced-in-french-jewish-cemetery>
- 45 <http://www.haaretz.com/jewish-world/jewish-world-news/1.643945>
- 46 P. Żytnicki, Akcja przeciwko islamowi w Poznaniu. Okleili meczet, Gazeta Wyborcza, 19 stycznia 2015 r., http://wyborcza.pl/1,75248,17280308,Akcja_przeciwko_islamowi_w_Poznaniu__Okleili_meczet.html [accessed: 7 August 2015]; B. Romanek, Sataniści sprofanowali zabytkowy kościół w Częstochowie, 25 lutego 2015 r., <http://www.polskatimes.pl/artykul/3763567,satanisci-sprofanowali-zabytkowy-kosciol-w-czestochowie-zdjecia-ave-satan-ten-kosciol-splonie,id,t.html> [accessed: 7 August 2015]; P. Kubiczek, Wandalizm czy antysemityzm? Olkuski kirkut zdewastowany, 7 kwietnia 2015 r., <http://przeglad.olkuski.pl/index.php/artykuly/aktualnosci/11905-wandalizm-czy-antysemityzm-olkuski-kirkut-zdewastowany> [accessed: 7 August 2015]
- 47 <http://www.polskieradio.pl/5/3/Artykul/1155756,Andrychow-narodowcy-i-pseudokibice-planuja-wielka-antyromska-manifestacje>
- 48 http://aen.ru/?page=brief&article_id=71169
- 49 Следует также упомянуть, что Италия – единственное государство из всех стран мониторинга, которое за последние 10 лет не ужесточило, а сократило наказание за преступления на почве ненависти с трех до полутора лет и установило максимальную планку штрафа в 6000 евро за расовую дискриминацию или призывы (Закон № 85/2006) – *прим. авт.*
- 50 <http://academic.udayton.edu/race/06hrights/georegions/Europe/France01.htm>
- 51 Ibid.
- 52 <http://councilforeuropeanstudies.org/critcom/the-diversity-of-muslims-in-france-pre-and-post-charlie-hebdo/>
- 53 http://grreporter.info/en/greece_grants_citizenship_100000_children_immigrants/12824
- 54 www.immigrazione.biz/legge.php?id=795
- 55 www.immigrazione.biz/legge.php?id=789
- 56 <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49417>
- 57 <http://rian.com.ua/society/20150714/370485794.html>

- 58 <http://donoda.gov.ua/?args=&cmd=main&iface=Public&lang=ru&sec=01.04>
- 59 <https://www.gov.uk/government/publications/hate-crime-action-plan-challenge-report-it-stop-it>
- 60 <http://www.nrc.nl/nieuws/2015/03/29/aangifte-van-discriminatie-belandt-vaak-niet-bij-om/>
- 61 <http://www.art1.nl/>
- 62 <http://www.theguardian.com/uk-news/2014/feb/08/gay-asylum-seekers-humiliation-home-office>; <http://www.theguardian.com/politics/2014/jun/15/police-uphold-just-one-percent-of-public-complaints-of-racism>
- 63 <http://www.turkishweekly.net/2015/04/28/news/un-urged-to-examine-murders-of-turks-racism-in-germany/>; Human Rights Watch, WORLD REPORT 2015; <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/016/1801629.pdf>
- 64 http://www.hfhr.pl/wp-content/uploads/2014/02/HFHR_CERD_84_session_shadow_report.pdf
- 65 See: “White Papers of Hate”, Moscow, 2015.
- 66 http://www.cncdh.fr/sites/default/files/cncdh_-_essentiels_rapport_racisme_2014.pdf
- 67 <http://eajc.org/page16/news42633.html>
- 68 <http://www.unian.net/politics/912242-vo-lvove-okolo-polutyisyachi-chelovek-prinyali-uchastie-v-marshe-v-chest-divizii-galichina.html>
- 69 <http://www.gay.ru/news/rainbow/2014/11/17-30145.htm>

Benjamin Erusalem

Founder and first director of the museum "From the history of Grodno Jews" (Now the part of Grodno museum of history of the religion)

Head of the Judaism department

Бениамин Ерузалем

Основатель и первый директор музея «Из истории гродненских евреев» (Ныне в составе Гродненского музея истории религии)

Заведующий отдела Иудаизма

“ECHO OF THE HOLOCAUST” EXPOSITION OF THE MUSEUM “FROM THE HISTORY OF GRODNO JEWS”

«ЭХО ХОЛОКОСТА»: ЭКСПОЗИЦИЯ МУЗЕЯ «ИЗ ИСТОРИИ ГРОДНЕНСКИХ ЕВРЕЕВ»

Текст выступления.

Со времён средневековья евреи составляли значительную часть населения Гродненщины. В XX столетии они основали промышленность Гродно, заложили основы книгопечатания. С городом связаны имена известных политиков, художников, деятелей культуры и науки еврейской национальности. Первый и третий президенты Израиля, художник Бакст, поэт Лейба Найдус – это всё выходцы из нашего региона. Говорят страх парализует человека, но он может придать и силу. Еврейский народ пережил Холокост. В 1941 году в Гродно проживало около 29 тысяч евреев, а в 1944 году в живых осталось несколько сот человек. Музею истории евреев Гродно, который мне посчастливилось создавать, исполнилось три года и чем дальше от нас уходят события второй мировой войны, тем меньше остаётся её свидетелей и тем актуальней становится задача восстановления исторической

памяти, сохранения культурного наследия великих и известных евреев, изучения трагических дней Холокоста. Наш музей расположен в величественном здании-красивейшей синагоге XVI века. В фондах музея-истории жизни наших и вестных земляков, героев Сопротивления в годы войны, судьба великого ученого Феликса Зандмана и других узников Гродненского гетто и фашистских концлагерей. Лиза Чапник сейчас живёт в Израиле, а в 1941 году юная Лиза стала подпольщицей в Гродно, а в 1942 году по поддельным документам выехала в Белосток, активно участвует в деятельности антифашистской организации Белостокского гетто, устанавливает связь с партизанской бригадой имени Кастуся Калиновского. Нами записаны воспоминания Лизы, подготовлен стенд о её жизни, готовится книга о судьбе нашей землячки. Специальный раздел посвящен Праведникам мира. В стенах музея я провожу Уроки Холокоста для школьников города. Особо трогательна судьба детей в годы войны, этой теме посвящён новый проект «Записки из пепла»-дневники детей, сгоревших в печах Освенцима. Хочу представить Вам свой новый проект «Большая память, слёзы гетто» В нём-судьба двух малолетних узников Гродненского гетто. Один из них прошёл три концлагеря, сейчас живёт в Москве, другого спасла польская семья и он стал великим ученым. Проект создан совместно с ансамблем еврейской песни из города Лида «Шалом» и мы готовы представить его в любой стране Мира. Проект сопровождается концертом ансамбля в течение часа.

ТЕКСТЫ ДЛЯ ПЕРЕВОДА И СОПРОВОЖДЕНИЯ ПОКАЗА ВИДЕОФИЛЬМА.

1 - на экране фото Гродненского гетто

Трагедия Холокоста, ужасы гетто-это та боль, которая останется в памяти навсегда.

2 - на экране вступительное слово Бениамина Ерузалим

Листая страницы памяти Гродненский музей «На Троицкой» по крупницам собирает всё, что относится к забытым следам еврейской истории Гродненщины. В своё время евреи заложили основы промышленности, внесли свой достойный вклад в культуру, науку, образование Принеманского края.

3 - на экране музей и синагога, слова диктора

Музей расположен в великолепном памятнике архитектуры

конца XVI го века-Гродненской большой хоральной синагоге. Третий год идет восстановление красивейшего культового здания,расположенного в центре города.

4 -на экране Б, ЕРУЗАЛИМ

Вы увидите воспоминания бывших узников Гродненского гетто, истории их спасения. Музыкальное сопровождение – народного ансамбля еврейской музыки «Шалом» из города Лида, ансамблю скоро 20 лет.

5- на экране бывший малолетний узник Гродненского гетто Анатолий Ванукевич, ему уже 85 лет

Он рассказывает о том, как его семью отправили в Освенцим. Родители с криком ЖИВИ оторвали верхнее окно в вагоне и вытолкнули мальчика на снег. (*это слова для перевода)

ОСТАЛЬНОЕ ПОНЯТНО БУДЕТ ПО ТИТРАМ НА ЭКРАНЕ НА АНГЛИЙСКОМ.

С УВАЖЕНИЕМ – БЕНИАМИН ЕРУЗАЛИМ

Ekaterina Gertsman

St. Petersburg State Polytechnic
University, Institute of International
Educational Programs

Екатерина Герцман

(Институт Международных
Образовательных Программ СПбПУ
Петра Великого)

TEACHING HOLOCAUST HISTORY FOR FOREIGN STUDENTS IN RUSSIA. (PROJECT OF THE COURSE)

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ ХОЛОКОСТА ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ. (ПРОЕКТ КУРСА)

Ввести молодежь в комплекс знаний о холокосте, о той глубокой пропасти, куда часть современной цивилизации была низвергнута усилиями государственной идеологической машины – одна из важнейших задач современного воспитания и образования. При этом существует противостояние двух методик способствующих формированию двух начал – рационалистического и эмоционального. С одной стороны, в каждом педагоге живет желание оставаться ученым, который в состоянии беспристрастно исследовать исторические документы. С другой стороны – каждому педагогу-историку как и любому человеку не чужды эмоции повергающие в ужас от знакомства с содержанием некоторых документов. Как представляется, осмысленное соединение этих двух позиций – залог успеха в изучении и преподавании истории Холокоста. Ведь далекое и близкое прошлое без эмоциональной реакции превращается в сухое схоластическое

знание, никак не связанное с реальностью. И лишь тогда, когда это знание окрашивается самыми разными эмоциональными оттенками, каждому становится очевидной необходимость избежать повторения жесточайших исторических ошибок. Именно эти причины вынуждают искать различные пути педагогических приемов. Тогда появится надежда, что молодежь, не только приобщившись к историческим фактам, датам и цифрам, но и восприняв события через чувства, будет делать в своей жизни все от себя зависящее, чтобы не повторилось смертельно опасное заблуждение в будущем

Сейчас в Россию приезжает много студентов-иностранцев. Это молодые люди очень разного уровня образования, многообразных интересов и иногда полярно-противоположных культурных традиций. Большинство из них прибыло в Россию, чтобы учиться в высших учебных заведениях нашей страны. Несомненный лидер по количеству, занимающихся в Санкт-Петербурге студентов – Китай. Кроме того, приезжают молодые люди из Тайланда, Новой Гвинеи, Ботсваны, Алжира, Аргентины, Венгрии и многих других государств, преимущественно неевропейских континентов. Все эти студенты, готовясь к поступлению в университеты и институты, учат не только русский язык. В зависимости от того, какое направление они выбрали и какую специальность собираются получать в будущем, они занимаются еще и математикой, географией, биологией, историей.

Таким образом, на уроки истории приходят абсолютно разные люди, с неодинаковой образовательной базой и совершенно неоднородным уровнем развития. Прежде всего, необходимо отметить, что знания о мировой истории, и в том числе об истории России, чаще всего, минимальны, хотя Россия – эта та страна, которую они сами выбрали для обучения. В результате, информация о событиях европейской истории оказывается совсем новым слоем их знаний.

Именно этим объясняется их почти полное неведение о Холокосте. Конечно, одной из причин этого является отдаленная от центральной Европы география гражданства наших учеников. Однако одновременно это и сигнал о том, что многие регионы нашей планеты либо забывают позорные страницы истории человечества, либо не знают ее вообще. Поэтому представляется очень важным необходимость заполнять эти лакуны в знаниях студентов.

Наиболее плодотворным такой курс представляется в рамках изучения истории России. Традиционно в российском образовании мо-

дуть о Второй Мировой войне мало затрагивает идеологию нацизма, и совсем ничего не сообщает о попытке «решения еврейского вопроса», как, впрочем, умалчивает и о самом «еврейском вопросе» во время II Мировой войны. Несомненно, никто не оспаривает важность и необходимость изучения военно-политических событий Второй Мировой войны, но говорить о борьбе с нацизмом не упоминая о судьбе еврейского народа не только не правильно, но и преступно. Общеизвестно, что в истории человечества есть события, которые оказываются не просто историческими фактами, но также являются показателем нравственного здоровья общества. Чем глубже их изучение, чем больше информации, тем чаще происходит напоминание всем членам этого социума о страшных событиях, и тем меньше шансов его повторения.

Спецкурс, который можно было бы предложить для занятий иностранным студентам должен содержать, как представляется, несколько модулей.

Первый из них информирует о становлении нацистской идеологии, ее истоках и степени распространения в мире. Здесь необходимо дать краткие сведения не только об истории формирования нацистской партии в Германии, но также представить материалы о многовековой традиции антисемитизма в Западной Европе и России. Это тем более важно, что, к сожалению, эту традицию часто связывают с привычным взглядом христианства, видевшем в иудеях главного оппонента своим идеям¹. Вопрос, который «мучает» не только общепризнанных исследователей, но и всех, кто слышал или читал о Холокосте: как подобные события могли произойти в цивилизованном XX веке, в Германии – стране высочайшей культуры? Этот же вопрос не может ни возникнуть у каждого молодого человека, делающего первые шаги в изучении истории Холокоста. Конечно, данная тема слишком дискуссионная и вызывает огромное количество споров на любом уровне обсуждения. Тем не менее, преподаватель должен сделать все возможное, чтобы вызвать у студента потребность поразмышлять над этой непростой проблемой. Таков первый шаг на пути формирования представлений об аспектах толерантности в истории человечества.

Здесь необходимо отметить еще одну очень важную сторону предлагаемой методической разработки. Для того чтобы по окончании обучения у учащихся не возникло неприязни к представителям одной или нескольких национальностей, которые в силу исторической си-

туации оказалась основным «орудием» проведения Холокоста, важно показать что национализм и антисемитизм – пороки нашедшие прибежище среди самых разных народов. Поэтому нельзя говорить о немцах Адольфе Гитлере (1894-1945) или Йозефе Геббельсе (1897-1945) и при этом не сказать ни слова о итальянце Бенито Муссолини (1883-1945), румыне Корнелиу Зеля Кодряну (1899-1938), испанце Хосе Антонио Примо де Ривере (1903-1936). Представляется важным упомянуть о Новом шведском национал-социалистическом союзе, Швейцарском Национальном фронте, фашистских партиях Дании, Бельгии, Франции, Нидерландов и многих других стран. Эти данные покажут, каким долгим и трудным оказывается путь к толерантности даже в самых демократических странах. Студенты должны получить представление о широте распространения националистических тенденций в 30-х годах XX столетия, причем не только на европейском континенте. Именно при таком – не локальном – подходе к исследованию причин Холокоста молодым людям станет понятно, почему нацистам удалось реализовать огромную часть своих замыслов, а большая часть мирового сообщества либо не противодействовала им, либо содействовала.

Следующий крупный модуль курса – это изучение юридических или псевдо-юридических основ Холокоста. Ведь вопрос, который, вне всяких сомнений, возникнет у студента – где документы, подтверждающие реальность существования нацистской расовой политики. Это говорит о том, что необходимо ознакомить учащихся с официальными документами III Рейха по «еврейскому вопросу». Речь здесь должна идти об истории так называемых антиеврейских законов, принятых после прихода к власти в Германии нацистов и, конечно, о результатах и последствиях этих юридических актов. Современные технологии дают для этого великолепные возможности. Достаточно открыть интернет – и студенты могут получить доступ к большинству документов, найти которые в печатных изданиях, затруднительно. Кроме того, многочисленные переводы этих документов как на русский, так и на многие другие языки существенно облегчают знакомство с ними². Наконец, документы Нюрнбергского процесса – это тоже необходимый источник³. Кроме того, исследования всех указанных выше документов – сложнейшая работа, в которой студентам могут помочь исследования в этой области⁴.

В качестве практического занятия целесообразно предложить под-

робное знакомство с теми самыми печально знаменитыми «нюрнбергскими законами». Внимательное чтение «Закона о гражданстве рейха» и «Закон о защите немецкой крови и немецкой чести» от 15 сентября 1935 года⁵ может оказаться интереснейшим опытом как в изучении истории, так и в углублении знаний по русскому языку. Ознакомившись с этими документами на русском языке, иностранные студенты существенно расширят свой лексический запас. Кроме того, такая работа должна стать отправной точкой для интереснейшей дискуссии как студентов между собой, так и с преподавателем. Вообще, следует отметить, что курс или спецкурс, по истории Холокоста чрезвычайно полезен не только для повышения общеинтеллектуального уровня иностранных студентов, но и существенно углубляет их знание русского языка. Совершенно очевидно, что объем лексики, связанной с изучением Холокоста – это широчайшие возможности для его усвоения.

С методической точки зрения интересной представляется возможность самостоятельной работы студентов по поиску и обнаружению возможных смысловых параллелей между «нюрнбергскими законами» и законодательными документами тех стран, откуда приехал учащийся. Такой вид деятельности может оказаться полезен сразу в нескольких аспектах. Во-первых, это способствует более тщательному и скрупулезному изучению исторических фактов, а во вторых студент знакомится с русскоязычной юридической лексикой. Последнее представляется особенно полезным, поскольку достаточно большое количество учеников собирается продолжать обучение на юридическом факультете, а также на факультете международных отношений в России. Таким образом, профессиональный лексический запас учащихся может пополниться необходимыми в будущем терминами. Наконец, третья причина для таких «сравнений» – это попытка не дать студентам изучать историю Холокоста отстранено, с традиционной для нашего времени мыслью: «это было давно, это никак не коснулось и никогда не коснется меня лично». Все должны осознать, что проблема Холокоста касается каждого, независимо от его национальности, вероисповедания, географического проживания или же политических взглядов. И, вполне вероятно, найдя в истории законодательства своей страны «националистические штрихи», студент почувствует и собственную ответственность за то чтобы печальные страницы истории больше не повторялись.

Следующий этап предлагаемого курса – рассказ о всех тех катего-

риях людей, которые преследовались в нацистской Германии. Как показывает опыт, молодые люди, оказавшиеся в иноязычной среде, приехавшие даже на небольшой период в другую страну, чувствуют себя, в какой-то мере, чужими среди основной массы местного населения. Таким образом, с этой точки зрения, их впечатления несколько созвучны чувствам жертв Холокоста. Основная задача педагога в данном случае состоит не только в том, чтобы дать определенный объем знаний, но и в том, чтобы вызвать соответствующий гражданский отклик. Ведь интерес и хорошее усвоение программы приходят «в сопровождении» эмоциональной реакции. Именно поэтому после изучения общей информацией по теме, наилучшим представляется предлагать к исследованию источники. Причем в данном контексте важны не столько юридические документы или статистические данные, сколько источники, несущие отпечаток пережитого: воспоминания и дневниковые записи жертв Холокоста и их палачей, фрагменты кинохроники и фотографии. Ведь история холокоста настолько страшна и непостижима нормальным человеческим разумом, что большинству молодых людей все это может показаться очень страшной сказкой.

Четвертый, и вероятно самый обширный, раздел данного спецкурса – история нацистских концентрационных лагерей. Кроме общих статистических сведений необходимо показать, какой стройной и упорядоченной была лагерная система нацистов, а также насколько широкой оказалась география распространения этого феномена. Чтобы добиться лучшего усвоения материала важно выбрать несколько лагерей для более детального знакомства с ними учащихся. Представляется, что такими темами для исследования могли бы стать: «Аушвиц» (Auschwitz) – лагерь смерти, где смертоносный конвейер был разработан наиболее детально, «Бухенвальд» (Buchenwald) – один из крупнейших лагерей, где проводилось огромное количество медицинских экспериментов на людях, «Терезин» (Theresienstadt) – «образцовый» лагерь, в котором несмотря на сложность существования, голод и постоянную опасность, интеллектуальная жизнь продолжала достаточно активно функционировать, «Заксенхаузен» (Sachsenhausen), одной из основных «специализаций» которого были гомосексуалисты.

Заключительный раздел курса должен быть посвящен «Праведникам народов мира». Одна из наших основных задач – чтобы у студентов не возникло ожесточения и неприязни к тем или иным

странам. Именно поэтому закончить историю Холокоста необходимо рассказом о тех мужественных и сильных людях, которые в годы Катастрофы, независимо от своей национальности или религии, помогали преследуемым, прятали их и спасали ценой собственной жизни. Почетное звание «Праведники народов мира» должно превратиться для студентов из абстрактного и довольно пространного понятия сначала – в историю реальных людей, которые противопоставили собственное представление о гуманизме равнодушию большинства своих соплеменников, а впоследствии – пример этих людей и приведет наших учеников к глубокому истинному пониманию значения слова «толерантность».

Таким представляется общая смысловая направленность курса, посвященного истории Холокоста. Конечно, его можно некоторым образом трансформировать, в зависимости от лингвистической подготовки студентов-иностранцев или же их профессиональной ориентации. Но сам подобный курс необходим и крайне важен, поскольку только помогая новым поколениям помнить о причинах Холокоста и его жертвах, мы можем надеяться, что человечество избежит подобных исторических катаклизмов в будущем.

(Endnotes)

- 1 Здесь представляется правильным адресовать студентов к фундаментальному исследованию Леона Полякова: Léon Poliakov. *Histoire de l'antisémitisme*, t. I – IV, Paris, 1955-1977. Эта работа переведена на многие языки, в том числе и на русский язык: Леон Поляков. История антисемитизма. В 2-х книгах: кн.1. Эпоха веры. Кн.2. Эпоха знаний. М./Иерусалим, Gesharim, 1997. 1086 с.
- 2 <http://www.1000dokumente.de/> Очень удобный сайт, публикующий документы по русской и немецкой истории. Здесь учащиеся найдут и большинство законов III Рейха по «еврейскому вопросу».
- 3 Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. Т.1, 1951. 605 с.; Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. Т.2, 1952. 831 с. Ознакомиться с англоязычной, значительно более полной, чем советская, публикацией документов (42 тома) учащиеся могут здесь: http://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/NT_major-war-criminals.html

- 4 Hilberg R. The destruction of the European Jews. Revised and definitive edition. New York-London, 1985, 3 vols, 1274 p.
- 5 Erste Verordnung zum Reichsbürgergesetz vom 14. November 1935 (источник на немецком): <http://www.fasena.de/courage/archiv/19351114a>; перевод на русский язык: http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0007_nue&object=translation&st=&l=ru -.

Maria Gulakova

Senior lecturer of the St. Petersburg
Institute for Jewish Studies.

Мария Гулакова

Доцент Санкт-Петербургского
Института Иудаики

“THE PECULIARITIES OF TEACHING THE HISTORY OF HOLOCAUST”

«ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ХОЛОКОСТА»

*«материалы собраны благодаря программе Центра «Сэфер» по поддержке исследований в области иудаики (грант Genesis Philanthropy Group)»

В своем докладе я буду говорить, об особенностях преподавания этого предмета на территории РФ, в частности в г. Санкт-Петербурге. Сразу приведу пример – в таком ВУЗе, как Петербургский Институт Иудаики эту тему не преподают. С одной стороны – это сложности с поиском подходящего преподавателя, выделение ставки и прочие бюрократические препятствия, с другой – это совершенно парадоксально для ВУЗа с таким профилем.

На мой взгляд, курс по данному предмету в России должен быть разработан по Европейскому образцу, принимая во внимание современные тенденции в гуманитарной науке. Благодаря документам, которые находятся в открытом доступе в Германии и работе музея Яд Вашем, в котором уже существуют оформленные курсы, у нас есть

хорошая теоретическая база, содержащая сведенные и проанализированные данные по распространению Холокоста, количестве жертв и общей истории вопроса¹.

На данный момент составлено множество учебных пособий по истории Катастрофы, ежегодно проводятся конференции и семинары по их совершенствованию. Международное сообщество ищет новые пути адаптации данной проблемы в современных реалиях. Несомненно, каждый такой курс должен разрабатываться исходя из того, на территории, какой страны он будет прочитан. Одним из разработчиков данной темы в Санкт-Петербурге является – В. Столов², который в первую очередь ориентируется на подростков из старших классов, так же организуя для них внеаудиторные занятия. Студенты Вузов же, в первую, очередь могут рассчитывать на такие занятия, например, поездки на территории бывших концлагерей, только благодаря иностранным грантам, так как российские научные гранты не могут в полной мере покрыть расходы на такие мероприятия.

В гуманитарной науке все шире приобретает внимание тема – культурной памяти. На мой взгляд, в данный курс необходимо внести исследования связанные с историей осознания катастрофы. Я предлагаю начинать изучение вопроса с сегодняшнего дня и двигаться в обратном хронологическом порядке. Важно показать, какова была реакция мирового сообщества, каким образом трагедия, унесшая миллионы жизней, долгое время замалчивалась.

Мы должны познакомить студентов с основными исследователями занимающимися «памятью» в целом, такими как, Ян Ассман, Алейда Ассман, Морис Хальбвакс, Поль Рикер, Юрий Лотман.

Исследователь М. Хальбвакс объявил коллектив субъектом памяти и воспоминания и создал понятия «групповая память» и «память нации». Исходя из этих терминов, мы можем объяснить, как формируется восприятие Холокоста на той или иной территории. Память является функцией вовлеченности личности в разнообразные социальные группы, начиная с семьи и кончая религиозной и национальной общностью. С отнесенностью к группе тесно связан еще один признак коллективной памяти – ее воссоздающий характер³. Таким образом, мы можем с самого начала объяснить студентам, почему именно такая форма курса выбрана для них, как для жителей РФ.

Историки считают, что культурная память не распространяется сама собою в отличие от коммуникативной, а нуждается для этого

в специальной заботе. Возникает контроль над распространением, который, с одной стороны, обязывает к участию, с другой стороны, отказывает в праве на участие. Культурная память всегда окружена более или менее строго охраняемыми границами. Студенты могут сами оценить, как каждый из них может влиять на данные границы и распространение памяти о Холокосте.

Если молодых людей в начале курса интегрировать в данный вопрос, взывая к их памяти, попросить продемонстрировать те знания, которые у них уже есть, возможно, благодаря семейной истории, а не осаждать их сразу обильным объемом информации о количестве жертв и подробностях насильственного характера, мы могли бы добиться привлечения внимания к данной теме, а не отвержения от нее или испуга, как это происходит достаточно часто.

С чего же следует начать? Мне кажется, важно, сразу оговориться, как начинала формироваться память о катастрофе в самой Германии, она начиналась, с осмысления прошлого. В ГДР и ФРГ стали происходить: денацификация, юридическое преследование, освящение в СМИ. Важно отметить, что денацификацию не приравнивали к перевоспитанию!

Понадобилось более 20 лет, для того, что бы началось осознание на высшем государственном уровне. В 1970 году происходит знаковое событие для Германии, Вилли Брандт 7 декабря 1970 года, будучи канцлером ФРГ, преклонил колени перед монументом жертвам нацизма в Варшавском гетто. Признавая вину нацистского режима, с которым он собственно боролся. Происходит признание вины, признание геноцида.

Мы должны упомянуть о реакции молодежи, о появлении «движения 68-х» – конфликте поколений, процессе против пожилых преподавателей. Помня, что в 1963-1965 гг. Фриц Бауэр начинает процесс по делу Освенцима.

Обязательно стоит донести до учащихся, что начавшаяся дискуссия не касалась в первую очередь жертв, обсуждения шли о том, как случилось, что к власти пришли фашисты в 1933 году.

Немаловажно, осветить вопрос культурной памяти в принципе на территории Восточной Европы, обозначив знаковые события на территориях ранее оккупированных с указанием основных мемориалов.

В итоге, на контрасте, мы можем демонстрировать, как конструировалась память на постсоветском пространстве и самое главное,

какие на наших глазах происходят изменения. Если говорить о Беларуси, России и Украине (до недавнего времени). Мы видим, что культура памяти до сих пор подпитывается от советской. Поэтому вначале следует сказать о ней. В первую очередь для советской памяти характерна память о Великой Отечественной Войне, а не Второй Мировой. Победа важнее, чем процесс (я, имею в виду, жертв не только фашистского режима, но и советского). Победа до сих пор мифологизирована и скрывает историю голодомора и Гулага. Долгое время умалчивались темы репрессий, коллаборация, оккупация. Формировавшаяся культура памяти имела цель – воспитать новых людей на основе мифа о памяти. Режим хотел показать националистическую войну. Выделять евреев в отдельную группу жертв было контрпродуктивно. Выразалось это и в школьном и в высшем образовании, массовая культура так же влияла на построение образов.

С уверенностью можно сказать, что для России и Беларуси все осталось по-прежнему, по крайней мере, на официальном уровне. Но на примере последних нескольких лет, мы видим, как меняется ситуация в Украине. Происходит отказ от советской памяти и плавный переход к памяти примирения – Европейской модели. За последние годы возросло количество мемориалов, которые оформляются, как и самостоятельно государством, так и в сотрудничестве с Германией. Так же существует масса научных проектов связанных с изучением истории. Все активнее начинают обсуждаться ранее табуированные темы, например такие как, Голодомор. И самое главное на официальном уровне – открываются архивы и у исследователей появляется, возможно, изучать исторические документы.

Официальная политика в РФ в отношении истории Второй Мировой Войны кардинально до сих пор не изменилась. По-прежнему не проводится глобальной десталинизации в стране. В изучении истории остаются табуированные темы, такие как Гулаг и голодомор. Это бесспорно связано с тем, что до сих пор закрыты архивы. Поэтому мы должны рассказывать о частных инициативах, которые отчасти формируют сегодняшнюю культуру памяти, и из-за которых у нас происходит конфликт историй и конфликт поколений.

В первую очередь, я считаю необходимым сказать о Мемориале4. Один из проектов мемориала – «последний адрес»- это широкая общественная инициатива, имеющая своей целью увековечение памяти наших соотечественников, ставших жертвами политических

репрессий и государственного произвола в годы Советской власти. Результатом такой инициативы будет установка многих тысяч персональных мемориальных знаков единого образца на фасадах домов, адреса которых стали последними прижизненными адресами жертв этих репрессий.

На мой взгляд, для более наглядного преподавания истории, необходимо привлекать и студентов к такого рода проектам, данная практика на основе теории может стать решающей в осознании проблемы.

Преступления, совершенные в СССР против евреев должны стать обязательной частью образовательного курса. Это улучшит понимание учащихся о том, что Катастрофа происходила не только на чужой земле, но так же и на той, где они проживают. Наша задача, объяснить принципиальную разницу в том, что Германия уже признала свои ошибки прошлого и ведет активную работу по сохранению памяти об убитых, а России еще только предстоит пройти этот путь, и признать свои ошибки.

Я уверена, что процесс преподавания истории Холокоста в обратном хронологическом порядке сможет позволить студентам почувствовать те сложности, которые возникают у общественности с увековечиванием памяти и признанием ошибок.

О сегодняшнем дне мы должны говорить так же честно, как и о уже признанной катастрофе.^{5,6,7,8}

(Endnotes)

- 1 Сайт музея Яд Вашем http://www.yadvashem.org/yv/en/education/lesson_plans/index.asp
- 2 Сайт педагогического клуба «Новая еврейская школа», Педагогический альманах.
- 3 М. Хальбвакс. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина – М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- 4 Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество – неправительственная организация, основной задачей которой изначально было исследование политических репрессий в СССР. Сейчас это содружество десятков организаций в России, Германии, Казахстане, Латвии, Армении, Грузии и Украине, ведущих исследовательскую, правозащитную и просветительскую работу. Неформальная организация существовала с 1987 г. Официально с 1989 г.

- 5 Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
- 6 Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
- 7 Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.
- 8 Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / Пер. с англ. А.Говорунова. – СПб.: Фонд «Университет», «Русский остров», «Владимир Даль», 2004, 621 с.

Shelale Hasanova
Lecturer of Baku Slavic University

Шелале Гасанова
Доцент Бакинского Славянского
Университета

THE ARMENIAN GENOCIDE AS A FORERUNNER OF THE HOLOCAUST: THE WESTERN EXPERTS' VIEW ON THE ISSUE

АРМЯНСКИЙ ГЕНОЦИД КАК ПРЕДТЕЧА ХОЛОКОСТА: ВЗГЛЯД НА ВОПРОС ЗАПАДНЫХ ЭКСПЕРТОВ

Из глубины веков пришло к нам изречение: «Все течет, все изменяется». Но эта максима бессильна перед вселенскими трагедиями, которые независимо от хода времени неизменно стучат в сердца миллионов людей, напоминая о верховенстве принципов гуманизма и общечеловеческих ценностей. Время, отдаляющее нас от трагедии еврейского народа – Холокоста – не снижает амплитуду боли за миллионы загубленных жизнью людей, которые стали жертвой нацистской идеологии только потому, что они были евреями.

Умышленное, методичное истребление нации исключительно по этническому принципу, с целью ее полного уничтожения впервые в XX веке было учинено именно над еврейским народом.

Между тем более 70 лет, прошедших после этой трагедии, достаточно плотно обсуждается тема причинно-следственных связей

между «геноцидом армян» 1915г. и Холокостом евреев в годы Второй мировой войны. При этом обращает на себя внимание то, что в армянском истеблишменте имеет место брутальная оценка Холокоста евреев. Так, в год 100-летия так называемого «геноцида армян» **чрезвычайный и полномочный посол Армении в Ливане Арман Навасардян в интервью сайту www.diplomat.am** весьма цинично оценивает Холокост как «эгоцентристскую идеологию, философию национальной уникальности», тем самым приравнивая Холокост к национализму. И далее читаем: «Холокост – и внешнеполитическая и дипломатическая доминанта, направленная против антисемитизма на всех континентах. А посему о том, чтобы поставить знак равенства между Холокостом и геноцидом армян, не может быть и речи. Безусловно, за всем этим стоят политические, геостратегические и финансово-экономические дивиденды, которые Израиль получил и рассчитывает получить – и не только от наследников осуществившей Холокост фашистской Германии». Не обвинение ли это Израиля в политической спекуляции Холокостом?

Армянская сторона, эмоционально окрашивая свои инициативы лозунгами пацифизма, неизменно ставит вопрос о параллелях между «геноцидом армян» и Холокостом, тем самым намереваясь подчинить мировую общественность своей концепции о том, что армянский геноцид является де предтечей Холокоста. При этом совершенно очевидно, что за пацифистскими лозунгами тщательно скрывается цель получить репарации от Турции, добившись подписания документа, подобного **Соглашению о репарациях между Германией и Израилем**, вступившему в силу 27 марта 1953 года.

Вопреки армянской пропаганде смеем утверждать, что первым в истории геноцидом, в рамках определения Рафаеля Лемке, является именно Холокост. Обосновывая данный тезис, апеллируем к мнению профессора Массачусетского университета **Гюнтера Леви**: «Первоначальное определение было дано ООН после принятия «Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него». В целом, оно является авторитетным и подразумевает преднамеренное уничтожение определенной группы, полностью или частично, по религиозным, этническим или расовым причинам. Если применить это определение в данном контексте (геноцида армян – Ш.Г.), я не думаю, что то, что произошло в то время, можно считать геноцидом. Не думаю, что было намерение истребить армянский на-

род. Скорее, было намерение переселить его или нейтрализовать как «пятую колонну».

В спорных вопросах целесообразно привлекать больше исследовательских материалов, дабы создать фактологическую базу для защиты или опровержения тех или иных доводов. С этой точки зрения нелишне принять во внимание **материалы исследований Белого дома в период президентства Рональда Рейгана**. Его советник по правовым вопросам **Брюс Фейн**, опираясь на результаты исследований, неустанно утверждает, что армяне истребили два миллиона османских турок, а потери самих армян в тот период составили около 500 тысяч человек. К этому добавим, что, **Йозеф Корбейдж** из Национального института демографических исследований Франции, ссылаясь на американских ученых, тщательно изучивших архивы в 1980-х годах, констатирует, что «согласно официальной переписи, было выселено 703 тыс. армян, при этом более 300 тыс. армян погибли, встав на сторону русских».

Можно апеллировать и к другим источникам, среди которых истиной в последней инстанции, как правило, является наука. В 2013г. на российском государственном канале «Культура» в одном из выпусков популярного тележурнала «Власть факта» президент Института стран Азии и Африки, видный специалист по Османской истории профессор **Михаил Мейер** категорично заявил: «Тему геноцида хотела разыграть Антанта. Они эту тему разыграли очень сильно, что повинны мусульмане и невинны армяне-христиане. Хотя на самом деле там было побоище с обеих сторон. Всего-то было полтора миллиона армян. Поскольку какая-то часть сохранилась, нельзя говорить, что было полтора миллиона жертв геноцида. Многие умерли от голода, болезней». Дело в том, что в Первую мировую войну Османская империя наряду с государствами сложившегося в 1904 - 1907 гг. Тройственного Союза – Германией, Австро-Венгрией и Италией – выступила против Антанты – Англии, Франции, России и их союзников в лице США. С этого времени османов начали обвинять в преднамеренной политике истребления армянского меньшинства.

В армянской трактовке данного вопроса доминирует несуществующая гитлеровская цитата, согласно которой следуют утверждения, что якобы первый в истории «геноцид армян» для нацистов стал основой расистской политики массового истребления евреев. На этой доминанте основываются призывы к еврейской общественно-

сти поддерживать армянский народ в признании «геноцида армян».

В связи с этим следует отметить, что американский ученый, профессор Принстонского университета *Хит Лоури* доказал, что в истории не существует экстраполированной армянским лобби цитаты Гитлера. В своей работе «Цитата Гитлера и Нюрнбергский процесс» Х. Лоури пишет: «На самом деле ни один документ, содержащий якобы сказанную Гитлером фразу об армянах, не был представлен или принят в качестве доказательства в ходе Нюрнбергского процесса. Ни стенограмма первых минут выступления Гитлера 22 августа 1939 г. (обнаруженная в архивах командующего Верховным главнокомандованием Вооруженных сил во Фленсбурге), ни подробные записи этих его речей, сделанные адмиралом Германом Бемом, ни заметки в дневнике Халдера не содержат ничего, хоть чем-то напоминающего эту мнимую цитату.

Короче говоря, вопреки утверждениям Ричарда Аванесяна и множества других армянских представителей, стенографические записи Нюрнбергского процесса (благодаря сохранности документов ЮС-29 (398-ПС), ЮС-30 (1014-ПС) и записи адмирала Бема (подкрепленные некоторыми выдержками из дневника генерала Халдера) ни в коей мере не устанавливают существование пресловутой фразы Гитлера. Напротив, воссозданные подлинные тексты двух выступлений Гитлера в Оберзальцберге ясно указывают на отсутствие там этого высказывания. Утверждение о том, что Гитлер упоминал армян в каком бы то ни было контексте, таким образом, не имеет под собой ни малейших оснований».

Поскольку исследование любого серьезного вопроса предполагает методологический подход, следует искать базовые основы и схожести для проведения параллелей между «геноцидом армян» и Холокостом. Известно, что исторические и психологические корни Холокоста уходят в антисемитизм, т.е. национальную нетерпимость, враждебное отношение к евреям как этнической группе.

Что касается армянской общины, проживавшей в Османской империи, то они занимали высокие государственные посты, играли заметную роль в торговле и экономике страны, отличались материальным достатком, имели свободу вероисповедания, выпускали газеты, открывали армянские школы и др. А далее, начиная с 1914 г, Османское государство столкнулось с предательством армян. Факты доказывают, что в годы Первой мировой войны правительство

младотурков было вынуждено депортировать армян с приграничных территорий, поскольку они, с помощью русских, подняли восстание с целью создать Армянское государство на турецкой территории

Следует отметить, что в 1914-1915 гг. после начала депортации армянского населения с приграничных с Россией территорий, армяне, жившие в других частях Османского государства, не подвергались переселению. Если бы турки действительно намеревались полностью уничтожить армян, то никто не смог бы помешать им осуществить это в пределах их империи. Нацисты же целенаправленно истребляли евреев с намерением стереть с лица земли весь народ и благо, что проиграли войну и потеряли власть. Таким образом, **в отличие от евреев армяне были депортированы с целью сохранения их жизни а не уничтожения.**

Более того, адепты идеи «геноцида армян» нигде не упоминают о том, что **в конце августа 1915 года Талаат-паша отдал приказ о прекращении переселения армян в другие регионы** Османской империи. Около 400 000 человек из числа депортированных армян вернулись в свои дома сразу же после выселения, так и не доехав до места ссылки. Даже небезызвестный журналист Грант Динк говорил, что численность вернувшихся в родные очаги армян была около 300-350 тысяч.

Вот как описывает события тех лет профессор Калифорнийского университета **Стэнфорд Шоу**: «С началом российского вторжения в Восточную Анатолию в 1914 году на заре Первой мировой войны, армяне начали сотрудничать с врагами Османской Империи еще решительнее. Линии поставки были блокированы нападениями армянских партизан, армянские революционеры вооружили гражданское население, которые в свою очередь вырезали мусульманское население области Ван в ожидании прибытия русских оккупантов <...>. Ответ Османского правительства состоял в том, что был отдан приказ переселять армянский элемент, проживающий на пути продвижения русских и в других областях, где армяне могли бы повредить своими предательскими действиями».

Интересные детали представлены в скрупулезном исследовании специалиста по истории Османской империи, ученого из Бирмингемского университета **Эдварда Эриксона** «Штыки на Муса-даге: Османская противоповстанческая операция»: «В начале октября 1914 года Османская Третья армия получала сообщение об армянах, слу-

живших в русской армии и намеренных вернуться в Турцию с боевыми картами и деньгами. <...> Ситуация существенно ухудшилась, когда Россия объявила войну Турции в ноябре 1914 года. В течение ноября, декабря и января 1915 года участились террористические акты, в частности, взрывы, способствовавшие гибели мирных жителей и представителей местных властей Османской империи. <...> **Армянский патриархат в Константинополе передавал русским военные секреты и сведения о диспозиции».**

В целом ряде своих исследований ученый однозначно опровергает наветы в адрес младотурок, утверждая, что обвинения в геноциде не основываются на достоверных доказательствах, «и официальной политики этнического уничтожения армян не было».

Французский профессор **Тьерри Заркон** также подтверждает, что перемещение армянского населения из Восточной Анатолии в Месопотамию было предпринято с целью приостановить поддержку армянами вторжения русских и подавить партизанскую деятельность армянских банд на турецкой территории. Он также подчеркивает, что после взятия Эрзерума русскими в 1916 году армянские ополченцы совершали массовые убийства мусульманского населения.

Эти доводы подкрепляют как документы османского архива аппарата премьер-министра Турецкой Республики, так и наблюдения целого ряда представителей иностранных дипмиссий, публицистов, политиков, военных. Так, в самый разгар событий тех лет капитан английской армии, вице-консул Британии **Катберт Диксон-Джонсон** издал книгу «Армяне», которая дает возможность восстановить реалии 100 летней давности: «Эти рассказы о поголовном истреблении [армян], направленные против Турции, были составной частью политики английского правительства. В этой связи нет иного пути искупления вины, как честный рассказ о создании если и не полностью выдуманного, то в большей степени преувеличенного представления о страшных преступлениях против [армянской] нации, являвшейся долгие годы нашей союзницей и исповедующей религию, принятую миллионами наших подданных».

Обратимся к другим западным ученым. **Михаэль Гюнтер**, профессор по политическим наукам Технического университета Теннесси, называет имена армянских писателей, как Луиза Налбандян, Джеймс Мандалян и Армен Гаро, которые писали, что еще **в преддверии массовых убийств 1915 г. армяне открыто воевали против турок.**

С данным обстоятельством соглашаются и известные западные ученые, как Уильям **Лейнджер**, Арнольд Тойнби, **Уолтер Лакер**. **М. Гюнтер** ссылается на журналиста New York Times **Сабрину Тавернайс**, которая написала, что сокращение численности армян на 900 тысяч человек в Османской империи в 1915-17 гг. не означает, что все они погибли. Многие выжили, бежали и в конце концов обосновались в других странах. Ученый утверждает: **«Что касается документов, якобы подтверждающих факт официальной политики геноцида, то таковых просто нет.** Хотя есть бесчисленное множество описаний тяжелого положения армян, это не доказывает преднамеренность действий Османского правительства».

Элизабет-Энн Уил, ученый-историк из Кембриджского университета, в составленном ею «Словаре Первой мировой войны» зафиксировала такой факт: «Репрессии по отношению к армянам выражались в том, что несколько раз их попытки переворотов подавлялись правительством младотурок<... > **Турки начали разоружение армянских гражданских лиц после того, как 2500 повстанцев взяли Ван в апреле 1915 года и провозгласили временное правительство».**

Как можно проводить параллели между «геноцидом армян и Холокостом евреев, если, в отличие от событий 1915 года в Османской империи Холокост не был связан с антиправительственными вооруженными выступлениями еврейских группировок и массовой изменой Родине? Насилие применялось нацистским режимом в отношении ни в чем не повинных мирных евреев только из-за их этнической принадлежности.

В отличие от армян, евреи, подвергавшиеся гонениям, не получали какой-либо поддержки со стороны других государств. Если в Османской империи проявлялась забота о спасении армянского населения, проживавшего вдоль границ с Российской империей, и было организовано их переселение, то евреи не переселялись, а заталкивались в товарные вагоны и отправлялись в концентрационные лагеря на смерть.

О неприемлемости параллелей между «геноцидом армян» и Холокостом четкую позицию высказала писатель-публицист **Нехама-Сара Шварц** в статье «О слове «Polocaust» и еврейской катастрофе»: «Трагедию армян часто и нарочно приравнивают к Катастрофе. Приравнивают сами армяне, ненавидящие евреев<...>

В годы Первой мировой войны армяне, с помощью русских, под-

няли восстание на турецкой территории<...>, которую Россия, воевавшая с Турцией, стремилась от нее оторвать. Восстание было подавлено турецкими войсками с участием иррегулярных сил курдских кавалеристов под началом немецких офицеров. **И эту выдуманную параллель с тотальным уничтожением немцами еврейского народа притягивают за уши враги евреев. Любая страна в положении Турции подавила бы такое восстание... Однако они не стремились к полному уничтожению армян во всех странах мира.** Им позволили выехать, их депортировали в другие страны».

Эту же мысль подтверждает голландский ученый **Аренд Ян Боксстижн** в статье «Турция, мир и армянский вопрос»: «**«Между Холокостом и событиями 1915 года в Османской империи имеются существенные различия. Во-первых, евреи не сделали ничего плохого. Они просто столкнулись с вопиющим расизмом Гитлера, тогда как существует немало доказательств того, что армяне сотрудничали с русскими, а некоторые из них принимали участие в партизанской деятельности. Во-вторых, в гитлеровской Германии, власти знали, что нацисты делали с евреями. Большинство из провластных политиков решили поддержать политику истребления евреев. Между тем не все члены Османского правительства знали об использовании инструмента депортации, а когда это выяснилось, то они пытались наказать виновных.**

В-третьих, в Османской империи не было спланированного геноцида в том смысле, как это характеризуется термином «геноцид». Никаких доказательств того, что до 1914 года готовились планы по переселению армян, нет».

Профессор Еврейского университета в Иерусалиме **Ицхак Керем** обращает внимание на провокационные действия армянских экстремистов, указывая на следующее: «**Фактом вопиющего геноцида было то, что произошло в 1893-1895 годах. Экстремистские армянские группы шесть раз пытались свергнуть Османского султана <...> приравнивать события того периода к еврейскому Холокосту неверно».**

Все вышеперечисленное лишает аргументированных подпорок тезисы о том, что «геноцид армян» является предтечей Холокоста. В этом ряду самым сильным аргументом является решение Европейского суда по правам человека от 28 января 2015 г., который вынес решение в пользу лидера Рабочей партии Турции Догу Перинчека по делу «Перинчек против Швейцарии». ЕСПЧ счёл, что, в отличие

от Холокоста, армянский нарратив исторических событий тех далёких лет лишён не только вердикта международного трибунала как одного из условий констатации факта геноцида, но даже консенсуса в академической среде. Следовательно, «фактом» так называемый «геноцид армян» не является, или же является таковым только для тех, кто в него верит. А остальная часть человечества имеет право не только на противоположное мнение, но и на публичное выражение этого мнения в рамках общечеловеческого права на свободу слова.

Литература:

- Бозкестижн А. Турция, мир и армянский вопрос. Excerpted from Turkey, the World and the Armenian Question, Turkish Policy Quarterly, Winter 2005, Vol.4, No.4. Full Article
- Гасанова Ш. Вы свои, своих же в геноцид <http://haqqin.az/news/43829>, 24.04.2015
- Гюнтер М. The Politicizing of History and the Armenian Claims of Genocide, March 13, 2009, Letter to the Editor to New York Times
- Диксон-Джонсон К. Армяне (The Armenians, GEO TOULMIN & SONS, LTD. Northgate, Blackburn. 1916)
- Заркон Т. Турция. От Оттоманской империи до республики Ататюрка. Париж, 2005 La Turquie. De l'Empire Ottoman à la République d'Atatürk, Paris, Gallimard, 2005
- Керем И. http://nofalsify.com/sitat/1643_%D0%9A%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC-%D0%98%D1%86%D1%85%D0%B0%D0%BA-.html
- Корбейдж Й. Philippe Fargues, Youssef Courbage "Christians and Muslims under Islam", (1992)
- Леви Г. Было ли геноцидом массовое уничтожение армян в 1915 г. геноцидом? <http://www.voanews.com/russian/news/Armenia-Turkey-Genocide-2010-03-18-88512007.html> 18 марта 2010
- Лоури Х. Политическая информация и мнения, т. 3, № 2, 1985 г., Цитата Гитлера и Нюрнбергский процесс, с. 276- 277
- Мейер М. Михаил Мейер о геноциде армян в передаче «Власть факта. Турецкий марш <https://www.youtube.com/watch?v=mTapvhN7oSA>

- Навасардян А. Почему Израиль не признает геноцид армян? <http://www.diplomat.am/load/public/1/5-1-0-668>, 06.05.2015
- Уил, Э. Словарь Первой мировой войны (Pope, S. and Wheal, E. A. Dictionary of the First World War, Barnsley; S. Yorkshire: Pen & Sword Books, 2003)
- Фейн Б. Армянам придется извиниться за историческую ложь. http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/bryus_fejn_armyanam_pridetsya_izvinitnya_za_istoricheskuyu_lozh/
- Шварц Н.-С. О слове «Holocaust» и еврейской катастрофе <http://www.7kanal.com>
- Шоу С. История Османской империи и Современной Турции – в соавторстве с Эзель Курал Шоу Том 2 (History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. V.2 (2 volumes, Cambridge University Press, 1976-1977) (with Ezel Kural Shaw)
- Эриксон Э. Штыки на Муса-даге: Османская контрповстанческая операция. «Журнал стратегических исследований», вып. 28, №3, июнь, 2005, с. 529–548 (Bayonets on Musa Dagh: Ottoman Counterinsurgency Operations –1915. «The Journal of Strategic Studies», Vol. 28, No. 3, June 2005 p. 529–548)
- Ключевые слова: евреи, армяне, геноцид, Холокост, Османская империя, Турция, Израиль, Гитлер, Лемке

Olga Kartashova
Central European University

THE SOAP MYTH OF THE HOLOCAUST. THE OLD STORY AND THE NEW SPECULATIONS

199 Euros wanted an unknown seller on the Dutch eBay for the bar of soap “made from the fat of Jewish Holocaust victims”, reported The Daily Mail (UK) in March 2015. The auction was blocked but no official statement was made about the authenticity of the sale object.¹ Later same year The Telegraph (UK) published news about a great find in Poland – a few hundred pairs of shoes were found in a forest near the former Nazi concentration camp Stutthof. The publication informed the public about “brutal reputation” of the camp, which was “the site of Nazi experimentation into making soap from the fat of some of its thousands of victims.”² These are just two examples of the famous story about a soap, which was produced from Jews by Nazis during the War.

¹ Boyle, Darren. “Bar of soap ‘made from the fat of Jewish Holocaust victims’ is removed from eBay after Dutch owner put it up for sale.” Mail Online.

<http://www.dailymail.co.uk/news/article-2982639/Bar-soap-fat-Jewish-Holocaust-victims-removed-eBay-Dutch-owner-sale.html#ixzz4Avy8MZ00> (accessed December, 17 2015).

² Day, Matthew. “Hundreds of pairs of shoes of Nazi prisoners discovered in Polish forest.” telegraph.co.uk. <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/poland/11941125/Hundreds-of-pairs-of-shoes-of-Nazi-prisoners-discovered-in-Polish-forest.html> (accessed December, 17 2015).

Did the Nazis really make soap from the human corpses? One of the greatest myths of the Holocaust is still present in public opinion and is still the source of anxious discussions. I will provide sources of this story and its background. How has academic scholarship responded to the problematic nature of the myth and how is it has been used by the Holocaust deniers? I will provide an example how famous Polish writer contributed into myth creation. And finally, I will introduce the new investigation on the issue organized recently by the Polish Institute of National Remembrance and describe what reaction it inspired.

The rumour that the Germans were capable of producing soap from human corpses did not originate during the Holocaust. The story about German Corpse Factories was already popular during World War I. British propaganda claimed that the Germans were operating the factory to make use of human fat from battlefield corpses for the production of nitro-glycerine.³ During the Second World War, the story appeared in Auschwitz and other Nazi camps.⁴ Small bars of soap with the letters RIF were interpreted by many as “State Jewish Fat” (Reichs-Juden-Fett). RIF, in fact, meant “National Center for Industrial Fat Provisioning” (Reichsstelle für Industrielle Fettversorgung), the German government agency responsible for wartime production and distribution of soap and washing products.⁵

During 1943-44 Professor Rudolf Spanner, Director of the Anatomical Institute in the Danzig Medical Academy (nowadays Gdansk, Poland), regularly ordered human corpses from Danzig prison and from other places including Stutthof concentration camp.⁶ His laboratory assistant Sigmund Mazur and two British POWs, who worked in the Institute, testified at the Nuremberg Trials that apart from the preparation of skeletons for the Academy’s educational purposes, the professor ordered them to leave the human

³ For this problem see for example: Neander, Joachim. “The German Corpse Factory. The Master Hoax of British Propaganda in the First World War”, Saarland University Press, 2013, 79-85.

⁴ Douglas T. Frost affidavit, July 16, 1947. Nuremberg document NI-11692. Trials of the War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals (NMT “green series”; Washington, DC: 1949-1953), Vol. 8, 624.

⁵ Waxman, Zoë. *Writing the Holocaust: Identity, Testimony, Representation*. Oxford University Press 2006, 168.

⁶ The following information comes from Tighe, Carl. *Gdansk: National Identity in the Polish-German Borderlands*, Concord, MA: Pluto Press, 1990, 173-177. Cited from Shofar FTP Archive File, The Nizkor Project. <http://www.nizkor.org/ftp.cgi/camps/ftp.cgi?camps/stutthof/soap.07> (accessed March, 29 2016).

fat for later, to prepare a soap-like substance from it in a special laboratory.⁷ No evidence of the mass production of soap is known, but some experts agree that small experimental amounts of soap were indeed produced by professor Spanner.⁸

After the liberation of Gdansk by the Red Army, the Soviet and Polish commissions inspected the Anatomical Institute. In the laboratory, they found the corpses of 148 people, body parts, chemicals and a few pieces of what was thought to be soap.⁹ The Soviet report on the activities of professor Spanner and his laboratory was presented to the Nuremberg Trials in 1946. Along with it, the testimonies of Sigmund Mazur and the “recipe” of the soap found by the commission in the laboratory were used in the trial.

However, the investigation showed that even though a small amount of soap was produced from human fat, it was not done for commercial purposes; the Nazi authorities were not engaged in production, there was no known order to begin the experiments, and the crux of the problem was the respect for dead bodies of those executed for purposes other than soap production.¹⁰ German authorities twice investigated Rudolf Spanner—in Hamburg (1947) and in Flensburg (1947-48). The Ludwigsburg Central Authority for Investigation into Nazi Crimes closed the case because of a lack of evidence and thus he was not prosecuted. He spent the years after the War in Kiel, Germany and died in 1960¹¹

For many years after the War, the legend was used as an example of Nazi atrocities and became an integral part of the popular Holocaust narrative worldwide. Small bars of the soap with the RIF stamp from concentration camps, which were not connected to the Danzig institute and were proven

⁷ Nuremberg Trial Proceedings Vol. 7, sixty-second day, 19 February 1946, Morning Session via <http://avalon.law.yale.edu/imt/02-19-46.asp> (accessed March, 29 2016).

⁸ Neander, Joachim. “The Danzig soap case: facts and legends around ‘Professor Spanner’ and the Danzig Anatomic Institute 1944-1945.” *German Studies Review* no. 63 :1, 2006. 63-64.

⁹ Ibidem, 65-66.

¹⁰ Ibidem, 68-70.

¹¹ Ibidem, 79-80. And Drobnicki, John. *The Soap Allegations*. The Nizkor Project. Cited from Jewish virtual Library. <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Holocaust/soap01.html> (accessed March, 29 2016).

to not to have originated from human fat, were buried in Romania¹² and in Israel¹³. The general belief was that it was made from the human fat of victims killed by Nazis for this purpose.¹⁴ These burials created controversy and became targets for anti-Semitic hatred and Holocaust denial.¹⁵

The problematic character of the evidence resulted in the appearance of many reports and investigations by Holocaust revisionists. They tried to use these charges as a case to cast doubt on the whole Holocaust historiography. Popular scholars from the revisionist path like Mark Weber, Bradley R. Smith, Carlos Porter, Richard Harwood and Ditlieb Felderer, published numerous works and their arguments were questioned, for instance, by an article published in the Jewish Virtual Library.¹⁶ Most importantly, the article claims that the popularity of rumours does not make them the official views of authoritative institutions and scholars. However, the main idea of the revisionist path, that the soap story was not doubted for many years after the war and has begun to be criticized lately, has a point.

In 2006, *German Studies Review* published an article entitled “The Danzig soap case: facts and legends around ‘Professor Spanner’ and the Danzig Anatomic Institute 1944-1945”¹⁷ by an independent scholar from Kraków (Poland), Joachim Neander. This article is the most detailed from the very few contemporary research papers, which deal with the topic.¹⁸ Neander

¹² The monuments for the buried “Jewish soap” were erected for example on Jewish cemeteries in Satu Mare and Sighetu Marmatiei (Romania).

<http://www.jewishcommunity.ro/download/The+Jewish+Cemetery+of+Sathmar.pdf>. <http://www.leafpile.com/TravelLog/Romania/JewishTraces/JewishTraces.html> (accessed March, 29 2016).

¹³ Barkat, Amiram. “Yad Vashem: ‘Nazi Soap Stories Invention’”. *haaretz.com*. <http://www.haaretz.com/yad-vashem-nazi-soap-stories-invention-1.149937> (accessed March, 29 2016).

¹⁴ Yad Vashem Photo Archive: Romania, Postwar, The burial of soap collected by the Jewish community. <http://collections.yadvashem.org/photosarchive/en-us/30463.html> (accessed March, 29 2016).

And Galloway, Jim. “Bizarre burial prods Holocaust angst”. David Irving’s Website. <http://www.fpp.co.uk/Auschwitz/stories/soaptale3.html> (accessed March, 29 2016).

¹⁵ Drobnicki, John. *The Soap Allegations*.

¹⁶ *Ibidem*.

¹⁷ Neander, Joachim. *The Danzig soap case*.

¹⁸ For example: Shallcross, Bozena. *Holocaust Soap and the Story of Its Production*. In: *The Holocaust Object in Polish and Polish-Jewish Culture*, 55. Bloomington:

provides background on the soap story and critically analyses available sources. He highlights the biased nature of the Soviet investigation presented at the Nuremberg Tribunal. Many of his arguments are valuable to scholarship. For example, the fact that there were no Jewish corpses used in Spanner's Institute but mainly Polish and German non-Jewish. However, some of the arguments, like an attempt to analyse the "recipe" for the soap, seem to be far from a professional approach to chemistry. Neander does not cite any other secondary sources despite his own research and the web-based Nizkor project on the "soap issue".¹⁹ The fact that the majority of sources referring to the soap myth cites almost exclusively Neander, I claim that this topic needs further serious research.

There were many replies by authoritative scholars to the speculations on the "soap case". Among others prominent historian Yehuda Bauer suggests that "what the Nazis did is horrendous enough; we do not need to believe the additional horrors they thought about, but did not have time to realize."²⁰ Michael Berenbaum from the United States Holocaust Memorial Museum confirms: "I didn't find any evidence of it. I found evidence for everything else that the Nazis did and worse."²¹ Does that mean that the issue is resolved with the support of experts? Surprisingly, it does not.

As pointed out in the introduction to this paper the issue of the Soap Myth appeared recently in Poland. This problem goes back to the post-war years and it is connected to famous Polish writer Zofia Nałkowska who joined one of the post-war commissions. Her testimony is known from her essay "Professor Spanner" in the book *Medallions*, translated into many languages, which was an obligatory school reading for years in Poland.²² The essay is based on the eyewitness reports of the author herself and the materials of the Nuremberg tribunal. It is written in an unemotional, report-like style, describing the savage procedure and the contents of Spanner's laboratory, and it has a stunning effect on the reader.

Indiana University Press, 2011.

¹⁹ Drobnicki, John. "The Soap Allegations. Deceit & Misrepresentation. The Techniques of Holocaust Denial." The Nizkor Project. <http://www.nizkor.org/features/denial-of-science/index.html> (accessed March, 29 2016).

²⁰ Yehuda Bauer in a list to the Editor of the Jerusalem Post: *Jerusalem Post*, May 29, 1990. Cited from Drobnicki, John. *The Soap Allegations*. <http://www.jewish-virtuallibrary.org/jsource/Holocaust/soapapp.html> (accessed March, 29 2016).

²¹ Drobnicki, John. *The Soap Allegations*.

²² Nałkowska, Zofia. *Medaliony*. Czytelnik: Warszawa, 1963.

The story suggests a large-scale practice. Nałkowska gives a number of 350 corpses found, a doubled amount from the one given in the real report, and many kilograms of fat and “soap”, which is a serious exaggeration. In my opinion, she was following the tendency of the communist propaganda to create a terrifying picture of Nazi atrocities and also the inner necessity of a writer to give a shocking piece of post-trauma literature. In Polish public opinion, Nałkowska’s story is the true report of Nazi crimes but not necessarily a story about the Holocaust. For instance, one of the main “character” in her description is the headless body of the man with a tattoo in Polish saying “God is with us”.²³ Her cross-national narrative supports the competitive nature of Polish perception of the Holocaust. There have been attempts to marginalize the Holocaust in Poland, and this is used nowadays to achieve the political aims.

During 2002-2006, the Institute of National Memory in Gdansk (IPN)²⁴ conducted a new investigation on the soap case.²⁵ Professor Andrzej Stołyhwo was the only expert who undertook the issue, which even the FBI laboratories in the USA refused to perform because of the lack of technologies. Published in 2006, the results provoked a wave of media speculations: “Soap from human fat is a historical truth!”²⁶ From the expertise of the sample taken from the Spanner’s laboratory and stored at Nuremberg archives, it was proven that it contains human fat and only a trace amount of kaolin – a substance which could be added to make it usable for cleaning

²³ Shallcross, Bozena. “Holocaust Soap and the Story of Its Production.” *The Holocaust Object in Polish and Polish-Jewish Culture*, 55. Bloomington: Indiana University Press, 2011, 161-162.

²⁴ Institute of National Remembrance (IPN) is Polish research institute with lustration prerogatives and prosecution powers formed on the basis of the Commission for the Investigation of Crimes against the Polish Nation, the name of which clearly points to the main focus of the institution. It was already blamed for politicizing the history and perfectly reflects the recent tendencies in Polish government.

²⁵ Schulz, Maciej. “Działalność prof. Rudolfa Marii Spannera w świetle wyników śledztwa Oddziałowej Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu w Gdańsku.” ipn.gov.pl. <http://ipn.gov.pl/aktualnosci/2006/centrala/dzialalnosc-prof.-rudolfa-marii-spannera-w-swietle-wynikow-sledztwa-oddzialowej>. (accessed March, 29 2016).

²⁶ „Mydło z tłuszczu ludzkiego to prawda historyczna” PAP – Nauka w Polsce. <http://naukawpolsce.pap.pl/aktualnosci/news,25511,mydlo-z-tluszczu-ludzkiego-to-prawda-historyczna.html> (accessed March, 29 2016).

purposes and it is the only evidence that the substance was produced as a “soap”.²⁷ The case was remitted, but the scandalized story attracted the attention worldwide.²⁸

IPN reactivated the investigation after some publications blaming Zofia Nalkowska for creating a fake Professor Spanner’s story for the communist propaganda. They set out to defend the legendary Polish writer, but as a result, they defended a popular delusion. Although the results were far from sensational, IPN with the help of mainstream Polish media succeeded in creating the impression that the case was clearly proven: “IPN prosecutors are convinced – the soap was from the people”.²⁹ In this way, consciously or not, Polish Institute for National Remembrance provoked further popularization of the soap myth far beyond the Polish border.

Polish investigation did not add anything new to the previous perspective, but the sensitive attention of Polish society to Second World War crimes feeds the popularity of Holocaust myths. The popular misconceptions affected even important institutions like the Auschwitz-Birkenau Museum, which published on the official website the results of IPN’s work without any additional comment.³⁰ Was it an inclination to fire up the sensation or the Institute was motivated by other kinds of political objectives? The term “historical policy” established in the Polish discourse in 2004, when several intellectuals issued a call to develop and vigorously carry out patriotic tendencies in historiography, which also became the banner of

²⁷ „Zakończono śledztwo w głośnej sprawie profesora Spannera”. wiadomosci24.pl http://www.wiadomosci24.pl/artykul/zakonczono_sledztwo_w_glosnej_sprawie_profesora_spannera_8420.html (accessed March, 29 2016).

²⁸ Interestingly, the based on the IPN investigation first Polish scientific publication on Rudolf Spanner appeared in Gdansk in 2010. The book’s title *Professor Rudolf Spanner 1895-1960. Researcher in the Third Reich*. The authors dr Monika Tomkiewicz (historian, works in vertical investigators Gdansk IPN) and dr Peter Semków (formerly the employee IPN, now a lecturer at the Naval Academy in Gdynia) refute the thesis that the Medical Institute was a secret factory of soap made from human fat.

²⁹ Media digest published on IPN website: ipn.gov.pl. <http://ipn.gov.pl/wydzial-prasowy/media-o-ipn/przeglad-mediow-2004-2013/przeglad-mediow-6-pazdziernika-2006-r>. (accessed March, 29 2016).

³⁰ “Human Fat Was Used to Produce Soap in Gdansk during the War”. auschwitz.org. <http://auschwitz.org/en/museum/news/human-fat-was-used-to-produce-soap-in-gdansk-during-the-war,55.html> (accessed March, 29 2016).

aggressive-instrumental approach to the past. In Poland, as in many other post-communist countries, the past has become primarily a weapon of struggle on the domestic and the foreign policy front.³¹ The irresponsible position of Polish researchers and the media chase for the loud headlines can cost research extra years of struggling with the overthrow of the harmful myth.

One of the rare examples of efficient use of the myth for educational purposes is the play titled *The Soap Myth*, by Jeff Cohen from 2009.³² This provocative and sophisticated play reflects on the thin line between survivors' memories and historical objectivity. It highlights something that is not included in a critical approach to the evidence and Holocaust denial: the emotions of survivors and those who empathize, the need to believe in an absolute evil, and need to trust the testimonies and retain the beliefs, which were functioning in the society for many years and were important for remembering the Catastrophe as cruel as it was.

Bibliography and Internet sources:

“Human Fat Was Used to Produce Soap in Gdansk during the War”. auschwitz.org. <http://auschwitz.org/en/museum/news/human-fat-was-used-to-produce-soap-in-gdansk-during-the-war,55.html> (accessed March, 29 2016).

„Mydło z tłuszczu ludzkiego to prawda historyczna” PAP – Nauka w Polsce. <http://naukawpolsce.pap.pl/aktualnosci/news,25511,mydlo-z-tluszczu-ludzkiego-to-prawda-historyczna.html> (accessed March, 29 2016).

„Zakończono śledztwo w głośniejszej sprawie profesora Spannera”. wiadomosci24.pl. http://www.wiadomosci24.pl/artykul/zakonczono_sledztwo_w_glosnej_sprawie_profesora_spannera_8420.html (accessed March, 29 2016).

Barkat, Amiram. “Yad Vashem: 'Nazi Soap Stories Invention’”. haaretz.com. <http://www.haaretz.com/yad-vashem-nazi-soap-stories-invention-1.149937> (accessed March, 29 2016).

³¹ Miller, Aleksey. “Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти.” (The politics of memory in post-communist Europe and its impact on European culture of memory) *Internet-journal Gefter*, gefter.ru. <http://gefter.ru/archive/18391> (accessed April, 29, 2016).

³² The Soap Myth Trailer. youtube.com. <https://www.youtube.com/watch?v=1T3cBguUxmE>. (accessed March, 29 2016).

Boyle, Darren. "Bar of soap 'made from the fat of Jewish Holocaust victims' is removed from eBay after Dutch owner put it up for sale." Mail Online. <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2982639/Bar-soap-fat-Jewish-Holocaust-victims-removed-eBay-Dutch-owner-sale.html#ixzz4Avy8MZ00> (accessed December, 17 2015).

Day, Matthew. "Hundreds of pairs of shoes of Nazi prisoners discovered in Polish forest." telegraph.co.uk. <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/poland/11941125/Hundreds-of-pairs-of-shoes-of-Nazi-prisoners-discovered-in-Polish-forest.html> (accessed December, 17 2015).

Douglas T. Frost affidavit, July 16, 1947. Nuremberg document NI-11692. Trials of the War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals (NMT "green series"; Washington, DC: 1949-1953), Vol. 8, 624.

Drobnicki, John. "The Soap Allegations. Deceit & Misrepresentation. The Techniques of Holocaust Denial." The Nizkor Project. <http://www.nizkor.org/features/denial-of-science/index.html> (accessed March, 29 2016).

<http://www.leafpile.com/TravelLog/Romania/JewishTraces/JewishTraces.html> (accessed March, 29 2016).

Huzau, Alexander C. "The Jewish Cemetary of Sathmar" <http://www.jewishcommunity.ro/download/The+Jewish+Cemetery+of+Sathmar.pdf>. (accessed March, 29 2016).

Galloway, Jim. "Bizarre burial prods Holocaust angst". David Irving's Website. <http://www.fpp.co.uk/Auschwitz/stories/soaptale3.html> (accessed March, 29 2016).

Lebow, Richard Ned. Wulf Kansteiner, and Claudio Fogu. *The politics of memory in postwar Europe*. Durham: Duke University Press, 2006.

Media digest published on IPN website: ipn.gov.pl. <http://ipn.gov.pl/wydzial-prasowy/media-o-ipn/przegląd-mediów-2004-2013/przegląd-mediów-6-pazdziernika-2006-r>. (accessed March, 29 2016).

Miller, Aleksey. "Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти." (The politics of memory in post-communist Europe and its impact on European culture of memory) *Internet-journal Gefter*, gefter.ru. <http://gefter.ru/archive/18391> (accessed April, 29, 2016).

Nałkowska, Zofia. *Medaliony*. Czytelnik: Warszawa, 1963.

Neander, Joachim. "The Danzig soap case: facts and legends around 'Professor Spanner' and the Danzig Anatomic Institute 1944-1945." *German Studies Review* no. 1: 63, 2006.

Neander, Joachim. "The German Corpse Factory. The Master Hoax of British Propaganda in the First World War", Saarland University Press, 2013

Nuremberg Trial Proceedings Vol. 7, sixty-second day, 19 February 1946, Morning Session via <http://avalon.law.yale.edu/imt/02-19-46.asp> (accessed March, 29 2016).

Schulz, Maciej. "Działalność prof. Rudolfa Marii Spannera w świetle wyników śledztwa Oddziałowej Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu w Gdańsku." ipn.gov.pl. <http://ipn.gov.pl/aktualnosci/2006/centrala/dzialalnosc-prof.-rudolfa-marii-spannera-w-swietle-wynikow-sledztwa-oddzialowej>. (accessed March, 29 2016).

Shallcross, Bozena. *Holocaust Soap and the Story of Its Production*. In *The Holocaust Object in Polish and Polish-Jewish Culture*, 55. Bloomington: Indiana University Press, 2011.

Steinlauf, Michael C. *Bondage to the Dead: Poland and the Memory of the Holocaust*. Syracuse University Press, 1997.

Tighe, Carl. *Gdansk: National Identity in the Polish-German Borderlands*, Concord, MA: Pluto Press, 1990, 173-177. Cited from Shofar FTP Archive File, The Nizkor Project. <http://www.nizkor.org/ftp.cgi/camps/ftp.cgi?camps/stutthof/soap.07> (accessed March, 29 2016).

Waxman, Zoë. *Writing The Holocaust*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Yad Vashem Photo Archive: Romania, Postwar, The burial of soap collected by the Jewish community. <http://collections.yadvashem.org/photosarchive/en-us/30463.html> (accessed March, 29 2016).

Dr. Mikhail Kizilov

Centre for Ethnocultural Studies

Михаил Кизилов

Центр Этнокультурных Исследований

THE ROLE OF THE LOCAL COLLABORATORS IN THE MASS MURDER OF THE SOVIET CITIZENS IN SIMFEROPOL IN 1941-1944

РОЛЬ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ В УНИЧТОЖЕНИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН НА 10-м КИЛОМЕТРЕ ВОЗЛЕ СИМФЕРОПОЛЯ (1941-1944 гг.)¹

*Арестованные чувствовали, что их привезли на расстрел,
но никто из них не предпринимал попыток к бегству.*

Возможно они видели нас добровольцев и боялись нас.

Из показаний свидетеля Я. Гафарова²

¹ Автор выражает благодарность за помощь, оказанную в работе над данной статьей Б. Румшицкому (Симферополь), А. Ангрику (Берлин) и В. Альтскану (Вашингтон). Спешу также выразить отдельную благодарность Мемориальному музею Холокоста в Вашингтоне (=USHMM) за поддержку моих исследований в архиве музея осенью 2014-весной 2015 гг. A special words of thanks goes to the United States Holocaust Memorial Museum for the support accorded to the author of these lines during his fellowship at the museum in Fall 2014 – Spring 2015.

² USHMM RG 31.018, roll 45: 82-83. Здесь и далее в статье сохранена оригинальная пунктуация источников.

Противотанковый ров на 10-м километре шоссе Симферополь-Феодосия, где в период с декабря 1941 по апрель 1944 г. приняли мученическую смерть около 15-16 тысяч крымских евреев и представителей других национальностей, является одной из наиболее трагических страниц т.н. «расстрельного Холокоста» на территории бывшего СССР. Именно там была уничтожена значительная часть крымчакской общины³ полуострова. Ров на 10-м километре был также одним из первых в Европе мест массового уничтожения цыган⁴. Несмотря на то, что истории этого места казни гражданского населения и военнопленных посвящено значительное количество исследований⁵, отдельные аспекты этой проблематики до сих пор остались не освещенными. В данной статье анализируется роль местных коллаборационистов в расстрелах советских граждан на 10-м километре. Источником для ее написания стали ранее неисследованные архивные документы. В уже опубликованных источниках об участии коллаборационистов в расстрелах на 10-м километре практически ничего не говорится; нет информации на эту тему и в существующей в настоящий момент научно-исследовательской литературе⁶.

Уничтожение симферопольских евреев, крымчаков и цыган проходило по максимально быстрой и упрощенной схеме. В европейской практике «решения еврейского вопроса» нацисты обычно создавали еврейские общинные структуры, проводили регистрацию, сгоняли евреев в гетто и только потом начинали их планомерное уничтожение. В Симферополе же, под предлогом недостатка в провианте и в жилищном фонде для немецкой армии, уничтожение евреев проводилось в максимально сжатые сроки, без создания гетто. 6-го декабря 1941 года на городских стенах были развешены приказы об обязательной

³ Крымчаки – крымские тюркоязычные еврей-раввинисты. Подробнее о них см. *Кизилов М.* Крымская Иудея. Симферополь, 2011. С. 173-242, 299-300, 306.

⁴ Напр. *Vunescu I.* Roma in Europe. Dorchester, 2014. P. 15.

⁵ Последним словом в истории изучения этого памятника в истории Холокоста является монументальный сборник: Ров / Ред. И.Легкодух, Н. Дрёмова. Симферополь, 2016 (в печати). См. также *Angrick A.* Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941-1943. Hamburg, 2003. S. 338-343.

⁶ Напр. *Романько О.В.* Добровольческие формирования из граждан СССР в германской армии на территории Крыма (1944–1941). Этапы создания и деятельности // Культура народов Причерноморья. 5 № .1998. С. 290-286.

явке в специально обозначенные места сбора для крымчаков; какое-то время спустя о необходимости явки в места сбора оповестили евреев и цыган. Явка распространялась на всех членов семей, включая женщин, детей и стариков. С собой они должны были иметь самые необходимые вещи и питание на 4 дня⁷. 7-го декабря весь город был охвачен паническими слухами; с 9-го декабря начались массовые расстрелы. Доподлинно известно, что расстрелы на 10-м километре продолжались как минимум до 13(14?)⁸ декабря, с наиболее массовыми акциями 11-12 декабря. Впрочем, многие свидетели говорили о том, что машины возили людей на расстрелы более длительный период, в течение 9-10 дней или даже двух недель⁹. Задача проведения уничтожения была возложена на немецкую айнзатцгруппу «Д», а точнее на зондеркоманды 11б, 11а и 10б, а также на подразделения батальона полевой жандармерии №683, тайной полевой полиции №647 и вспомогательного полицейского батальона №3¹⁰.

В качестве вспомогательных сил во время расстрелов могли также привлекаться и перебежчики из местного населения. Х. Лашкевич в своем дневнике еще 6.11.1941 г. отметил массовое вовлечение крымских национальных меньшинств в сотрудничество с оккупационными властями: «татары откровенно торжествуют, евреи ноют, русские в полной прострации, караимы, армяне, болгары толпами идут в услужение немцам»¹¹. Другие источники сообщают, что пытавшихся скрыться от регистрации и сбора евреев отлавливали специальные отряды, как правило, под руководством местных коллаборационни-

⁷ Передайте детям нашим о нашей судьбе...: Сборник документов, дневников и воспоминаний / Ред.-сост. Л.П. Кравцова, М.И. Тяглый. Симферополь, 2001. С. 63.

⁸ Х. Лашкевич писал в дневнике, что 14.12.1941 г. он лично видел ехавшие через город на большой скорости крытые грузовики с евреями и слышал доносившиеся оттуда страшные крики (Передайте детям нашим... С. 68-69). Таким образом, можно сделать вывод, что расстрелы продолжались и после 13.12.1941.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (=ГАРФ), ф. 7021, оп. 9, д. 194, л. 151-152).

¹⁰ Именно так о составе карательных единиц писал авторитетный немецкий исследователь А. Ангрик (*Angrick. Besatzungspolitik... S. 340-341*).

¹¹ Сокращенный вариант дневника Лашкевича был опубликован в сборнике Передайте детям нашим... Полный вариант см. <dnevnik-okkupacii.narod.ru/lashkevich-dnevnik.html>

стов. К примеру, уроженец Евпатории А.В. Пашков, ставший полицейским, в декабре 1941 г. участвовал в выявлении и поимке 4-5 евреев, проживавших по ул. Чернышевского; при этом у него на руках был список евреев, проживавших в введенном ему районе. Кроме него, в этой акции участвовал полицейский по фамилии Сапожников¹². После казни, оставшееся в домах имущество расстрелянных изымалось и поступало в распоряжение немецкого командования. Вышеупомянутый Пашков, по его собственному свидетельству, самолично вывез имущество из трех еврейских квартир и передал его во второе отделение симферопольской полиции¹³.

Х. Лашкевич сообщил, что во время расстрелов 9-12 декабря 1941 г. на место казни евреев, крымчаков и цыган доставляли грузовики и omnibusы, водителями которых было местное население¹⁴. Скорее всего, эти водители также были к тому моменту завербованы в состав вспомогательной городской полиции. Кроме того, по сведениям Лашкевича, в расстреле евреев (т.е. именно в расстреле, а не только в охране и доставке на место казни) приняли также и татарские добровольцы; русские пленные, по его словам «категорически отказались исполнять приказ немцев – расстреливать евреев»¹⁵.

Участие коллаборационистов не было исчерпано только лишь вышеуказанной акцией. Е. Гопштейн сообщал, что начиная с 13 декабря (т.е. сразу после того, как город опустел вследствие массовой ликвидации еврейского и крымчакского населения) «русская, так называемая вспомогательная полиция обходит в городе дома, проверяет у населения паспорта и предупреждает всех, чтобы не прятали евреев»¹⁶. В конце декабря 1941 г. место сбора евреев – здание пединститута по ул. Студенческой – снова было полностью забито советскими гражданами. По словам Лашкевича, в это время татарские добровольцы активно принимали участие в избиениях и расстрелах заключенных: «были там и выловленные евреи, и пойманные «грабители» (грабеж, конечно, по понятиям немцев), и преданные доносами партийцы. Женщины и старики жались около гестапо с узелками еды, немцы

¹² USHMM RG 31.018, roll 77: 471, 531, 599.

¹³ USHMM RG 31.018, roll 77: 472.

¹⁴ <dnvniki-okkupacii.narod.ru/lashkevich-dnevnik.html>.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Дневник Е. Гопштейна // Е. Е. Gopshtein Papers, Hoover Institution Archives, Stanford University, Box 1, Folder 8, fol. 503.

гнали этих людей, а татары-часовые били их и даже стреляли в них, чему я и бывал свидетелем. Население жаловалось на зверства татар больше, чем на немцев»¹⁷.

Казни на 10-м километре продолжались и после декабря 1941 г. но в меньших масштабах. В отчете №153 от 9 января 1942 г. командование айнзатцгруппы «Д» сообщило об окончательном «решении» не только еврейского, но и крымчакского и цыганского вопросов¹⁸. Несмотря на то, что подавляющее число расстрелянных были евреями-ашкеназами и крымчаками, в общей могиле на 10-м километре покоятся также останки и других этносов. Так, тогда же, в декабре 1941 г. там было расстреляно ок. 800-1000 цыган. Кроме того, в 1942-1943 гг. там также уничтожались коммунисты, партизаны и военнопленные, которые могли быть представлены людьми самых разных национальностей, проживавшими в Советском Союзе и призванными в армию. Работница совхоза №1 Н.Д. Батраченко, бывшая невольным свидетелем расстрелов, сообщила следствию о том, что «расстрелы происходили все время, но не в таком массовом масштабе как в декабре 1941 года»¹⁹. Весной 1942 г. в противотанковом рву из автоматов было расстреляно 80 моряков-краснофлотовцев, привезенных туда на двух грузовиках²⁰. Кроме того, по данным музея Яд Вашем, в мае-июле 1942 г. в ров были сброшены тела удушенных в душегубках коммунистов и партизан, детей от смешанных браков и еврейских ремесленников²¹. К сожалению, источники не предоставляют дополнительной информации о том, какую роль играли добровольческие формирования в этих казнях, однако, можно предположить, что они также принимали в них участие, преимущественно в качестве охранников (хотя, возможно, и в качестве непосредственных исполнителей казней тоже).

В августе 1942 г. Крым покинули штаб и подразделения айнзатцгруппы «Д» полуостров; после этого карательная деятельность на полуострове стала осуществляться стационарным аппаратом полиции безопасности и СД (службой безопасности; полное немецкое

¹⁷ <dnevnik-okkupacii.narod.ru/lashkevich-dnevnik.html>.

¹⁸ Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Washington, 1949-1953. Vol. IV: Nuernberg, October 1946-April 1949. P. 424-425.

¹⁹ ГАРФ ф. 7021, оп. 9, д. 194, л. 159.

²⁰ ГАРФ ф. 7021, оп. 9, д. 194, л. 159, 161.

²¹ <www.yadvashem.org/untoldstories/database/murderSite.asp?site_id=821>.

название Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS) Крыма и Таврии²². Как следствие, в период между августом 1942 и апрелем 1944 г. немецкое командование стало доверять местным коллаборационистам выполнение более ответственных карательных заданий. Архивные следственные источники сохранили подробнейшее описание одного из расстрелов на 10-м километре, в котором принимали участие добровольцы. По показаниям Р. Ситшаева, в декабре 1943 г. группа добровольцев-коллаборационистов из охранной роты Симферопольского СД (сам Р. Ситшаев, С. Мухтаров, Р. Асанов, А. Умеров, А. Саттаров, Ю. Кудусов, М. Тевфигов, А. Белялов, Я. Гафаров, Кадыров и др., всего около 10 человек) была доставлена к воротам тюрьмы немецкой СД по улице Студенческая 12. Старшиной роты был Айдер Беляев, командиром немец Штеккан; в его отсутствие командиром роты называли Зекирю Арабского²³.

Из показаний Куртмемета Юсупова известно, что данная добровольческая рота «состояла преимущественно из татар»; в ней было около 100 добровольцев²⁴. Из здания тюрьмы пленных выводил комендант тюрьмы по фамилии Лукин²⁵. Под руководством Лукина, Артура Вольфа и Мамеда Мамутова добровольцы погрузили в две машины пленных и доставили их на место расстрела у 10-го километра. В задачи добровольцев главным образом входила охрана узников; расстрелами занимался командир взвода добровольцев СД М. Мамутов, а также переводчик А. Вольф и присутствовавшие при казни немецкие офицеры. Для расстрела использовались пистолеты²⁶. По словам Ситшаева, «арестованные были измученные, некоторые едва двигались. Руки их были связаны проволокой»²⁷. Добровольцы с карабинами в руках стояли в оцеплении вокруг места расстрела; в их задачи входило: «не допустить

²² Тяглый М. Холокост в Симферополе <www.simfion.ru/books/mihailtagliy/index.htm>.

²³ USHMM RG 31.018, roll 45: 99, 1037.

²⁴ USHMM RG 31.018, roll 46: 290.

²⁵ USHMM RG 31.018, roll 45: 999.

²⁶ По одним свидетельствам, Лукин, как комендант тюрьмы, также лично отводил пленных к месту расстрела, но сам приговор в исполнение не приводил (USHMM RG 31.018, roll 45: 1013-1014). В своих более поздних показаниях Ситшаев заявил, что ошибся, и Лукина на месте расстрела не было (USHMM RG 31.018, roll 45: 45-1031). Другие обвиняемые также не упоминали о присутствии Лукина на месте казни.

²⁷ USHMM RG 31.018, roll 46: 282.

к месту расстрела никого из посторонних лиц, предотвратить побег со стороны заключенных»²⁸. Относительно состава приговоренных к расстрелу, показания свидетелей расходятся: одни утверждали, что среди арестованных не было женщин, только мужчины; другие говорили, что там были «мужчины и женщины разных возрастов»²⁹. В тот день было расстреляно около 20-30 человек³⁰; трупы казненных были закопаны самими добровольцами³¹.

Если говорить об этническом составе коллаборационистов, как видно из следственных документов, подавляющее большинство из тех, кто принимали участие в арестах и уничтожении советских граждан на 10-м километре, были представителями крымскотатарской общины. Тем не менее, среди них были также и русские и «фольксдойче». Из других документов мы знаем, что в составе добровольческой роты, принимавшей участие в расстрелах мирных жителей Симферополя, были и другие национальности (армяне, греки, украинцы и др.).

Из следственных дел известно, что подобные расстрелы с использованием добровольческих формирований проводились в период с 1943 по 1944 достаточно регулярно. Помимо 10-го километра, казни проходили и в других районах Симферополя (в районе концлагеря в совхозе «Красный», в Дубках, т.н. «Собачьей балке» возле Петровской балки, концлагере «картофельный городок», в отдельных ямах и капонирах и т.д.). Один из обвиняемых коллаборационистов заявил: «Вообще же расстрелы арестованных в «СД» проводились систематически, примерно раз в неделю. Каждый раз на расстрелы выезжали добровольцы, в обязанности которых входила охрана места расстрела и предотвращение попыток арестованных к бегству. Обычно выезжало по 3-4 добровольца на каждой машине»³².

Личности изменников Родины, сотрудничавших с нацистами в организации и расстрелах советских граждан на 10-м километре, выявлялись в течение многих процессов послевоенного времени, последний из которых, по нашим сведениям, состоялся в 1976-1977 гг. Так,

²⁸ USHMM RG 31.018, roll 45: 1039.

²⁹ USHMM RG 31.018, roll 45: 1040.

³⁰ По показаниям Мухтарова, в каждую машину было погружено до 15 человек (там же, roll 45: 1015). Один обвиняемый указал, что в одной машине было 16 человек, а в другой – 12.

³¹ USHMM RG 31.018, roll 46: 152; ср. там же, roll 46: 150, 151, 413; 45: 998.

³² USHMM RG 31.018, roll 45: 79.

А.В. Пашков, арестовывавший евреев в декабре 1941 г., для последующей отправки на расстрел, за это и многие другие преступления в 1947 г. был приговорен к высшей мере наказания, позднее замененной на 25 лет заключения в ИТЛ³³. А. Вольф и М. Мамутов, расстреливавшие военнопленных на 10-м километре в декабре 1943 г., были приговорены к высшей мере наказания в 1977 г. Во время следствия Мамутов всячески пытался отвести от себя обвинения в том, что он самолично расстреливал заключенных на 10-м километре, однако, перекрестные показания продемонстрировали ложность его утверждений³⁴. Многие другие изменники Родины, перешедшие в добровольческие немецкие формирования, отбыли значительные сроки (до 25 лет) в местах лишения свободы³⁵. Некоторым из коллаборационистов, тем не менее, удалось скрыться и избежать наказания.

Подводя итоги, отметим, что крымские жители разных национальностей стали переходить на сторону оккупационных войск практически сразу после первых неудач Красной Армии и захвата полуострова осенью 1941 г. Добровольцы-перебежчики приняли участие в истреблении мирного населения и военнопленных в Симферополе, начиная с первых массовых расстрелов декабря 1941 г. В этот период, продолжавшийся до августа 1942 г. (т.е. до отъезда карательной немецкой айнзатцгруппы «Д»), коллаборационисты принимали участие преимущественно в качестве вспомогательных сил: для поимки и регистрации евреев, доставки их на место казни, сопровождения по маршруту следования, охраны и т.п. Тем не менее, уже тогда, по сведениям Х. Лашкевича, отдельные добровольцы из числа крымских татар избивали и даже расстреливали мирных граждан. После отъезда айнзатцгруппы «Д» и вплоть до освобождения Крыма весной 1944 г. коллаборационисты стали принимать еще более активное участие в расстрелах, в том числе и на 10-м километре. Источники сохранили нам подробное описание одной из таких акций, состоявшейся в декабре 1943 г., в ходе которой было уничтожено ок. 20-30 заключенных симферопольской тюрьмы «СД». Добровольцы принимали участие в этой акции, от вывода приговоренных с территории тюрьмы и конвоирования их к месту расстрела на 10-м километре – и до участия в расстреле в качестве охранников и непосредственных исполнителей.

³³ USHMM 31.018, roll 77: 599.

³⁴ USHMM RG 31.018, roll 45: 1001.

³⁵ USHMM RG 31.018, roll 46: 424.

Подробный анализ участия коллаборационистов в уничтожении мирного населения Крыма в 1941-1944 гг. – задача наших будущих исследований.

Приложение: Описание расстрела на 10-м километре шоссе Симферополь-Феодосия (декабрь 1943 г.) со слов добровольца Я. Гафарова³⁶.

Я обратил внимание на людей, которые находились в кузове. Там были мужчины и женщины. Всего я насчитал их 16 человек. Все они или сидели на полу, или лежали. Одеты они были в грязную рваную одежду. У некоторых ноги были обмотаны тряпками... Руки у всех арестованных были не связаны³⁷. В процессе пути я спросил у одной молодой девушки, за что она попала в «СД». Она ответила, что она еврейка. Когда я спросил у второго мужчины, за что он попал в «СД», он просто ответил, что он с леса. Я понял, что он партизан и каким-то образом попал в плен к немцам... Мы ехали по городу вниз и проехали через реку Салгыр, выехали за город на Феодосийское шоссе...

Арестованные чувствовали, что их привезли на расстрел, но никто из них не предпринимал попыток к бегству. Возможно они видели нас добровольцев и боялись нас. Многие из них были очень слабые, они еле двигались и были безучастны к происходящему. Некоторые арестованные сами спрыгивали с машины и Вольф брал их и вел к месту расстрела. На месте расстрела стоял немец, у которого был протез руки. Во второй руке он держал пистолет и когда Вольф подводил к нему арестованного, то немец выстрелом в затылок расстреливал его. Труп падал в ров. Вольф так же держал оружие готовым к стрельбе. Я лично видел, что он подводил арестованных к яме, передавал его немцу и тот расстреливал его.

Наблюдал я эту жуткую картину недолго... Вольф же продолжал подходить к кузову и отводить к месту расстрела обреченных. Когда он возвращался обратно, то я видел его, он так же держал оружие в руке. Когда же он отходил к месту расстрела, то за машиной я его уже не видел... Таким образом были расстреляны все 16 арестованных, которые находились у нас на машине.

³⁶ USHMM RG 31.018, roll 45: 82-83.

³⁷ Это противоречит указаниям других свидетелей, сообщавших о том, что руки приговоренных были связаны алюминиевой проволокой.

Вольф так же должен был стрелять их, так как держал пистолет на изготовке к стрельбе и находился вместе с немцем у места расстрела.

Одновременно с первой машины арестованных выводил Мамутов Мемед. Там он делал то же самое, что и Вольф у нашей машины, Я отчетливо видел задний борт первой машины и видел, что Мамутов держал в руках пистолет и выводил арестованных с машины к месту расстрела. Там же находился и второй немец, который так же принимал у Мамутова обреченных и выстрелом в затылок расстреливал их. Мне с моего места в просвете между машинами хорошо было видно второго немца и Мамутова. Они расстреливали арестованных у рва напротив своей машины. Я видел как Мамутов брал арестованного и вел к месту расстрела. Там его брал немец и выстрелом в затылок убивал, а труп падал в ров. Мамутов при мне так же стрелял арестованных. Он подводил их ко рву и лично стрелял в затылок со своего пистолета.

Выстрелы звучали часто и поэтому я определяю, что за нашей машиной стрелял арестованных не только немец, но и Вольф, как это делал Мамутов. Как я уже показал, в один из моментов, я отклонился от машины в сторону и увидел, что Вольф передал арестованного немцу и тот выстрелом в затылок убил его. Сам же Вольф в тот момент стоял рядом. Когда же я стоял за машиной, то не мог видеть и Мамутова и Вольфа, мне был виден только Мамутов и второй немец.

Оба они были видны в тот момент, когда брали арестованных из машин. Там я видел, что они были с пистолетами в руках и под конвоем вели обреченных ко рву. Таким образом были расстреляны все арестованные, находившиеся на двух машинах. Когда все мы возвратились в расположение «СД», то кто-то спросил меня, где стреляли и я ответил, что на Феодосийском шоссе.

Mikhail Kizilov

The Role of the Local Collaborators in the Mass Murder of the Soviet Citizens on the 10th Kilometer near Simferopol (the Crimea) in 1941-1944

(Summary)

The German administration murdered civilian population of the Crimean peninsula from December 1941 to April 1944. The paper is dedicated to the role of the Nazi collaborators in the mass murder of Soviet citizens in

Simferopol, then the capital of the Crimean Autonomous Socialist Republic. I specifically analyze the role of the collaborators in the mass executions of the Soviet civilians on the 10th kilometer of the Simferopol-Theodosia highway. This site was witness to the most brutal executions which took place from 1941 to 1944; the number of the persons killed there is estimated at 15.000 to 16.000 souls. The collaborators took active part in the arrests, incarceration and execution of the Crimean civilians and prisoners of war. In the early period of executions (1941) the shooting of victims was done largely by SS men and members of *Sonderkommandos*; at this period collaborators normally were not allowed to do shootings and took part mostly in preliminary work (gathering civilians in places of registration, confiscation of their property, seizure of those who tried to escape and suchlike). Subsequently, however, in the period from 1943 to 1944 collaborators also took part in mass murders and themselves killed civilians. The paper is based largely on the hitherto unknown unpublished materials from the Crimean archives.

Dr. Boris Kovalev
professor of “Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University” lead
researcher of Saint Petersburg
Institute of History of the RAS

Ковалев Борис Николаевич
Доктор исторических наук,
профессор Новгородского
государственного университета
им. Ярослава Мудрого,
ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского института
истории РАН

HOLOCAUST AND COLLABORATION: WHY NEIGHBORS BECAME MURDERERS?

ПОЧЕМУ СОСЕДИ СТАНОВИЛИСЬ ПРЕДАТЕЛЯМИ И УБИЙЦАМИ: ХОЛОКОСТ И КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ

Никакая армия, действующая в качестве оккупантов какой-либо страны, не может обойтись без сотрудничества с властями и населением этой страны. Без такого сотрудничества оккупационная система не может быть полностью дееспособной. В донесении командира оперативной группы А бригаденфюрера СС Штальекера о деятельности группы в прифронтовой зоне Северо-Западной России и прибалтийских республиках говорилось: «Мы с самого начала стремились к привлечению надежного населения к борьбе против вредителей, в первую очередь, евреев и коммунистов»¹.

В условиях Второй мировой войны практически все поработанные гитлеровцами народы становились жертвами нацистского оккупационного режима. При этом, у еврейского населения почти не оставалось шанса на спасение. И в этом можно обвинять не только самих немцев, но и местных жителей: соседей, земляков, коллег. Таким образом, геноцид против евреев нацисты могли осуществлять лишь при содействии

или хотя бы при сочувственном отношении к этим акциям со стороны местного населения. Причин этого преступного сотрудничества было несколько.

1. Активная нацистская пропаганда

Лицам иных национальностей постоянно внушалась мысль о том, что евреи являются абсолютным злом, что они паразиты на теле других народов, что они на протяжении последних десятилетий унижали и порабощали простого человека.

Следует отметить, что антисемитская пропаганда проводилась самыми разнообразными способами: письменными (через книги,

газеты, журналы и листовки), визуальными (плакаты и рисунки), посредством демонстрации художественных и документальных фильмов, театральных постановок, радиопередач, устных бесед.

Весь этот пропагандистский продукт должен был вызывать самые различные эмоции: от брезгливого смеха и неприязни, до страха, ужаса и омерзения. (*иллюстрация 1*)

Зачастую среди гитлеровских лозунгов и призывов, прославляющих нацистскую Германию, ее армию и фюрера, проклинающих Сталина и коммунистов, появлялись строки о смой страшной угрозе для всего прогрессивного человечества: «жидо-большевизме», о том, что «жиды – ваши и наши враги», о том, что «Германия хочет уничтожить врага всего человечества – жидовский большевизм»²

Следовательно, не было ни одного направления в идеологическом воздействии на жителей поработенных стран, оказавшихся под немецкой оккупацией, в котором бы не присутствовали антисемитские сюжеты.

Основная задача этой политики заключалась в том, чтобы доказать: у немцев и русских есть общий враг – евреи. Перспек-

тива «возрождения» как России, так и русского народа, других народов, связывалась лишь с победой Германии в этой войне³.

Самым известным и наиболее одиозным образцом печатной пропаганды начального периода войны, адресованного солдатам Красной армии и мирному населению, являлась листовка с лозунгом: «Бей жида-политрука, рожа просит кирпича!».

Она была отпечатана в сентябре 1941 г. тиражом 160 млн. экземпляров, и широко распространялась по всему советско-германскому фронту с помощью различных средств доставки (главным образом, путем применения агитационных авиабомб и артиллерийских агитационных снарядов)⁴.

Для людей, более образованных предлагалась брошюра «Русские писатели о жидях». Она начиналась отрывком из «Скупого рыцаря» Александра Пушкина, где ростовщик-еврей предлагает молодому рыцарю убить своего отца. Весьма активно цитировались антисемитские высказывания Федора Достоевского. На языках народов СССР вышли печально известные «Протоколы Сионских мудрецов» (*иллюстрация 2*)

Один из пропагандистских лозунгов 1941 года, обращенных нацистами и к населению занятых областей России, гласил следующее: «Жида – это наше несчастье!».

Еврейскую нацию обвиняли в том, что:

- 1) эта война была развязана по её инициативе;
- 2) она является нацией-паразитом, живущей за счёт других;
- 3) евреи, захватив власть в России, создали советскую тюрьму народов.

Вывод из всего этого однозначно делался следующий: «Конец жидам – это будет конец войне»⁵.

В Псковской газете «За Родину» в течение всех лет оккупации существовала рубрика «Беседы с Домной Евстигнеевной», где носителем исконной народной мудрости выступала деревенская богобоязнен-

ная старушка. Из номера в номер в ее уста коллаборационистскими журналистами вкладывались следующие мысли: «Потерял народ наш разум, когда жидовских вшей себе за шиворот пустил. Вот они его и объели. Ну, да война выучит, жидовскую храбрость мы знаем. Немец ему в печенку въелся, вот он русский народ и гонит на убой за свои жидовские интересы»⁶.

КАГАНОВИЧ

Он знаком с одним уклоном,
Тот уклон сшибает с ног;
У него с однополом
Конкурирует чеснок.

Окружив себя кагалам,
Рассажив жидов евде,
Держит под своим началом
Даже Сталина в узде.

Сталин представлялся простой марионеткой в руках мирового еврейства. Следовательно, все его преступления объяснялись требованием мирового Сиона по уничтожению русского народа. В листовке «24 года» звучал миф о единстве большевиков и плутократов: «Жида систематически маскируют свою власть. В России они действуют под оболочкой коммунизма, в Англии, Америке и т.д. они ярые капиталисты». Кроме того, ниже утверждалось, что власть в СССР находится «в руках Кагановичей, Финкельштейнов и пр. Сталин женат на дочери Кагановича – Сталин лишь куколка в руках своего зятя Мовши Кагановича!»⁷

(иллюстрация 3)

Во всех преступлениях Сталина обвинялись исключительно евреи. Главный редактор орловской газеты «Речь» Михаил Окταν в своей брошюре «Евреи и большевики», которая была выпущена ко дню рождения Адольфа Гитлера 20 апреля 1942 года, утверждал, что «так называемое ГПУ–НКВД на самом деле является марионеткой в руках мировой закулисы – еврейского заговора, цель которого – порабощение народов Европы»⁸.

На протяжении всей войны нацисты критиковали союз СССР с Великобританией и США. Одним из утверждений гитлеровской пропаганды было то, что эта война для русского народа является войной за чужие интересы. Газетные «лозунги дня» регулярно провозглаша-

ли, что «англо-американские плутократы и жидовствующие капиталисты – это злейшие враги всех трудящихся!»⁹.

Подобная тематика открыто эксплуатировалась в листовке, на лицевой стороне которой было изображено карикатурное ухмыляющееся семитское лицо, поверх которого был напечатан следующий текст: «1000 000 рублей золотом за покупку земли в Палестине для еврейских переселенцев пожертвовало советское правительство, в связи с воззванием английского правительства к народу. Чек на эту сумму передал советский посол в Лондоне, Гусев, премьер министру Великобритании Черчиллю»¹⁰ (иллюстрация 4)

Антисемитская пропаганда велась на все возрастные категории населения, включая маленьких детей. Ее основной тезис сводился к тому, что евреи самые главные враги малышей. Так в сентябре 1942 года в Орле открылся кукольный театр. Германское командование оказало содействие в деле организации этого театра. Но в репертуаре для детей дошкольного и младшего школьного возраста появились такие произведения, как «Толстый жиденок» (злой еврейский мальчишка обижает русских детей, немецкий солдат наказывает наглеца)¹¹.

Если у ребенка не было возможности пойти в театр или в

РУССКАЯ АЗБУКА

(Составил Ваня Жумов)

Абрамчикам пришел карут —
Абрамчики в Сибирь бегут.
Берни кровью каждый день мовтся,
Бандит от народного гнева не скрется.
Волгу увидел германский боец:
Власти большевистской близок конец.
Гул оружий жидам не по нраву...
Германской армии поем мы славу.
Движется история, мечт на всех параз —
Делу большевистскому, несомненно, крих.
Ели, березы, сосны, осины
Еврейскую ждут на себя образину.
Жизнь перделывать взялись мы заново,
Жить стало легче без жидовья поганого.
Землю крестьянам Гитлер отдал,
Злится на это жидовский нагал.
Истинный враг русского народа
Иудо-большевистская порода.
Каланин, Каганович — шайна одна,
Каждый из них ответит сеолна.
(Продолжение следует)

кино ему предлагалось выучить стихи соответствующего содержания (*иллюстрация 5*), или просто посмеяться над комиксом (*иллюстрация 6*). Нельзя забывать о том, что когда взрослые люди руководствуются разумом, то дети, зачастую чувствами.

Министерство пропаганды III Рейха и его руководство с особым пиететом относились к кинематографу как к новой и весьма действенной форме

активной пропаганды. Особое место в кинопрокате занимали антисемитские фильмы. Дублированные версии кинокартин «Вечный жид» («Der Eweige Jude») и «Еврей Зюсс» («Jud Zuss») показывались в кинотеатрах на протяжении нескольких месяцев. На страницах газет «Речь» и «Новый путь» помещались хвалебные рецензии. Отделы просвещения настоятельно рекомендовали всем учащимся посмотреть эти фильмы и написать по этому поводу сочинение.

«Вечный жид» подавался зрителям как документальный фильм о роли евреев в мировой истории. Евреи изображались в нем как паразиты, существа, похожие на крыс, неопрятные, грязные, помешавшиеся на деньгах; лица, которым чужды все высшие духовные ценности; совратители мира. Сцены ритуальных убийств животных в кошерном стиле усиливали до гротеска впечатление от садизма еврейской «религии»¹².

Фильм не завершался прямыми призывами к уничтожению евреев, но его смысл был достаточно ясен: единственный путь к спасению мира лежит через ликвидацию евреев.

«Еврей Зюсс» (на оккупированной территории России он показывался под названием «Жид Зюсс») являлся одним из самых дорогих по затратам на его производство фильмом III Рейха. Исторический сюжет, изображавший жизнь Вюртенбергского герцогства в начале XVIII века, был круто замешан на антисемитизме. Вывод фильма был

очевиден для всех зрителей: евреи – паразиты на теле общества, и их следует уничтожить.

Нацистские оккупационные службы использовали Православную Церковь для проповедования идеи шовинизма и антисемитизма. Так, протоиерей Смоленского собора Шиловский в серии радиопередач на религиозные темы доказывал, что, изучая церковную историю, можно сделать вывод о том, что «евреи – народ крайне вредный и ненавидимый во всех государствах»¹³. Подобные заявления должны были, по мнению нацистов, объяснить русскому населению причины физического уничтожения узников Смоленского гетто: расправа над мирным еврейским населением произвела исключительно тягостное впечатление на жителей города. Он же, в смоленской коллаборационистской газете «Новый путь», в статье «Непримиримые враги христианства» писал о следующем: «Духовенство уничтожалось жидами – врагами церкви. Храмы осквернялись и закрывались по их плану. Пропаганда атеизма возглавлялась жидом Губельманом. Все, которые могли быть, по их мнению, христианами, уничтожались, подвергались гонениям. Небывалые в истории злодейства проводились жидами. Недавно перед всем миром раскрылось новое страшное злодеяние – массовое убийство в Катынском лесу.

А сколько истинно русских людей полегло от кровавой руки еврейства?

Близится час последнего ответа. Нет, и не может быть примирения с ними. Смерть еврейства – смерть сатанистов. Жидовство – непримиримый враг христианства»¹⁴. (*иллюстрация 06*)

Таким образом, антисемитская пропаганда охватывала практически все категории населения, учитывая уровень образования, возраст, религиозность, место проживания, отношение к советской власти, а также многое другое, у тех людей, на которых она была направлена.

2. Отделение евреев от основной массы населения.

Вне зависимости от того, как много евреев проживало в том или ином населенном пункте, их изолировали от остальной части населения. Кроме организации гетто это могли быть отдельно стоящие дома (как, например, в Орле). Все это делалось демонстративно быстро.

Немецкое военное командование, при участии союзного населения, должно было немедленно обеспечить следующее:

«а) евреи в соответствии с приказом должны зарегистрироваться:

сообщить фамилию, пол, возраст и адрес. Источником сведений для регистрации могут служить записи еврейской общины, а также сообщения надежных местных жителей;

б) должно быть издано распоряжение о ношении евреями постоянных и ясно различимых опознавательных знаков – желтых шестиугольных звезд, по меньшей мере 10 см в поперечнике, на левой стороне груди и на середине спины¹⁵.

В Смоленске в конце июля 1941 года комендант города фон Швец издал распоряжение о создании для евреев города гетто. Для этого выделялся район «Садки». Все русское население, проживавшее там, должно было переселиться в другие части города. На их место под конвоем немецких жандармов пригоняли евреев. Люди при этом подвергались всяческому оскорблению и унижениям. Им не давали транспорта, и они сами должны были перевозить на ручных тележках и переносить на руках свое имущество, которое им разрешили взять с собой. На переселение выделялся только один день – 3 августа 1941 года. Старостой (или старшиной гетто) комендатура назначила известного в Смоленске дантиста доктора Пайсона. В беседах с русскими людьми, которые хоть как-то пытались помочь попавшим в беду землякам, он неоднократно жаловался на то, что осознает малую вероятность благополучного исхода для узников гетто.

Но далеко не все смоляне сочувственно относились к узникам гетто. Так, главный врач при Смоленском городском управлении К.Е. Ефимов издал приказ, согласно которому все медицинские работники при осмотре больных должны были указывать в карточках: «наличествует крайняя плоть» или «отсутствует крайняя плоть». Вторым диагнозом означал, что обследуемый человек является евреем. Об этом факте следовало немедленно сообщать в карательные немецкие органы¹⁶.

3. Ревность к профессионализму.

Иногда доносили и бывшие коллеги. Так, смоленский доктор В. С. Раевский рассказывал своим знакомым: «Видя, что от меня может ускользнуть весьма перспективная должность врача-венеролога, я, будучи у штабного врача немецкой комендатуры Дезе, проинформировал его о своих познаниях в области венерологии и тогда же отрицательно отозвался о заведующей кожно-венерологическим диспансером Анне Захаревич. Я сказал Дезе, что она еврейка». Врача А. И. Захаревич после этого отстранили от работы и отправили в гетто, где она вскоре была расстреляна. Арестованный летом 1944

года советскими органами государственной безопасности Раевский заявил на допросе: «Рассказав Дезе о Захаревич как о еврейке, я цели предательства Захаревич не преследовал. В данном случае я просто хотел обеспечить себе работу по специальности»¹⁷.

4. Стремление улучшить свое материальное благополучие.

В экстремальных условиях гитлеровской оккупации у соседей евреев появлялся соблазн воспользоваться освободившейся жилплощадью, а также оставленными вещами. Так, сразу же после оккупации Смоленска гитлеровцы взяли на учет всех евреев города.

Жители одной из коммунальных квартир решили проявить активность и сообщили «куда следует», что их соседи не просто евреи, но еще и коммунисты. Сигнал был принят, евреи арестованы, а их комната поступила в распоряжение доносчиков. Но в процессе «обмыва» вновь полученной жилплощади выяснилось, что маленькая дочка бывших хозяев смогла спрятаться у подруги, и теперь она вернулась домой. И та же самая семья доносчиков, получив от оккупантов комнату жертв, отправила ребенка к своим родственникам в деревню.

Если изложить только вторую часть этой трагической истории, то этих людей по формальному признаку вполне можно считать «праведниками мира», как спасавших евреев во время Холокоста.¹⁸

Полная изоляция гетто обеспечивалась русской полицией, набранной из местного населения. Часто именно полицейские по приказу нацистов выполняли самую грязную работу. Так как город Старая Русса (Ленинградская область) в 1941 года находился в прифронтовой зоне, «окончательное решение еврейского вопроса» было решено провести в самые сжатые сроки.

Евреи, жители города Старая Русса, в октябре были все одновременно арестованы. Аресты проводила немецкая жандармерия при активном участии русской полиции. В декабре все арестованные были расстреляны. Все их вещи конфисковались в пользу оккупантов, однако немалая часть из них была позднее передана городской управе для поощрения наиболее активных работников¹⁹.

О том, что немцы платят за выданных евреев знали и за линией фронта. Так ленинградский студент Рафаил Клейн позднее вспоминал как хотели выдать гитлеровцам его вчерашние товарищи по оружию и местные жители: «Кивнув на меня, когда я притворился спящим, он (*один из окруженцев – Б.К.*) предложил: “Вот сдадим его. А нам за жида еще заплатят”»²⁰.

5. Стремление показать себя законопослушным по отношению к распоряжениям новой власти.

На низшей ступени коллаборационистской администрации в городах и крупных населенных пунктах находились коменданты улиц и домов. Одной из первоочередных задач комендантов домов являлось информирование немецких властей о всех посторонних или подозрительных лицах, а также о появлении коммунистов или евреев. На коменданта и дворников возлагалась обязанность немедленного задержания этих людей и передача их в руки оккупантов²¹.

В книге Льва Симкина, работавшего с документами в мемориальном музее Холокоста США (Вашингтон), приводится информация об ответственности соседей к гибели уже как будто бы чудом спасшихся людей. И не просто людей, а детей.

Киев. Осень 1941 года. Наверное, до войны они были хорошими соседями, иначе у них не искал бы спасения «мальчик, который после расстрела выполз незамеченный из рва и прибежал домой, а встретившая его соседка разохалась, выслушала его повесть, поставила на стол кувшин с молоком, велела сидеть тихо, не выходить, чтобы никто не увидел, затем пошла в полицию – и заявила. Да еще, вернувшись, постерегла, пока не приехала подвода с немцами»²².

6. В результате гитлеровской провокации.

Несмотря на все эти льготы, не во всех сельских районах оккупантам удалось оперативно создать полицейскую службу. Иногда вербовка в полицию проводилась обманными путями. В некоторых населенных пунктах к несению охраны привлекались все крестьяне по очереди. Через некоторое время «добровольной охране» давались одна-две винтовки на населенный пункт, как говорилось, «для порядка». Далее намечались полицейские, занимавшие эту должность в порядке очереди.

Вскоре временных полицейских «в условиях военного времени» делали постоянными. Затем полицейских внезапно забирали для участия в различных акциях: облавах на партизан, расстрелах евреев и коммунистов. Последнее проходило публично. «Крещение кровью» подкреплялось продуктовыми пайками, самогоном, вещами, награбленными во время арестов.

Пленных красноармейцев принуждали вступать в полицию, угрожая отправкой в концлагерь и расстрелом²³.

7. Возможность реализовать свои садистские наклонности.

15 июля 1942 года Смоленское гетто было ликвидировано. Наибольшую активность при этом проявлял полицейский Тимофей Тищенко. Он возил узников гетто на расстрел, снимал с них одежду и распределял ее среди своих работников. За одежду, снятую с убитых, получал водку и продукты. Через месяц газета «Новый путь» поместила о нем материал «Образцовый страж порядка»²⁴.

В Порхове весной 1942 года было забито насмерть палкой больше 20 человек из местного гетто карателем «Васей-скобарем». Под этой кличкой скрывался Василий Васильевич Васильев. После войны он смог эмигрировать в Канаду, в Торонто. Там успешно занимался бизнесом. Не исключено, что его первоначальный капитал составили вещи, которые он награбил у мирных советских граждан. Скончался преуспевающий предприниматель в 1989 году²⁵.

Иногда родственники палачей пытаются выдать их за жертвы несправедливых судов. Так Михаил Сердитов до войны проживал в городе Опочка (сейчас – Псковская область) где работал охранником спиртзавода. С сентября 1941 по июль 1944 г. этот человек служил в полиции. Он был вооружен, носил немецкую форму, а за свою добросовестную службу был вознагражден оккупантами денежной премией и назначен командиром отделения.

В 1945 году Многочленные свидетели показали, что в начале 1942 года они видели, как полицейские, среди которых был и Сердитов, «вели около 100 мирных жителей еврейской национальности, в том числе женщин и детей, Этих людей отвели в лес и расстреляли. В этой акции принимал участие и Сердитов».

Свидетель И.Н.Чернов показал, что в феврале 1942 года у него скрывалась десятилетняя девочка-еврейка, которая убежала с места расстрела. Сердитов схватил ее за ножку и держа вниз головой, на виду всего городка, отнес ее к расстрельному рву, где и убил.

Приговором военного трибунала войск НКВД от 30 сентября 1945 г. М.Д. Сердитов был осужден к высшей мере наказания. В 1998 г. его родственники подали заявление с просьбой о его реабилитации как «невинной жертвы сталинских репрессий». В реабилитации М.Д. Сердитова им было отказано²⁶.

Таким образом, причины, по которым бывшие соседи и коллеги становились предателями и убийцами, весьма разнообразны. При этом, необходимо помнить, что самым главным виновником Холокоста является нацизм. Именно он способствовал тому, что самое негативное,

что было в людях, получило возможность реализоваться на практике.

В 1945 году Василием Гроссманом и Ильей Эренбургом была подготовлена «Черная книга», посвященная трагедии еврейского населения Советского Союза, оказавшегося под нацистской оккупацией. Первый отказ печатать ее со стороны партийного руководства был мотивирован следующим: в ней, главными виновниками в уничтожении еврейского населения выступали не немцы, а местные предатели.

Это легко объяснить. Люди, чудом освободившиеся из гетто и лагерей смерти, в первую очередь в качестве своих палачей называли непосредственных исполнителей приказов гитлеровцев или тех, кого они знали лично: украинцев, русских, эстонцев, латышей. Но для советского руководства такая информация не укладывалась в традиционный пропагандистский штамп: «единая общность советский народ боролся с человеконенавистническим германским фашизмом». Именно поэтому информация о соседях, становившихся убийцами, так долго замалчивалась и не получала должного освещения в исторической науке.

(Endnotes)

- 1 Палачи. Из тайных архивов спецслужб рейха // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 30.
- 2 Жуков Д.А., Ковтун И.И. Ж Антисемитская пропаганда на оккупированных территориях РСФСР, 1941–1944 гг. Ростов н/Д: 2015. С. 10.
- 3 Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД). Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 133. Л. 9.
- 4 Жуков Д.А., Ковтун И.И. Ж Антисемитская пропаганда на оккупированных территориях РСФСР, 1941–1944 гг. С. 89.
- 5 Там же. Д. 131. Л. 14.
- 6 За Родину (Псков). 1942. 12 апреля.
- 7 Жуков Д.А., Ковтун И.И. Ж Антисемитская пропаганда на оккупированных территориях РСФСР, 1941–1944 гг. С. 95.
- 8 Государственный архив Орловской области. Ф. Р-3681. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
- 9 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 131. Л. 5.
- 10 Жуков Д.А., Ковтун И.И. Ж Антисемитская пропаганда на оккупированных территориях РСФСР, 1941–1944 гг. С. 95.
- 11 Архив Управления ФСБ по Смоленской области (далее – АУФСБСО). Д. 1432. Л. 34–35 об.

- 12 Герценштейн, Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996, С. 375.
- 13 АУФСБСО. Д. 9335. Л. 29.
- 14 Там же.
- 15 Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Сб. документов и материалов. Ред. И. Арад. Иерусалим, 1992. С. 47.
- 16 АУФСБСО. Д. 17567-С. Л. 260.
- 17 Там же.
- 18 Ковалев Б.Н. Мысли историка над книгой юриста. // Новый мир, 2016. № 3, С. 204.
- 19 Архив Управления ФСБ по Новгородской области (далее – АУФСБНО). Д. 1/6995, Т. 1. Л. 9.
- 20 Цит. по: Ковалев Б.Н. Забытые солдаты 41-го. // «Новая Новгородская газета». 27 апреля 2016 г
- 21 АУФСБСО. Д. 9910. Л. 8 об.
- 22 Л.С.Симкин Л.С. Коротким будет приговор М, 2015, С. 80.
- 23 Государственный архив Смоленской области. Ф. 8. Оп. 8. Д. 13. Л. 13.
- 24 АУФСБСО. Д. 15342-С. Л. 5.
- 25 АУФСБНО. Д. 19094, Т. 6. С. 141.
- 26 Ковалев Б.Н. Мысли историка над книгой юриста. // Новый мир, 2016. № 3, С. 206.

Dr. Tatjana Ljubic
University of Cambridge
(Germany)

**WILLKOMMEN POLICY IN CONTEXT:
EXTREME RIGHT,
ANTI-SEMITISM
AND ISLAMOPHOBIA**

German *willkommen* policy towards refugees is fundamentally anchored by the international Convention Relating to the Status of Refugees (1951), and the constitutional Basic Law for the Federal Republic of Germany (1949)¹. Both of these legislative sources have directly been inspired by devastating heritage of the Second World War and the sense of historical responsibility for the Nazi regime and Holocaust². Refugee protection is therefore seen as both a political and moral issue in Germany. The 2014 policy document Migration and Integration is outlined in a similar tradition.³ It explicitly supports integration efforts while stressing need for peaceful coexistence between cultures. In practice, the “open door policy”

¹ Lehr, S. (2015). Germany as Host: Examining Ongoing Anti-immigration Discourse and Policy in a Country with a High Level of Non-national Residents. *Refugee Review: Reconceptualizing Refugees and Forced Migration in the 21st Century*, 2(1), 113-31.

² Lechner, J. (2016). Matters of Recognition in Contemporary German Literature.

³ Peters, F., & Vink, M. (2016). 19 Naturalization and the socio-economic integration of immigrants: a life-course perspective. *Handbook on Migration and Social Policy*, 362.

has increasingly been challenged by (real and perceived) threat of Islamic extremism and the rise of German far right.⁴

Over the past year, anti-immigration and anti-Muslim sentiments have been simmering throughout Germany, as thousands of refugees continue to pour in, amid economic instability and a growing anxiety relating to the Jihadist activity in the West and the rise of the so-called Islamic State. In spite of its status as Europe's economic powerhouse, Germany has not been unsusceptible to the concerns raised by radical nationalists, who consider the immigrants to be a drain on public resources. Furthermore, the most recent influx of African and Middle-Eastern immigrants has once again brought to the fore the cultural issues of language, customs and religious identity.⁵

The rise of the anti-immigrant right wing populism, countered by the massive demonstrations of cosmopolitan citizenry, and the radicalisation of Salafi Muslim youth (who have been leaving Germany in their hundreds to join the so-called Islamic State as fighters),⁶ paralleled by the arson attacks on mosques, media and refugee centres, have been followed by the pragmatic efforts of German officials, most notably by the German Chancellor Angela Merkel, aimed at easing the growing feelings of mistrust, threat and hatred.

The anti-refugee attacks, which often erupt from local protests against the shelters before the actual arrival of refugees, have tarnished the image of a country that had done so much to rebuild itself as a tolerant and cosmopolitan society in the decades following the Second World War. The attacks have not only increased tensions between the autochthonous Germans and immigrants, but also within German socio-political spectrum itself, as many (particularly on the traditional Left) endorse Germany's responsibility to house those fleeing war or persecution. The title of Kate Connolly's recent

⁴ Canan, C., & Foroutan, N. (2016). Changing perceptions? Effects of multiple social categorisation on German population's perception of Muslims. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 1-20.

⁵ John D. Brewer, "Imagined liberation: xenophobia, citizenship and identity in South Africa, Germany and Canada", in *Ethnic and Racial Studies*, 38 (8), 2015, pp. 1434-1435.

⁶ The latest Reuters estimate (24th June 2015) puts the number of young German Muslims fighting for the Islamic State at 700. <http://www.businessinsider.com/700-germans-are-fighting-for-isis-and-the-number-of-women-joining-keeps-growing-2015-6>

article in *The Guardian*, “Germans greet influx of refugees with free food and firebombings”, succinctly describes Germany’s conflicting responses to the refugees question.⁷

The main catalysts of xenophobia and radical nationalism among the autochthonous Germans are the electoral party *Alternativ fuer Deutschland* (“the Alternative for Germany”) and the militant extra-parliamentary movement PEGIDA (“Patriotic Europeans Against the Islamisation of the West”).⁸ The Alternative for Germany (AfD) is Germany’s first Euro-sceptic party to attract substantial electoral support in the local, national and European elections.⁹ Ideologically, the party’s Euro-scepticism and xenophobia are heavily channelled into anti-immigrant and anti-Islam sentiments.¹⁰ Along these ideological lines, the AfD has found a natural ally in PEGIDA.¹¹ The popularity and ‘mainstreamisation’ of German far right political actors are attributed to both economic anxiety (i.e. perceived competition for scarce resources with the members of the out-group) and the perceived threat from terrorism and Islam.¹²

According to recent research, media reports on recent terrorist attacks have contributed to the perception of Islam as an existential threat to the West, in terms of both its citizens’ lives and livelihoods and its core values.¹³ The ‘Western’ values are represented as being Judeo-Christian in their

⁷ <http://www.theguardian.com/world/2015/jul/30/germans-greet-influx-of-refugees-free-food-fire-bombings>

⁸ <http://www.dw.com/en/ousted-chief-of-germanys-euroskeptic-afd-sets-up-new-political-party/a-18594891>

⁹ Robert Grimm, “The rise of the German Eurosceptic party *Alternative für Deutschland*, between ordoliberal critique and popular anxiety”, in *International Political Science Review*, 36 (3), 2015, pp. 264-278.

¹⁰ Sabine Lehr, “Germany as Host: Examining ongoing anti-immigration discourse and policy in a country with a high level of non-national residents”, in *Refugee Review: Re-conceptualizing Refugees and Forced Migration in the 21st Century*, 2 (1), 2015, p. 113.

¹¹ <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/pegida-protests-germanys-antiislamic-movement-sparks-furious-rightwing-power-struggle-9961433.html>

¹² <http://www.ibtimes.com/reporting-islam-muslims-chafe-under-western-media-coverage-paris-terror-attacks-1782654>

¹³ Irena Wolska-Zogata, “The Story of Charlie Hebdo: An Analysis of European and American Newspapers”, in *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6 (2

ethics and democratic in their political core, fostering an essentialist and dichotomist understanding of the West and Islam (e.g. the argument of a fundamental incompatibility between democracy and Islam).

However, a declarative platitude of shared European “Judeo-Christian” cultural heritage grotesquely contradict with the scale of Western anti-Semitism. According to the President of the Central Council of Jews in Germany, Josef Schuster, the German public is aware of raising Islamophobia and xenophobia, but not of the upward trend of anti-Semitic violence which rose by 25 per cent over the past year.¹⁴ A Facebook picture of the initiator of the Pegida marches, Lutz Bachmann flaunting a Hitler-style moustache and hairdo was found, leading to an investigation by the public prosecutor’s office.¹⁵ Confronted with a growing wave of the counter, anti-PEGIDA protests¹⁶ and a possible escalation of violent attacks, German government committed to step up the prosecution of hate crimes.¹⁷

German newspapers’ response to [Lutz Bachmann’s](#) infamous photograph¹⁸

S5), 2015, p. 353.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ <http://www.dw.com/en/thousands-march-in-dresden-pro-refugee-demonstration/a-18287139> <http://www.dw.com/en/racism-in-germany-in-all-parts-of-society-un-review-shows/a-18430680>

¹⁷ <http://www.dw.com/en/racism-in-germany-in-all-parts-of-society-un-review-shows/a-18430680>

¹⁸ <http://www.dw.com/en/pegida-aims-to-launch-political-party/a-18567063>

Anti-Semitism in Germany is propagated by three major ‘players’: the right wing extremists, who are responsible for most violent attacks on Jews; the anti-Israeli and anti-Zionist left-wing; and the Islamists. Visible members of Jewish community are becoming increasingly concerned about personal safety. To minimise the risk of anti-Semitic attacks, Jewish representatives advised against wearing kippah or the Star of David pendants in public.¹⁹ The fear of attacks is most prevalent in Berlin, which has the largest Jewish community in Germany.²⁰ Recently, the German-Jewish newspaper *Jüdisches Berlin* has made changes in delivering mail to its subscribers, switching to unmarked envelopes in order to conceal the recipients’ Jewish identity.²¹ The figures released by the German government in 2015 show that the number of anti-Semitic crimes in Germany, such as anti-Jewish taunts at public manifestations, swastika graffiti on synagogues and desecration of Jewish graveyards, have significantly increased over the past two years.²²

In German legislation, anti-Semitic violence is defined within several categories of hate crimes, such as the politically motivated crimes, extremist criminal acts and xenophobic violence²³.

In the monitoring reports of the organisation Network against Nazis (“Netz gegen Nazis”), the idioms “politically motivated crimes of the right” (“Straftaten Politisch motivierte Kriminalität rechts”), “extremist criminal acts” (“Extremistische Straftaten”) and “xenophobic violence” (“Fremdenfeindliche, aka Rassistische, Gewalttaten”) are used to describe the specific, though often overlapping, subcategories falling under the general bracket of “right-wing extremist crime” (“Rechtsextreme Kriminalität”). In Germany, criminal law outlaws Holocaust denial as well as Nazi symbols, such as the Swastika and the SS runes.²⁴

¹⁹ <http://www.spiegel.de/international/germany/german-jews-advised-against-wearing-kippah-a-1020890.html>

²⁰ <http://www.n-tv.de/ticker/Zentralrat-der-Juden-warnt-vor-Tragen-der-Kippa-article14592146.html>

²¹ <http://www.berliner-zeitung.de/politik/antisemitismus-in-berlin-alter-und-neuer-judenhass,10808018,29992974.html>

²² <http://isca-org.com/old-new-german-anti-semitism/>

²³ <http://www.netz-gegen-nazis.de/artikel/verfassungsschutzbericht-2014-zahlen-daten-fakten-10459>

²⁴ http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_130.html

“Politically motivated crimes” is the broadest of the named sub-categories, referring to the wide-ranging criminal acts committed against the institutions and/or individuals, inspired by extreme right political ideology. “Extremist criminality” refers more specifically to the activities aimed at undermining the fundamental constitutional principles and the basic democratic order. One could, of course, argue that these two categories can be – and indeed often are – overlapping. For example, a politically motivated crime against a journalist or a news agency falls under the first category. However, the same crime can be said to represent an attack on the constitutional principle of free speech (falling under the second category).

The sub-category of “xenophobic violence” refers to the crimes committed against the foreigners *and* the racially motivated violence. The word “aka” in the idiom “Fremdenfeindliche, aka Rassistische, Gewalttaten” indicates that foreigners-hate and racism are considered as one and the same thing. This is potentially confusing and not only in rhetorical terms, because the political opinions on the extreme right are by no means united on this matter. What one group on the political right considers as “foreigners”, can be a much broader or a narrower category than the definition of another group. This can be particularly confusing with regard to anti-Semitic violence. Under which category does it fall? Many on the extreme-right, for example, are Islamophobic, anti-Semitic, *and* racist. They are xenophobes in the sense that they consider *all* who are not the autochthonous German to be “foreign”. “Foreign” as in “non-German” can mean anything from “non-Christian”, “non-European”, “non-White”, “non-Germanic” and often all or many of these things at once. Others on the right can be Islamophobic, but not anti-Semitic, for they consider the “Western values” to be Judeo-Christian in their core, which they see as fundamentally different from the “foreign” and “undemocratic” values of Islamic culture, therefore considering the latter as a threat to the Western way of life. Anti-Semitic crime, thus, can, but does not necessarily fall under the category of “xenophobic violence”. Network against Nazis lists anti-Semitic violence as a separate sub-category under “right-wing extremist crime” (“Rechtsextreme Kriminalität”). Anti-Semitism, however, is by no means exclusive to the extreme right. It is shared by the Islamists, as well as by some on the extreme left on the German political spectrum.

Extreme right politics enters into a feedback-loop with complex socio-political processes of intolerance, animosity, segregation and political polarization, creating a vicious circle. It spreads inter-group anxiety by presenting immigration mainly as a security risk for the country, thereby increasing the possibility that a few individual members of the out-group may turn into a real threat to national security.²⁵

²⁵ <http://www.spiegel.de/international/germany/at-home-in-a-foreign-country-german-turks-struggle-to-find-their-identity-a-795299-2.html>

Dr. Vanja Ljujic
International Association
for Intercultural Education
(Netherlands)

TOLERATING INTOLERANCE: AUTOCHTONE AND ALLOCHTONE RADICALIZATION IN THE NETHERLANDS

The concern has long existed that if liberals didn't address the problem of Muslim intolerance responsibly, it would be answered with the intolerance of the far right.¹

Like most of democratic countries, the Netherlands is striving to re-establish the balance between its constitutional commitment to the ideals of freedom of speech and a free access to information and the need to protect mutual rights and freedoms from the outcome of destructive (hate) discourses. The slogan on the left (*Do not Give Fear and Hate a Vote*), promoted by the anti-Fascist movement in the Netherlands, captures in a nutshell the emotional landscape, marred by anger, fear, pity, jealousy, deference, etc. (Fiske, 2015), which has dominated, and is still dominating, inter-religious and inter-cultural relationships in the Netherlands. In the wake and intensification of acute humanitarian crises and the subsequent tragic influx of refugees, the need arises not only for immediate practical solutions, but also for mutual understanding, while developing and acquiring a range

¹ http://www.nytimes.com/2004/11/14/weekinreview/tolerant-dutch-wrestle-with-tolerating-intolerance.html?_r=0

of intercultural skills, addressed (from Dutch perspective) both outwardly, towards the migrant population and inwardly towards potentially hostile host populations.

Ideological extremism poses the greatest challenge to highly diversified Dutch society. Radical nationalism refers to a political ideology, which emphasizes the importance of common ancestry as the basis for group differentiation.² Radicalization implies a process of ideological socialization to (religious) extremism that manifests itself as supporting or engaging into violent activities.³ In light of increasing ethnic mobility and (unsolicited) migration, Dutch society is finding itself in dissonance and ambivalence towards people in need who are, by the virtue of stereotypical narrative, labeled as an imminent threat, however scarce and imagined it may be, to the tangible available resources and cultural identity of host populations (Esses, Medianu, and Lawson, 2013). On the part of allochtone population, hate narrative solidifies comparable ambivalence by dehumanizing host population and its culture (Lee & Fiske, 2006). Hate narrative reinforces mutual stereotypes among precisely those groups, which are at pains to assure the continued transmission of and support for their heritage culture and material welfare (Sears, 1988). The integrated Threat Theory (Stephan and Stephan, 2000; Fiske, et al., 2002) suggests that mutual perception of threat underlies a wide diapason of negative feelings (such as contempt, envy, disgust, pity, and even, outright hatred) among those 'competing' groups.

A recent rise in xenophobic feelings among Dutch mainstream, growing influence of anti-Islam populist Geert Wilders, incidents of racial profiling and police racism, radicalization of young Muslims, unfair treatment of refugees and immigrants, growing anti-Semitism and islamophobia provide a worrisome evidence of strong ethno-religious and racial polarizations in Dutch society⁴. According to a recent report that has been submitted to the UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination by the independent Dutch Equal Treatment Commis-

² Sutherland, C. (2005). Nation-building through discourse theory. *Nations and Nationalism*, 11(2), 185-202.

³ Schmid, A. P. (2013). Radicalisation, de-radicalisation, counter-radicalisation: A conceptual discussion and literature review. ICCT Research Paper, 97.

⁴ Doosje, B., Loseman, A., & Bos, K. (2013). Determinants of Radicalization of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat. *Journal of Social Issues*, 69, 586-604.

sion, the Dutch government has not invested enough efforts into prevention of discrimination against ethnic and religious minorities, and lacks concrete measures aimed at combating prejudice and stereotypes.⁵ As a consequence, the latent intergroup animosity easily progresses into everyday discriminatory practices and, on several occasions, into riots and violence.⁶ Most notably, it has served as a catalyser of anti-Semitism, exemplified in violent riots in a predominantly Muslim neighbourhood of The Hague, where dozens of people chanted anti-Semitic slogans.⁷ Anti-Semitism is however not exclusively related to the Islamic extremism, but is distributed throughout different radical groups, including right wing football hooligans.⁸ Recent poll from the Anti-Defamation League (ADL), reported an increase in anti-Semitic views in the Netherlands from 5 percent in 2014 up to 11 percent in 2015⁹.

The role of symbolic (hate) narratives in the processes of group animosity is evident.¹⁰ In the context of Islamic radicalization, hate narrative plays a prominent role in moral legitimization of violence and martyrdom, while in the context of right wing extremism it facilitates systematic harassment of non-Western immigrants and religious out-groups.¹¹ Whether and to what extent potential restriction to hate speech would actually affect (i.e. reduce) growing group animosity and security threats is still to be seen in practice. Like in most of contemporary Europe, the fight against radicalization and terrorism is viewed as a matter of national priority in the Netherlands. According to the National Coordinator for Security and

⁵ <http://www.mensenrechten.nl/berichten/college-rapporteert-aan-vn-comit-in-zake-uitbanning-rassendiscriminatie>

⁶ <http://www.dutchnews.nl/news/archives/2015/12/dutch-police-fire-warning-shots-during-riots-over-refugee-centre/>

⁷ <http://www.timesofisrael.com/riots-rail-at-jewish-murderers-in-dutch-city/#!>

⁸ <http://forward.com/news/breaking-news/218157/dutch-ss-soccer-fans-chant-anti-semitic-slogans/>

⁹ <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4674840,00.html>

¹⁰ Blee, K. M., & Creasap, K. A. (2010). Conservative and right-wing movements. *Annual Review of Sociology*, 36, 269-286.

¹¹ Kauff, M., Thörner, S., Wagner, U., Issmer, C., & Asbrock, F. (2015). When immigrant groups “misbehave”: The influence of perceived deviant behavior on increased threat and discriminatory intentions and the moderating role of right-wing authoritarianism. *European Journal of Social Psychology*.

Counterterrorism (NCTV), there is evidence about the increasing influence of political Salafism in the Netherlands, which inspired hundreds of Dutch nationals to join terror formations in Syria and Iraq.¹² There are currently more than 100 criminal investigations in progress concerning violent jihad-related offences.¹³ After a long debate, the Dutch government remains reluctant to forbid Salafist teaching in the Netherlands¹⁴.

¹² <http://www.nctv.nl/onderwerpen/tb/actieprogramma-integrale-aanpak-jihadisme/>

¹³ Ibid.

¹⁴ <http://www.nltimes.nl/2016/02/26/no-ban-on-salafist-islam-says-dutch-cabinet/>

Tanya Lvova
Jewish charity organization "Eva"

Таня Львова
Еврейская Благотворительная
Организация «Ева»

FESTIVAL OF THE TOLERANCE – EXPERIENCE OF MASS EDUCATIONAL EVENTS FOR SCHOOL CHILDREN FOR MEMORIALIZATION OF HOLOCAUST

Фестиваль Толерантности – опыт проведения массовых образовательных мероприятий для школьников, направленных на мемориализацию Холокоста

С 2007 года благотворительная организация «Ева» проводит в Санкт-Петербурге «Фестиваль Толерантности» – 3-х дневное образовательное мероприятие, посвященное теме Холокоста, в котором ежегодно принимает участие до 1000 человек. Основной целевой аудиторией являются ученики старших классов общеобразовательных школ.

В Санкт-Петербурге это единственное мероприятие городского уровня для школьников на тему Холокоста.

В докладе пойдет речь о том, как устроен «Фестиваль Толерантности», какие форматы и подходы используются, об особенностях работы со школами.

Еврейская благотворительная организация «Ева» работает в Санкт-Петербурге с 1989 года, осуществляя программы и проекты в

самых разных направлениях – от помощи одиноким и нуждающимся пожилым людям до школы искусств для детей.

Главным направлением деятельности являются социальные программы, в первую очередь патронажная служба. Последнее время мы стараемся более активно записывать воспоминания пожилых людей, ведь это уникальные свидетельства ушедшей эпохи. У наших подопечных огромное количество историй, некоторые еще помнят еврейские местечки, довоенные годы и, конечно же, войну. Кроме того, наши ближайшие соседи и друзья – Северо-Западное общество бывших узников фашистских концлагерей и гетто, которые своими руками создали небольшой (по площади, а не по объему информации) музей Холокоста, который по сей день остается единственной постоянной экспозицией на тему Холокоста в Санкт-Петербурге. В результате у нас накопилось такое количество информации и ресурсов, что мы, не будучи историками или исследователями, все же не могли не начать делиться нашими знаниями с другими.

В ноябре 2007 года был проведен первый Фестиваль Толерантности, ставший ежегодным событием. Каждый год Фестиваль посвящен какой-то теме, связанной с Холокостом. Так были проведены Фестивали Толерантности «Анна Франк», «Праведники народов мира», «Искусство периода Холокоста», «130-летие со дня рождения Януша Корчака» (а позже и 135-летие Януша Корчака) и др. Каждый год в мероприятиях Фестиваля принимает участие более 1000 человек, включая 600-800 школьников и около 70 учителей.

Программа Фестиваля варьируется, но основная структура остается неизменной – это выставки, спектакли, встречи с людьми, пережившими Холокост, показ документальных и художественных фильмов, семинар для учителей, музыкальный концерт. Также проводились круглые столы с участием представителей общественных организаций, национальных и религиозных объединений на темы толерантности, межконфессионального диалога, воспитания детей и пр.

Главной целевой аудиторией Фестиваля являются ученики старших классов (8-11) Петербургский школ. Основная задача – профилактика ксенофобии и экстремизма среди молодежи через знакомство с историей Холокоста. Для достижения этой задачи используются методы неформального образования, на Фестивале работают волонтеры, имеющие соответствующие навыки (обычно ведущие еврейских

лагерей). Школьники приглашаются организованными группами, каждую группу встречает волонтер, который рассказывает им о Фестивале, о понятиях «ксенофобия» и «толерантность», выдает информационные буклеты. Основная задача этого краткого введения – объяснить ребятам, почему им важно знать про Холокост, что это не еврейская история, а Катастрофа всего человечества, что геноциды происходили и происходят не только с евреями. Почти все волонтеры имеют еврейские корни, о чем упоминают в своем рассказе. Интересно, как за годы проведения Фестиваля изменилось отношение: если 5 лет назад, когда я говорила, например, «для меня, как для еврейки, тема Холокоста очень личная», большинство детей напрягалось при слове «еврей» – вроде как ругательное, а кто-то его спокойно использует по отношению к себе, то в последние годы такой реакции практически не встречается, и почти все отвечают положительно на вопрос «Знаете ли Вы, что такое Холокост», в то время как 6-7 лет назад большинство ребят слышали слово «Холокост» впервые.

После «введения в тему» проводятся экскурсии по выставкам. Обычно проходят 3 выставки – выставка, связанная с темой Фестиваля (например, о Януше Корчаке), выставка «Уроки Холокоста», посвященная общей истории Холокоста. На этой выставке основное внимание уделяется не хронологии Холокоста и историческим фактам, а теме пропаганды и стереотипов, иллюстрации того, как быстро и каким образом вроде нормальное просвещенное общество может превратиться в монстра.

Третья выставка – конкурс детского рисунка. Перед Фестивалем в школах проводится конкурс детских художественных работ (может быть связан с темой Фестиваля, а может быть задана общая тема, связанная с историей Холокоста, памятью, идеями толерантности. После отбора работы выставляются на Фестивале, в течение 3-х дней проходит зрительское голосование, после чего награждаются победители. Важная роль этой выставки, помимо знакомства с темой ее участников, это дополнительное включение школьников, приходящих на мероприятия Фестиваля, через голосование.

«Основное» мероприятие, на которое приглашаются школьники, это спектакль. В течение всего года проводится поиск профессиональных и любительских постановок на тему Холокоста, отбираются 2-3 спектакля, которые и становятся основой программы. За 8 лет было показано 18 спектаклей из самых разных городов – Москва, Самара,

Ростов-на-Дону, Одесса, Львов, Днепропетровск, Полтава, Берлин и пр. Некоторые спектакли были показаны по несколько раз.

В разные годы также были показаны документальные фильмы, в частности «Дневник Рутки», «Когда умирают люди, поют песни», «Канцелярские скрепки».

Конечно же важной частью программы являются встречи с людьми, пережившими Холокост. В первые годы мы проводили такие встречи фронтально для большого количества школьников, т.е. один рассказчик и от 70 до 200 слушателей. На Фестивале выступали Арон Вайс, Мария Рольникайте, Павел Рубинчик. В последние годы мы изменили формат этих встреч, мы проводим их для 70-80 школьников, которые в малых группах беседуют с «бывшими узниками». Это создает неформальную обстановку, которая способствует более глубокому и личному восприятию информации. К тому же, многим пожилым людям сложно говорить на публике, а такой камерный формат позволяет им поделиться своей историей.

В рамках Фестиваля проводится однодневный семинар для учителей и студентов педагогических вузов. Тема Холокоста не включена в школьную программу, поэтому мы стараемся не только дать учителям знания и инструменты, но и вдохновить на изучение темы Холокоста со своими учениками.

mr. Boris Maftsir
independent film-maker

Борис Мафцир
независимый режиссёр

FOLLOWING THE TRACES OF UNKNOWN HOLOCAUST

(DOCUMENTARY PROJECT ABOUT THE HOLOCAUST
ON THE TERRITORY OF EX-SOVIET UNION)

ПО СЛЕДАМ НЕИЗВЕСТНОГО ХОЛОКСТА. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ БОРИСА МАФЦМРА О ХОЛОКСТЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СССР

Предисловие.

Говорят, человек умирает трижды.

Первый раз, когда он умирает.

Второй раз, когда его хоронят.

И третий раз, когда никто больше не помнит его имени.

Почти половина из 6 миллионов жертв Холокоста были уничтожены на территории бывшего СССР. Когда кончилась эта страшная война, их история была скрыта за железным занавесом. Впервые она будет рассказана здесь. Это – запоздалый поклон жертвам и лепта в

историю как еврейскую, так и общечеловеческую, в которой им не удалось оставить свой след.

Убийство евреев началось сразу с вторжением нацистской Германии в Советский Союз 22.06.1941. Массовые расстрелы начались на всех оккупированных территориях. Как спонтанное явление, местное решение, все еще без общего плана. Не велось никакой записи убитых. Это был первый этап массового уничтожения европейских евреев нацистами.

По идеологическим и политическим причинам Советский Союз не признавал уникальность трагедии Холокоста евреев. Невозможно было осуществить ни документирование, ни исследование, ни увековечение. Холокост советских евреев был и словно бы не имел места, был исключен из коллективной памяти. Только после распада Советского Союза стала возрождаться память о почти 2 700 000 евреев, уничтоженных период с 1941 по 1945 год.

В течение семи лет, с 2006 по 2012, я работал в специальном проекте Яд Вашем – документация имен евреев, уничтоженных в период Холокоста на территориях бывшего Советского Союза. Посетил десятки и десятки мест «страны Холокоста». Встретился с сотнями свидетелей. Постепенно передо мной открылась поразительная картина русской еврейской цивилизации, которая исчезла в трагедии Холокоста. Это была черная дыра в истории нашего народа – его систематическое уничтожение. В этой же черной дыре почти исчезла память и об их мужественном сопротивлении в подполье, лагерях, лесах. Память

Собранные мной материалы и эмоциональная связь с этими событиями, возникшая в процессе работы, породили во мне чувство, близкое к Obsессии, что я обязан предпринять эту первую попытку – при помощи цикла документальных фильмов создать панораму истории жизни и массового уничтожения евреев нацистами в Беларуси, Украине, Молдове, Эстонии, Латвии, Литве и в более чем 20 областях России. Восстановить недостающую половину картины Холокоста.

О проекте

Проект «Холокост в СССР» – некоммерческий. Все пожертвования и поддержка используются исключительно для производства фильмов.

Время уходит. Если мы не поспешим, то упустим и эту последнюю возможность задокументировать то малое, что осталось еще – воспоминания немногих последних, непосредственно переживших эти почти всеми забытые события Холокоста. Мы обязаны – мы просто обязаны – поставить на полку истории этот недостающий том истории, вернуть в коллективное сознание утраченную память о почти половине жертв Холокоста!!!

Уже на этапе подготовки проекта возникло ощущение огромной исторической важности и ценности проекта. Ощущение исторического долга – вернуть утраченную память. События, происходящие на постсоветском пространстве, усугубили проблему срочности – в дополнение к возрасту свидетелей. Это – главная цель: успеть зафиксировать рассказы тех, кто пережил и помнит, прежде, чем они уйдут...

Главной задачей при создании фильмов проекта является документация событий и съемка свидетелей в тех местах и в то время года, где и когда они происходили. Мы работаем в условиях принципиального дефицита времени – ведь самым молодым свидетелям этих событий 85 лет.

«Карта» съемок охватывает десятки мест в Беларуси, Украине, Молдове, Латвии, Литве, Эстонии, на юге России и на Северном Кавказе. На Международном кинофестивале в Хайфе в октябре 2014 года был показан первый фильм проекта – «Хранители Памяти» о Холокосте в Беларуси.

В Международный день памяти Холокоста в январе 2016 года был показан второй фильм «Холокост. Восточный фронт» – о Холокосте на территории Российской Федерации.

В день Памяти Холокоста и героизма еврейского народа в мае 2016 года состоялся премьерный показ третьего фильма «За Нистру» – о Холокосте в Транснистрии.

В плане работы – производство еще шести фильмов о событиях Холокоста на территории Украины, Беларуси, Литвы, Латвии и заключительного фильма о причинах и обстоятельствах исчезновения памяти Холокоста в советский период.

План.

Как родилась идея создания документального проекта.

Как определился стиль фильма.

Как определилась историческая концепция – выбор мест и событий.

Как определяются свидетели и «хранители памяти».

1. В 2011 году ко мне обратились коллеги из Беларуси и предложили сделать совместный фильм. В то время я был полностью занят в Проекте имен Яд Вашем – поиск имен евреев, погибших в Холокосте на оккупированных территориях бывшего СССР. Естественно, тогда я не мог принять это предложение о сотрудничестве. Спустя примерно год поступило повторное предложение. На сей раз я решил продумать возможность сделать фильм, связанный с Проектом имен.

Во время моих многократных поездок в Беларусь меня заинтересовал очень значимый проект увековечения мест уничтожения евреев во время Холокоста. Так родилась идея фильма «Карта памяти». В центре этого фильма прослеживание, как определяются места уничтожения при помощи местных свидетелей, краеведов, определяется место для памятных знаков, как в результате год за годом в Беларуси устанавливаются шесть-семь новых памятников. Отсюда и название фильма. В процессе подготовки материала фокус был перенесен с памяти в камне на человеческую память. И в результате фильм «Хранители Памяти» о Холокосте в Беларуси был представлен на Хайфском международном кинофестивале в октябре 2014 года.

В течение работы над фильмом я неоднократно слышал «упреки», почему рассказ о Холокосте ограничивается только Беларусью. Неосторожная амбиция привела меня к объявлению и своего рода обещанию потенциальным спонсорам проекта, что после первого фильма я начну работу над материалом, который охватит все страны и территории бывшего Советского Союза, где происходило уничтожение советских евреев в период Холокоста. Так, осенью 2014 года родился документальный проект «По следам неизвестного Холокоста».

2. Мне было ясно, что нет достаточного архивного кинематографического материала для того, чтобы построить аутентичный видеоряд. Практически нет ничего, кроме различных отрывочных материалов о Холокосте на территории Советского Союза, то есть очень небольшой метраж. Вместе с тем, в разных фильмах широко используются реплики из материала, снятого в Варшавском гетто и в других местах, связанных с Холокостом в Польше и западной Европе. С опорой на оба эти источника, в фильмах о Холокосте на территории СССР принято использовать реплики и имитаторы. Естественное вынужденное решение из-за бедности оригинального материала.

Моя проблема заключалась в том, что нужно было найти стиль, для создания эпической картины уничтожения почти половины жертв Холкоста. Рассказать о систематике, тотальности и географии убийства. Передать ощущение трагедии и ее масштаба в более двух тысяч населенных пунктов – городов, городишек, местечек, деревень, в которых происходили массовые расстрелы. Дополнительная задача – как передать ощущение места и времени событий? Как соединить обрывочные воспоминания свидетелей и переживших Холокост, которые были практически детьми во время войны.

Я подошел к решению вопреки писанным законам создания документального кино: без судьбы героев, без личной драмы, без развития событий. Без личной причастности. Наоборот, я поставил задачу – превратить судьбу многих в личное ощущение зрителя. Вместе с оператором Рони Каценельсоном мы уже вовремя первой экспедиции осенью 2013 года определили стиль фильма, а затем и проекта:

**Выбранное событие снимается в том месте, где оно происходило
Съемки проходят в то же время года, когда событие происходило.**

Свидетели рассказывают то, что они видели напрямую в том месте, где это происходило.

«Хранители памяти», люди которые занимаются сохранением памяти Холокоста, рассказывают о событиях в том месте и в то же время года.

В результате создается ощущение привязки произошедшего к месту и контраст с сегодняшней обыденной жизнью.

Цепочка событий создает эффект аккумуляции, и несколько киноновелл приводят к ощущению объемности и пониманию истинного масштаба произошедшего.

3. В центре повествования фильмов проекта – убийство. А не спасение переживших рассказчиков. Проект – это кинопамятник двум миллионам семистам тысяч людей. Естественно, что выбор событий базируется на важности произошедшего, осуществляется по характерности и возможности найти свидетелей и/или переживших Холкост, значимости и харизматичности «хранителей памяти». Позволю себе предложить желающим посмотреть на нашем сайте первые два фильма проекта (ссылка: <http://www.holocaustinussr.com>) и вернуться ко мне с вопросами, замечаниями, почему выбрано те или иные места событий, а не какие-то другие.

4. Только благодаря связям и контактам, которые образовались за время семи лет работы в проекте Яд Вашем, у меня появилась уникальная возможность воспользоваться дружеской и абсолютно безвозмездной помощью коллег в разных странах и десятках городов. Только благодаря им, я по сказочному принципу «трех телефонов» находил и продолжаю находить потенциальных свидетелей, переживших Холокост и «хранителей памяти». Если кто-либо захочет поинтересоваться более подробно теми или иными историями, включенными в фильмы, можно обратиться ко мне по мейлу borismaf@gmail.com

В заключение я хочу поблагодарить многих и многих коллег, только благодаря помощи которых мое «неосторожное» обещание о создании документального проекта имеет шанс осуществиться.

Rabbi Dr. Joseph Mendeleovich
ex-prisoner of conscious (1970-1981)

Раввин, доктор И. Менделевич.
В прошлом- узник совести (1970-
1981 гг.)

LOYALTY TO THE LAWS OF TORAH DURING THE HOLOCAUST

ПОЧЕМУ ЕВРЕИ БЫЛИ ГОТОВЫ БЫТЬ УБИТЫМИ, СЛЕДУЯ ЗАКОНАМ ТОРЫ

Известно, что немцы особенно преследовали верующих евреев, раввинов и всячески стремились унижить еврейскую веру. Все свои карательные акции, депортации и массовые убийства они приурочивали к еврейским праздникам и особенно к Судному дню, Песаху и субботе.

Исполнения заповедей веры были запрещены под угрозой смерти.

Это особое отношение к еврейской вере объясняется тем, что у нацистов были свои языческие верования и поражение еврейской веры означало для них доказательство правильности их язычества и недееспособность еврейской веры.

Война против еврейского народа носила характер религиозной войны.

Невозможно понять смысла происходящего в отношении к евреям, если не принять этот принцип.

Примеры подобного религиозного соперничества мы находим сплошь и рядом в истории, например, в виде крестовых походов. Война мусульманского мира против существования государства

Израиль является войной религиозной во имя установления примата ислама над иудаизмом. Поэтому при исследовании войны на уничтожение еврейского народа нам следует всегда рассматривать, удалось ли нацистам достигнуть своей цели- унижения еврейской веры.

В гетто и особенно в концлагерях нацисты запретили проведение обрядов обрезания, запретили коллективные молитвы, пользование тефилин и молитвенниками, ритуальными бассейнами-миква, религиозные бракосочетания, иешивы и т. д.

Существуют многочисленные свидетельства тому, что даже под страхом смерти евреи всеми силами пытались соблюдать эти религиозные законы.

Особенно ярким образцом отношения евреев к законам Торы, является их готовность умереть за веру.

Поведение еврея в ситуациях, ставящих его жизнь под угрозу, регулируется постановлением о обязанности умереть, но не отступить:

Вот что говорится в Заповедь самопожертвования во имя веры.

Книга заповедей. Рамбам.

Заповедь 268 гласит-

«Еврей обязан жертвовать своей жизнью ради веры.»

Сказано в книге Ваикра 22-32 (Левит)- «Не оскверните имя Божье. Освятитесь пред всем Израилем»,-то есть вы должны умереть ради выполнения Законов веры.

Также сказано и в книге Второзакония, гл.14-1-2-

«Вы сыновья Господа Бога, не наносите себе ран на теле и на голове в знак траура, ибо ты народ святой.»

- То есть, – «вы сыновья Бога Бессмертного, поэтому для вас нет смерти.»

И действительно, мы убеждаемся на многих примерах, что таким было экзистенциональное переживание смерти, которое особенно остро ощутимо проявилось во время Катастрофы.

В случаях готовности умереть во имя веры могут быть несколько причин-

укоренившиеся убеждения:

Естественное состояние души.

Вот несколько примеров такого поведения-

Рав Ицхак Айзик Вайс, руководитель хасидов из местечка Сфинка

пошел на заклание с радостью. По дороге в лагерь смерти он пел- «Освятя сердце наше, служащее тебе в верности.»

Когда стали выводить на смерть, он уллучил мгновение и совершил омовение рук. (как это положено перед исполнением божьей заповеди).

Он сказал своим плачущим хасидам- «не бойтесь, мы идем встретится с Машиахом. И добавил- «Машиах закован в цепях в Германии. Он страдает вместе со всем Израилем».

Когда его подвели ко рву он вскричал слова из законов жертвоприношений. «Да горит на жертвеннике вечный огонь и да не погаснет».

О последних часах предводителя хасидов из Грудзинска, Рабби Исраэль Шапира.

Уже находясь на пороге смерти в Треблинке, он обратился к евреям с такими словами.

«Братья и сестры! Не наше дело ставить под сомнение справедливость Бога. Сегодня мы приносим мы живем вовремя предсказанное пророками о времени прихода Машиах. Мы должны радоваться тому, что наш пепел очистит весь народ Израиля. Не плачьте, будьте веселы и пойте песню веры, как поступил Рабби Акива, произнесший «Шма Исраэль», сжигаемый на костре.¹

Кантор Фишел Битер из Варшавы был приговорен в Освенциме к повешению.

Когда веревка оборвалась, что бы не тратить патронов, его провели через строй из 200 человек, которые были его палками.

Фишел кричал от боли, но повторял- «я принимаю эти побои с любовью что бы быть очистительной жертвой для всего народа Израиля.»

Когда он наконец упал, он сказал-

«Я не чувствую боли. Я принес жертву искупления для народа Израиля. Прошу только об одном – скажите по мне Кадиш.²»

Еще более яркое описание особого отношения евреев к смерти ми находим в дневнике очевидца, Залмана Градовского, узника Освенцима, погибшего в октябре 1944 г.

Так он описывает марш смерти женщин из Чехии в газовые камеры:

Марш смерти начался. Идут женщины, они шагают гордо, смелыми

¹ Шломо Розман «Рош Галут Ариэль» часть 1 , Бруклин 1976и г.

² «Я верю.» Стр. 62

шагами. Они видят уже своими глазами газовые камеры- этот ад, который их ожидает.

Вот идут маленькие дети, которых мамы держат за руки.

Все смотрят с презрением на эсэсовцев, стоящих по одаль.

Это не умоляющие взоры, они не ищут жалости у этих офицеров. Они знают, что у тех нет даже и проблеска совести.

Но вдруг колонна гонимых в газовую камеру женщин останавливается. Одна из идущих останавливается перед группой немецких офицеров и обращается к ним на чистом немецком языке

- Убийцы, бесстыжие преступники!

Сейчас вы убиваете нас, беззащитных женщин и детей.

- Знайте вы, бандиты, нашей кровью вы не сможете прикрыть свое поражение на фронтах. Вы -то точно знаете о своем тотальном поражении на востоке.

Помните бандиты! Сейчас вы можете преспокойно убивать нас. Но грядет час расплаты. Наши братья во всем мире не успокоятся пока не отомстят за нашу невинно пролитую кровь. Вы расплатитесь за все.

Она плюнула им в лицо и с достоинством зашла в газ. камеру.

Эсэсовцы стояли и словно окаменевшие, слушая до конца ее слова правды, которая терзала их.

И вдруг из газовой камеры, из это могилы раздаются звуки песни. Все женщины поют «Гимн партизан» -

«Никогда не говори, что это наш последний путь...»

Нацисты словно окаменели. -Как это может быть, что там, в бункере, на границе смерти, в последние мгновения жизни, вместе того, чтобы рыдать, умолять, пресмыкаться, просить пощадить их молодые жизни, они позволяют себе петь.

Как это может быть, что бы человек в таком состоянии был бы так беззаботен, так смел, так спокоен в ожидании смерти!

Вот звуки песни затихают.

Высокие офицеры вздохнули с облегчением, они не могли вынести этой песни.

Но женщины не дарят им передышку.

Новая песня вырывается из бункера. Песня веры, которая рвется из глубины души.

Атиква – национальный гимн.

- «Мы никогда не потеряем надежду...быть свободным народом в своей стране».

Добавляет Залман Градовский- «Эта песня придавала женщинам еще больше силы -

- Она рассказывает ээсовцам, что им никогда не победить народ Израиля.

Она рассказывает им, что великомученик, народ Израили будет жить дальше и он построит свое будущее в своей древней стране.»³

Пожалуй, наиболее точное объяснение состояние еврея, умирающего за веру дает история Шломо Зелиховского.⁴

Ш. Зелиховский был богатым промышленником в довоенной Польше. Находясь в гетто, он пытался переправить в гетто большую партию продовольствия и за это был приговорен нацистами к смерти.

Находясь в камере смертников, Зелиховский организовал молитву Судного дня (хотя это не совпадало по времени), объясняя тем, что завтра смертники предстанут перед ВысшимСудом.

Когда его вели по площади к виселице, Зелиховский обратился к плачущим евреям -

Евреи, не плачьте. Я счастлив, что скоро предстану перед ликом Всевышнего.»

Со смертью не играют, перед смертью не лгут. Приведенные примеры являются лишь небольшой частью фактов самопожертвования ради веры.

Эти мученики были готовы умереть с улыбкой на устах так как они верили,

Что смерти, как аннигиляции для них не существует.

В протоколах 9 нюрнбергского процесса приводится допрос Пауля Балбея, командира 4 зондеркомандо, ответственного за убийства в городе Сокол. Он заявил, что евреи вели себя спокойно в ожидании смерти. «казалось, что их мало беспокоило смерть».⁵

Он утверждал, что от этой картины, многие солдаты получили психическое расстройство.

³ Записано очевидцем, Залманом Градовским 8.3.44.

Публикуется по ивритскому варианту, стр. 158-165.

בלב הגיהנום". - ימנו של אסיר ומנהגי מרד הזונדרקומנדו באושוויץ».

ידיעות אחרונות. ספרי חמד. 2102

⁴ По книге Ицхака Каценельсона- «דאָס ליד פֿונעם אויסגעהרגעטן ייִדישן פֿאָלק» - «על מקדשי ה' בדרנו. משה פרגר - סיני- תשט"ז. ספר זיכרונות- צ'קגו. 5

Это заявление убийцы звучит цинично, однако мы приведем подтверждение тому, что такое отношение к смерти не является исключительным и проявилось не только во время Холокоста.

Я приведу историю главы Любавических хасидов, Рабби Иосэф Ицхак Шнеерсона. – АРАЯЦ. Он был арестован в 1926 году НКВД. Ему было предъявлено обвинение в подрывной антисоветской деятельности, которое грозило смертным приговором. Несмотря на это, АРАЯЦ отказался сотрудничать со следствием.

Тогда один из следователей выхватил револьвер и направил его на престарелого раввина:

– это игрушка заставит тебя говорить.

На это РАЯЦ ответил-

«Эта игрушка может заставить говорить того, у кого есть один мир и много идолов. Но у нас, евреев есть Один Бог и два мира, поэтому эта игрушка, которую ты мне показываешь, не только не способна напугать, но вообще не производит на меня никакого впечатления».⁶

В начале нашего исследования мы задались вопросом – удалось ли нацистам выполнить свою задачу – унижить веру Израиля.

Исходя из приведённых примеров (и тысяч других), можно утверждать, что евреи не боялись умереть за веру, понимали, что это великая честь. Переживание еврея, обреченного на смерть, носит экзистенциальный характер и воспринимается им как событие эсхатологического значения.

Вышесказанное ни в коем случае не призвано приуменьшить степень страданий еврейского народа.

Умирать страшно и больно.

Намеренное уничтожение еврейского народа немцами и всеми другими народами является величайшим беспрецедентным преступлением.

Обычно поведение евреев во время массового уничтожения представляют или как поведение «овец, идущих на заклание», или подчеркивают моменты героического сопротивления.

Безусловно восстания безоружных людей против фашистской военной машины является примером беспримерного героизма.

⁶ “צעצוע זה עושה רושם רק על מוגי לב שאין להם אלא עולם אחד וכמה אלים. אבל אנחנו, שיש לנו אל אחד ושני עולמות, צעצוע זה שאתם מראים לא רק שאינו מבהיל אלא גם לא עושה כל “רושם”.

Но для того, чтобы по-настоящему понять поведение еврейского народа во время Холокоста надо понять особое отношение сынов Израиля к смерти. Это отношение не похоже на то, что существует у других народов.

Самоубийство категорически запрещено. Так, понятия «камикадзе» или «шахид» – как у арабских террористов, – у нас неприемлемы.

Еврейская вера разрешает нарушение законов Торы для сохранения жизни.

За одним исключением – если это не влечет за собой унижение и осквернение основ веры.

Тогда действует принцип – умри, но не отступи.

Так и поступали евреи во время Холокоста, не боясь смерти, ибо смерти для Бессмертного народа не существует.

Dr. Vladimir Mesamed

The Institute of Asian and African
Studies Jewish University of Jerusalem
Department of History, Judaica and
Philosophy
Of The Open University of Israel

Д-р Владимир МЕСАМЕД

Институт Азии и Африки
Еврейского университета в
Иерусалиме и отделение истории,
иудаики и философии
Открытого университета, ИЗРАИЛЬ

THEME OF THE HOLOCAUST IN ANTI-ISRAELI DISCOURSE OF FOREIGN POLICY OF IRAN

ТЕМА ХОЛОКОСТА В АНТИИЗРАИЛЬСКОМ ДИСКУРСЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА

Руководители ИРИ не раз озвучивали декларации о том, что борьба с сионистским врагом, то есть Государством Израиль, является главным по значимости аспектом внешней политики Ирана. Исламская республика Иран определяет Израиль как экспансионистское и агрессивное по своей сути государство, применяя к его названию такие определения как антиисламское и сионистское (разумеется, отнюдь не в подлинном своем смысле). По мнению иранского руководства, Израиль представляет стратегическую угрозу региональному балансу сил и исламскому сообществу.

Антиизраилизм в иранской внешней политике приобрел невиданную ранее динамику с приходом к власти в 2005 г. президента Махмуда Ахмадинежада. Нечасто озвучивавшиеся в предшествовавший период, когда у власти были реформисты во главе с президентом С.М.Хатами антиизраильские заявления зазвучали из уст нового президента

в первые же месяцы после его прихода к власти. Довольно быстро стало заметно и дальнейшее ужесточение позиции по отношению к Израилю. В октябре 2005 г., всего через два месяца после начала своей каденции, процитировав фразу аятоллы Рухоллы Хомейни о том, что сионистский режим должен быть стерт с лица земли, М.Ахмадинежад заявил, что в Палестинской Автономии сейчас на подходе новая волна ненависти, способная уничтожить Государство Израиль. Мир ислама, сказал Ахмадинежад, не даст своему давнему врагу жить в самом центре мусульманского мира. Такое высказывание, заявил тогдашний глава МИД ИРИ Манучехр Моттаки, находится в русле основ внешней политики Ирана, ибо его страна не признает «нелегитимный сионистский режим». С тех пор призывы «стереть Израиль с карты мира», вырезать из тела Ближнего Востока «сионистскую опухоль», «не верить в Холокост» стали рутинным элементом всех выступлений иранского президента, особенно на ежегодных осенних сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. По сути они напоминают антисемитские речи лидеров нацистской Германии и наносят колоссальный вред международному престижу Исламской республики Иран, реально превратившейся в страну-антисемита.

Антисемитская риторика нынешнего иранского руководства, определяющая наполнение его внешней политики на израильском направлении, в значительной мере вытекает из антииудейской составляющей мировоззрения лидера исламской революции в Иране аятоллы Рухоллы Хомейни, которая является смесью идеологии шиизма и традиционного и закостенелого европейского антисемитизма. Антииудейские мотивы достаточно густо разбросаны по страницам книг Хомейни, в которых он рассуждает о некоем иудейском заговоре против мусульман. По его словам, евреи были первыми, кто начал антиисламскую пропаганду и «...занимаются этим по сегодняшний день». Как отмечал аятолла Хомейни, «Пророк ислама истреблял евреев Мекки и Медины из-за их разрушительных действий по отношению к новой религии, их усилий по пропаганде и насаждению в зарождающемся исламском обществе разврата и скверны, что вредило исламу и власти ислама». Однако исторические мотивы нуждаются в актуализации, их приспособлению к сегодняшней реальности. Вот почему в последние десятилетия все четче прослеживается новация – включение тематики Холокоста в антиизраильский аспект иранской внешней политики.

Тематику Холокоста эксплуатируют все более или менее заметные нынешние иранские политики. Обосновывая необходимость ее использования в антиизраильской политике, нынешний духовный лидер страны аятолла Али Хаменеи писал о том, что, спекулируя

цифрами о количестве евреев, погибших от рук нацистов, «сионисты создали условия для оккупации Палестины и продолжения своих преступлений против ее народа». Экс-главе иранского МИДа М.Моттаки принадлежат слова о том, что результатом Холокоста было то, что возникла страна без народа и народ без страны. В первом случае речь идет об Израиле, втором – т.н.Палестине, точнее говоря – Палестинской Автономии. Именно поэтому, утверждает Моттаки, Иран крайне заинтересован не в отрицании или утверждении Холокоста, а в установлении истины, в уточнении «реального, а не мифического количества жертв». По утверждению праворадикальной иранской газеты “Джомхурийе эслами”, “сионистская лож относительно убийства нацистами миллионов евреев преследует своей целью легитимацию создания Государства Израиль “. Другая тегеранская газета The Tehran Times, защищая право исследователя на сомнение в поисках исторической правды, отмечает, что Холокост создан сионистской пропагандой для создания на Западе позитивных настроений по отношению к евреям и привлечения денег Запада на свои нужды. В иранской прессе достаточно часто муссируется и мысль о том, что идеи о бесспорности такого явления как Холокост необходимы сионистам для оправдания идеи образования Государства Израиль и привлечения симпатий мирового сообщества на сторону еврейского государства.

В последние годы ИРИ превратилась в один из центров распространения идей отрицания или ревизии Холокоста, хотя, как известно, Холокост как историческое явление относится к наиболее изученным реалиям XX в. Иранская идеология отрицания Холокоста представляет собой своеобразную смесь западных теорий отрицания геноцида еврейского народа нацистской Германией и доморощенных аргументаций, взращенных на ближневосточной почве, равно как и вдохновленных идеями исламской революции в Иране. В самом общем виде отрицание Холокоста в Иране представляет собой синтез двух подходов – традиционной антиизраильской политики Исламской республики и сложившегося в течение многих веков иранского антисемитизма. Поэтому неправомерно говорить о взглядах Ахмадинежада на Холокост как о чем-то новом в иранском политическом мышлении, обо на самом деле они представляют собой просто развитие прежних взглядов. В Иране развитие проблематики Холокоста шло в общем русле возрастания интереса к этому явлению на всем геополитическом пространстве ближневосточного региона в конце 1980-х гг., что совпало с односторонним провозглашением в 1988 г.

Государства Палестина и подписанными через 5 лет Соглашениями Осло.

Тема Холокоста в иранской печати получала новое дыхание всякий раз во время обострения палестино-израильского противостояния. Так, особенно популярной она стала на страницах СМИ с началом в сентябре 2000 г. второй интифады. Вот один из примеров. В апреле 2001 г., в День памяти жертв Холокоста, официальное иранское информагентство ИРНА опубликовало репортаж из Палестинской автономии, в котором писало, что в этот день там продолжается геноцид мирного населения. «Блокада ПА Израилем создала для ее жителей условия, намного ужаснее тех, которые существовали в лагерях смерти и оперируя которыми сионисты говорят о Холокосте». Самым последовательным и неумолимым ниспровергателем реальности Холокоста, высказывающимся за необходимость его ревизии, причем в разноаспектной плоскости, является завершивший в 2013 г. свою каденцию иранский президент М.Ахмадинежад. Массированные и носящие флер провокативности антиизраильские заявления Ахмадинежада произносятся при несомненном одобрении религиозного истеблишмента страны.

В отрицании Холокоста иранским президентом вырисовывается главный элемент: последовательные попытки связать Катастрофу восточноевропейского еврейства с проблемами израильско-палестинского взаимодействия. Основная причина широко распространяющейся в сегодняшнем Иране идеи отрицания Холокоста, на наш взгляд, состоит в том, что иранским властям необходимо представить контрдоводы набирающей силу мировой критике по поводу иранской концепции уничтожения Израиля, а также аргументировать свое утверждение о том, что Израиль использует идею Холокоста для угнетения палестинцев. Ахмадинежад полагал, что таким образом он укреплял свои позиции как внутри страны, так и в сфере внешней политики. Важно и то, что в условиях ухудшающейся внутренней ситуации, связанной с падением жизненного уровня большинства населения и ростом протестных оппозиционных движений, президенту необходимо «перевести стрелки» на внешнего врага, тем более такого как Израиль, конфронтация с которым идет все годы после установления в стране исламского режима. Кроме того, ужесточением своей антиизраильской риторики Ахмадинежад добивается решения фундаментальной задачи, которую ставит религиозная элита страны –

достичь радикализации общественного мнения в стране, что будет способствовать консервации власти в руках крайне консервативного духовенства. Частое обращение к теме Израиля, Холокоста, защиты Ираном прав палестинцев, по мнению Тегерана, укрепляет пошатнувшиеся шансы ИРИ на лидерство в исламском мире.

Идея ревизии Холокоста носила для М.Ахмадинежада тактический характер, преследуя цель отвлечь внимание от иранской атомной программы. По логике иранского президента, поднимая вопрос реальности Холокоста и называя его «мифом», он приводил в подлинный шок местное и международное общественное мнение, сигнализируя о трансформации политики Исламской республики Иран от состояния угодничества и пораженчества перед Европой в состояние наступательной и активной политики по отношению к ее противникам. Как писала иранская газета «Эттемаде мелли», «дискуссия о Холокосте сродни интеллектуальному землетрясению для сионистов и стран мирового угнетения», ибо под влиянием такого подхода Запад идет на смягчение позиции на переговорах по иранской атомной программе, пытаясь заставить Иран покончить с ревизией Холокоста. Сегодняшние реалии состояния переговорного процесса, вытекающие из Лозанских соглашений от 2 апреля 2015 г. демонстрируют правильность такого утверждения.

Сама идея привлечения проблемы Холокоста в политический инструментарий нынешнего руководства ИРИ принадлежит иранскому ученому Мохаммад-Али Рамину, подготовившему в одном из германских университетов диссертацию по организационному строению и историческому наследию пропагандистской деятельности нацистской партии в период Третьего рейха. Инициированная им политическая акция имеет своей главной целью воздействие на мировое общественное мнение. В своем интервью одному из иранских леворадикальных интернетсайтов в октябре 2008 Рамин писал: «Наше отношение к Холокосту формировалось в те годы, когда Запад выдвинул против Ирана обвинения в том, что мы создаем атомное оружие, начал составлять против нас ядерное досье, вводить разного рода санкции, пугать нас политическими и военными угрозами». «Надо смотреть в суть проблемы, - пишет далее М.А.Рамин.- А она такова, что Запад поставил нас на грань выживания: инфляция уже измеряется трехзначными цифрами, банковская система страны блокируется финансовыми санкциями, нам не открывают кредиты, мы не можем

получать или покупать необходимые медикаменты. Под угрозой само существование страны. Вот в такой трудной ситуации мы и решили противопоставить Западу свое оружие – проблематику Холокоста. Президент Ахмадинежад поднял вопрос Холокоста, мысля его как своеобразное политическое досье, которое могло бы стать орудием против Запада в той же мере, в какой они боролись с нами с помощью ядерного досье. Г-н Ахмадинежад как здравый, опытный, дальновидный и квалифицированный политик, искушенный в международной проблематике, избрал позицию, которой Запад не в силах чего-либо официально противопоставить».

В чем же состоит позиция Ахмадинежада, пытавшегося подвергнуть сомнению или пересмотреть давно уже считающиеся бесспорными в цивилизованном мире факты геноцида евреев? Она не столь уж оригинальна и базируется не только на отрицании и попытке ревизии количества умерщвленных евреев Европы и европейской части тогдашнего СССР, но и в отрицании самого факта Холокоста как уникального и не имевшего других precedентов исторического явления XX века. Новизна лишь в попытках связать эту трагедию с решением вопроса палестино-израильского урегулирования. В этом аспекте М.Ахмадинежад признает сам факт геноцида евреев, находя в нем причинно-следственное обоснование созданию Государства Израиль. Обратимся к некоторым самым показательным высказываниям М.Ахмадинежада на эту тему:

- «Если утверждения о массовых убийствах евреев в Европе являются правдой, и по этой причине теперь поддерживается сионистский режим, почему тогда палестинский народ должен расплачиваться за это? Запад в решении палестинской проблемы стоит на стороне сионистского режима, и это приносит вред исламскому миру» .

- «Холокост – это миф и легенда. Моя позиция достаточно ясна: если Холокост был, тогда Европа должна извлечь уроки, и Палестина не должна расплачиваться за него. Если же Холокоста не было, тогда евреи должны вернуться на земли, откуда они родом».

- «Сионистский режим был создан западными державами как компенсация за Холокост в ходе Второй мировой войны. Ряд западных держав убеждены, что за те годы была уничтожена значительная часть еврейского населения, и для того, чтобы компенсировать эту трагедию, был создан сионистский режим. Однако возникает вопрос о том, что если такая катастрофа и имела место, почему за нее

должны платить народы региона, почему должен страдать палестинский народ, почему оккупированы мусульманские территории? Или трагедия от установления сионистского режима меньше Холокоста, о котором заявляют на Западе? Если относительно Холокоста существуют серьезные сомнения, то сомнений относительно катастрофы, которая происходит ныне с палестинцами, нет... Настоящий Холокост творится более 60 лет в Палестине».

Проблематика Холокоста поднимается не только в заявлениях иранского руководства. В ИРИ выпускается много литературы, призванной анализировать это явление. Коснемся нескольких изданий. Исследование Мохаммад-Таги Тагипура называется «Что скрывается за понятием «Холокост» и выпущено тегеранском Центром научных и политических исследований. Как указывается в предисловии, цель издания этой работы – «выявление природы «мифа о Холокосте» и исторических фальсификаций событий, связанных с этим явлением.» Тагипур сообщает на страницах этой книги, что нацисты вовсе не замыслили геноцид в отношении европейского еврейства. Они просто вынуждены были в силу объективных обстоятельств поместить часть евреев в концентрационные лагеря, а массовые смерти евреев стали результатом различных эпидемий, в первую очередь – тифа. Холокост, заключает Тагипур, это «большая историческая ложь, сфальсифицированная сионистами для оправдания создания Государства Израиль». Тот же Центр научных и политических исследований посвятил в 2009 г. специальный выпуск своего ежеквартального издания «Политические исследования» проблеме изучения Холокоста. Тональность работ показывают названия двух помещенных в нем статей – «Действительно ли были убиты 6 миллионов евреев» и «Правда о печах, где сжигались люди». Эту же тематику исследует и расположенный в Тегеране Центр документации исламской революции, издавший в 2008 г. труд Сеййеда Мохаммада Таррахи под названием «Место Холокоста в сионистском проекте: правда и миф».

Проблематика Холокоста освещается и на специально организованных конференциях. В этом контексте достойна упоминания международная конференция «Пересмотр Холокоста: глобальное видение», проведенная в Тегеране 11 – 12 декабря 2006 г. Соглашусь с мнением российского историка П.Поляна, что она была задумана М.Ахмадинежадом не для дискредитации истории и исторической правды, а исключительно для дискредитации Израиля, провоцирова-

ния международного сообщества против еврейского государства, работая на идею «стирания Израиля с карты мира». Как отметила в соответствующем заявлении тогдашняя глава МИД Израиля Ц.Ливни, «отрицая события Катастрофы, президент Ирана пытается узаконить стремление к уничтожению Израиля и распространению экстремистской политики, которая противоречит ценностям свободного мира. Он проводит параллели между концентрационным лагерем Освенцим и Израилем, тем самым искажает события прошлого и угрожает настоящему...Ставя под сомнения или отрицая события наивысшей формы проявления геноцида – Холокоста, президент Ирана посягает на права человека, понятия о которых окончательно сформировали после событий Катастрофы».

На Тегеранской конференции был создан Всемирный фонд по изучению Холокоста и избран его Центральный совет. Открывший конференцию тогдашний министр иностранных дел Ирана Манучехр Моттаки отметил в своем докладе, что ее созыв вызван необходимостью «вновь и вновь изучать и перепроверять события «Холокоста» с исторической и научной точек зрения». Многое в речи М.Моттаки было повторением ранее высказанных президентом М.Ахмадинежадом мыслей, лежащих в его взглядах на природу и значение Холокоста. Например, такое утверждение:» Даже если бы нашлись доказательства того, что холокост (так в оригинале – В.М.) – это исторический факт, ...почему мусульмане этого региона, особенно палестинцы, являющиеся коренным населением Палестины, должны платить дорогой ценой за преступления, совершенные нацистами». Говоря о политических аспектах Холокоста, М.Моттаки постоянно проводил параллель между нацистами и сионистами, «...которые каждый день топят в собственной крови палестинцев». Так же постоянно с проблемой Холокоста связывалась мысль о поддержке Израиля со стороны США и всего Запада. На конференции превалировала идея пересмотра уроков Холокоста, что дало основание одному из ее участников охарактеризовать ее как «парад ревизионистов».

Однако в Иране довольно много и тех, кто не согласен с идеями отрицания или ревизии Холокоста. В их числе – ряд видных интеллектуалов. Так, профессор политологии Тегеранского университета Садек Зиибакалам, один из главных оппонентов взглядов М.Ахмадинежада относительно Катастрофы восточноевропейского еврейства, резко высказался против проведения такой конференции в Тегеране.

Он сказал, что как гражданин Ирана ошеломлен этим мероприятием: «Я не знаю, в соответствии с какой логикой надо было собирать здесь всех этих расистов, куклуксклановцев, неонацистов и антисемитов. Это сборище организуется в период, когда иранское досье рассматривается в Совете безопасности ООН, что обязывает нас добиваться доверия мирового сообщества...МИД стремится привлечь к себе внимание президента Ахмадинежада, и выбирает отнюдь не лучший путь, способствуя пропаганде заведомо порочных взглядов на достаточно известные исторические события». Пагубность отрицания Холокоста в ситуации, когда мир озабочен состоянием иранской атомной программы, сквозит в высказываниях многих других иранских интеллектуалов. Аббас Абди, известный политик и журналист, в прошлом – один из лидеров студенческого происламского движения, активно участвовавший в захвате американского посольства в Тегеране в 1979 г., но ставший впоследствии одним из последовательных критиков исламского режима, заявил в интервью газете «Эттемаде мелли», что для Ирана совершенно контрпродуктивна идея отрицания Холокоста. « Мы должны не только осудить преступления, выразившиеся в геноциде еврейского народа, но и чтить память жертв Холокоста». Свое видение проблемы Холокоста выразил и кандидат в президенты Ирана на выборах 2009 г. Мир-Хоссейн Мусави. Многие аналитики увидели в словах Мусави своего рода упрек Ахмадинежаду, вызвавшему заявлениями о природе Холокоста волну антииранских настроений в мире. В отличие от Ахмадинежада, называющего Холокост «сказкой», а поэтому не оставляющему за ним права на существование, Мусави заявил на пресс-конференции, что не оспаривает этот факт, однако считает, что вопросы количества жертв надо оставить на рассмотрение историкам. Оппозицию взглядам Ахмадинежада на Холокост составил и его предшественник на президентском посту С.М.Хатами, инициатор идеи диалога цивилизаций. В дни работы тегеранской конференции он выступил с утверждениями о том, что если бы был бы убит «всего-навсего один-единственный еврей, мы обязаны были бы это осудить».

Отметим в заключение, что приход в Иране к власти в 2013 г. либерального по местным понятиям президента Хасана Рухани практически ничего не изменил в антиизраильском тренде внешней политики страны. Использование тематики Холокоста стало менее кричащим, но не изменило своей сути. Она по-прежнему время от времени ак-

туализируется в контексте рассмотрения проблем ближневосточного урегулирования. Менее громко, но последовательно и открыто звучат лозунги уничтожения Израиля. Дважды за эти годы в Тегеране проходила Международная выставка карикатур на тему Холокоста. Последняя из них, прошедшая в конце февраля нынешнего года, собрала участников из 15 стран. Как отмечалось в иранских СМИ, проведение этой выставки является ответом на карикатуры на пророка Мохаммада в ряде западных изданий. Сравнение объектов карикатур, разумеется, достаточно цинично, и по сути показывает необозримые возможности для инструментализации Холокоста в Иране в самых различных ипостасях. Это вполне объяснимо: наиболее радикальные элементы в консервативном лагере утверждают, что отрицание или ревизия Катастрофы полностью совпадает с мировоззрением основателя Исламской республики – аятоллы Рухоллы Хомейни, возводя тем самым антисемитизм на уровень концептуальной идеи правящего в стране режима.

Garnik Motjan

Fellow of the Armenian association
of international law and
Armenian Union of political scientists

Г. Момджян

член Армянской ассоциации
международного права и
Союза политологов Армении

HISTORY OF THE JEWISH COMMUNITY OF ARMENIA AND MEMORIALIZATION OF THE HOLOCAUST

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ АРМЕНИИ И МЕМОРИЛИЗАЦИЯ ХОЛОКОСТА

История еврейской общины Армении насчитывает свыше 2 000 лет. Поселения евреев уже в древности имелись во всех крупных городах и столицах Армении.

Современная еврейская община в основном представлена евреями, приехавшими в Армению из разных республик бывшего СССР. Первые поселенцы появились в середине 1930-х годов, сюда же эвакуировались евреи в годы Великой Отечественной. Второе переселение произошло в послевоенные годы и было связано с тем, что Армения бурно развивалась. Согласно исследованиям, 37 % нынешних евреев поселились в Армении до 1960-х годов. Еще одна волна евреев прибыла в Армению в период с 1965 по 1972 год, таким образом число евреев в Армении во второй половине XX века составило более 10 тысяч человек. В 1989 году около 70 % евреев назвали родным языком русский, 26 % – идиш и 5,6 % – армянский.

На данный момент евреев в Армении насчитывается от 500 до 1000 человек, более того, в последние годы евреи начали возвращаться в Армению. На территории Армении действуют две разные еврейские организации – «Еврейская община Армении (JCA)» и «Еврейская религиозная община Армении (JRCA)», у которых есть собственные информационные сайты.

Евреи Армении в основном говорят по-русски, многие изучают иврит, большинство хорошо владеют армянским. С 1995 года в Ереванском государственном университете преподается иврит. В 1999 году возле мемориала посвященному геноциду армян в Ереване, Еврейская община Армении посадила 12 деревьев, отождествляющих 12 племен Израиля, а также был установлен памятный камень памяти жертв Холокоста.

В стране действует еврейский культурный центр «Менора» под руководством музыканта признанного «Мистер Толерантность» Республики Армения Вили Вайнера, который объединяет более 50 человек.

На улице Нар-Доси 23 в Ереване, расположен еврейский религиозный центр Армении «Мордехай Нави», возглавляемый раввином Гершем-Меиром Бурштейном, который периодически выезжает для проведения службы в синагоге Севана. Общинный центр «Мордехай Нави» – состоит из молельного зала, а также благотворительной столовой и воскресной школы. Еженедельно в шабат после молитвы в Центре устраиваются трапезы, на которых беседуют обо всем, что связано с еврейскими традициями, на курсах для взрослых разъясняются недельные главы Торы. Здесь же проходят торжества по случаю каждого еврейского праздника. Также при еврейской общине действует благотворительный общинный центр «Орот Хесед», шествует над которым ребецн Лея Премыслер. Продолжает работать детская воскресная школа «Тора Ор», действует общинная газета «Коэлет». С марта 2004 года в Армении общиной начато производство кошерной пищи, которая экспортируется в Израиль и еврейские общины других стран.

Еврейская община Армении, является членом Евро-Азиатского Еврейского Конгресса (ЕАЕК) и Всемирного конгресса русского еврейства (ВКРЕ), общиной в конце 2002 года при поддержке ЕАЕК была начата публикация информационного бюллетеня сообщества.

с 11 по 12 мая 2009 года в Ехегисе (Ехегнадзорский р-н Республики Армения) прошел научный симпозиум на тему «Проживание евреев в Ехегисе», а 24 февраля 2010 года в Ереване в институте-хранилище

древних рукописей «Матенадаран» прошла презентация книги «Евреи Армении: Средневековье» об истории пребывания евреев в Армении в Средние века. В книге нашли отражение результаты научных исследований о религиозной и светской жизни евреев в Армении, также в скором времени еврейская община намерена опубликовать книгу об истории современной еврейской общины Армении.

В 1996 году на территории Армении сделаны важные археологические открытия, были найдены надгробия на которых содержались тексты на древнееврейском и арамейском языках. Найдены они были близ населенного пункта Ехегис в области Вайоц-Дзор на юго-востоке Армении. Подобные открытия уже имели место так архимандрит о. Гарегин (Овсепян) в 1910 году обнаружил непохожий на другие надгробный камень, фотографию которого отослал известному ученому Николаю Мару. Плита представляла собой камень размером 1.4 на 0.6 м содержащий надпись в четыре строки, которая была расшифрована профессором П. К. Коковцовым.

27 октября 2006 г. в столице Армении, г. Ереване, состоялось открытие памятника жертвам Холокоста и геноцида армян в Османской империи. Памятник расположен в самом центре Еревана, на месте мемориального камня жертвам Холокоста. Автором памятника является известный армянский архитектор Рубен Аручян.

Композицию мемориала составляют 2 базальтовые стелы, символизирующие похожую участь двух древних народов – армянского и еврейского. Стелы представляют собой две треугольные призмы, срез которых при наложении друг на друга создает контур шестиконечной звезды. На стелах выбиты надписи на армянском языке и иврите: «Жертвам Холокоста и Геноцида», «Жить не забывая»..

Армяне и евреи: два исключительных народа. Евреи и армяне почти едины в осознании себя “народом исключительных страданий”. Геноцид и Холокост – две мощные этнотравмы двух библейских народов, сумевших дожить до третьего тысячелетия. Для человечества они стали точкой отсчета в понимании универсального Добра и межэтнической Справедливости. **Холокост в школьных программах Армении**

Холокост является составной частью школьной программы по истории Европы и второй мировой войны. Конкретно к теме Холокоста обращаются в 8-м классе начальной школы (в возрасте 14 или 15 лет).

В рамках программы, ЕАЕК совместно с Украинским центром изучения истории Холокоста были проведены семинары в Армении.

Каждый год Президента Республики Армения публикует Послание по случаю Международного дня памяти жертв Холокоста

27.01.2015

Осуществленный в годы Второй мировой войны по отношению к евреям геноцид воистину является одной из самых жестоких и трагических страниц истории человечества. 27 января, которое символизирует освобождение концентрационного лагеря Освенцим, стало одним из важнейших событий, позволивших покончить со злом Холокоста.

Взывание к памяти жертв Холокоста и осуждение этого злодеяния актуально до тех пор, пока в мире продолжают поднимать голову основанные на национальной, расовой и религиозной почве самые различные проявления ненависти и нетерпимости, пока не устранена угроза повторения направленных против человечества преступлений.

Бесспорная истина, что предание забвению жертв геноцидов и их отрицание, особенно на государственном уровне – это один из этапов этого преступления. Это двойное преступление не только по отношению к невинным жертвам, но и против настоящего и будущего. Пожалуй, можно было бы предотвратить совершенные под завесой Второй мировой войны злодеяния, если бы осуществленные в годы Первой мировой войны преступления удостоились полноценного международного осуждения, а ответственные за них понесли бы заслуженное наказание.

Еще раз склоняя голову перед памятью невинных жертв Холокоста, хочу выразить поддержку и солидарность еврейскому народу, еврейской общине Армении. Армянскому народу, который в этом году отмечает 100-летие Геноцида армян, более чем понятна боль еврейского народа.

Подтверждаю наше обязательство совместно вести борьбу в направлении предотвращения преступлений против человечества, решительно говоря: «Больше никогда».

Врач Ара Ерецыан – первым из более двух десятка армян, был занесен в список Праведников мира Яд Вашем в 1981 году. По разным оценкам он спас в Будапеште несколько сотен евреев от расправы венгерской фашистской партии “Скращенные стрелы”.

Сам Ерецян примкнул к молодежному движению партии еще с 1930-х годов, однако с началом гонений на евреев, он покинул ее ряды. В 1944 году, в возрасте 26 лет Ара Ерецяна назначают командиром гражданской обороны в шестом квартале Будапешта. И здесь, вместе с известным венгерским психиатром еврейского происхождения Ференцем Вольгеши, под протекторатом Шведского посольства, они основывают клинику, основной целью которой являлось спасти как можно больше жизней. Все те, кого преследовала нацистская партия, находили здесь убежище как под видом пациентов, так и персонала клиники. Для этого Ерецян, используя свои связи с нацистами, изготавливал фальшивые документы для них. Таким образом удалось спасти в общей сложности, жизни 440 евреев, 40 из которых были врачи. Подробные отчеты о работе клиники так впечатляли партию “Скрещенные стрелы”, что они редко приходили сюда с проверками, несмотря на сигналы о том, что Ерецян прячет евреев в госпитале. Клиника играла важную роль в жизни города, жители района получали бесплатную медицинскую помощь, а во время осады Будапешта Красной армией она превратилась в настоящий госпиталь. Нацисты восхищались патриотизмом Ерецяна, который оказывал медицинскую помощь венгерским солдатам и жителям города, оплачивая расходы клиники из собственного кармана.

Irena Mostowicz
Universität Wien, Austria
Cultural and Social Anthropology
PhD candidate
irena.mostowicz@gmail.com

MOBILITY AS A SIGN OF EVERYDAY LIFE IN THE SOVIET UNION ON THE EXAMPLES OF FORCED AND VOLUNTARY MOVEMENT

The article addresses the matter of mobility within the USSR. Due to its dependance on a political regime, mobility was a special element of everyday life in that country. In the 1930s, forced mobility was a method to fight politically undesirable elements, more concretely the people who were considered as a part of the former bourgeois system. As a result, hundreds of thousands were deprived of their property and deported or arrested and had to start a new life in completely different regions (or were sent to prison). Forced mobility was put to an end to only with the liberalization of the political system. Since the 1960s, people had chances to change their place of living voluntarily due to work. Sometimes the place they chose was located in other republics. Usually, the new place of living is a challenge to adopt to local conditions and customs. In the case of the Soviet Union this adaptation was a lot easier because of the unified educational, social and political systems. Russian language became the *lingua franca* and the mother tongue for dozens of nationalities, when Russian culture dominated the other cultures. These factors helped Soviet citizens to integrate into new working collectives easily.

Key words:

mobility, USSR, everyday life

At the present stage of the refugee crisis, there is an opinion that integration policy does not play an efficient role. The problem of adaptation to the new cultural conditions is the matter of criticism. Nevertheless, there are cases which show that a particular educational policy might bring success in this field. The former Soviet Union is an interesting example to study forms of mobility and social integration processes.

Can we assume that there is a standard Soviet biography? The Soviet state was a huge territorial unit, which consisted of 15 national republics. Despite this national diversity, as well as the difference in the development of large regions of the country, some similarities in the lifestyle of Soviets citizens can be assumed. This similarity consisted in belonging to the civil society organizations (Oktyabryata, Pioneers, Komsomol, communistic party), a unified school system, the general media, as well as the general system of bureaucracy and administration. That means that in any point of the country the citizens of the Soviet Union took the same path of education and received the same information. From Tallinn to Dushanbe children sang the Pioneers' song "Soar bonfires" (*Vzveytes' kostrami*), the youth joined *Komsomol*, all went together on May 1st parades, celebrated Victory Day, and stood in line for food. Another common feature of everydayness in the USSR was mobility, which is here understood as a process of movement within the country and the change of residences.

Times can be seen in the history of the USSR when large numbers of people were included in the process of mobility. During the Stalinist repressions, millions of people became victims of forced deportation to Siberia or to Central Asia and to labor camps or prisons. During the Second World War, millions of soldiers and hundreds of thousands of civilians were mobilized and evacuated from the frontline. After the war, many soldiers who had survived fights and prison camps were sent to prison by the state in order to avoid potential rebellion tendencies after visiting the West.

To the above list should be added another form, the phenomenon of a "labor mobility". In the USSR, work mobility was represented by social phenomena such as a construction works done by *Komsomol*, or mandatory state distribution of young professionals after graduation into different regions of the country. The change of a place of residence or workplace was not a particular problem, as the realities of life were almost identical.

Moreover, an important binding element of the big country was the Russian language, which became native for many nationalities, as well as Russian culture, which was the very basis of school education.

It is worth considering how many families from the former Soviet Union changed their original place of residence and why. In many cases, depending on the generation, their location changed several times and became a part of people's everyday life.

This article presents the stories of several families from different regions of the USSR. They are all different, but a sign of mobility unites them.

1. Mobility and everyday life

What does everyday life mean? On the one hand, it is a very abstract concept which can mean everything and nothing. "Everydayness" means something regular, prosaic. This sphere is connected with something familiar which concerns every one of us. Everyday life is associated with a routine that may relate to something insignificant. However, this monotony has a certain mystery (what we do consciously and what not), and rationalism, which is situated somewhere in between these both forces (Highmore 2002:2-5).

The topic of everyday life in the Russian reality often refers to the theory of *byt*, which can be translated as a mode of life, lifestyle, or just everydayness (Boym 1994). Seeing how people lived and how their everyday life looked like can be found primarily in literature. Diaries, memoirs and novels illustrate living conditions, class differences (the life of the rich and the poor), how people worked and how they spent their leisure. Everydayness can be also found in photography, art, songs and statistics. Soviet everyday life is usually investigated through such perspectives like: forming socialist landscape, public/private space, the level of life, gender or migration (Орлов 2010).

Daily life in the Soviet context can be also considered from the perspective of French scientists – Henri Lefebvre and Michel de Certeau, as they show the mechanisms of life organization under different political circumstances.

The Marxist Lefebvre was the first to introduce criticism of everyday life, since, according to his point of view, it is under the control of the authorities. People's life choices are not independent because they are dependable on power, which determines their fortune. Particularly he criticized the

lifestyle of people in the Soviet Union, where, in his view, human life was completely subordinated to the economy and politics (Lefevbre 1991).

The opposite view presented de Certeau who showed that enterprise and ingenuity can take place without any influence of power. He examined everydayness as an unusual phenomenon. De Certeau believed that people choose a strategy, which means that their actions are guided by a specific logic. In the case of contact with the government or the market, which set the rules of the game, people are still able to use the situation to their advantage. Strategy becomes the result of human responses to the action of the authorities. Tactics, the second type of the action, represent everyday life and depend on time and circumstances. De Certeau considers the ability to control one's own space as especially important. That space is a property. That is where the action takes place together with strategies and tactics (de Certeau 1984:36-37).

Both concepts are very well suited to describe the realities of life in the USSR. On the one hand, human lives were fully subordinated to the totalitarian regime. On the other hand, people lived according to their own strategies of action, so; therefore, they undertook certain tactics. If someone wanted to go to university then that person had to belong to the youth organization Komsomol. Even if during the 1970s the presence on May 1st marches or election was not mandatory, all adult citizens of the Soviet Union took part in the events, hence the absence could bring bad effects (Usually the communistic party officer asked "Why were you not, Comrade X ... at the demonstration yesterday? "). The minimal property was reduced to a private space where people could express their creativity. As a result, the private life was realized at homes and the creative approach could be manifested in the space of *dachas* (seasonal or year-round second home usually outside the city) and garages (mostly a male space).

This logic can be traced back to the phenomenon of mobility. In the USSR forced and voluntary movements of people can be distinguished. The Stalinist period is an example of forced mobility, which has been linked to evictions, deportations, exiles, arrests and departures to the Gulag camps. All these categories, in addition to the camps, were usually associated with *dekulakization* which is the process when the state nationalized the property of peasants and small entrepreneurs. Those who were not shot at once, were sent to special settlements (*trudposelenya*) in Kazakhstan, Siberia and the Far East. Exile was not an equivalent for deportation as from exile one could return. The category of forced settlements means that people could

not change their destination. In the matter of escape from the place of settlement a person was punished with up to 20 years of hard labor. During more than ten years, hundred thousands of families were sent from Ukrainian SSR, the Lower Volga region, Caucasus, from the Crimea and from other regions to *trudposelenya*. Special settlers worked primarily in the collective farms (*kolkhoz*), but also in the industry – the coal, metallurgy, and so on. Sometimes, deportations were subjected to whole nationalities (mostly Poles, Jews, Ukrainians, Germans). During the war also Kalmyks, Chechens, Crimean Tatars, Greeks and many other nationalities were sent to special settlements sent (Земсков 1991).

How did the deportation influence the lives of its victims? People were transported in cattle wagons to the destination. There, depending on the region, the settlers built by themselves dugouts and were regularly supervised by a commanding officer. The high mortality rate of immigrants should also be added, as the conditions of transport and the life conditions were extremely difficult (Земсков 1991). In the new settlements, people didn't only have to settle in a new place, but also had to learn how to live in a new multicultural society. Additionally, special settlers were constantly suffering from hunger and harsh climate. None of them had passports, so they had no freedom of movement.

Hard political conditions continued until the time of Khrushchev. Most families that belonged to the category of special settlers remained in the settlements, but their children began education according to the general Soviet lifestyle. They used the possibility of changing the place of residence to work elsewhere. Often, the first place of work was allocated just after the graduation and young people from the cities went to the village, and the vice versa.

Of course the number of places of residences depended on the profession. Many were living in the place, where they had been sent to by the state distribution (the state – employer – decided or asked a person where he or she wants to work, or was directed to work in a certain region. It was dependable on availability of working places in a particular place). The first period of work usually lasted 3 years. During that time, a young teacher who came to the distributed village could get married and stay with her new family. Military families often changed their place of residence and the geography of their living places reminds the map of the USSR.

It should be noted that the only bureaucratic, ideological and school systems and, above all, Russian language as the state one allowed people without any problems to change in such cases the place of residence. Mov-

ing from Chemkent in Kazakhstan to Vladivostok did not bring special adaptation problems, apart from the climate. Children could easily undergo the same curriculum, the houses looked similar and people were standing in line for food and goods in the same way.

Since forced mobility cannot be perceived as a choice, the strategy in relation to it can only be called a subordination. There have been cases that some kulaks were warned about the possibility of confiscation and to avoid repressions they sold their farms, left their belongings behind and moved to cities. Such tactics not only saved the life of the whole family, but also allowed to organize life a little bit on the way. For instance, they could run away to the city and start working in a factory. Big city life allowed anonymity and cutting off from the past. Bolsheviks introduced an active process of education in the 1920s, which was connected with a workplace. Near factories living districts were built for workers, where people were under propaganda influence all the time (Лебина 1999:243). It means that in the city everyone had chances to be informed in the same way, so running away from *dekulakization* into the city was a good tactic.

With regard to the voluntary mobility, tactics in movement had different goals. Many people were looking for better earnings. Work in the north or the Far East gave such opportunities, but the harsh climate was a large drawback. Furthermore, changes of residence for the family or the work were absolutely normal in the Soviet everyday life. People from other regions and republics integrated into a new life including a new location and a new job. One language, one culture and life experience in the USSR was a common space for dialogue and friendship.

2. Mobility in the individual examples

This article presents material collected during a participated observation and in-depth interviews with families living nowadays in Smolensk, Moscow (Russia) and Heidelberg (Germany) during the period 2014-2015. During this time, the family members told their stories and explained in detail the reasons for their mobility in a narrative way. Oral history presents a micro-story (Орлов 2010), so the small story of a human who is experiencing the large history. According to few life stories we can notice some processes that form generation.

Moreover, the observation helped to notice how the place of their current and former residences had affected their life and lifestyle.

2.1. Anna

Anna is 90 years old and lives in Smolensk. She comes from a peasant family, who lived in Proskurov (today Khmelnytsk in Ukraine) before the World War II. According to Anna's speculation and stories which he heard from her neighbors, her parents were warned about the possibility of confiscation and deportation during the dispossession of kulaks property. They left their house and Anna was left in the care of neighbors. When the authorities started arresting neighbors, Anna became a waif. After some time, when she was about 5 years old, Anna was adopted by one family. She felt good with the new parents until the moment when she was spotted by a woman presenting herself as a natural mother. She took Anna back and took care of her until the beginning of the occupation. The Germans took Anna and the rest of the residents as result of a raid and they were sent to the concentration camp Auschwitz-Birkenau. During the stopover Anna and some other children managed to escape from the train. Although the Germans shot her while escaping, she survived the bullets that passed through her. With big difficulties, she came back to Proskurov by foot with the help of the people who met her on the road. Unfortunately, very soon she was arrested again and sent to the Mauthausen camp in Austria, where she spent 2 years until the liberation. In a refugee camp she was called up into the Red Army where she finally served an 8-month service. This period she spent in Salzburg, where the point of registration for those Soviet citizens was who had spent their time in captivity or in the Nazi camps. Working as secretary saved her from the Gulag, where after the victory many soldiers and prisoners were sent, who had been in the West. After graduating from college in Ukraine, Anna sent a request to work as an accountant to Liepaja in Latvia. There she met her future husband, a lieutenant of the Red Army. After 3 years her husband was sent to serve in the Nakhichevan Autonomous Republic, near the border with Iran. There, they lived among the local population. Despite the domination of Islam, as well as special traditions (such as polygamy) Anna and other military families managed to establish good contacts with the local population. After three years in Asia, Anna's family moved to Belarus, where her husband gave up his military career and became the director of *kolkhoz*. In the 1970s, they returned to the Smolensk region, the homeland of her husband. There, they built a house and settled farming, which, according to her words, helped them to pass the time of Perestroyka and the economic crisis in the 1990s

easily (what was extremely important for her after having suffered from hunger throughout childhood and adolescence). After her husband's death Anna moved to Smolensk where she now lives in an apartment which is a state compensation for her being a victim of the Nazi system.

Despite a difficult life experience Anna is a very positive person. Nowadays she sacrifices her time between her numerous grandchildren. Anna does not consider her life as anything special. Like millions of other Soviet citizens she was forced to move. Her husband's decision about his military retirement was their common decision, as they wanted to return to their home region. Anna considers their work in *kolkhoz* (where she worked as an accountant), as well as her work in Asia, as successful. They had to subordinate to decisions made above, but they still adapted to their new life in their own way, choosing their own tactics. Her children and grandchildren live in Smolensk and do not intend to leave the residence.

2.2 Valeria

Valeria is 37 years old and has an extensive mobility experience. Her family – servants, workers and engineers – are native Belarus, but in the early 30s had moved to Moscow (probably they had fled before the property confiscation). During the war, her grandfather was evacuated to Tashkent (Uzbekistan) together with his family. After the victory they returned back home. Valeria was born in Pevok, where her parents worked as engineers in the ore-zinc factory. She spent the first ten years of her life in Chukotka among other children of employees. Particularly, she remembers boarding schools for Chukchi children who were separated from visitors. Soon, the family returned back to Moscow. There, her father was engaged in scientific work and in the 1980s the family moved to Yoshkar-Ola, where he received a job at the university. There, Valeria studied and lived in a Soviet multinational environment (mostly among peers who were also children of academic workers and came from different regions). After the collapse of the Soviet Union, her parents decided to move to Israel. In the promised land they could not find their right place. Only Valeria's mother has Jewish roots, so her father was refused to receive the Israeli citizenship. As they were not able to integrate into the Israeli society, the family returned to Moscow eight years later. Meanwhile, Valeria got married in Tel Aviv (her husband comes from Odessa). When her parents were trying to organize their life again in Russia, they moved to Vienna, where her husband was offered a job. In Vienna, Valeria gave birth to two children and worked as a

translator and sometimes as an accountant. Five years ago, she got a divorce and left her husband in Vienna to move to Moscow.

Moving often in life was not problematic for her, as she integrates easily and plans the next stages in her life without any fear. She does not preclude that in a few years she will move again, but as far as now she is happy that her children can communicate with their grandparents. Valeria cannot define her identity clearly. She rather considers herself as a product of the Soviet heritage and tries to bring up her children in a multilingual environment.

2.3. Nadyezhda

Nadyezhda (62 years old) lives today in Heidelberg, southern Germany. Prior to that she lived in Kokshetau, in north Kazakhstan. Her family was deported to there from very different regions – one grandparent (from a baptized Jewish family) came from Polish Bialystok, but moved to work in Minsk. Nadyezhda does not know exactly the reasons why they were ranked as special settlers, but in 1936 they came to Kazakhstan. Another branch of the family were Germans living in Dagestan, who were dispossessed and exiled to the same place. Both families had to work in *kolkhoz*. Nadyezhda's parents were still small children during the deportation. The main memory from their childhood, as well as of Nadyezhda's childhood, remains hunger and cold winters. Nadyezhda graduated from college in Kokshetau and remained there. She highly regards her adult Soviet life because she had a high professional position in the chemical factory, as well as access to partisan benefits which gave her additional opportunities, including overseas travel. She emphasizes the importance of peaceful life in the multicultural Kazakh republic. Kazakhstan was the place where Soviet authorities deported dozens of nationalities (Земсков 1991). Nadyezhda worked together with Poles, Germans, Jews, Greeks, Koreans, indigenous Kazakhs, Tatars and many more. This “melting pot” was one of the most unique in the USSR due to an extremely large national diversity and it was maybe one of the most successful realizations of the Soviet project. All these groups had to communicate with each other, so general Soviet education was a perfect solution. Therefore, the national factor was not emphasized and people identified themselves mostly with being “Soviet”. The national policy focused on politicizing the ethnicity through bureaucracy, ideology, atheism and education (Амоншолова 2014:41). Additionally, the success was strengthened by mixed marriages and multinational

army (Fawkes 1997:34). The Russian language became a mother tongue for Nadyezhda and her parents, as well as for millions of others. In 1989, the Russian language was declared a mother tongue by the 81% citizens of the USSR (Амоншолова 2014:45). Nevertheless, after the fall of the USSR, almost all ethnical groups organized communities and tried to come back to their homelands. In the 1990s, her daughter received a scholarship from the German government and went to study in Heidelberg. Meanwhile, Central Asian republics fell into economic and national crisis. Authorities started to promote indigenous nations and some descendants of settlers became victims of nationalism. As a result, thousands of people emigrated. Nadyezhda used her German roots and received German citizenship for the all family. Nowadays she works as an accountant, travels a lot around Europe and seems to be a very satisfied woman.

Her story is a typical example of forced mobility and voluntary mobility after the collapse of the Soviet Union when millions of people left the USSR and moved to their “ethnic” homelands, or simply emigrated to find a better life.

2.4. Andrey

Andrey’s family story seems to be the another chapter in the Soviet’s everyday life encyclopedia. Till the beginning of the 20th century, his ancestors, Latvian peasants, lived somewhere on the Baltic countryside. His grand-grandfather, an educated travelling salesman, got a job in Moscow and brought there all his family. He had two children and did everything he could to give them a good education. His daughter graduated from the Shanyavski National University in Moscow, where women were allowed to study, just before the October Revolution. Andrey’s grand-grandfather was killed by an accident during the Civil War in 1920 and the family lost a person who supported them financially. Everyone had to go to work to various factories. Andrey’s educated grandmother married a Jew, who was a correspondent during World War II. He came back home in 1945, but even his military merits did not help him to avoid prison. Together with hundreds of other war survivors he was arrested and sent to Gulag because he served around 2 years in the Western front. According to Stalin’s opinion, such people could bring rebellious tendencies after visiting Western countries. To avoid potential tensions in society, he ordered to arrest all “suspicious” persons. Andrey’s grandfather spent 8 years in prison, till Stalin’s death when an amnesty was declared for political prisoners. He came

back to his family and got a job as an accountant in the Soviet railways. Very often, he had to go to business travels all around the country. One day he did not come back because he met a new woman and stayed with her. Andrey's grandmother never got married again. His mother, also a factory worker, married his father who worked as a driver. Andrey's parents are a unique examples of the people who never changed their place of living. Andrey worked all his life as an electrician in Moscow's underground. His wife is a librarian. Her family was very mobile (deportations, prisons, voluntarily mobility), but she was never. Together with their daughter, a journalist, they live in Moscow and do not want to change their place of living, however they travel a lot around Russia and Europe.

The lack of active mobility gave Andrey's family one big advantage. Because they have not changed the place of residence for few generations, an individual memory survived, as well as various heirlooms. Years of terror, forced and voluntarily mobility destroyed individual memory in the Soviet families (Duprat-Kushtanina 2013). Collective memory (Halbwachs 1992), which was driven by a national one, was dominating the discourse. As a result, private stories were not present. His wife does not have many heirlooms and family photos because often deportations did not allow to keep them. Very few people were able to keep photos, some ancestor's objects, or even know details about their own genealogy. It is a result of different strategies which their ancestors had chosen. When someone did not have a correct political descent (like proletarian or peasant), or became a political victim of repressions in the 1930s, or even later was in prison – then that kind of person became a kind of taboo in the family and if the person had survived, then that person usually was not very eager to talk about that hard experience later. A good example are veterans of World War II. Andrey claims that his grandfather never shared his war and prison stories with anyone within his family. Many other people confirm that family members who fought in the war, or were political victims, did not share their experience with anyone. Moreover, often moving did not allow the people to take particular objects, so the bond with the past was ruptured. Mobile people had to be practical, so the option of multigenerational houses was not possible. As a result, the knowledge about family history is rather poor among the people. This tendency is slowly changing thanks to particular projects that activate individual memory, like “immortal division” when during celebrations of Victory Day people bring portraits of their family members who fought during the World War II. It attracts them to look into history

of their ancestors and find some historical facts. Andrey is a special case because in his family a strong individual memory was always present and his family keeps an impressive documentation (including documents, letters, photos) and various family heirlooms. Furthermore, Andrey has been making video documentations for over 40 years, so nowadays, the young family members can watch their ancestors immortalized in a film.

Soviet mobility and mobility today

The history of mankind is a constant process of movement. Such examples are colonization, the Migration Period of barbarian tribes in Europe, or waves of emigration in the 19th and 20th centuries. In this context, the Soviet mobility has a special quality.

The Soviet mobility concerns the problem of freedom. It was either taken or given. A person could be deprived of everything and was sent to an empty steppe, or was given a choice of places to work. No matter if there was freedom or not, people have always found a way to adapt to the conditions which were dictated by power. Everyday life of the Soviet people concerns not only living conditions, but also the mechanisms of communication and understanding of the other people. After all, people often found themselves in a completely new and different regions with different cultures. As a result, Soviet citizens were forced to adapt to new environments and, in most cases, they successfully passed that process, thanks to their strategies and tactics.

In this article, the presented heroes show different family life stories, but they are united by their experience of mobility in the USSR. All of them perceive themselves as “Soviet people” because they were brought up by the Soviet system and they consider mobility as a characteristic sign of life in the USSR. It is possible that extensive experience of movement positively affects people’s ability to overcome life’s difficulties. The heroes and their ancestors, were used to move, they adopted very well to the new reality and living conditions. Moreover, they have a feeling of understanding and respect for other cultures. They are not afraid to start contact with someone of a different nationality. They have a large knowledge about various types of personalities and customs that are present among different ethnical groups.

Nowadays in Russia, which never denied the Soviet heritage and treats it as a natural and positive part of its history, mobility does not exist anymore

in a Soviet way. Mobility inside the country is rather small and is rather limited to seasonal work. People migrate from small towns and villages to larger places due to their earnings. They usually do not stay in the cities, but come back home after few months of working. Mobility outside Russia is very rare because of the lack of language knowledge. Russian language as *lingua franca* still has its traces, for instance, in Central Asia from where people move to big Russian cities to work seasonally in building sites. Russia seems to be the only former Soviet republic which is attractive to work nowadays for them (also because of the freedom of movement between Russia and Central Asia. Baltic states are part of the Schengen zone). Some former republics are not economically successful, so many people decide to move to Russia to work. The knowledge of Russian language helps them a lot in this process. Russians do not move to neighborhood countries. In this case, Russian people do not gain such experiences as their parents or grandparents did. The state does not continue work place distribution, which was so characteristic for the socialist paternalistic state, when the state offered job places for the people. Nowadays, from time to time a state-governed work place distribution still occurs, which concerns only particular professions like doctors or teachers, who can move to Far East and get there good social conditions. The young generation, whose family experienced mobility a lot, is not interested in changing places. They might have many reasons, which sometimes may not even be fully conscious.

Forced mobility broke family ties. Usually, deportations concerned one single family, not necessary also grandparents or other relatives. The contact with political prisoners was limited and very often family members did not know details about their relatives till the period of Khrushchev Thaw. The moment of arrest and deportation did not allow people to take private objects and heirlooms because they had only few minutes to gather one piece of luggage. Mortality and starvation were very common, so thousands did not survive their fortune. From the times of Civil War on, famines were absolutely omnipresent in the USSR, in some regions even till the 1960s. It means that in some cases voluntary mobility was a choice to find a better life, which in the Soviet reality meant a permanent food access and individual living place. The strategy was always to survive no matter what. Survival meant political rescue and trying to avoid famine. Even if collective memory reminds people mostly about Soviet successes in culture and science, it also keeps a place for a hard social experience, which was common for everyone.

It is a kind of natural human desire to possess an own place. The private

property is a unique place where people can control their life and create a distance from the power (de Certeau 1984: 36-37). In the case when a family finally settles in one place and has property, there are other relatives in one area and sources of income, then there is no need to change a place of residence. People start to shape their own history connected to their location. They have an opportunity to create an individual memory and to pass it to next generations. There is a big difference in historical consciousness between societies that had to be mobile and those, who lived in one place for centuries. A permanent place of residence helps to keep memory and to build a tradition. People do not migrate because they love travelling, but usually because they have to leave their home place to survive. The big waves of migrants to the USA, South America or Australia were a result of wars, violence and famines in the 20th century.

Nevertheless, we can perceive the Soviet mobility as an interesting example of ideological, hence political influence. Even if people were forced to survive, they could do that in conditions which were offered by authorities that put them into a survival framework. These conditions were profitable due to useful features that helped Soviet citizens to adopt to a multicultural environment. Although we can claim that every migrant needs to adopt to a new environment, which brings different culture, still, in the Soviet case it was one, socialist, Marxist-Leninist environment which really united millions of people by force.

Literature:

- Амонжолова, Дина, *Советский народ – историческая реальность или фантом?*, Вестник Российской Нации, 2008-2014, Спецвыпуск, 2014, 38-62
- Boym, Svetlana, *Common Places. Mythologies of Everyday Life in Russia*, Harvard University Press: Cambridge, London, 1994, 36-68
- de Certau, Michel, *The Practice of Everyday life*, University of California Press: Berkeley 1984, 36-37
- Duprat-Kushtanina, Veronika, *Remembering the repressions of the Stalin era in Russia: on the non-transmission of family memory*, Nationalities Papers, Vol. 41, No. 2, 2013, 225-239
- Fawkes, Ben, 1997. *The Disintegration of the Soviet Union. A Study in the Rise and Triumph of Nationalism*, London: MacMillian Press
- Halbwachs, Maurice, *On collective memory*, Chicago, The University of Chicago Press, 1992
- Highmore, Ben, *Everyday Life and Cultural Theory. An Introduction*, Routledge: New York, London 2002, 2-5
- Лебина, Наталия, *Повседневная жизнь советского народа: нормы и аномалии 1920-1930 годы*, Журнал Нева, Санкт Петербург, 1999
- Lefebvre, Henri, *Critique of Everyday Life. Introduction. Volume 1* Verso: London, New York, 1991
- Орлов, И.Б, *Советская повседневность. Исторический и социологические аспекты становления*, Изд. дом Гос. Университета – Высшей Школы Экономики, Москва 2010
- Земсков, В.Н., “Кулацкая ссылка” в 30-е годы, Социологические исследования Но 10, 1991, 3-21

Irina Polyakova

History teacher of E.F.Karsky 1.Grodno gymnasium Regional coordinator of the program

EAJC “Tolerance – Holocaust Lessons”

Полякова Ирина Дмитриевна,

учитель истории высшей категории гимназии № 1 имени академика Е.Ф.Карского г. Гродно, выпускница Международной школы к преподавателей темы Холокоста в Яд Вашеме, лауреат 2 и 3 Международных конкурсов работ по Холокосту, региональный координатор программы ЕАЕК «Толерантность – Уроки Холокоста».

MEMORIALIZATION OF THE HOLOCAUST VICTIMS IN BELARUS

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ЖЕРТВ ХОЛОКОСТА В БЕЛАРУСИ

Беларусь. Здесь, в самом центре Европы, было убито, замучено, сожжено, закопано живьем по разным данным от 600 тысяч до одного миллиона человек, вся вина которых состояла лишь в том, что они родились у еврейских родителей. Фактически каждый третий мирный житель нашей республики, погибший в годы оккупации, был евреем, и каждый седьмой еврей Европы был уничтожен на территории Беларуси. Большинство историков в результате научно-статистического анализа данных сходятся в том, что за время гитлеровской оккупации на белорусской земле были убиты от 600 до 800 тысяч евреев, что составляет от 74 до 82 % всего довоенного еврейского населения Белоруссии. Печальная статистика, учитывая, что евреи проживают на территории Беларуси свыше 6 столетий, являются неотъемлемой

составной частью этнической структуры белорусского общества и сегодня в полной мере интегрированы в его жизнедеятельность.

В Беларуси попытки увековечить память об убитых родных начались сразу после окончания войны, но в отличие от уцелевших евреев Европы, советским евреям (в том числе, и белорусским) во времена Советской власти делать это было несравненно сложнее, инициатива увековечивания памяти о Холокосте исходила только снизу, а органы власти всеми способами противились их осуществлению, понимая, что такая деятельность укрепляет коллективное еврейское национальное самосознание. И действительно, памятники и могилы еврейских жертв часто становились объектом паломничества евреев и их семей

Установление памятников на местах захоронений в Республике Беларусь – одно из основных направлений мемориализации. Первые памятники с изображением шестиконечной звезды и надписями, что там были убиты именно евреи, были установлены с 1944 по 1946 гг., а в Минске у памятника с надписями на русском языке и на идише состоялась многолюдная церемония открытия памятника, несмотря на запрет властей на проведение траурной церемонии. Сложилась тенденция на монументах на месте гибели жертв Холокоста не отражать национальную принадлежность погибших, не употреблять слово «еврей», а вместо него писать «мирные жители», «советские граждане» или «жертвы фашизма.

Систематическая работа по увековечиванию памяти жертв Холокоста началась лишь с появлением еврейского общественного движения – в 1991 году, после возникновения Союза еврейских общественных объединений и общин. Это не значит, что ранее не возникало мыслей об увековечивании памяти сотен тысяч уничтоженных евреев Беларуси, но тогда ни люди искусства, ни само государство еще не были морально готовы к осуществлению таких проектов. В последние годы ситуация изменилась, и местные власти часто сами выступают инициаторами установки памятных знаков. Наиболее известный из памятников жертвам Холокоста в Беларуси – Мемориал жертвам гитлеровского геноцида «Яма». Он был первым и в течение длительного периода после войны единственным памятником жертвам Холокоста на территории СССР.

Работа по установке новых и замене старых памятников частично осуществляется и благодаря инициативе и финансовой поддерж-

ке белорусских еврейских землячеств за пределами Беларуси. На их средства памятники евреям – жертвам Холокоста установлены практически во всех областях республики.

В 2002 году в Минске Союзом белорусских еврейских общественных организаций и общин и другими еврейскими общественными организациями был открыт Музей истории и культуры евреев Беларуси. Выставочная, исследовательская, и просветительская деятельность музея с момента его открытия проводится по теме Холокоста и охватывает всю Беларусь. Общественное объединение «Республиканский фонд «Холокост»» в содружестве с российским НПЦ «Холокост», Украинским Центром по изучению Холокоста провели ряд обучающих семинаров с учителями общеобразовательных школ Образовательные семинары, международные курсы для преподавателей, изучающих тему Холокоста, стажировки белорусских учителей в Институте Национальной Истории Яд Вашеме и Музее Ванзейской Конференции – все это позволило подготовить в каждой из 6 областей республики учителей, изучающих с учениками историю Холокоста, организующих поисковые группы по выявлению и увековечиванию памяти жертв Холокоста, открывающих новые имена Праведников Народов мира.

В 2005 г. состоялся первый республиканский конкурс школьников, студентов и учителей «Холокост. История и современность», в котором приняли участие свыше 150 человек из различных школ и вузов страны. Уже на второй республиканский конкурс работ школьников, студентов и учителей «Холокост. История. Уроки толерантности», посвященный 65-летию со дня уничтожения Минского гетто были присланы около тысячи работ учащихся, подготовленных учителями, прошедшими образовательные семинары. Работы на конкурс – основная их часть написана не евреями – поступили из многих городов и деревень Беларуси. В основном это краеведческие работы, методические материалы, научные исследования, мультимедийные фильмы, презентации, рисунки, рассказы. Итоги конкурса получили широкое освещение в СМИ, а с материалами, предоставленными на конкурс, можно ознакомиться в Музее истории и культуры евреев Беларуси. В прошлом году был проведен дистанционный конкурс работ школьников по исторической проблематике Холокоста и победители были приглашены на международную конференцию в Москве для участия в памятных мероприятиях, посвященные освобождению Освенцима.

Учителя и школьники Беларуси – ежегодные участники Международного конкурса работ школьников, студентов и учителей в г. Москва, и по его итогам регулярно участвовали в ежегодной Международной Конференции в Бресте (российский НПЦ «Холокост»), в проведении которой активно помогала еврейская община Бреста и ее руководитель Борис Брук. Также белорусские школьники участвуют в программе ЕАЕК «Толерантность – уроки Холокоста» и в течении ряда лет выступают со своими работами в Всеукраинском конкурсе работ школьников по Холокосту в г. Киеве.

Анализируя работу, проводимую нашими учителями по изучению истории Холокоста, можно выделить следующие направления:

- Сотрудничество школьников с еврейскими общинами – знакомство с историей и культурой еврейского народа – сохранение памяти жертв Холокоста
- участие в Международном конкурсе работ школьников и студентов «Холокост: память и предупреждение» (г.Москва)
- участие в образовательном проекте ЕАЕК «Уроки Холокоста – путь к толерантности»
- сотрудничество с Музеями: – истории и культуры евреев Беларуси (г.Минск) – еврейского сопротивления (г.Новогрудок) – истории евреев Польши (г. Варшава) – Дом-Музей Ванзейской конференции – Музей памяти жертв Холокоста и героев Сопротивления Яд Вашем – Музей евреев на Троицкой (г.Гродно)

Еще одна форма работы по сохранению памяти жертв Катастрофы – поисковые ученические отряды, которые со своими учителями и представителями еврейской общины ищут свидетелей уничтожения евреев, берут у них видеопереговоры, записывают воспоминания белорусов, очевидцев Катастрофы. Свидетельские показания о жертвах Холокоста отсылаются через музей истории и культуры евреев Беларуси (г.Минск) в Яд Вашем.

Беларусь – это громадное еврейское кладбище. Мемориализация мест массового захоронения жертв геноцида – еще одна форма увековечения пребывания евреев на этой земле. Сегодняшняя ситуация в культуре исторической памяти Беларуси интересна тем, что конкуренцию официальной советской (постсоветской) исторической памяти составляет индивидуальная и коллективная память как белорусов, так и представителей других наций и культур. Ведь сохранение памяти о Холокосте невозможно представить без попытки затронуть память людей, которые пережили последнюю войну. Силами ученых-историков и учителей-энтузиастов по всей республике ведется

не только исследовательская деятельность по обнаружению и сохранению захоронений, но и по сохранению устной истории. Краеведческие поисковые отряды во всех областях Беларуси ищут по свидетельствам очевидцев места расстрелов и захоронения евреев, находят их, устанавливают памятные знаки и ухаживают за ними. Деятельность школьных и студенческих экспедиций по сохранению устной истории Холокоста и мемориализации мест захоронений является реальной связью с прошлым и включает личные переживания, что способствует превращению культуры памяти о второй мировой войне и Холокосте, в частности, в элемент современной культуры.

В большинстве стран мира Холокост воспринимается не только как трагедия евреев, погибших в результате тщательно разработанного и осуществленного плана массового истребления, но и как предостережение. Вот почему во многих странах мира отмечается День памяти евреев – жертв нацизма. На территории Беларуси погибла одна седьмая всех жертв Холокоста. А между тем дни памяти жертв Холокоста проводились в белорусской послевоенной истории только два раза: в 1993-м и 2008-м годах. Они были приурочены к 50-й и 65-й годовщинам уничтожения узников минского гетто. Предложение ежегодно отмечать день Холокоста на государственном уровне было отвергнуто Советом министров Беларуси в июле 2011 года. Чем дальше от нас события Катастрофы, тем больше мужества требуется, чтобы помнить о гибели шести миллионов евреев и миллионов других людей, убитых за то, что они были цыгане или славяне, инакомыслящие или военнопленные. Хочется верить, что наша работа по сохранению исторической памяти жертв Холокоста приблизит тот день, когда страна, потерявшая в огне Катастрофы не только почти миллион своих сограждан, но и культуру целого народа, сочтет необходимым помнить об этом не только в скорбные юбилейные даты. Изучение страшного прошлого – это не только сохранение памяти о погибших, но и одно из условий выживания современного человека.

Amalya Prtavyan

Employee in Jewish Museum and
Tolerance Center

Амалия Пртавян

сотрудник Еврейского музея и
центра толерантности,
выпускница философского
факультета МГУ (2013) и РГГУ (2015)

SPECIFICS OF MEMORIALIZATION OF THE SHOAH AND ARMENIAN GENOCIDE IN OSMAN EMPIRE

СПЕЦИФИКА МЕМОРИАЛИЗАЦИИ КАТАСТРОФЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА И ГЕНОЦИДА АРМЯН В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В работе «Между памятью и историей. Проблематика мест памяти»¹ Пьер Нора определяет память как непосредственное переживание событий и, вслед за Морисом Хальбваксом² противопоставляет память истории, которая является репрезентацией пройденного. В то время, как память жива, подвижна и актуальна, история – «это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет»³. Память – непосредственное переживание событий, история – репрезентация уже пройденного, когда переживание мертво. Однако,

¹ *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. 1999. СПбГУ, 1999

² *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №2–3. URL.: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 08.05.2015)

³ *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. С. 20.

память ограничена во времени. И, когда появляется угроза забвения, появляется необходимость фиксации.

Когда мы говорим о памяти в контексте Катастрофы, память рассматривается на двух уровнях: «как опыт, пережитый уцелевшими людьми», и «как заповедь человечеству помнить об этом событии»⁴. В первом случае говорится о тех, кто стал непосредственным свидетелем события, во втором – в какой-то мере об императиве помнить. Однако, несмотря на то, что в настоящее время события Катастрофы европейского еврейства тщательно изучаются и осмысляются, не так давно о Катастрофе предпочитали не вспоминать вообще.

В работе «Возвышенный исторический опыт» Франклин Анкерсмит пишет о Катастрофе как о событии слишком болезненном, чтобы включать его в коллективное сознание⁵. Оно болезненно настолько, что в первые два десятилетия после Второй мировой войны в Германии, и не только в ней, Катастрофа была «забыта»: «Воспоминания о нем [Холокосте] были настолько зловещими и настолько мучительными – как для пострадавших, так и для преступников, а иной раз и для сторонних очевидцев, что долгое время он был недоступен для сознательной памяти».

Не стоит недооценивать целительность забвения, которое играло важную цивилизационную роль, необходимую для окончания войны и заключения мирных договоров. Для того чтобы справиться с фрустрацией, связанной с поражением в ходе войны, конфликте и т.п., память о нем, как правило, сглаживалась. Проигравшая сторона старается акцентировать свое внимание на более жизнеутверждающих сюжетах. Паскаль Брюкнер пишет о забвении, как об элементе истории⁶. Под коллективным забвением он понимает «прощание кровавых долгов»: «Если нам придется ввязываться в ссоры наших предшественников, если все народы будут обречены без конца пережевывать взаимные упреки, миру не выбраться из крови и огня»⁷. Необходимо уметь забывать, пишет Брюкнер, иначе вина, вынуждающая вечно со-

⁴ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С.48.

⁵ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Изд-во Европа, 2007.С. 440-441.

⁶ Брюкнер П. Тирания покаяния. Эссе о западном мазохизме. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 54

⁷ Там же.

жалеть о случившемся, не даст возможности перевернуть страницу и жить здоровой жизнью дальше. «Наступает момент, когда нужно дать мертвым похоронить своих мертвецов и унести свои распри и сетования с собой. <...> Лишь забвение отводит место живым и новоприбывшим, тем, кто намерен стереть прошлые обязательства и страхнуть бремя былой горечи. Оно дает грядущим поколениям силу начинать заново»⁸. Брюкнер предлагает помнить не о черных страницах человеческой истории, а о том, что удалось вынести из болезненных событий. Ассман же настаивает на необходимости помнить о погибших, чтобы не обрекать их на повторную смерть через забвение, потому, что забвение того, что случилось с ними, было бы оскорблением.

По мнению Алейды Ассман, если речь идет об исторической травме – жертвах преступления против человечности, нельзя забывать о симметрии отношений. Ассман приводит две противоположные ситуации; столкновение между оппонентами, отстаивающими свои интересы. Обе стороны конфликта имеют возможность наступать и защищаться, но одна из них оказалась слабее и потерпела поражение. Вторая ситуация – последовательное уничтожение невинных и безоружных людей, безо всяких четко установленных причин. В первом случае можно говорить о симметрии насилия; был конфликт, в котором одна сторона проиграла. Симметрия насилия существует между победителем и побежденным. Во втором случае речь идет об асимметрии насилия; это отношение не между победившим и проигравшим, а между преступником и жертвой. Вряд ли здесь уместно говорить о забвении в целях заключения мирного договора. Напротив, забвения допустить нельзя. Между тем, асимметрия насилия порождает, в свою очередь, асимметрию памяти; преступник ищет спасение в забвении, жертва – в памяти. Актом примирения между ними может стать *только* сохранение прошлого.

Когда память умирает, необходима фиксация. Например, память о сопротивлении в концентрационных лагерях, о которых и так вспоминают довольно редко, рисковала умереть вообще, однако письменные свидетельства ее сохранили. Говорить о фиксации памяти можно не только в терминах Пьера Нора, используя понятие «мест памяти», но и с помощью более широкого термина «культурная память» Алейды Ассман.

⁸ Там же.

Культурная память – это фиксация памяти на каком-либо материальном носителе; это могут быть фотографии, музеи, архивы, письма, литературные свидетельства и т.п. Культурная память нужна для того, чтобы передавать опыт и знания «из поколения в поколение, благодаря чему формируется долговременная социальная память»⁹. Носителями именно культурной памяти являются многочисленные Музеи Холокоста. Она аккумулируют информацию о произошедшей Катастрофе, документальные свидетельства и фотографии. Память о Катастрофе, таким образом, почти не подвержена риску забвения. Именно это, по мнению Алейды Ассман, отличает память о Катастрофе европейского еврейства от памяти о геноциде армян в Османской империи 1915 года: «В отличие, скажем, от армянского геноцида, Холокост является сегодня самым хорошо задокументированным преступлением против человечности. Ему посвящены мемориалы, музеи. Архивы, выставки, памятники и художественные инсталляции, а также книги, телевизионные сериалы, кинофильмы и видеосвидетельства. Неизмеримо разросшаяся научная библиотека по этой теме и огромное множество медийных материалов делают излишней постановку вопроса относительно будущего памяти о Холокосте. Здесь развитие культурной памяти обеспечено по одному и другому направлению. Поэтому нет вопроса, сохранится ли память о Холокосте после того, как уйдут ее живые носители-очевидцы»¹⁰.

Памятники, музеи, архивы и тому подобные памятные места обеспечивают долговременность памяти. Ассман пишет о том, что память о Катастрофе сохранится и после того, как уйдут последние ее носители, т.к. память эта, в отличие от памяти о геноциде армян, институализирована. Однако, это не совсем верно. В Армении существует Музей геноцида армян Цицернакаберд, при котором действует научный исследовательский институт. Регулярно проводятся конференции, собираются и хранятся свидетельские документы. Памятным днем в Армении является 24 апреля. Таким образом, мы можем говорить и о материальном носителе памяти, и о памятной дате. Однако, в том, что касается сохранения памяти, есть и другой аспект – это общественное признание. Несмотря на мемориальную культуру и сохраняющуюся память о геноциде, армяне, все же, находятся в ситуации *асимметрии насилия*. Травмированная общность живет

⁹ Ассман А. Длинная тень прошлого. С. 58

¹⁰ Там же. С. 268-269

этой травмой, так как нет другого способа пережить случившееся. Подвергнуть геноцид забвению было бы оскорблением памяти жертв – так же, как в случае с Катастрофой европейского еврейства. «Турция, будучи правопреемницей Османской империи, не только не наказала виновных, но и продолжает чтить их как национальных героев и основателей нового государства, им ставят памятники, их именами называют улицы и архитектурные сооружения. Соответственно закрытыми остаются архивы, на основе которых возможны научные исследования травматических событий. Их непризнание привело к тому, что память о них не смогла обрести ни мемориальную репрезентацию, ни научную объективацию»; «армяне живут мемориальным, нарративным сообществом, объединенным совместным опытом, что характерно для семьи. Временной предел для семейной памяти ограничивается сроком в восемьдесят-сто лет, она обычно не сохраняется дольше третьего поколения»¹¹.

Список литературы:

- Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Изд-во Европа, 2007
- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Брюкнер П. Тирания покаяния. Эссе о западном мазохизме. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009.
- Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. 1999. СПбГУ, 1999
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №2–3. URL.: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 08.05.2015).

¹¹ Ассман А. Длинная тень прошлого. С. 262

Olga Radchenko

B. Chmelnyzki-University, Cherkassy,
Ukraine

Ольга Радченко

Университет Б.Хмельницкого,
Черкассы, Украина

RELATIVES AND ACQUAINTANCES OF COLLABORANTS IN ZOTONSCHINA – HOLOCAUST WITNESSES OR PARTNERS IN CRIME?

РОДСТВЕННИКИ И ЗНАКОМЫЕ КОЛЛАБОРАНТОВ В ЗОЛотоНОШЕ – СВИДЕТЕЛИ ИЛИ СОУЧАСТНИКИ ХОЛОКОСТА?

Как известно, на территории Украины во время нацистской оккупации погибло около 1,5 млн. евреев. Первые научные публикации по данной теме появились в Украине в начале 1990-х гг. Однако, по мнению канадского историка украинского происхождения Джона-Пола Химки Холокост остается периферийным в мейнстримной украинской историографии, хотя и было проведено несколько конференций, издано несколько сборников документов и книг справочного характера.¹ Большинство работ сосредоточилось на топо-

¹ John-Paul HIMKA. The Reception of the Holocaust in Postcommunist Ukraine // Bringing the Dark Past the Light: The Reception of the Holocaust in Postcommunist Europe / John-Paul Himka, Joanna Michlic (ed.). – University

графии и хронологии событий в отдельных регионах и городах.²

Политика открытости в отношении архивно-следственных дел КГБ, находящихся на хранении в отраслевом государственном архиве СБУ, проводимая с 2010 г. в Украине, способствовала появлению работ, посвященных вопросам коллаборации на микрорегиональном уровне, в частности, Александра Прусина и Юрия Радченко. Главное внимание в данных работах было уделено роли органов тайной полевой жандармерии, полиции безопасности и СД, вспомогательной полиции в Холокосте, коллективному портрету местных участников анти-еврейских акций.³ Интересной представляется и статья Александра Мельника, посвященная анти-еврейскому насилию в сентябре 1941 г. в Киеве через призму советских следственных материалов. Ав-

of Nebraska Press, 2013. – p.626 – 661; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства 1941–1941 гг.: Энциклопедический справочник. – Харків: Каравелла, 2001; А. И. Круглов. Уничтожение еврейского населения Украины в 1941–1944 гг. Хроника событий. – Могилів-Подільський: Могилев-Подольская райтипография, 1997; Гон М. Геноциди першої половини ХХ століття: порівняльний аналіз. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2009. – 180 с. (навчальний посібник). Голокост в Україні (1941–1944): Словник-довідник / Упоряд. О. Гісем, О. Мартинюк. – Вид. 2-ге, випр. і доп. – К.: Сфера, 2007; Єлисаветський С. Катастрофа і опір українського еврейства (1941–1944): нариси з історії Голокосту і опору в Україні: Збірник статей / Упорядник С. Єлисаветський. – К.: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень НАН України, 1999; Шоа в Україні: історія, свідчення, увічнення. – Київ: Дух і Літера, – 2015. – 520 с. з іл.

² Ляховицький Ю. М. Попранная мезуза. – Харків, 1991; Я. С. Хонигсман. Катастрофа еврейства Западной Украины: Евреи Восточной Галиции, Западной Волыни, Буковины и Закарпатья в 1933–1945 гг. – Львів: Львівська обласна друкарня, 1998; Бабий Яр: человек, власть, история: Документы и материалы / Татьяна Евстафьева и Виталий Нахманович (ред). – В 5 книгах. – Т. 1.: Историческая топография: хронология событий. – Киев: Внешторгиздат, 2004; Михаил Тяглый. Места массового уничтожения евреев Крыма в период нацистской оккупации полуострова, 1941-1944 (рос.). Симферополь, 2005. – 112 с. и др. Гон М., Голокост на Рівненщині (документи і матеріали), Запоріжжя: Прем'єр, 2004. – 119 с.

³ Прусин А. Украинская полиция и Холокост в генеральном округе Киев, 1941-1943: действия и мотивация // Голокост і сучасність, №1, 2007. С. 31-59. Радченко Ю. «Його чоботи та есесівська форма Були забризкані кров'ю»: таємна польова поліція у терорі щодо євреїв Харькова (1941-1943 рр.) // Голокост і сучасність. №2, 2011. С. 47-86.

тор анализирует документы в контексте проблем власти и наррации.⁴

Что касается Холокоста в небольшом местечке Золотоноша Черкасской обл., где накануне войны проживало 2087 евреев (11,4% нас.) и многие из них эвакуировались либо были призваны в Красную армию, то город был оккупирован с 19.9.1941 по 22.9.1943 и во время оккупации входил в генеральный округ «Киев». Об уничтожении еврейского населения Золотоноши и прилегающих сел, которое произошло главным образом осенью 1941 г., то есть в первый период наиболее активных карательных акций на оккупированных восточных территориях, сказано в Энциклопедии Холокоста под ред. И.А. Альтмана,⁵ книге Брагинского Я.Л.⁶ и в опубликованных воспоминаниях Ивашиной Тамилы и Гольдбаум Шифры.⁷ Ввиду ограниченности источниковой базы данных публикаций реконструкция событий в г. Золотоноше в 1941-1942 гг. требует уточнения. Однако целью данной работы является попытка рассмотреть феномен коллаборации и Холокоста через призму родственных и дружеских отношений коллаборантов на разных этапах их службы во время нацистской оккупации и по окончании войны. Автор полагает, что данному аспекту научного дискурса не было уделено должного внимания, в то время как неформальные межличностные коммуникации во многих эпизодах, связанных с Холокостом и с послевоенной судьбой бывших коллаборантов, играли существенную роль.

В качестве методов исследования будут использованы традиционные позитивистские подходы, а также методы психологии нарратива, в данном случае применительно к следственным документам органов госбезопасности, хронология которых простирается, начиная с 1944 г., и заканчивается 1962 г., то есть охватывает как сталинскую эпоху, так и хрущевскую, вошедшую в историю метафорой «оттепель».

⁴ Мельник А. Сталінська юстиція як місце пам'яті: анти-єврейське насилля в Києві у вересні 1941 р. крізь призму радянських слідчих матеріалів // <http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/584-oleksandr-melnyk-stalinska-iustytysia-iak-mistse-pamiati-anty-ievreiske-nasyllia-v-kyievi-u-veresni-1941-roku-kriz-pryzmu-radianskykh-slidchikh-materialiv-chasty-na-2> (доступ)

⁵ Холокост на территории СССР. Энциклопедия. - Российская политическая энциклопедия, Научно-просветительный центр «Холокост», М., 2009.

⁶ Брагинский Я.Л. История еврейства города Золотоноши Черкасской области. Украина. Золотоноша, 2001.

⁷ Жизнь и смерть в эпоху Холокоста: Свидетельства и документы. Т. 1, 2. К., 2008.

Материалы архивно-следственных дел, хранящиеся в архиве Черкасского областного управления Службы безопасности Украины, позволяют лишь фрагментарно проанализировать биографические данные лиц, служивших во вспомогательной полиции и в так называемой «украинской сотне» Золотоноши. Однако на их основе можно сделать следующие выводы: среди примерно 3 десятков ставших известными имен примерно треть составляли бывшие военнослужащие Красной армии (от рядовых до майоров), дезертировавшие с фронта или освобожденные из немецкого плена. По возрасту коллаборанты были молодыми людьми и людьми среднего возраста. Более грамотные из них, в частности, учителя быстрее продвигались по службе: становились начальниками окружной полиции, тюрьмы, лагеря для военнопленных, заведовали биржей труда. Были среди них и дети раскулаченных селян. Привлечение местных мужчин в полицию (называвшуюся вначале милицией) и в «украинскую сотню» во многом происходило как цепная реакция, в которой катализаторами выступали бывшие коллеги, родственники и знакомые. Так бывший учитель физкультуры Каланчук, в одночасье ставший начальником полиции (*приговорен к высшей мере наказания в 1944 г. – прим. авт.*), пригласил другого учителя физкультуры Р. (*осужден на 20 лет ИТЛ в 1946 г. – прим. авт.*), который после непродолжительного пребывания в рядах полицейских был назначен начальником тюрьмы.⁸ В свою очередь Р. пригласил на службу Ш., работавшего до войны военруком в школе (*осужден на 20 лет ИТЛ в 1945 г. – прим. авт.*) и т. д.

Кроме профессиональной общности вступление на службу облегчали и родственные связи: среди полицейских были родные и двоюродные братья. В том случае, если кого-либо из них в силу длительного пребывания в ВКП(б) или Красной Армии не удавалось убедить лозунгами оккупационного режима, в ход шли апелляции к мужскому достоинству: «Если ты не поступишь (в «украинскую сотню» Золотоноши – прим. авт.), то тебя могут презирать, а так будешь себя чувствовать уверенно».⁹ Несомненно, что во многих случаях решение о вступлении в полицию принималось отцами молодых людей: «...Через 5 дней после прихода немцев к нам пришел знакомый отца Е. и сказал, чтобы отец прислал меня к нему для службы в милиции... Отец мне сказал,

⁸ Архив Черкасского областного управления Службы безопасности Украины (далее АЧОУСБУ), д. 736, с. 16.

⁹ АЧОУСБУ, д. 4777, с. 75

чтобы я шел к нему на службу на второй день с утра...»¹⁰ Данная цитата принадлежит одному из бывших полицейских В., находившемуся под следствием, но в ней отсутствует мотивация. Только в показаниях его родственников появляются конкретные причины: по словам матери: «Мой муж ему говорил, чтобы он шел служить в полицию, так как он будет получать зарплату и будет знать все, что там будет делаться... и что тогда не угонят в Германию»¹¹ И по словам жены обвиняемого: «Отец сказал ему, чтобы он поступил в полицию... только потому, что советская власть в период коллективизации раскулачила их, а сейчас при немцах мы будем «раскулачивать» тех, кто нас раскулачивал».¹² И действительно служба в полиции давала шанс свести старые счеты: тот же полицейский В. ездил арестовывать в свое родное село людей, принимавших участие в раскулачивании его родителей. Это подтвердила мать активиста Советской власти, который был арестован и расстрелян немцами в конце июля 1942 г. во время массового расстрела коммунистов и комсомольцев в том же яру на Струнковке, где 23 ноября 1941 г. расстреляли еврейское население.¹³

Материалы архивно-следственных дел позволяют довольно полно реконструировать участие полицейских и местного населения в анти-еврейских акциях, но обращает на себя внимание тот факт, что ключевые позиции в городском управлении с началом оккупации были заняты людьми пришлыми. Именно они организовывали учет евреев и направляли действия полиции: в частности, бургомистром был назначен некто Бержевецкий Лев (*расстрелян немцами зимой 1942 г. – прим. авт.*). Некто Буткевич Владимир получил должность политического руководителя при бургомистре, принимал непосредственное участие в расстреле еврейского населения (*в начале 1942 переведен в Киев на должность коменданта Печорского района, бежал при отступлении немцев – прим. авт.*). Особая роль Буткевича заключается еще и в том, что именно он назначил на должность начальника паспортного отдела, проводившего регистрацию евреев, некоего молодого человека по имени Капустин Михаил, исчезнувшего из города сразу же после выполнения своего задания.

Очевидно, что акции по экстерминации еврейского населения

¹⁰ АЧОУСБУ, 12470, т.1, с.29

¹¹ АЧОУСБУ, 12470, т. 3, с. 13 об.

¹² АЧОУСБУ, д. 12470, т. 3, л.56.

¹³ Там же, л. 84.

проходили по отработанному нацистами сценарию в рамках общего развития оккупационной политики, но в то же время их динамика на местах могла определяться специфическими условиями. Остается, в частности, открытым вопрос, кто принял решение о распределении участков в городе среди полицейских по принципу местожительства. Накануне массового расстрела евреев в Золотоноше полицейским была поставлена задача – собрать на своих улицах лиц еврейской национальности, то есть своих соседей, и доставить их во двор, где ранее был военкомат. Лживые призывы брать с собой только ценности и легкие вещи, так как придется якобы идти далеко, призваны были озвучить люди, которых знали и которым в какой-то степени доверяли. Для большей убедительности угрозы подкреплялись физическим принуждением. Судя по дальнейшим событиям, с этой задачей полицейские справились: несколько сот человек были приведены к 2 часа дня 22 ноября 1941 г. в назначенное место, т.е. к бывшему военкомату. Свидетельница Х. показала в 1946 г. против бывшего полицейского, а в последствии начальника тюрьмы Р., что он забрал у нее еврейскую девочку Марию Айхенблат.¹⁴ Активно свидетельствовали против полицейских и жены репрессированных немцами активистов советской власти:

«Примерно в ноябре 1941 г. в Золотоноше немцы расстреляли все еврейское население. Перед расстрелом я лично видела на нашей улице, как полицейский Щ. с немцами забрали еврейскую семью Краснопольского и другие семьи. За день до расстрела евреев в Золотоноше я проходила мимо здания районной полиции, и у здания стояли выстроенные в шеренгу немцы в черных шинелях и там же отдельной шеренгой были выстроены полицейские».¹⁵

На допросах в НКГБ бывшие полицейские утверждали, что не знали о предстоящем расстреле, что, только отконвоировав на следующий день колонну евреев на Струмковку, к месту расстрела, они все поняли. В следственных материалах расстрел, проводившийся немцами, описывается бесстрастно и сухо. В задачи полицейских входила охрана места расстрела и по его окончании добывание раненых людей из винтовок; их действиями в тот момент руководил бургомистр Бержевецкий, разглядывавший трупы во рву через монокль. Один из

¹⁴ АЧОУСБУ д. 736, л. 38.

¹⁵ АЧОУСБУ д. 7561, л. 102.

бывших полицейских на допросе в 1960 г. сказал следующее: «У меня не хватило воли стрелять в этих людей».¹⁶ Другой участник событий, которому было приказано на следующий день закопать трупы, свидетельствовал:

«По прибытию к обрыву, с которого сталкивались евреи в овраг, я увидел жуткую картину. Много сотен окровавленных трупов людей, в том числе старики, женщины и дети, валялись в овраге друг на друге, причем многие из них были полураздетые. Глядя на расстрелянных с обрыва, высота которого была 7-8 м, я никаких движений среди расстрелянных, а также стонов со стороны кого-либо из них, не видел и не слышал... Я дал указание отковырять землю сверху обрыва и ею засыпать трупы».¹⁷

Возможно, что здесь говорит не столько искренность, сколько желание уменьшить свою вину. Психологически легче было обвинить в содеянном злодеянии других:

«В конце февраля-марте 1942 я вместе с С. находился в казарме «сотни». Между нами зашел разговор о еврейском населении. Кто-то из присутствующих высказал сожаление, зачем постреляли безвинных евреев, женщин и детей. Тогда же находившийся в казарме С. в моем присутствии хвастливо заявил, что он, С., немало утробил евреев».¹⁸

О людоедском злорадстве некоторых золотоношских полицейских свидетельствует и выжившая парадоксальным образом благодаря одному из их них Гольдбаум Шифра:

«Нас, четверых, оставшихся в живых сопроводили в тюрьму... Среди ночи к нам ворвался полицейский и торжественно объявил: «Громадяни, радйте. Ми очистили нашу Золотоношу от жидів».¹⁹

Следующий эпизод в трагедии евреев Золотоноши предстает в нарративе одного из обвиняемых полицейских в форме косвенной речи, передающей полуформальный стиль взаимоотношений среди полицейских, а главное – он свидетельствует о той трансформации

¹⁶ АЧОУСБУ, д. 12470, т. 1, л. 191

¹⁷ АЧОУСБУ, д.736, л. 26.

¹⁸ АЧОУСБУ, д. 12470, т. 1, л. 117.

¹⁹ Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Т. 1, с. 382.

в моральном облике, что превратила их из пособников убийц в самостоятельно действующих убийц, быстро усвоивших технологию немецких карательных отрядов. В то же время убийство евреев воспринимается ими как некий ритуал коллективной поруки.

«Через 2 или три дня на том же месте... (имеется в виду место массового расстрела еврейского населения в Золотоноше 23 ноября 1941 г. – прим. авт.) в Яру было расстреляно еще 7 человек евреев... Тут выходит Р. (нач. тюрьмы – прим. авт.) и говорит ты, С., дежурить не будешь пойдешь в распоряжение Р. (полицейского – прим. авт.) и (ему – прим. авт.) говорит вот сейчас мы посмотрим твою преданность нам. Тут Р. (полицейский – прим. авт.) сказал пошли на улицу а на улице была подвода с людьми в количестве 7 человек евреев из них 2 или 3 мужчин... Арестованным Р. приказал раздеться до нательного белья. Затем Р. по одному брал подводил к обрыву стрелял из пистолета в затылок. Как мне помнится трупы расстрелянных с окраины обрыва палкой отталкивал полицейский. Фамилию его не знаю...»²⁰ (пунктуация по оригиналу собственноручного пояснения обвиняемого – прим. авт.)

Однако, есть свидетельства жителей города, что брутализация полицейских, усиливавшаяся при совместном проведении карательных акций, проявлялась и до массового расстрела еврейского населения. Данный нарратив интересен еще и тем, что дает представление о степени знакомства жителей небольшого города друг с другом. Во многом благодаря такой не анонимности следственным органам НКГБ удавалось довольно точно устанавливать топографию преступлений, их исполнителей, а в некоторых случаях и имена жертв:

«В октябре 1941... в 6 вечера во дворе тюрьмы был разговор и раздался выстрел... Я подошла незаметно к забору, посмотрела во двор тюрьмы. Я увидела – около уборной тюрьмы стоял арестованный Швед Николай, который до оккупации служил милиционером в Золотоноше, еврей Левина София, ее отец и Аврунтис. В это же время во дворе тюрьмы стояли Р. (начальник тюрьмы – прим. авт.) и его брат., начальник окружной полиции Каланчук, полицейские тюрьмы... Я своими глазами видела, как Р. (полицейский – прим. авт.) расстрелял Аврунтиса, Левину Софию и ее отца Левина Ицко, и Шведа

²⁰ АЧОУСБУ, д. 12470. т. 1, л. 25.

Николая... После освобождения Золотоноши в октябре 1943 трупы расстрелянных были извлечены из окопов тюрьмы». ²¹

Важно отметить, что полицейские проявляли исключительную жестокость не только по отношению к евреям, но и к другим преследуемым нацистами группам населения. В этой связи можно привести эпизод с поимкой советского военнопленного, сбежавшего из-под расстрела летом 1942 г.: «Немцы неизвестного человека не избивали, а стояли и смеялись, как полицейские его били». ²²

Другим эпизодом во взаимодействии полицейских со знакомыми и родственниками выступает закапывание трупов расстрелянных мирных жителей Золотоноши. Из свидетельских показаний жителя города:

«Меня на базаре поймал Петренко (*повешен по решению Военного трибунала в 1944 г. – прим. автора*) и приказал, чтобы я со своей подводой ехал вместе с ним. Куда и зачем Петренко мне не объяснил. По распоряжению Петренко я приехал на гору ко рву на окраину гор. Золотоноши на Струнковку... Около рва стояло 7-8 человек еврейской национальности, среди них я хорошо запомнил одну женщину с маленьким ребенком... Расстреливали по одному полицейские... Одежду Петренко сдал на склад». ²³

Однако, родственных уз и знакомства было явно не достаточно, чтобы заставить людей выполнять такую работу, и в ход шел самый главный аргумент: угроза такой же расправы, как с евреями. Механизм воздействия страхом перед репрессивным режимом, как известно, был отработан в Советском Союзе задолго до начала войны:

«В 3-4 часа вечера к нам пришел в дом староста участка Р, чтобы я взял лопату и шел закапывать трупы расстрелянных. Я не хотел идти, но староста предупредил меня, что если я не пойду, то буду там, где и еврей». ²⁴

Интерес представляет вопрос об отношении родственников полицейских к уничтожению евреев и к еврейскому имуществу. Сведения

²¹ АЧОУСБУ, д. 736. л. 143.

²² АЧОУСБУ, т.3., л. 64.

²³ Там же, л.139.

²⁴ Там же, л. 27

на данную тему можно почерпнуть из материалов следственных дел и из воспоминаний евреев Украины. В первом случае перед угрозой обвинения в незаконном владении чужим имуществом родственники в один голос утверждали, что не знали, какую должность сын/муж/брат занимал в полиции, чем он занимался и откуда появлялась чужая мебель и одежда. Эпизоды вселения в чужие квартиры могли подаваться как факты изгнания из собственного жилья, жены утверждали, что питают «к мужу обиду», что об их участии в расстрелах евреев «понятия не имеют...»²⁵ Однако, другие документы следственных дел, в частности показания обвиняемых (хотя и известно, что во многих случаях они появлялись под физическими методами принуждения) свидетельствовали об обратном:

«По приходу домой я сказал, что сейчас немцы расстреливали евреев (23 ноября 1941 г.) и я взял эти вещи. Вскоре после этого я зашел к полицейскому по фамилии Р. (они были дружны, сбежал при отступлении немцев в 1943 г. – прим. автора), чтобы выпить, и когда мы выпили, он стал хвастать, что достал золотые вещи, и я у него выпросил одно кольцо и две монеты по 5 руб. золотом. Я принес эти вещи домой, кольцо отдал матери, а золотые монеты отдал отцу и, конечно, сказал, что мне их дал Римский.»²⁶

В некоторых случаях после зачитывания подобных показаний мать обвиняемого признавала факты появления чужой мебели, но «откуда сын брал эти вещи – точно не знаю, видимо, это были вещи еврейские».²⁷ Те же из местных жителей, кто во время оккупации занимал наблюдательную позицию, свидетельствовали о фактах вымогательства ценных вещей у евреев, о том, что в заселении чужих квартир или же выносе вещей из них принимали участие семьи полицейских.²⁸ И хотя данная информация из уст разных свидетелей часто отличалась во многих существенных деталях, по сути она была правдивой и позволяла правильно определить степень участия обвиняемых в инкриминируемых им преступлениях.

Гольдбаум Шифра, проживавшая осенью 1941 г. в Золотоноше, вспоминала: «Однажды к нам в дом ворвались два полицейских и ограби-

²⁵ АЧОУСБУ, д. 12470, т.3, л.56.

²⁶ АЧОУСБУ, д. 12470, т.1, л. 21 об.

²⁷ АЧОУСБУ, д. 12470, т.1, с.123; т.3, л. 16.

²⁸ АЧОУСБУ, д.12470, т.3., с. 37 об.

ли нас. Все ценное, что могли унести, забрали. Мама начала сопротивляться, тогда ее сильно избили».²⁹ Ивашина Тамила, чья семья выжила благодаря помощи жителей села Вильхи Черкасской области, отмечала антисемитизм детей полицейского, осужденного после войны:

«Дети этого полица, который отбывал наказание за содеянные преступления, нас, малых детей, посвятили в тайну, кто мы такие, дразнили, унижали, били, хотя ведь должно же было быть все наоборот».³⁰

Следует сказать о послевоенной доле семей полицейских, в той или иной степени принимавших участие в анти-еврейских акциях в Золотоноше. При отступлении немцев около 35 бывших Золотоношских полицейских и служащих украинской сотни бежали, бросив свои семьи. Некоторым удалось добраться только до Волынской области, где их догнала Красная Армия, и они прошли специальную проверку. Те, кому не удалось перебраться в страны Западной Европы и Америки, после войны селились под чужими именами от Западной Украины до Азии, часто меняя место жительства. Опасаясь преследований со стороны родственников лиц, пострадавших от нацистского режима, жены и дети полицейских, а в некоторых случаях и родители также выезжали на новое место жительства. Имели место случаи самоубийства отцов скрывавшихся полицейских.³¹

На то, что родственные связи для тех, кто остался инкогнито на территории Советского Союза, окончательно не разрывались, указывают эпизоды встреч и даже проживания по соседству. Служба госбезопасности не оставляло без внимания родственников бывших полицейских и в отдельных случаях это позволяло выйти на их след, арестовать, провести следствие и осудить. Родственники, выступавшие в качестве свидетелей, могли проявлять разную степень упорства в своих ложных показаниях с целью не признания своего родства с обвиняемым. Категорически отрицали свое родство, как правило, кровные родственники: матери и сестры, в то же время зятья и невестки могли давать правдивые показания:

«Жена сказала, что он является братом... часто приходил к своей родной матери, вмешивался в наши семейные дела и мешал спокойно жить, только и говорил, что о деньгах... Я заметил, что он держится

²⁹ Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... Т.1, л. 378.

³⁰ Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... Т.2. С. 115.

³¹ АЧОУСБУ, д. 12470, т.1, л. 28.

как-то настороже, о себе мало рассказывает, тайком пробирается в дом матери, чтобы никто его не видел. И всегда приходил после работы в вечернее время, чтобы покушать у матери. В комнате держал себя замкнуто, грубо относился к своей жене...³²

Даже после отбытия наказания многие из коллаборантов не возвращались в родные места: брат бывшего командира взвода украинской сотни, освобожденный в 1956 г. и приехавший в Золотоношу, вскоре оттуда уехал, и никакой переписки близких родственников с ним больше не было.³³ При пересмотре дел на осужденных в начале 1990-х гг. место жительства родственников во многих документах не значилось.

Особый случай разрушения семьи полицейского, принимавшего участие в учете имущества расстрелянных евреев, произошел летом 1942 г., когда он выехал вместе с младшим сыном в Германию, и по циркулировавшим в Золотоноше слухам хотел стать священником. Возможными причинами могли стать раскаяние и желание отстраниться от коллаборации, а также распад семьи в силу того, что его жена сожительствовала с командиром отряда СД, который производил расстрелы в Золотоноше.³⁴

Связанность полицейских совместными преступлениями сохраняла свою силу либо в нацистской системе координат, либо вне угрозы личной безопасности. С попаданием в следственные органы госбезопасности СССР бывшие сослуживцы с легкостью предавали друг друга. Так, встретившиеся случайно после войны в Тернопольской области двое золотоношских полицейских могли вместе выпить водки и пива, не напоминая друг другу о службе в полиции, но, будучи арестованными, спустя 15 лет после войны давали показания о преступной деятельности друг друга.³⁵

Отдельного упоминания заслуживает стилистика следственных документов, которая не менялась на протяжении почти 20 лет рассматриваемого периода. Наряду с юридическими штампами ее каркасом служили многочисленные советские идеологемы, практически не оставлявшие места для живого разговорного языка эпохи. Но даже

³² АЧОУСБУ, д. 12470, т. 3, л. 97.

³³ АЧОУСБУ, д. 12470, т. 3, л. 134.

³⁴ АЧОУСБУ, д. 7561, л. 56.

³⁵ АЧОУСБУ, д. 12470, т.1, л. 22 об.

в этих суррогатных проявлениях письменного языка можно встретить примеры исключительной лингвистической мимикрии со стороны обвиняемых, как правило, это могли быть собственноручно написанные показания или кассационные жалобы с целью демонстрации не просто приверженности Советскому режиму, но и апелляции к семейным, гуманным ценностям:

«Я везде чувствовал заботу комсомола... Ленинский комсомол воспитал и выучил меня, двух братьев и сестру...Разве я мог быть враждебно настроен?»³⁶

Подводя итоги, следует сказать следующее. Следственные дела на бывших полицейских Золотоноши дают возможность понять характер их участия в насилии против еврейского населения, выражавшегося как в проведении арестов, конвоировании и охране, так и непосредственно в убийствах и грабежах. Некоторые из них, в случае смешанных украинско-еврейских семей, могли занимать так называемую диффузную позицию:

«Вскоре в село вернулся, попав в окружение, наш родственник, муж папиной сестры Цыганник Дмитрий. Он стал полицаем и посоветовал отцу убраться подальше. Он нас не выдал и не расстрелял, но и не помог».³⁷

Несомненно, что определенную моральную ответственность за преступную деятельность коллаборантов несли и их ближайшие родственники. К сожалению, следственные дела практически не дают представления об антисемитских настроениях протагонистов, но в то же время, это то место памяти, которое заменило публичный дискурс Холокоста в Советском Союзе и сталинской и хрущевской эпохи. Этический же баланс преступления и наказания включает в себя не только меру наказания, определенную Военным трибуналом и последующими пересмотрами дела (автору неизвестны случаи реабилитации лиц, причастных к уничтожению еврейского и другого мирного населения), но и ту моральную ношу, которая легла на плечи тех из родственников, кто осознал содеянное.

³⁶ АЧОУСБУ, д. 736, л. 212.

³⁷ Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Т.2, с. 115.

Dr. Werner Rechmann
Coordinator Fridrich Ebert Stiftung
Baltic

THE WHITE ROSE: RESISTANCE AGAINST THE NAZI REGIME

„Somebody, after all, had to make a start” replied Sophie Scholl after being asked by the Gestapo for the motivation of her acting. She was one of the core members of the White Rose, an outstanding group of young Germans who wrote and distributed leaflets calling upon the German population to resist against the Nazi regime.

After being cached with her brother Hans Scholl while placing leaflets at Munich University in February 1943, Sophie Scholl and the other core members of the White Rose were sentenced to death because of high treason.

While the members of the White Rose had to give their lives one after the other for being courageous, their ideas grew stronger and stronger and by today the White Rose has become a symbol of freedom, responsibility and tolerance. The legacy of the White Rose remains as a demand to protect human rights and to stand up against discrimination, racism and violence.

The Origin of the White Rose:

The White Rose was composed by a group of friends who met during their studies at Munich University. They had a common passion for discussions and met regularly for intellectual exchanges. Their strong sense

of moral and justice resulted in becoming more and more critical about the Nazi regime and finally spreading their deep, political opposing convictions through leaflets in Munich and other German and Austrian cities.

Alexander Schmorell, who had a Russian mother and a German father, was born in the Russian city of Orenburg close to the border with Kazakhstan in 1917. After his mother passed away, Alexander Schmorell and his father moved to Munich when Alexander was four years old. As the Russian nanny came along, he was raised bilingual and always kept deep feelings for his country of origin. At school, Alexander Schmorell met Christoph Probst and since then, they were connected by a deep friendship.

Christoph Probst, who was born in 1919, grew up in a family where religious and cultural diversity was highly valued as his father was doing research on Sanskrit and eastern religions. Christoph's stepmother was Jewish, therefore he experienced the Nazi regime as a threat from its early beginnings. His teachers described him as unusually mature, lively-minded student of critical discernment.

After beginning their medical studies at Munich University, Alexander and Christoph met Willi Graf in 1941 and a year later Hans Scholl. Willi Graf was born in 1918 and grew up in a very religious, catholic family in Saarbrücken. Willi realised that his faith was incompatible with the National Socialist ideology and as a result of that he refused the regime. Against all enforcements he never joined the Hitler Youth.

In contrast to that, Hans Scholl, who was born in 1918, too, joined the Hitler Youth in the year of Hitler's rise to power though his parents didn't support this decision. But his initial enthusiasm for the movement where he held a leading position, subsided after realising the narrowness of the system. In 1939 Hans moved to Munich where he started his medical studies.

In 1942, Hans' three years younger sister Sophie Scholl followed him from Ulm, where they grew up, to Munich. She began to study biology and philosophy at the Munich University. As her brother, Sophie had been an active member in the Hitler Youth (in its girls' wing called "Band of German Maidens") but departed from it after being disappointed in her expectations of Social Nationalism. From that time on, political convictions were a criteria for Sophie when choosing who to make friends with and soon after her arrival in Munich she became friends with her brother's circle of friends.

Together they went to different kinds of cultural events and organized

evenings of discussions where they spoke about political topics and the banned books they were reading. Later they also visited the popular lectures of the philosophy professor Kurt Huber who was a freethinker and joined the White Rose as sixth core member after getting in touch with them in summer 1942.

With all the discussions and leisure time activities they shared, the group grew closer and closer and Alexander and Hans decided to turn their political convictions into actions. With this decision the White Rose was born.

Actions of the White Rose

In June 1942, Alexander Schmorell and Hans Scholl wrote, duplicated and distributed four leaflets which they titled "Leaflets of the White Rose". The name was chosen because they were convinced, that a title would increase the effect of their appeal but it had no specific meaning.

Based on humanitarian and Christian values they called with their first leaflet for passive resistance against the Nazi regime and pointed out the responsibility of each German for deeds done by the Nazis. The following, second leaflet names the murder of three hundred thousand Jews since the conquest of Poland and criticizes this as "the most frightful crime against human dignity, a crime that is unparalleled in the whole of history." Alexander and Hans expressed their lack of understanding for the apathetical behaviour of the Germans in face of the Nazi crimes but reminded that everyone "is guilty, guilty, guilty!" Therefore they saw "the sole and first duty, the holiest duty of every German to destroy these beasts". The third leaflet of the White Rose talked about the third Reich as a "dictatorship of evil" and gave individual instructions on how to oppose and destroy the system. The following leaflet claimed that "Every word that comes from Hitler's mouth is a lie". Furthermore the White Rose insisted "But out of love for coming generations we must make an example after the conclusion of the war, so that no one will ever again have the slightest urge to try a similar action".

The leaflets were written in a very poetical language and were full of literary and philosophical quotes which reflect the high level of Alexander's and Hans' thinking. The two recorded their messages on typewriters and used a hectograph for duplication. Taking their addresses from telephone directories, Alexander and Hans sent hundred copies of each leaflet to intellectual members of the society.

The friends were part of so called student companies and even in the time of war they were able to continue their medical studies instead of joining the armed forces. Nonetheless they had to serve as medical orderlies at

the front line during their holidays. On July 23 in 1942, Alexander Schmorell, Hans Scholl and Willi Graf had to leave to the eastern front line in the southwest of Moscow. Thanks to Alexander's fluent Russian skills, the friends got into close contact to the local people. They started to fully comprehend the extent of the consequences of the nationalistic reign of terror. After coming back to Munich in October 1942, new leaflets were written and distributed, now with the support of Willi Graf, Christoph Probst, Sophie Scholl and Kurt Huber.

The fifth leaflet of the White Rose was more radical than the previous ones and titled with the phrase "A call to All Germans!" The friends wrote: "Hitler cannot win the war; he can only prolong it. The guilt of Hitler and his minions goes beyond all measure. Retribution comes closer and closer." "Cast off the cloak of indifference you have wrapped around you. Make the decision before it is too late." "Freedom of speech, freedom of religion, the protection of individual citizens from the arbitrary will of criminal regimes of violence-these will be the bases of the New Europe". The friends raised the number of copies to several thousands and used their contacts to get them distributed in a number of German cities as well as in Austria. Traute Lafrenz, a close friend of Hans Scholl gave a copy of the third leaflet to some of her friends in Hamburg who duplicated and distributed it. In Ulm, Hans Hirzel received 2500 copies of the fifth leaflet and distributed them together with two of his classmates. Also in Saarbrücken the White Rose had supporters as Willi Graf contacted his old friends. Eugen Grimminger, a friend of Hans' and Sophie's father supported the actions financially. The group of supporters grew to around fifty persons in total.

In late night actions in the end of January 1943, the friends placed the leaflets at public spaces in Munich. Furthermore they wrote slogans as "Down with Hitler" and "Freedom" with aniline dyes on walls of buildings in the city, also on the University's façade. Meanwhile Alexander and Hans tried to connect with resistance groups in Berlin in order to set up a nationwide resistance network.

A speech for the University's birthday by the head of the administrative district of Munich, in which he insulted the female students, lead to rumours among the students. The White Rose made use of this opportune moment and addressed their sixth leaflet directly to the University's students and titled it with "Fellow Students!" Prof. Kurt Huber was the author of the text and used clear words to express the urge of resistance: "For us now there is but one watchword: Fight against the Party! Get out of the

Party organizations”, “This is a battle that we all must fight for our future, our freedom and honour in a political system that is conscious of its moral responsibility”. Finally, he insists, that especially the youth should take action: “The German name will be forever defamed if German youth does not finally arise, avenge, and atone, if he does not shatter his tormentor and raise up a new intellectual Europe. Students! The German nation looks to us!” The leaflet was sent by post to 800-1000 students. One of them was Hans Leipelt, after receiving it, he disseminated it together with his friend Marie-Luise Jahn.

On the 18th of February 1943, Sophie and Hans laid out copies of the sixth leaflets in the university building. A caretaker watched Sophie throwing leaflets from the second floor into the atrium and hold the two activist until the Gestapo arrived.

The Trial against the White Rose

Hans and Sophie were arrested and four days of interrogation by the Gestapo followed. In the beginning they denied their involvement into the actions of the White Rose and told the now empty suitcase they carried, which was indeed used to transport the leaflets, was planned to bring fresh laundry from their parents. At the time of his arrest, Hans Scholl had a draft for a seventh leaflet in his pocket, written by Christoph Probst. He tried to destroy it but didn't succeed. It didn't take long until the Gestapo found out who the author was and on February 20, Christoph Probst was arrested, too. After Christoph's arrest, Hans and Sophie took all responsibility and tried to exonerate Christoph who was already married with three children. But nothing helped.

The trial took place on February 22. Roland Freisler, presiding judge of the People's Court especially came from Berlin to lead the court hearing. At 1.30 pm, less than four hours after the beginning of the trial, he sentenced all three defendants to death because of high treason. Sophie Scholl said in her speech for the defence “so many people think exactly what we have said and written, but they just don't dare say so”. Sophie Scholl, Hans Scholl and Christoph Probst were guillotined in the afternoon of the same day. In face of death, Hans' last words were “Long live freedom!”

After the first three members of the White Rose were executed, the Gestapo initiated further investigations concerning the White Rose. On April 19, a second trial was held, again under Roland Freisler, who called himself “Hitler's political soldier”. Besides Alexander Schmorell, Willi Graf and Prof. Kurt Huber, eleven other friends were charged, either with

spreading the leaflets or with “knowing about the highly treasonable activity without reporting it”. Alexander Schmorell, Willi Graf and Kurt Huber were condemned to death, the other defendants had to go to prison. During the trial, Kurt Huber held a speech which was reported to be very supportive for the other defendants. About the actions of the White Rose he said: “this is not illegal, but on the contrary the restoration of legality”.

Three more trials on the White Rose took place, many activists had to go to prison and Hans Leipelt was also sentenced to death.

Even as late as April 17, April 19, and 20, 1945, trials against members of the “Hamburg branch of the White Rose” were held. At that time, the majority of the defendants had already been liberated from prisons in Stendal and Bayreuth.

During the time of the Nazi regime, the will of the Führer, Adolf Hitler, was the guiding rule in all judicial decisions. There was no such thing as appeal or revision and the prime aim of the verdict was promptness, not justice. At the beginning of 1933, the German penal law provided for the death sentence in the case of only 3 crimes. By 1945 the number had raised to more than 40. An estimated number of 16,000 defendants were condemned to death by civil criminal courts of the Third Reich. Until today not a single judge or prosecutor of the Third Reich has received a legally binding conviction for his actions while serving under the NS regime.

Public Reactions to the White Rose

The activists were totally aware of the danger which was connected with their deeds but still absolutely determined. The leaflets of the White Rose were written in the hope to convince the German population to resist against the Hitler regime. Around one third of the leaflets that were sent by post were handed over to police by the addressees. After the death of the first three core members of the White Rose, the last leaflet appeared in Hamburg. One sentence was added: “Their spirit is still alive”. The knowledge about the White Rose also made its way abroad. With the help of Helmut von Moltke the leaflets arrived in England via Scandinavia. In 1943 the British air force spread five millions of copies of the 6th leaflet by planes over northern German cities. The leaflets had the new title “A German Leaflet – Manifesto of the Students of Munich” and an introduction was added, too.

In 1944, Thomas Mann acknowledged the actions of the White Rose in a speech in BBC radio and called the members of the White Rose representatives of a better, different Germany.

The White Rose Foundation

The White Rose Foundation was founded by survivors, family and friends of the White Rose activists in 1987. Its goal is to keep the memory of Nazi resistance alive and to promote democratic awareness, individual responsibility and tolerance in Germany as well as abroad. The foundation aims to achieve this by exhibitions and different events, for example in schools. The exhibition about the White Rose was already shown in countries all over the world and is usually accompanied by discussions forums which especially address young people.

Gregory Reikhman
Historian, journalist (Israel)

Григорий Рейхман
историк, журналист (Израиль)

MUFTI OF JERUSALEM AMIN AL HUSEINI – FATHER OF ARABIC NAZISM

ИЕРУСАЛИМСКИЙ МУФТИ АМИН АЛЬ ХУСЕЙНИ – ОТЕЦ АРАБСКОГО НАЦИЗМА

От автора.

В начале июня с.г. российские интернет СМИ, «Агентство Еврейских Новостей», например (http://www.aen.ru/?page=brief&article_id=76297) сообщили о том, что в Лондоне, в Вашингтоне и в Израиле пройдут церемонии зажжения свечей в честь евреев Ирака, посвященная 75-летию еврейского погрома в Багдаде, получившего название «Багдадская резня». Активисты, говорилось в коммюнике, зажгут 27 свечей в память о 27 веках пребывания евреев в Ираке, а также вспомнят о трагических событиях 1941 года, когда вдохновленные нацистами сторонники правительства Аль-Гайлани убили 180 еврейских жителей Багдада. Было сказано о том, как оценивал арабское национальное движение Адольф Гитлер в плане уничтожения евреев, однако почему-то никто не вспомнил, то одним из вдохновителей погрома («фархуд») был никто иной, как иерусалимский муфтий Хаджи Мухаммед Амин аль-Хусейни. Не упомянут, увы, и тот, кто под прикрытием германской дипломатической миссии напрямую под-

держивал участников пронацистского переворота и Багдадского погрома евреев материально и напрямую осуществлял контакты с муфтием – посол Гитлера в Багдаде, дипломат и разведчик Фриц Гробба.

Моя статья, базирующая, в основном, на уже опубликованном материале (в частности, израильская «Новости недели», приложение «Время НН», от 28 января 2016, с.28-29) не содержит многочисленных «пост-сносок» на источники, имеющиеся практически в открытом доступе, в интернете, я стараюсь привести их «по мере поступления». Это, скорее, некая попытка обобщения и осмысления уже имеющегося в свободном доступе материала, который, по всей вероятности, опосредованно связан и с темой коллаборационизма, пособничества Холокосту, прямого и косвенного сотрудничества с нацистской Германией в деле «окончательного решения еврейского вопроса», а также она является попыткой и ответить на вопрос, действительно ли встреча Гитлера с муфтием «подтолкнула» фюрера к более активным действиям в «окончательном и решении «еврейского вопроса», или?...

Личность муфтия Хаджи Мухаммеда Амин аль-Хусейни, родившегося 120 лет назад и ушедшего в мир иной не менее 40 лет назад, его политическая деятельность, а также связи арабских националистов с германскими нацистами до сих пор привлекают внимание историков, политиков и журналистов. Он вошел в историю как опасный враг евреев, вдохновитель и организатор кровавых «интифад» и погромов, чьи лживые лозунги не утратили актуальности по сей день, достаточно вспомнить, например о деяниях родственника муфтия – Ясира Арафата, а также всем известной в свете последних событий «интифаде ножей» в Израиле, уже, кстати, унесшей немало человеческих жизней...

Осенью минувшего года израильская пресса, благодаря статье журналиста Надава Шраги, познакомила ивритоговорящих читателей с архивными изысканиями историка Моше Арнвальда, сосредоточившегося на поиске материалов, документов и свидетельств об усилиях еврейского подполья, начиная с 20-х годов, и разведструктур молодого Государства Израиль, направленных на физическое устранение муфтия (<http://www.israelhayom.co.il/article/313739>). Статья эта вышла в сентябре 2015 года на иврите. С ее содержанием русскоговорящие читатели Израиля ознакомились благодаря моему переводу, дополненному и опубликованному в израильской еженедельной газете-

те «Новости недели» (приложение «Время Новостей» от 8 октября на стр. 28-29) Казалось бы, можно было на этом поставить точку.

Однако спустя несколько месяцев, т.е. в конце минувшего года, после высказываний премьер-министра Израиля Нетаниягу на Всемирном еврейском конгрессе по поводу муфтия и его роли в организации Холокоста, во Всемирной паутине появилось множество материалов под многозначительными заголовками – например, «Нетаниягу: «Гитлер не собирался уничтожать евреев»; «Нетаниягу считает, что идею уничтожения евреев Гитлеру подсказал муфтий Иерусалима», и т.п.

В соцсетях появились различные оценки деятельности Иерусалимского муфтия – вплоть до того, что он, якобы, организовал нападение Германии на Советский Союз, заказал Гитлеру истребление евреев Европы, подготовил создание Лиги арабских государств и определил ее политику.»

Блоггеры выдавали и более экзотичные версии: мол, муфтий появился в Берлине... как тайный агент англичан, давая Гитлеру понять, что ему можно полностью истребить евреев, поскольку они не заинтересованы в потоке беженцев в Палестину». На возражение фактом тотального истребления евреев на оккупированной территории СССР к моменту «ноябрьской встречи 1941 года», последовал ответ, что «Гитлер давал понять Западу, какая судьба ждет евреев «.

Если учесть, что нет никаких документальных подтверждений ни одной из этих версий, то их следует отнести к категории домыслов и вымыслов. А вот слова канцлера Ангелы Меркель о том, что «Германия осознаёт свою ответственность за Холокост, и мы не видим никаких оснований для изменения нашей точки зрения на историю» – это факт.

В 2009 году, в годовщину 70-летия начала Второй мировой войны автору этой статьи посчастливилось слышать профессора Иерусалимского университета, одного из старейших историков «Яд ва-Шем» Иегуды Бауэра «Почему началась Вторая мировая война?», оно (на иврите) есть в интернете (<https://www.youtube.com/watch?v=CrFdajHhBMc>). И. Бауэр последовательно и аргументированно доказывал, что война, развязанная нацистской Германией, носила, в основном, идеологический характер, и одной из важнейших целей Гитлера и его нацистского окружения было не что иное, как тотальное истребление еврейства, как на Востоке («жидо-большевиков»), так и на Западе («американ-

ской плутократии»). Военная победа Третьего Рейха означала полное уничтожение евреев на Земле.

Муфтий, убежденный арабский националист, ярый антисионист, юдофоб, организатор смертоносных еврейских погромов в Подмандатной Палестине и Ираке и патологический юдофоб и приверженец «рассовой теории» Гитлер, ненавистник евреев еще с «младых ногтей». Две параллельные прямые в «неэвклидовой геометрии» «пересеклись» еще до начала Второй мировой войны, их, носителей, казалось бы, на первый взгляд, разных идеологий, связала общая для обоих, животная ненависть к евреям.

В интернете о муфтии опубликовано немало материалов. Разных. Внимание привлек автореферат кандидатской диссертации, защищенной в Санкт-Петербурге (!) Абу Рабиа Камеля «Муфтий Амин аль Хусейни и арабо-германские отношения накануне и в годы Второй мировой войны» (Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб.: СПбГУ, 2012). Предмет исследования – роль муфтия Иерусалима Амина аль-Хусейни в истории Ближнего Востока в период от завершения Первой мировой войны до окончания Второй мировой войны, его значение в развитии связей арабского мира с державами «Оси», а также причины сближения муфтия с руководством нацистской Германии на заключительном этапе войны. Объект исследования – комплекс исторических фактов и свидетельств, связанных с деятельностью муфтия аль-Хусейни в предвоенные годы и в период Второй мировой войны. (Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/muftii-ierusalima-amin-al-khuseini-i-arabo-germanskie-otnosheniya-nakanune-i-v-gody-vtoroi-m#ixzz3prHyVyBD>) Не поленился заплатить деньги. Скачал. Прочитал.

Диссертант называет муфтия «основным связующим звеном между палестинским движением и нацистской Германией, именно ему принадлежала и центральная роль в развитии связей между двумя этими силами».

Абу Рабиа Камель так характеризует ситуацию тех лет: «В арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки в период между двумя мировыми войнами получают широкое распространение правонационалистические политические партии и группировки, ничуть не скрывавшие своих симпатий в отношении новой политики и нового порядка, предложенного правителями и идеологами Рима и Берлина

– центрального звена формировавшейся «Оси», прямо поставившей целью установление контроля над стратегическими коммуникациями и перекрестками, сырьевыми и людскими ресурсами арабского мира.

Палестина, как важнейший духовный и политический центр арабского Востока, не была в этом смысле исключением. Установление здесь Великобританией по завершении Первой мировой войны колониального подмандатного режима, развертывание широкой сионистской колонизации, достигшей накануне Второй мировой войны своего апогея в результате массового исхода евреев из Европы, стоявшей на пороге нацистской оккупации и **холокоста** (слово «**Холокост**» в тексте с маленькой буквы – Г.Р.), не могло не вызвать резкой оппозиции со стороны национально-патриотических сил арабов. Не случайно, канун Второй мировой войны был отмечен в Палестине знаменитым «Великим арабским восстанием» 1936-1939 гг., ставшим как для администрации мандата, для правительства в Лондоне, так и для вождей и идеологов сионистского проекта серьезным сигналом и предупреждением». «Признанный лидер освободительного движения палестинских арабов Великий муфтий Иерусалима М.А. аль-Хусейни (1895-1974), выступавший накануне Второй мировой войны как лидер не только национального, но и общерегионального масштаба, занимает в этих условиях традиционную позицию, направленную на стратегическое сближение с державами «Оси» во имя достижения независимости своего многострадального народа».

Позиция исследователя (научный руководитель доктор исторических наук Николай Дьяков), более, чем ясна...Она явно проарабская.

После Великого арабского восстания в Палестине в период британского мандата (1936 – 1939) муфтий сумел перебраться через Ливан в Ирак. Именно поэтому его не застал посетивший в 1937 году по делам еврейской эмиграции А. Эйхман.

Об этом факте в диссертации – ни слова, как и о деятельности муфтия в Ираке с апреля по июнь 1941 года (то есть, с момента прогерманского переворота и до бегства). Не странно ли?

А ведь за время пребывания в Ираке муфтий преуспел – «организовал еврейский погром («фархуд») на Шавуот, практически уничтоживший еврейскую общину Ирака», пишет публицистка Элеонора Шифрин в недавней статье «Кто виновен в Холокосте?» (сайт «Мы Здесь» (ред. Леонид Школьник)) (<http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=8494>)).

Число погибших евреев – разнится. В большинстве источников – 179 погибших. Основной удар (1-2 июня 1941 года) пришелся на евреев Багдада. В некоторых интернет-публикациях (например, Сары Эрлих, (на английском языке) (<http://www.thejc.com/lifestyle/lifestyle-features/49485/when-iraq-had-its-kristallnacht>) «фархуд» не без оснований назван Багдадской «Хрустальной ночью». Муфтий действовал рука об руку с немецким послом в Багдаде, дипломатом кайзеровской школы Фрицем Гроббой (Fritz Konrad Ferdinand Grobba).

В 1992 году в Израиле вышел сборник исследований и документов (на иврите) «Ненависть к евреям и «Фархуд в Ираке» («Hatred of Jews and Aarhud in Iraq», изданный под редакцией Шмуэля Море и Цви Иегуды (Shmuel More and Zvi Yehuda) в Ор-Иегуде Центром традиций Вавилонских евреев (Ирака) и Институтом по исследованию Вавилонского еврейства – (*The Babylonian (Iraqi) Jewry Heritage Center \$ Research Institute of Babylonian Jewry*). Он имеется в личной библиотеке автора статьи, подаренный лично Цви Иегудой.

По степени ответственности за погром иерусалимский муфтий назван вторым после немца Ф.Гроббы. Принятый «с распростертыми объятиями», муфтий сразу же начал пропагандистскую нацистскую деятельность среди членов правительства, представителей армии», жаловался на притеснения арабов в Палестине, подстрекал местное население против евреев и англичан, и многие погромные указания напрямую исходили «прямо из его дома». То же делали и сопровождавшие его лица. «Существуют доказательства его тайных связей с Германией...».

Муфтий сбежал из Ирака в Иран, 6 ноября 1941 года прибыл в Берлин, где 28 ноября встретился с Гитлером.

Замечу, что в вышеупомянутой диссертации Абу Рабиа Камеля об этой первой, ноябрьской встрече в 1941 году Аль-Хусейни и Гитлера, той самой, о которой и говорил премьер-министр Биньямин Нетаниягу, как ни странно, тоже.....ни слова, а время первого посещения муфтием Германии почему-то называн 1942 год, а не 1941-й, как это следует из других источников и литературы.

Основной источник – документ германского МИДа (Auswärtiges Amt – МИД) – запись беседы Аль-Хусейни и Гитлера – имеется в свободном доступе, на двух языках.

На английском (<http://emperors-clothes.com/archive/mufhitler.htm>) (Author: Germany. Auswärtiges Amt. Title: Documents on German foreign

policy, 1918-1945, from the archives of the German Foreign Ministry. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. English Publisher: Washington, U.S. Govt. Print. Off., 1949 – Description: Book v. fold. maps. 24 cm. Below: Series D, Vol. XIII no. 515 F1/0018-24 Memorandum by an Official of the Foreign Minister's Secretariat Füh. 57a. g Rs. Berlin, November 30, 1941.

(RECORD OF THE CONVERSATION BETWEEN THE Führer AND THE GRAND MUFTI of JERUSALEM ON NOVEMBER 28, 1941, IN THE PRESENCE OF REICH FOREIGN MINISTER AND MINISTER GROBBA IN BERLIN)

И запись...на русском языке (<http://istmat.info/node/21959>)

(Тайны дипломатии Третьего рейха. 1944-1955. **Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел**). М.: Международный фонд «Демократия», 2011. Стр. 178-181. Архив: ЦА ФСБ России. Р-48558. В 2-х тт. Т. 2. Л. 12 – 17. Заверенная машинописная копия. Подлинник на немецком языке. Л. 5 – 11)

Оба перевода с немецкого – идентичны.

Однако разница в датах публикации.

Так, если перевод с немецкого записи беседы муфтия и Гитлера на английском опубликован Вашингтоном в 1949 году, то перевод на русском – Москвой, и – только в 2011 – м!

Смею полагать, в числе первых представление о содержании секретной беседы от 28 ноября 1941 года между Аль-Хусейни и Гитлером получили...советские военные переводчики (один из них носил выразительную фамилию Меламед), находившиеся в Хемнице (Саксония). В конце марта 1946 года перед ними были показания и документы пленных немецких мидовцев, и с результатами вскоре уже могли знакомиться (в обстановке секретности) представители советских спецслужб, и, по всей видимости, лица, готовившие материалы для Международного трибунала в Нюрнберге, перед которым, к сожалению, не предстал муфтий Аль-Хусейни. В числе переведенных документов есть и документы Фрица Гроббы («Посланник Фриц Гробба»), проведенного в советском плену до 1955 года.

Из обоих вариантов документа следует, что у арабских националистов – юдофобов и у германских нацистов был общий враг – евреи, и Гитлер уже (**подчеркнуто нами – ГР**) вел «бескомпромиссную борьбу» с врагом, уничтожая его физически. Тем не менее, ни в английской, ни в русской версиях «Приема Великого Муфтия фюрером» открытого

призыва иерусалимского гостя к фюреру «сечь евреев» автору этих строк найти не удалось. Впрочем, их не нашел и современный немецкий историк – арабист, доктор Вольфганг Шваниц, автор целого ряда монографий, в том числе книги «Нацисты, исламисты и становление современного Среднего Востока» (совместно с Барри М. Рубином) (Nazis, Islamists, and the Making of the Modern Middle East. New Haven & London: Yale University Press 2014, with Barry M. Rubin. – [ISBN 978-0-300-14090-3](https://doi.org/10.1017/9780300140903)). В связи с приведением Нетаниягу выдержек из диалога муфтия и Гитлера, он отметил, что впервые об этом слышит. Не нашел этого «диалога» и немецкий журналист Стефан Франк в своей статье «Муфтий, немцы и Холокост» (<http://lizaswelt.net/2015/10/29/der-mufti-die-deutschen-und-die-shoa>).

Так была ли встреча муфтия с Гитлером в конце ноября 1941 года «спусковым крючком» для проведения Ванзейской конференции 20 января 1942 года, со всеми вытекающими из нее посладствиями? Был ли муфтий Аль-Хусейни «инициатором» «окончательного решения «еврейского вопроса» нацистской Германией?

Напомню еще ряд фактов. Из опасения новых арабских выступлений в Подмандатной Палестине (к чему приложил руку муфтий) Британия ограничила еврейскую эмиграцию, сведя ее почти к нулю. На Эвианской конференции 1938 года большинство стран отказалось принять еврейских беженцев из Германии.

В условиях начавшейся Второй мировой войны, т.е. еще в 1939-40гг. нацисты искали любую возможность избавиться от евреев на территориях рейха и на польских территориях, отошедших к рейху. Уже давно не секрет, что нацисты обращались и к СССР, но тщетно (подробно см.: И. Альтман, «Жертвы ненависти», М, 2002, с.378-384.).

В 1940 году нацисты отказались от сосредоточения евреев оккупированной Европы в Люблине. Конец 1940 года – провал плана депортации евреев на Мадагаскар. 1940 г. – 22 июня 1941г. – время подготовки нацистской Германии к войне против СССР, «жидо-большеви́ков». Нацисты готовились решать «еврейский вопрос» в соответствии с «законами военного времени».

Нападение 22 июня 1941 года нацистской Германии и ее союзников на СССР и война на Востоке открыли для нацистов возможность для «нон-стоп» – истребления евреев, и не только СССР, но и всей Европы – «айнзатцгруппами» СС (с привлечением частей вермахта), полицейскими батальонами, местными коллаборационистами на про-

сторях от Балтийского до Черного морей. Об истреблении советских евреев в момент встречи двух юдофобов, кстати, заявляли, в ответ на выступление на Всемирном Сионистском конгрессе Нетаниягу, главный историк «Яд ва-Шем», профессор Тель-Авивского университета Дина Порат и лидер партии «Мерец» Захава Гальон.

В октябре – ноябре 1941 года началась работа по сооружению лагеря уничтожения Бельжец, есть данные, что шеф СС и полиции Люблинского округа Одило Глобочник получил указание Гитлера убивать евреев в своем округе.

Бывший комендант Аушвица Рудольф Франц Фердинанд Хёсс (Rudolf Franz Ferdinand Höß) свидетельствовал на Нюрнбергском процессе – еще в июне 1941 года он «получил приказ установить в Аушвице [Освенциме] оборудование для истребления евреев» газом циклон Б. Первые массовые умерщвления евреев газом (в «душегубках») были осуществлены вне территории СССР в лагере Хелмно (район Лодзи), за месяц до Ванзейской конференции 1942 года...

Следовательно, механизм «окончательного решения «еврейского вопроса» был *фактически*, запущен и *начал действовать* (курсив наш – Г.Р.) не только на оккупированной территории СССР, но и за ее пределами.

Подготовка «конвеерной плахи» (как выразился писатель Василий Гроссман в статье «Треблинский ад») – человекоубойной индустрии для евреев Европы шла полным ходом. А вскоре после Ванзейской конференции эшелоны с евреями проследовали в лагеря уничтожения – Треблинку, Бельжец, Хелмно, Собибор, Майданек и Аушвиц (Освенцим). Так что факты свидетельствуют: Гитлер, вне зависимости от встречи с муфтием, был готов к геноциду евреев.

...Еще в 1970 году газета «Гаарец» опубликовала статью историка еврейского Ишува Хавива Кнаана «Двести дней страха» о событиях 1942 года. Это было время битвы под Эль-Аламейном, от ее исхода решалась судьба евреев Палестины, над ними нависла угроза со стороны экспедиционного корпуса Роммеля «Африка». В 1968 году Хавив Кнаан посетил в Иерихоне одного из старейших арабских офицеров полиции эпохи Британского мандата, Файеза Бея Идрисси, и тот вспомнил, о чем говорили полицейские и какие темы обсуждались в кругах сторонников муфтия. Аль-Хусейни должен был вступить в Иерусалим во главе Арабского легиона, в его планах – создание в долине Дутан близ Шхема (Наблуса) лагеря уничтожения, где методами СС, с помощью

газовых камер и крематориев, должны были быть уничтожены евреи Ишува, Йемена, Сирии, Левана, всей Северной Африки. «Наше условие сотрудничества с Германией было ее согласие на уничтожение евреев в Палестине и в других странах, – писал муфтий в своем дневнике.

Директор Центра по изучению германского нацизма в Людвигсбурге Клаус Мальманн и берлинский историк Мартин Купперс привели в своей книге в 2006 году «Немцы, евреи, геноцид. Холокост: история и современность» (Klaus Michael Mallmann, Martin Cueppers. Deutsche, Juden, Volkermord. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006. 340 p.) новые документальные подтверждения преступных планов германского нацизма по уничтожению евреев, укрывшихся в Подмандатной Палестине.

Книга немецких историков – результат трехлетнего труда в немецких архивах, изучения многочисленных фондов, в том числе архива МИДа в Берлине. «Ключем» может послужить высказывание Гитлера в беседе с рейхсфюрером Г. Гиммлером и тогдашним шефом Главного управления безопасности рейха Р. Гейдрихом 25 октября 1941 г.: «Это хорошо, когда в состоянии испуга мы истребляем как можно больше евреев, возможность попытки создать еврейское государство будет этим сведена “на нет”...». Гитлеровцы старались использовать в своих целях, в том числе и для геноцида евреев, духовных арабских лидеров. К лету 1942 г. нацисты сформировали айнзатцгруппу «Египет» во главе с оберштурмбанфюрером СС Вальтером Рауффом. Ее задачей было реализация Холокоста в Палестине. В. Рауфф (1906 – 1984гг.) успел уничтожить до этого не менее 100 000 человек в бывшем СССР и Сербии.

Уйдя от правосудия, в интервью (1979г.) кинодокументалисту Вильяму Бемистеру, данном в Чили (фильм «Охотник и преследуемый» («Hunter and Hunter»), Рауфф намекнул на планы провести массовое уничтожение, при этом планируя использовать помощь «местного населения», арабов, по примеру полицейских формирований коллаборационистов на оккупированных территориях бывшего СССР.

Согласно плану, разработанному по указанию фюрера гаулейтером для особых поручений фон Корсвантом, Германии должны были после победы отойти огромные территории в Африке, Азии, на Арабском Востоке – Палестина, Трансиордания, Кувейт, Бахрейн и Ирак. Об этом, в частности, говорилось еще в монографии советского военного историка Хаджи Мурата Ибрагимбеили еще в советские времена

«Крах “Эдельвейса” и Ближний Восток» (М, 1977 г.) (она также доступна в интернете – прим. Г.Р.). В ней упоминалось, что некоторые арабские студенты вступали в секретное «германо – арабское учебное подразделение» в составе особых арабских частей гитлеровской армии и составляли «проекты уничтожения евреев в Палестине».

К счастью, секретная айнзатцгруппа «Египет», не была развернута на территории Палестины лишь благодаря разгрому немцев. И не только под Эль-Аламейном союзниками, но и под Сталинградом, на Северном Кавказе Красной армией, что не дало перебросить корпус вермахта «Ф» из мусульманских частей на Ближний Восток, как это планировалось согласно глобальной стратегии германского нацизма.

Доктор Вольфганг Шваниц, немецкий арабист, экономист и историк Ближнего Востока, справедливо считает: было бы абсурдом недооценивать роль муфтия в геноциде еврейского народа. Аль-Хусейни, т.к. тот был главным «неевропейским» советником Гитлера по «окончательному решению еврейского вопроса».

«Когда я был в Германии, евреи всеми средствами пытались организовать иммиграцию в Палестину из Восточной Европы и других европейских государств, оккупированных нацистами,»- откровенничал муфтий, предотвращавший спасительную эмиграцию евреев в Палестину, рассылкой писем протеста в МИД Германии и других стран, в прессу, в службу радиовещания и в аппарат СС.

В прессе цитировались показания заместителя Эйхмана Вислицени о дружбе муфтия с Эйхманом, о посещении нацистских концлагерей, подстрекательских выступлениях с призывами уничтожить евреев.

Немецкий историк Клаус фон Мюнхгаузен в газете «Цайт» от 7 сентября 1990 года (!) пришел к выводу о том, что муфтий Аль-Хусейни предотвратил эмиграцию более чем 100 000 словацких, румынских, болгарских и, в частности, венгерских евреев в Палестину, Швецию, Турцию и даже Южную Америку, обрекая их на смерть в газовых камерах. Плюс детей из Франции и Бельгии. Только с 14 по 23 июля 1944 года переговоры муфтия, указывает историк, стоили жизни 40 тысячам евреев и 1000 детей в возрасте до 10 лет, запрет на их эмиграцию был «оправдан во имя «арабского дела»» (<http://www.zeit.de/1990/37/der-traum-vom-grossen-arabien/komplettansicht>). Как известно, муфтий активнейшим образом вмешивался в попытки определенных нацистских кругов совершать обмен на пленных немецких

граждан еврейских детей, что непременно вело к их гибели. При этом арабский националист Аль-Хусейни проявлял гораздо большее рвение в геноциде евреев, чем иные руководители нацистской Германии.

Важную просветительскую роль для новых репатриантов из СССР и стран постсоветского пространства, т.е. русскоязычных израильтян, понимания ими роли муфтия в геноциде евреев Европы, то есть, в Холокосте, сыграл историко-публицистический проект «Арабский нацизм» известного израильского журналиста Дова Контонера. «Заявка» на него была сделана им летом 2004 года и опубликована на сайте Российского еврейского конгресса (<http://base.ijc.ru/new/site.aspx?STID=245090&SECTIONID=244684&IID=255494>). В 2005 году в израильской газете «Вести» (приложение «Вести-2») Д. Контонер сделал серию публикаций, показав преемственность идеологии и практики германских нацистов и их арабских союзников – последователей, современных арабских террористов. Раздел, посвященный деятельности муфтия в годы Второй мировой войны Дов Контонер назвал не иначе, как «Блуститель неминуемой смерти». К глубокому сожалению, проект не был ни в то время, ни чуть позже выпущен автором в полном объеме – ни в виде книги («бумажный вариант») ни в электронном варианте. Кстати, именно в статьях Дова Контонера автор этих строк и встретил (возможно я и ошибаюсь) термин «арабонацизм», с которым, к сожалению, не соглашаются в силу известных причин многие российские историки и журналисты.

Сразу же после «скандального» заявления Нетаниягу на Всемирном Сионистском конгрессе Дов Контонер немедленно опубликовал статью «Неточно в деталях, но верно по существу» (Израильская газета «Вести», 22-23.10. 2015, с.1, 3) Он убедительно доказал, что если Нетаниягу и допустил неточность в деталях, то был прав. «Беседа Хадж-Амина Аль – Хусейни с вождем германских нацистов была примечательна во всех отношениях, но диалога, который Нетаниягу привел в своем выступлении, она не включала (т.е. обращения к Гитлеру «Сожги их!» – Г.Р.). Тем не менее, продолжил свою мысль Д. Контонер, муфтию действительно принадлежала видная роль в стимуляции еврейского геноцида. Его знакомство с нацистской индустрией смерти носило чрезвычайно интимный характер, подтверждения чему были во множестве представлены на Нюрнбергском процессе и на процессе Эйхмана. Аль-Хусейни был в деталях осведомлен о том, что представляет собой «окончательное решение еврейского вопроса». Члены возглавляемой им группы *арабских*

нацистов (курсив – Г.Р.)проходили обучение на секретных курсах СС. Вместе с ними Аль-Хусейни не раз посещали концлагерь Заксенхаузен возле Ораниенбурга и расположенную там Инспекцию концлагерей, которая ведала и такими учреждениями, как Освенцим.

Но главный вклад муфтия в политику геноцида Дов Контонер видит в том, что Аль-Хусейни перекрывал любые лазейки, сулившие спасение хотя бы малочисленным группам евреев...

Как известно, Аль-Хусейни удалось избежать Нюрнберга и понести заслуженного наказания. Ему чудом и не раз удавалось ускользать от мести как отрядов еврейской самообороны до Войны за Независимость, так и от молодых израильских спецслужб после провозглашения Еврейского государства и продолжать до самой смерти в Каире в 1974 году враждебную деятельность против нашего народа.

Так что, Аль-Хусейни вполне заслужил за свои деяния титул, которым его позже наградили СМИ, по крайней мере, в Израиле: отец арабского нацизма. Сегодняшние вдохновители террора, использующие его лживые лозунги «о еврейской угрозе мусульманским святыням» и исполнители кровавых терактов – достойные продолжатели его дела. Помните Брехта, его высказывание о том, что чрево еще плодovито и способно выносить гада...

На снимке (из книги «Ненависть к евреям и «Фархуд в Ираке») муфтий и Фриц Гробба (слева)

G.K Reikhman

The Museum of Jewish military heritage & Holocaust «The energy of courage» Hadera, Israel

L.A Terushkin

Scientific and educational center “Holocaust”

Г. К. Рейхман

Музей еврейского военного наследия и Холокоста «Энергия мужества» г. Хадера, Израиль

Л. А. Терушкин

Научно-просветительный центр «Холокост»

г. Москва, Россия

**RUSSIAN MEDIA ISRAEL ABOUT
WORD WAR II AND THE HOLOCAUST.
COOPERATION VETERAN'S
ORGANIZATIONS,
MUSEUMS AND SPC "HOLOCAUST."**

**РУССКОЯЗЫЧНЫЕ СМИ ИЗРАИЛЯ О
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И ХОЛОКОСТЕ.
СОТРУДНИЧЕСТВО ВЕТЕРАНСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ, МУЗЕЕВ И НПЦ «ХОЛОКОСТ»**

Ключевые слова: Израиль, Россия, Вторая мировая война, Холокост, Красная Армия, ветераны, пресса, музей

В статье рассматриваются проблемы развития и современного состояния прессы Государства Израиль, посвященной осмыслению исторической памяти о Второй мировой войне и Холокосте, направления сотрудничества ветеранских организаций России и Израиля.

Moscow, Russia

Keywords: Israel, World War II, the Holocaust, the Red Army veterans, the Russian-language press, museum.

This article discusses the development and current state of the press the State of Israel, dedicated to understanding the historical memory of the Second World War and the Holocaust, areas of cooperation veteran organizations of Russia and Israel

К середине 1990-х гг. русскоязычная пресса в Израиле, благодаря не только журналистам, постоянно пишущим на темы Холокоста и героизма, но и ветеранам, носителям «живой» истории, обрела свой голос, стремясь донести до массового читателя правду о Второй мировой войне. В Израиле оказалось самое большое количество евреев-участников войны, родной язык которых – русский. Среди направлений работы организаций ветеранов и инвалидов важнейшим признано просветительское, военно-педагогическое. Ветераны выступают в школах и перед солдатами Армии обороны Израиля

(ЦАХАЛ). Именно русскоязычная пресса Израиля стала активным борцом за признание Дня Победы не как общинной, «русской», а как общенациональной даты, которую следует отмечать на государственном уровне. Уже с начала 1990-х гг. говорилось не только о необходимости проведения ежегодных парадов ветеранов, но и объявлении 9 мая праздничным днем.

Предметом нашего анализа служат публикации двух ведущих русскоязычных газет Израиля – «Вести» и «Новости недели», а также еженедельника «Секрет». Во второй половине 1990-х гг. обе газеты поддержали общественно-политическую компанию Союза ветеранов Израиля за скорейшее принятие Кнессетом закона о ветеранах Второй мировой войны. С его принятием в мае 2000 г. Союз ветеранов был признан равноправным в израильском обществе, а Великая Победа стала частью боевой истории еврейского государства. Следует учесть «обостренную» мотивацию ветеранов не только рассказать о себе и личном участии в войне, окончательно стереть из исторической памяти миф о «евреях, сражавшихся в Ташкенте», но и выступить против опасных тенденций переписывания истории в угоду политическим интересам в некоторых странах Европы, СНГ и Балтии. Они активно выступают против отрицания Холокоста, возрождения, реабилитации и героизации пособников нацизма, войск СС, вермахта, нацистской идеологии, постоянно следят за тем, что происходит в странах Исхода. В этом плане приоритет принадлежит газетам издательского дома «Новости недели».

Публикации в СМИ воспоминаний – одно из важнейших направлений. Некоторые воспоминания, удивительные героические и трагические зигзаги судеб отдельных личностей и целых семей буквально потрясают. Например, исповедь Л. Янковского о Холокосте на его родной Брянщине, где погибла семья. Он – боец истребительного батальона, потом комсорг 504-го полка 107-й стрелковой дивизии, участник освобождения Аушвица-Биркенау в 1945 г. – рассказывает об этом [1]. В 2014г. Янковскому по инициативе брянского поискового объединения «Возрождение» и НПЦ «Холокост» была вручена медаль «В память о подвиге партизан и подпольщиков», учрежденная Брянской областной думой. [2]. Кстати, вручение ветеранам российских наград и памятных знаков, поиск участников различных событий войны получило в последние годы активное развитие, в первую очередь по инициативе из регионов России.

Разумеется, встает вопрос об уровне достоверности газетных публикаций как первоисточников, будь то воспоминания или очерки о героях войны. Носителей «живой истории» подводит память, иной раз смещены акценты и оценки в освещении тех или иных событий, возможны всевозможные наслоения. Случается, воспоминания не подкреплены архивными или личными документами, сторонними свидетельствами. Журналистам и редакторам следует учитывать все эти факторы, быть готовыми к откликам с уточнениями, дополнениями, комментариями коллег, специалистов-историков. Следует тактично, бережно относиться к свидетельствам последнего поколения, помня, что у каждого была «своя война». Одновременно надо критически относиться к присланным материалам, не стесняться советоваться с историками, учиться задавать вопросы, помогать углублять воспоминания. Грубые ошибки снижают уровень доверия к авторам и самим изданиям. Но в большинстве своем публикации заслуживают внимания и служат источниками для историков, позволяя «защепиться» за интересных людей.

В обеих газетах ведутся рубрики «вести из отделений» с логотипами союзов инвалидов и ветеранов. Это своеобразная летопись организаций. Рассказы о героях публикаций – воинах-евреях (приложение к «Новостям недели» – «Еврейский камертон») вошли в изданные книги. Например, текст М. Пекаровского о художнике и воине Э. Грабовецком – в книгу И. Рейтмана и Г. Фельдмана «Судьбы и думы русских израильтян» (Израиль, 2008) [3].

На кого рассчитаны газетные публикации воспоминаний о Второй мировой войне? Вопрос далеко не праздный – эксклюзивный материал (воспоминания ветеранов), прекрасно иллюстрированный документами из домашних архивов, фактически не востребован ни государством, ни широкой аудиторией говорящих на иврите израильтян. Значит, для самих себя, фронтовиков? Или своих детей, кому далеко за «сорок плюс» и кому не всегда это интересно? Остается следующее поколение – внуки. Как сделать тему подвига дедов привлекательной для них? Ответ дает публикация пресс-секретаря Реховотского отделения Союза ветеранов А. Гумниц «"Шаршерет" в Реховоте» [4]. «Шаршерет» – в переводе с иврита означает «цепочка». Это крупная акция под эгидой ветеранов Израиля. Статья посвящена общению школьников 8–11 классов – русскоязычных израильтян – с участниками войны. Автору удалось передать интерес детей к про-

шлому этих людей, например, написать о дружбе 8-классницы Р. Кобозевой и бывшей партизанки из Вильнюса Р. Марголис. В другой публикации о сборнике воспоминаний блокадников «Как это было...» указано, что воспоминания Е. Борщевской, пережившей блокаду в 14-летнем возрасте, подготовлены внучкой, 14-летней И. Хургель из Ашдода [5].

Вызывает интерес подборка «Внуки пишут историю». Школьник Р. Шлюбский из Ришон Ле-Циона пишет: «Мой дед, Симон Гальперин, участвовал в Киевской операции в октябре-ноябре 1943 года. Он форсировал Днепр и на правом берегу принимал участие в боях с немецкими танками. Пришло одно письмо, в котором он сообщал, что вступил в комсомол, подбил два немецких танка». Другая публикация из этой подборки названа «Дедушка Миша». Фотокарточка из семейного альбома вызвала вопросы Д. Чувайкина, дед которого, М. Тихоновский, не успел написать книгу о том, как партизанил, но рассказал, как сожгли родных в местечке близ Ивано-Франковска и как ушел воевать в партизаны. Исповедь внука – памятник деду [6]. Участие израильских школьников – новых репатриантов – в проектах по увековечению памяти о героическом прошлом дедов способствует не только еврейской самоидентификации, служит профилактикой от участия в выходках антисемитского, неонацистского характера («свастика на синагогах»). В канун Дня Катастрофы и героизма 2010 г. евреям «пожелали сдохнуть» в Ашдоде, а в Димоне в дни Победы был осквернен памятник жертвам Холокоста.

Если эти события были поданы на уровне информации, то арест неонацистов в Петах-Тикве в 2007–2008гг. освещался со всей серьезностью журналистами В. Найманом («Вести») и П. Люкимсоном («Новости недели») [7]. В. Найман привел жесткое высказывание парламентария К. Авиталь: «Человек, занимающийся нацистской пропагандой, коллекционирующий атрибутику, покупающий или продающий связанные с этим материалы, не имеет права на израильское гражданство. Такому человеку просто нечего делать в еврейском государстве» [8]. П. Люкимсон обращается к исторической памяти: «Мы все, в конце концов, помним о том, какую беду нацизм принес не только еврейскому народу, но всему миру. Помним мы, что наши отцы и деды бок о бок сражались с «коричневой чумой» и победили ее».

Не случайно руководители Союза ветеранов войны, принимающие участие в заседании комиссий Кнессета, ратуют за изменение приори-

тетов в системе школьного образования, за введение курсов истории, раскрывающих проблематику Второй мировой войны и роль СССР в разгроме нацистского агрессора, достоверного рассказа о героизме многонациональной Красной армии. Роль государственных структур в таком деле – необходимость, и она пока недостаточна. Об этом идет серьезный разговор на страницах русскоязычной израильской прессы, в выступлениях руководителей Союзов инвалидов и ветеранов. В их выступлениях прозвучала важная мысль – на фоне происходящих сегодня в мире отрицания Холокоста, ревизии уроков Второй мировой, не прислушиваться к свидетельствам последних участников тех событий, не использовать бесценные материалы в образовательных государственных программах – не умно и расточительно.

Русскоязычная израильская пресса уделяет пристальное внимание сохранению памяти с помощью музеев – базовых центров просветительской и военно-патриотической работы. Сегодняшние школьники, не забывшие «великий и могучий», не потерявшие духовную связь с победившими в Великой Отечественной дедами – завтрашние защитники Израйля.

Журналисты обеих крупных газет – И. Стессель, Е. Кравчик («Новости недели»), Ш. Шрайман, Е. Ласкина («Вести»), а также ивритоговорящие – ведущее перо «Гаарец» Л. Галили, нештатные авторы не раз рассказывали об этапах становления и развития и работе Музея еврейского военного наследия и Холокоста «Энергия мужества» в Хадере. Подход у невладеющей русским языком Л. Галили и у русскоговорящих коллег – абсолютно разный. Чего стоит заголовок «Мы победили в Катастрофе»? Журналистке трудно понять, что «русские» участники Второй мировой войны и дети солдат (создатель музея, военный историк Давид Зельвенский – сын погибшего офицера) несут с собой знание не о «победе в Катастрофе», не только о выживании в гетто и концлагерях, но и об участии в сражениях минувшей войны, о Победе в ней.

Даже по двум взаимодополняющим друг друга публикациям Ш. Шрайман в «Вестях» («Окна»), и Е. Кравчик «Новости недели» («Репортер»), вышедшим примерно в одно время, можно составить себе представление, как о его целевом предназначении, так и о проблемах. До недавнего времени у музея не было ни статуса, ни постоянного помещения. За короткое время музей 7(!) раз менял место дислокации, с болью констатировала Ш. Шрайман. Вероятно, статьи в прессе

сыграли свою роль в том, что три года назад музей получил статус муниципального [9]. Публикация Е. Кравчик высвечивает такой важный аспект, как влияние увиденного на молодые умы. Журналистка использовала книгу посещений: «Пришел со своей учительницей Рути, чтобы взять материал для сочинения о героизме евреев... Оказывается, сколько их!» (В. Сотников, средняя школа «Хадера»). «Я очень, очень благодарен, что дали возможность гордиться собой и народом» (А. Гребень, 10-й класс той же школы) [10].

Экспозиция «На линии огня» – пример того, как научно, доступно, ярко рассказать об участии евреев войны с нацистами с использованием новейших источников. Но мало лишь подготовить экспозицию, ее следует уметь преподнести зрителю. Нельзя не отметить заслуги радиожурналиста Ф. Бен-Натана, подготовившего цикл передач-бесед с Д. Зельвенским. Чтоб довести ее до организаций участников войны, каждой еврейской семьи, руководство «Новостей недели» в лице главного редактора газеты Л. Белоцерковского – сына участника войны – согласилось отдать 24-ю цветную страницу приложения «Еврейский камертон». В течение трех месяцев, еженедельно с 29 сентября 2005 г. по 18 января 2006 г. «музей в газете» увидел свет. Перед началом презентации было опубликовано интервью с автором Д. Зельвенским [11]. Читатели собирали, подшивали страницы, отправляли за рубеж, в страны Исхода. Таким образом, опыт коллективного портрета воинов-евреев в годы Второй мировой войны становится известен и в диаспоре.

24 мая 2009 г. впервые в Израиле в музее «Энергия мужества» состоялись ежегодные в Научно-просветительском центре «Холокост» в Москве чтения, посвященные памяти историка Федора Давыдовича Свердлова (1921–2002). Обсуждались конкретные вопросы преподавания истории Второй мировой войны, Катастрофы и героизма в России и Израиле. Об этом израильтяне были информированы газетами «Вести» и «Новости недели» [12], как и о презентации в музее энциклопедии «Холокост на территории СССР» [13]. В 2011 г. в Москве на чтениях памяти Ф. Свердлова выступил внук директора музея Д. Зельвенского Максим, представив израильскую разработку о героизме «На линии огня», что нашло отражение в израильской прессе [14]. Таким образом, прослеживается преемственность традиций в поколениях и странах.

Более 3-х лет существует новый музей еврейского Героизма и Хо-

локоста в Ашдоде, созданный при инициативе ашдодского отделения Союза инвалидов Второй мировой войны и при поддержке муниципальных властей. Пресс-служба муниципалитета Ашдода и один из авторов данной статьи, участвующий в муниципальных проектах историк и журналист Г. Рейхман регулярно освещает наиболее значимые мероприятия, проводимые в музее на страницах регионального приложения к газете «Вести» («Вести-юг») [15].

Возможности прессы используются для информирования русскоязычных израильтян о направлениях деятельности и проектах Российского НПЦ «Холокост» (примерно с 2001 г.). Поначалу это были сообщения об участии российских учителей в семинарах Международной школы по изучению Холокоста в аннотации, рецензии на литературу «Российской библиотеки Холокоста». Весной 2003 г. газеты «Новости недели» и «Вести» одновременно информировали русскоязычных израильтян о старте международного проекта – «Энциклопедии Холокоста на территории СССР», а спустя шесть лет – его логическом завершении – презентации в институте «Яд Вашем» (15 октября 2009 г.). Русскоязычная пресса оказывает постоянную информационную поддержку проекту Российского НПЦ «Холокост» по сохранению и изучению писем и дневников советских евреев в годы войны (только «Еврейский камертон» опубликовал в 2004 г. 10 статей погибших воинов). Есть и примеры обратной связи – публикация инвалидом войны М. Милявским отрывков из фронтовых дневников майора С. Мостова [16] вызвала профессиональный интерес архивистов НПЦ, в результате чего сын героя, И. Мостов, передал оригинал дневника и целый ряд сопутствующих ему документов в Архив НПЦ для подготовки к изданию.

На страницах «Новостей недели» и «Вестей» читатель может узнать о судьбах людей, чьи письма дождались сегодняшнего дня, донеся до нас исторические коллизии, духовно-нравственную атмосферу, в которой оказалось поколение, пережившее годы Второй мировой войны и Холокоста. Достаточно привести примеры совсем недавних. О судьбе жительницы Ашдода, малолетней узницы Э. Гадасик, бежавшей из гетто Лиозно (Белоруссия) перед расстрелом и доказавшей благодаря переписке между родителями (фронт и тыл) сам факт пребывания в оккупации, рассказали две публикации в газетах «Вести» и «Новости недели» [17].

По документам из личного архива жителя города Беер-Шевы А.

Полуянова, отец которого, русский по национальности, едва освободившись из лагеря военнопленных, в конце войны писал родным в Россию, видна его тревога за судьбу еврейки-жены [18]. Другой темой являются публикации документов, готовящихся к печати в третьем сборнике «Сохрани мои письма...». Пример – документальный очерк, посвященный еврею-офицеру Красной армии Григорию Терушкину – участнику Братского сотрудничества военнопленных, казненному в Маутхаузене в 1944 г. [19]. Публикации фронтовых писем приводят к поразительным результатам – восстановлению недостающих звеньев в людских судьбах. Недавние публикации писем красноармейца М. Шмирина в еврейской прессе России, Израиля и первом сборнике НПЦ «Холокост» [20] способствовали не только идентификации обнаруженных останков и установлению личности погибшего под Киевом воина, но и поиску его родных в США [21]. Публикация списка погибших воинов-евреев помогла активизации израильских поисковиков-ветеранов и их детей. Так, житель Ашкелона полковника в отставке А. Заславский создал «Электронную Книгу Памяти». Газета «Новости недели» рассказала о судьбе одного военнослужащего из списка – рядового А. Томпакова, чьи родные живут в Москве [22].

Еще одно направление деятельности НПЦ «Холокост» находит отражение в израильской прессе – совместные с Российским еврейским конгрессом и с «Яд Вашем» проекты – «Вернуть достоинство», «Эстафета памяти». В сентябре 2009 г. «Вести» опубликовали статью о захоронении жертв Холокоста в пригороде Ставрополя [23], а спустя две недели последовала обзорная статья о поездке сопредседателя НПЦ «Холокост» И. Альтмана в Ставрополье и об открытии памятника жертвам Холокоста в Брянске с участием Л. Терушкина [24]. Отдельные статьи посвящены событиям в Любавичах Смоленской области, где в ноябре 2011 г. на месте расстрела еврейской общины был установлен памятник, а также памятным мероприятиям в Таганроге [25].

Широкое отражение в прессе получило открытие в израильском городе Нетания 25 июня 2012 г. Мемориала в честь воинов Красной армии и Победы над нацистской Германией. В торжественной церемонии приняли участие президенты России и Израиля. НПЦ «Холокост» оказал помощь творческой группе, создававшей Мемориал, предоставив архивные документы и фотоматериалы.

Приближение 70-й годовщины Победы способствовало активизации сотрудничества израильских и российских общественных организаций. Вручение российских памятных медалей израильским ветеранам уже началось.[26]. Ряд статей посвятил этим событиям пресс-секретарь Союза евреев-инвалидов и ветеранов и редактор журнала «Голос инвалидов войны» Моше Шпиц бург.[26].

Впрочем, большое внимание было уделено так же многим важным датам в истории войны и Холокоста – восстанию в лагере смерти Собибор, освобождению Аушвица (Освенцима).

Израильская пресса много писала о памятных мероприятиях в Москве и Израиле, посвященных восстанию в Собиборе, судьбе руководителя восстания Александра Печерского и его товарищей-С. Розенфельда, проживающего в Израиле, А. Вайцена (жил в Рязани), А. Вайспапира (Киев) и других. Особо подчеркивались и информационно поддерживались усилия общественных и политических организаций по награждению участников восстания российскими орденами и медалями. [27].

Мероприятия, которые проходили в Москве в Центральном Музее ВОВ на Поклонной Горе и Кракове в связи с 70-летием освобождения Аушвица вызвали целую серию статей. Публиковались воспоминания ветеранов-освободителей из России и Израиля, бывших узников. [28].

Событие рассматривалось не только в контексте исторической памяти, но с учетом реалий сегодняшнего дня – роста антисемитизма в Европе, попыток обелить нацизм, принизить роль Красной Армии в спасении европейских евреев, обострения ксенофобии в российском обществе. [29].

Опыт работы ветеранских организаций и созданных участниками Второй мировой войны, их детьми и внуками военно-исторических музеев должен находиться в центре внимания русскоязычной израильской прессы. Публикации воспоминаний и документов должны активно использоваться как мощный потенциал в лекторской, пропагандистской и воспитательной работе.

Фактически у России остается единственный на сегодняшний день союзник, принципиально разделяющий взгляд на итоги Второй мировой войны и активно противодействующий искажению исторических фактов об этом событии, пересмотру ее итогов. Это –Государство Израиль, его общество (в первую очередь- русского-

ворящие граждане). И роль прессы в деле сохранения исторической памяти, в освещении развивающегося сотрудничества историков и воспитании молодежи наших двух государств крайне важна и ответственна.

Список литературы:

- Такое не забывается // Вести (приложение «Ветеран и воин»). 2010. 10 мая. С. 7–8.
- Рейхман Г. Брянская награда израильского ветерана // Ветеран и воин. 2015, 7 января . С.4-5
- Новости недели (приложение «Еврейский камертон»). 2006. 3 августа. С. 12
- Гумниц А. «Шаршерет» в Реховоте // Ветеран и воин. 2008. 21 мая. С. 10–13.
- Вести (приложение «Воин и ветеран»). 2009. № 34. С. 4.
- Ветеран Второй мировой войны. 2010. № 65. С. 45.
- Нейман.В. Темная история. URL: http://www.jewukr.org/observer/eo2003/page_show_ru.php?id=2264; Люкимсон П. Свастика на еврейской могиле» URL: http://www.kontinent.org/article_rus_47a3a47a93725.html. 10 июля 2012 г.
- Антисемитизм в Израиле. URL: http://pogrom.org.il/rus_articles.php?art_id=106.
- Шрайман Ш. Музей Давида Зельвенского // Вести (приложение «Окна»). 2010. 14 февраля. С. 7.
- Кравчик Е. Что написали дети, покидая музей // Новости недели (приложение «Репортер»). 2011. 8 марта. С. 9–10.
- Еврейский камертон. 2005. 22 сентября. С. 14–15.
- Рейхман Г. О героизме евреев говорили в Хадере и в Москве // Ветеран и воин. 2009. 17 июня. С. 9; Его же. О героизме еврейского народа // Новости недели (приложение «Время НН»). 2009. 25 июня. С. 10.
13. Гиршман Р. О Холокосте и героизме // Ветеран и воин. 2010. 3 февраля. С. 13.
14. Рейхман Г. Энергия мужества. Из Хадеры в Москву // Ветеран и

- воин. 2011. 15 июня. С. 20. Гиришман Р. На линии огня...// Ветеран и воин. 2014. 10 декабря. С.6.
15. Рейхман Г. Урок мужества плюс урок английского // Вести-юг. 2012. 19 января. С. 4.
16. Фронтовой дневник майора Семена Мостова // Ветеран и воин. 2007. 7 февраля. С. 4, 8–9.
- Чудом вырвались из рук фашистов... // Ветеран и воин. 2011. 3 августа. С. 4–5; «Напишите папе, что я жива...» // Время НН. 2011. 28 июля. С. 8–9.
- Рейхман Г. «Особенно я боюсь за жену и детей...» // Время НН. 2011. 2 сентября. С. 12–15.
- Рейхман Г. Номер 71656... Казнен как участник Сопротивления // Ветеран и воин. 2012. 11 января. С. 6–7. С. 8–9.
- Сохрани мои письма...: Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. М., 2007. С. 39–40.
- Рейхман Г. Человек за строкой документа // Время НН. 2012. 23 февраля. С. 11.
- Рейхман Г. Как мы искали Альку... Поиск родных одного из списка погибших воинов завершен // Время НН. 2012. 28 апреля. С. 12.
- Рейхман Г. «Еврейские находки» Русского леса // Ветеран и воин. 2009. 16 сентября. С. 5.
- Рейхман Г. Памятник жертвам Холокоста // Ветеран и воин. 2009. 7 октября. С. 14–15.
- Обязывает память // Ветеран и воин. 2011. 24 ноября. С. 2; Это было в Таганроге // Там же. 2011. 26 ноября. С. 9; Помнят о жертвах Холокоста // Время НН. 2011. 10 ноября. С. 4.
26. Неизвестному солдату ...// Ветеран и воин. 2014. 10 декабря. С. 4. Выше других знаков отличия...// Ветеран и воин. 2015. 28 января. С. 2
27. Гершелев Г. Второе рождение героя. // Время евреев. 2012.1 ноября. С.7
- Рейхман Г. Изучают подвиг героев Собибора// Время евреев. 2013. 24 октяб
- ря. С.10. Последний собиборец России. // Время евреев. 2015.22 января. С.

23, // Ветеран и воин. 2015. 11 февраля. С. 4-5.

28. Осипов А. Предотвратить новый Освенцим! // Время евреев. 2015. 4 фев

раля. С.29. Саркисов Г. Эхо Освенцима на Поклонной горе // Ветеран и воин.

2015. 11 февраля. С. 6-7.

29. Борисенко Л. Женщины на войне. // Ветеран и воин. 2015. 11 февраля. С.3

Joseph Rochko

Director of the Museum “Jews
in Daugavpils and Latgale”

Иосиф Рочко

магистр педагогики,
директор музея «Евреи в Даугавпилсе
и Латгалии»

SAVIOURS, SURVIVORS, THE RESCUE

СПАСИТЕЛИ, СПАСЁННЫЕ, СПАСЕНИЕ

Холокост – это массовое уничтожение евреев, уголовное преступление, в котором участвовали как немецкие нацисты, так и местные жители. Но среди местных жителей были люди, которые своими действиями противостояли этому тотальному преступлению. В результате исследования удалось найти новые случаи спасения. Не все люди, о которых я расскажу сегодня, будут признаны Праведниками мира, но они заслуживают, чтобы их имена не были забыты.

Спасение Лазара – Харийса Циммерманиса.

Харийс – это латышское, Лазар – еврейское имя. Почему такое странное двойное имя? Лазар Циммерманис родился в Риге в 1937 г. в еврейской семье. Его отец Борис Циммерманис (1902, Двинск – 1974, Рига) женился на Раисе Бакшт (1912 – 1941). (Отмечу, что её матерью была Мария Рочко). В 1937 г. в семье родился сын Лазар. Однако брак оказался не слишком счастливым, вскоре молодые разошлись. Сын остался жить с отцом. Отец со своим родным братом Соломоном был совладельцем рижской фабрики «Текстилиана». Воспитанием Лазара занималась няня Мальвина Фрицевна Муйжниеце (1899 – 1982), латышка, фактически ставшая матерью еврейского ребёнка.

14 июня 1941 г. состоятельная еврейская семья была сослана в Сибирь. 4-летний Лазарь и его няня в этот момент не находились дома.

Их не тронули. М. Муйжниец с Лазаром переехали в Лимбажский район, где жила двоюродная сестра Мальвины. Ребёнка в латышской семье называли Харийс. Вскоре кто-то «стукнул», новые немецкие оккупационные власти стали интересоваться светловолосым латышским мальчиком Харийсом с чёрными глазками. Мальвину Фрицевну вызывали, допрашивали, избивали. Но она твёрдо держалась, утверждая, что ребёнок – её родной сын. Однажды немецкий офицер посоветовал Мальвине подать заявление в суд, и тогда от неё отстанут. Трудно сегодня проверить состоялся ли суд или рассмотрение дела было отложено. Но М. Муйжниец с ребёнком перебралась на другой хутор, батрачила, заболела. Обнаружили камни в желчном пузыре. Пришлось с мальчиком переехать в Ригу. Поселилась спасительница у своих двоюродных сестёр Эммы и Хелены. Конечно, сёстры понимали, чей это ребёнок. Операцию М. Муйжниец сделал профессор Паул Страдынь.¹ Однако оставаться в большом городе от важной женщине было опасно. Уехала с ребёнком к матери Мальвины Кристине и родной сестре Марте в Валгунду. Недалеко от этого места проживала ещё одна родная сестра Мальвины Анна.

Несмотря на смертельную опасность, болезни, Мальвина Фрицевна не только вырастила мальчика, но и занималась с ним. Его родным языком стал латышский. Осенью 1944 г. линия фронта проходила в районе Елгавы. Район несколько раз переходил из рук в руки. Приходили советские войска, ели из их котелка, приходили немецкие войска – ели из того же котелка. Как говорится, голод не тётка. Пришлось прятаться от бомбёжек в бункере. Туда же прибежал и муж Марты Антон, дезертировавший из немецкой армии. Еврейский мальчик и легионер в одном бункере! Но каждый хотел выжить. Марта и Антон оставили бункер, и ушли в лес, надеясь спастись. А вот Мальвину Муйжниец и Лазара – Харийса, как и других жителей, нацисты решили спасти от наступающей Красной армии. Их повезли в Рагациемс, чтобы затем отправить в Германию. Затем перегнали в Дундагу. Последний день нацистской оккупации запомнился Харийсу тем, что сердобольный немецкий офицер подарил мальчику коня. На следую-

¹ Страдынь Паул (1896 – 1958), знаменитый латвийский хирург, онколог, профессор, член корр. АМН СССР, основатель музея истории медицины Латвии. Во время немецкой оккупации за принципиальные взгляды был отстранён от работы.

щий день в Дундагу вошла Красная Армия.² Так, Мальвина Фрицевна Муйжниец спасла еврейского мальчика, подвергая опасности себя, своих сестёр, свою мать.

После войны Лазарь – Харийс за два месяца окончил трёхгодичную Валгундскую школу, затем среднюю школу в Кулдиге с золотой медалью. Его отец Борис женился на Мальвине. То, что отец был репрессированным, не дало возможность сыну учиться в Риге. Молодой человек уехал в Москву, окончил Московский инженерно-технический институт им. Куйбышева. Затем переехал в Челябинск, где работал в Уральском филиале Академии строительства и архитектуры. За Уралом детей репрессированных не преследовали. И только в 1979 г. талантливый учёный Лазарь Харийс Циммерман вернулся в Ригу. Преподавал в Рижском Политехническом институте (ныне Рижский технический университет), работал в ЛатНИИСтроительства. Л. Х. Циммерманис. Профессор, хабилитированный доктор инженерных наук, доктор технических наук, автор 8 монографий, 232 научных работ, 163 изобретений. Его работы посвящены термодинамике сорбции, структурообразованию, массопереносу, проблемам космогонии. Он умер в 2014 г.

В судьбе Лазара Харийса Циммерманиса переплелись развал семьи, депортации, Холокост, мытарства послевоенных лет. Выжил благодаря мужеству Мальвины Фрицевны Муйжниец, которая заслуживает высокого звания Праведника народов мира.

2. Спасение Сарры Нейшлосс.

До войны в деревне Кведервечуми Ливанской волости Даугавпилсского уезда проживала старообрядческая семья Богдановых. Глава семьи Савелий Богданов, его парализованная жена Алёна Богданова, а также их невестка Таисия Богданова. Рядом жила Надежда Кириллова (1918 г., девичья фамилия Лебедева). Местные жители часто посещали Ливаны. Как рассказывала Н. Кириллова, особенно дружеские отношения, сложились с семьёй Нейшлосс. Еврейской семье принадлежали два магазина: один – продуктовый, другой

² Дундага – посёлок, находящийся в Курземе. В 1944 – 1945 годах здесь находился «Курземский котёл», где в окружении находились немецкие дивизии и латышская дивизия СС (легион). Курземский котёл существовал до 9 мая 1945 года.

– промтоварный. Сарра Нейшлосс (1882 г.) торговала в продуктовом магазине, а её две дочери Белла (1909 г.) и Хана (1907 г.) – в промтоварном. Знакомые русские девчонки иногда заходили в магазин в субботу, правда, с чёрного хода. «Хоть платье померить, хотя не было денег, чтобы его купить», – вспоминала Н. Кириллова. Сарра Нейшлосс давала знакомым деньги под вексель.

Видимо, в первые дни войны Белла и Ханна успели уйти из города, а Сарра осталась. Она попросила Савелия Богданова спасти её. Савелий Богданов приехал в город с Надеждой Кирилловой, положили Сарру на телегу, накрыли сеном и повезли в деревню. В деревне Кведервещуми, что примерно в 25 км от Ливаны еврейку С. Богданов спрятал в своём доме. С. Нейшлосс завернули в тряпки и спрятали под кровать, на которой обычно спала Алёна Богданова. Днём она неподвижно сидела на кровати, и это не должно было вызвать подозрений. По ночам Сарру освобождали из «подкроватьного» укрытия, мыли, кормили...

Несколько раз в дом приходили полицейские. Правда, они искали оружие, но не евреев. Они кричали, что сначала уничтожат чёрных жидов (т.е. евреев), а потом белых (т.е. староверов). В комнатку, где сидела парализованная Алёна и пряталась С. Нейшлосс, они не заходили.

Но однажды, как вспоминала Н. Кириллова, вновь пришли полицейские (их называла шуцманами). Искали оружие и хотели произвести обыск. Богданов Савелий, старовер строгих нравов, воспротивился, и полицейский толкнул его. Хозяин неловко упал, закричав от боли (как потом выяснилось, у него оказался перелом руки). Полицейские решили не проводить обыска и ушли. Через какое-то время родные помогли Савелию Богданову запрячь лошадь, и он с перевязанной рукой поехал в город. Там он обратился в местную комендатуру с жалобой на обидчиков... Немецкий офицер вызвал полицейских и стал на них кричать: «На фронт с русскими пойдёте воевать, а не с русским мирным населением». По воспоминаниям Н. Кирилловой, полицейский даже приезжал к С. Богданову, предлагая деньги на лечение.

Так прошло три долгих года. Можно только представить, что пережили за это время семьи Богдановых и Кирилловых. Летом 1944 г. еврейку, наконец, освободили от невольного заточения. Спасённая захотела уехать в Россию, где у неё были родственники. В 1945 г.

муж Н. Кирилловой Афанасий (1919 – 1977) запряг лошадь и на телеге отвёз спасённую в Крустпилс. Там Сарра Нейшлосс села на поезд Рига – Москва, навсегда уехав из Латвии. Она говорила, что у неё родственники жили в России. Дальнейшая судьба спасённой осталась неизвестной.

Прошли годы. Умерла Алёна Богданова, под конец жизни ослеп Савелий Богданов, (он умер в возрасте 85 лет), не стало Таисии Богдановой (1910 – 2006). Летом 2008 г. Надежда Кириллова начала рассказывать мне историю спасения. «Почему Вы молчали более 60 лет?» – спрашивал у неё автор. «А чего говорить, разве кому-то это интересно?» – спокойно ответила 90 – летняя респондента. Спасители ничего особенно не видели в своём подвиге.

В Яд – Вашеме имеется документ, в котором бывшая жительница Ливаны перечисляет по памяти убитых. В этом списке есть и Сарра Нейшлосс. Возможно, это ошибка, которую можно исправить.

Спасение семьи Ляк.

О спасении евреев рассказала в своём письме Валентина Ковалевская.¹ События происходили в Ликсненской волости Даугавпилсского уезда, деревне Борска, усадьбе «Крёстный дом» («Krustu mājas»). В этом доме проживала семья Игнатан, состоявшая из пяти человек: муж Бенедикт Игнатан (1888 – 1975), его жена Текля Игнатан (1887 – 1973), их дети Язеп (1923 – 1971), Валентина (1929 – 2003), а также сестра Бенедикта Виктория (1885 – 1966). Эта семья ещё до войны дружила с еврейской семьёй Ляк. Еврейской семье принадлежал магазин одежды в Даугавпилсе. Б. Игнатан регулярно привозил евреям молочные продукты. С началом войны семья Ляк не успела покинуть город.

Бенедикт Игнатан на телеге перевёз семью Ляк из города в деревню. Двадцатикилометровая дорога была смертельно опасной, как для «возчика», так и для еврейских пассажиров. Под хворостом и хвоей скрывались муж и жена, их сын. Это были Шломо Ляк (1903 г.), Хава Ляк (1906 г.) и Исаак Ляк (1937 г.).

В «Крёстном доме» под кухней было оборудовано убежище. Там евреи прожили до 1944 г. Войти в убежище можно было через лаз, над которым стояла кровать. Убежище освещалось карбидной лампой. Была оборудована и чугунная печка («чугунка»). Еду евреям обычно опускала в подвал двенадцатилетняя Валентина. Не раз дом

посещали непрошенные гости, но ничего предосудительного не обнаружили. Иногда по ночам семью Ляк выпускали погулять.

Летом 1944 г. на территории Даугавпилского района происходили бои между Красной армией и отступающими нацистами. Б. Игнатан предусмотрительно перевёл семью Ляк в лес, где было вырыто укрытие – «бункер». Через несколько дней после ухода евреев «Крёстный дом», как и другие дома в деревне Борска сгорели.

Семья Игнатан чудом выжила в огненном хаосе и решила найти убежище у родных. Забрав скот, семья добралась до Лиепайского уезда. Жили в Дунтской затем Руцавской волостях. По дорогам двигались беженцы, транспорт. Валентину мобилизовали на какие-то работы. Приходилось стирать армейское бельё.

А что же случилось с семьёй Ляк? По воспоминаниям Валентины Ковалевской, евреи выжили, после войны жили в Даугавпилсе, в 1956 г. умерла Хава Ляк, затем её муж. Их сын после женитьбы в 1960-е годы эмигрировал с семьёй в Израиль.

О спасителе Бенедикте Игнатане известно, что в 1914 г. был мобилизован в царскую армию, затем служил в Красной армии, был ранен в правый глаз. Это ему сильно мешало. После войны работал столяром и электриком в одном из медучреждений города. Ни он, ни спасители никогда ничего не рассказывали о своём подвиге. Лишь Валентина Ковалевская в письме в 1960 г. в газету «Советская Латвия» рассказала об этом.²

Спасение в Друе.

Местечко Друя (ныне посёлок городского типа) до начала Второй мировой войны находился на территории Виленского воеводства Польши. До 1940 г. в нём проживало порядка 2500 евреев. В 1940 г. местечко вошло в состав Браславского района Витебской области Белорусской ССР, которая стала частью СССР. Летом 1941 г. Друя была оккупирована немецкими оккупантами, было создано гетто. 11 – 12 июня 1942 г. более тысячи евреев были расстреляны. Небольшая часть евреев пытались спрятаться в лесах, иногда находила убежища в домах местных жителей.

Владимир Друз (1947 г.) рассказал автору о своей матери и сестре, спасавших трёх евреев. Трое евреев: двое мужчин и женщина, видимо, летом 1941г. нашли убежище в семье Фецковичей. Об этом узнал Павел Петрович Вальтер, бывший в то время уполномоченным

немецкой полиции (возможно, староста). Он подсказал Ивану Фецковичу, что на него пало подозрение, и к нему могут нагрянуть с обыском. П. Вальтер забрал евреев к себе³. Когда П. Вальтер почувствовал, что и к нему могут придти с обыском, то перевёз евреев в деревню Коноплянщина⁴. Там проживала родная сестра его жены – Адамёнок (во втором замужестве Друз Ванда Юстиновна (23.03.1920, полька, католичка) со своей дочерью Ниной. Первый муж ушёл на фронт и не вернулся. (Считается, что он пропал без вести). В 1943 г. ночью к дому, где жила Ванда приехали три еврея: Гурко, Сафро и Ширак (респондент не смог точно сказать, что это фамилии, имена, прозвища).

В. Адамёнок накормила несчастных, уложила спать, спрятала их вещи, а утром перевела на чердак. Маленькая Нина носила им еду. В 1944 г. кто-то донёс старосте, что семья Адамёнок прячет евреев. Правда, и отважную женщину кто – то предупредили, что завтра будет обыск. В ту же ночь В. Адамёнок вывела трёх евреев в лес. Утром в доме провели обыск, но ничего подозрительного не нашли. Полицейские вывели Ванду и Нину из дома, объявив им, что расстреляют их. Сделав холостой выстрел, оставили спасителей в покое.

Через какое-то время В. Адамёнок забрала евреев, спрятав их в сарае с сеном, а маленькая Нина носила им еду. В этом убежище зимой один из евреев скончался. Умершего спасительница похоронила на кладбище, хотя и это грозило ей смертельной опасностью.

Двое оставшихся евреев выжили. После войны спасённая еврейка приехала к спасительнице. Она сказала, что все вещи, которые мы оставили, будет Вашими, а я заберу лишь с собой одеяло. Вынула оттуда 114 золотых монет, дала 10 монет Ванде Юстиновне и уехала. Больше эту женщину в этих краях никто не видел.

Ванда Юстиновна Адамёнок умерла в 2001 г. и похоронена в Даугавпилсе на коммунальном кладбище⁵. Незадолго до смерти она сказала своему сыну Владимиру Друзу, что когда будешь продавать дом, проверь внимательно чердак, где я прятала еврея. Действительно, Владимир обнаружил металлоискателем серебряный оклад от молитвенника и резиновые сапоги. В сапогах был спрятан свиток Торы размером 13 м. на 0,65 м. Сын спасительницы рассказал автору, что передал свиток в Центральную московскую синагогу, находящуюся в районе Китай-города.

Можно ли считать Ванду Юстиновну Адамёнок и её дочь Нину

спасителями? Для этого требуется дополнительное исследование, которое может быть проведено израильскими историками, т. к. выжившие евреи переехали на «землю обетованную».

Устная история, как и архивные документы, помогают найти новые случаи помощи и спасения евреев в годы Холокоста. Документов об уничтожении довольно много, как советских, так и нацистских. А вот документов, отражающих спасение или тем более попыток спасения или сочувствия, очень мало. В немецких документах иногда можно найти сообщение об обнаружении прятавшихся евреев или наказания людей, которые их прятали. В местных газетах того времени иногда появлялись сообщения такого рода. Они были направлены на устрашение местного населения и предотвращения таких попыток, за которые полагалось наказание. В советских документах, например в материалах Чрезвычайной Комиссии можно найти свидетельства о спасённых и спасителях. Но задачей комиссии не являлся сбор такого рода документов. В 1960 – 1970 гг. в местной печати стали публиковаться воспоминания спасённых и спасителей, собранных местными историками, краеведами. Позже эти публикации и другие документы дали возможность присвоить высокое звание Праведника народов мира. Сегодня фактически в Латвии нет ни спасённых, ни спасителей. Есть их дети и внуки. Поэтому основным источником о спасении являются материалы устной истории, т.е. Рассказы родных и близких, свидетельства очевидцев, соседей. Устная история помогает понять психологию спасителей и спасённых. Холокост и спасение – это два противоположных, взаимно исключающих явления. Они происходили на одной территории, одновременно. В эпицентре этих событий был еврей. Анализ уничтожения евреев в различных городах и населённых пунктах происходило почти тривиально. Оккупация, стигматизация евреев, лишение их прав, перевод их в определённые места, например гетто, и, наконец, расстрел. На всех этапах преследования евреев использовались местные жители. В деревнях Латгалии или Латвии это происходило ещё проще и быстрее. Здесь ещё более широко использовались местные жители. Для уничтожения небольшой группы евреев не было смысла привлекать специальные команды. Помочь еврею – это значило не подчиниться оккупационным властям. Спасти еврея – это означало оказать активное сопротивление нацизму. Анализ случаев спасения в Латгалии показывает, что нель-

зя создать среднестатистический образ спасителя или спасённого. Слишком многое зависело от счастливого стечения обстоятельств, умения обеих сторон выжить и приспособиться к чрезвычайным обстоятельствам. Спасали латыши, русские, поляки, белорусы, латгалыцы. По социальному положению это были в основном крестьяне, жители окраин небольших городов, люди из небогатых семей. Как правило, это были верующие люди, христиане различных конфессий. По возрасту это были люди среднего и старшего возраста. Но нередко им помогали дети, на которых подозрение не падало. Часто в спасении принимали участие целые семьи, группы людей. Кроме непосредственных спасителей заслуживают всяческого признания и уважения, которые сочувствовали и пытались помочь евреям.

(Endnotes)

- 1 Latvijas Kara muzejs. (LKM). Vēstuli Ūdrei par ebreju Ljaku ģimenes glabējiem Ignatānu ģimeņi. 4 – 77170/ 2096 – VII .
- 2 После войны семья Игнатан вернулась в родные края. В 1949 г. они вступили в колхоз им. Будённого. Этот колхоз неоднократно менял названия: им. Буденного, «Светлый луч», «Родина» «Дзимтене», им. 25 съезда партии. Валентина проработала в колхозе с 1949 по 1969 г. В 1960 г. вышла замуж за Владимира Ковалевского. Молодая семья переехала в Рижский район, работала на рыбоперерабатывающем заводе, а затем жила в Прейльском районе, работали на Ливанском экспериментальном биохимическом заводе.
- 3 Вальтер Павел – муж родной сестры Адамёнок Ванды Юстиновны.
- 4 Дочь Вальтера П. – Моркевич Регина Павловна, ныне проживает в Друе
- 5 Адамёнок Ванда Юстиновна

Joseph Rochko
Director of the Museum “Jews in
Daugavpils and Latgale”

Рочко И.
директор музея «Евреи в Даугавпилсе
и Латгалии»

A PORTRAIT OF A COLLABORATOR IN LATGALE

ПОРТРЕТ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТА В ЛАТГАЛИИ

Латгалия – юго-восточная часть Латвии. В 1935 г. здесь проживало 28000 евреев, что составляло примерно треть всех евреев страны. В годы Холокоста было уничтожено порядка 20000 евреев. Значит, 8000 евреев успели бежать, а также были спасены местными жителями. Подсчёт не может быть абсолютно точным, т.к. через Латгалию прошли несколько тысяч еврейских беженцев из Литвы.

Евреи были уничтожены, как нацистскими оккупантами, так и местными коллаборационистами. Кто были эти люди? Какими мотивами они пользовались? Можно ли обобщить и выявить усреднённый портрет коллаборациониста.

Понятие коллаборационизм возникло в годы Второй мировой войны, когда правительство Пэтена выдвинуло идею о сотрудничестве с нацистским оккупационным режимом. Обычно считают, что коллаборационисты – это уголовные преступники, которые приняли участие в реализации Холокоста, а также в уничтожении цыган и советских граждан любой национальности.

Каковы конкретные судьбы более двадцати коллаборационистов,

например, в Даугавпилсе, Краславе, Прейли, Ливаны, Силене? Их возраст на момент совершения преступления составлял от 22 до 45 лет. Средний возраст чуть больше 30 лет. Лишь один из них имел среднее образование, остальные – основное (6 классов), были и окончившие несколько классов или просто безграмотные. До 1940 г. они были айзсаргами (официально эта организация была расформирована ещё до войны). Осенью 1941 г. после уничтожения евреев и расформирования отрядов самообороны, они были включены в состав группы «С» вспомогательной полиции. В 1943 г. некоторые из них вступили в латвийский легион СС, служили в немецкой армии, например, в подсобных и строительных частях. В 1944 г. несколько человек, принимавших участие в уничтожении евреев, например в Даугавпилсе, Прейли, Силене в 1944 г. оказались в Красной Армии. Воевали, были награждены орденами и медалями.

В Краславе среди коллаборационистов были торговцы и ремесленники. Они до войны были в хороших отношениях с евреями, некоторые даже неплохо владели идишем. Это были люди разных национальностей, как уже упоминалось, с невысоким уровнем образования. Может, не понимали, на что шли? Но среди пособников нацистов был бывший городской голова, ему приходилось общаться с еврейскими жителями города. Органист костёла не раз слышал заповедь «не убий». Популярный доктор – гинеколог, принимавший роды у еврейских матерей, говоривший с ними на идише, слышавший первый крик еврейских малышей, стал пособником убийц. Среди убийц в Крустпилсе был и директор школы, который свою педагогическую карьеру начинал в еврейской школе.

Индивидуальные особенности коллаборационизма проявлялся, например, при вступлении в отряды самооборонщиков. В Прейли команда самооборонщиков составляла 30 – 40 человек. Когда им предложили принять участие в расстреле евреев, то согласились не все. Да, охранять, сопровождать, занять пост в местном самоуправлении – это одно, а стать убийцей – это другое дело. Поэтому членов самообороны можно условно разделить на тех, кто таковым стал добровольно. Они не были гражданами III рейха и их, как правило, никто не заставлял вступить в ряды коллаборационистов. Но были случаи, которые можно определить, как добровольно – принудительные. Так, расстрел в Эглайне производился местными жителями под присмотром немецкого офицера. Один из стрелков не мог выдержать это-

го. Подошедший немецкий офицер сказал просто: «Или ты будешь стрелять, или ты будешь уничтожен».

Были в рядах коллаборационистов и случайные люди. Сосед позвал, «все пошли, и я пошёл», хотел уйти, товарищи смеялись, обвиняли в малодушии: «Ты уже замазан еврейской кровью, назад отступления нет». Так, один из самоохранников в Прейли, увидев уничтожение евреев, в сердцах воскликнул: «Ну, кто же мог подумать, что такое могло случиться». Иногда случайные коллаборационисты обвиняли евреев в своих грехах, мол, евреи давали работу, теперь убежали, нет работы, пришлось пойти в команду самоохранников. Они, как правило, утверждали, что не стреляли, не раздевали, только охраняли и присваивали, а затем использовали еврейское имущество. Но это не снимает с них ответственность за совершённые преступные злодеяния.

Таким образом, можно говорить, что сотрудничество происходило в военной области – служили в полиции, легионе СС, в строительных частях нацистской армии.

Анализ опубликованных исследований показал, что подавляющее большинство коллаборационистов, как и в других странах, оккупированных нацистами, были жителями коренной национальности. В то же время, в Латгалии, а также в Даугавпилсе, самом русскоязычном городе региона, кроме латышей, таковыми были поляки, латгальцы, русские, белорусы. Так, некоторые родственники коллаборационистов говорили автору, что им приходилось неоднократно слышать в первые годы войны, что оккупанты уничтожат во – первых, евреев, цыган и «белых жидов» (т.е. староверов), а потом возьмутся и за поляков. Поэтому часть из них стали сотрудничать с оккупантами, боясь за свою жизнь. Ими руководил страх: уничтожая других – спасали себя.

Страх – один из неотъемлемых атрибутов любой тоталитарной системы. Люди, которые хоть в какой-то мере сотрудничали с советской властью, боялись мщения со стороны нацистских оккупантов. Если ты служил милиционером, был комсомольцем в 1940 – 1941гг., в твоём доме был размещен красный уголок, часто даже не по твоему желанию, делало твою жизнь опасной. Поэтому эти люди стали сотрудничать с нацистами. Именно новоиспечённые комсомольцы становились яркими врагами евреев, особенно в мелких населённых пунктах, как Вишки, Ливаны и др. Юные, малообразованные люди, с несформировавшимся сознанием легко подчинялись идеологии,

которая проповедовала и поощряла безнаказанность: и это неудивительно. В 1940 – 1941 гг. в Латвии трижды поменялись режимы: авторитарный режим К. Улманиса, Советская власть, а затем нацистский режим. Во – первых, авторитарный режим К. Улманиса создал предпосылки для формирования личности с признаками национальной исключительности. Во – вторых, мероприятия советской власти у части таких людей могли вызвать совсем другие чувства. Национализация, денежная реформа, отстранение людей от управления, репрессии, недемократические выборы, уничтожение офицеров латвийской армии, депортация 14 июня 1941 г. привело, в конечном итоге, к разочарованию в многообещающей советской власти.

В 1940 г. в небольших городах, как Прейли, Ливаны, Варакляны мэрами городов, а также членами самоуправлений стали евреи. Евреи получили должности в самоуправлении, т.к. были более образованы, лучше других знали русский язык. Всё это вызвало неприязнь коренного населения. Появилось желание отомстить евреям за утраченные позиции.

В латгальских городах, таких как Даугавпилс, Резекне, Прейли, Ливаны, евреи составляли четвертую часть населения, в то же время в их руках было сосредоточено от 50% до 70% экономического потенциала, имеется в виду: торговля, мастерские и предприятия. Естественно, это вызывало зависть. Избавиться от экономического конкурента можно разорив его, или уничтожив. Таким образом, не последнюю роль в сотрудничестве с оккупантами имел и экономический фактор.

Исследование показало, что сотрудничество могло происходить в различных сферах. Например, в хозяйственной -использовали имущество евреев. Происходила экспроприация еврейской собственности. Процесс осуществлялся в двух формах – соседями, самоохранныками, а также властными структурами, основываясь на законах нацистской Германии. Первая происходила стихийно. Этот процесс принял почти массовый характер, властные структуры были вынуждены издавать приказы о приостановлении грабежей. Только осенью 1941 г. был издан приказ, что все еврейское имущество является собственностью германского рейха, его необходимо зарегистрировать. Экспроприация происходила, когда жертвы еще были живы, а также после их смерти. Имущество, которое стало собственностью рейха, надо было реализовать. Например, в Крустпилсе, часть неразграбленного инвентаря еврейской школы была передана государственной ос-

новой школе. Пустые еврейские квартиры были выставлены на аукцион. Мебель и стройматериалы свозили в определенные места. За сбор имущества люди получали плату. Новые жильцы, вселившиеся в квартиры, пользовались чужим имуществом, платя арендную плату за жилье. Незаконное присвоение и использование чужого имущества – является формой коллаборационизма.

Например, в Карсаве был создан отряд самообороны, который принимал участие в уничтожении евреев. Но этот отряд, в первую очередь, прославился таким масштабом грабежа, мародёрства, присвоения еврейского имущества, что был расформирован оккупационными властями. На судебных послевоенных процессах эти люди пытались даже прикрыться этим фактом, заявляя, что они не принимали участия в преследовании евреев.

Работали в органах самоуправления, например в организации «Латвияс палидзиба» (Латвийская помощь), распределяя вещи, оставленные беженцами, а также уничтоженными евреями. Коллаборационизм проявлялся в управленческой сфере.

Сотрудничество происходило и в культурной сфере – журналисты писали статьи, издавали газеты, например, «Даугавпилс вестнесис», «Латголес Болсс», восхваляющие нацистский режим, призывая уничтожать евреев и коммунистов. Журналисты побуждали людей помогать оккупантам, раздували антисемитизм.

Анализ поведения преступников в Даугавпилсе показывает, что ими двигала жажда быстрой и лёгкой наживы, ненависть к советской власти, желание занять хоть какую-нибудь должность в новой администрации, а также ярый антисемитизм. За свою работу они получали зарплату, а также вещи расстрелянных евреев. В 1944 г. часть из них ушла вместе с немецкой армией, другие – остались в родном городе. Были допрошены, осуждены, но в 1955 г. были амнистированы и вернулись в Даугавпилс. В середине 1960 – хх г. прошли новые процессы, преступники были осуждены, больше их в городе никто не видел.

В современной Латвии существует такая точка зрения, что если человек сотрудничал с нацистскими органами, но своей деятельностью способствовал восстановлению независимого государства, то это был, лишь «тактический коллаборационизм»¹. Но как обозначить тех мирных граждан, которые принимали участие в грабежах, а за-

¹ Feldmanis I. *Latvija Otrajā pasaules karā (1939 – 1945): jauns s konceptuāls srftijavs*. LU Akadēmiskais apgāds. Rīga, 2012. 64. lpp.

тем работали в местной администрации, были учителями, врачами, библиотекарями, продавцами, ремесленниками? «Тактический коллаборационизм» – это фактически конформизм, заключающийся в попытке выжить и приспособиться к определённым условиям. Согласно этой теории, советские партизаны, подпольщики (возможно, даже спасители евреев) действовали не в интересах латышского народа и не приближали восстановление независимости Латвии.

Видимо, понятие коллаборационист требует индивидуального подхода, т.к. многое зависело от конкретных обстоятельств, конкретной формы сотрудничества. Например, Я. Аузиньш из г. Ливаны летом 1944 г. был мобилизован на рытьё траншей и укреплений. Оружия в руках не держал, в грабежах не участвовал. После освобождения города от нацистской армии был арестован и получил срок. Латышский писатель Г. А. Яновский во время войны работал писарем в администрации Екабпилсской городской управы. В 1944 г. бежал на Запад, написал порядка тридцати романов, один из которых «Город у реки», посвящён трагедии евреев г. Екабпилса.

В последние годы стали говорить о еврейском коллаборационизме. К таковому на территории Латгалии может относиться лишь к юденрату Даугавпилсского гетто. В юденрат входили люди, которые были назначены нацистской оккупационной властью. За отказ стать главой юденрата был расстрелян Давид Зеликман. В юденрат входили, как правило, состоятельные евреи, с высшим образованием. Первый состав юденрата составляли в основном врачи. До осени 1941 г. почти все они были уничтожены. Юденрат обычно обвиняют, что они составляли списки для уничтожения. Однако в гетто неоднократно происходили массовые сортировки, когда немецкие офицеры указывали кому – налево – жизнь, кому – направо – смерть. Никакие списки были не нужны. В тоже время узники гетто в своих воспоминаниях указывают, что некоторые члены юденрата вели себя достаточно высокомерно по отношению к ним, отказывали в минимальной помощи. На работу они направляли своих знакомых, тем самым спасая их хоть на время от смерти. В начале ноября 1941 г. члены юденрата распространяли слухи, что если узники сдадут драгоценности, то никаких акций не будет. Были собраны драгоценности, ценные вещи, но как они были использованы в дальнейшем неизвестно. Возможно, члены юденрата хотели спасти людей, возможно, хотели откупиться и выжить. Однако brutальная акция 7 – 9 ноября была осуществлена.

По рассказам узников, одни члены юденрата хотели выжить, не думая об остальных, другие надеялись, что их деятельность облегчит страдания всех узников. Тогда их коллаборационизм носил «тактический характер».

Члены юденрата во главе с М. Мовшензоном и его женой жили в отдельной комнате, не испытывали голод и не работали. Они надеялись, что беда их минует. Сотрудничал ли юденрат с немецкой и латышской администрацией? Да, конечно. Но с другой стороны, не без помощи юденрата и с согласия администрации в гетто были организованы больница, аптека, детский сад, место для молитв. В конце лета 1941 г. председатель юденрата М. Мовшензон обратился к администрации города с просьбой разрешить приобрести оборудование для открытия школы в гетто. Трагическая участь ожидала и еврейскую милицию. Все милиционеры во главе с А. Пастернаком, евреем из Краславы, были уничтожены. Таким образом, члены юденрата всегда находились между жизнью и смертью.

После войны выживших узников Даугавпилсского гетто вызывали в «компетентные органы», задавая один и тот же вопрос: «Шесть миллионов евреев погибло, а как же Вы выжили? Сотрудничали с оккупантами, работали в гетто, ковали победу вермахта?»

Так, крайние взгляды советской идеологии смыкаются с современными крайними теориями коллаборационизма. Но ни в коем случае не следует сравнивать коллаборационизм убийц и коллаборационизм юденрата. Это – противоположные явления. Одни сотрудничали с оккупационным режимом добровольно, уничтожая людей, другие это делали по принуждению, пытаясь спасти других, но и сами были уничтожены.

Таким образом, совокупность различных факторов приводила к коллаборационизму, как общественных, так и личных. Поэтому участие в Холокосте объясняется личными моральными качествами, которые персонифицированы в каждом человеке.

Подавляющее количество жителей оказалось молчаливым большинством, или «стоящими в стороне». Среди них были люди, пользовавшиеся еврейским имуществом, другие просто хотели выжить и приспособиться. Они стали конформистами. Забудутся имена убийц. Но мы должны помнить, в годы Холокоста, в годы расчеловечивания людей, были те, кто помогал и спасал евреев.

Oleksiy Salivon

PhD Student, University of Stuttgart,
Faculty of History and Philosophy
(Germany)

PRIMO LEVI IN THE CONTEXT OF THE HOLOCAUST COMMEMORATION

Introduction

Primo Levi was an important first hand witness of the one of the most terrifying events in human history in general and Jewish people in particular, namely the Holocaust or as it is called in Hebrew the Shoa. His writings and testimonies contributed to the preservation of the destiny of a single man and a collective in the time of war in the death camps such as Auschwitz-Monowitz. My thesis is that his autobiographical report from the death camp Auschwitz was an innovative literary tool to spread a personal account of the survived victims of the Holocaust, who otherwise often kept silent both in private and in public.

To understand the significance of Primo Levi in the complex system of commemorating the devastating impact of the Holocaust on both a Jewish collective memory and on non-Jewish public I will investigate how the attitude toward the Holocaust was shaped in Primo Levi's days in after-war Germany, the Soviet Union, the US and in the State of Israel. I will also briefly analyze the chapter "October 1944" from the Primo Levi's book "If This a Man?"¹.

¹ Primo Levi, *Ist das ein Mensch?* Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt am Main 1979, pp. 129-136; Primo Levi, *If This a Man?* The Orion Press, New York 1959,

Levi's account was written in the very first years after WWII and in the formative years of the new bipolar world of the Cold War. Collective memory has the ability to proceed with a selection of events from the past with a focus on disasters, losses and misfortunes. Important is the role of the ruling elite, which is interested in using these types of events to support the prevailing social, political and ideological views. Such an approach of selection of events to form a historical memory may apply to the phenomenon of the commemorating the Holocaust in Israel and in the world. Primo Levi became one of the most important opinion makers about the personal experience as a Holocaust survivor.

Because a certain degree of selection characterizes a phenomenon of memorizing the past, it is important to consider this process in some length. One should try to understand better what affects it had in the creation of the national collective memory both in and outside Israel and what place Primo Levi's personal account, presented in his writings, could find in these.

The formation of the collective memory about the Holocaust particularly in Israel started on official level in the late 1940ies and early 1950ies by the leaders of the newborn Jewish state and the Zionist movement². The following are some important laws passed by the Israeli Parliament/Knesset, which related to the Holocaust. The law on the commemoration of the Holocaust was adopted in 1951³. It was followed in 1953 by "The Law on Establishment of the Museum "Yad Vashem"/The Holocaust Martyrs and Heroes' Remembrance (Yad Vashem) Law 5713-1953⁴. "Martyrs' and Heroes' Remembrance Day" Law 5719-1953 was adopted in 1959⁵.

One might recollect that in the 1930ies and 1940ies a powerful image of a new type of the Jewish soldier in Eretz Israel, the Sabra was created. An image of the Sabra served as a possible antithesis to a suffering Jew in Exile/Galut. As an example, one could present a case of the dramatic event

pp. 143-152; Примо Леви, *Человек ли это?* "Текст", Москва 2001, pp. 147-155

² Yair Auron, *The Pain of Knowledge. Reflections on Holocaust and Genocide Issues in Education – in Israel and Elsewhere*, the Open University in Israel 2005, p. 47

³ <https://www.knesset.gov.il/shoah/eng/ehashoah.htm> Viewed 01 April 2016

⁴ http://www.yadvashem.org/yv/en/about/pdf/YV_law.pdf Viewed 01 April 2016

⁵ https://www.knesset.gov.il/shoah/eng/shoah_memorialday_eng.pdf Viewed 01 April 2016

during the Holocaust that also became a powerful element in the history of Holocaust commemoration, namely the Warsaw Ghetto Uprising. It stood in line with other selected collective myth such as the siege and fall of the Masada fortress in the middle of the 1st century and the battle of Tel-Hai in the aftermath of the WWI⁶.

The ideal of a martyrdom has a great appeal in the eyes of the creators of myths. Heroic death even overshadowed by mistakes, failures and downfalls of the heroes and in general, their moral characters were idealized, despite the fact that many of the heroes of the popular myths were far from the ideals of the fearless fighters. For example, historical data presents ambiguous actions of fighters against the Roman regime, as the Sicarii sect in besieged Jerusalem.

On the one hand wishful thinking to see in the fighters of the Warsaw Ghetto, in some way the defenders of a “modern Masada” in Europe made them the epitome of heroism in the Zionist labor movement⁷. On the other hand, some organizations not belonging to the labor movement, bitterly competing with it, such as the revisionists, or staying far away from Zionism, as Jewish communist underground organizations, did not receive the same attention as the labor movement activists.

The establishment has used the parallels between the Masada fighters and the Warsaw ghetto defenders, between the Sabras and the Diaspora's Jews in Europe to rally Israeli Jewish society around their leadership in a try to reconcile a newborn Israeli society with the horrible losses of the Shoa. Yishuv had to find cases that proved that European Jewry was actually not at all passive and weak in the time of the Holocaust.

The emergence of some myths based on real events should have proven that the Jewish people in the Diaspora were real fighters. That notion of readiness to fight made them retrospectively a part of the Yishuv. Even the tragic death of the last defenders of the Warsaw ghetto in the bunker on Mila Street, 18 had clear parallels with the fate of the defenders of Masada fortress.

In this case, one finds two important points, which gave rise to its im-

⁶ Auron, *The Pain of Knowledge*, (S.n.2), p. 63

⁷ Yoav Gelber, Memory, Historiography and Comprehension: The Zionist Movement, Israel, and the Impact of the Holocaust, in: Roni Stauber, Aviva Halamish, Esther Webman (ed.), *Holocaust and Antisemitism: Research and Public Discourse*, Tel Aviv University 2015, p. 131

portance. First, it was an ideological negation of the Galut. Second, it was a glorification of the Jewish resistance to the Nazi regime. This variant became a collective myth, with which we are familiar today. After the beginning of the decline of collectivist ideologies of Zionism in the 1970ies, this myth of the rebel fighters of the ghetto as a living embodiment of Masada in our days has undergone some changes too.

Fighters of the Warsaw Ghetto began to acquire the features of the real people, which had behaved in accordance with their beliefs and under the pressure of external circumstances, with no Masada syndrome in the background. Primo Levi's WWII experiences started with his involvement in the partisan movement in Italy. The ethos of a fighter in Diaspora thus applies to him. However, after the Nazis caught him he turned from a brave fighter with arms in his hands into a prisoner of the Auschwitz.

A pathetic reality of a fight became an opposite reality of the death camp and desperation. Primo Levi managed to describe his time in Auschwitz as a trip to a parallel reality where people live with little connection to where they came from and they do not know where they go. They are in a trap between their gone past and unknown future. Their past does not exist and is often irrelevant. The future will never come and is irrelevant too. One lives as if a present moment is a whole life. In my opinion, Primo Levi created a version of a reality of pure mythological limbo. The most disturbing is the fact that it happened in reality. It happened with him and with millions of other people who lived through the Holocaust.

People's private attention toward the Holocaust and in some way the world's attention dramatically increased in the 1960ies. A public debate arose because of the negotiations between the Israeli government and West Germany's government. The Kastner and Eichmann trials put Holocaust issues before the court⁸. External factors that have led many Israelis to feel a deep connection to the Holocaust were days before the Six Day War, when it seemed that just few days separated the country from an invasion by enemy armies that were ready to invade the Jewish State. All these events have gradually led to a bringing to public discourse many new aspects of the Holocaust. It happened in the light of the discovery of some new facts and with increased public attention to this topic.

⁸ Auron, *The Pain of Knowledge*, (S.n.2), pp. 54-55

Chapter 1. Short biography of Primo Levi and “October 1944” as an example of his writings

Primo Levi was born on July 31, 1919 in Turin, Italy. He died on April 11, 1987 in the same house where he was born. He is known as witness and survivor of the Holocaust. He described his personal experiences in Auschwitz in his books. The autobiographical account “Is that a man?” belongs to his earliest writings. Primo Levi grew up in a liberal Jewish family in Turin. From 1934, he attended the Ginnasio-Liceo d’Azeglio, a humanistic gymnasium⁹. In 1937, Levi became a student at the University of Turin and started his studies in chemistry. Although the Italian government in 1938 adopted anti-Semitic laws preventing its Jewish citizens to attend state schools and universities, Levi managed to finish his studies with distinction in 1941.

Levi spent eleven months in the Auschwitz camp where the Red Army liberated him. The concentration camp Auschwitz III or Monowitz concentration camp was a concentration camp/labor camp in the southern Poland occupied by Nazi Germany. It situated about 60 kilometers west of Krakow (Cracow) and six kilometers east of the main camp, Auschwitz I. Primo Levi was employed as a chemist by the Buna-Werke laboratory and survived winter 1944/45. He felt ill just few days before the camp was liberated and was transferred to the camp hospital with a rudimental medical care but he managed to recover.

Back in Italy, Primo Levi worked as a chemist until 1977. At the same time, he invested much energy in writing science-fiction novels and autobiographical accounts on the WWII and the Holocaust. Different authorities and institutions recorded his testimonies.

His autobiographical account “Se questo è un uomo” (1947, “Is this a man?”) became one of the earliest accounts on the Holocaust. Author describes his time in Auschwitz. He traces down the terrible phenomenon of the merciless and deliberate dehumanization of the victims in the concentration camp.

Levi also described his journey from the Auschwitz back home to Italy in the account “La Tregua” (“The Truce”, 1963) which chronologically followed “Is this a man?”. Primo Levi returned home to Italy throughout Eastern and Central Europe that was destroyed by war. One might find here a gray transit zone between a realm of death and future science-fiction novels

⁹ www.primolevi.it/web/English/Contents/Biography/Chronology Viewed 01 April 2016

of Primo Levi. A land devastated by war is nothing more than a decoration to the past, which never returns. Therefore, it makes it important to record this disappearing world when one still remembers the horrors of the war to prove later that they were real and not a fiction.

One tries to forget bad things and negate them. Science fiction of Primo Levi was no more fictional than his real stories. Reality of Primo Levi in Auschwitz knows no time. It goes by but brings no changes. It kidnaps people in the immediate surroundings of the narrator. He cannot help them, but only record their arrival. Humans with no future and with some unreal past are being present for some time and then they disappear forever. Their presence in the world of Auschwitz is just a sad stop on their way to a new unknown reality, which might do not exist at all. Once Primo Levi interpreted it so, as if the survivors like him could not be the true witnesses of the Holocaust at all, because only the perished one knew the bottom of the abyss of the death camp¹⁰.

The author begins his narrative in “October 1944” with a look in the sky, where a sun sunset marks the beginning of the coming winter¹¹. Levi’s winter brings darkness and death. One who survived previous winter knows it. New men, as a newborn who has never seen a winter of Auschwitz will find out the bitter taste of despair and grieve. Nevertheless, waiting for an own lot of being selected to die is not the only horror of that place. A man who stays alive will suffer from coldness of the winter evenings, pain and useless working for a bowl of soup and wait for his turn to depart to the abyss of the Auschwitz winter.

Words of the human world change their meaning. They acquire new dimensions, which have no link to a being a normal human outside the Auschwitz world of sorrow. When and if one says such a word as “hunger” or “pain” it brings its own Auschwitz meaning. The world of Auschwitz has adopted a language of the common people from outside but it started turning old words into a new language with its own symbols.

The world of Auschwitz resembles our own world, where normal people do speak a normal language. However, it is not such a world. Its winter resembles winters everywhere in the realm of real but it is not such a one. Frizzing winter and its frost enter people’s souls in Auschwitz. Human skin does not make a border between a person and an outer environment. Win-

¹⁰ Esther Jilovsky, *Remembering the Holocaust. Generations, Witnessing and Place*, Bloomsbury 2015, p. 9

¹¹ Primo Levi, *If This a Man?* The Orion Press, New York 1959, p. 143

ter makes it obsolete and it helps not against a wind of the Auschwitz.

To make a presence of the winter more sensible author uses “cold” human words such as snow, wind, sky with no stars. He says one would prefer to commit suicide if one could had foreseen last winter a coming year. Exactly after this prelude, narrator starts telling that a feeling of a coming disaster was felt in the winter air of the death camp.

A notorious selection time came. Selection might be a quintessence of the winter in the fantasy world in this parallel universe. A mysterious and random choice by all mighty SS man would define a destiny of a single one in the camp. Like a machine with no soul, a powerful ghost of authorities will arrive and look on people agonizing in their fear and despair in the darkness and coldness of the all-devouring winter.

“Selekcja” creeps into the life of inhabitants as an innocent fake word from mixed Polish and Latin. Than one learns its meaning when one repeats it again and again. At last, it follows him like a ghost. It is powerful because it has no form and one cannot touch it, one cannot see what it is, the only closest meaning in the normal human world would be the death itself. Nazis become its messengers. However, even these all mighty messengers of the coming end lose their human will and turn into machines, when this Moloch time comes. They can send a man to the gas chamber but they cannot stop the selection. An autonomous universe existing in a separate reality became the true world for people caught in it. Auschwitz cannot stop eliminating its children who were born there, as if they had no life before. A human being either a victim or a murder has no hope and no will to stop selection and say that it is all over.

Gossips and genuine desire to survive complete a picture of unreality. Nobody knows exactly what will happen. Who will go to the gas chambers and who will survive this winter? People talk to one another; people go to work, people try to live their “normal” Auschwitz life and wait for the unavoidable moment of selection.

In contrast to the monotonous eternity of life between two winters, the selection itself takes only few minutes. May be a destiny of people in the barrack and in the whole concentration camp is not a point in this story, because from the very beginning reader knows that selection will take place and some prisoners will die. Everyone is doomed in this camp. One cannot escape it, as if one was already dead. After selection, life goes on. Selected and unselected people have to live with a notion that selection was over this time.

This is the most notorious idea of the novel that people know their lot and they cannot escape it no matter what they would do. Their dehumanization to things with no purposes is complete¹². This was one of the main goals of the Nazi's regime to turn its Auschwitz victims into the things. Nazi murders wanted to decide about life or death of the "unnecessary" people with no sign of human emotion and condolence.

However, this was a personal triumph of Primo Levi to survive in this parallel world of death and human degradation. He scrupulously recorded how a human being tries to remain a human being. If the Nazis measured their success in destroying one's will to live and to be a human and keeping their terrible activities in secret, they would be defeated by Primo Levi's intention to preserve his experiences and make them known to the human world outside of the camp.

Chapter 2. The Holocaust commemoration in Israel

One might divide the teaching about the Holocaust in Israel into two main periods: from 1948 to 1977 and from 1977 to the present day. As a basis for such a periodization, one may follow Dalia Ofer's approach, which identifies two main periods under the code names "Zionist period" and "humanistic period", respectively¹³. From her point of view, these names should reflect specifics of teaching according to aspects exposed.

The "Zionist period" appeared altogether with the founding of the State of Israel in 1948¹⁴. Undoubtedly, the Jewish Yishuv knew the fate of the European Jewry in one form or another, both in Eastern Europe and the Soviet Union, already in the early 1940ies¹⁵. After the military defeat of the Third Reich and its European satellites, it became clear that the whole Ashkenazi community in Europe suffered terrible devastation. Its fate was hardly comparable to any other disaster felt upon the Jewish people for many centuries of exile and living in Diaspora.

On the one hand, the early Zionist immigrants from Europe tried to

¹² Victoria Aarons, Memory, Conscience, and the Moral Weight of Holocaust Representation, in: Simone Gigliotti, Jacob Golomb, Caroline Steinberg Gould (ed.), *Ethics, Art and Representations of the Holocaust*, Lexington Books 2014, pp. 185-186

¹³ Auron, *The Pain of Knowledge*, (S.n.2), pp. 70-74

¹⁴ *Ibid.*, p. 71

¹⁵ Timothy Snider, *Black Earth. The Holocaust as History and Warning*, The Bodley Head 2015, p. 264

build their lives on the negation of the Galut experiences. On the other hand, not all the residents of Yishuv were idealists, for whom their life in Diaspora was alien and uncomfortable. Even more, Yishuv' residents had direct links with their countries of origin, where their relatives lived. Ideologically, Zionist explanation of the tragedy of the Holocaust was to stress both the drama of the downfall and elimination of the European Jewish communities and the salvation of the Jewish Yishuv in the Eretz Israel, as a logical result of the implementation of Zionist ideology¹⁶.

Until 1963, there were only few available school textbooks, when an optional subject for bagrut "Ghetto in the time of the Holocaust" was offered. A ceremony on the Memorial Day became an important emotional component and thus an element of commemoration. Since 1958, students were expected to participate in the mourning ceremonies on this day and attain several thematic lessons. Later the Ministry of Education started conducting educational lessons, which involved specialized organizations. The Museum of the Ghetto Fighters and the Institute "Yad Vashem" supplied printed educational materials¹⁷.

The Eichmann trial was a first significant trial of a Nazi criminal with its special focus on the Holocaust in general. It initiated broad public debates and even controversies, such as the reports from Jerusalem by Hanna Arendt and consequently her book "Eichmann in Jerusalem: On the Banality of Evil"¹⁸.

By 1978, both public and government interest in the Holocaust increased. At the same time, universalist or humanist aspect from the global and the Jewish perspective began its development. One began discussing the theme of whether the Holocaust was a unique phenomenon, not only globally, but also in relation to other events in the history of the Jewish people. In other words, one was asking if it was legitimate and possible to put the horror of the Holocaust on a pair with other acts of the genocides committed in the last century in relation to other peoples. The next hard question was if the Jewish people faced a unique phenomenon that has no analogues in the world's history or if it was an extreme form of anti-Semitism.

¹⁶ Auron, *The Pain of Knowledge*, (S.n.2), p. 71

¹⁷ *Ibid.*, p. 72

¹⁸ Daniel H. Magilow, Lisa Silverman, *Holocaust Representations in History. An Introduction*, Bloomsbury 2015, pp. 63-64, p. 69

Chapter 3. The Holocaust commemoration in Germany

One may identify three historical periods in the post-war German history concerning the Holocaust memory. First period started in 1945 and continued until 1949. One could name it a transitional period, between a downfall of the Third Reich and an establishment of the new democratic West Germany¹⁹. Then followed a reconciliation period of 1949–1967²⁰. The modern period started in 1967 and continues until today²¹. The main feature of the first transitional period might be a process of the de-nazification of the German state apparatus. Its epitome was the Nuremberg trial. However, there were many other trials of lesser profile, such as the Belsen trials, the Dachau trials etc.²²

In the period of reconciliation, German society began to create a new social and economic system based on liberal democratic principles under the supervision of the western allied powers. This new period was very much dominated by policies and personality of Konrad Adenauer elected as a Chancellor of the West Germany. He admitted the “unspeakable crimes” of the Nazi regime; however, some thinkers thought that West Germany had yet to face its past²³.

The German Democratic Republic (DDR) fell into the orbit of influence of the USSR. Understanding of the Holocaust in the GDR was shaped and influenced largely by the Soviet official position. It differed significantly from the situation in the Federal Republic of Germany, both in ideological and practical spheres. For example, the Soviet authorities pursued the denazification more coherently than the Western Allies²⁴. The Holocaust became an element of much larger group of the Nazi regime’s crimes against German communists, world working class etc²⁵.

In 1951, 47 countries officially announced the end of the war with Germany²⁶. Chancellor Konrad Adenauer declared a need to establish official

¹⁹ Auron, *The Pain of Knowledge*, (S.n.2), p. 201

²⁰ *Ibid.*, p. 202

²¹ *Ibid.*, p. 209

²² Caroline Sharples, *Postwar Germany and the Holocaust*, Bloomsbury 2016, pp. 17-18

²³ Sonja Boos, *Speaking the Unspeakable in Postwar Germany. Toward a Public Discourse on the Holocaust*, Cornell University Press 2014, p. 129

²⁴ Sharples, *Postwar Germany and the Holocaust*, (S.n.22), p. 25

²⁵ Sonja Boos, *Speaking the Unspeakable in Postwar Germany*, (S.n.23), p. 129

²⁶ Auron, *The Pain of Knowledge*, (S.n.2), p. 204

contacts with the State of Israel. Germany took upon itself an obligation to give billion of German marks to the State of Israel. Interestingly enough that this decision led to a government crisis in Israel, but in Germany was seen as necessary a step for its legitimation in the international community. The main shift in attitude toward the Holocaust occurred in this time among the German intellectual elite, young representatives of which denounced the horrors of the Second World War and the atrocities of the Nazi regime.

German historiography itself had difficulty in understanding who had to bear responsibility for what happened. Some historiographical schools accused the German elite as a whole; some found the main perpetrators among the German soulless bureaucracy. Both approaches removed the accusations against all German people as a collective. A fear that past might repeat itself forced to adopt provisions that would prevent the spread of Nazi ideology. In addition, teaching of the recent history was introduced in the school curriculum in significant volume.

As well as in Israel, the Six Day War in 1967 was a turning point in German public attitude toward the Holocaust. A solid impact had the American television series "Holocaust" that appeared in German television in 1979.²⁷ This movie caused genuine public interest in the topic and became for many Germans a source of emotional and intellectual information about this black page of German history. It was screened by Westdeutsche Rundfunk in the West Germany, but many Eastern Germans watched it too²⁸. Following the film «Holocaust» a flow of information on the Holocaust started in the form of the films, exhibitions, publications, books etc.²⁹

The law on the denial of Auschwitz was adopted in 1985. It criminalized the denial of the existence of the death camps³⁰. One may characterize 1980ies as a progressive period taken by the German society to recognize the implications and impact of the disaster of the 1933-1945.

Understanding of the Holocaust in the works of German historians around middle 1980ies was divided roughly into two large groupings. Some as Jurgen Habermass explained the Holocaust and the crimes of National Socialism as a unique historical phenomenon. Others tried to understand the Holocaust as a crime in a line with other crimes against humanity based on a class, racial or religious ground, like the genocides in Cambodia etc.

²⁷ Ibid., pp. 210-211

²⁸ Sharples, *Postwar Germany and the Holocaust*, (S.n.22), p. 134

²⁹ Ibid., p. 140

³⁰ Auron, *The Pain of Knowledge*, (S.n.2), p. 211

In the 90ies after the fall of the Berlin Wall, Germany has continued its efforts to preserve the memory of the Holocaust³¹. It erected new memorials, opened new museums, one might remember in that context the so-called “Stolperstein” plates placed in the German cities³².

Chapter 4. The Holocaust commemoration in the US

Attitudes to the Holocaust in the United States was affected by several factors that have undergone definite evolution over the time and had until recently a very significant impact on the foreign policy of the US, contributing to the development of a special kind of relations between the US and the State of Israel³³.

Jewish community of the United States is the most influential community in Diaspora, and its percentage in the world Jewish population surpassed until recently, in numbers the entire Jewish population in Israel. At the beginning of the 20th century American Jewry faced some domestic difficulties, which it managed overcome only after the Second World War. In the late 1930s and early 1940ies, when Europe was driving into the war and the Shoah, American doors were closed for Jewish immigration. On the one hand, the Great Depression resulted in growing of social tensions and lack of economic opportunities to allow mass influx of new comers. From the other hand, some anti-Semitic sentiments were also present not only on the Old Continent, but also in the American society.

At the end of the 1940ies tragedy of the Shoah affected American society greatly. The Jewish State in Palestine/Eretz Israel enjoyed a wide support from the political establishment. United States contributed to the catching of some Nazi war criminals. Another problem that followed a disaster of the WWII was a problem of the displaced persons and refugee seekers in Europe, the most significant group among them were the survivors of the Holocaust. The US Congress adopted changes to the legislation to mitigate immigration quotas³⁴.

At the same time while one observed rapid disappearance of anti-Semitic attitudes in American society, the US did not pay too much attention to the topic of the Holocaust. As a potential explanation, one might suppose

³¹ Caroline Sharples, *Postwar Germany and the Holocaust*, (S.n.22), p. 161

³² Daniel H. Magilow, Lisa Silverman, *Holocaust Representations in History*, (S.n.18), p. 165

³³ Auron, *The Pain of Knowledge*, (S.n.2), p. 168

³⁴ Auron, *The Pain of Knowledge*, (S.n.2), pp. 168-169

that the first generation of the Jewish refugees from Europe was psychologically suppressed and did not want to be engaged in the public debate about the Holocaust. It continued until the early 1960ies.

The watershed moment was again the Eichmann trial in Israel and to some degree its coverage by Hanna Arendt³⁵. It had some precedents of public interest of minor significance, such as the publication of Anne Frank's diary or Leon Urís' Exodus³⁶. One of the first academic works in the United States on Holocaust by Raul Hilberg, "The Destruction of the European Jews" appeared only in 1961. In the 1960ies, in the context of the Eichmann's trial, ordinary Americans began acquainted with the help of the increasing number of the literary and cinematographic products with the theme of the Holocaust. A universal significance of the tragedy of the Holocaust was gradually taking its current form.

In parallel with many other societies, such as the Israeli and the German, the Six Day War and the Yom Kippur War, attracted attention to the Holocaust also in the United States³⁷. It led to the increase in the release of the new films, the construction of the memorial sites and the publishing of the scientific publications³⁸.

In 1978, the President's Commission on the Holocaust was created under Eli Wiesel. Subsequently, a museum in Washington opened its doors in 1993³⁹. Other important museums followed it, for example the Museum of Tolerance "Beit Hashoah. Museum of Tolerance" in Los Angeles⁴⁰. Studying centers throughout the country, aimed to keep the archives and databases of the Holocaust materials started their activities. Many US organizations, such as the United States Holocaust Memorial Museum, the Fortunoff Video Archive for Holocaust Testimonies and others were active in the preservation of the oral histories⁴¹. At

³⁵ Daniel H. Magilow, Lisa Silverman, *Holocaust Representations in History*, (S.n.18), p. 69

³⁶ Auron, *The Pain of Knowledge*, (S.n.2), p. 169

³⁷ Daniel H. Magilow, Lisa Silverman, *Holocaust Representations in History*, (S.n.18), 2015, p. 125

³⁸ *Ibid.*, pp. 143-144

³⁹ <https://www.ushmm.org/information/about-the-museum/museum-history> Viewed 01 April 2016

⁴⁰ <http://www.museumoftolerance.com/site/c.tmL6KfNVLtH/b.9052747/k.BEE4/Home.htm> Viewed 01 April 2016

⁴¹ Jan Taubitz, *Holocaust Oral History und das lange Ende der Zeitzeugenschaft*, Wallstein Verlag, Göttingen 2016, p.89

the American public schools, the study of the Holocaust is also present.

In 1995, Holocaust study in the school curriculum was mandatory in five states. One could also mention such a project as “Facing History and Ourselves”, which in the mid-nineties embraced almost half a million students⁴². This project emphasizes the universal significance of the Holocaust, and stresses an ethical and moral responsibility of the every single individual. American school program faced a dilemma known in other countries if the Shoah should be presented as a unique historical catastrophe or as one of the many acts of genocide⁴³. Holocaust memory became one of the US collective objectives aimed at the development of tolerance in the American society. Holocaust references were important in American politics, while supporting the Soviet Jewry and the State of Israel.

Chapter 5. The Holocaust commemoration in the USSR

Western regions of the Soviet Union became one of the main places where the Shoah took place. Unique for this region was the policy of immediate extermination of the Jewish population along with Wehrmacht advance into the depth of the Soviet territory. If in the Nazi-occupied Poland, a Jewish ghetto continued its existence for some time, as for example, in Warsaw, situation was different in the Soviet Union, especially in its borders before 1939 and the ghetto did not become a mass phenomenon⁴⁴. Jewish communities and individuals of the Jewish origin were exterminated in the place of their residence in the early month of German occupation, as for example, in Babiy Yar in Kiev, or in Drobitsky Yar in Kharkiv in 1941⁴⁵.

Local population on the occupied territories provided help in the organization and accomplishing of the crimes of the Nazi secret police, by its special liquidation» commands (in German “*Ensatztruppen*”).

The scale of this phenomenon was so large that in the coming years, the Soviet historiography faced with the question how to cover the topic of massacres of the Soviet citizens carried out by Germans with the support of other Soviet citizens. It was obvious that a clearly defined nationality became a particular victim of an unimaginable cruelty. It is recorded that after the initial phase of the mass elimination of the Jews, the local assistants of the Nazis

⁴² Auron, *The Pain of Knowledge*, (S.n.2), p. 181

⁴³ *Ibid.*, p. 182

⁴⁴ Snider, *Black Earth. The Holocaust as History and Warning*, (S.n.15), p. 206

⁴⁵ <http://www.drobyskykyar.org> Viewed 01 April 2016

took part in the hunting down the survived Jews and chased after them⁴⁶.

It is assumed that the total number of Jews killed by the Einsatzgruppen only (namely, their operational units A, B, C and D) on the eastern front reaches a million people. Small size of the Einsatzgruppen indicates that they had to rely on a broader support, either from the German Wehrmacht or from the local collaborators among the conquered peoples. The German police detachments sent to occupied territories from the pre-war Germany played a very important role in this process of the first phase of “the final decision of the Jewish question”. At the same time, many Jews were saved by the Righteous among the Nations, who risked their lives and their families to help the persecuted Jews⁴⁷.

Soviet leadership in the first few years after the WWII looked quite sympathetic toward the Jewish Yishuv in Palestine/ Eretz Israel. At the UN level, the representatives of the Soviet Union focused their speeches on the uniqueness of Jewish suffering. They declared it was a moral duty to help the Jewish people to establish their own state. The Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR communicated with foreign Jewish circles in the western countries, to mobilize their support during the war⁴⁸.

In the late 1940ies and early 1950ies, the situation in the Soviet Union changed. It initiated a campaign against cosmopolitanism. Propaganda’s machinery inspired the Doctors’ Affair. Organs of oppression liquidated prominent leaders of the Jewish Anti-Fascist Committee and in general, a spirit of the anti-Semitism reappeared on the official level in the Soviet society⁴⁹.

Another side of this process became known in Czechoslovakia during the so-called Slansky’s Affair. Some important leaders of the local Communist party and Czechoslovakian government faced charges of being a part of the «Trotskyist-Zionist-Tito» conspiracy. Slansky’s trial indicated a crackdown of the Stalinist political course, after the Czechoslovak attempts of building bridges with Marshall Tito of Yugoslavia. The State of Israel did not become a puppet of Stalin in the Middle East as it might be expected. It gradually began to develop its form of the liberal democracy.

The Cold War put an end to the well-respected Jewish Antifascist Com-

⁴⁶ Auron, *The Pain of Knowledge*, (S.n.2), pp. 226-227

⁴⁷ Timothy Snider, *Black Earth. The Holocaust as History and Warning*, (S.n.15), pp. 314-315

⁴⁸ Auron, *The Pain of Knowledge*, (S.n.2), p. 223

⁴⁹ *Ibid.*, p. 224

mittee while it started to receive proposals from the Soviet Jews on the issues that were clearly repugnant and dangerous to the very essence of the Stalinist regime. The committee began documenting the Holocaust. It led to the creation of “The Black Book” by Ilya Ehrenburg and Vasily Grossman⁵⁰. This literary work was later banned in the Soviet Union and its typesetting destroyed.

All these factors, combined with the personal characteristics of comrade Stalin prepared the basis for the growth of the anti-Semitism, which stopped at the state level only after the death of “the leader of all nations” in early 1953. However, the attitude toward the Holocaust in the Soviet Union in the 1960ies–1980ies period remained similar to that in the immediate postwar period. Holocaust component existed as a component of the Nazi crimes against the Soviet people and against the whole humanity. Civil Jewish population, eliminated during the Nazi occupation of the Soviet territory was determined exactly as the Soviet civilians. It is necessary to point out one ominous phenomenon that seemed to prevail in the context of the emergence of a new form of anti-Semitism in the Soviet Union.

At some early stage, Zionism, already outlawed and persecuted in the Soviet Union, began to be identified in Soviet propaganda as a form of racism. In addition, the propaganda apparatus claimed that a cooperation between the Nazis and the Zionists occurred because both sides persuaded common class exploitative objectives. In the 1950ies, the Soviet Union was involved in the building of the alliances in the Middle East with the Arab nationalist regimes, such as the regime of Abdel Nasser in Egypt. Thus, the Soviet system, recognizing the anti-Semitism as a negative phenomenon, which cannot exist in the new classless Soviet society, used the arsenal of the anti-Semitic “bourgeois” fabrications about the worldwide Zionist conspiracy and international Jewish capital, which stands behind the political crimes worldwide.

The Jewish community in the USSR, especially after 1967 witnessed the ascent of the Jewish identity and solidarity, which resulted in an effort to leave the country (for example the high-profile case of so-called “refuseniks”).⁵¹ Only with the beginning of the democratic reforms in the late 1980thies, the data collected in the previous period, literary works banned or censored, were able to find their audience in the Soviet society, standing on the edge of its political and social transformation.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 230

⁵¹ *Ibid.*, pp. 237-238

7. Conclusion

Writing of Primo Levi was exceptional in the late 1940ies and early 1950ies. The closest example of such magnitude one could find in an attempt by the Jewish Antifascist Committee in the Soviet Union to preserve the data and witnesses or in the official decision to commemorate victims of the Holocaust in Israel. Primo Levi's writings became one of the most successful of such attempts because he vehemently tried to bring his personal life experiences to public in the early years after the Shoah. Primo Levi tried to preserve his knowledge as a written artefact about human suffering for the generations to come. His approach resembles the trends from the late 1960ies–1970ies when the story of a single person and the humanization of the victims became a focus of the Holocaust's narrative.

Bibliography:

Yair Auron, *The Pain of knowledge. Reflections on Holocaust and Genocide Issues in Education – in Israel and Elsewhere*, the Open University in Israel 2005 (in Russian)

Sonja Boos, *Speaking the Unspeakable in Postwar Germany. Toward a Public Discourse on the Holocaust*, Cornell University Press 2014

Jose Brunner, Nathalie Zajde, *Tel Aviver Jahrbuch für Geschichte* 39, Wallstein Verlag, Göttingen 2011

Simone Gigliotti, Jacob Golomb, Caroline Steinberg Gould, *Ethics, Art and Representations of the Holocaust*, Lexington Books 2014

Raul Hilberg *Täter, Opfer, Zuschauer. Die Vernichtung der Juden 1933-1945*, Fischer Verlag, Frankfurt am Main 1992

Esther Jilovsky, *Remembering the Holocaust. Generations, Witnessing and Place*, Bloomsbury 2015

Primo Levi, *Ist das ein Mensch?* Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt am Main 1979

Primo Levi, *If This a Man?* The Orion Press, New York 1959

Primo Levi, *Bericht über Auschwitz*, Basisdruck 2006

Primo Levi, *Die Untergangen und die Geretteten*, Carl Hanser Verlag 1986

Primo Levi, *Die Untergangen und die Geretteten*, Carl Hanser Verlag 1986

Daniel H. Magilow, Lisa Silverman, *Holocaust Representations in History. An Introduction*, Bloomsbury 2015

Caroline Sharples, *Postwar Germany and the Holocaust*, Bloomsbury 2016

Timothy Snider, *Black Earth. The Holocaust as History and Warning*, The Bodley Head 2015

Roni Stauber, Aviva Halamish, Esther Webman, *Holocaust and Anti-Semitism: Research and Public Discourse*, Tel Aviv University 2015

Jan Taubitz, *Holocaust Oral History und das lange Ende der Zeitzeugenschaft*, Wallstein Verlag, Göttingen 2016

Примо Леви, *Человек ли это?* “Текст”, Москва 2001

Giovanni Savino

University of Naples Federico II
– Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration (RANEPA)

“WITHOUT EUROPE? ITALIAN AND FRENCH FAR RIGHT, A COMPARATIVE APPROACH”

The 2008 financial crisis and the state of prolonged social and economic disrupt in Europe had given to far right forces a momentum. The rise of Marine Le Pen’s National Front in France is one of the most clear evidences of these processes, and the rebirth of Northern League in Italy, on a more radical right orientation, gives some dangerous challenges to the legitimization of Neofascist forces like CasaPound.

Anti-EU rhetorics, islamophobia, and polemics against immigrants during the recent refugees’ crisis are the topics of FN in France and LN in Italy, united too by a relationships of collaboration and support.

Northern League between xenophobia and Pro-Russian feelings

The most “Old Italian” political party, the Northern League (Lega Nord), has been in crisis in recent years, but under the new leader Matteo Salvini had a new revival. Corruption scandals around the party’s long-time leader, Umberto Bossi, and ties with the Calabria Mafia gravely damaged the image of the party. Vacillating between secessionism for Northern Italy and participation to Berlusconi’s cabinets, the Northern League remains a regional party, but it scored a significant victory in the 2014 European elec-

tions, sending Mario Borghezio to the European parliament to represent Central Italy. Borghezio, an Ordine Nuovo militant in the 1970s,¹ has remained close to Neofascist circles.² He edited Orion Finanza, a financial insert of the far rightist journal Orion, and was close to Claudio Mutti, a key figure in Italian Neofascist culture, personally.³ Borghezio's activities within the Northern League have always been provocative, such as slapping a Moroccan child in 1991⁴ and setting fire to a migrant camp in 2000.⁵ While far rightists have traditionally been anti-immigrant, in the early 2000s Borghezio started collaboration in an anti-Muslim fashion with Forza Nuova. His election was the product of a tactical-political pact between the Northern League and Casa Pound.⁶

The efforts of the Northern League to take over the Italian right are connected with the Circle Taliban (Circolo Il Talebano, not related to the Afghan Taliban) think tank, headed by Vincenzo Sofò, a former coordinator of the Milan branch of the Italian Youth, a wing of La Destra (The Right). Sofò left the party in 2007 and joined the League in 2009.⁷ He was not alone in following this path; Fabrizio Fratus—a leading anti-evolutionist activist,⁸

¹ On July 11, 1976, Borghezio was arrested at the French Border zone in Ventimiglia, for possessing a threatening postcard addressed to Judge Luciano Violante and signed by Ordine Nuovo. A. Custodero, "Borghezio, una vita da Haider padano tra ronde tricolori e il mito di Evola," *La Repubblica Inchieste*, June, 5, 2012. Accessed May 14, 2016, http://in-chieste.repubblica.it/it/repubblica/rep-it/neonazismoeuropeo/2012/06/05/news/borghezio_1_haider_padano-36606062/.

² S. Ferrari, "Borghezio Story: Da Ordine Nuovo alla Lega Nord. Il percorso esemplare di un razzista," *Osservatorio democratico*, December 2, 2012. Accessed May 7, 2016, http://www.osservatoriodemocratico.org/page.asp?ID=2506&Class_ID=1004.

³ M. Murelli, "Occidente: fronte infame," *Orion*, October 2001.

⁴ "Leghistaviolentosuminore," *Corriere della Sera*, June 23, 1993.

⁵ M. Travaglio, "Il leghista Borghezio rischia il carcere," *La Repubblica*, March 12, 2002.

⁶ "Borghezio (Lega) eletto al Centro con i voti di CasaPound," *Il Secolo XIX*, May 26, 2014. Accessed May 10, 2016, http://www.ilsecoloxix.it/p/speciali/2014/05/26/AR8cW8Q-borghezio_casapound_eletto.shtml.

⁷ Information taken from his site *Vincenzo Sofò, il talebano della Lega*, <http://vincenzosofo.net/>.

⁸ G. Viscardini, "Boia chi Darwin!," *Vice*, October 17, 2013, Accessed May 18, 2016 <http://www.vice.com/it/read/anti-evoluzionismo-dax-fascismo>

past personal secretary of Forza Italia MP Daniela Santanché, and leading figure in Fiamma Tricolore—also joined the Northern League.⁹ Fratus is the ideologue of the League’s Talibans and has been evidently inspired by traditionalism, German Conservative Revolution, and Jean Thiriart’s theories. He authored the white paper presented by the Talibans at the 2013 Northern League congress, which analyzes the Italian and European context and raises the question of a “reconciliation” between the conservative right and the anticapitalist left, charting a new course for the League.¹⁰ The document outlines a new political and ideological project around a new “Europe of the fatherlands,” against bureaucratic Brussels.

The historical arguments adopted by Fratus and his cothinkers are typical of the traditional neofascist interpretation of the past: a sharp rejection of Enlightenment ideas, seen as the root of the degradation of modern society; a rehabilitation of the tripartite medieval society, a scheme used by Evola and other traditionalists in representing the European civilization before the French Revolution.¹¹ They also regard Thiriart as the prophet of a new European alliance of nations, in which a pro-Russia stance is the linchpin. The bid for a common European space, a kind of alliance among various regions united by tradition and using local currencies, is the plan of the League’s Talibans, who are trying to resurrect the old project for an independent Padania (Northern Italy) with the ambitions to build up a national force in Italy.¹² The contradiction between the myth of Italian-ness and the League’s traditional secessionism is bridged by a reference to Evola’s anti-provincialism.¹³ One of the most important personalities inside the extreme right, Roberto Jonghi Lavarini, also oriented his political group, Progetto Nazionale, toward the League and Dugin, and he met the Russian thinker in Milan in July 2014.¹⁴

⁹ Fratus part of the Fiamma Tricolore list for the 1997 Milan elections. “Lista del Movimento Sociale Fiamma Tricolore,” *Corriere della Sera*, April 16, 1997.

¹⁰ F. Fratus et al., “Documento di Idee,” *Il Talebano.com*, July 2014, 1–2. Accessed January 7, 2015, https://iltalebano.files.wordpress.com/2014/07/documento-di-idee_iltalebano.pdf.

¹¹ *Ibid.*, 27–28.

¹² *Ibid.*, 12.

¹³ *Ibid.*, 13.

¹⁴ Roberto Jonghi in contra Alexander Dugin,” Roberto Jonghi Supporters website, July 7, 2014. Accessed March 10, 2016, <http://jonghisupporters.blogspot.ru/2014/07/roberto-jonghi-in-contra-alexander-dugin.html>.

An important turning point in the League's shift to a pro-Russian extreme right was a mass anti-immigration demonstration in Milan on October 18, 2014, involving the Northern League, Casa Pound, and other neofascist organizations. During the demonstration, the crowd displayed posters hailing Putin and flags of the Donetsk People's Republic. The protest capped a week of pro-Russia activities that began with Matteo Salvini, leader of the Northern League, and his entourage traveling to Moscow and the Crimea, where they met Aleksei Pushkov, chair of Foreign Affairs Committee of the Russian Duma, and leaders of the Crimean government. During a break at the Asia-Europe summit in Milan, on October 17, Salvini and Putin talked for twenty minutes. The Northern League took a position in the Italian and Russian press against EU sanctions on Russia and presented itself as the defender of Italian business interests.¹⁵ Speaking to Itar-TASS afterward, Salvini reaffirmed his goal of revoking EU sanctions against Russia.¹⁶

This pro-Russian stance also gave birth in 2013 to the Lombardia-Russia Society, which seeks to promote a neo-Eurasianist attitude inside the economic and political circles of Northern Italy. It was enthusiastically supported by the Northern League and the local institutions it controls: the Lombardia Regional Council, Varese province, and various business circles. The honorary president of the Lombardia-Russia Society is Aleksei Komov, the Russian representative of the World Congress of Families and a colleague of Dugin's.¹⁷ The Society has provided regular articles and

¹⁵ G. Polli, "Sanzioni alla Russia, Salvini sta con Zaia: Ora la Lombardia," *La Padania*, October 6, 2014, Accessed July 10, 2014, http://www.lapadania.net/Detail_News_Display?ID=4644&typeb=0&Sanzioni-alla-Russia-Salvini-sta-con-Zaia-Ora-la-Lombardia.

¹⁶ "Salvini: 'L'Europa torni a dialogare con Mosca,'" *La Padania*, October 15, 2014. Accessed October 15, 2014, http://www.lapadania.net/Detail_News_Display?ID=4906.

¹⁷ Komov is working on his kandidat dissertation at the Department of Sociology at Moscow State University, under the direction of Anatolii Antonov. "Ob avtore," *Blog Alekseya Komova*. Accessed January 7, 2015, <http://alexeykomov.ru/ob-avtore-3>.

interviews with Dugin,¹⁸ Komov,¹⁹ and the president of the Russian-Italian Youth, Irina Osipova, a student at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration who now is involved in different initiatives in defense of traditional values and the so-called Russian way of life.²⁰ Osipova is very active in promoting contacts between Italian and Russian far rightists. Having Italian citizenship, Osipova balloted in the list of “Fratelli d’Italia”, a post-fascist party, at Rome elections in June 2016, receiving 185 votes.²¹ She, for instance, arranged the September 2014 trip to Moscow of some members of the Lombardia-Russia Society and representatives of other neofascist movements, including Mauro Antonini,²² a leader of Casa Pound,²³ which officially supported at the beginning of Maidan 2014 the Ukrainian Right Sector,²⁴ and the Tryzub.²⁵ The young Russian

¹⁸ “I gruppi del potere mondialista vogliono una Guerra globale,” Lombardirusia.org, May 10, 2014. Accessed January 7, 2015, <http://www.lombardiarussia.org/index.php/component/content/article/56-categoria-slide/291-i-gruppi-del-potere-mondialista-vogliono-una-guer-ra-globale>.

¹⁹ “Ecco perché la mia Russia, a un passo dal suicidio umano e demografico, ha deciso di dire sì alla vita,” Lombardirusia.org, Accessed January 7, 2015, <http://www.lombardiarussia.org/index.php/component/content/article/56-categoria-slide/244-lecco-perche-la-mia-russia-a-un-passo-dal-suicidio-umano-e-demografico-ha-deciso-di-dire-si-alla-vita>.

²⁰ “Irina Osipova: identità russa e dialogo europeo,” Lombardirusia.org, April 10, 2014. Accessed January 7, 2015, <http://www.lombardiarussia.org/index.php/eventi/263-irina-osipova-identita-russa-e-dialogo-europeo>.

²¹ Comune di Roma, Amministrative 2016, Voti di Preferenza. Accessed June 30, 2016. <http://www.elezioni.comune.roma.it/elezioni/2016/comunali/a062016/pref06.htm>

²² Antonini did not publicize his visit in Moscow, but there are various pictures in Facebook and on his public page. Accessed January 7, 2015, <https://www.facebook.com/476190805849328/photos/a.479846748817067.1073741828.476190805849328/517975395004202/?type=1&theater>.

²³ Casa Pound started as Neo-Fascist squatters’ movement in Rome, taking over various abandoned state-owned building in the city. Then, the “Fascists of Third Millennium” (as usually refer to themselves) organized a political movement, called Casa Pound Italia, expanding their activities in other Italian regions, with many clashes with antifascist forces.

²⁴ The Right Sector originated as a coalition of different Ukrainian extreme nationalists and neo-Nazi during the Maidan events in 2013 and became a political party in March 2014.

²⁵ E. Palazzini, “La protesta che non si arresta. Intervista a un nazionalista

representative turned her association in a more political organization and now tries to give space to rightist forces from Italy in different settings, from universities to the press.²⁶ Osipova, quite loudly, is trying to popularize a new conception of “Fascism” in Russia, portraying Italian Fascism as a good, positive, doctrine.²⁷ During her campaign as candidate for Rome council, Osipova used xenophobic arguments against immigrants,²⁸ and in her YouTube channel there are anti-Semitic remarks, using some words of Putin out of context during a speech at the Jewish Center for Tolerance in Moscow.²⁹ She was in touch with Andrea Palmeri, a Neofascist fugitive which came to fight in Donbass, and published an interview with him;³⁰ in 2015, Osipova was one of the participant at the International Russian Conservative Forum, organized by Rodina party, and which had the presence of several anti-Semitic, racist and neofascist organizations from various countries, as the Italian “Forza Nuova” and the Greek “Golden Dawn”: Osipova was listed as Northern League representative.³¹

As we can see from this analysis, Northern League has as reference in Russia all the Dugin think-tank: Gianluca Savoini, president of Lom-

ucraino,” *Il Primato Nazionale*, December 19, 2013. Accessed October 3, 2014, <http://www.ilprimatonazionale.it/2013/12/19/la-protesta-che-non-si-arresta-intervista-ad-un-nazionale-lista-ucraino/>. Tryzub (Trident) led by Dmytro Yarosh, is a far-rightist organization that promoted the Right Sector.

²⁶ G. Savino, “L’infatuazione putiniana della Lega, tra neofascisti italiani e Dugin,” *Micro- Mega Online*, October 22, 2014. Accessed October 22, 2014, <http://temi.repubblica.it/micro-mega-online/linfatuazione-putiniana-della-lega-tra-neofascisti-italiani-e-dugin/>.

²⁷ I. Osipova, Raznitsa mezhdru italskim I russkim antifashizmom, Kont, May 2, 2015, accessed May 14, 2016, <https://cont.ws/post/85480>

²⁸ I. Osipova, Un’immigrata russa contro l’immigrazione, May 19, 2016, Accessed May 20, 2016 <https://www.youtube.com/watch?v=MYL6VZmzk4M>

²⁹ I. Osipova, Putin: il primo governo dei soviet era composto al 80-85% da ebrei, April 23, 2016, accessed April 25, 2016. <https://www.youtube.com/watch?v=GtTHv-D3u2s>

³⁰ I. Osipova, Intervista esclusiva con il volontario italiano nel Donbass – Andrea Palmeri, October 9, 2014, Accessed May 9, 2016. <http://rodnoirim.org/andrapalmeridonbassita/>

³¹ M. Allevato, Chi erano gli italiani presenti al convegno delle destre estreme a San Pietroburgo, Il Foglio, March 23, 2015, Accessed May 9, 2016. http://www.ilfoglio.it/esteri/2015/03/23/chi-erano-gli-italiani-al-convegno-delle-destre-estreme-a-san-pietroburgo___1-v-126943-rubriche_c265.htm

bardia-Russia and Matteo Salvini's press officer, is a contributor for Katehon,³² the new site launched by Dugin,³³ another journalist near to the Northern League, Eliseo Bertolasi, is currently representing the party during visits to Donbass.³⁴

France: a country in racist turmoil

France is currently living a peculiar period in her history, with the affirmation of a political party, the Front National (FN), which does of anti-immigrant rhetoric the main point of program. This fact has consequences in policies, because, as it was evident with the 2015 Migrant emergency in Mediterranean Sea, almost all French parties are adopting more strict positions about immigration, with a progressive deterioration for minorities' rights in the country by the state. However, France is the country where there is the most favorable perception of Muslims in Europe (76%), and of Jews (92%), but one of the most hostile to Roma people (60% see them in an unfavorable light), according to the “Faith in European Project reviving” conducted by PEW Research Center in Spring 2015.³⁵

So, why a country which has the most favorable opinions on minorities now is having a shift to the intolerance?

The attack against Charlie Hebdo was a watershed for French politics. Huge demonstrations after the killing testified how people was affected by this crime, but the Islamophobic discourse took positions. There is not a legislation about Islamophobia, and it seems, as pointed out by Le Monde, that is a question of political interpretation of numbers and events.³⁶In

³² G. Savoini, Katehon: la geopolitica vista dalla Russia, May 23, 2016, accessed May 23, 2016 <http://www.lombardiarussia.org/index.php/component/content/article/57-categoria-home-/597-katehon-la-geopolitica-vista-dalla-russia>

³³ G. Savoini, The north of Italy supports Russia, June 7, 2016, Accessed June 8, 2016, <http://katehon.com/article/north-italy-supports-russia>

³⁴ V DNR pribyla delegatsiia predstavitelej italianskikh partij I obshchestvennykh obedinenij, November 24, 2015, Accessed May 9, 2016, <http://www.anna-news.info/node/47475>

³⁵ B. Stokes, Faith in European project reviving, Pew Research Center, June 2, 2015, Accessed May 10, 2016, <http://www.pewglobal.org/2015/06/02/faith-in-european-project-reviving/>

³⁶ D. Roucaute, M. Zerrouky, L'islamophobie est-elle punie par la loi? Le Mon-

2013, as stated by 2014 CCIF (Council against Islamophobia in France) report, there were 691 acts against Muslims,³⁷ when for the same period the National Observatory against Islamophobia (CFCM) reported 226. At all levels of French institutions there are feelings to limit and divide society in “good” and “bad” citizens, mining the stability of the country. In May 2015, the mayor of Béziers, a town in Southern France, Robert Menard, filled a list of schoolchildren with “Muslim” surnames, to decide how many of them must be admitted to classrooms.³⁸

Authorities usually condemned this kind of episodes, but, as remarked by American sociologist Crystal Fleming, “the French government seems to have almost entirely abdicated its responsibility for dealing with racism. In terms of policy, French “anti-racism” is a total disaster. Instead of formulating anti-racist policies and collecting anti-discrimination statistics, the country contents itself with anti-racist discourse and magical thinking. In 2011, the U.N. issued a report condemning France for its “racist climate” and lack of “real political will” to address racial discrimination.³⁹ In 2013, French politicians took steps to remove the word race from their laws, apparently guided by the magical belief that changing words is enough to fight racism.»⁴⁰ Marine Le Pen, after Charlie Hebdo attacks, gave more speeches quite openly Islamophobic. For example, in an interview with Al Jazeera, she declared: «There are some who believe that secularism and Islam are not compatible. But Muslims should show everyone that this is not the case.

de, January 20, 2015, Accessed May 10, 2016, http://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2015/01/20/l-islamophobie-est-elle-punie-par-la-loi_4559911_4355770.html

³⁷ Rapport 2014 sur l’islamophobie, Accessed May 10, 2016, <http://www.islamophobie.net/sites/default/files/CCIF-RAPPORT-2014.pdf>

³⁸ French mayor attacked for counting schoolchildren with ‘Muslim names’, The Guardian, May 5, 2015, Accessed May 10, 2016 <http://www.theguardian.com/world/2015/may/05/french-mayor-attacked-for-counting-schoolchildren-with-muslim-names>

³⁹ ONU dénonce un climat raciste en France, France Info, November 2, 2011, Accessed May 10, 2016 <http://www.franceinfo.fr/actu/societe/article/l-onu-denonce-un-climat-raciste-en-france-73623>

⁴⁰ C. Fleming, France’s approach to fighting racism: pretty words and magical thinking, The Huffington Post, July 5, 2015, Accessed May 10, 2016 http://www.huffingtonpost.com/crystal-fleming/frances-approach-to-fight_b_7231610.html

It's up to them to show that you can be French and Muslim and still respect secular rules». ⁴¹ Muslims are considered as citizens which must show to be French, because they are «others», in this way. After Lyon attack, Le Pen said: «Our borders must be restored. All foreigners suspected of Islamic fundamentalism should be as soon expelled from the country». ⁴²

Homophobic statements by Jean-Marie Le Pen were part of the scandal around his exclusion from FN. As stated by Rachel Halliburton from *The Spectator* in an article about the gay vote for FN: “That gay men now feel comfortable with the Front National is the result of a deliberate effort by its leader, Marine Le Pen, who has pursued a programme of detoxification (the French term is 'de-diabolisation') ever since she took control of the party in 2011. Her father, Jean Marie Le Pen, who led the FN from its founding in 1972 until Marine took over, described homosexuality as a “biological and social anomaly’. In the 1980s he argued that all individuals with Aids should be kept in isolation, and in the 1990s was still declaring that “There are no queens in the National Front.’» ⁴³ Jean-Marie Le Pen attacked the leadership of FN, declaring «there are too much gays in National Front». ⁴⁴ Florian Philippot, close ally of Marine, is seen by Jean-Marie Le Pen as the head of «gay lobby» inside the FN. ⁴⁵

In France, the real problem in hate speech is the National Front. Jean-Marie Le Pen, excluded from FN in 2015, was interviewed by the note anti-semitic and ultranationalist weekly *Rivarol* on April 7, 2015. ⁴⁶ The old

⁴¹ J. Rowland, Q&A Marine Le Pen and Islam, *Al Jazeera*, January 13, 2015, Accessed May 11, 2016 <http://www.aljazeera.com/news/europe/2015/01/qa-marine-le-pen-france-islam-20151113123524709520.html>

⁴² Le Pen calls for action against Islamic extremism, June 26, 2015, Accessed May 11, 2016, <http://www.itv.com/news/update/2015-06-26/le-pen-calls-for-action-against-islamic-extremism/>

⁴³ R. Halliburton, How Marine Le Pen is winning France's gay vote, January 24, 2015, Accessed May 11, 2016, <http://www.spectator.co.uk/features/9420662/how-marine-le-pen-is-winning-frances-gay-vote/>

⁴⁴ Jean-Marie Le Pen: “Troppi gay nel Front National. Non mi piacciono quando cacciano in branco”, *The Huffington Post*, May 14, 2015, Accessed May 11, 2016, http://www.huffingtonpost.it/2015/05/14/jean-marie-le-pen-troppi-gay-nel-front-national_n_7283454.html

⁴⁵ D. Albertini, Jean-Marie Le Pen, Florian Philippot et le “lobby gay”, May 13, 2015, Accessed May 11, 2016, http://www.liberation.fr/politiques/2015/05/13/jean-marie-le-pen-florian-philippot-et-le-lobby-gay_1308576

⁴⁶ G. Clavel, Jean-Marie Le Pen à *Rivarol*: “Nous sommes gouvernés par des

political leader repeated the infamous words about lagers as a “detail” of World War II, and attacked vehemently the leadership of FN. This opened an internal war between Marine Le Pen and her father, but must be not that the inner circle of Marine is not “more moderate” than Jean-Marie, with people which come directly from the neofascist GUD. Nothing new, the old Marine's father never tried to mask his opinions about the WWII, Racism, and other critical points, but there are some questions about the leadership inside the FN, for example, about the pension age and social politics (Marine is more populist on the argument, Jean-Marie always supported a more Reagan-style policy). It seems that the rift inside the FN is linked to a scheme Old guard/New guard, with some interesting aspects: after a bitter clash, with the inner circle of Marine at the attack against Jean-Marie, the old leader renounced to be candidate as president at Regional elections in Provence-Cote d'Azur-Alpes, but he promoted his granddaughter, the young 25 years MP Marion Maréchal-Le Pen.⁴⁷ Young, but no moderate at all, Marion Maréchal-Le Pen was near to the GUD, the Groupe Union Defense, as stated on French press in 2013.⁴⁸ Her grandfather proposed Maréchal-Le Pen, with Bruno Gollnisch as second in the list. Gollnisch didn't need of presentation: a rabid antisemite, Holocaust denier, and incline to use hate speech.

But the young Marion refused to run with Gollnisch in an interview gave to Le Figaro on April, 13. ⁴⁹What does it mean? The “de-evilization”, as Marine Turchi points, of FN is now facing a critical point, and it will be not easy to manage this situation for Marine Le Pen.⁵⁰

immigres à tous les niveaux”, The Huffington Post, April 7, 2015, Accessed May 11, 2016 http://www.huffingtonpost.fr/2015/04/07/jean-marie-le-pen-rivarol-gouvernes-immigres-niveaux_n_7018420.html

⁴⁷ D. Albertini, FN : Jean-Marie perd la tête pour Marion, Liberation, April 13, 2015, Accessed May 11, 2016, http://www.liberation.fr/france/2015/04/13/fn-jean-marie-perd-la-tete-pour-marion_1240529

⁴⁸ Marion Maréchal-Le Pen pose avec le GUD : la photo de trop ?, Le Nouvel Observateur, April 10, 2013, Accessed May 11, 2016, <http://tempsreel.nouvelobs.com/politique/20130410.OBS7444/marion-marechal-le-pen-pose-avec-le-gud-la-photo-de-trop.html>

⁴⁹ E. Galiero, Marion Maréchal-Le Pen: «Un ticket avec Bruno Gollnisch n'est pas envisageable», Liberation, April 13, 2015, Accessed May 11, 2016, <http://www.lefigaro.fr/politique/2015/04/13/01002-20150413ARTFIG00252-marion-marechal-le-pen-un-ticket-avec-bruno-gollnisch-n-est-pas-envisageable.php>

⁵⁰ M. Turchi, Affrontement familial au FN : la stratégie risquée de Marine Le

Conclusion: Europe or Anti-Europe?

The main, and common, point of FN and Northern League strategies are about how to disrupt EU (seen as “Soviet European Union”), and how to block immigration. If the first one seems to have some chances, with the Brexit referendum, the last one meets problems with the reality of a world in movement. EU has many critical moments, but the idea of a “Europe of Nations”, without any concret idea, seems more a kind of Anti-Europe (as theorized by Italian Fascism in 1920s) than a democratic, tolerant, union.

Akiva Sela

Program director of "Center from Jerusalem to Lithuania"

PRESERVING THE MEMORY OF THE HOLOCAUST THROUGH MUSEUMS AND MONUMENTS IN LITHUANIA AND ISRAEL

In Israel, the United States and Europe there are more than 250 museums and memorial centers dedicated to the period of World War II and the Holocaust. These institutions are located both on the national and local level at the initiative of a group of survivors, soldiers organizations, synagogues, churches, families and individuals. Traditional forms of Jewish memory mammals also national museums and institutional national tradition. As a result found in museums and many memorial museums, there are mixture of Jewish and national motifs and Aokonografih their political and religious.

Various reasons are given to those acts of commemoration and memory, and they reminisce memories different. Those museums and memorial centers, were established in order to 'Remember!'; Israeli tradition, which established the need felt by governments to explain to the people the past, and are established to educate the next generation and instill a sense of sharing experience, fate, responsibility and future significance.

The first memorial sites were places of destruction and death themselves. A few months after the release of the Maidanek camp by the Red Army on

23 July 1944, the Soviets became the place a memorial site and museum, the first of its kind. Concentration and extermination camp other Germans destroyed completely, Auschwitz-Birkenau camp, has also become a national memorial site shed became national pavilions and the ruins of the gas chambers were left intact in memory of their use.

In addition to the museums and memorial centers on Nazi camps in Germany and Poland, were spread many monuments in Europe. Divorce sites, ruined synagogues, cemeteries Russians are commemorated in various forms, from monuments and Maoseoleomim to simple memory addresses. In many cases, Jewish survivors returned to their former homes in Germany and Poland just to put them near their families and their communities who perished, and after completing their task they set off on. In response, the Soviet Union was hardly all official Holocaust memorial established families and communities informal memorials sites of mass killings and mass graves in Lithuania, Bltooih and Ukraine.

Museums And memorial centers in Europe largely focus mainly murder of European Jews during World War II and tend to neglect the thousand years of Jewish life in Europe before the war and after the rebirth of Israel's Jews. In contrast museums and institutions of Commemoration in Israel and the United States tend to place the Holocaust within the framework of Jewish historical longer, including life before the Holocaust, the Holocaust and after the Holocaust, and since that memory of the Holocaustin Israel and the United States also shape the ideals and experiences of the Jews who live in them. For example, tied to the destruction of Israel remembered not only the Holocaust, the ghetto fighters and partisans on defenseless victims, but Israeli museums often related to the heroic resistance martyrology and the new rebirth of Israel. Similarly reflect museums and memorial centers being built in the United States not only Jewish life in the United States, but also the democratic principles of freedom and pluralism.

Memory in Israel and Memory in Europe

The memory of the victims and fallen soldiers is of great importance to the Jews. Usually memory is also the subject of religious significance. Jew keeps on days of remembrance and recitation of 'Kaddish' special days. Known phrase attributed to the 'Baal Shem Tov' that "Remember is the secret to redemption", a statement that links past and future national and personal. There are very important value to memory consolidation of Israeli communities in Europe and especially of the sanctified Gd's name in

the Holocaust. There are different approaches as to methods of formulating national memory and personal memory. A major question that was often to Holocaust survivors is where to do it? Whether in Israel or in a place where the community live; Should we “Move the Memorial to Israel” – the Jewish state, a place where the Jewish people and the Holocaust survivors build their lives and restoring them? Land could be done through a sample the ‘Yad Vashem’, the memorial and the National Memorial to the Holocaust, or through the establishment of synagogues, research institutes, public houses, villages and sites that perpetuate their name or otherwise the memory of the Holocaust victims in general and victims of certain communities in particular. There are of course other ways: you can save your memory as shown – an image or document at the museum, where he was kept from contact, even the slightest, embedded within a photo exhibition presented or in community life. It is also possible to perpetuate her memory through community schools or family photo album as a way of preserving a personal memory.

However we can understand the desire to preserve the memory in place where it occurred specific purpose in mind what brought us to remember. This name can be made by a memorial plaque in a synagogue, school or in a residential home that survived from that time, or by cultivating the ancient Jewish cemetery instead.

A memorial monument memory book

In the following lines we will put through legislation known memorial stone in front of the memorial through a literary way.

In analyzing the means at its disposal the memory of a Jewish society in general and in particular it is important to introduce the concept of commemoration and remembrance manifested ‘izcor’ documentation such as books or publishing in memory of the martyrs of individuals or entire communities. Commemoration through a book expresses the sacred value attributed to leakage Hctobh.ii Jews of this perspective in connection with the commemoration of the Holocaust deserves a look also to the ultra-Orthodox world. It turns out that the Haredi commemoration and memorial design are expressed in a different way. According to the norms in the ultra-Orthodox Jewry want to remember the Holocaust by virtue of the Divine command ‘Remember what he did to you Amlk’ and is committed to it. Commemoration methods related art, sculpture, painting and the like are not acceptable in this company because of the halachic objections. The

ultra-Orthodox sought other means of expression for purposes of commemoration and remembrance. Recall, for example, the ultra-Orthodox world the great memorial plans Kahneman, Ponivitz' Rosh Yeshiva in Lithuania, and later in Bnei Brak, the commemoration was to offer proposals to write Scratchpad communities, all communities were annihilated.

Following the memorial book of the same memory database; The threshold of the third millennium, characterized by rapid technological development was created through a unique alternative to commemorate the fallen and to formulate national and personal memory, virtual site. Internet provides an alternative to the public through a unique commemoration. Internet online memorial lets get reinforcement from visitors and connect to others who have experienced similar loss.

Liav Beck Field, Ben-Gurion University, who studies the culture of commemoration networks, claims that my client is not used only for consumption but also for production data information. Many community organizations have developed integrated memorials which among other things, videos and music. Lithuania, for example, Israel Association of attached my client find his complete list of all the murder sites in Lithuania, including the names of the sites, their location, the number of victims all over the place and approximate date of the murder. Some use these dates to determine anniversaries to their loved ones.

It goes without saying that not only schools and young successor, my client site is used Czi 6 Institute. National Memorial relies on signals and symbols, the ritual and ceremonies monuments and cultural building with the memory of the nation and its responses to the national past.

Monument – means accepted it: 'a sculpture or a template made of stone, metal, wood, etc., stationed mainly in public memory of someone or something, or evidence of an important event / ie, a monument does not refer only to commemorate literally Indeed, memorials were erected mostly to glorify heroism: heroism Spiritual inventors and creators and physical and mental courage of warriors and warlords, including partisans and rebels.

When it comes commemoration, memorials usually, of every kind and style, whether related to the war and other historical events, with space to note: the absence of a tomb, the absence of a body, or the deceased's burial place is unknown. The monuments are trying to empower the mourning for the death of protagonists, and especially to stop the process of forgetting and regulate the public memory, national or Community. The location of the monument clearly states the type of memory founders are trying

to design the monument. When the monument is placed at the scene, on the battlefield or in the cemetery, historical memory maintains direct geoties the viewer in the scene. Sometimes being established monuments that scene: town squares, other key places, and even in remote cemeteries, and sometimes even tend to hold ceremonies beside them. Through this kind, which side of the conflict authenticity of memory, may actually help, even if only for reasons of organizational convenience, and to inspire conservation of the collective memory.

Judaism has not used the commemoration through memorials for years to come. Perhaps because of fear to drive away the Gentiles especially in light of the halakhic prohibition of graven No Msch' do. The secularization befell the Jewish people has also changed the attitude monuments, This is particularly clear regarding some Holocaust survivors who were looking for ways to memorialize their loved ones. They also inspired the norm in various countries, where the monument is a symbol of heroism and substitute the grave. Thus, Holocaust memorials have become acceptable constraints in this regard.

Considering the fact that many monuments around the world are established in memory of heroes admired, we must remember that the Holocaust victims, including children, women and the elderly, were not combatants in the ordinary sense of the word (they fought to survive every day – heroism no less heroism of a warrior on the battlefield), so the monuments erected in memory belong to a different category, and the circumstances of the construction of monuments and goals were different.

Monuments and memorials commemorating the Holocaust in Lithuania

According to information gathered at the Museum of the Holocaust in Lithuania „, particularly as described in the Book of Pain “, were set up after the Holocaust in Lithuania by the Soviets two hundred monuments of various kinds. Immediately after the end of World War II the Soviets invested much effort to discover the murder holes and determine the number of victims, and everywhere they discovered evidence of murder, they put a monument and a memorial panel said the murder. But the murder them was a “Soviet citizens”. Only at the end of 1988, when Lithuania began to develop a renewed process of national revival, took on the Jewish community in Lithuania commemorate the victims of the Holocaust of Lithuanian Jewry, limiting the murder holes and arrange them. The central site work

Ponary near Vilnius, started in 1988 by public bodies and local authorities with the participation of Jewish organizations, and in some cases the help of generous Jews from Lithuania. As stated, these monuments were erected in memory of the battles against the German enemy or triumph, but the memory of the victims and their communities, and with them all the chain of generations extinct; They were established in commemoration of homes, synagogues and their schools and some cemeteries vandalized, looted, destroyed and no longer exist.

Jewish community for centuries formed in Lithuania and has taken root in a community diverse, vibrant and active community who excelled in trust enviable tradition, values, spiritual and cultural community has developed educational network extensive and varied, meetings and educational institutions many, and distributed in Lithuania and Eastern Europe, newspapers and books in Hebrew and Yiddish, destroyed and perished. From a quarter of a million Jews from Lithuania survived only 8,000 to 12,000, those murderers and their local collaborators were unable to reach them.

In Vidzgiris forest near Alytus in Lithuanian

After the war, in 1945, were discovered in Lithuania forests, cemeteries and within cities, 200 sites of ignorance or long trenches. Beside massacre innocent people and without weapons, women and men, young and old, whose only fault was being Jews. 200 monuments and memorials were set up at the murder sites by the Soviet regime. Tables memorial erected noted that this site had been buried victims of the Nazis – “Soviet citizens”, “Citizens calm” and so on. Not written even a hint of what actually happened and the identity of those killed really. And if the ways of memory under

discussion, stating that these Jews, the physical annihilation cruel, During the Soviet regime were discussed repeated destruction by way of oblivion.

With the Lithuanian national revival and the establishment of independent Lithuania in 1990 took over the Jewish community that remained in Lithuania commemorate the victims of the Holocaust of the Jews of Lithuania and renovate the places of extermination.

On 7 November 1990, after the proposals referred to it, by the Association of Lithuanian Jewish culture and Jewish State Museum received the Lithuanian Supreme Council decision on the regulation of the memorial places of mass extermination of the Jews. Work was carried out by local authorities with the help of Jewish organizations, and often with the help of Jewish immigrants from Lithuania. Some places also helped Jewish artists (in Flongn) and others (in Z'z'mer). At all sites and monuments were built or renovated old memorial, a few places were impressive monuments. On the memorial panel now stated very clearly who were the victims of genocide and indirectly by whom they were killed. Captions were written in Yiddish and Hebrew and sometimes in Lithuanian.

Over the last ten years were added primarily memorials in cemeteries survived or in GETOS territories to mark the memory of them murdered of groups, or to mark major events in the life of Jews during the Holocaust occurred. Across Lithuania can also find memorial plaques set by survivors in memory of family members who were murdered in these places. It is possible to classify the monuments and memorials according to their location, their style and the themes they express.

The location of monuments and memorials and their style give them their meaning and determine the attitude to them. For this reason they are usually stationed at the murder sites and near towns. Since those they killed buried in pits were not taken proper Jewish burial, used for monuments and memorials commemorating a kind of tombs to the fallen. Although they are not considered as graves according to religious law, but they are used by survivors and others a place you can come and deposits during the

memorial. Since the death pits were dug some Jewish cemeteries, monuments were built there. This place they have another role – to commemorate the Jewish community lived in the same town, was buried there and now ceased to exist. To emphasize the monument or plaque are regular Tomb place, monuments were erected at the entrance to the cemetery, next to the main trail, or leaning on the fence of the cemetery.

The importance placed the monument in place of the murder led to the founding monuments also be placed on sites within the city. A monument was erected in Vilnius, for example, in The H.K.P camp, where they were murdered and buried 400 Jews, the last Jews who came from the Vilna ghetto. Today the site is located in a residential neighborhood. Other examples we find in Kaunas, at the Seventh Fort monument, and the monument Liitukis garage , 52 Jews were murdered beside him on the street captured by the Lithuanians. Both places are now also in a residential area.

Monuments and memorials have been placed not only in the murder or burial places but also to mark places where heroism was discovered.

In particular those scores can be found in places that were previously used as a Getos. Vilnius example in the ghetto monument was erected in a place called its Fighters Square Holocaust. Fonivitz' built at the entrance to the ghetto memorial of the victims of the ghetto were sent away to the pits. In contrast to recall the glorious Jewish community in Vilnius and was a monument was erected to commemorate the portrait of the 'Gaon' Jewish street near his home.

Style monuments and memorials in Lithuania is generally uniform and simple. Most monuments are located near the pits are plate, usually brown or black granite, similar to the general grave stone. It reads, in Lithuanian, Yiddish, Hebrew, and sometimes, a breakdown of the number of victims, the places from where the murders were brought in, and who were the killers. In some gravestones national religious symbols were added as the Star of David and a Menorah. In a few tombstones added a verse from the Bible symbolizes the motif of pain, grief or lamentation.

As mentioned above, the monuments were usually built by local authorities, and that is also why the simplicity, because they do not have many resources that can allocate budgets for this purpose.

In contrast to the simple monuments There are a number of monuments also invested much thought in the establishment and relatively large budgets. Prominent among them are sculptures of wood, because wood sculpture culture in Lithuania is very common in multiple forests. Such

are the wooden sculptures made available at the valley of death Bflongn by deaf Jewish tree Jacob Bonka, who lived there and moved with his brother to the war. Wooden sculptures carved by the Lithuanian deaf Whitman Kfsotz'ons, at the request of the head of the town, and were Strashun grove near Kosdr and Z'z'mr burned by unidentified persons (in 2005).

These monuments represent content derivative carved figures. In Flongn trying deaf in one of the statues express the annihilation of the Jewish community, consider how the elders are disappearing and a mother protective of her children.

However in Strashun grove, deaf trying to sculpt figures of Lithuanian Jews, as he imagines them, since he has not seen a Jew before.

Lithuania inscriptions on memorials erected by the local government or the state often dwarfing the message that the memory of the Jews and ignoring him. Not so for the monuments erected by Jews, apart from the memory of the murdered Jews of Zion, some also carry a message of promise to remember and never forget.

Another style of monuments erected in several places in Lithuania (Vilnius, Klaipeda, Telsiai) is a monument consisting of accumulation of monuments or parts of monuments gathered around the cemetery or other areas. Usually this type of monument (Lifidriom) is placed near the cemetery that was destroyed. Such a monument is an attempt to perpetuate the harsh reality of the lift and doom, while the memory of the dead gather in one place visible and defined.

Such monuments have expressed the community's collective memory from one destruction expresses the annihilation of the community, and on the other parts of the collection tombstones and monuments into one place – both symbolically perpetuate the memory of the community who lived there.

Usually the power of symbols is their simplicity. To successfully express the idea of memory are. Everyone should be structured. Such monuments erected pits in Ponary near Vilnius, near the 9th Fort in Kaunas, and other pits scattered throughout Lithuania.

The hole left and visible for all to see, is the memory that the power delivered its observer in full force. Visiting thereis trying to bring back the memory of the doad and perhaps something of their dignity and their humanity, and to save them from obscurity forced upon them, as evidence of their existence in the past was disbanded after burning the bodies (performed in many cases in an attempt to obliterate all traces of the murder), to the wind.

Monuments giant, three-dimensional, expressing Jewish motifs are uncommon in Eastern Europe in general and in particular Lithuania. From the little that Lithuania, which is most prominent motif design merges human figures (figurative monument). The biggest monument was established by the Soviets near the 9th Fort in Kaunas in 1984. The monument reflects the steps in the extinction of the Jewish community in Lithuania. At first, the figures are clear, they slowly disappear, you can not see their faces, but only up outstretched hands.

Kaunas, IX Fort, Lithuanian

It should be noted that another possible way of commemoration associated with restoring cemeteries. But preserving tombstones in cemeteries in the towns in Lithuania, especially in places that Jews don't live there and the cemetery ceased to be active, it is very difficult. Most cemeteries have been destroyed and the tombstones were stolen or worn and passed away, so residents or representatives of community concern is primarily with the establishment of memorial plaques commemorate and to identify the location of the cemetery. Yet in recent years we have witnessed a remarkable rehabilitation operations, subject to be discussed in the appropriate framework.

Israel monuments

After the Holocaust came the resurrection; Most of the survivors left in Europe came to Israel or to other countries who have agreed to receive them. Naturally commemorating the Holocaust was mostly made by survivors or their influence. The pace of construction of monuments, like any other commemorative way, influenced by repressing the memory of the Holocaust in general, and the nature of personal memory blurs and

goes with time: the danger of forgetfulness becomes more tangible, so will commemorate the memory design and growing. Holocaust memory, these elements in highlighting the personal and public repression rather in the early years after the Holocaust. On the merits, the first monument commemorating the Holocaust in the country was founded in the 50s by the Association of Z'donskh- Wola, Poland, in memory of the victims of the congregation. The monument was erected at the cemetery on Trumpeldor Street in Tel Aviv, ash was brought there from murder of the Jews from the community. Until the 70s were built very few monuments in the country, and most of the effort was directed to commemorate the destroyed communities to build synagogues (see below), research institutes, museums, streets or towns as well as writing books, poems and articles. Only in the late 80s in the last century, primarily in organizational activities of the various communities of Eastern Europe, began to act more serious of search for suitable sites to build monuments to commemorate the loved ones.

There was a religious objection by Dr. Warhaftig, who was acting MK eastern discussion on "Yad Vashem". He said: "in particular should be the" Yad Vashem "No memorials," do not you sculpture "It impressed us with our blood, the blood of Israel ... I do not know if they are big tombstones large memory, we have a different approach of memory.

A similar position about a stone monument in memory of the saints who have been permanent Chief Rabbi of Israel, Rabbi Isaac Halevi Herzog Ztz"l, the question addressed to him in Tashaz. In his reply he said:

If community members are going about building a monument – there is no reason to call them criminals ... Make monument and cemetery tombstone will be similar. Endeavor to secure the amount of ash and bury our holy Rebbe name. Better not be a building of stone, and preferably erect a building to be used in place of the cemetery funeral deceased editing, Mincha and memorial prayers for the souls of the saints fourteenth.

"Yad Vashem" is the official website Holocaust memorial in Israel, and besides it there are other Holocaust memorials around the country in various places. Monuments and other commemoration projects have been established in memory of the extinct Jewish communities in Eastern Europe, dozens of them in memory of the communities in Lithuania.

Few of them were established immediately after the war, most of them were built in the second decade the country. Dr. SZ Kahane, the first general manager of the Ministry of Religious Affairs, founded in 1948 the Chamber of the Holocaust on Mount Zion in Jerusalem. At the entrance

to the basement was erected monument commemorating the victims at Bergen-Belsen, a replica of the monument erected in Germany. Upon entering the building, along with items salvaged from the ghettos and death camps, were placed memorial plaques to commemorate the more than two thousand communities in Israel and Europe. A special room dedicated to communities of Lithuania.

The first monument commemorating the Holocaust in the country was established a few years after the Holocaust by the Association of Z'don-skx Wola, Poland, in memory of the victims of the congregation. Ash was brought to a place near the monument of the victims buried in the old cemetery on Trumpeldor Street in Tel Aviv.

Lithuania martyrs monument at the entrance
to the “Nahalat Yitzhak” cemetery
Tel Aviv, Israel

07s were built in the country only a few monuments, and most of the effort commemoration and memory consolidation victims of the Holocaust, directed the construction of synagogues, yeshivas, research institutes, museums, communities, and street names commemorating the planting of woodland communities that are no more.

At the same time appeared in dozens of books, pamphlets and articles in memory of the victims.

With the establishment of organizations in various communities in Eastern Europe, began searching for suitable sites for the establishment of monuments to commemorate the Jews killed in the Holocaust. It was natural for them to build the monument near the graves of their loved ones in cemeteries. Even companies Kadisha, particularly that of Tel Aviv and

Gush Dan, encouraged this activity and allocated special places for this.

Lithuania monuments and surrounding communities are concentrated in the cemetery in Tel Aviv: some of them in Kiryat Shaul and Nahalat Yitzhak and most Holon. They concentrated on the sides of the trails, in the form of Sderot that give the viewer distance herself much larger single monument.

Some monuments and monuments were placed near the wall of the cemetery. Monuments were erected in the cities, small towns, moshavim and kibbutzim. Typically organizations will devote their home communities Corner Memorial to the Fallen, for example, an organization of Jews from Vilna and the surrounding area devoted Commemoration in memory of the fallen saints, and on the prayers and lamentation legal, victims' names were written in Vilnius and the surrounding towns. Monuments in the country are also in the woods, maybe they come to suggest the location of most of the pits. Peace and silence by the stone, you bring a sacred forest.

Besides the monuments that are located throughout the country, received through another memorial, common today, is also associated with cemeteries, and register the names of relatives who perished on the tombs of their relatives were buried in Israel. This registration is usually done when loved ones burial place is unknown, and sometimes even the day of their death. Going to the cemetery on Memorial Day of the deceased as a kind of memorial day are also saints.

In other cases, written the names and dates of death on the back monuments in the country, even though loved ones were buried in a foreign land. In order not to have to visit every year the place of burial in the cemeteries in Europe.

Summing up

Designing the memory of the holocaust combines the cemeteries in different cities and the holocaust shooting in Lita with the monuments who were built in Israel express the memory of the community who was vanished and the recovery of the saved ones.

Most of the monuments that were set up in Israel mostly in the cemeteries or public places were built by organization of survivors from Lita. Only few were by privet people who wanted to perpetuate their families. The monuments and the memorial sites were found in the first years after the war while the Jews were still in part of the cities. They worked together with the government to build the statues and renovate the cemeteries.

When the revival started and everyone was released from the Russian

Soviets, there were hardly Jews in the cities. The Jewish community in Vilna decides to memorize the victims of the holocaust, of the Jews in Lita in the consternation camps.

They started at the end of 1988, and municipalities and even more Jews from Lita took part in it.

The different between the monuments in Israel and those in Lita is that the monuments in Lita are designed in a common standard way, and in Israel there is a lot of thoughts had been put in designing them.

In most of the monuments in Israel there are lists of the Holocaust victims who lue there. Burying them like in a city cemetery in Israel. On the monuments, the dates of the foundation and destroying of the small town, as if at was the date of birth and death of those whos names are written on the tomb. The locations of the monuments in Israel is not by accident, most of them are located in the cemeteries of "Gush Dan". There is the majority of the population there are also the offices of the organization of the citizens of the small cites of Lita. Consantarting the monuments in one area especially in a cemetery "Holon", more intensity. Those monuments don't present only on small town but the whole Jewish city which was destroyed and vanished during the Holocaust. The language in which the sayings are written on the monuments is also important. In Israel, most of the monuments are written in Hebrew, and in Lita, the writings are in language the the Jews talked between them. Idish, Russian, Lita.

The Jewish cemeteries are that remained in Lita and by them there are some monuments, have in them symbolic and many culture contents.

In lita there are left over over pages and papers which tell us about the Jewish communities, their leaders, their way of Jewish Orthodox life and their economy situation. The destroying and the broken monuments express the chaos of the Holocaust in those places. In contrast the monuments in Israel emphasize the linkage between the Holocaust and the revival.

The state of Israel and the monuments which were set up in Israel are for thr memory of the death and it's a king of consolation!

Ha'Rav Hertzog:

If the community insists on building a monument, there is no need to call them criminals. Build the monuments in the cemetery and it'll look like a grave stone. Try to get some ash from the holly dead and burry it there. It shouldn't be a building of stones, and rather be a building of graves for burial of dead and prayers as a Jewish funereal foe the memory of the saint soles.

Dr. Motti Shalem

founder of the International School
for Holocaust Studies

THOUGHTS ON THE EDUCATIONAL GOALS OF HOLOCAUST EDUCATION

We are standing at a crossroads, a moment of grace in which a window has opened up before us, providing the opportunity for significant and meaningful educational work dealing with the remembrance of the Holocaust and its meanings. This is a period in which, alongside such phenomena as racism and xenophobia, discrimination against ethnic and other minorities, there is also a significant heedfulness of the study of the Holocaust and an openness to examining and internalizing its implications.

The refugees who flood Europe are not only a social and economic challenge. This is a phenomenon that strengthens the extreme racist right wing parties. We start to see disturbing instances of xenophobia which oblige us to mark again the Holocaust as a warning sign.

The Holocaust, as an historical event of tremendous proportions, is just beginning to take shape in the collective identity and memory not only of the Jewish people. Like a mountain, whose dimensions can be perceived only from a distance, the study of the Holocaust and its significance for the Jewish people and the entire world requires the perspective that comes only with time.

Now, after seventy years, attention to the Holocaust has emerged from the limited circle of historians and survivors. It is now the focus of academ-

ic pursuit, research and reflection in diverse philosophical and sociological disciplines, the creative arts, and even the print and electronic media. The opening of the archives in Eastern Europe and the willingness of these nations to deal with their past, make it possible nowadays to cope with these issues in the academic and educational fields. This changing atmosphere resulted in the establishment of new Holocaust museums.

The student of the early twenty-first century has moved from an amorphous analysis of the victims' experience to a more empathetic attitude towards both the experience and its victim. Although we should not over-simplify, we can certainly report that more young people are choosing to study the subject comprehensively and beyond the formal instructional settings. They seek first and foremost to know, to understand and to connect.

The empathy is an expected outcome of any study of the complex and tragic reality of the Jews during the Holocaust. It comes from a distance of three generations. These students understand that the Holocaust is an inescapable element of their identity as Jews and as human beings. They understand that they bear the responsibility for determining its form, its intensity and significance in their lives, both as individuals and as parts of the universal society.

Educational systems that teach about the Holocaust, in both formal and informal settings, face a complex educational challenge. Each system must ask itself questions about the students' educational needs, their cultural and social environment, and objectives and educational goals. These are complex methodological and didactic questions. Because these systems function in a changing cultural and social environment and not in a vacuum, they must constantly review their goals and methods so as to ensure a dynamic, ongoing discussion of the pertinent issues for both teachers and students alike.

Holocaust education in Europe and in the entire world

Some people believe that the Holocaust teaches us about the need for a Jewish sovereignty that will ensure that something of this nature will not happen to Jews again. It reinforces national values. Some say that studying the Holocaust makes us more sensitive to democratic values and to the hazards of racism, discrimination, and prejudice. As A. B. Yehoshua, a prominent Israeli author, remarked, the Holocaust, like any other major event in history, can lend itself to any "lesson" – even contradictory ones. It is our responsibility as educators to guide our students through the myriad of po-

tentially contradictory data, assisting them in their search for conclusions.

While the educational systems in Israel argue over whether to derive national or universal significance from the Holocaust, or to seek a meaning that does not involve learning lessons, Diaspora Jews view the matter very differently. Holocaust education in America and Europe has a specific objective: a commitment to forging a better world, free of evil and oppression, which respects the rights of minorities and eschews prejudice. This is certainly a worthy goal and also a relevant one.

The intent is to develop the students' sensitivity to the suffering of peoples or minorities around the world. Holocaust education points out the dangers that nationalist, anti-Semitic, and neo-Nazi groups pose for humanity, individually and collectively.

Holocaust education has a well-defined role. It is relevant to the student's current reality and social surroundings. In the western world Holocaust study among Jews bolsters their commitment to the value code of their society. Other ethnic and minority groups find lessons in the Holocaust that resonate with their personal and historical experiences as well. Holocaust education, it is believed, creates a commitment to a better world, one that is tolerant of minorities and different groups, is free of fanatical nationalism and racism, and believes in democratic concepts and government.

Points of departure for educational work

Thinkers and researchers have noted that history tries to reconstruct, represent, and criticize the past. Remembrance is characterized by ascribing meaning based on the perspective and culture of objectivity. Society ascribes meaning to a particular past event through remembrance. The Holocaust is a formative event in human history, and particularly in the history of the Jewish people. As such, it has left its imprint on the individual and collective memory of Jews.

As a focal point for Jewish and national remembrance, however, Professor Eliezer Schweid, a renowned Israeli philosopher regards the Holocaust as two-sided. On the one hand, the Holocaust severely impoverished the Jewish people by annihilating vibrant cultural and creative worlds. On the other hand, heroic episodes of tenacity, survival, and national revival emerge from the story of the Holocaust. Both of these foci are extremely valuable in discussing the educational significance of the Holocaust. Which story should we tell and what emphasis should mold the consciousness of the next generation? What impact do we, as educators, want the Holocaust

to have on our identity individually and collectively? How does the imperative to remember apply to the individual and to humanity as a whole? What is the educator's role?

While much was lost culturally – great centers of learning, literature and language that cannot be resurrected – what can be revived within the educational constructs of our systems? Can we revisit the past with our students and in this endeavor imbue them with a sense and understanding of the world and heritage that is theirs?

Among teachers and those who deal with the Holocaust, it is customary to divide the educational significance of the event into three separate categories. Although we can come up with other ways of approaching the topic, we routinely divide the historical community into the victims, the murderers and their accomplices, and the bystanders.

Perpetrators: An educational program, based on this division, will examine the perpetrators, their motivations, the forging of the image of the Jews in Nazi eyes, the social system and processes Germans and German society underwent, the changes in German public opinion, the process and making of the extermination apparatus. Different theories and explanations will be presented, dealing with the question whether they were ordinary men or whether there was a unique component in their personality and background which made them into murderers. The program will present the question if the potential to become a murderer is a part of human nature, likely to emerge under certain circumstances.

It is the very dealing with these issues in the extreme case of the Holocaust that lends such importance to the educational work. This approach, drawing students attention to the choices made at each crossroads, is aimed at provoking reflection about the permanent dangers every society faces, developing the ability to detect and identify perilous tendencies and the emergence of harmful directions and trends .and , to enhance awareness to the dangers of prejudice, bias and xenophobia. Is there an irreducible element of compassion in being human? What does it mean to engage in such systematic cruelty on behalf of an ideology?

Bystanders: The world still witnesses massacres and genocides, where we find ourselves in the position of bystanders. Such phenomena as prejudice and xenophobia are frequent in most societies and is relevant today in Europe. The Holocaust was possible because the Jews had been isolated and their being alien to society had become an accepted fact. In this, special

attention will be given to those who acted exceptionally, the rescuers, the few who made the choice to rescue Jews in spite of the dangers.

We must consistently examine our attitudes towards minorities and those who are different. The refugees' question forces us today to confront the bystanders' issue and the importance of taking responsibility for what is happening in one's society. We need to stress the importance of personal responsibility of every individual in society and to enhance the awareness to the duty and the ability to make a difference.

Victims: Understanding the victims is an important part in contending with the Holocaust. The process of dehumanization the victims were subjected to was essential in the implementation of the murder of the Jews. In order to understand the true implication of the actions of both perpetrators and bystanders, it is necessary to learn about the victims and not only about their representation in the eyes of Nazi ideology. It is this very contrariety between the image the Nazis had and the true identity of the Jews that was at the origin of the crime committed against them, and drawing attention to it should serve as a warning. Moreover, educational work today aims to reinstate the human dimension of the victims, to treat them in a personal and humane way, to see them as being part of a unique and vital world. Such understanding is a prerequisite for seriously grappling with such questions as the life in the shadow of death, the struggle for survival and the various responses of individuals and groups to the incredible dilemmas they faced before their destruction.

Aims of educational programs dealing with the Holocaust

Based upon the above described division, educational programs can use the following educational goals:

1. The human being as the center

The human being, the individual stands at the center of teaching history. Facing the Holocaust means probing not only such phenomena as mass murder, Nazi policy, the statistics of death and the chain of historical, political and military events. It involves an attempt to understand human beings and the manner in which they contended with extreme situations and with profound ethical dilemmas. The story of the Holocaust is first and foremost a human story. Any discussion of its victims, its perpetrators or those who stood by and watched must attempt to understand the human being involved. The encounter between students and the "simple" people who were

present in the events of the Holocaust – their daily lives and reality – must serve as the foundation for meaningful educational work.

Attention must focus not only on the heroes of uprisings and resistance on the one hand, or on high-ranking murderers on the other. It is imperative that we remember and attempt to understand the difficulties and dilemmas confronting those whose names were all but lost, often along with their lives. Only in such a manner will it be possible to create a real and intimate connection between the learners and the subject matter, and to begin to discern the commonalties and the differences between our own period and that of the Holocaust.

Examination of the various crossroads at which Jews, Germans and others stood, and the dilemmas and challenges which they faced, will allow the educational process to progress from the particular historical situation to a sounding of the universal human voice. Providing the history with a human face, an examination of the human complexities involved, help to prevent the dangers of banalization, of a one-dimensional picture or of an abstract, alienated view. These understandings serve as the basis for all educational work undertaken by the school.

2. Inter-cultural dialogue

Historians today point to the narrative nature of history-writing, of a past which is open to a range of interpretations and understandings, dependent in part upon the point of view and perspective of the narrator. Awareness of these processes, and of the manifold ways in which the memory of the Holocaust is shaped, is among the factors which shape educational work and can serve as a basis for fruitful dialogue in encounters between educators from various countries. An understanding of other points of view enriches one's own insights and provides an opportunity to examine one's own identity, past and memory.

3. The survivors' heritage

The survivors play a central role in the writing of Holocaust history, in the shaping of memory, in commemoration and in educational work. Testimonies and encounters with individual survivors serve as a central axis in passing on the history and the memory of the Holocaust to future generations. The impending disappearance of the survivor generation challenges educators throughout the world to find new ways to relate the history and to perpetuate the memory and heritage of the survivors to a younger gen-

eration which will no longer come into direct personal contact with the generation which experienced the Holocaust and its era.

4. Inculcation of Jewish and universal values

The mass murder of the Jews during the Holocaust stemmed from a radical racial ideology which set the goal of demolishing existing humanistic ethics and physically annihilating the nation which it identified as having created the infrastructure of human ethics – the people who bequeathed to the world such ethical foundations as the Ten Commandments and its injunction that “thou shalt not murder”. An educational program can seek to instill these Jewish and humanistic ethical values, pointing to the Nazi attempt to undermine them.

5. An interdisciplinary approach

Study of the Holocaust as a human experience extends beyond the boundaries of the historical discipline. Our presentation of the story as a human one mandates that other fields of knowledge which contribute to our understanding of the human being and the human spirit be incorporated into the learning process. These include art, literature, philosophy and more. Incorporation of these disciplines allows access to parts of the human psyche which the intellectual examination of historical documents alone does not always facilitate.

6. “The righteous among the nations”

The Holocaust was a historical event in which extremes of the human capacity for evil were brought into sharp relief. At the same time, however, it was also an historical event which brought out extreme cases of uncommon human courage and compassion. Our encounter with these two opposite ends of the human spirit call upon us to constantly examine our own personal ethics and conduct. This subject is unique in the world in terms of its nature and its extent. This stress upon the “Righteous Among the Nations” serves as a powerful educational tool.

Dr. Margalit Shlain

Beit Theresienstadt, Givat Haim Ihud

TRANSPORTS FROM THERESIENSTADT TO THE 'EAST' – THE RIGA GHETTO – A CASE STUDY

On October 10th 1941, *SS-Obergruppenführer* Reinhard Heydrich, ordered the establishment of the Theresienstadt ghetto in the Protectorate of Bohemia and Moravia. The ghetto (opened November 24th, 1941), allegedly a “Jewish town” for the Protectorate’s Jews, but in fact was a concentration

and transit camp, on the way to the death camps in the ‘East’, which operated until liberation on May 8th, 1945.

Already on January 5th, 1942, the ghetto’s prisoners received the following announcement: “By order of the camp commander, a transport of 1,000 people will leave Theresienstadt on January 9th, 1942, for Riga.” They realized that Theresienstadt was not a “night shelter” for the war, as they hoped, but a transit station on their way to the ‘East’.

In my lecture, I will examine the unique and the common denominators of the protectorate deportees’ human experience, under the extreme conditions of the Riga ghetto and the work camps, based on Survivors testimonies.

The deportation and arrival to Riga

Gerta Ehrlichowa – 17, arrived to Theresienstadt on November 29th, 1941, from Berno, Czechoslovakia. Already in January 9th 1942 she went with her family in a transport to Riga. After three days, the transport reached Riga Skirotava station.

Max Bunzl, who was then 46, was there too and testified: “When we arrived, the wagon commander reported to *Obercharführer* Krause, that inside the wagons were old and sick people unable to walk. Krause replied that they should be hanged. “He entered the wagons and I counted 6 shots”. Everyone on the train was ordered to walk to Riga. “When Krause saw an old woman walking slowly, supported by her daughter, he shot both of them from behind”.

When they got off the train they saw Latvian Jews. Gerta: “They wore a Star of David on their fronts and their backs. I did not get to talk to them. They rushed us, and did not even let us take our backpacks or our suitcases”. They were marched to the ghetto, which fenced by wire. Riot broke out. People started fighting, and seized any residence they could, apartments of local Jews who seemed to have left in a hurry. They found stones there, wrapped with paper on which it was written:” All of you will be killed, like our families. We are the last survivors”.

Approximately 16,000 Jews from the Reich were deported to Riga, from December 1941 until the spring of 1942 – after tens of thousands of local Jews were murdered in the Rumbula forest. They were deported from Germany, Austria and from Ghetto Theresienstadt, and lived there in what was known as the “Reich’s Jews ghetto”, close to the small local Jew’s ghetto (app. 4,500 people).

While most of those who came on the first transport arrived in the Riga ghetto, the fate of the second transport was much worse. Upon arrival to the railway station, they underwent a selection. 76 men, fit for work, were taken to the ghetto, and were transferred, 2 days later, to Salaspils concentration camp, near Riga, together with 150-400 men from the first transport. The others – 924 women, children, elderly and sick people were loaded on trucks, and murdered immediately. All the deportees of the third transport (August 20, 1942) were apparently murdered immediately upon arrival to Riga.

The living conditions at the Riga ghetto: apartments, food supplies and work

The housing situation in the ghetto was very problematic. Many houses did not have electricity, gas or central heating. The deportees were extremely condensed. Gerta: “Eight of us were in the room. We looked for 4 benches and laid on them all the time, always two on each bench”. They had nothing and were constantly seeking for means of minimal existence.

The food rations which were distributed were small and of poor quality: 220 grams of bread per day, a bit of flour, a little piece of margarine or jam, and occasionally some frozen vegetables, so they had suffered from hunger. In order to get something to eat, one had to find a job which provided some food supplement, or to take a chance and exchange an object or a garment with the locals. Those caught by the guards at the gate of the ghetto smuggling food were arrested and beaten. The men were generally hanged while the women were taken to the cemetery and shot there.

All the deportees had to work but the children and the elderly. Every morning they had to stand in order – “Appel”, where they were sorted by representatives of the Jewish Aeltestenrat to working groups “Kommandos”. All exits and returns from and to the ghetto had to be accompanied by the employer or a soldier. Young women worked with the men, doing hard labor, like digging or carrying bricks for building, and also in the sick room or in cleaning jobs in the local ghetto. Malvina Reinierova, who arrived in Riga at the age of 50, said that during an inspection of her group by the SS man, Willy Tuchelhe, he discovered that a woman had some wool and a sock. “Because of her, we all stood facing the wall. An order was given to shoot four women: the first, the fourth, the eighth and the twelve. I was the 13th”.

Most of the deportees worked in seasonal jobs, for example in the woods, where they could take some wood chips to the ghetto for cooking and heating or as means of exchange for bread; some worked for Latvians farmers who raised vegetables for the military.

Many Latvians tried to employ deportees, even without the approval of the Germans. When the Aeltestenrat learned about it, the employees were severely rebuked, especially for speaking in Czech – which was forbidden, with Latvians, instead of using German. During the summer of 1943, be-

fore the liquidation of the ghetto, many deportees were sent to a camp near Liepaja- Libau, for an exhausting work in turf mining.

The ghetto was ruled by terror. Hundreds of people were murdered in the Riga ghetto without trial, by shooting or hanging.

The anxiety- Irma Stahlerova, came to Riga at the age of 43: “Every day I went to work and came back to the ghetto in the evening tired and frightened, wondering whether I will find my husband and my two daughters. I was afraid for my loved ones, because every day several people were shot or hanged. We had to pass by them and to watch this terrible scene”.

Evzen Polak, was sent to Riga at the age of 52, said: “My worst experience was in 1942 when they hanged four men at the same time and one was shot to death. I was ordered to attend the execution. Two of them fell down from the gallows to the ground and only then were shot to death. All the victims were personal friends of mine.

Interaction between the deportees and the local Jews; Interactions with the SS personal

The relations between the Jews of the two ghettos were complicated. Despite the prejudices and cultural differences between the local Jews and the deportees from central Europe, there is some evidence of cooperation and mutual assistance. People met in working groups, and the local inhabitants, whose situation was not much better than the deportees, tried to assist them as much as they could.

The deportees had contacts only with a few SS men. The ghetto gate was constantly guarded by Latvian police, while armed German soldiers accompanied the deportees to work, patrolled the deserted part of the ghetto to prevent looting and took part in actions “Aktions”.

The deportees’ fate during the German actions in the Riga ghetto and in the various labor camps after the liquidation of the Ghetto

The first selection of Czech deportees was made by the SS in January 1942, almost upon their arrival to Riga. They were summoned for order –

“Appel”. Those who were fit for work were sent to the right and returned to the ghetto, the others were loaded on trucks, supposedly driving to another camp, but in fact for extermination.

At the selection on summer of 1943, everybody realized that it will be difficult to survive. Gerta: “This time physicians with their families were also selected, supposedly, to transfer to another camp. Dr. Königarten’s wife said:” No! This is the end! “, and she was right. In this selection a lot of people, entire families, were killed, probably shot”.

The gradual liquidation of the ghetto began in June 1943. Most people were removed from Riga to the Kaiserwald concentration camp near Riga, and some to sub-camps, like Strazdenhof. The conditions in these camps were extremely difficult and the mortality rate was high.

The Reich’s Jews ghetto in Riga was finally liquidated on November 2, 1943. After the Jewish workers went to work, German soldiers and Latvians policemen, led by *SS-Sturmbannführer* Lange and his deputy Krause raided the Jewish ghetto. They gathered all the children, the old and sick and some adults who remained in the ghetto, and sent them to extermination in Auschwitz.

The tormented journey of the deportees through the concentration camps

The Czech men who were sent from Riga to forced labor in Salaspils camp were subject to cruelty. Polak talked about the SS men Heinz Mueller and Franz Schnellenbach, who beat and kicked people legs wildly until they could not get up and were taken to the hospital. The lack of sleep, poor sanitary conditions, severe malnutrition and cold weather, reflected in extremely high mortality rates. 780 people out of 1,600 died in the camp. Many were beaten, hanged or shot after they were caught bartered. Only a third of the Czech deportees survived and returned to the Riga ghetto, a few months later. Many of them suffered from poor health and died within a short time.

In the Strazdenhof camp, near Riga, the deportees were condensed in large halls on three-tiered bunks. The women stitched and mended torn and stained German uniforms. The food rationing was minimal, normally they got a watery turnip soup,” you would be happy if you found a piece of cabbage or a potato there”, many women died of malnutrition.

When the liquidation of the camp was announced, many people were killed by SS men and soldiers, or committed suicide. Gerta: "They took my mother. I could not say goodbye. Then came big trucks and took all the people, most of them were elderly. A German nurse, who took care of the elderly and the sick there, got very excited, as we said: "These people are going to die." "No", she replied, "they are being transported to another camp. The *Obercharführer* told me so, and if you don't believe me I'll go with them and take care of them all the time". And off she went, got onto a truck".

In August 1944, the women which remained after the selection in Strazdenhof, were transported to the Stutthof camp and suffered catastrophic conditions. As they did not work, they received very little food and a small amount of water. Some of them volunteered to work in order to survive. They were transported by train to a port and then into huge ferries in dense capacity. Gerta: "It was catastrophic, we were afraid we'd be thrown to the water in the middle of the sea, but we arrived to Gdańsk.

From Gdansk, 200 Czech and German women were transferred to the Sophianwald camp in Prussia. They lived in tiny cabins made of paper-pulp on the ground, which was covered with a little straw. Their living conditions shocked a high SS officer, who inspected the camp. "Even a Bernardine dog would not enter such kennel. How can people live here?" he said. Therefore they were transferred to an empty basement but water was dripping from the walls and it was impossible to heat the place. They worked in agriculture and risked their lives stealing vegetables from the fields, as they passed by them.

In March, April 1945, they were taken out of Sophianwald and forced to march in the snow. Those who could not walk or got off the road were shot to death by an SS man, who accompanied them on bicycle. They hardly had any food and water so they ate snow. It was an endless journey that dragged on until they reached Stolf, by Königsberg near Gdańsk and entered a huge barn, full of people, for the night.

"Suddenly somebody shouted": "The Russians are here!" the barn emptied at once. Gerta remained lying exhausted. When she went out, she saw dead German soldiers, who were shot by the Russians. She found three Czech friends who took care of her, brought her on a carriage to the St-

tuthof train station and elevated her by hand and put her in the wagon of a train transporting released prisoners to Yugoslavia. In Carpathian Ruthenia, Slovakia, her friends jumped out, and she remained on the train until it reached Yugoslavia. A few days later, a young Czech put her on a train that went to Czechoslovakia and looked after her until they reached Berno. There, she stayed in a hospital until she recovered and was able to stand on her feet again.

Irma Stahlerova had a different experience. After the liquidation of the Riga ghetto in November 1943, she was transferred (with 200 workers) from Riga to the Libau concentration camp. They had to work hard, scrubbing ships and often worked also during the night. "During the bombing of Hamburg, we were locked up in cells. We were 87 women. Many of us were killed by the bombing". From Libau they were transferred to Hamburg and put in prison. "They took our clothes and gave us prison uniforms. We did not have to work but there was very little food, mostly bread and we suffered of hunger".

From this prison they were marched for four days without a break, to the terrible labor camp, Kiel-Hasse. "We were totally exhausted, dirty and hungry. We only got a small piece of bread per day. We suffered from cold and hunger. We had to get up at 4 a.m. and to stand for hours in "Appel." We worked in sewing, repairing blankets that were infested with lice and we could not clean ourselves. Evzen Polak, who arrived at this camp in April 1945, said: "For me it was the worst concentration camp, horrific starvation. Countless murders were carried out daily by the SS. People were repeatedly beaten with heavy sticks. Each week 50-60 people were dragged from the hospital and executed, and those who were not able to go to work, were shot on the spot".

Liberation –

Irma: "I will never forget the moment when we saw the white cars driving toward us.

Polak: "May 1, 1945, was my liberation day. It was the most beautiful day of my life, there are no words of happiness to describe it. White automobiles of the Swedish Red Cross took us outside, directly from the most dreaded concentration camp, Kiel – Hasse, to beautiful Sweden, to the wonderful freedom".

Yet, only a tiny minority of those expelled from Theresienstadt to Riga survived the long journey, which was full of pain and suffering through the camps, and reached the day of liberation. After the euphoria was over, they realized the magnitude of their tragedy, and that they were left alone.

Out of 3,000 deportees from Theresienstadt ghetto to Riga, only 125 – 4% of them survived, mostly women.

To conclude – Czech men and women, who were deported from Theresienstadt, spent three and a half years in anguish, subjected to a long journey that took them to the Riga ghetto and the camps, during which they experienced the loss of family members.

Their testimonies indicate that the men were forced to work in hard labor, they suffered severe cruelty in the camps, and many were executed or died of exhaustion, hunger and disease.

As for the women, they too had to work in exhausting day labors, and to take care of their families, as long as they still had them. The women suffered of malnutrition and illness in the camps and during the death march. However, their testimonies reflect many cases of mutual assistance and an attempt to create meaningful relationships, as “an alternative family”, which helped them survive, as long as it was possible. Perhaps this pattern explains the gender difference among the survivors – more women survived than men, yet regrettably, their number was also, very small.

Aharon Shneyer

Yad Vashem

Арон Шнеер

Яд Вашем

THEY SAVED THE WORLDS. ABOUT THE RIGHTEOUS AMONG THE NATIONS IN LATVIA

СПАСШИЕ МИРЫ. О ПРАВЕДНИКАХ ЛАТВИИ

Тема спасения евреев латышами и представителями других народов, проживавших в Латвии в годы Второй мировой войны приобрело особое значение после восстановления независимости страны в 1991 г. Это стало особо важным на фоне имеющей место научной и общественной дискуссии об участии латышей в осуществлении нацистской политики на ее территории в 1941-1945 г.

Нападение нацистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. и оккупация всей территории Латвии к 3 июля 1941 г. было воспринято значительной частью латышского населения как освобождение от советской оккупации

Немецкая оккупация продолжалась на большей территории Латвии до лета-осени 1944 г.; юго-западная часть Латвии была освобождена Красной Армией от немцев лишь 9 мая 1945 г.

Не менее 75 тысяч евреев Латвии оказались под немецкой оккупацией и почти все они были убиты.

Вместе с тем, трагедия латвийских евреев – это трагедия и тысяч латышей, которые не питали ненависти к своим соседям-евреям, но молчали, порой сострадавая, либо одобряя уничтожение евреев, наблюдая за злодеяниями своих соотечественников.

По отношению к преследованию и убийству евреев условно население Латвии впрочем и всех оккупированных стран, можно разделить на две главные категории:

Те, кто уничтожал евреев или способствовал их уничтожению. Убийцы, в большинстве своем были далеки политики, их вела ненависть, стремление к наживе, личностный паталогизм. Многие считали, что уничтожение евреев, составная часть борьбы за свободу. Однако "борьба за свободу" – это красивые, но часто грязные слова, которыми на протяжении истории, вплоть до сегодняшнего дня оправдывались, и оправдываются самые страшные преступления человека, государства, системы. Идеологи, как правило, сами не убивают. Они воспитывают и готовят убийц.

Ко второй категории относятся :

Те, кто спасал и укрывал евреев.

Кто оказывал моральную (словесную поддержку, доброе отношение во время работы) и материальную (чаще продуктами, одеждой) помощь как в самом гетто, так и в местах совместной работы (рабочие команды).

Те, кто оказывал нацистской антисемитской политике пассивное сопротивление: не сообщил о скрывающемся еврее или о помощи евреям в гетто или на работе.

На территории Латвии пережило немецкую оккупацию всего около 400 евреев. Гонимых, обреченных на смерть, прятали в квартирах, домах, на хуторах. Оборудовали убежище за шкафом, за печкой, под лестницей, на чердаке, в подвале, во дворе, в курятнике, в хлеву, в сарае, в стогу, в землянке.

Жизнь в укрывании была нелегким испытанием не только для скрывающихся евреев, но и для тех, кто помогал им выжить. Скрывавшим евреев, нужно было делиться с ними куском хлеба, чаще всего отрывая его от собственной семьи. В условиях постоянной угрозы жизни как их самих, так и членов их семьи нужно было постоянно следить, чтобы о том, что в доме или в другом месте люди прятали евреев не узнали не только немцы, но ничего не заподозрили соседи.

Количество людей, преодолевших страх, угрозу жизни, как своей, так и членов семьи, включая детей, было больше, чем нам сегодня известно. Увы, были случаи, когда евреи, прятавшиеся какое-то, возможно, довольно длительное время у неевреев, вынуждены были по различным причинам покинуть убежище и впоследствии погибли.

Иногда спасители погибали вместе с евреями, которым они дали убежище.

Рижанка Анна Поле несколько лет скрывала у себя дома и в подвале на ул. Пелду 15 семерых евреев. Однако их предал дворник соседнего дома. 15 августа 1944 г. латышские полицейские попытались ворваться в квартиру, однако их встретили выстрелами. Несмотря на сопротивление полиции удалось захватить всех семерых. «...В последний раз я видела маму с пустыми глазницами. Их пытали, а маме выкололи глаза», – рассказывает Маргарит Кестере – дочь Анны Поле. Всех расстреляли.

8 декабря 1998 г. в Риге, на ул Пелду 15, состоялось открытие мемориальной доски в память о латышке Анне Поле.

Неоднократно те, кто помогал евреям привлекали к спасению своих родных и знакомых.

Житель Айзпуте Карлис Пуке познакомился с евреями, которых привезли на работу из Рижского гетто. Четырех евреев – двух местных и двух литовских он спрятал на чердаке, над квартирой матери своей жены Эльзы, по ул Лиепаяс 9. С наступлением зимы 1943-1944 г. евреев перевели на ул Пилс , 4, где жила сестра Эльзы – Эмилия Шустере вместе со своим мужем Герхардсом. Евреев спрятали в специально построенном для них бункере 2x4 метра. Благодаря доносу соседки, полиции удалось обнаружить бункер. При попытке ареста, по сведениям полиции, четверо евреев Иосел Гец, Изак Хейфец, Шолом Уздин, Лейба Уздин, застрелились, не желая попасть в руки полиции. За оказание помощи евреям были арестованы Карлис Пукис, его брат Жанис, жены обоих братьев и их мать Иева Дзиене , Янис Шустерс, его сын Герхард, которого расстреляли в Лиепайской тюрьме в октябре 1944 г. Янис Шустерс, Карлис Пукис, Эльза Пуке, Жанис Пукис, Иева Дзиене, за оказание помощи евреям были отправлены в концлагерь Штуттгоф. Из них только Эльза Пуке была освобождена Красной Армией, остальные участники спасения евреев погибли в лагере.

8-летний Саул Перельман жил с матерью Тирцей в Даугавпилсе. Немцы оккупировали город 26 июня 1941 г. Сразу же начались рас-

правы над евреями. Мать Саула передала своего сына своей близкой подруге Марии Чиблис. Мария раздобыла в Псковском костеле фальшивые документы о том, что Саул ее сын. 11 раз Марию и Саула вызывали в полицию. Саул неустанно твердил, что Мария его мама, даже когда к его животу приставили пистолет он проявил недетскую стойкость и не отказался от Марии. В городе оставаться было опасно и Мария перевела его на хутор к своим знакомым. Саул получил новую фальшивую метрику 26 октября 1943 г. С этого дня он стал Янисом Чиблисом. А сама Мария, все-таки была арестована гестапо и погибла.

Рижанка Ольга Катенева за оказание помощи и спасение евреев, была арестована немцами и год провела в Саласпилском концлагере, а в Советские годы была арестована и почти 10 лет находилась в Гулаге.

Среди тех, кто спасал евреев и удостоен звания Праведник народов Мира люди разных конфессий: католики, лютеране, православные, старообрядцы, баптисты, адвентисты. Среди них в Латвии более около 70 латышей, но были также русские, белоруссы, поляки, немцы, греки (гречанка Валентина Бинкевич (Сидирапуло).

Среди тех, кто спасал евреев были представители различных социальных групп и профессий: крестьяне, рабочие, служащие, предприниматели, люди свободных профессий, священники. Крестьяне Фаддей и Анастасия, Петр и Люция Афанасьевы спасли 6 евреев из Даугавпилсского гетто; хозяин мебельной фабрики в Риге Ансис Дидрихсон более полугода прятал своего бывшего рабочего Лейзера Ротбарта и еще пятерых беглецов-евреев.

Некоторые люди и священнослужители наивно полагали, что крещение спасет евреев от смерти.

Поэтому Адель Кукревич, когда ее сын Антон, привез из Лудзы четырех евреев на их хутор, она пригласила ксендза, который тайно крестил беглецов. Тот же ксендз две недели скрывал в Лудзенском костеле семью Фонаревых, затем крестил их, и объявил прихожанам, что во имя спасения семья приняла католичество. После этого ксендз отправил Фонаревых в родную деревню в полной уверенности, что с ней ничего не случится. Но не прошло и месяца, Фонаревы были расстреляны недалеко от деревни»¹.

Неподалеку от места где проходит наша встреча на ул Кална 21

¹ Из письма Соломона Фонарева в Яд Ва-Шем от 05.02.1997.

находится церковь Иоана Предтечи. В годы войны она находилась рядом с гетто. Настоятель церкви священник Николай Шалфеев и настоятель соседнего прихода Отец Алексей Торопогрицкий помогали евреям, в основном детям, тайно выбраться из гетто и вывозились из города.

За оказание помощи евреям Николай Шалфеев и Алексей Торопогрицкий, были арестованы гестапо. Когда их все-таки выпустили, то они оба умерли в течении трех дней: о. Алексей Торопогрицкий 27-ого, а о. Николай Шалфеев 28-ого декабря 1941 г².

Нередко помощь евреям оказывалась как хорошо знакомым людям по прежней довоенной жизни, работе, иногда соседями или родственниками не евреями. Однако иногда в спасении евреев участвовали совершенно незнакомые, чужие люди. Во многих случаях за помощью обращались сами беглецы, но порой инициативу проявляли сами спасители.

Мотивами для оказания помощи могли служить моральные и религиозные соображения, однако чаще всего обычное человеческое сострадание, доброта и порядочность.

Впервые звание Праведник народов мира жителю Латвии было присвоено в 1966 г. Это был Жанис Липке и его жена Иоганна. Они, благодаря помощи двух сыновей, Зиги и Альфреда, а также верных друзей спасли более 50 евреев. В 1977 г. по дороге из Австралии Жанису Липке удалось побывать в Израиле и лично посадить дерево в аллее Праведников Яд Вашем. Имена Праведников в советское время были неизвестны. Это было связано с замалчиванием в СССР Холокоста и всего что с ним связано. А также и с советской политикой недоверия ко всем тем, кто во время войны находился на оккупированной территории. Люди старались не упоминать лишний раз об этом в биографии, тем более в еврейском контексте, зная о негативном отношении советского руководства ко всему что связано с евреями и агрессивной советской антиизраильской пропагандистской риторикой. Только после перестройки, когда ситуация изменилась, информация об этих людях стала доступна и их имена стали известны. Многие из них ушли из жизни, так и не дождавшись официального признания. Имен некоторых, увы, мы так и не узнаем.

² ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 2. № 323. Статьи в газете «Сегодня» 1925, № 251; 1937, № 3; 1938 № 21; Шалфеев Николай Васильевич // Русское православие: Белое духовенство – http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?4_8682.

На 1 января 2015 г. 134 гражданина Латвии удостоены этого звания Праведник народов мира.

10 дней назад мы отметили 70-летие победы над нацистской Германией. Для евреев разгром Германии, освобождение Латвии, Литвы, Эстонии от немецкой оккупации были спасением. А для латышей, литовцев, эстонцев? И сегодня, увы, очень многие жители и некоторые политики балтийских стран, испытывают пиетет к немецкой оккупации и воспринимают ее как время борьбы за независимость бок о бок с «героическими немецкими солдатами против России и жидо-большевиков». Не все так просто. Два народа, живущие и сегодня рядом на одной земле, порой диаметрально противоположно смотрят на военное прошлое.

Некоторым из вас известен довоенный и восстановленный в 90-годы герб Краславы: лодка с пятью гребцами, символизирующими пять национальностей, проживавших до 1941 г в городе: евреи, русские, латыши, поляки, белорусы. Только совместными усилиями гребцов лодка может двигаться в правильном направлении. Мы все в одной лодке. Но мало декларировать. Надо отстаивать то, что декларируется. Это касается, конечно, не только Латвии, но и любого государства.

Dr. Aharon Shneyer
Jerusalem

Д-р А. Шнеер.
(Иерусалим)

ON THE WAY TO THE SHOAH IN LATVIA: FROM THE TRADITIONAL ANTISEMITISM TO RASISM

«ОНИ НЕ НРАВЯТСЯ, ОНИ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫ». ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТИСЕМИТИЗМА В МЕЖВОЕННОЙ ЛАТВИИ ОТ ТРАДИЦИОННОГО К РАСОВОМУ

В феврале 1917 г. после свержения в России монархии, евреи, жившие в Латвии, поддержали стремление латышей к созданию независимого демократического государства. У истоков создания независимой Латвии вместе с Карлом Ульма-нисом стоял Зигфрид Мееровиц – еврей по отцу. Независимость Латвии была провозглашена 18 ноября 1918 года и Мееровиц стал первым министром иностранных дел Латвии, а затем 2 года был премьер-министром. Еврей Пауль Минц во втором, третьем и четвертом правительствах Латвии занимал должность государственного контролёра. В 1921 году был министром благосостояния, руководил комиссией по разработке Уголовного кодекса и был соавтором Конституции Латвии. Одновременно он возглавлял Латвийскую еврейскую Национально-демократическую партию, был членом Еврейского агенства,

председателем Союза еврейских адвокатов¹. После провозглашения независимости в Латвии началась война против немецкой оккупации и советской власти. Большинство евреев Латвии, включая беднейшие слои, не поддержали советскую власть. Латышские большевики оказались более радикальными, чем российские в попытках построить социализм в Латвии. Террор, конфискации, обыски в квартирах многих евреев стали обычным явлением. В советских учреждениях было разрешено использовать только латышский язык². Для проверки национальной политики в Советской Латвии в 1919 г. из Петрограда прибыла специальная комиссия, которая отметила, что «евреи подвергались грубой дискриминации»³. Поэтому евреи, пережившие в 1919 г. репрессии Советской власти, поддержали борьбу за создание независимой Латвии. Более 2140 евреев воевали в рядах Латвийской национальной армии и антисоветских партизанских отрядах⁴. За боевые заслуги четверо евреев были награждены Высшей воинской наградой Латвии орденом Лачплесиса, 11 орденом Трех Звезд. В армии Латвии было 50 евреев-офицеров⁵. В Латвии до 1940 г. помнили о евреях, погибших в Освободительной войне.

Существовал ли в Латвии еврейский вопрос? Если изучать демократический период 1920-1934 гг. и даже период авторитарного правления Ульманиса 1934-1940 гг, то можно ответить, что на государственном уровне еврейского вопроса не было. Однако если искать ответ на страницах латвийской печати, программных документах различных латышских национальных организаций, особенно 1920-1924 г., 32-34 гг. то ответ будет иной: еврейский вопрос встал очень остро. Журналист Эрнест Бланк писал, что еврейские предприниматели сводят на нет результаты Освободительной войны. Латышам, сбросившим немецкое иго, грозит иго еврейских банкиров,

¹ Пауль Минц после оккупации Латвии СССР в 1940 г. был арестован и погиб в Гулаге в 1941 г.

² Евреи Латвии и советская власть 1928-1953. Рига 2010, с. 13. (Петроградская правда» 15 апреля 1919)

³ М. Бобе. Евреи в Латвии, с. 156-158.

⁴ Jēkabsons, Ēriks. Aizmirstie karavīri – ebreji Latvijas armijā 1918.-1940. gadā. Rīga : Biedrība “Šamir” 1913, lpp.34-43,72.

⁵ Ē. Jēkabsons, V. Ievads Ščerbinskis, *Latvijas armijas augstākie virsnieki 1918–1940*, ed. Ē. Jēkabsons, V. Ščerbinskis (Rīga: Latvijas Valsts vēstures arhīvs, 1998), lpp 9.–53.

предпринимателей, торговцев. Наиболее антисемитскую позицию занимали лидеры Христианского национального Союза. Они издали серию брошюр, направленных против иудаизма⁶. Они первые обратили внимание на национал-социализм в Германии и 12 июля 1922 г. в газете «Tautības Bals» (Голос народа) опубликовали статью «Национальное движение в Германии»⁷.

Несмотря на то, что за 20 лет независимости в Латвии не было антиеврейских законов, антисемитизм проник во многие слои населения. В чем причины этого? Латыши в 19 веке сформировались как бедный крестьянский народ. До 1917 г. ведущие позиции в экономике Латвии принадлежали немцам, которых латыши ненавидели⁸. Уже в первые годы после обретения независимости радикальные националисты выступили даже за создание однородного национального, т.е. латышского государства. В 1921 г. газета «Latvijas sargs» (Латвийский страж) писала: «... мы должны строго отгородиться как от азиатской русской культуры..., так и от чванливой германской культуры...»⁹

После войны за независимость резко выросло латышское население в городах. Например, в Риге в 1920 г. латыши впервые за всю историю города составили более половины населения 55 %, почти 16 % составляли немцы 13 % евреи¹⁰. Началось активное зарождение латышской городской буржуазии. У латышей не было капиталов для быстрого восстановления Латвии. Решающую роль в экономике заняли евреи, немцы были отодвинуты на второе место, а латыши оказались в стороне. Евреи имели широкие экономические связи с Англией и Германией. Это и определило роль евреев в восстановлении хозяйства Латвии. Евреи в условиях демократии стали самой богатой и наиболее влиятельной в экономике группой населения. Латышская пресса писала: «Экономическая миссия немцев на нашей земле

⁶ Лео Дрибинс. Проблема антисемитизма в Латвии во время парламентского строя (1920-1934) Евреи в меняющемся мире IV, Рига, 2002, с.287.

⁷ Там же, с.291.

⁸ Немецкие бароны фактически 700 лет владели Латвией и даже во время российского правления сохраняли все баронские привилегии.

⁹ Голос. № 3, 1994. Рига. С. 23.

¹⁰ Латыши – 101,6 тыс. (54,9 %), немцы – 29,2 тыс. (15,8 %), евреи – 25,2 тыс. (13,6 %), русские – 12,4 тыс. (6,7 %), поляки – 8,0 тыс. (4,3 %).

окончательно перешла к евреям»¹¹. Это не могло не вызвать у латышей переноса неприязни с немцев на евреев, их заменивших. В начале 20-х годов это привело к появлению латышского бытового антисемитизма. 19 июля 1921 г. газета «Brīva Zeme» (Свободная земля) писала: «Все лучшие места для купания в Юрмале заполнены жидами». Журнал «Latvijas kareivis» (Латвийский солдат) опубликовал статью «Мы и они». В статье подчеркивалось: «они не мы, они не только чужие, они не нравятся, они нежелательны, они создают новую Палестину в Юрмале, ими полны рижские бульвары»¹².

27 июля 1921 г. журнал «Brīva Zeme» опубликовал статью «Еврейский вопрос». «Против евреев надо создать национальный фронт, в составе не только всех латвийских политических партий, все национальные меньшинства должны объединиться, чтобы избавиться от еврейского влияния и засилья»¹³. Не менее 10 газет развернули идеологический террор против евреев. Дело дошло до того, что премьер-министр Зигфрид Мееровиц в декабре 1922 г. писал: «За некоторым исключением латышская пресса культивирует фашизм и битые евреев»¹⁴.

В 1922 г. создается Латышский национальный клуб, объединявший несколько тысяч человек. В 1923 г. он издал брошюру «Почему жиды – враги Латвии?» При Латвийском национальном клубе создана секция по борьбе с еврейским влиянием. О каком влиянии идет речь? В 1924 году 60% банковского капитала Латвии находилось в руках евреев. (6 банков)¹⁵. Составляя около 5% населения, более 28% евреев было занято в промышленности, а более 48% в торговле. В 1933 г. евреям принадлежало 20,2% промышленных предприятий, 28,5% магазинов, 48,6% крупнейших торговых предприятий. В руках евреев находился экспорт лесоматериалов и нефти¹⁶. О роли евреев в

¹¹ Евреи Латвии и советская власть 1928-1953. Рига 2010, с. 14.

¹² Aivars Stranga. *Ebreji un diktatūras Baltijā (1926-1940)*. Latvijas Universitātes Jūdaikas Studiju Centrs, Rīga. 2002, l. С. 118. (19 июля 1922 журнал "Latvijas kareivis")

¹³ Aivars Stranga. *Ebreji un diktatūras Baltijā (1926-1940)*. Latvijas Universitātes Jūdaikas Studiju Centrs, Rīga. 2002, l. 117.

¹⁴ Б. Волкович. Сионистское движение в Латвии (1918-1940) Книга 1. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akademiskais apgads «Saule», 2008, с. 108.

¹⁵ Aivars Stranga. *Ebreji un diktatūras Baltijā (1926-1940)*. Latvijas Universitātes Jūdaikas Studiju Centrs, Rīga. 2002, l. 120.

¹⁶ Б. Волкович. Сионистское движение в Латвии (1918-1940) Книга 1. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akademiskais apgads «Saule», 2008, с. 91.

экономике свидетельствует статья в газете «Сегодня»: «Что означает еврейский новый год?» В ней сказано: «Обычно ежедневный доход рижской таможни составляет 10-13 млн. лат, но в течение двух дней еврейских праздников ежедневный доход падает до 3 млн. Лат»¹⁷. В 1935 г. евреи составляли 26-27 % зажиточных граждан Латвии¹⁸. На рубеже 20-30 годов средний доход, приходившийся на одного еврея, более чем в два раза превышал доход латыша¹⁹. Однако причина в том, что латыши и в 20-е и 30-е годы оставались крестьянской нацией. Две трети латышей работали в сельском хозяйстве. Латышский народ никогда ранее не сталкивался с евреями на политической и социальной почве. Всплеск антисемитизма в 20-е годы был вызван националистическими экстремистами, частью зарождающейся латышской буржуазией, чиновничества и интеллигенции, которые не были готовы к конкуренции в условиях демократии.

9 октября 1923 г. в газете «Latvis» были изложены идеи, которые появятся в немецкой прессе лишь в 1933 году. Латыши! <...> Настало время выступить открыто, смело и активно против евреев-паразитов на теле нашего народа. «Тот, кто переступит еврейский порог, является изменником своего народа! <...> Латыш может покупать только у латыша! Крестьянин! Ничего не продавай еврею! <...> Националисты всех стран! Объединяйтесь в экономическом бойкоте против евреев!»²⁰

Экономическая ситуация очень влияла на антисемитскую пропаганду. В 1924 году экономика стабилизировалась, появились тенденции роста, тотчас антисемитская пропаганда пошла на убыль. Если в 1924 году было опубликовано 32 антисемитских статьи, то в 1925 г. всего 2²¹.

¹⁷ Б. Волкович. Сионистское движение в Латвии (1918-1940) Книга 1. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgads «Saule», 2008, с.91. Газета «сегодня» 8 мая 1929 г.

¹⁸ Газ. «Сегодня» 8 мая 1929 г. Б. Волкович. Сионистское движение в Латвии (1918-1940) Книга 1. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgads «Saule», 2008, с.94.

¹⁹ Лео Дрибинс. Проблема антисемитизма в Латвии во время парламентского строя (1920-1934) Евреи в меняющемся мире IV, Рига, 2002, с.290.

²⁰ Ш.Цейтлин. Документальная история евреев Риги. Израиль 1989, с.39-41.

²¹ Б. Волкович. Сионистское движение в Латвии (1918-1940) Книга 1. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgads «Saule», 2008, с.102.

Знакомясь с антисемитской пропагандой 30-х годов, возникает вопрос: Кто у кого учился латышские антисемиты у немецких, или немецкие у латышских. Необходимо отметить, что антисемитизм в Латвии лишь вначале носил в первую очередь экономическо-социальный характер, однако позже стали появляться расовые мотивы. При этом не было политической подоплеки, обвинявшей латвийских евреев в симпатиях к коммунизму. Об этом свидетельствует то, что в 1920-1940 г. «ни один из местных евреев не был назван в качестве большевистского комиссара 1919 г., не упоминается участие евреев в красном терроре. Это важно отметить потому, что в антисемитской литературе и прессе Восточной и Центральной Европы подчеркивалось именно участие евреев в организации и управлении революционным движением, а также в коммунистическом терроре²². Наоборот, в латвийской прессе отмечалось, что евреи с восторгом встречали в Риге 22 мая 1919 г. немецкую Железную дивизию. Журнал “Tautas Vairogs” (Тавтоас Вайрогс-народный щит) в сентябре 1933 г.: «По улицам шли немцы и евреи, поздравлявшие победителей, если какой-то жид указывал, кто коммунист, то немцы стреляли без жалости... Жида только тем и занимают, что указывают, выдают для расстрела»²³.

В период мирового экономического кризиса в 1929 г. антисемитизм среди латышского и немецкого населения, особенно под воздействием нацистов в Германии, приобретает невиданный прежде массовый характер. Началась неофициальная дискриминация евреев в государственных учреждениях и армии.

В связи с этим Мордехай Дубин – депутат Латвийского Сейма (парламента) от партии «Агудат Исраэль» на заседании Сейма 28 октября 1930 года заявил: «На государственную службу евреев, как и при царизме, не принимают»²⁴.

Как следствие усиления антисемитских настроений в январе 1932 года в Латвии создается организация „Ugunskrusts” («Огненный крест»), вскоре закрытая властями, но возродившаяся в мае того же года под именем „Pērkoņkrusts” («Громовой крест»). Именно

²² Евреи Латвии и советская власть 1928-1953. Рига 2010, с. 11.

²³ Евреи Латвии и советская власть 1928-1953. Рига 2010, с. 13. приводит строки из дневника писателя Кайи

²⁴ Aivars Stranga. Ebreji Baltijā. NO ienākšanas pirmsakumiem līdz holokaustam, Riga. 2008 471.lp.

Перконкрустс стал проводником расистского варианта антисемитизма в Латвии. Перконкрустс декларировал:

1. Подрыв экономических позиций евреев
2. Освобождение латышской культуры от евреев
3. Уменьшение физических резервов евреев.

Член Перконкруста поэт Леон Брейкис писал: «Нельзя допустить, что на нашей земле все тверже закрепляются потомки вырожденков из Малой Азии. <...> Поднимем штыки и уничтожим их! ... проклятие этой земли – евреи»²⁵. Это уже прямое цитирование немецкого историка Тречке и девиза газеты «Дер Штюмер»: «*Евреи – наше несчастье*». Таким образом, оценивая идеологию Перконкруста, можно сделать вывод, «что, по крайней мере – частично, идея уничтожения евреев родилась задолго до нацистской оккупации Латвии»²⁶. Стоит только добавить, что основу печально известной расстрельной команды СД под руководством Вик-тора Арайса, которая расстреляла более 30 тыс. евреев в Латвии составляли члены Перконкруста. Антисемитские настроения были сильны в студенческих корпорациях Lettonia, Selonija. В студенческом совете Латвийского университета число и влияние перконкрустовцев постоянно росло. Дело дошло до предложения создать кафедру антисемитизма. Все эти факты имели место в парламентской Латвии. *Именно в условиях демократии, свобода, предоставленная антисемитским пропагандистам в 20-30 годы в Латвии, впрочем, как и в Германии, позволила создать организованные антисемитские группировки и внедрила антисемитизм в сознание многих граждан, которые искали ответа на вопросы: кто виноват в экономических трудностях, и что делать? Ответ на эти вопросы дали нацисты в Германии и Перконкрустовцы в Латвии. В случае, когда их действия носили уголовный характер, их наказывали за последствия этих действий. Однако их право высказывать свои идеи в условиях демократии не ставилось под сомнение. Источник возбудитель антисемитизма, как в Латвии, так и в других странах Европы не подвергался наказанию.*

После государственного переворота 15 мая 1934 г. в Латвии был распущен парламент и запрещена деятельность всех политических

²⁵ Б. Волкович. Сионистское движение в Латвии (1918-1940) Книга 1. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akademiskais apgads «Saule», 2008, с.102

²⁶ Aivars Stranga. Ebreji un diktatūras Baltijā (1926-1940). Latvijas Universitātes Jūdaikas Studiju Centrs, Rīga. 2002, l.36 Lp.

партий и организаций. Еще раньше по решению Рижского окружного суда от 30 января 1934 года, «Перконкруст» был запрещен. В июне того же года были арестованы все активисты организации. Руководитель Перконкруста Гунар Цельминыш после трех лет заключения, в 1937г. был выслан в Германию. Смешно, парадоксально и трагично то, что через четыре дня после оккупации Латвии Красной Армией 21 июня 1940 г. из тюрьмы освободили вместе со 150 коммунистами, около 100 перкон-курустовцев. Коммунистов выпустили из центральных ворот и встречали с цветами, перконкрустовцев из других ворот, однако обо всех заявили, что освобождают противников фашистского режима Ульманиса²⁷. После переворота 1934 г. в Латвии запрещена свобода печати, поэтому были закрыты все антисемитские издания, и открытая пропаганда антисемитизма почти прекратилась. Однако президент Ульманис стремился уменьшить влияние евреев в экономике. Он стремился обеспечить конкурентоспособность латышских предпринимателей, поэтому правительство ввело государственную монополию на хлеботорговлю, лишило еврейскую кооперацию государственной поддержки, ввело ограничение на получение евреями кредитов в государственных банках, национализировало часть еврейских банков, промышленных и торговых предприятий. Оставшиеся еврейские предприятия платили более высокий налог, чем латышские. Однако это было вызвано лишь экономическими интересами. Нельзя говорить о политике государственного антисемитизма. Достаточно сказать, что в 1933-1940 гг. Латвия с населением менее 2 млн. человек приняла около 5 тысяч еврейских беженцев из Германии, Австрии, Чехословакии, Польши. Многие из них избрали Латвию в качестве транзитного пункта. Однако некоторые продолжали жить в Латвии. В марте 1940 г. еще 551 беженец проживал в Риге²⁸.

Президент Ульманис стремился к мягкому решению еврейского вопроса в Латвии. Поэтому он в 1934-1940 гг. поддерживал еврейскую эмиграцию в Палестину, открыто выражал поддержку в первую очередь сионистам-ревизионистам и школам с преподаванием на иврите. Он понимал: евреи, изучающие иврит, не

²⁷ Leo Maijs. «Pērkonkrusts» bez maskas : jeb P. fenomēns un tā mūsdienīgi apoloģeti (1932-1941-1944)/ Rīga.1998, l.5.

²⁸ Странга. 2 tome Vesturnieku Komijas raksti 1992 г. Osterreichische JUDen in Lettland. Fluch – Asyl – ... Wien, 2010

собираются оставаться в Латвии. В 1938 году на латышском языке в университетском издательстве выходят даже книги о культуре евреев Палестины, *Israele Literaturas* – Литературная история израильтян²⁹. В Латвии, в отличие от Германии, еврей до 1940 г. не считался носителем коммунизма. Лишь после советской оккупации Латвии в июне 1940 г. латвийский антисемитизм включил в себя ранее чуждый для него элемент: обвинение евреев в коммунизме и поддержке советской власти. Еврей стал ассоциироваться с врагом, который оккупировал Латвию, принес репрессии и террор. Таким образом, бытовой, социальный, религиозный, политический и расовый антисемитизм слились воедино. Однако в 1940 г. в Латвии стали действовать советские законы. Советским законом антисемитизм и антисемитская пропаганда были запрещены и строго карались. *Это привело к эффекту пружины. С началом войны в 1941г. сжатая государством пружина антисемитизма распрямилась и особенно на оккупированной нацистами территории СССР ударила по евреям.* После оккупации немцами Латвии немедленно началась обработка местного населения в духе нацистской пропаганды. Именно она способствовала созданию, эксплуатации и восприятию образа еврея, особенно после июня 1940 г., как врага, который виновен во всех преступлениях советской власти. Вступление в Латвию немецких войск, трактовалось как освобождение от «жидо-большевистского ига». Описание «*Vaigais gads*» «страшного года» (период советской оккупации 1940-1941)³⁰ и особый акцент на темах кровавого террора и заговора против латышского народа, стали ключевыми моментами в системе латышской пропаганды в 1941-1945 гг. В результате был создан образ иудео-большевика, как человека, виновного в том, что происходило в Латвии, а иудео-большевизма, как враждебной всему миру теории. Это нашло отражение уже в первых номерах газеты «*Tēviņa*» (родина). Газета вышла в свет 1 июля 1941 года – в день, когда передовые части вермахта вошли в Ригу³¹.

²⁹ История евреев Риги.

³⁰ «*Vaigais gads*». Необходимо отметить, что данное обозначение периода советской оккупации 1940 – 1941 года, впервые появляется в августе 1941 года для усиления эмоционального воздействия на аудиторию. Примечательно, что и в современной политической и научной литературе данное словосочетание является востребованным.

³¹ Каспарс Зеллис. Дмитрий Олехнович. Роль антисемитской карикатуры в

В заключении, вспомним Карла Ясперса, который после разгрома Германии говорил, что опыт истории учит: демократия ежедневно должна защищать своих граждан, их честь, права, достоинство. Формальная демократия не умеющая, не желающая себя защищать уступает место другой власти. Один из видов этой защиты последовательная борьба против любых проявлений антисемитизма, любого расизма.

Аннотация.

В статье рассматривается трансформация и особенности антисемитизма в Латвии в 1920-1940 гг. До создания независимой Латвии ведущие позиции в экономике Латвии принадлежали немцам. В первые годы становления Латвийской республики решающую роль в экономике заняли евреи. Это привело к появлению латышского бытового антисемитизма, который лишь вначале носил в первую очередь экономическо-социальный характер, порой религиозный характер, однако позже усилились расовые мотивы. Пропагандистами его стали некоторые печатные издания и организации с фашисткой идеологией и расовым антисемитизмом. Бытовой, социальный, религиозный, политический и расовый антисемитизм слились воедино. Это способствовало созданию и восприятию, особенно после июня 1940 г., образа еврея-врага, который виновен во всех преступлениях советской власти, от которого необходимо спасти Латвию. Таким образом активное участие местных коллаборационистов в уничтожении евреев имело прочную основу и было подготовлено годами довоенной пропаганды.

пропаганде в оккупированной нацистами Латвии (газета “Tēvija”, 1941–1945 гг.) Проблеми історії Голокосту. Випуск № 3, 2006. Дніпропетровськ. «Пороги»с.8.

Shoshin Sergey Vladimirovich
Associate Professor, Ph.D.,
assistant professor Department of
criminal law, environmental law and
Criminology Faculty of Law
of the Saratov State University

Шошин Сергей Владимирович,
доцент, к.ю.н., доцент кафедры
уголовного, экологического права и
криминологии
юридического факультета
Федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н.Г.
Чернышевского»

**PERSPECTIVES OF USAGE INNOVATIVE
TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES
IN EDUCATION IN MEMORIALIZATION
OF THE HOLOCAUST VICTIMS
IN THE ASPECT OF GLOBALIZATION**

**ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ИННОВАЦИОННЫХ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ
УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ХОЛОКОСТА В
АСПЕКТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Длительное время существовавшая на территории стран бывшего СССР традиция разделения мест мемориальной фиксации скорби на частные и публичные, о чем указывает, в частности, А.Черкасски,¹ и сегодня, иногда, оказывается реальностью на пост-советском пространстве. В условиях современного активного развития

телекоммуникационных технологий становится возможным привлечь внимание весьма многочисленных групп населения к подобным мемориалам. Особое значение здесь надлежит отметить за памятными местами, свидетельствующими о преступлениях, связанных с событиями Холокоста.

Не все жители пост-социалистических государств имеют возможность лично и непосредственно посетить такие места скорби подобных, весьма многочисленных жертв. Границы, визовые и пограничные формальности, имущественные (материальные, финансовые) проблемы, свойственные некоторым – препятствуют подобному посещению исторических мемориальных сооружений (мест).

С использованием современных технологий телекоммуникации, доступных с применением всемирной сети Интернет, любой пользователь, где бы он не находился, какой бы имущественной группе представителем не был, может увидеть те информационные материалы самой широкой направленности, которые становятся доступными для него в данной сети. Качественно произведенные фотографические снимки, изготовленные методом круговой панорамы, дают практически полное представление об изображенном объекте. Многие технические средства фотографирования, имеющиеся в современных условиях в распоряжении фотографов (и видео-операторов), позволяют, при надлежащем уровне профессионального мастерства (квалификации) получать такие снимки. При наличии желания специалистами относительно легко делаются и панорамная съемка по горизонтали и вертикали (3D фотосъемка в двух плоскостях).

Имеющиеся возможности систем телекоммуникаций, предоставляемые при реализации части возможностей всемирной сети Интернет, позволяют получить доступ к подобной информации в любое время и в любом (практически) месте мира, где имеется доступ к таким сетям телекоммуникации. К таким ресурсам имеют доступ не только лица, способные свободно перемещаться в пространстве без каких-либо ограничений, но и лица, находящиеся в болезненном или ином состоянии здоровья, при котором они фактически лишены такой возможности свободного перемещения в пространстве.

К потенциально возможному размещенному в сети Интернет фотографическому изображению мемориала памяти жертвам

Холокоста, на бескорыстной основе станет возможным осуществить доступ практически любому пользователю данной сети. Также и видео, снятое на подобных объектах, опубликованное таким же образом, сможет привлечь внимание значительного числа пользователей. Несомненным будет являться репутационный эффект от такого результата формирования исторической памяти данного информационного процесса. Сложно допустить отрицание в последующем факта существования явления, события, отображенного на таких носителях информации. Каких-либо значительных материальных затрат для реализации такого проекта – не требуется.

Можно назвать некоторые имеющиеся наглядные примеры активного применения широкого потенциала наукоемких технологий в процессе увековечения памяти о Холокосте. В частности, Еврейский Музей в Вене (Jewish Museum Vienna) и Общество Шамир (Латвия). В обоих случаях на пространстве всемирной сети Интернет имеются и поддерживаются в исправном состоянии сайты, информирующие о планах, выставках и иных мероприятиях и их итогах, реализованных данными структурами. Имеются соответствующие страницы, созданные и актуализированные в социальной сети Фейсбук. На рекламных (презентационных) материалах, выпущенных, в частности, Еврейским Музеем в Вене, среди контактных данных Музея указаны и адреса электронной почты, и номера телефонов. Заслуживает одобрения и практика информирования туристов, посещающих город Вену, и проживающих, в частности, в гостиницах, в центре города, посредством размещения в фойе отелей рекламных (информационных) проспектов Еврейского Музея в Вене. Тем самым, исторические проблемы, которые довелось испытать, в частности, жителям столицы Австрии еврейской национальности, становятся более доступными для восприятия туристами, прибывшими в указанный город. Личный опыт автора, находившегося в городе Вене с туристическими целями, наглядно это иллюстрировал.

Сформировавшиеся в образовательной сфере технологии вполне можно использовать для доведения до самой широкой аудитории информации, касающейся мемориальной памяти о преступлениях, связанных с Холокостом. Таким актуальным явлением вполне может явиться организация и проведение летних школ, к участию в которых целесообразно привлечение студенческой

молодежи всего мира. В зависимости от возможности привлечения внешнего финансирования, подобные школы вполне могут быть как финансированы за счет самих участников, так и – из фондов различных спонсоров.

Актуальным можно считать и разработку специализированных тем, связанных с историческими, правовыми, моральными и т.д. аспектами тематики исследований явления Холокоста, и постановку таких тем перед выпускниками высших учебных заведений. Результатом вполне могут стать выпускные квалификационные работы (исследования), выступления на конференциях, иных мероприятиях и т.п. работы. При наличии возможности – оптимальным явлением могли бы стать гранты, выделение которых могло бы положительно воспринято научными работниками различных государств.

Примером качественно поставленной деятельности по позитивному использованию инновационных современных технологий по рассмотрению тематики, связанной с явлением Холокоста, вполне могли бы стать (возможно, в будущем) такие высшие учебные заведения, как, например: Еврейский Университет в Москве, Международный еврейский институт экономики, финансов и права (г. Москва) и Международный экономико-гуманитарный институт «Махон Хамеш» (г. Москва). В данной плоскости имеется еще значительное пространство, в котором возможно реализовать самые смелые и инновационные предложения по применению наукоемких технологий при привлечении внимания (как минимум, молодежи) к вопросам, касающимся исторического проявления Холокоста. Процесс получения обучающимися в столь неординарных учебных заведениях системы российского высшего образования способен только выиграть от подобной практики обогащения учебных и образовательных материалов. Все возникающие при этом вопросы, связанные с потребностью в надлежащем кадровом (и информационном) обеспечении подобных социальных позитивных процессов, легко и в кратчайший срок могут быть конструктивно разрешены в условиях современной жизни (как минимум, на уровне города Москвы). Даже на провинциальном уровне подобные аспекты легко могут быть надлежащим образом урегулированы. При наличии к тому потребности кадровые вопросы легко разрешаются с применением телекоммуникационных технологий. Конференцсвязь, доступная даже в весьма отдаленных местах Земли, практически

бесплатно, в режиме реального времени позволяет обеспечить таким обучающимся лицам доступ к самой актуальной и востребованной для них информации. Возможно, помощь здесь может оказать и Иешива «Торат Хаим» (г. Москва).

Востребованным оказывается и преподавание проблематики, обусловленной Холокостом, в средних учебных заведениях (школах, лицеях, гимназиях). Имеются и опубликованные свидетельства позитивности такой практики педагогической деятельности³. Логически последовательным может стать и продолжение подобной педагогической практики и по отношению к обучающимся в средних профессиональных и средних специальных учебных заведениях (колледжах и т.д.). При этом рекомендуется учесть и серьезное замечание, высказанное Алентьевой Т.В., отмечающей, что без анализа причинно-следственных связей, осуществленного на комплексном серьезном уровне не получится хорошо изучить историю³.

Тематика, связанная с изучением Холокоста, не должна хаотично располагаться в учебном плане, используемом в соответствующем учебном (образовательном) учреждении. Все, что оказывается связанным с подобной темой, вполне достойно серьезного и пристального планирования и надлежащего размещения в структуре учебного плана.

Сегодня актуальными становятся и аспекты противодействию непубличному техническому ограничению доступа в сети интернет к ресурсам, содержащим информацию о памяти жертв Холокоста. Здесь имеется значительное пространство для активизации и сугубо технологической стороны информационной составляющей. Например, по состоянию на сегодняшний день, доступ с использованием браузера Гугл (как минимум, с точек доступа, расположенных в городе Саратове), ограничен к сайту Общества Шамир. Выдается информация о наличии опасности при переходе на данный сайт для компьютера. Хотя, справедливости ради, и допускается попытка перехода на указанный выше сайт, как отмечено: «На свой страх и риск». При повторной попытке перехода на этот сайт появляется иная информация: «обнаружено вредоносное программное обеспечение». При этом продолжение доступа к данному сайту с использованием браузера гугл в таких условиях становится технически невозможным. С иными браузерами, например, «Мазила» и другими подобных недоразумений, к счастью,

отмечено не было. Изложенное свидетельствует об актуальности и повышения показателей технической (как минимум) подготовки к использованию достижений научной мысли при увековечении памяти жертв Холокоста. Факт наличия технического (минимум) противодействия такой работе свидетельствует о наличии противников этой социально полезной деятельности. Возможно, что привлечение внимания общественности сможет оказать помощь и в преодолении и данного аспекта проблемы. В принципе, не стоит сбрасывать со счетов и потенциально возможную актуальность политологического анализа подобного социального проявления. Исторические анализы явления социальной действительности, по нашему мнению, должны стать свободными от не вызванных необходимостью технических ограничений. Тем более, учитывая, что органами власти и управления не было установлено в РФ ограничений на доступ к указанному ресурсу.

(Endnotes)

- 1 См.: А.Черкасски. Место увековечения памяти евреям, уничтоженным во время Второй мировой войны в советском мемориальном ландшафте// История и историки в контексте времени.- Сочи: Научный издательский дом «Исследователь», 2012. №9. – С.с. 30-35; <http://elibrary.ru/item.asp?id=18799889> (режим доступа – свободный, дата обращения – 05.05.2015 г.).
- 2 См., например: Г.Н.Васильев, Т.А.Розова. Тема Холокоста в работе псковской общеобразовательной школы-интерната// Научный потенциал. 2011. №11. – С. 6-7; <http://elibrary.ru/download/36059243.pdf> (режим доступа – свободный, дата обращения – 18.06.2016 г.).
- 3 См.: Алентьева Т.В. Проблемы исторического образования в России// Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2013. №2 (261).- С. 76;

Sigalov Mikhail

Docent, fellow of SPC “Holocaust”

Сигалов Михаил Романович,

доцент, член НПЦ «Холокост»

**FAMILY ARCHIVE AS THE BASE FOR
MUSEUM EXHIBITION ABOUT THE
HISTORY OF FATES OF THE JEW DURING
THE WWII AND HOLOCAUST.
COLLECTION OF FAMILY
SIGALOV-KOLPACHKI**

**СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ – БАЗА ЭКСПОЗИЦИИ ПО
ИСТОРИИ СУДЕБ ЕВРЕЕВ В ГОДЫ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ХОЛОКОСТА. НА ПРИМЕРЕ
СЕМЬИ СИГАЛОВЫХ-КОЛПАКЧИ
(АРХИВ НПЦ «ХОЛОКОСТ»)**

Вчера Л. А. Терушкин в своем докладе упомянул о том, что письма войны не могут оставить равнодушными потомков тех, кто писал и кому были адресованы эти письма. Я как раз и являюсь тем самым потомком, в семье которого были найдены такие письма. Они были адресованы моей маме – Марии Колпакчи от ее друзей, родных, однокурсников по Ленинградскому мединституту, где она училась до войны. Они обнаружили, когда ее уже не стало. Я прожил с ней 67 лет, но не предполагал, что у нее 7 десятилетий хранились эти письма. Их оказалось 75. Я принес их в Центр «Холокост» заведующему архивом

Л.А. Терушкину, с которым началось сотрудничество по изучению и научному использованию этих писем. Их расшифровкой занялся наш коллега Дмитрий Алексеев, блестяще с этим справившийся, которому я безмерно благодарен. Образовался архив нашей семьи в НПЦ «Холокост». Плодом нашего сотрудничества в данное время является подготовка книги, посвященной письмам к маме в полевой госпиталь, где она работала операционной медсестрой, спасая раненых бойцов.

Многие писавшие эти письма погибли в дни войны: либо на полях сражений, либо в концлагерях, поскольку в ее институтском кругу – так уж получилось – преобладали еврейские юноши. Погиб и ее родной брат – Ефим Михайлович Колпакчи, с институтской скамьи направленный заместителем начальника госпиталя, попавший в окружение.

О чем эти письма? Поскольку они адресованы любимой подруге их юности, в них очень силен чувственный пласт – причем чувства очень нежные, тонкие, трепетные, можно даже сказать любовные, но они зачастую прикрыты самоиронией их авторов и юмором. Ребята совсем не собирались умирать. Вот характерные строчки: «У меня стал весьма щегольской вид. В городе патрули документов отнюдь не проверяют у меня, а с уважением приветствуют. А мне бы хотелось потрястись где-нибудь вблизи фронта. Ведь все мои друзья за эту войну исколесили тысячи км. А я циркулирую из Лесного в Коломяги и обратно». И еще: «Мои письма последнее время ужасно тупые. Даже странно как их тебе не надоело читать» и т.д. Это, так сказать, основной пронзительный психологический срез писем. Но есть еще и своеобразная социология писем – с размышлением о времени, о себе, о среде, прочитываемом в бытовых подробностях, живых картинках в контексте событий. Здесь проступает и ответственность с заботой о близких, с которыми разлучила война. Этот социальный пласт волнующих текстов пронизывает вера в победу над фашизмом. Можно сказать, что это без малого и выразительные философские откровения, трогательные признания в сокровенных чаяниях и надеждах, ценностях жизни, ставшими последними голосами их авторов.

Наконец, в письмах присутствует и незаурядный культурологический срез, раскрывающий завидную образованность авторов, широту их интересов, между тем выросших в обычных интеллигентных ленинградских семьях. Тут и там обращения

к произведениям искусства, кинофильмам, спектаклям, литературе, прежде всего, поэзии, что свидетельствует, несмотря на все тяготы военного лихолетья, о приподнятом романтическом настрое, несломленности духа, о преданности идеалам юности, оказавшейся такой короткой для наших героев.

Приведу несколько строчек из известного стихотворения Константина Симонова, посвященные Валентине Серовой, но переадресованные светлomu образу моей мамы – Марии Михайловне Колпакчи и прилетевшие к ней в госпиталь на крыльях юношеской любви от Иосифа Цейтлина в разгар войны 3.10.1943 г.

Я, верно, был упрямей всех
Не слушал клеветы
И не считал по пальцам тех,
Кто звал тебя на «ты».

Я девочкой тебя не звал
Не рвал с тобой цветы
В твоих глазах я не искал
Девичьей чистоты.

Я не жалел, что ты во сне
Годами не ждала
Что ты не девочкой ко мне,
А женщиной пришла.

И встречусь я в твоих глазах
Не с детской пустотой,
А с женской, в горе и страстях
Рожденной чистотой.

Не с чистотой закрытых глаз
Неведением детей,
А с чистотою женских ласк,
Бессонницей ночей...

Будь хоть бедой в моей судьбе,
Но кто нас ни судил,
Я сам пожизненно к тебе

Себя приговорил.

Очень хотелось, чтобы с помощью подготавливаемой книги и других источников информации как можно больше людей познакомились с этими письмами. Они, несомненно, могут поддержать в трудные минуты и сегодня помочь нам выстоять и не сломаться. Недаром сюжеты с такими письмами так востребованы и в современном искусстве. Недавно, накануне Дня Победы, был показан силами молодых артистов даже балет «Письма с фронта», где со сцены звучали подлинные письма фронтовиков, а их тексты были развешаны в фойе. (В Московском детском музыкальном театре имени Н. Сац). Этот материал может быть также задействован в образовательных программах для школьников и студентов, связанных с темой войны и Холокоста, в различных просветительских начинаниях. Будет также продолжено осмысление этих неординарных текстов с целью музеефикации и научной систематизации.

Со временем внутри семьи я превращаюсь из потомка в предка, обрастая внуками. Надеюсь, что когда будет готова книга, мои дети и внуки первыми прочтут эти письма.

М. Сигалов

Dr. Ilya Tarasov

Professor of the I. Kant University
of Kaliningrad (*Russia*)

Илья Тарасов

д.и.н., профессор Балтийского
Федерального
университета им. И.Канта (Россия)

**“RIGHT-WING RADICALISM AND
XENOPHOBIC FACTORS OF SOCIAL
PRACTICES IN HUNGARY AND SLOVAKIA:
A COMPARATIVE ANALYSIS”**

**ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ И ФАКТОРЫ
КСЕНОФОБСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК
В ВЕНГРИИ И СЛОВАКИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Тарасов Илья Николаевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политики, социальных технологий и массовых коммуникаций, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Опираясь на сопоставление экспертных заключений и результаты собственного мониторинга установлено, что в Венгрии и Словакии на протяжении 2010-2015 гг. усиливается дискриминация цыган, евреев, гомосексуалов и других меньшинств, беженцев, а также бедных и бездомных. Число совершаемых в стране преступлений на почве ненависти снижается незначительно. Отмечается рост ксенофобских настроений в обществе, активизируются праворадикальные и экстремистские группировки. Одновременно, следует указать на жесто-

чение уголовного законодательства после всплеска насилия на почве ненависти в 2008-2009 годах. Ксенофобские практики ныне в большей степени «переместились» в Интернет-пространство.

Объектом исследования являются праворадикальные организации Венгрии и Словакии. В качестве предмета нами определено влияние правых радикалов на формирование ксенофобских практик в венгерском обществе.

Наша цель заключается в определении наиболее существенных факторов, стимулирующих ксенофобию в Венгрии и Словакии.

Для этого средствами факторного и ивент-анализа, вторичного изучения социологических данных и экспертных оценок нами определены основные направления и формы деятельности правых радикалов; установлена степень лояльности национального законодательства к правому радикализму и ксенофобии; определено значение социально-экономической динамики развития Венгрии и Словакии для воспроизводства ксенофобских практик; выяснено отношение правящей элиты к правому радикализму; установлены некоторые специфические характеристики правоохранительной и судебной практики противодействия правому экстремизму; охарактеризовано отношение общества к проблемам ксенофобии и правому радикализму.

Предварительно мы предприняли попытку типологизировать праворадикальные организации и выяснить их электоральные характеристики.

Для осуществления типологии нами были выдвинуты три критерия: а) деятельность, отраженная в сообщениях общенациональных СМИ в период 2010-2015 гг.; б) отношение к закону; в) организационно-правовая форма (в отношении легальных организаций) / характер структурно-политической иерархии. В рамках данной типологии были условно объединены радикальные¹ и экстремистские² организации. Результаты типологизации представлены в приложениях 1 и 2.

Организации первых трех категорий являются общенациональными, при этом только политическим партиям доступно легальное самодеятельное участие в избирательном процессе. В таблице 1. представлены электоральные показатели Венгерской партии справедливости и жизни (МІЕР) и партии «За лучшую Венгрию» (Jobbik) на вы-

¹ Радикализм – теория и практика применения решительных мер по коренному социальному преобразованию.

² Экстремизм – приверженность крайним взглядам, методам действий.

борах в Государственное собрание Венгрии, в таблице 2 – результаты Словацкой национальной партии (СНП) и Народной партии «Наша Словакия» (НПНС).

Таблица 1. Электоральные показатели праворадикальных партий на выборах в Государственное собрание Венгерской республики (% голосов в пропорциональном сегменте избирательной системы)

	1990	1994	1998	2002	2006	2010	2014
МЕР		1.6	5.5	4.4	2.2*	0.03	0.04*
Jobbik					2.2*	16.7	20.3

* – в составе избирательной коалиции

Источник данных: <http://psephos.adam-carr.net>

Электоральная карта показывает, что «Йоббик» пользуется значительной поддержкой у избирателей, проживающих в средне-населенных городах (30-70 тыс. чел.) северо-восточной части страны (Дьён-деш, Эгер, Хатван, Гёдёллэ, Ясберень, Монор и др.).

Таблица 2. Электоральные показатели праворадикальных партий на выборах в Национальный совет Словацкой республики (% голосов в пропорциональном сегменте избирательной системы)

	1992	1994	1998	2002	2006	2010	2012	2016
СНП	7,93	5,4	9,07	3,3	11,73	5,07	4,55	8,64
НПНС				3,7*		1,33	1,56	8,04

* – в составе избирательной коалиции

Источник данных: <http://psephos.adam-carr.net>

Правые радикалы в посткоммунистической Венгрии завоевали симпатии сельских жителей, вытеснив на обочину политической жизни Независимую партию мелких хозяев (НПМХ). На парламентских выборах 1990 г. НПМХ получила 11,4% голосов, а в 2014 – 0,2%. Это произошло за счет «перехвата» патриотической риторики в решении аграрных проблем (приватизация кооперативной собственности, продажа земель иностранцам и проч.). В Словакии подобного замещения не было, напротив, националистический электорат эволюционно перешел от Словацкой национальной партии (СНП) к Народной партии «Наша Словакия» (НПНС). Социологи отмечают,

что электорат правых радикалов молод – от 18 до 34 лет (в когорте от 35 до 49 число приверженцев идеологии «Йоббик» примерно в два раза меньше, чем среди молодежи, в когорте старше 50 лет – в четыре раза). Учитывая возрастную структуру венгерского общества, мультипликативный эффект электоральной волатильности при сохранении нынешней институциональной организации политической системы абсолютный суммарный электорат «Йоббик» может достигать 42,3%, а «ядерный» не менее 6,8%. Аналогичные исчисления в отношении ПННС свидетельствуют о том, что электоральное «ядро» вполне сопоставимо с показателями «Йоббик».

Основные направления и формы деятельности правых радикалов в настоящий момент не связаны с преступлениями против личности на почве ненависти. Праворадикальные движения в двух странах временно отказались от экстремистских акций, те же, которые попытались сохранить свою организационную самостоятельность были илlegalизованы («Венгерская гвардия», «Самооборона (гражданская гвардия) за лучшее будущее», Словацкое национальное единство и др.). Для лидеров «Йоббик», СНП и НПНС важной является деятельность в рамках парламентского мандата (от встреч с избирателями, до законодательных инициатив), что для других радикалов недоступно.

Весьма активна пропаганда националистических и неонацистских взглядов в Интернете. Например «Йоббик» имеет целый ряд своих собственных ресурсов: <http://kuruc.info>, <http://alfahir.hu>, <http://hazai-palya.hu>, <http://demokrata.hu>, <http://hunhir.info>, <http://www.szentkoronaradio.com>, <http://kitartas.mozgalom.org> [5]. Почти каждая группировка располагает своим представительством в Сети. Однако, распространение диффамационных материалов в социальных сетях в Венгрии редко.

Негативные изменения в социально-экономической сфере вызвали в 2014–2015 гг. волну протестов, организованную, в основном, леволиберальной оппозицией. Примечательно, что в столицах и крупных городах националистические группы также принимали участие в протестах, но не были их заявителями или организаторами. В качестве организаторов или заявителей шествий и демонстраций правые радикалы чаще выступают в связи с днями памяти исторических событий (15 марта – день начала Венгерской революции (1848), 15 октября – день начала нацистской оккупации (1944), 23 октября – день начала Венгерского восстания (1956) и др.). Акции правых радикалов,

как правило, сопровождаются ксенофобскими лозунгами («Венгрия – для венгров!», «Жида, вон из Венгрии!», «Цыгане грабят Венгрию!» и др.) и экспрессивными действиями (сожжение флага государства Израиль, плевок в еврея, «римское приветствие» и проч.) [4, с. 446]. Подобные проявления ксенофобии зафиксированы и в Словакии в ходе мониторинга.

Насилие в отношении меньшинств часто принимает форму вандализма в отношении кладбищ/монументов (34 случая в 2012 г., 60 – в 2013 г. в Венгрии), а также сопряжено с размещением ксенофобских граффити (свастика, перечеркнутая «звезда Давида» и проч. в Словакии).

Патрулирование правыми радикалами и экстремистами цыганских кварталов – относительно новое явление для Венгрии с весьма сомнительной эффективностью для их организаторов. Едва ли не первая из подобных акций в городке Дьёндьёшпата в апреле 2011 г. завершилась столкновениями, привела к возбуждению уголовного дела, и, как итог – к запрету «Гражданской гвардии за лучшее будущее». Венгерское правосудие рассматривает подобные акции как посягательство на функцию государства по охране общественного порядка. Такая практика не было зафиксирована в Словакии за последние 5 лет.

Традиционной формой активности экстремистов является проведение различных музыкальных фестивалей (например, «Венгерский Сигет»), а также поощрение музыкальных коллективов соответствующего идеологического направления [6, с. 159]. К этой же форме деятельности примыкает организация спортивных клубов, соревнований на локальном уровне, а также некоммерческое распространение символики и различных атрибутов партий, движений, организаций и группировок. «Футбольные демонстрации» случаются крайне редко в виду жесткого полицейского контроля.

Национальное законодательство Венгрии и Словакии не лояльно к правому радикализму и ксенофобии, но имеет некоторые специфические черты. Прежде всего, речь идет о новой Конституции Венгрии, которая вступила в силу 1 января 2012 года. В ст. 15 конституции говорится о «запрете дискриминации по расовому, половому, религиозному, политическому признаку, а также по цвету кожи, языку, социальному происхождению, имущественному положению и т. д.». Вместе с тем, конституция носит националистический оттенок.

Она защищает права человека и признает права меньшинств, однако четко ставит защиту интересов венгерской нации на первое место. Национальные меньшинства представлены в конституции как граждане, «проживающие вместе с венгерской нацией».

Значение социально-экономической динамики развития Венгрии и Словакии для воспроизводства ксенофобских практик оценивается экспертами неоднозначно. Мировой финансовый кризис 2008 г. оказал существенное негативное воздействие на экономику Венгрии. После обвала ВВП в 2009 г. (-6.8%) венгерская экономика демонстрирует неуверенный рост (3.6% в 2014 г.). За последние 4 года уровень безработицы понизился на 2.5%. На 3.3% в 2014 г. выросли реальные доходы населения. Н. Муйжниец в своем докладе для Совета Европы определенно указывает, что рост бедности в регионах Венгрии ослабляет демократические стандарты [7, с. 34]. По данным независимого института Athena Institute значительная часть (36%) преступлений на почве ненависти совершалась в Будапеште, население которого испытывает на себе негативные последствия экономического спада гораздо меньше, чем провинция [3, с. 12]. Большинство исследователей не склонны напрямую связывать проявления ксенофобии с последствиями экономического кризиса. В значительной мере на такие проявления влияет контекст местной ситуации в регионах. Социологи отмечают, что праворадикальные взгляды в Венгрии популярны в моноэкономичных локациях (депрессивные аграрные районы и малые деиндустриализированные города). Немаловажными оказываются внешнеэкономические обстоятельства. «В странах «полупериферии» неонацистские настроения стимулируются экономическим и социальным неравноправием со странами «ядра» и финансовой зависимостью от них» [1, с. 72]. К числу таких стран внутренней периферии ЕС, безусловно, относится Венгрия. Доля Венгрии в экономике ЕС – 0.72%, а показатель ВВП на душу населения по отношению к среднему по Евросоюзу составляет 75.7% (2013) и в абсолютных цифрах сопоставим с показателем России.

В Словакии ситуация менее драматична. По некоторым показателям социально-экономического развития Словакия опережает Венгрию. Словакия не только значительно лучше справляется с кризисом, но с 1 января 2009 г. вошла в зону евро, выполнив все условия Маастрихтского договора [8, 40]. На улицах венгерских городов появилось много автомобилей со словацкими регистрационными зна-

ками, поскольку словацкое налоговое законодательство оказалось более прозрачным многие венгры перенесли или самое малое перерегистрировали свои фирмы в юрисдикции Словакии.

Правящая политическая элита Венгрии подспудно благовоит правому радикализму и, одновременно, остерегается его. С 2010 г. премьер-министром Венгрии является Виктор Орбан, чья партия «Венгерский гражданский союз» («Фидес» – Fidesz) имеет 2/3 голосов в парламенте. Пришедшие к власти политики решили сконцентрироваться в первую очередь на возрождении национальной идеи. Общеполитической установкой правительства В. Орбана является «исправление международного имиджа Венгрии». «Правительство отвергает все формы проявлений, наносящих ущерб человеческому достоинству», – заявил в апреле 2012 г., выступая в парламенте, В. Орбан. Построение нелиберальной демократии в Венгрии предусматривает в т.ч. установление контроля над «патриотическими» силами со стороны Фидес и их последующую консолидацию, исключающую несанкционированную мобилизацию в сфере этноконфессиональных отношений. В Словакии правящая политическая элита явно и однозначно демонстрирует свое негативное отношение к правому радикализму.

Одна из проблем заключается в том, что правительства Венгрии и Словакии не отслеживают систематически случаи насилия на почве ненависти. Возникает подозрение в манипулировании статистическими данными. *Можно проследить условную связь между интенсивностью политических заявлений политиков, направленных против той или иной религиозной или этнической группы и ростом ксенофобии в обществе, направленной против этой же группы.* Чиновничество если не поощряет, то, по меньшей мере, попустительствует функционированию различных неонацистских групп, которые маскируют собственную деятельность организацией спортивных или культурно-просветительских акций. Возникает ситуация раздвоенности поведения, когда строгость и даже репрессивность закона нивелируется безразличием и политическим манипулированием.

Своя специфика обнаруживается в правоохранительной и судебной практиках противодействия правому экстремизму. После цыганских погромов в 2008-2009 гг. на востоке и юге Венгрии властями и институтами гражданского общества была проделана большая работа по ужесточению ответственности за преступления на почве ненависти. В 2009-2013 гг. прошли судебные процессы над участниками погромов.

Вместе с тем, имеются серьезные недостатки в применении законов, когда речь идет о преступлениях на почве ненависти. Речь идет о подмене квалификации преступлений на почве ненависти преступлениями на бытовой почве, о высокой степени латентности этих преступлений из-за недоверия жертв к полиции, из-за отказа правоохранительных органов возбуждать такие дела, а также из-за отсутствия статистики, которая позволяла бы судить о масштабах такой преступности. Именно поэтому эксперты затрудняются назвать точное число преступлений на этой почве в стране. Полиция, прокуратура и судебные чиновники неохотно идут на признание ксенофобской мотивации в качестве отягчающего обстоятельства при совершении преступлений: она явным образом отсутствует в Уголовном кодексе, признается лишь базовая мотивация. Эти проблемы свойственны и венгерскому, и словацкому случаям.

Отношение общества к правому радикализму нетерпимо в случаях преступного поведения, но лояльно к его идеологемам. Венгерское общество в основном проявляет почти полное безразличие к вопросам ксенофобии, расовой и национальной дискриминации за исключением оппозиционных правозащитных организаций и этнических сообществ. В национальном опросе 100 Global ADL 41% респондентов по 6 из 11 пунктов выразили ксенофобские суждения [2]. В Венгрии мужчины (55%) привержены ксенофобии больше, чем женщины (28%). В возрастном отношении это наиболее характерно для молодых венгров (18-34 года). Наиболее неприязненно к чужакам относятся сторонники «Йоббик» (75%), далее следуют сторонники Фидес (33%) и Венгерской социалистической партии (31%). То есть, ксенофобские настроения свойственны определенной части венгерского общества вне зависимости от партийно-политических предпочтений. Официальные опросы общественного мнения показали, что уровень «неприязни» к иностранцам и представителям национальных меньшинств, проживающим постоянно в стране, увеличился. Самой «нелюбимой» группой меньшинств являются цыгане (по шкале от 1 до 9, отношение к цыганам оценивается на 4). География нападения на цыган показывает, что большинство их совершается на севере и северо-востоке Венгрии. И именно там количество людей, поддерживающих ультраправые партии, гораздо выше. В Словакии экстремистская география иная и она не знает четкой «привязки» к активности ультраправых группировок за исключением Баньско-Бистрицкого края.

Наше заключение состоит в том, что деятельность праворадикальных и экстремистских организаций оказывает влияние на формирование ксенофобских социальных практик в Венгрии и Словакии, обусловленное рядом факторов. Нами было выделено пять групп факторов, которые могут стимулировать ксенофобию: «исторические», институциональные, социально-экономические, правовые и политические. «Исторические» факторы наименее детерминируют ксенофобские социальные практики. Наиболее сильное влияние оказывают политические факторы, далее следуют социально-экономические и правовые факторы. К факторам, имеющим определяющее значение, мы отнесли открытую пропаганду националистических идей, конституционный приоритет интересов этнического большинства в Венгрии и в Словакии, парламентский статус партии «За лучшую Венгрию», Словацкой национальной партии и Народной партии «Наша Словакия», попустительство деятельности правых радикалов со стороны правящей элиты, судов и полиции. Кроме того, существенным фактором, который может быть отнесен к числу социально-экономических является профессиональная фрустрация провинциальной молодежи.

Приложение 1. Типы праворадикальных организаций, действовавших наиболее активно в 2010-2015 гг.

п/п	наименование	год основания	лидеры	профиль	Информационный ресурс
I. Политические партии					
1	Венгерская партия справедливости и жизни	1993	Чурка Иштван (1934-2012), Фенивесси Золтан (р. 1949)	Правоконсервативная партия интеллигенции. В 1998-2002 – парламентская.	www.miep.hu (не функционирует с 2014 г.)
2	За лучшую Венгрию (Йоббик)	2003	Ковач Давид (р. 1976) до 2006, Вона (Зазривец) Габор (р. 1978) с 2006	Возникла на базе молодежной организации МИЕР. Националистическая радикальная. С 2010 – парламентская.	www.jobbik.hu www.jobbik.com

II. Общественные движения					
3	Движение Pax Hungarica (Венгерский национальный фронт)	1989 2008 – регистрация	Дьёркёш Иштван, Домокос Эндре Янош (р. 1975)	Праворадикальная организация возникла как неонацистская группировка в г. Дьёр. Легализовалась в 2008 году.	http://www.jovonk.info/ http://paxhungarica.org http://kitartas.net/
4	Молодежное движение «64х округов»	2001	Торочкаи (Тот) Ласло (р. 1978), Задьва Гьёрги Дьюла (р. 1976)	Праворадикальная организация. Позиционирует себя как историко-культурная ассоциация сторонников «Великой Венгрии»	http://www.hvim.hu/
5	Движение «Венгерская гвардия»	2007-2009	Вона (Зазривец) Габор (р. 1978)	Военизированное крыло Йообик. Создание ВГ вызвало в 2008 г. раскол в партии. Деятельность прекращена решением суда.	http://ujmagyargardamozgalom.com/
6	Движение «Венгерский Феникс»	2010	Тибор Бибер Йожеф (р. 1961), Борош Иштван	Праворадикальное движение, возникшее из числа «умеренных» членов Венгерской гвардии	http://www.magyarfonix.hu/
7	Движение «Самооборона за лучшее будущее» (Ассоциация «Гражданская гвардия за лучшее будущее»)	2010-2014	Атилла Ласло, Варна Петер	Праворадикальное движение анти-цыганской направленности. С 2011 г. деятельность была блокирована прокуратурой. С 2014 г. функционирует как неформальная группа «Движение венгерской самообороны»	www.magyaronedelmimozgalom.com

“RIGHT-WING RADICALISM AND XENOPHOBIC FACTORS OF SOCIAL PRACTICES IN HUNGARY AND SLOVAKIA: A COMPARATIVE ANALYSIS”

III. Неформальные группировки					
8	Кровь и честь	1995	Торочкаи (Тот) Ласло (р. 1978), Тьириятян Жолт (р. 1983)	Отделение общевропейской неонацистской группировки	http://c18hungary.blogspot.ru/
9	Национальная самооборона	2007	Хорват Адам	Экстремистская группировка, действующая в Будапеште и на северо-востоке Венгрии	http://nemzetionvedelem.hu/
10	Пиратская армия	2008	Торочкаи (Тот) Ласло (р. 1978)	Сеть региональных неонацистских групп	http://betvarsereg.hu/
11	Венгерская национальная гвардия	2009	Кесерю Дьюла	Экстремистская организация членов запрещенной «Венгерской гвардии»	http://www.gardamozgalom.org/
IV. Группы футбольных псевдо-болельщиков, региональные политически несвязанные группы					
Организация болельщиков ФК «Ференцварош» и проч. Спортивно-патриотические организации за сохранение традиций					

Приложение 2. Типы праворадикальных организаций Словакии, действовавших наиболее активно в 2010-2015 гг.

п/п	наименование	год основания	лидеры	профиль	Информационный ресурс
I. Политические партии					
1	Словацкая национальная партия	1990	Витязослав Мориц (р. 1946), 1990-1991 Йозеф Прокеш (р. 1950), 1991-1992 Людовит Чернак (р. 1951), 1992-1994 Ян Слога (р. 1953), 1994-1999, 2003-2012 Анна Белоусова (Маликова) (р. 1959), 1999-2003 Андрей Данко (р. 1974), с 2012	После смены руководства в 1999 г. и расколов 2001 и 2011-2012 гг. в партии поделило умеренное направление, что привело к отказу от политического радикализма и поддержки экстремистов.	http://www.sns.sk/

1a	Настоящая Словацкая национальная партия	2001-2003	Ян Слота (р. 1953)	Праворадикальная партия сторонников Я. Слоты. В 2003 г. воссоединилась с СНП.	
2	Партия венгерской общины	1998	Бела Бугар (р. 1958), 1998-2007 Пал Чаки (р. 1956), 2007-2010 Йозеф Береньи (р. 1967), с 2010	До 2012 г. Партия венгерской коалиции. В 1998-2010 гг. – парламентская партия, в 1998-2006 гг. – в составе правительственной коалиции. В 2007-2009 гг. в партии произошел раскол по вопросу о методах достижения автономии словацких венгров и степени их независимости от официального Будапешта. Умеренные во главе с Б. Бугаром образовали новую партию «Мост». С этого времени ПВК/ПВО все больше скатывалась к националистическому радикализму. Позиции партии сильны только в приграничных с Венгрией районах. На местном уровне нередко образуются блоки венгерских партий. После выборов 2016 г. отчуждение венгерских партий усилилось в связи с вхождением партии «Мост» в правящую коалицию вместе с СНП.	www.mkp.sk

“RIGHT-WING RADICALISM AND XENOPHOBIC FACTORS OF SOCIAL PRACTICES IN HUNGARY AND SLOVAKIA: A COMPARATIVE ANALYSIS”

3	Народная партия «Наша Словакия»	2000	Мартин Белуски (р. 1988) Марьян Котлеба (р. 1977)	До 2009 г. Партия друзей вина, в 2009-2010 – Народная партий социальной солидарности. В 2008 г. состоялся «захват» партии неонацистами в условиях иллегализации «Словацкого братства». В 2016 г. партия получила 8% голосов и 14 мест в парламенте.	www.naseslovensko.net
4	Нация и справедливость – наша партия	2011	Анна Белоусова (Маликова) (р. 1959)	Правая националистическая партия умеренного толка, образовалась в ходе раскола СНП.	http://www.nas.sk/
5	Путь – Партия патриотов и профессионалов	2013	Владимир Гюртлер (р. 1972)	До 2015 г. партия «Семеро смелых». Региональная партия, действующая в Кошицком крае. Имеет выраженную расистскую идеологию. В 2015 г. получила общенациональную регистрацию, но не смогла выдвинуть своих кандидатов.	http://strana-cesta.sk/
II. Общественные движения					
6	Словацкое национальное единство / Христианская национальная партия	1991	Станислав Панис (р. 1950), Мирослав Шунял (р. 1972) Ян Слота (р. 1953), с 2014	Сотрудничала с СНП, НСНП затем с НПНС.	http://www.narod.sk/snj

7	Национальная партия «Словацкое братство»	1995	Марьян Котлеба (р. 1977), 2003-2007 Иван Сикора, с 2007	В 2005-2006 гг. действовала как политическая партий. В 2006 г. суд отменил регистрацию партии. В 2008-2009 гг. находилась на нелегальном положении. Ныне действует в формате общественной организации.	https://pospolitost.wordpress.com/
8	Новая свободная Словакия	2000	Петер Басала, Радован Новотны	Организация действует в Прешевском крае.	http://nss.sk/
9	Союз словацкой молодежи	2002	Славомир Янчок	Организация проводит панславянские идеи.	http://www.slovenskamladez.org/
10	Словацкое движение возрождения	2004	Роберт Швец (р. 1976)	Штаб-квартира расположена в г. Нитра. На международном уровне со Словацком движением возрождения сотрудничает Русский народный собор.	http://www.sho.sk

III. Неформальные группировки

11	Словацкий национальный фронт	1993		Возникла в Трнэве. В политической деятельности ориентируется на НПС и «Словацкое братство». Имеет явную антикоммунистическую и антивенгерскую направленность.	https://www.facebook.com/Slovenský-Národný-Front
----	------------------------------	------	--	---	---

“RIGHT-WING RADICALISM AND XENOPHOBIC FACTORS OF SOCIAL PRACTICES IN HUNGARY AND SLOVAKIA: A COMPARATIVE ANALYSIS”

12a	Slovakia Hammer Skins	1995	Ян Пахлопник	Национальное отделение международной неонацистской организации. Позиционируется как закрытая элитная группа, направляющая действия скинхедов. Издавало журнал «Белая победа».	
12б	Blood & Honour Division Slovakia	1994	Роберт Подставек	Национальное отделение международной неонацистской организации. Функционируют отделения в Братиславе, Петержалке, Прешове, Кошице. Издавало журналы «1939», «Белая мысль». Занимается организацией концертов.	
12в	Combat 18	1995		Группа, ассоциированная с B&H Division Slovakia. Действует в Баньско-Бистрицком крае.	
13	Словацкий рассвет	1995		Возникла в Баньской Штявнице. Движение антицыганской направленности. В настоящее время не ведет активной деятельности.	

14	Нагорный венгерский фронт	1999?	Тамаш Пёрсёк Аттила Мехес Ян Стехлик	Неформальная организация неонацистов, образовавшаяся из числа болельщиков клуба «FC DAC 1904» в г. Дунайска-Стреда. Поддерживает связь с «Движением 64-х округов» в Венгрии.	
15	Национальное сопротивление Словакии	2005		Группировка возникла в Нитре. Активной деятельности не ведет.	
16	Автономные националисты	2007		Неструктурированная общность националистов, присоединяющаяся к акциям более организованных групп.	
17	Группа действия «Бунт Кисуц / Словакии»	2011	Марьян Магат	Молодежное крыло НПНС.	http://vzdorslovensko.sk/
18	Словацкие рекруты	2012	Петер Шврчек (р. 1996), Филип Разга (р. 1980)	Военизированная организация. Действует в нескольких регионах страны. Есть свидетельства о том, что член организации Мартин «Сойка» Кепрта (р. 1989) воевал на стороне ДНР в 2015 году.	www.slovenski-branci.sk
IV. Группы футбольных псевдо-болельщиков, региональные политически несвязанные группы					
Организация болельщиков ФК «Слован» (Братислава), «Спартак» (Трнава), «Кошице», «Нитра» и проч. Спортивно-патриотические организации					

Список литературы:

- Пьяных Е.П. Современный нацизм в аспекте глобализации // Вестник Уральского госу-дарственного университета путей сообщения. 2015. № 3(27).
- 100 Global Anti-Defamation League. Available at: <http://global100.adl.org/#country/hungary> (Accessed: 20.11.2015)
- A neo-Nazi party initiative in Hungary. Paris: Athena Institute, 2014.
- Kovacs A. Antisemitic Prejudice and Political Antisemitism in Present-Day Hungary. Journal for the Study of Antisemitism. 2012. № 4.
- Loved and hated. Commonalities and Differences between the Slovak and Hungarian Far Right. Editors: Sergej Danilov, Tomáš Nociar. Bratislava: Inštitút pre medzikultúrny dialóg, 2012.
- Mudde C. Racist extremism in Central and Eastern Europe. East European Politics and Societies. 2005. № 19(2).
- Report by Nils Muižnieks, commissioner for human rights of the Council of Europe following his visit to Hungary from 1 to 4 July 2014. The commissioner – commDH(2014)21.
- Тарасов И.Н. Институциональное развитие посткоммунистических политических систем стран Центрально-Восточной Европы: сравнительный анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук / Российский экономический университет им. Г.В Плеханова. – Саратов, 2009.

Leonid Terushkin
SPC "Holocaust"

Л. А. Терушкин
НПЦ «ХОЛОКОСТ»

“I AM THE ONLY WITNESS WHO SURVIVED.” FRAGMENTS FROM THE FAMILY CORRESPONDENCE

«Я ЕДИНСТВЕННЫЙ ЖИВОЙ СВИДЕТЕЛЬ...». ФРАГМЕНТЫ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ

Последние 20 лет Российский Научно-просветительный Центр «Холокост» целенаправленно занимается поиском, изучением и использованием (прежде всего в издательских и образовательных проектах) писем и дневников евреев СССР периода Второй Мировой войны и Холокоста.

Выпуск Сборников писем и дневников в 2007- 2013 гг. помимо введения в научный оборот множества уникальных документов из семейных архивов способствовал заметному «пробуждению интереса» обычных людей, причем разных национальностей, из разных государств, к их семейной истории, изучению и восстановлению биографий родственников. Причем на фоне масштабных и трагических событий 30-40-х годов 20 века.

«Уважаемый Леонид Абрамович! Я узнала, что Вы собираете письма, описывающие войну. Я хочу написать Вам о своих родителях...»- с такими словами в Архив НПЦ «Холокост» обратилась москвичка Алла Львовна Губерниева.

А. Л. Губерниева предоставила нам семейную переписку и дополнила ее воспоминаниями – своими и родителей. Родители А. Губернцевой- мать Галина Абелевна Шпринц (1920-2006) и отец Лев Борисович Лундин (1919-2006) учились в Минске в параллельных классах и дружили со школы. Создали семью в конце Великой Отечественной войны.

В январе 1945 года, Л. Лундин получил письмо от Елены Рубенчик, которая сообщила ему об участии его родителей- узников Минского гетто.

«Здравствуйтесь, здравствуйтесь, уважаемый Лева!

Да, я действительно единственный живой свидетель многих трагедий, а в частности, трагедии Ваших близких. Как ни тяжела истина, но я Вам ее сообщу, ибо такова была воля погибших.

Итак, наша квартира осталась в районе так называемого гетто, и Ваши родители жили у нас. С ними жила также Ваша тетя, сестра матери, не помню ее имя, но она сильно хромала. Я ушла из гетто 1 мая 1942 года, пережив 3 погрома. Вам, вероятно, не понятны эти слова, но их значение я растолкую Вам когда-нибудь при встрече.

Помню, 2 марта 1942 года немцы бушевали в гетто, насытившись кровью, они устроили тризну на площади, шампанское и вина лились рекой, яства не поддаются описанию. За 4 дня до этого у Вашего отца начался тиф. С температурой 40° он в тот же день поднялся с постели и ушел в так называемый еврейский комитет, думая, что там будет безопаснее. Но, увы! Нигде не было спасения. Там он был захвачен с еще тысячами людей и должен был погибнуть. Мы все дома сидели в подzemелье, выкопанном нами под полом дома, слышали, что наверху немцы громят квартиру. Через час узнали, что из комитета все погибли, считали погибшим и Вашего отца. Но он явился неожиданно домой, вырвался от немцев. Потом он слег, перенесенное потрясение, предшествовавшее ему истощение организма и невероятные моральные переживания, болезнь – все это окончательно подорвало силы, и через 4 дня он скончался на моих руках.

Мы с ним все время были в дружбе, он по своей работе имел возможность материально помогать партизанам и подпольщикам, а я была связной. Мы видели весь смысл жизни только в том, чтобы чем-нибудь напакостить немцу-кровопивцу. Длинными зимними вечерами мы подолгу мечтали о том, до чего я все-таки дожила, а он нет. Да! То, что он умер своей смертью, считалось тогда великим счастьем,

Ваша мать рыдала и благодарила Бога за это. Мы похоронили его как человека, и я теперь знаю, где его могила.

Через 2 месяца я ушла в свет из гетто, оставила еще всех в живых. У нас еще жила семья Розенбергов, которые связаны с Вами родственными узами, у них были еще 2 дочки: Фаня и Ривочка, еще жила сестра Лизы – Элька с семьей. Вы, очевидно, их знаете. Моя мать погибла в августе 1943 года, она при встречах мне все время говорила, что все еще живы. Поэтому я склонна думать, что мать и тетя погибли тогда же, их постигла ужасная участь, они были задушены в машине-душегубке, а тела сожжены в нескольких километрах от Минска – в деревне Тростинец. Брата Вашего не было в гетто, часто родители говорили о сынах – и всегда об обоих, значит, брат может где-то есть. Я удивляюсь, почему Вы не знаете о нем. Отец часто просил, (он знал, что я собираюсь удрать из гетто), что если я доживу, разыскать Вас и брата и рассказать обо всем, он был чудный человек и умница. Вот, Лева, все, что можно написать, может быть, я в марте месяце буду ехать в Ленинград на постоянное место жительства, обязательно буду в Москве, если будет возможность, встретимся, и я Вам расскажу подробнее.

Лева! Извините великодушно, но Вы, кажется, живете с Галей Шпринц. Со мной занимается Маля Жилина, она много мне рассказывала о мытарствах Гали, я читала некоторые письма, которые по горечи и трудностям так близки мне. Сердечный ей привет также от Мали, мы были едва знакомы, но теперь каждый даже малознакомый минчанин стал дорогим другом и человеком. Занимается ли она в аспирантуре?

Пока, всего хорошего... Пожелаю всех благ. С приветом Елена Рубенчик».

Судьбу автора письма мы сейчас стараемся проследить совместно с нашими коллегами из Музея истории и культуры евреев Беларуси в Минске.

Родители Льва Лундина сели в поезд, увозивший людей из Минска на восток, но отец обнаружил в кармане пиджака ключи от склада, которым заведовал. Решив, что склад не смогут открыть без ключей, они сошли с поезда и пришли домой. А дальше ждала неминуемая гибель в гетто.

Тогда Боруху (Борису) Абрамовичу. Лундину удалось вырваться из толпы, которую немцы уничтожили, благодаря одному знакомому,

который был в еврейской полиции и выхватил его из толпы в сторону. После этого он смог вернуться к жене. В гетто Б. Лундин заведовал вещевым складом и через Лену Рубенчик передавал одежду партизанам.

Люди, живущие с родителями в гетто, которых описывает Лена Рубенчик, не знакомы Л. Лундину, кроме хромой тети Эйдли.

У Гали Шпринц родители тоже погибли в гетто, вернее, отец, сводный братик Феликс, которому тогда было 8 лет и мачеха Стерна.

У Гали Шпринц ближайшей подругой была Соня Идельсон, они вместе готовились к урокам. После школы Соня училась в медицинском институте. Она была феноменально способной. У нее уже были научные труды, ее очень хвалил профессор-руководитель, М. Голуб. Он пророчил ей большое будущее в хирургии. На второй день войны, 23 июня, Галя встретила Сою, которая успела выбраться из западной Белоруссии, где проходила практику. Они обсудили большие очереди в сберкассы и расстались. Во время войны гитлеровцы бросали раненых военнопленных в общежитие, находившееся на территории Политехнического института в Минске. Несмотря на ужасные условия, это место фашисты называли лазаретом. В этом госпитале работала Соня, приходя на работу из гетто. Были там и другие врачи из гетто. Соня приносила многие медикаменты с собой, так как ее отец работал провизором в аптеке на улице Островского и накануне оккупации спрятал лекарства. Поправлявшихся раненых подпольная организация госпиталя переправляла к партизанам. Работали врачи под присмотром немцев, так что нужна была большая осторожность. Немцы схватили очередного выздоровевшего при переходе, и вскрылась подпольная работа патриотов. Весь медицинский персонал был повешен, а госпиталь уничтожен. Это произошло в октябре 1941 года, Соне было тогда 22 года. Все ее семья, родители и младший брат погибли в гетто, а старшие братья - на фронтах в рядах Красной Армии.

Галя Шпринц ночевала вторую военную ночь у подруги по институту Симы Самойловны Шустерман-Добролюбовой, которая вышла замуж за москвича Глеба Добролюбова. Дальнейшее ясно из их переписки. С. Добролюбова сохранила эти письма, привезла их из эвакуации, из Казахстана. Сейчас они хранятся у ее дочери в Москве.

В этой переписке 1942-1944 гг. упоминаются многие общие минские знакомые, друзья, родственники с совершенно разными судьбами, разбросанные войной по всей территории СССР. Их судьбы тес-

но переплелись, сохранились их фотографии в семейном альбоме А. Губерниевой.

Эта переписка – уникальное свидетельство первых военных дней и жизни в эвакуации.

«12 августа 1942 года.

Сима, родная, мой бесценный потерянный, и вновь обретенный друг!

Где найти слова волнующей нежности, которые могли бы передать всю гамму чувств, которые охватили меня при получении твоего письма. За этот чудовищный год я пережила столько, сколько иным не придется пережить за всю жизнь. И, тем не менее, глаза мои оставались сухими и ясными, ибо все то, что принято называть человеческими чувствами, у меня превратилось в ледяной комок. Да, за эти долгие недели и месяцы я почти ни разу не плакала, но когда взгляд мой упал на строчки знакомого почерка, я разразилась такими рыданиями, которые облегчают душу и кристаллизуют наши чувства. Помнишь, у тебя были выписки о таких очистительных слезах?

[...] Я постараюсь быть последовательной, и хотя бы вкратце передать тебе свои злоключения.

Последнее, что сохранилось у меня в памяти – это ты, стоящая несколько расставив ноги, а затем толчок, твое падение вместе с полом, мои висящие оторванные пальцы правой руки (большой и указательный), текущая кровь, рушившиеся стены, звон битого стекла и звуки летящих снарядов. Когда я опомнилась после потрясения, то увидела себя, сидящей на диванчике в столовой, закрыла глаза и ждала смерти. Даже помню, как вслух сказала: «Это конец», а в голове пронеслось «и как нелепо». Но так как смерть не пришла, я решила спастись. Единственно сохранившейся комнатой оказалась спальня. Я бросилась туда, схватила с кровати наволочку, завернула свою окровавленную руку и решила прыгать с балкона. Потом решила, что убьюсь, и вернулась в столовую. Там все изменилось до неузнаваемости. Единственное отверстие, через которое можно было спастись, это отверстие в полу. Внизу раздавались отчаянные крики, стоны, мужские голоса, но, сколько я ни просила помочь мне сойти, никто не обратил на меня внимания. Тогда я решила прыгать в отверстие. Я сейчас не понимаю, как я уцелела от этого прыжка. Так или иначе, я очутилась внизу, по пути потеряла босоножки. И вот, в одних носках,

без сумки (она осталась вместе с пальцами), я очутилась во дворе и затем побежала в дом напротив, где в скором времени меня на машине отправили во 2-ю советскую больницу.

Там мне ампутировали 2 пальца, а затем я дала о себе знать домой. Ко мне приходил Петя (*первый муж Г. Шпринц, отец ее сына Валерия-Л.Т.*), но ни меня, ни его ко мне не пропустили. В больнице я пробыла до 11 часов вечера. Кругом уже все горело, по-страшному кричали сумасшедшие. Оставаться дольше в больнице было безумием и я, накинув на себя белый мед. халат, босиком, в одной рубашке под халатом и байковым одеялом на плечах пошла по направлению к центру. Однако зайти домой я не могла, а т.к. все люди шли за город, как они говорили «переночевать в лесу», я пошла по течению. Но больше в Минск я уже не вернулась. Шла я по Могилевскому шоссе км 50, а затем меня подобрала машина минского обкома партии и довезла до Могилева, где меня спустили в ночь на 26-е на одной из отдаленных улиц. Представь, дорогая, мое положение. Ночью одна в незнакомом городе, без денег, документов, полуодетая, растерянная, да ко всему еще и раненая. Я кое-как добралась до облисполкома, а назавтра утром села в один из эшелонов, формировавшихся на станции. Не все ли равно, куда ехать? Через неделю я уже была в Турках – большом районном селе. В одном эшелоне со мной ехала Фира Фридман, но в Турках она прожила недолго и уехала с братом в Челябинск. Теперь она находится в Куйбышевской области, куда недавно переехала к матери и сестре. В Турках я прожила 1,5 месяца. Что это был за месяц! Я зверски голодала, ибо работать не могла из-за руки, а единственно, чем мне помогали – это ежедневно выдавали немного похлебки. Ходила как нищенка, только значительно позже мне выдали летнее платье и сандалии. Ни о ком я ничего не знала. Беспокойство за Петю и папу точило, как червь. Я была одинока и беспомощна без правой руки. Даже причесаться самостоятельно было трудно. Не было лекарств, нужных для руки. Но именно мой всепобеждающий оптимизм помог мне, а особая воля к жизни не дала погибнуть. Много унижений пришлось терпеть от тех людей, на которых я бы в Минске плюнуть слюны пожалела. С большим трудом, наконец, (ведь документов у меня не было) я получила место учительницы в Первомайском совхозе, где работаю и по сей день. Наш совхоз расположен в 45 км от района в довольно живописном месте. Это небольшой поселок из 30-40 домиков, глушь сермяжная и люди и обычаи достойны пера Салтыкова-Щедрина.

Школа маленькая, неудобная, ко времени моего приезда только впервые открылся 5 класс, а до этого школа была начальная. Пришлось вести русский язык и литературу, ботанику, немецкий язык, пение, физкультуру. Чисто случайно Рива Шейнкман, которая находится в Саратове вместе со всей своей семьей, узнала обо мне и прислала письмо. Затем стали приходить письма от Кати, Сали Сегальчика, Фиры Фридман, Брони Курцер и от др.; мне прислали несколько посылок и деньги. Кое-как я встала на ноги. Рива мне сообщила, что в Красных Рочицах Меер встретил Петю, который меня искал по всему лесу, а затем вернулся в Минск. Катя же 1 июля встретила Петю в Могилеве. Он прошел пешком путь от Минска до Могилева, был с несколькими товарищами и всюду упрашивал военкомат, чтобы его взяли добровольцем в армию. Знаю еще со слов Кати, что Петя собирался ехать на Украину. Больше мне ничего не удалось узнать о нем, хотя я десятки писем посылала в отдел персональных потерь, в переселенческие управления всех республик.

О папе я совершенно ничего не знаю, даже не знаю, успел ли он уйти из Минска. Дедушкин адрес у меня выпал из памяти, да все равно, ведь Симферополь у немцев. Дорогая Симочка! Ты поймешь мою большую трагедию. Мы так мало виделись с Петей и так жаждали быть вместе. Мы так любили друг друга и расстались, еще не вкусив всего счастья этой любви. Я хочу верить, что если мой любимый жив, мы еще встретимся. Но, увы! Надежда эта очень призрачна.

Наступила осень, а затем зима. Уже лежал глубокий снег, а я все ходила в сандалиях и стареньком чужом осеннем пальто. Только значительно позже мне удалось приобрести зимнее пальто, платок и нечто похожее на стеганные бурочки. В школе работа шла у меня успешно, несмотря на пережитое и беременность, чувствовала себя хорошо. И откуда брались силы!

9 января 1942 года у меня родился сын. Назвала его Валерием. Родился он на сундуке, без белья, без какой-либо медпомощи. Роды были благополучными, если не считать одного разрыва. Уже на третий день я сползла с моего сундука и делала все, что нужно. Первые дни рождения Валерия были, пожалуй, самыми тяжелыми за этот год. Я страдала не столько физически, сколько морально.

[...] Трудно мне было первое время. Пеленок только 3, нет буквально ничего, в квартире 5° по С, согревала сына своим дыханием. Приходилось ходить в 40 градусные морозы за 4-5 км и по колено в

снегу собирать корни от подсолнуха, а затем их тащить на своих плечах домой. Корни подсолнуха служили топкой.

Губительная зима, невозможность купать (я купала 1 раз в месяц, а то и того нет), прочие неблагоприятные условия сыграли свою роковую роль. У Валерия развился рахит. Ручки и ножки невероятно худы, а животик солидный. Я обращалась к хорошим врачам в Саратове, где недавно побывала, и меня успокоили, что со временем это пройдет, но бесконечно обидно, что мой сынок мог быть прекрасным ребенком, а весь этот ужас сделал его болезненным. Несмотря ни на что, мне кажется, что в мире не может быть лучше моего сына. Симочка! Если бы ты видала, какое у него сознательное личико! Жаль, что я не могу прислать тебе его фотографию, ибо ни в Турках, ни в Саратове не фотографируют из-за отсутствия материала. Тебя, наверное, интересует, как я одна справляюсь с ребенком? У нас в совхозе есть очень приличные ясли, куда я ношу Валерия почти с первого дня его рождения. Иного выхода у меня нет, ибо я должна зарабатывать на кусок хлеба для себя и ребенка. Зимой ясли не работали из-за отсутствия топлива, и я в 40 градусные морозы таскала Валерия с собой в школу, оставляя на время уроков у уборщицы. Тяжело быть кругом одной! Я так измучилась, милая Сима, я соскучилась по слову сочувствия, по простой человеческой ласке, по теплomu взгляду друга.

В июле месяце я вместе с Валерием поехала в Саратов к Риве. Мы находимся на расстоянии 350 км от Саратова, чтобы туда доехать, надо сделать 3 пересадки, но я так соскучилась по родным лицам, что рискнула одна, с грудным ребенком двинуться в путь. Много было трудностей в пути, но все же я достигла Саратова. Риву о своем приезде я не предупредила, и можешь представить ее радость и изумление при моем появлении. Немного о Риве. Помнишь, мы всегда говорили, что Рива – счастливая. Я лишний раз убедилась в этом. Меер не в армии. Он вместе с Ривой, работает инженером на заводе зуборезных станков. Вместе с Ривой живет ее мама, которая изменилась до неузнаваемости, Беба и Даша. Леня, Дашин муж, был убит еще в Минске, на заводе «Ударник». Дочь у Ривы уже большая. Ходит, кое-что говорит. Это вылитый Меер, очень подвижная девчушка.

[...] В Саратове пробыла 10 дней и уехала так скоро из-за начавшихся полетов немецких самолетов. Рива уговаривала меня остаться вообще, но я наотрез отказалась. В Саратове очень трудно прожить

из-за баснословной дороговизны. Я ни в чем не завидую Риве, ибо от мужа она не видит помощи, а все сама и сама. Но мне было больно, когда Меер брал свою дочь на руки и осыпал поцелуями. Мой сын лишен отцовской ласки.

Броня Курцер долгое время жила в Саратовской области, в Терновском районе, работала (о, ирония судьбы!) инструктором физкультуры. Но уже месяца три, как она переехала к маме и сестре, которые находятся в Сталинградской обл. Ее адрес: Сталинградская область, Нехаевский район, Краснопольский с/с, колхоз «Красный партизан» Курцер Б.Е.

Еще есть интересные новости. Бургомистром Минска был назначен проф. Гаусман, теперь его расстреляли партизаны.

Ксендзов (*дядя Льва Лундина- Л. Т.*) находится все время в армии, является терапевтом армии и представлен к правительственной награде. Семья его в Горьком. О Ляле ничего не знаю. Но Рива предполагает, что она осталась в Минске и что ей там неплохо. О Соне Идельсон знаю только, что она на легковой машине выехала из Белостока. Дальше следы теряются. Братья ее в Ташкенте, в ремесленном училище. О матери, отце и младшем братике ничего не знаю.

Родная Сима! Жду от тебя самого подробного письма. Напиши, где работаешь, как живешь, знаешь ли ты что-либо о Глебе, маме, минских, московских и ленинградских родных? Я хочу обо всем знать.

Скоро я должна получить немного денег, тогда тебе немедленно вышлю.

Посылаю тебе мою фотокарточку, но она плохая, здесь фотографировать тоже не умеют. Постарайся прислать свою. Крепись, дружок! При первой возможности мы соединимся и будем радости и горести делить пополам.

Целую тебя крепко несчетно раз. Твоя Галя.»

«1 сентября 1942 года

Здравствуй, милая Симочка!

Письмо твое я получила. Я бесконечно счастлива, что вновь обрела тебя, моего самого близкого друга и задушевную подругу. Ты всегда была мне близка, но теперь, в суровую и страшную годину, нет для меня человека роднее тебя. Я иначе и не считаю, что где-то в далеком Казахстане живет моя родная сестра, с которой я, несомненно, буду вместе. Я бы написала тебе еще много нежных слов, но на бумаге все

выглядит несколько бесчувственно, так что оставляю свои нежности до нашей встречи.

Симочка, родная! Как мне хочется быть вместе с тобой! Сколько накопилось горя, горечи, дум и мечтаний, о которых хочется с тобой поделиться. Но в ближайшее время нам вряд ли удастся соединиться. Хотя фронт проходит не так далеко от Саратова, оснований эвакуироваться пока нет. Но при первой необходимости приму все необходимые меры, чтобы пробраться к тебе.. [...]

У меня есть приятные новости: получила телеграмму от Володи Гальперина после девятимесячного молчания. «Жив, здоров, адрес сообщу. Как здоровье твое и Валерия?». Итак, еще один воскресший из мертвых!

Случайно я узнала, что Владимир Иванович Шевченко находится в Казани. Собирается вновь создать БГУ. Если хочешь, могу узнать его подробный адрес.

[...] У меня особых новостей нет. Еще месяц буду с учениками ходить на работу в поле. С 1 октября начнутся занятия в школе. Нагрузка у меня будет большая: 32 часа в неделю. Хорошо, если ясли будут работать все время, иначе мне придется плохо. Валерий растет и становится все более забавным».

«24 октября 1942 года Родная Симочка!

Денежный перевод твой на 100 рублей получила. Меня до слез тронула твоя забота о судьбе моего маленького мальчика. И если он еще не в состоянии выразить чувства благодарности, то за него это сделаю я. Сказать трафаретное слово «спасибо» – это ничто. Мне хотелось быть вместе с тобой, крепко расцеловать тебя, обнять, почувствовать физически твою близость. Но нас разделяют тысячи километров – расстояние, которое охлаждает даже самые душевные и горячие письма.

Когда-нибудь, когда мой Валерий будет большим, я расскажу ему о тех тетях и дядях, которые своей лаской и заботой скрашивали горечь отсутствия отцовской заботы и ласки. Что тебе сообщить о себе? Иногда бываю бодр и весела, но гораздо чаще мой пресловутый оптимизм мне изменяет.

За последнее время у меня было особенно угнетенное состояние. Работаю я много, 26 часов в неделю, ибо только мой заработок может обеспечить средства для существования меня и сына. Валерий

же совершенно заброшен. В 7 часов утра отношу его в ясли, забираю в 7 часов вечера. Когда же у меня есть 6-ые уроки, его даже некому из яслей забрать. Только сегодня нашла девочку, которая будет его забирать из яслей. Рахит у него сильнейший, но витаминов (его спасение) я нигде не могу достать. (9 октября Валерию исполнилось 9 месяцев, но он выглядит трехмесячным ребенком, и я серьезно опасаясь за его жизнь). Единственным средством спасти его, является хороший уход, требующий домработницы. Но я по многим причинам не могу ее содержать. Если Валерий вытянет – это будет большое счастье. Я с ужасом думаю о возможности еще одной утраты, которую я, наверное, не перенесу.

В школе я занята почти ежедневно 5-6 часов. Веду русский язык в 6-7 кл, немецкий в 5-6-7 кл. В области моей работы могу похвалиться успехами. Но бытовые условия препятствуют еще большим результатам.

От Ривы недавно получила письмо. Из Саратова она уехала в Алтайский край, в город Славгород.

Сердечный привет тебе от Володи. Он, как и все мы, страшно рад, что ты дала о себе знать. Находится он в 1-2 километрах от линии фронта, настроение бодрое.

Где сейчас Глеб? Как здоровье его мамы? Как твоя работа? О чем думаешь? Хочу все знать. Пиши почаще и поподробней.

Целую тебя крепко, милая моя Симушечка, большой и незаменимый друг.

Твоя Галя.»

5 декабря 1942 года

Родная моя Симочка!

Письмо твое получила несколько дней тому назад, но отвечаю только сегодня, ибо все это время не имела просто физической возможности тебе написать. Как бы мне хотелось сейчас вместо вот этих жалких блокнотных листков, так слабо отражающих глубину моих истинных чувств, сидеть с тобой рядом, плотно взявшись за руки, и говорить, говорить бесконечно долго, говорить горячо и вдохновенно обо всем: вспоминать дорогое и милое сердцу прошлое, передать горечь настоящего и помечтать о будущем, которое, несомненно, принесет нам еще немало радостей.

Да, родная. Я тоже мечтаю о том, чтобы нам с тобою как-нибудь

съехаться. Но до лета об этом думать нельзя. Из документов у меня есть только справка, заменяющая мне паспорт.

[...] Все собираюсь написать еще раз. Выехать из своего района я, конечно, при желании, смогу. Я все чаще думаю о том, чтобы выбраться из этой сермяжной глуши, в которую я попала. За последнее время у меня сложились такие неблагоприятные бытовые условия, что надо делать большое усилие над собой, чтобы заставить себя жить, работать и даже иногда радоваться. Ясли из-за отсутствия топлива работают крайне нерегулярно, а за последнее время они больше не работают, чем работают. Валерия мне приходится таскать за собой в школу. Я его усаживаю на кровать уборщицы, даю в руки корочку хлеба и ухожу на уроки. Но у меня ежедневно 4-5 уроков, и моему малышу не под силу высидеть столько времени одному. Я уже не говорю о тех трудностях, которые у меня возникают при подготовке уроков, когда Валерий у меня дома.

Но все это только одно из звеньев цепи неприятностей. До сего времени я обедала в совхозной столовой. Обеды ниже всякой критики, но все же горячие. Достаточно тебе сказать, что один раз весь обед мне обошелся 27 копеек. Но за последнее время из-за отсутствия топлива перестала работать столовая. У меня нет никакой посуды, и даже пустую картошку не в чем сварить. Так что частенько ходишь голодная целый день, если не считать те 400 грамм хлеба, которые я получаю, и которые, естественно, ни капельки не удовлетворяют чувства голода. В довершение всех несчастий я даже за большие деньги не могу достать для Валерия стакана молока, хотя у всех местных жителей есть коровы. Они просто не хотят продавать.

Ты спрашиваешь, чем я прикармливаю Валерия. Он у меня ест пустую картошку в мундире и хлебный мякиш. Как не печально, но больше ничего ему я дать не могу. В квартире у меня холодно, средняя температура 10-11° С, купаю его редко. Все это вместе взятое приводит к тому, что у Валерия все больше развивается рахит, ему уже 11 месяцев, но у него нет ни одного зуба, он не говорит и не ходит. И, несмотря на все это, он премиленький мальчуган. Худенький, бледненький, но с необычайно выразительным и живым личиком. Особенно замечательны его глаза. В основном они такие же, как у Пети, но еще с какими-то неуловимыми моими оттенками. Я уверена, что ты бы тоже обратила внимание на личико Валерия. Оно удивительно осмысленное и не гармонирует с его общим видом – немощным и

бледным. Мне почему-то кажется, что если Валерию будет суждено перенести все эти ужасные невзгоды, которые выпали на его долю, он будет незаурядным ребенком. Может быть, это просто мечта, порождаемая гордостью матери, а может быть... кто его знает. Может быть, я окажусь правой. Вечером мы ложимся спать, как только темнеет, ибо горячего совершенно нет. Какие могут быть разговоры о духовной жизни. Просто существуешь и надеешься на лучшее. Вот где мне пригодился мой оптимизм! И, несмотря на все эти нечеловеческие условия плюс полнейшее одиночество и незажившие раны от утраты дорогих людей, я не теряю надежду на лучшее и твердо верю, что в нашей личной жизни еще могут сверкнуть лучи счастья.

Образы прошлого во мне живы до физической ощутимости.

[...]Пиши, Симочка, подробно о себе. Как живешь, как работаешь? Посылаю тебе лапку Валерия, чтобы ты имела представление о размерах моего наследника.

Целую тебя крепко-крепко. Твоя Галя.

Вот какая ручка у Валерия. Только вышла она неудачно, ибо у меня сын-непоседа и никак не заставишь его удержать руку, чтобы срисовать. Еще раз целую, Галя.»

«17 марта 1943 г

Симочка, родная!

Письмо твое и открытку получила. Долго от тебя не было весточки, хотелось так знать, что с тобой, но у меня сложились такие неприятные обстоятельства, что никак не могла собраться с силами и написать тебе хоть пару строчек. Я пережила кошмарные 3 месяца, оставивших в душе моей неизгладимый след. Представь себе квартиру сырую, без элементарных удобств. Печь неимоверно дымит, топится, как говорят, по-черному. Температура утром, когда просыпаюсь, 4° С. Ни помыться, ни раздеться, к тому же постоянное беспокойство за Валерия. Долго ли ему простудиться и заболеть при такой температуре. Пришлось уйти временно из дома и жить у соседей. Можешь себе представить, с какими неудобствами это сопряжено. Валерия кормить абсолютно нечем. Единственное, чем я располагаю – это картошка и черный хлеб в очень ограниченном количестве. Молоко достать трудно даже за большие деньги. Просто здесь такие черствые люди, что они скорее отдадут пол-литра молока своей кошке, чем продадут для ребенка. Я не буду удивлена, если из моего Валерия ра-

зовьется физический урод. Мыслимо ли кормить годовалого ребенка одной пустой картошкой и черным хлебом? Результат налицо. Хотя ему исполнился год и 2 месяца, он еще и не думает ходить (ты бы видела его ножки-спичечки), говорит всего несколько слов, не имеет ни одного зуба. Темечко у него, как у новорожденного. Я уже тысячи раз проклинала тот день, когда мой маленький сынок родился на муки и горе. В довершение всех бед ясли не работают, и я ежедневно таскаю его за собой в школу. Конечно, это приводит к частым простудам. Вот и сегодня я с ним сижу дома, так как он ужасно кашляет и хрипит. Моя дорогая Симушечка! Разве я могу передать тебе в письме всю боль моего наболевшего сердца, всю горечь матери, которая видит беспредельные страдания своего ребенка, но, увы, не может ничем помочь. До боли обидно мне за моего сыночка, который родился хорошим, нормальным ребенком и которого обстоятельства превратили в жалкое рахитичное создание с тоненькими ручками и ножками и огромным животом. Ему нужны витамины, усиленное питание, хороший уход. В общем, все то, что я дать ему сейчас не могу. Доктор меня успокаивает, говорит, что все пройдет, и он будет прекрасным мальчуганом. Но когда это будет, и будет ли. Да и я сама совсем расклеилась. Постоянные головные боли. Пошаливает сердце. А главное – апатия. Иногда даже лень причесаться и помыться. Это очень неприятные симптомы. Это то, чего я всю жизнь так страшилась – постепенное опускание все ниже и ниже. К урокам совсем не готовлюсь. Иногда некогда, а иногда просто лень. Недавно я получила валенки, которые мне выделили районо, а до этого ходила в галошах, подвязанных веревками к парусиновым чехлам, подбитым на вате. Питаюсь очень скверно. Иногда удивляешься, как только душа в теле держится. Недавно я написала открытое письмо в редакцию районной газеты и секретарю райкома партии о тех условиях, в которых я живу, которые тормозят нормальное развитие моего Валерия. Ко мне приезжал инструктор райкома проверить, правда ли все, о чем я писала. Очевидно, убедился, что правда. Во всяком случае, обещал помочь.

Я живу только одной мечтой вырваться из этой дыры. Еще год такой жизни я не выдержу. Я страшусь мысли, что могу умереть на чужбине, вдали от родной земли, от запахов родных цветов.

Отвечаю на твои вопросы. Паспорта у меня нет. Есть только временное удостоверение, которое мне каждые три месяца отмечают. Профстаж обещают восстановить, но билета я не получала. Надо нам

серьезно обдумать вопрос о совместной жизни и, если это будет возможно, осуществить эту мечту. От Глеба писем не получала. Интересно, он получил мое письмо? В отношении свидетельских показаний напишу Вове Гатовскому и Фире. От Вовы Гатовского получила письмо. Он в Кызыл-Орде, учится в пединституте. Получила уже 2 письма от Мали Жилиной. Она живет в одном из совхозов Чкаловской области, работает техсекретарем политотдела. О маме и брате ничего не знает. Она тоже достаточно хлебнула горя. Письма стала получать реже, да и отвечаю с большим опозданием. У Фиры Фридман убили брата. Живет она материально неважно. Грустит и мечтает. От Ривы давно уже нет писем. Но она не пропадет. Володя Гальперин тоже молчит. Может, его уже и в живых нет. От Левы Лундина получаю теплые, даже нежные письма в стихах и прозе. Он 10 февраля защитил диплом. Только и мечтает о нашей встрече. Его дядя Ксендзов (Лялин Ксендзов) награжден двумя орденами и является терапевтом армии.

Интересно, что стало с Лялей? Ты не читала еще новую книгу Ванды Василевской «Радуга»? Если достанешь, обязательно прочти. Мне кажется, что судьба Ляли может быть общей с судьбой Пуси, одного из персонажей этой книги. Ну, о себе хватит. Авось дотяну до того момента, когда кончатся людские муки.

Пиши побольше о себе, о Глебе. Ты ведь знаешь, как мне дороги твои письма. Сима! Как бы я хотела хоть на часок очутиться у тебя! Вот бы наговорились!

P.S. Ты спрашиваешь, в чем заключается переоценка прежних ценностей. Я перестала быть либералом, ибо вокруг нас есть еще слишком много подлецов и прохвостов, с которыми надо бороться.

Целую крепко. Твоя Галя»

«20 апреля 1943 г

Дорогая и милая Симочка!

Письмо твое получила. Меня чрезвычайно удивляет то обстоятельство, что ты не получаешь моих писем, а между тем, я тебе только за последнее время послала 2 письма.

[...] Валерий стал заметно поправляться, что меня бесконечно радует. Но ходить он начнет еще не так скоро. Симочка! Какой он славный, мой Валерик! И особенно хорошее у него личико, ясное и одухотворенное. Как бы мне хотелось показать его тебе и вместе с тобой порадоваться на свое чадо. Я сейчас очень занята в школе, так как

приходится почти ежедневно проводить дополнительные занятия с двумя классами. Кроме этого, часто приходится делать доклады для рабочих и служащих совхоза. Вот и сейчас готовлю доклад на тему «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом». Я тебе, кажется, уже писала, что поступаю кандидатом в партию. Почти оформила все бумаги. За последнее время получила много писем. Но настроение у меня довольно мрачное. Все мои мысли о Пете. Эти мысли доставляют мне буквально физическую боль. Я, наверное, скоро с ума сойду от тоски по родным и любимым. Мне бесконечно хочется быть с тобой вместе. Надо будет всесторонне взвесить все «за» и «против» и придти к какому-либо решению.

[...] Фира Фридман жалуется на свое жалкое существование. У нее погиб на фронте старший брат. Катя (что жила недалеко от меня) уже на фронте. Ей написали, что якобы Соня Идельсон не успела уехать из Минска, и ее повесили. Чудовищно!

Лева Лундин в феврале защитил диплом и назначен на работу в Москву. Очевидно, он уже в Москве. Часто получаю письма от Сали Сегальчика (товарища Вовы Гатовского, который жил около меня). Он в сентябре кончает военно-транспортную академию. Был на практике на Брянском фронте. От Мали Жилиной получила недавно письмо. Ее разыскали две мамы сестры. Работает пока секретарем политотдела.

Родная моя Симочка! До чего бедными получаются письма! Чтобы я дала за то, чтобы хоть 5 минут поговорить с тобой! Как ты выглядишь? Не остриглась ли? Если у вас есть, где фотографироваться, пришли свое фото. Я часто о тебе думаю, и ты в моих глазах осталась такой же красивой, цветущей и жизнерадостной. А сколько воды утекло с тех пор, как мы с тобой пили чай с баранками в то злополучное утро 24 июня 1941 г. Помнишь? Сколько горя и страдания перенесли мы. А радости нет. Скорей бы кончилась эта чудовищная война! Мы тогда разыскали бы тех, кто остался в живых. Мертвые ведь не находятся, правда?

Целую тебя много раз и крепко, крепко. Галя.»

«15 июня 1943 г.

Здравствуй, моя милая Симочка!

Как всегда, обрадовалась твоему письму. С работы я, конечно, еще не уволилась. Да к тому же это не так просто. Я недавно была в райо-

но и интересовалась этим вопросом. Меня могут отпустить с работы лишь тогда, когда у меня на руках будет вызов, заверенный горсоветом того города, куда я собираюсь уезжать.

Огород я посадила: 2 сажени картошки, немного свеклы и тыквы. Это все на всякий случай. Я тебе уже писала, что мне некуда писать о вызове, хотя переписываюсь я со многими. Ты ведь сама понимаешь, что уехать на «авось» я не могу. Если у тебя выгорит дело с вызовом в Уфу, я, бесспорно, к тебе приеду.

Перспективы мои на будущее (ближайшее) весьма неутешительны. Единственно, что будет лучше, чем в прошлом году, это топливный вопрос. Уже часть топлива (навоз и солома) мы заготовили на эту зиму, если придется зимовать, не буду мерзнуть. С питанием дело обстоит прескверно. По карточкам, кроме хлеба, абсолютно ничего не получаю. Все это усложняется еще и тем, что я уже Валерия отняла от груди и это надо чем-то компенсировать. Пока я еще достаю ему молока - 0,5 л в день. На это уходит почти вся моя зарплата. Но зимой, очевидно, молока нельзя будет достать.

Настроение весьма посредственное. Тоска зеленая буквально съедает. Хочется ласки, заботы, внимания. Хочется хоть немного пожить по-человечески. Целый день работаю в поле с учениками. В 6 ч. забираю Валерия из яслей и до вечера вожусь с ним. Это самые лучшие часы в моей жизни. У него уже 2 зуба, бормочет что попало и заразительно смеется. Он моментами паразитально похож на Петю. Становится чертовски больно за свою судьбу.

Чувствую себя очень хорошо. Никогда в Минске я не была такой здоровой и выносливой. Физический труд и свежий воздух, даже несмотря на плохое питание, делают свое дело.

Страшно хочется тебя увидеть. Но я думаю, что рано или поздно мы все же съедемся.

[...]Лева Лундин уже в Москве. Устроился на одном из авиационных заводов в городе. Случайно встретился там с Ксендзовым. Ксендзов - терапевт армии, награжден орденом Красного Знамени. Сын его пропал без вести.»

«22 июля 1943 г.

Здравствуй, милая Симочка!

Только что получила твое письмо. И как-то сразу на душе стало отраднее. Со мной случилось то, чего я больше всего боялась: я забо-

леда малярией. Протекает она у меня в чудовищной форме. Пять дней температура была 40,5°, я совершенно перестала спать. Думала, что умру, и уже плакала при мысли, что Валерий останется на произвол судьбы. Но обошлось. Я уже хожу, хотя очень слаба. Кушать ничего не хочется, да и нечего. Не знаю, как поправлюсь. До чего страшно болеть одинокому человеку! Валерий плачет, пеленки некому постирать. А заболела я потому, что все время, во всякую погоду хожу босиком, так как носить мне нечего. Туфли порвались так, что починить уже невозможно. На той неделе поеду в Турки, пойду к председателю райсовета и буду с ним разговаривать очень серьезно. Да, могу похвалиться. Меня занесли на доску Почета района, единственную, из всех наших учителей. Об отпуске думать даже нечего – его мне не дадут. У нас сволочной директор, с ним не договоришься. Что же касается улучшения моих бытовых условий, то я уже писала и в райком, и в газету, но существенных изменений не произошло. Напишу еще в «Учительскую газету».

Валерий опять похудел. Бедная крошка! Выдержит ли он все эти мытарства?

Я с нетерпением ожидаю ответа из Москвы. Если только вышлют вызов – уеду, не посмотрю ни на что.

Картофель у меня уродилась неважная. Зато сахарная свекла и тыква – замечательные. Это хоть послужит подспорьем Валерию на зиму.

Готовимся к зиме. Таскаем вязанки хвороста, бодыря, собираем со стойла коровьи катюхи. И ради этого стоило учиться 14 лет, изучать Данте и Петрарку, Толстого и Тургенева? Все страшно надоело. Хочется пожить хоть недельку спокойно. Хочется заботы и ласки. Хочется увидеть тебя, крепко расцеловать и долго, долго, без конца говорить обо всем: о разбитых мечтах, о перенесенном горе, о настоящей жизни.

[...]От Левы очень часто получаю весьма трогательные письма. Он, очевидно, строит весьма серьезные планы на мой счет. Но на все его вопросы на эту тему я пока отмалчиваюсь.

Целую тебя крепко, крепко. Галя.»

«28 июля 1943 г

Славная моя Симочка!

Извини за задержку. Но твое письмо пришло во время моего от-

сутствия: я была в Турках, куда ездила по своим делам. Поездка оказалась очень удачной: я получила зарплату, сняла копию со справки об окончании мною института, сфотографировалась для паспорта и партийного документа, написала заявление в ОБЛОНО об уходе, договорилась с зав.районо об своем увольнении. Она не возражает. Я очень тронута всеми твоими советами, но сейчас они для меня излишни, ибо я уезжаю. Итак, решено: Через 2-3 недели я выезжаю в Москву. Я уже получила чудесную рекомендацию в аспирантуру от Барага. Он пишет, что это не первая рекомендация, даваемая им за время войны. Все предыдущие имели удачу, он не сомневается в успехе моего дела и надеется встретиться со мной в Москве, куда он выедет 25 августа. Со дня на день я жду ответа из аспирантуры и вызова, но если вызов задержится по тем или иным причинам, я возьму в районо командировку и все равно уеду. Дороги я не боюсь, тем более, что еду не одна, а с Генриеттой Михайловной Рафалович, моей приятельницей. Валерия по дороге в Москву завезем в Кратово, в детский санаторий, директором которого является сестра Генриетты Михайловны. Что же касается средств, нужных для переезда, то я их легко сколочу. Сегодня уже получила 400 рублей от Левы. Продам свою картофель за 3 тысячи, а имеющуюся у меня белую байку (4 м) сменяю на масло, совхоз мне на дорогу выпишет 1 кг масла, купим меду, возьмем хлеб за 2 недели вперед, возьмем картофель и айда. Мой маршрут: Инжавино, куда нас доставят на лошадях, это в 30 км от совхоза, Инноковка – Москва.

Единственно, что меня смущает – это отсутствие обуви. Я все время хожу босиком. Но зав. РАЙОНО обещала помочь. Из Чермета я сегодня получила ответ, что не могу быть зачислена в число студентов. Ну и черт с ними! Мне это сейчас безразлично.

Симочка! Последовала ли ты моему совету, написала ли в Москву? Я тебе очень советую действовать в этом направлении. Как будет чудесно, когда мы с тобой встретимся в Москве! Где сейчас Глеб, Пишет ли тебе?

Со мной случилось то, чего я боялась всю жизнь. Я заболела малярией. Протекает она у меня в чудовищной форме. 5 дней я лежала с температурой 40,5 °, перестала спать ночи. Думала, что умру, и уже плакала при мысли, что Валерий останется один на всем белом свете. Спасли меня уколы акрихина, но сделали их так неудачно, что по сей день левая рука невероятно опухла и страшно болит. Не знаю, чем

все это кончится. А как тяжело болеть одинокому человеку! Буквально некому подать стакан воды. Валерик опять выглядит хуже. Бедная крошка! Скорей бы нам выбраться из этого ада, он бы быстро поправился и стал на ножки.

[...] Целую тебя крепко и много раз.

Пиши мне о себе подробно, не задерживай ответа. Еще раз целую тебя. Твоя Галя »

«31 августа 1943 г

Здравствуй, милая Симочка!

Поздравляю тебя с новым местом жительства. Однако, девушка, ты, очевидно, проявила немало инициативы, если смогла уехать из Пешковки. У меня дела обстоят не так успешно, как ты думаешь. Пока я еще в своей Сиротке, но питаю надежду скоро выбраться. Дело в том, что до сих пор я не получила еще никакого ответа из Москвы, чему весьма и весьма удивляюсь. Вчера уехала в Москву жена бухгалтера нашего совхоза. Мне с ней было очень удобно уехать, но без вызова я не рискнула подняться с места, ибо рискую я очень многим. Но с отъездом Генриетты Михайловны мое дело будет продвигаться успешнее, т.к. она сможет кое-что предпринять для ускорения моего отъезда непосредственно в Москве. Она там повидает Леву, у нее есть влиятельные знакомые и т.д. Я же готовлюсь к отъезду. Через несколько дней поеду в Турки на бюро райкома партии, где будет решаться вопрос о моем отпуске на учебу. Ведь я теперь не вправе распорядиться своей судьбой сама. Но думаю, что райком возражать не станет. Такое у меня осталось впечатление от беседы с первым секретарем райкома партии. Если мы с тобой скоро увидимся в Москве – это будет большое счастье. Я буду биться до конца за то, чтобы уехать.

Валерий выглядит неважно, хотя не болеет и не поносит. Для него Москва – спасение.

Милая Симочка! Что у тебя произошло с Глебом? Нет ли трещины в том большом чувстве, которое ты питала к нему? Мне кажется, что мои подозрения имеют под собой почву. Пиши мне пока по старому адресу. Когда выеду, буду тебе телеграфировать.

Целую крепко. Галя.

Посылаю тебе свое фото. Не пугайся. Это после малярии. Теперь я уже поправилась. »

«3 декабря 1943 года, Москва.

Моя дорогая Симочка!

Пишу тебе письмо под впечатлением встречи с Глебом, которая состоялась вчера. Эта встреча была для меня очень неожиданной, т.к. я знала, что Глеб в Сталинграде. От Глеба я узнала, что он все время хлопочет о прописке для тебя. Списки уже составлены и поданы в НКВД, т.ч. через месяц я буду тебя встречать в Москве. Глеб очень огорчен, что хлопоты продвигаются так медленно, но он приехал в Москву только несколько дней тому назад, а мама его настолько слаба, что не в состоянии ходить в соответствующие организации и подталкивать их. Теперь я смогу помочь Глебу и дело, конечно, пойдет быстрее. Глеб мало изменился за это время. Я бы даже сказала, что он помолодел. Во всяком случае, в нем появилось что-то мальчишеское. Встреча наша была очень теплой. Глеб был необычайно взволнован, ведь я своим появлением вызвала столько воспоминаний. Он тебя, несомненно, любит по-прежнему крепко. Не знаю, Симочка, что там у тебя с ним произошло, но хочу надеяться, что твоя жизнь в Москве сложится счастливо и вознаградит тебя за все муки и страдания.

Что касается меня, то можно говорить о хорошем и плохом. Валерик в детской лечебнице. Сегодня удалось его увидеть. Он заметно поправился личиком и стал еще лучше. Врачи обещают его через недельку определить в детский рахитический санаторий. Там он будет до полного излечения, может 1/2 года, а может и год. Это такое счастье! Ведь теперь мой сыночек не погибнет, а будет хорошим ребенком. Неважно обстоят дела с пропиской. До сих пор я еще не пропи-салась. Это связано с отсутствием у меня своей жилплощади. А без прописки на работу не принимают. Вчера я была в московском ГО-РОНО. Работа есть. Дело только в прописке. Но я не отчаиваюсь. Добьюсь того, что меня пропишут. Во всяком случае, из Москвы я пока не думаю уезжать. У тебя дело с пропиской будет легче, так как ты едешь к мужу. У меня в жизни тоже произошли большие изменения. Это связано слевой. Подробно писать тебе не буду. Это не опишешь. Вот приедешь, тогда уж я облегчу свою душу разговором с тобой.

Лева стал очень интересным. Я как-то была с ним в театре и заметила, что очень многие девушки обращают на него внимание. Но дело, конечно, не в этом. Любит он меня по-прежнему, если не больше. Я еще никогда в жизни не видела по отношению к себе столько заботы, внимания, тепла и пр.

Сейчас нахожусь почти целиком на его иждивении, без прописки ни хлебных, ни продуктовых карточек не выдают. Как мне ни трудно, я еще ни разу не пожалела, что уехала из совхоза. Москва осталась Москвой, и Московский воздух действует бодряще [...].»

«29 февраля 1944 г.

Здравствуй, родная Симушка!

Письмо твое получила. Мне не хочется тебя огорчать и укреплять в тебе зародившиеся подозрения по отношению к Глебу, но я на него здорово сердита за отсутствие настойчивости и энергии в деле получения для тебя пропуска. Но прежде, чем описывать тебе подробности, хочу тебя заверить, что я добьюсь для тебя пропуск в этом месяце

[...] Без пропуска я бы тебе не советовала выезжать из Уфы. В Москве очень трудно получить прописку, даже имея пропуск. Мне ведь пришлось хлопотать 2 месяца, пока меня прописали, и это в то время, как у меня был пропуск. Я думаю, что у тебя найдется достаточно силы воли, чтобы потерпеть еще 2-3 недели.

Милая Симочка! Я часто думаю о тебе, о нашей встрече. Как это будет чудесно, когда мы будем в одном городе, сумеем встретиться, говорить друг с другом, проводить вместе время. Случайно в метро я встретила Клавдию Алексеевну Козлову. Она в Москве с ноября месяца. Работает в комиссии по составлению истории Отечественной войны при ЦК партии. Встреча была замечательной. Мы с ней долго толковали. От нее узнала много интересного. Жарский (помнишь его?) работает у немцев в гестапо, профессор Тепин – тоже предатель. Несколько дней тому назад ко мне пришел, кто ты думаешь? – Шулик Фельдман. Он инвалид Отечественной войны, изуродованный до неузнаваемости. Правого глаза у него нет: вставили искусственный, на правой щеке большое углубление. Нет одного пальца на правой руке, нет ребра, в руке остался осколок мины. Живет он у двоюродной сестры, материально хорошо обеспечен, сдал при московском заочном пединституте педагогику и получил диплом. Я думаю последовать его примеру. Теперь он собирается лечь опять в госпиталь. В Сходне, где находится наш университет, я ни разу не была, ибо кончаю работать очень поздно. Но знаю, что аспирантуры там еще нет. Да и студентов раз-два и обчелся. Набора в институт пока нет, есть прием в техникум, но это не может тебя интересовать. Главное – вытащить тебя в Москву, а с работой здесь очень просто все устроится.

Я тебе, кажется, уже писала, что определила Валерика в детский рахитический санаторий, где он пробудет до окончательного выздоровления. Так что я получу хорошего и здорового сына. За время пребывания в детской лечебнице он очень хорошо поправился (на 2 кг), стал самостоятельно стоять на ножках и разговаривать. От меня он уже отвык и смотрит, как на чужую тетю.

Из совхоза я получаю письма о том, что там по 2 месяца не выдают хлеба, что дров нет и положение очень тяжелое. Какое счастье, что я решила уехать и осуществила свое решение. И я, и мой сын погибли бы там неминуемо.

О себе могу писать только хорошее. За время пребывания в Москве я поправилась, посвежела и выгляжу неплохо. Окружена большой любовью и заботой со стороны Левы. С каждым днем я убеждаюсь, что поступила правильно и вполне нравственно, соединив свою жизнь с жизнью Левы. Он тот, кто мне нужен, кто отвечает потребностям моего характера, моей души. Я горю нетерпением познакомиться с вами и страстно желаю, чтобы вы понравились друг другу и были друзьями. Вообще мне повезло. Прописку продлили еще на 1/2 года (меня вначале прописали на 2 месяца). Теперь можно сказать, что у меня скоро будет постоянная прописка. В ближайшие месяц-два Лева должен получить комнату. Тогда я уйду на педагогическую работу. Настоящая моя работа меня не удовлетворяет ни морально, ни материально (450 р. оклад и карточка служащего).

Милая Симушка! Можешь не сомневаться в том, что будешь к весне в Москве. Я сделаю все возможное и получу для тебя пропуск.

Целую тебя крепко-крепко. Твоя Галя»

О том, что как встретились в Москве Г. Шпринц и Л. Лундин, он рассказывает в своих «Воспоминаниях и размышлениях» изданных в 2006 г.

А. Л. Губерниева так же готовит «семейную книгу воспоминаний» о своих родителях. Но нам удалось убедить ее, что подобные семейные истории, иллюстрируемые весьма редкими на сегодняшний день личными документами (письмами и фотографиями) представляют интерес для широкого круга читателей, историков и педагогов. Переписка из семейного архива А. Л. Губерниевой войдет в готовящийся сейчас к изданию 4-й выпуск «Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны»

Leonid Terushkin
SPC “Holocaust”

Леонид Абрамович Терушкин
(Российский Научно-просветительный Центр «Холокост», Москва)

**LETTERS FROM NEIGHBORS AND FRIENDS
UNKNOWN EVIDENCES OF DEATH
AND SALVATION DURING THE HOLOCAUST.
RESEARCH IN THE FAMILY ARCHIVES AS
AN APPROACH IN MUSEOLOGY
AND EDUCATION**

**ПИСЬМА СОСЕДЕЙ И ДРУЗЕЙ – НЕИЗВЕСТНЫЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВА О СМЕРТИ И СПАСЕНИИ
ВО ВРЕМЯ ХОЛОКОСТА. ИССЛЕДОВАНИЯ В
СЕМЕЙНЫХ АРХИВАХ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В
МУЗЕЕВЕДЕНИИ И ОБРАЗОВАНИИ**

На протяжении более двух десятков лет Научно-просветительный Центр «Холокост» (далее НПЦ «Холокост») занимается поиском и изучением переписки евреев периода Второй Мировой войны и Холокоста. Впрочем, мы никогда не ограничивались сугубо национальными рамками этой переписки и постепенно стараемся рассматривать всю переписку периода, которую удастся найти в личных и семейных архивах в России, Украине, Беларуси, Латвии, Израиле, США, Канаде. Внимание исследователей к военным письмам и дневникам

за последние 60 лет в отечественной историографии не ослабевает. И зарубежная историография так же проявляет к подобным источникам все больший интерес. Однако, при особо внимательном отношении к «фронтовой» переписке, только в последние 5-8 лет исследователи стали обращаться и к так называемой «тыловой» переписке – из эвакуации, из освобожденных районов, госпиталей. Авторами этих писем в большинстве своем являются представители гражданского населения.

В Архиве НПЦ «Холокост» за последние лет 5 сформировалась пока небольшая (около 30 единиц) коллекция весьма редких по происхождению и содержанию писем. На русском, белорусском, украинском, польском языках. Это письма, рассказывающие, прежде всего, о судьбах евреев на оккупированных территориях, написанные представителями других национальностей из разных регионов России, Украины, Беларуси.

Хочется сразу вспомнить известную «Черную книгу»[1] материалы, которой разбиты на три категории: 1. Письма, дневники, показания свидетелей и очевидцев, переданные в редакцию. 2. Очерки советских писателей на основе писем, дневников и рассказов, которые были отредактированы и литературно обработаны этими писателями[2]. 3. Официальные материалы ЧГК (**«Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР»**). Однако материалы, которые рассматриваем мы, не только не подвергались никакой литературной обработке (они, собственно, никогда не готовились к печати и не были обнародованы). Можно сказать, что не только «советские евреи писали И. Эренбургу», но и представители других национальностей писали знакомым евреям в первую очередь о том, что мы называем сегодня Холокостом. Эти материалы оставались на протяжении почти 80-ти лет печальными семейными реликвиями и единственным свидетельством о гибели родственников, друзей, близких. В отличие от подавляющего большинства корреспондентов «Черной книги», авторы этих свидетельств (писем) русские, украинцы, белорусы. Они и не могли знать о том, что идет работа над созданием «Черной книги». Во-первых, потому, что некоторые их свидетельства предоставлены ранее, чем стало широко известно о деятельности В. Гроссмана и И. Эренбурга по сбору свидетельств об уничтожении

евреев, то есть в 1942-1943 гг. Во-вторых, эти свидетельства датируются буквально первыми месяцами или даже неделями после освобождения конкретных населенных пунктов. В это время на освобожденных территориях еще только восстанавливалась работа почты, радио, туда только начинали поступать советские газеты, ЧГК еще не начала работать в этих населенных пунктах, да и не было у членов комиссии возможности и задачи учесть подробности гибели каждой еврейской семьи, имя каждой жертвы нацизма. Тем более, что в большинстве случаев из этих семей никого не осталось.

Первоначально эта переписка носила сугубо личный характер. Но за каждым из этих писем скрывались подробности конкретных трагедий еврейских семей, впрочем, не только еврейских. Поток подобной переписки постепенно нарастал по мере освобождения Красной Армией оккупированных германскими войсками районов СССР. С лета 1943 года таких писем становилось все больше. Кстати, встречаются они и в первые послевоенные месяцы 1945 г.

Сегодня мы, конечно, имеем дело лишь с уцелевшими в семейных архивах свидетельствами. Хочется отметить, что эти письма не относятся к непосредственно фронтовой переписке, это не письма евреев-воинов Красной Армии своим родным с известиями о гибели близких. Именно во фронтовой переписке мы чаще всего находим упоминания о преследовании евреев, как о конкретных друзьях, родственниках, знакомых, так и о евреях на оккупированных территориях вообще.

Но данная группа писем имеет целый ряд своих особенностей. Часть переписка инициировалась письмами-запросами родственников из тыловых районов СССР, из эвакуации, иногда с фронта в освобожденные районы на имя тех нееврейских соседей (односельчан, знакомых, сослуживцев), которых знали по довоенной жизни, а так же в адрес местных органов власти. Авторы этих писем-запросов надеялись, что восстановленные органы Советской власти смогут им чем-то помочь, а соседи, которые не эвакуировались, пережили оккупацию, возможно, остались в живых, знают что-то о судьбах их родственников. Очень часто ответы написаны даже на обороте запросов, потому что в освобожденных районах катастрофически не хватало бумаги.

В начале сентября 1942 г. в г. Минеральные Воды было казнено около 7 000 евреев. В их числе Баумгольц Иоанн Львович

(1871–1942), профессор, доктор медицины, один из ведущих врачей и организаторов курортов Кавказских Минеральных Вод. Он упомянут среди жертв в «Сообщении ЧГК о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае», опубликованном в газете «Известия» 5 августа 1943 г.

Письмо из г. Уфы от 20 января 1943 года

«Заместителю Народного комиссара Внутренних дел Союза СССР
Комиссару Государственной безопасности III ранга
тов. Чернышеву В.В.

От заместителя главного инженера Главпромстроя Баумгольц А.И.
Обращаюсь к вам со следующей просьбой.

При захвате немцами г. Кисловодска оттуда не успел выбраться мой отец, работавший врачом в госпитале, – профессор Баумгольц Иоанн Львович – 75 лет – еврей. С ним его сестра – Исштейн Августина Львовна.

После освобождения Кисловодска мои телеграммы туда по-видимому не доходят и я не имею возможности получить сведения живы ли они и нуждаются ли в моей немедленной помощи. Убедительно прошу Ваших указаний запросить через органы НКВД просимые сведения.

Адрес отца г. Кисловодск, Проспект Сталина 14.» [3]

А вот ответ другому родственнику семьи Баумгольц, вероятно после сложного пути вышеприведенного запроса, поиска и опроса соседей.

«Кисловодск

12 апреля 1943г.

<...>Ваше письмо от 7 марта 1943 г. получил. Поручение Ваше выполнил. Был у гражданки Андреевой квартирохозяйки Вашей мамы Исштейн Августины Львовны. По словам гр-ки Андреевой Ваш дядя доктор Баумгольц Иоанн Львович, Ваша мама и медицинская сестра, обслуживавшая доктора Баумгольц, Мелания вывезены из Кисловодска 9 сентября 1942 года вместе со всем еврейским населением города. Числа 4 или 5 сентября 1943 года немецким ЕК-12 (гестапо) было опубликовано распоряжение, что все еврейское население города Кисловодска подлежит переселению из Кисловодска

в места малонаселенные, но куда не было указано. Этим приказом предлагалось еврейскому населению, подлежащему переселению, взять с собой продовольствия на несколько дней, все ценные вещи и деньги, багаж должен быть не более 20 килограмм. На все имущество, остающееся в квартирах, должны быть составлены описи, квартира должна быть замкнута на замок. Ключ от замка предлагалось привязать к замку с запиской Фамилия, имя, отчество владельца.

9 сентября к 5 часам утра предлагалось явиться на товарную станцию для погрузки в вагоны всему еврейскому населению города за исключением метисов или семей смешанных браков.

В начале сентября Августина Львовна была больна, причем серьезно; на почве сердечной деятельности у ней были сердечные припадки, и она находилась на постельном режиме.

Доктор Баумгольц И.Л. пригласил из горполиклиники 2 врачей, чтоб дать заключение, может ли больная Исштейн А.Л. выехать из города с отправляющимся эшеленом. Врачи нашли больную Исштейн А.Л. настолько слабой, что дали заключение, что Исштейн А.Л. в настоящее время выехать не может впредь до выздоровления, что давало Вашей маме право остаться в Кисловодске. Опасаясь, что потом Августине Львовне придется ехать одной, Ваш дядя Баумгольц рекомендовал ей ехать всем вместе, на что она согласилась. И, таким образом, все они были вывезены 9 сентября, направлены в МинВоды, а оттуда, как передают, всех направили на стекольный завод, который находится от станции в 6-7 километрах, здесь и прерывается нить дальнейшего следования вывезенного из Кисловодска еврейского населения.

Официальных сведений об участии вывезенных немцами еврейских семейств из городов Кисловодска, Ессентуки, Пятигорска и сельских местностей нет. Но упорные слухи передают, что все еврейское население, вывезенное немцами, погибло на Стекольном заводе, здесь их всех немецкое Гестапо убило. Если получу какие-либо дополнительные данные, незамедлительно сообщу.

Мелания, как преданная медсестра, изъявила желание следовать вместе с доктором Баумгольц, несмотря на то, что она имела право остаться в Кисловодске, так как она по происхождению не еврейской национальности.

<...> сочувствую Вашему горю. Я просил гр-ку Андрееву написать Вам лично, так как она более осведомлена в вывозе из Кисловодска

Вашей мамы, доктора Баумгольц И.Л. и медсестры Мелании, на что Андреева охотно изъявила свое согласие.

П. Аксаков

Мой адрес

Гор. Кисловодск, ул. им. Чкалова, дом 58»[4]

Другое, «встречное» направление подобной переписки письма свидетелей и очевидцев, переживших оккупацию. Это опять же соседи, одноклассники, члены смешанных семей (например, русские или украинские жены, их родственники), няни, которые ухаживали до войны за детьми или стариками. После освобождения они стремились возобновить контакты с еврейскими родственниками и друзьями, писали по старым адресам, пытались найти адреса полевой почты (тех, кто находился в рядах Красной Армии) или каких-то предприятий, учреждений, где работали до войны.

Письмо Вере Моисеевне Бейнусович о гибели ее родителей

«2 июля 1944 г.

Уважаемая Вера Моисеевна!

На нашу долю выпало сообщить Вам страшную весть. Ваши родители погибли от рук немцев 30.7 или 8 42 г. Как именно они были умерщвлены, мы точно не знаем, но их и других их товарищей по несчастью – Краснер Софию Эммануиловну, ее сестру Марию Эммануиловну Краснер вместе со всеми их детьми, Камеровера с женой и других – вывели по направлению к Лисичанску, говорят, на стадион около Лисичанска, и больше их никто не видел. Погибло столько безвинных и незащитных людей! Все они были труженики, по много десятков лет работавшие в наших лечебных учреждениях, на заводах.

Страшная участь их постигла, тем более страшная, что за несколько дней до своей смерти они знали об [зачеркнуто-Л.Т.] ожидающей их судьбе.

Имущество их было конфисковано, или правильнее, расхищено немецкими жандармами или полицией.

Если Вам будут нужны еще какие-либо сведения или сведения о знакомых, пишите на мое имя.

Уважающий Вас [Подпись неразборчива –Л.Т.]» [5].

Письма свидетелей и очевидцев, как правило, подробны и обширны, в них содержится очень много мелких деталей и

информация трагедии общих знакомых-евреев. Впрочем, о жизни или скорее выживании не только евреев при нацистском «новом порядке» эти источники также содержат много информации.

Письма адресованы евреям, и главной является тема трагедии еврейского населения: как отдельных людей, так и всего населения данной местности. Все авторы писем прекрасно знали погибших, и гибель местных евреев была для них буквально такой же трагедией, как и гибель собственных близких.

Историю семьи Пасманик-Рабинович из Челябинска удалось исследовать достаточно подробно, благодаря тому, что архиве семьи сохранились устные истории, фотодокументы, письменные свидетельства, справки, удостоверения, материалы периодической печати. В данном случае большую работу провели сотрудники Челябинского Еврейского Общинного Дома.

Глава семьи, Яков Иосифович родился в Якутске в 1912 г. (умер 30 сентября 1991 г.) Призван в 1934 г. После службы в Красной армии в 1938 г. закончил Саратовское танковое училище.

В 1939 г. на военных учениях в районе местечка Трояново Житомирской области Яков Иосифович познакомился со своей будущей женой. Любецкая Броня Пейсовна родилась 5 мая 1921 г. (умерла 25 декабря 2014 г.) в местечке Трояново.

В 1940 г он приехал в Трояново, чтобы жениться на своей избраннице. Отпраздновав свадьбу, на которой «гуляло» все местечко, молодая семья уехала в Монголию по месту службы. Там же в мае 1941г родился сын. Через месяц началась война. Войска покинули расположение городка, оставив семьи без охраны и материального обеспечения.

С грудным ребенком на руках Броня Рабинович хотела ехать к отцу, на Украину. Но с большим трудом сумела выбраться в Красноярский край и далее в город Якутск, к матери мужа – Рабинович Сарре Ароновне. Она ничего не знала о судьбе своих родственников на Украине и неожиданно, зимой 1944г., получила письмо от своей подруги украинки, которая пережила оккупацию немцев и видела страшную судьбу евреев в их селе. Все они были расстреляны. Все родственники Брони погибли.

А незадолго перед появлением этого письма произошло невероятное совпадение – именно командиру танкового батальона гвардии капитану 56-й гв. танковой бригады 7-го гв. танкового

корпуса 3-ей гв. танковой армии Я. И. Рабиновичу была поставлена задача: взять с боем родное село Трояново. После освобождения села Якова узнали местные жители. Ему рассказали страшные новости о гибели всех родственников и жизни в оккупации. Он дал адрес жены ее бывшим одноклассникам.

Это письмо Елены Березюк 1944 г. своей однокласснице Броне Рабинович – совершенно уникальный документ времени, в котором – рассказ очевидца о судьбе отдельных людей и местечка Трояново Житомирской области. В лаконичных строках Энциклопедии «Холокост на территории СССР» и базы данных Музея Яд Вашем – дата и цифры: «осень 1941 г, 360 чел.». В письме: имена, подробности жизни в оккупации, партизанское движение, обстоятельства гибели всех евреев Трояново. Даже одна фраза много значит: «Твой адрес мне дала Брейгель Ита, которая пряталась и спаслась». Значит, были люди, которые, рискуя жизнью, помогали, спасали!

В 1943 г. Якова Иосифовича направили в 56-ую танковую бригаду «Приморский комсомолец» в состав 1-го украинского фронта. Командуя 424 батальоном бригады, он принимал участие в освобождении Киевской, Житомирской областей от фашистских захватчиков.

В начале 1944 г., вскоре после освобождения местечка Трояново, капитан Рабинович получил ранение и тяжелую контузию, после лечения его направили на учебу в бронетанковую академию в Москву. В период обучения (1944-1947 гг.) Яков Иосифович принял участие в Параде Победы на Красной площади 24 июня 1945 г.

В 2015 г. был сделан фильм «Письмо из Трояново: простая история семьи Рабинович» – это первый опыт записи семейной истории в таком виде. История очень интересная и непростая. За событиями жизни «простых людей» иначе видятся события истории большой страны: история еврейского народа в России до революции и после, Великая Отечественная война – героизм участников, свидетельства о жизни на оккупированной территории, освобождении, уничтожении еврейского населения.

Письмо Броне Любецкой (Рабинович)

«19 февраля 1944 г.

Добрый день дорогая Броничка!

Пишет тебе письмо твоя подруга Лена! Наверное, ты уже про меня

забыла за эти два с половиною года, я про тебя, Броня, не забыла и никогда не забуду такую хорошую подругу, как ты. Вспомни, как мы с тобой ходили вместе в школу и вместе делали уроки. Броня, как вспомню, какие были хорошие подруги, а на сегодняшний день многие уехали, многих забрал немецкий фашист – хороших наших девчат – в Германию, теперь издевается над ними. Много еврейских девчат расстрелял. Броня, напишу тебе какие в Троянове новости. Теперь Троянов не похож на местечко, каким было до войны – разбиты все дома евреев, и стоят только печи и где какие дома только знаем, что на этом месте были дома.

Броня, два с половиною года над нами издевается фриц немецкий, расстреливает еврейский и украинский народ. Броня, твоей хаты нет, только место, где стояла хата. Хаты Йоли Хины тоже нет, Баси Йоли нет хаты, Давида Торчина нет хаты, Тепман Сони и Баси нет хаты, также моей нет. Все эти хаты сожжены.

Броничка, когда пришли немецкие сволочи, еврейское население, которое не выехало с этой территории, повыгоняли из домов и согнали в одну хату по пять, десять семей, и были они под фашистским надзором. Всю одежду, а также всю еду позабирали и никуда не пускали, а тем, кто из украинцев даст им продукты, так немецкая сволочь била на месте еврея и украинца. Страшно издевались над еврейским народом. Сначала мужчины работали <...>, а женщины с детьми делали уборку по квартирам. Евреям не было дано право. Когда всё сделали немцам, тогда начали расстреливать. Сначала расстреливали мужчин. Каждый мужчина надел <...> повязку на руку, а на руке на повязке синяя звезда. Так издевались над народом. Броня, узнала про то, что ты дала своему дорогому отцу телеграмму, жив ли он? С этой телеграммой в Троянове был твой муж. Я сама его не видела, а мне сказала Грейпель Етя, которая пряталась от фашистского ига.

Броничка, узнав про все это, я попросила у Ети твой адрес, так как твой муж ей дал, а она дала мне. Я с великой радостью села писать тебе письмо. Броничка, напишу тебе про то, что твоего отца нет, расстреляли и мать <...>.

Также расстреляли твою дорогую сестричку Веру, которая с Западной приехала в Троянов на смерть. Броничка, страшный суд происходил, когда евреев вели расстреливать на арт-полигон. Броня, Вера спряталась от этих подлых бандитов, они на другой день ее

поймали и старого Схириля и увели в каменный погреб. Как она бедная спрашивала – за что вы меня убиваете, что я кому сделала? Как она бедная просила, чтобы ее отпустили, но они ее не отпустили, загнали в лог, где сидела много часов и там расстреляли.

Броничка, расстреляли Гриль Хиву, всю ее семью, Тепман Хаю, сестру Соню, мужа ее, Басю с ее детьми и мужа ее. Хая Тепман, сестра Сони в день накануне рожала дитя, а на другой день вели всех на смерть. Как было тяжело все это перенести, что творил фашистский немецкий фриц. Много наших девчат забрано в Германию проклятую, а многие умерли с голоду.

Проклятый немец издевался над народом: забирал коров, одежду, хлеб, свиней, кур, а если кто не хотел отдавать, то расстреливали. У меня самой забрали корову, поросенка, которого я с таким трудом выкармливала и не пришлось покушать.

Мы очень хотели эвакуироваться из Троянова, но не было ни одного транспорта. Всего можно лишиться на этой территории, которую оккупировал немецкий проклятый паразитизм и Гитлер. Но пришел этот счастливый день 1944 года и это был первый Новый год, который мы встречали по погребам, по пещерам. Когда отступал немец, мы молились богу и плакали, чтоб скорее пришли дорогие солдаты, которые сейчас бьют врага на всех фронтах. И дождались того дня, когда освободили нас дорогие наши воины Красной армии. Это было 1.01.44 г., когда каждый боец заходил в хату и поздравлял нас с Новым годом. Мы не знали, что от радости делать, мы плакали и гордились, что мы освободились от рабства. И теперь приживаем счастливо и вольно на нашей территории. Броня, опишу тебе как я сейчас проживаю и проживала во время оккупации немцами. Я два года вела домашнее хозяйство и когда стали записывать в Германию, так я решила ходить в колхоз на работу- боялась, чтоб меня не записали. <...> пришлось ночевать в зарослях, хлевах, прячась от паразитов, чтоб не ехать в Германию. Три первых раза, когда забирали в Германию, так народ ехал, а когда стали писать письма, что они тяжело страдают от свинячей кормежки. Когда записывали в Германию, то многие прятались, чтоб не ехать к фашистам. Какие способы они ни пробовали, чтоб вывезти нашу молодежь, но в последний момент быстро убежали к партизанам, которые боролись против немцев. Партизаны очень помогали нашим ребятам. Они нападали на поезда и спасали наших ребят от проклятой Германии.

<...>Когда немцы отступали, они их (немецкое население-Л.Т.) эвакуировали на Запад. Сама я сейчас работаю в Трояновском райкоме комсомола, моя мама занимается всем домашним хозяйством и приглядывает за моим сыном Виталием, которому уже 3 года. Уже говорит и бегаёт и вспоминает каждый день про своего отца.

<...>Броничка, письмо кончаю писать, желаю всего наилучшего в твоей жизни. Когда получишь письмо, так, прошу, пиши мне письмо, я буду ждать ответа.

Так же прошу приезжай ко мне в гости. Привет от мамы и папки Виталия. Все целуют тебя. Ты все пиши, что у тебя и у дочки, все пиши.

Пока до свидания. Целую тебя бесконечное количество раз.

Мой адрес: Украина, УССР, Житомирская область, Трояновский р-н, м. Троянов. РК ЛКСМУ. Березюк Алёне Григорьевне».[6].

Данное повествование фактически мини-дневник, описывающий жизнь при нацистском оккупационном режиме

Есть ещё одно письмо, найденное при разборе семейного архива Пасманик (Рабинович) -письмо от соседей – очевидцев событий гибели семьи Пасманик в Белоруссии. Это письмо адресовано сестрам Берты(Паши), упомянутой в письме – Эмме Моисеевне и Броне Моисеевне Пасманик, которые жили в г. Минске, были эвакуированы в г. Абакан. После войны вернулись в г. Минск. Это все родственники Пасманик Леонида Адольфовича, мужа Пасманик Иды Захаровны, умершего в 2010 г.

«1 августа 1944г.

Тов. Пасманик!

Вы просите сообщить судьбу Ваших родных. То, что Вы слышали о зверствах немцев, так это правда, но слышать легче, чем пережить все эти ужасы.

Ваши родные: Паша и племянники Яша и Машенька расстреляны 23 февраля 41 г. [так в тексте, правильно -1942 г.-Л, Т.]. Кастрель пытался с несколькими другими мужчинами бежать, но где-то за Дерновичами поймали, привели в Дриссу и там свершили свое подлое дело.

Когда забирали [евреев -зачеркнуто-Л, Т.] Пашу с детьми и со всеми остальными евреями, то Кастрель был в другом доме и моя сестра спросила у Паши – бежать ли ему или оставаться вместе? Она дала знак, махнула головой, чтобы Бейлик бежал, а он сидел в это время у Курочкина в доме.

Не думайте, не все были враги [слово вставлено- Л. Т.]. Много было и друзей, но помочь никто не мог. Последние дни жизни были очень тяжелы. Паша приходила очень часто к нам, прощались за несколько дней до смерти, потому что знали, что скоро начнется расправа и в Барковичах.

В первых числах января 41 г. [так в тексте, правильно -1942 г.-Л. Т.] я ездила в Бешенковичи искать своих родных и по просьбе Шапира и Паши я заезжала в Уллу. Узнала, что Соню и Фирой постигла та же участь, что и всех, а Вы уехали. Шапирам я правды не сказала, а сказала, что Соня тоже уехала, но Паша мне не верила, она говорила, что я ее жалею, а поэтому правды не говорю. Я ее уверяла, как могла, но она очень плакала.

Мою сестру Марию Вас. 17 августа 42г. расстреляли немцы за связь с партизанами.

Ну пока. Бывайте здоровы.

А. Мартинова» [7].

Письма, как правило, весьма эмоциональны, учитывая, что большинство авторов женщины. Нужно учитывать, что авторы этих писем по два три года жизни в оккупации не имели никакой возможности для общения (переписки) ни с кем из-за линии фронта. Поэтому в этих письмах явно прослеживается желание высказаться, поделиться всем пережитым, не упустить мелкие подробности, выплеснуть накопившиеся чувства и эмоции. Жители оккупированных районов, особенно сельских, практически не имели никакой достоверной информации о том, что происходит на фронте, а уж тем более в советском тылу. Кажется, авторов писем из освобожденных районов буквально переполняло желание обо всем рассказать и как можно больше узнать. Письма написаны порой людьми не очень грамотными, плохо владеющими русским языком и для их расшифровки приходится прибегать к услугам тех, кто знает, например, украинский язык.

Безусловно, такие письма – ничтожный процент колоссального потока переписки периода 1941-1945 гг. Но в ряду свидетельств о Холокосте, на мой взгляд, они должны занимать особое место. Прежде всего, потому что они написаны буквально по «горячим и кровавым следам» и поэтому содержат вполне достоверную информацию вплоть до мелких деталей -имена погибших, место и время гибели, места захоронения, которые были утрачены или забыты спустя

десятилетия. Кроме того, в письмах сохранились имена спасшихся и тех, кто им помогал спастись. Давно уже нет в живых авторов этих писем, но их свидетельства продолжают храниться у потомков адресатов наряду с уцелевшими фотографиями. Семейная история и сопутствующая ей переписка долгое время была почти единственным источником фиксации памяти о фактах и местах уничтожения евреев, особенно для потомков – тех, кто в 1940-1950-е гг. были еще детьми. Важно успеть не только собрать и изучить подобные письма, оцифровать их (бумага не вечна), но записать комментарии, пояснения, т.е. фактически «вторичные воспоминания» (со слов детей и внуков адресатов) позволяющие понять о ком идет речь в письмах. НПЦ «Холокост» в серии «Сохрани мои письма... Письма и дневники евреев периода Великой Отечественной войны» (2007-2016) уже публиковал ряд подобных свидетельств, а некоторые использовал при создании выставок «Вторая Мировая война и Холокост на территории СССР» (2013г.), «Дети-жертвы Холокоста» (2014 г.) «Холокост: уничтожение, освобождение, спасение» (2016 г.). Эти источники надо стремиться активно использовать в публикациях, музейных экспозициях, образовательных программах и пособиях как свидетельства Холокоста и как трагические, но уникальные иллюстрации сущности нацистского оккупационного режима.

Источники и литература:

1. Черная книга /Под. ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М., 2015.
2. Там же, С. 10-11
3. Архив НПЦ «Холокост». Коллекция «Холокост на территории России» Ф.12, Оп. 1, Ед. хр. 65, Л.1
4. Там же, Ед. хр.66, ЛЛ.1-3
5. Архив НПЦ «Холокост». Коллекция «Холокост на территории СССР» Ф.15, Оп. 1, Ед. хр. 59, ЛЛ.1-2
6. Там же, Ед. хр. 125, ЛЛ.1-4
7. Там же, Ед. хр. 126. ЛЛ. 1-2

Harrie Teunissen

Teunissen & Steegh

Dutch collector and curator of maps

EAST OF AUSCHWITZ MAPPING THE HOLOCAUST IN EAST CENTRAL EUROPE

1. Auschwitz is the paramount symbol of the Holocaust. We know about Auschwitz because it was a labour camp as well as a death factory. You see on the map the IG Farben plant, just east of Auschwitz, with the arrow pointing at its Monowitz camp. After World War Two, memoirs of survivors, mostly assimilated ‘Western Jews’, slowly enter into public consciousness. However, Auschwitz as *the* symbol excludes the largest group of Holocaust victims: the mostly Yiddish speaking ‘Eastern Jews’ of Poland, Lithuania, Latvia, Belarus and the Ukraine. In the communist countries witnesses and chroniclers were for a long time forbidden to present these victims as Jews. My presentation examines with wartime maps what happened to the Jews ‘East of Auschwitz’. I explain why there were no ghettos west of Auschwitz and I explore the almost public ‘Holocaust by bullets’ in East Central Europe.

2. Here are the largest ‘Jewish cities’ in absolute numbers at the left and in percentages at the right. This Nazi book from 1938 about ‘Jewry in Eastern European Space’ states that the urbanisation of Jews leads to them dominating the retail sector, the liberal professions and the credit institutions *or* results in their proletarianisation and pauperisation. But as the mentality of

these 'Eastern Jews' remains 'uprooted', they exploit non-Jews merciless or become revolutionary internationalists. For the author, Peter-Heinz Seraphim, this explains the many Jewish bankers and Bolsheviks. To him, migrations and ghettos are the two sides of Jewish life. The unhygienic Yiddish ghetto forms a city within a city which resists assimilation and is vital for the Jewish attempts to undermine the economic and cultural life of their 'host-nation'.

3. Seraphim's depiction of such a 'parasitic power base for Eastern Jews' becomes a turning point in the Nazi discussions on ghettos. That explains why there were no ghettos put up in Germany. On this reconstructed map from Yad Vashem's *Encyclopedia of the Ghettos* you see that there are no ghettos west of Auschwitz with one exception: the 'model ghetto' Theresienstadt. Seraphim's standard work also provides the background for a new reading of the Express Letter of September 1939 by SS chief Heydrich: there is no *central* command for creating new ghettos in Poland. Hence the differences in the years of setting up and in the forms and functions of the local ghettos.

4. This map from January 1941 presents the transfer of *Volksdeutsche* from Romania up to Estonia. *Volksdeutsche* are people considered to be Germans though their families lived in other countries for several generations, even centuries. To draw these people 'back home' to the *Reich* is one of the reasons for the Molotov-Ribbentrop Pact and for 'repatriation' agreements of Germany with the Baltic States and Rumania. After racial examination, the great majority settle in the annexed parts of Poland which have to be Germanised.

5. To make room for them special forces uproot Catholic, secular and Jewish Poles and confiscate their properties to compensate the *Volksdeutsche*. On this photo of an exhibition poster *Die Aussiedlung* (the resettlement) you see that between October 1939 and March 1941 more than 400.000 Poles and Jews are evacuated to the General Government, the greatest number of them pass through the city of Łódź.

6. After Nazi-Germany annexes Łódź, they start segregating the city. Here you see an ethnic map from early 1940 with dots for every 200 persons. Black dots represent Germans, red dots Poles and yellow dots Jews

(who are thus considered as not Poles). Other cities also produce dot maps for the debate whether and how Jewish quarters should be transformed into Jewish ghettos. In Łódź some 180.000 Jews are first excluded from certain market streets and get curfews imposed on them. Early 1940 the authorities create a 'provisional ghetto' around the central north popular quarter, because the deportation of the Jews to the General Government has to be suspended.

7. In April 1940 Łódź is Germanised into Litzmannstadt. Here you see the ghetto area on a public city plan of Litzmannstadt from 1941. This map with German street names does not indicate the borders of the ghetto but its streets are only indicated by letters as if Jews would besmirch German street names with their addresses.

8. This is the map of Litzmannstadt from 1941 in its entirety. Comparing old and new city plans provides the basis for tracing the transformation of the Polish Łódź into the German Litzmannstadt. It can answer questions on how the modernisation of its infrastructure and its public buildings is related to the spatial organisation of its racial segregation.

9. This huge map in sixteen sheets from January 1943 gives a detailed plan how to reshape the ghetto area into a new German centre. Imposing spaces topped by colossal buildings are to create a giant stage for the community experience of the German people. It is important to note that this plan is made by the municipality after the mass deportations to the Chelmino death camp from 1942, but five months before Himmler decreed to liquidate the ghetto. What delays its ultimate fate is the argument that the Łódź Ghetto produces good and cheap supply of military equipment.

10. Lets now turn to Warsaw. Here you see a secret map on the scale of 1:20.000 made by the General Staff of the German Army. Its department for military geography, also called the *Topographietruppe*, produce all kinds of war maps by revising local maps on the basis of aerial photographs and information gathered by spies. Together with target pictures, this map was essential for preparing the air raids of september 1939. The heaviest bombardement of Warsaw wrought especially havoc in the old Jewish neighbourhood. That was september 25, on Yom Kippur.

11. Already in October 1939, when Hitler in Warsaw takes the salute of a triumphant parade, the Jewish neighbourhood is a no-go area. This simple map with the parade route in a German photobook shows the Jewish district. Five months later, March 1940, the Jewish Council is ordered to partially fence off the streets because the Jewish district is framed as a source of epidemics. The construction of fences coincides with anti-Jewish excesses. In the same week shops are plundered, apartments looted and traditional looking Jews beaten up. The acts are inspired by Germans but carried out by Polish hooligans. This brings the desired propaganda effects: the Poles are compromised and the Germans can be represented as defenders of the Jews. We have here a dual image: the Jews threaten non-Jews because they are bearers of infection and at the same time the Jews are threatened. Both claims come down to the same measure; to wall in their district.

12. On October 12, 1940, again Yom Kippur, a decree makes the ghetto inevitable. Three days later the German controlled *Gazeta Żydowska* and the *Nowy Kurier Warszawski* publish this first public plan. All Jews of Warsaw living outside this area have to move to the ghetto. While families elsewhere start feverishly to sell their property and look for some room inside the ghetto, the quarrel about its exact borders becomes very intense. Already the next day the newspaper points out that the boundary streets are to be inhabited on both sides by an 'Aryan population'. The chaos gets worse as Polish leaders begin to bargain with the Nazis – 'in this street we have a church'; 'that one is mainly inhabited by Aryans'; 'there is a factory employing thousands of Aryan workers.' Thus the ghetto boundaries become more irregular and constricted.

13. After a month of conflicts between 'Poles and Jews' about the exact boundaries, this plan of the 'Jewish Ghetto' is drawn by SS-Sturmbannführer Max Jesuiter, chief of staff of the Warsaw SS. This manuscript plan on the secret military map of Warsaw forms the cartographic basis for the sealed ghetto of November 16, 1940. From now on people can only leave with special passes. The gates are guarded by German gendarmerie, by Polish police and from the inside by Jewish police. Because of the constant adjustments of boundaries thousands of families had to move several times.

14. On the left is a public city map of Warsaw in German and Polish from early 1941 and on the right a secret German military map from early

1942. In the year between these maps 10 % of the 430.000 Jews in the ghetto die. There still are some restaurants and nightclubs, with music and wines for the rich and the corrupt, but in many places people are dying from typhoid, hunger and cold. And the ghetto is reduced even faster than its death rate. To compare both maps I zoom in on the ghetto.

15. November 28, *Nowy Kurier Warszawski* brings the news: *Jews Vandalized an Apartment in Revenge for Being Forced to Leave It*. Some weeks later this framing is mirrored hundredfold. After the secession of 4 large areas from the ghetto, the Jews get some small blocks at its western border in return. I cite Ringelblum from the secret archive group *Oneg Shabbat*: *The Christians left their apartments in a terrible state. They've taken the windows, locks, door frames, even floors and gas meters.*

To survive in the ghetto there is one dangerous but very profitable activity: smuggling. Children are the heroes among the individual smugglers. They manage to squeeze their little bodies through holes under the walls. The new boundaries intend also to reduce the smuggling. They move from often invisible walls in backyards into guarded streets. Chances of getting caught are now much greater and most guards don't hesitate to beat up or even to shoot children.

16. Simple ethnographic maps serve propaganda, but detailed ones are used for preparing invasions and in controlling occupied territories. This survey map from 1938 is made for the German invasion of Poland in September 1939 and also used in June 1941 for Operation Barbarossa in the parts annexed by the Soviet Union. It indicates how to order sheets on the scale 1:300.000 and even 1:100.000. I haven't yet encountered these detailed ethnographic maps for Poland, but I'm sure they must be in some archives. Even when they are found, more research is needed to discover to what extent the German Army used them to direct artillery on certain villages and neighbourhoods or to assist in the 'cleansings'.

17. The *Einsatzgruppen* are especially effective in the 'Bloodlands' which suffer from a double break of sovereignty. For mapping the 'Holocaust by bullets' behind the Eastern Front, German military maps are indispensable. For the General Staff in Berlin top secret wall maps are made on a daily basis to follow all the movements on the front. You see the North-Western quarter of such a map, for June 29, 1941, the day Jelgava is taken. Informations on Red Army divisions and their Estonian-Latvian units are marked,

with some delay, in red. The up to date information of the German Army Group North is marked in blue with different symbols for infantry divisions, motorised units and reserve troops.

18. After the German Army enters Lwów, now Lviv, by the end of June, *Einsatzgruppe* units and Ukrainian militia kill some 4000 Jews. The pogrom is provoked by the rumour that Jews had joined the Bolsheviks in the massacre of the political prisoners just before the departure of the Red Army. This rare street poster, issued by the German governor, compels remaining Jews to resettle north of the railway in two slums chosen by the new Ukrainian mayor. Between half November and half December they have to leave their neighbourhoods one after the other, and walk along the indicated routes to the ghetto.

19. On this German Grossblatt (1 cm = 1km) you see down right Zwi-ahel or Nowograd Wolynski (now West Ukraine). At this place a German soldier takes in August 1941 the picture with these prisoners in a greenhouse. On its back is written: *They wait for their death. Jewish, Polish and Ukrainian women and children (from baby to old woman) are locked into a greenhouse, because the capacity of the dug out graves was not large enough for the many shootings. The next day it was their turn.*

20. When, after a stiff Soviet defense, the German Army captures Kyiv, the city is still intact. But after September 24, a NKVD commando detonates heavy mines in the centre and ignites fires which enlarge the destroyed area. The blown up buildings include the Army headquarters and the Hotel Continental, where German officers reside (see the gray hatched centre on this German city plan from Fall 1941). As the Germans are outraged they look for culprits. Rumors blaming the Jews spread all the faster because many Kievans fear a terrible German revenge. A 'Ukrainian militia' installed by the Nazis announces that all 'Yids' have to appear Monday, September 29, at Melnyk street (see arrow 1). Those who disobey will be shot. Because the point of assembly is near a freight train station, many Jews suppose that they will be transported to a concentration camp in the Reich. Instead, they are directed straight to the Babi Yar ravine (see arrow 2). There, German and Ukrainian police, with dogs, automatic weapons and sticks, assist a special commando of the mobile killing squads in massacring 33.771 Jews in two days time.

21. This survey map presents the distribution of the Jews in North-Western Russia. The graduate point symbols in blue have the range: <10, 10, 100, 1.000, 10.000 and the star of David for over 100.000. That cartographers in Berlin present Jews on a separate map indicates that the Nazis have a special policy for them. This survey map is not easy to interpret. Numerical data from pre-war censuses of the Baltic States and the Soviet Union correspond only to the 'core' Jewish population. They do not include persons of Jewish origin who reported another ethnicity, converted to another religion or secularised recently. The Nazis however, include 'half-Jews', 'baptised Jews' and 'socialist Jews' as well. To hunt down all these Jews, they thus have also to rely on Jewish community records and on denunciations by local collaborators.

22. August 23, the Latvian newspaper *Tevija* (Fatherland) announces the creation of a ghetto in a mixed Jewish and Russian suburb of Riga. Only weeks after its closure in late October 1941, most of its 30.000 Jews are massacred on two days by German killing squads and Latvian militia in the nearby woods of Rumbula. The emptied part of the ghetto is then allocated to Jews deported from Germany. Such maps in local newspapers create a climate of terror for the Jews in the occupied cities or indicate opportunities for booty to profiteers, because they are the first plans to become public.

23. Walter Stahlecker is the commanding officer of the *Einsatzgruppe A* and the Higher SS and Police Leader of the *Reichskommissariat Ostland*, an area including Estonia, Latvia, Lithuania, and Belorussia as you see on this administrative map. His mobile killing squads of some 1000 men follow the German Army Group North through the Baltics. Its mission is to hunt down and annihilate Jews, communists and other 'undesirables'. The statistical map at the right from October 1941, included in his report to Berlin, summarises the 218.250 Jews murdered by his units and local militia during the first phase of 'the Holocaust by bullets' in *Ostland*.

24. Sometimes, Jewish maps survive that bear witness to their history during the Holocaust. A fine example is the yearbook *Slobodka Ghetto 1942*. This Yiddish booklet forms part of the secret diary of Avraham Tory, secretary of the Jewish Council, and records all kinds of events in the ghetto of Kaunas, now Lithuania. The sequence of overlay maps record the originally proposed boundaries, the ghetto at the time of its closure in August

1941, the liquidation of the small ghetto in October '41 and the reductions in May and in October 1942. The Kaunas ghetto becomes a transit camp, not for 'resettlement in the East' but to near death.

25. Here you see the ghetto of Minsk on a German city map from 1942. After July '41 almost 100.000 Jews are ghettoized in a run-down former Jewish neighbourhood now surrounded with barbed wire. In November 1941, March '42, and July '42 more than 60.000 of its Jews are shot just outside the city. The resistance of Jews in Minsk follows a different strategy than the 'Zionist revolt' in Warsaw. With the help of the Belarussian underground, about 10.000 Jews escape to the dense forests nearby, where they strenghten the units of Soviet partisans. Many of them survive the war.

26. In the meantime in Warsaw the Great Deportation is underway. September 1942 an escapee from Treblinka, Jakub Krzepicki, returns to the ghetto to report what goes on there. On a German map with the railroad from Warsaw to Treblinka I placed the small manuscript map based on his observations. It is drawn in indelible ink with typed explanations. You see the extermination camp of Treblinka with the train tracks to the left. Number 9 is the 'tube' to number 10, 'the shower building', where the Jews are gassed. Maps like this one are not only made for the prosecution when time would come to bring the Nazi criminals to justice. This simple map functions foremost as a means to locate the unimaginable.

27. The German Reichsbahn, with its modern infrastructure and dedicated personnel, formes part of the bureaucratic machinery of destruction. It even offers the SS reduced fees if more Jews are pushed into the train wagons and exempts children under 4 from payment. Here you see the eastern part of their Railway network from 1943. However, this map does not solve the placing of some extermination camps. Because my question is: Are the localisations of Belzec (arrow 1), Sobibór (arrow 2) and Treblinka (arrow 3) based on their being near a railway junction of standard and broad gauges? But, beyond the rationality of its spatial coordination, the more important question is: why does the aim of the Nazis radicalise as the war escalates? The answer lies not in the timetables of the special trains and arguably not even in the race science. The Final Solution (*Endlösung*) rather implies an apocalyptic vision of leading Nazis who hold the extermination of the Jews to be inevitable before the coming of a new era of Aryan redemption.

28. The last image is the interactive map of Yahad in Unum, a French organisation that tries to locate and document sites of mass graves of Jewish victims of Nazi mobile killing squads in Lithuania, Belarus, Russia, Poland, Ukraine and Moldova. The tragic fates of these Jews, like the one on the photo, are not included in Auschwitz as *the* symbol of a bureaucratic and industrial genocide. As many Jews are killed by bullets as by gas and they are shot by Nazis and local helpers who confront their victims personally. The many locations of the almost public Holocaust by bullets in East Central and Eastern Europe are still blurred in our historical memory.

Moreover, scholars of the Holocaust are often reluctant to discuss the differences between assimilated Western Jews and Yiddish speaking Eastern Jews. The main reason is that the *Ostjuden* were central to the Nazi ideology of *the parasitical Jews we have to fear or to fight*. Nazis frame all Jews as essentially *Ostjuden*. Their movie 'The eternal Jew' pretends to show *how Jews really are, before they put on the masks of the civilised European*. Today, this hate image of the Eastern Jews is largely broken and small islands of Yiddish culture start to blossom again. But we are only beginning to discover the immense human *and* cultural losses for East Central Europe.

Thank you for your attention.

Vera Tika

PhD candidate, Department of
the Political Sciences and History,
Panteion University of Athens

MANIFESTATIONS OF CONTEMPORARY ANTISEMITISM IN GREECE. VARIATION AND PERSISTENCE OF STEREOTYPES ¹

Introduction

In post-1945 period, the field of the historical analysis and development of Anti-Semitism in the European countries presents Anti-Semitism as a highly complex phenomenon with multiple mechanisms underlying it. Like other social phenomena such as racism, prejudice, stereotypes, Anti-Semitism build on a multivariate existence of factors that can be of psychological, religious, social, political, national and economic character. The psychological factor, per se, can be a mixture of multiple factors that underpin needs also of a varying nature. In other words, needs for creating personal identity that excludes and includes “others” by differentiating them in allies and enemies, needs that emerge in specific historical circumstances and that can serve not only personal but also “group” specificities. In Greece, although the focus of studying the forms of Anti-Semitism in the society and politics has been not systematic and in depth, scientific attempts of the latest period, shed light in the complexity of the phenomenon. The most common result from them is that Anti-Semitism is rather a “group”, massive and persistent phenomenon crosscutting large sectors of society and politics.

¹ Special thanks go to “The foundation for Education and European Culture”, Greece, and Valery Engel for his immense support.

Defining Anti-Semitism and its forms.

The term "Anti-Semitism" was coined by the philologist Jew Stein Schneider and derives from the noun Semitic (of Arab populations). For the first time, it appeared in the Jewish magazine, "Allgemeine Zeitung des Judenthums", in an article (1879) that announced the intention of the German political agitator Marr (1818-1904) to publish a weekly "anti-Semitic" article. Afterwards, Marr is the first to introduce it in the political and racist language. The neologism that soon became popular, though literally means "against the Semites", served to indicate the new divisions and enmities of the time. Simultaneously, from that period on, the term as a concept, also, denotes both the ideological positions and anti-Jewish practices² developed in different countries with Jewish population.

Though the term of Anti-Semitism is not easy definable,³ a definition largely accepted is that Anti-Semitism rather than being a phenomenon repeated in time is a sentiment (re)activated, (re)-charged and cultivated through words, images, and representations.⁴ It can manifest itself socially through different forms of malice that in specific circumstances are new but at the same time conserve as they main "heartland" "an archive of an old, reminiscent language".⁵ The fundamental basis in the process of the manifestation of the Anti-Semitism is the acceptance of the prejudice that Jews are the source of evil and that are inter-linked with a wide spectrum of process on top of which predominate the interests of money and banks. Passing through generation to generation, this prejudice builds in the natural predisposition of human beings to cultivate prejudices and to strongly have the need to make generalizations, and simplification of the rather complex world. As widely accepted, this also serves to rationalize the behavior of hostility and aversion of a group towards another social group that has been characterized negatively.⁶

In the context of the traditional Anti-Semitism appears also another source for legitimizing it. It appears under the tendency to "rationalize"

² <http://www.osservatorioantisemitismo.it/antisemitismo/#ellenistico-romano>

³ https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/184-AS-main-report-FR.pdf

⁴ Léon Poliakov, *Storia dell'antisemitismo: Dalle origini del cristianesimo all'Europa del Cinquecento* Bur Edizioni, 2012, pg 4

⁵ Ibidem, pg 5

⁶ ibidem

fears and anxiety deriving from societal economic developments .This source of anti-Semitism and the manipulation that occurs often in the emotional aspect of the hatred can be easily connected with the sense of perceived victimhood as people, as person and as nation. This process is accompanied with the widely held perception that Jews have a lot of power in influencing things and results.⁷

Contemporary perceptions of Greeks on Jews.

The past interconnects and intersects with the present. This constitutes the main conclusion of a survey from the Anti-Defamation League conducted in 2014 concerning the main attitudes of some countries towards Jews people. The prejudices that appeared through the survey can be classified as belonging in the category of the traditional prejudices and stereotypes towards Jews as they were reproduced persistently in varying time and places. The research reflected the highest percentage of Greek people, among people of different nationalities, holding negative perceptions regarding the representation and the role of Jews.

Table 1: The Index of Anti-Semitism

Jews are more loyal to Israel than to [this country/to the countries they live in]	60%
Jews have too much power in the business world	85%
Jews have too much power in international financial markets	82%
Jews still talk too much about what happened to them in the Holocaust	60%
Jews don't care what happens to anyone but their own kind	53%
Jews have too much control over global affairs	74%
Jews have too much control over the United States government	69%
Jews think they are better than other people	42%
Jews have too much control over the global media	68%
Jews are responsible for most of the world's wars	38%
People hate Jews because of the way Jews behave	47%

Source: ADL

Thus, in a total number of adult population of 9,168,164 million, a 69% of them or 75% of men and 63% of women hold anti-Semitic views or

⁷ <http://www.osservatorioantisemitismo.it/antisemitismo/>

6,300,000 individuals. This high percentage unite the social body, crosscutting it in a majoritarian way independently of political preferences, level of education, class, region, gender.

The old prejudices, in this vein, constitute a substantial part in the cosmos of perceptions of the Greek people. Interestingly enough, they are an old wine in new bottles. The perceptions towards Jews seem to be modernized, internalized and integrated deeply in the map's perceptions about Jews, having as main sources, powerful mechanisms of cultural, economic and political reproduction.

Practices of Anti-Semitism in Greece.

Anti-Semitism in Greece presents a disproportional picture between the high Anti-Semitism at the level of the perceptions on Jews and the practices of violent actions deriving from the sentiments/perceptions of Anti-Semitism. Although there is an evident gap between the two levels of manifestation of Anti-Semitism, nevertheless, an opened communication between these two channels of Anti-Semitism preserved its character during 2015. As registered in the annual report of 2015 on xenophobia, discrimination and aggressive nationalism in Europe from the European Center for Democracy Development, anti-Semitic manifestations in Greece included Holocaust trivialization mainly from through the public discourse of Greek rightist MP, religiously-inspired antisemitism and anti-Semitic graffiti on the walls of the Jewish cemetery in Kavala city and in the city of Athens.⁸ These kinds of anti-Semitic manifestation, which constitute a continuation of incidents of the same category occurred in previous years, represent a factor for the further strengthening of Anti-Semitism in Greece. Their public appearance activates and rejuvenates the already old and traditional prejudices against Jews in new social and political contexts.

Conclusion

In Greece, in recent years, figures of anti-Semitism present a high level of prejudices and stereotypes cultivated in the Greek society through a variety of reasons and factors. Though there is a clear distinction at the level of manifestation of Anti-Semitism, at the level of theoretical conceptualization/perception and at the level of the manifested anti-Semitic action, the danger remains high for its consolidation and continuation in time.

⁸ <http://www.osce.org/odihr/188601?download=true>

Neonila Tsiganok

Teacher and methodist in
2 Osipovich secondary school

Цыганок Неонила Львовна
учитель-методист ГУО «СШ № 2 г.
Осиповичи» Могилевской области,
Республика Беларусь

MONUMENTS FOR HOLOCAUST VICTIMS IN OSIPOVICHY NEIGHBOURHOOD, IN MOGILEV REGION OF BELORUS

ПАМЯТНИКИ ЖЕРТВАМ ХОЛОКОСТА В ОСИПОВИЧСКОМ РАЙОНЕ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье освещена работа официальных органов власти и общественности Осиповичского района по мемориализации мест Холокоста. На примере своего края представлена непростая работа по исследованию исторических событий и привлечения к этому процессу школьников и педагогов. Указываются цифры погибших, называются места, где расположены памятники в память о жертвах Холокоста и людях, спасавших евреев в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Холокост, мемориал, Великая Отечественная война.

Война, которую вероломно начала 22 июня 1941 г. фашистская Германия, стала суровым испытанием для белорусского народа, в том числе и для жителей Осиповичского района.

Немецко-фашистские оккупанты хозяйничали в Осиповичах 1093 дня и ночи. За это время город и район понесли большие потери. Из 62 тыс. человек, приживавших здесь до войны, за годы оккупации расстреляно, сожжено, замучено 11,5 тыс. человек [7, с. 561].

Значительную часть этой цифры составляли евреи, в том числе и 440 евреев г. Осиповичи [2, с. 309], 149 евреев рабочего посёлка Гродзянка (по другим данным – 136), 162 еврея местечка Дараганово, 84 еврейского ребенка из детского санатория «Крынки» Дарагановского сельсовета, 264 еврея рабочего посёлка Елизово (по другим данным – 163), 216 евреев местечка Лапичи, 207 евреев деревни Липень (по другим данным – 216), около 1000 евреев местечка Свислочь [6, с. 6].

В послевоенной Белоруссии, как и во всём СССР, Катастрофа европейского еврейства замалчивалась по идеологическим причинам. Политика партийно-государственного антисемитизма в СССР препятствовала увековечению памяти евреев, запрещая возводить памятники даже на могилах родственников. Эта политика предписывала в актах комиссий по расследованию злодеяний гитлеровцев, официальной прессе и изданиях, посвященных Великой Отечественной войне, и на монументах на месте гибели жертв Холокоста не отражать национальную принадлежность погибших, не употреблять слово «еврей», а вместо него писать «мирные жители», «советские граждане» или «жертвы фашизма».

Первый памятник погибшим евреям в Осиповичском районе был открыт в 1967 г. в рабочем поселке Елизово. Надпись на памятнике была стандартной и соответствовала духу времени: «Здесь похоронена группа рабочих стеклозавода и военнопленных, расстрелянных фашистами 21.01.1942 г.». Тем не менее, фамилии расстрелянных, выбитые на памятнике (Баршай И.Я., Баршай И.М., Радунские, Загальские, Пик, Вайнер и другие), подтверждают то, что фашисты расстреляли рабочих именно еврейской национальности.

Свидетельство происходящего можно найти в воспоминаниях Михаила Баршай, бывшего узника Елизовского гетто и партизана Беларуси: «21 января 1942-го года согнали всех мужчин поселка на окраину в ельник. Евреев было 23 человека. Их отделили, разбили на четыре партии по семь человек и заставили рыть яму. Затем велели раздеться. Каждую группу подводили к яме и открывали огонь... Мой отец был в последней группе. Когда немцы ушли, из груди тел выполз Вайнер. Истекая кровью, он обратился к Гаврику – полицей-

скому прихвостню, который зачем-то остался у ямы: «Гаврик, помоги!». Но сверкнули золотые зубы – и судьба Вайнера была решена. Взмах, резкий удар лопатой, и все было кончено...» [1].

В 1970-е гг. на местах расстрелов еврейского населения в г. Осиповичи, деревнях Липень, Гродзянка, Дараганово были установлены памятники с аналогичными надписями. Так, на памятнике в д. Дараганово, расположенном на месте старой пекарни, было написано: «Обнажите головы! Здесь покоятся вечным сном мирные советские граждане, замученные фашистскими извергами в мае 1942 г. 73 человека».

В большинстве своем памятники на месте расстрела евреев устанавливались по инициативе родственников, соседей или очевидцев трагедии. Так, из воспоминаний Э.М. Колос можно узнать о том, как устанавливался памятник на еврейском кладбище г. Осиповичи: «Не помню точно, в каком году это было. Тут было много приезжих, но и местные жители остались. И среди них была Соня (Сенехана) Каган. Соня собирала деньги на памятник, и все евреи давали деньги. Заказывали памятник частным путем. Руководил его изготовлением Трубович. Имя его не помню. Он был и инициатором установления памятника. Вся его семья погибла в гетто в Осиповичах. Трубович был строитель, где-то работал прорабом. Жил не в Осиповичах, но приехал и руководил строительством. Памятник просто поставили, и все. Никакого торжественного открытия не было. Я в это время уже работала в райфинотделе, и точно знаю, что райисполком никакого участия не принимал. Через меня же все деньги проходили. Исполком ни копейки денег не давал. Все делалось за счет пожертвований» [5].

Можно предположить, что в деревнях ситуация была несколько иная. Скорее всего, деньги на установку памятников жертвам Великой Отечественной войны, в том числе и жертвам Холокоста, выделяли местные исполкомы. Однако документальных подтверждений этому пока найти не удалось.

После начала перестройки ситуация изменилась. В 1991 г. был создан Союз еврейских общественных объединений и общин, в 1992 г. – «Ассоциация евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей». Эти и другие еврейские организации начали вести большую работу по увековечиванию памяти жертв Холокоста в Республике Беларусь, привлекая всех жителей Беларуси, а не только евреев. В нашем районе педагогами и учащимися была проведена кропотливая работа

по установлению истинного числа погибших евреев. Она нашла отражение в сборнике «Война известная... и неизвестная», выдержавшем уже два издания (сост. Н.Л. Цыганок, Минск, 2010, 2012).

Родственники уничтоженных фашистами на свои деньги и на деньги еврейских организаций стали устанавливать новые памятники. К ним подключились белорусские общественные организации, неравнодушные люди, а также государственные органы власти.

Были установлены новые памятники в деревнях Дараганово, Крынка, Липень, Елизово. На многих старых памятниках добавились таблички с именами погибших на белорусском языке и на идиш. Так, у старой пекарни в Дараганово 26 июня 2009 г. был открыт новый памятник жертвам Холокоста. Это памятник, на котором навечно выбиты фамилии 162 евреев, погибших от рук фашистских палачей. Надпись «У памяць яўрэяў вескі Дараганавы, расстраляных нацыстамі ў маі 1942 г.» написана на белорусском, английском и еврейском языках.

История установления памятника свидетельствует о том, что и в наше время не так уж легко сделать это.

В мае 2008 г. в Дараганово приехала Регина Эпштейн (внучка расстрелянных в мае 1942 года Сарры и Рафаила Эпштейнов) со своим сыном Ильей Машанским. Сын Рафаила и Сарры Борис Эпштейн, находясь в действующей армии, только в 1944 году узнал, какая участь постигла его родителей. С тех пор это стало незабываемой болью в его семье. И вот, наконец, Регина осуществила мечту отца и приехала поклониться могилам предков. В это же время она решила, что нужно поставить новый памятник. И самое главное – выбить на нем фамилии всех расстрелянных весной 1942 года. Илья Машанский пообещал выделить средства на новый памятник.

Уточнением списков занялся Владимир Семенович Свердлов, еврей, находившийся в начале войны в детском доме (а фактически лагере малолетних узников), расположенном недалеко от Дараганово, в деревне «Крынки», и случайно спасшийся от расстрела. Он исследовал все списки погибших и составил уточненный список из 162 фамилий и имен. Этот список был отправлен в райисполком Осиповичей для утверждения. За то время, что уточнялись списки, И. Машанский перевел деньги на счет Дарагановского сельского Совета.

И вот здесь возникли некоторые проблемы. Городские власти, проанализировав имеющиеся списки, в том числе и составленный

В.С. Свердловым, усомнились, что в этой могиле лежат только жители еврейской национальности. «А что, если там есть и белорусы? Возможно, потом кто-то предъявит претензии». Они никак не давали разрешения на установку памятника.

Чтобы прояснить ситуацию, попросили меня подключиться к этому вопросу (я давно занималась историей Холокоста в Осиповичском районе и понимала проблему лучше других). Изучив повторно все списки, переговорив с учеными, писателями, очевидцами, музейными работниками, я смогла убедить работников исполкома в том, что в этой могиле – только евреи. Разрешение на установку памятника было получено.

Председатель Дарагановского поселкового Совета Антонина Степанова (сейчас она работает директором районного краеведческого музея) установила тесные связи с координатором комиссии по увековечиванию памяти жертв Холокоста в Беларуси И.М. Краверским, который не только помог найти мастерскую по изготовлению памятника, но и предоставил недостающие средства. Так общими усилиями памятник в д. Дараганово был открыт.

Памятник в д. Крынка носит неофициальное название «Детский камень». На нем надпись: «Памяці 84-х яўрэйскіх дзяцей з дзіцячага санаторыя «Крынкi», расстраляных фашыстамі ў красавіку 1942 г.» Такая же надпись и на идишь. Ежегодно по инициативе бывшего малолетнего узника Владимира Свердлова, проживающего сейчас в Минске, проходит митинг у «Детского камня», установленного на месте расстрела воспитанников санатория «Крынки», превращенного фашистами в детский концентрационный лагерь.

В Осиповичском районе в настоящее время 8 памятников, установленных в память о жертвах Холокоста, и один, установленный Праведнику народов мира. В музее Дарагановской СШ имеется уголок, посвященный расстрелянным евреям и Праведникам народов мира этого небольшого белорусского местечка. Создана экспозиция в районном краеведческом музее.

В тоже время есть еще места, которые никак не отмечены памятными знаками. По данным профессора Э. Иоффе, в деревне Лапичи фашисты уничтожили около 220 жителей еврейской национальности [6, с. 6]. Живы еще жители, которые могут указать место расстрела. Имеются документальные свидетельства страшного события в истории местечка. В книге «Память» опубликованы воспоминания

И.П. Сугако: «Там до войны стояло 225 еврейских домов. Везде были торговые лавки. В Минске не купишь того, что можно было купить здесь. С приходом фашистов все изменилось. В июле 1941 г. немцы собрали молодых мужчин и сильных парней – тех, кто, по их мнению, был опасен. Человек 20-30 беженцев попали в эту группу. А всего, вместе с евреями, 75 человек. В том числе две женщины – еврейка и русская. Собрали их всех на углу (сейчас там магазин). Били березовыми палками. И погнали дальше. В лесу была дорожка на пристань. Там яма глубокая – песок на дорогу брали. Там и расстреляли. А все кругом было оцеплено немцами. ... Многие женщины, чтобы уцелеть, принимали православие, вешали иконы. Но ничего не помогло. В каждый дом заходили. Отогнёт вот так ухо, посмотрит, не знаю, что там увидит, и кричит: «Юдэ!». Весной 1942 г. всех повели в военный городок, расстреляли». [7, 201].

Останки расстрелянных случайно в 1992 г. нашёл Г. Г. Мизюк. Он собирал грибы, и вдруг видит – человеческий череп. Подошёл ближе, нагнулся – а там дырочка. Ему, как бывшему партизану и солдату, не нужно было объяснять, что это такое. Сельский Совет с помощью специального поискового батальона произвёл сначала раскопки, а потом перезахоронение останков погибших. В 1993 г. они с воинскими почестями были похоронены на старом еврейском кладбище в Осиповичах [8].

Однако и сегодня на месте расстрела нет даже таблички с надписью.

Не меньшей проблемой является и установление памятников Праведникам народов мира. Вопрос об установке на могилах Праведников народов мира новых памятников вместо пришедших в негодность я поднимала на страницах газеты «Авив» (газета Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин). В статье «Не частный вопрос» (июнь 2008 года) писала о том, что могилы Праведников часто находятся в запустении, потому что родственников, чтобы ухаживать за ними, в большинстве случаев уже нет в живых, а средств у поселковых Советов на все нужды не хватает. Предлагала обратить на это внимание и представителей государства Израиль, ведь восстановление памятников на могилах людей, которые спасали евреев, рискуя собственными жизнями, самое малое, что сегодня можно для них сделать.

В таком же плачевном состоянии находился и памятник на моги-

ле Кирилла Раковича, партизана, погибшего в годы Второй мировой войны в борьбе с фашистами, Праведника народов мира. Одной из замечательных и непростых страниц его жизни было спасение еврейской семьи Пик. Кирилл Ракович и его жена Нина спасли Фаню Пик и ее дочь Эру. Звание Праведников народов мира им было присвоено посмертно в 2002 году.

После выхода в свет в 2010 году книги «Война известная... и неизвестная» [3], в которой рассказано в том числе и о Праведниках Осиповичского района, нашлись неравнодушные люди, которые вплотную занялись этим вопросом. И среди них учительница истории Елизовской СШ Светлана Новикова. Именно она помогла далекой родственнице Раковича Л. Мурзич составить письмо-прошение в Осиповичский районный исполнительный комитет о ремонте памятника, и дело сдвинулось с «мертвой точки». Многие годы на могиле К. Раковича можно было видеть полуразрушенный столбик со стертой надписью. И вот в 2012 г. памятник восстановлен. На нем надпись: «Ракович Кирилл Алексеевич. 18.05.1898 – 14.06.1944. Вечная память партизану Великой Отечественной войны, Праведнику народов мира. С уважением и низким поклоном благодарные потомки».

Памятник поставлен на средства Осиповичского райисполкома, а территория вокруг могилы выложена плиткой на частные пожертвования, оставшиеся от оплаты второго издания сборника «Война известная... и неизвестная» [4].

Но это единственный пример такого рода. В Осиповичском районе похоронены трое Праведников народов мира и 15 человек, не имеющих официально звания Праведников, но спасавших евреев в годы Великой Отечественной войны [4, с. 169-172]. А сколько таких могил по всей Беларуси?

«Невоспетые» герои заслуживают того, чтобы и их подвиг, и память о них были достойно увековечены.

Литература:

Баршай М. Один день ожидания... Воспоминания. – Осиповичи, личный архив Н.Л. Цыганок.

Винница Г. Р. Холокост на оккупированной территории Восточной Беларуси в 1941-1944 годах. Минск, 2011. – 362 с.

Война известная... и неизвестная: сборник научно-исследовательских работ

школьников, статей и воспоминаний / составитель Н.Л. Цыганок. – Мн., 2010. – 299 с.

Война известная... и неизвестная: сборник статей, исследовательских работ школьников и воспоминаний. 2-е изд., переработанное и дополненное / составитель Н.Л. Цыганок. – Мн., 2012. – 468 с.

Воспоминания Э.М. Колос. – Осиповичи, личный архив Н.Л. Цыганок.

Иоффе Э. Светлой памяти жертв нацистского геноцида / Э. Иоффе // Война известная... и неизвестная: сборник статей, исследовательских работ школьников и воспоминаний. 2-е изд., переработанное и дополненное / составитель Н.Л. Цыганок. – Мн., 2012. – 468 с.

Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Асіповіцкага раена. Мн., 2002. – 720 с.: іл.

Тамашэўскі А. Расстрэл у Лапіцкім лесе. – «Запаветы Леніна», 1992 г., 11 лістапада.

I. Памятники жертвам Холокоста и их спасителям в Осиповичском районе.

№ п/п	Место, где расположен памятник	Год установления старшего памятника	Надпись на старом памятнике	Год установления нового памятника	Новая надпись
1.	д. Гродзянка, деревенское кладбище	1974 г.	1941 – 1945. Мирным гражданам – жертвам фашистских оккупантов.	Не установлен	Плита у подножья с фамилиями и надписью: Минц Х.М. Минц Л.Х. Эдель Я.М. Эдель Х.С. Убиты фашистами 15.8.41. Вечная память им. (<i>Время установления не указано</i>)
2.	д. Дараганово, в лесу за стадионом	1976 г.	Остановись, прохожий! Почти память мирных граждан, расстрелянных фашистами 6 сентября 1941 г. Наумюк Л.И. Кислый Ваня, 14 лет Михадюк Гриша, 15 лет Хейман А.И. Фрибиштейн С.М. Кайдановский Х.М. Гарцман М.Н. Гимирштейн Х. Горячик Л.Э. Ковалерчик Р.	Меняли плиту и ограду. 2009 г.	Нет
3.	д. Дараганово, в лесу за старой пекарней	1977 г.	Обнажите головы! Здесь покоятся вечным сном мирные советские граждане, замученные фашистскими извергами в мае 1942 г. 73 человека	2009 г.	У памяць яўрэяў вёскі Дараганова, расстраляных фашыстамі ў маі 1942 г. (<i>Надпись на белорусском, английском языках и на идиш. Также на памятнике выбиты фамилии 162 евреев, расстрелянных на этом месте.</i>)

4.	пос. Елизово, ул. Полевая (в лесу)	1967 г.	Здесь похороне- на группа рабо- чих стеклозавода и военноплен- ных, расстрелян- ных фашистами 21.01.1942 г. Баршай И.Я. Баршай И.М. Радунские Загальские Пик Вайнер Замелихин Пикус Крумер Марголин Братья Филь- кельштейн Кац Каган и другие. Вечная слава павшим.	2010 г.	Здесь похоронена группа рабо- чих стеклозавода и военноплен- ных, расстрелянных фашистами 21.1.1942 г. Почти что четверть белорусов Война из жизни унесла И мы, живые, с чувством грусти Сегодня чтим их имена Баршай И.Я. Земелихин Баршай И.М. Пикус Радунские Крумер Загальские Марголин Пик Кац Вайнер Каган Братья Филькельштейн и другие
5.	пос. Елизово, деревенское кладбище	50-е гг. XX в.	Надпись отсут- ствовала	2012 г.	Ракович Кирилл Алексеевич 18.05.1898 – 14.06.1944. Вечная память партизану ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ войны, Праведнику Народов Мира. С уважением и низким покло- ном. Благодарные потомки.

7.	д. Крынки, в лесу на месте бывшей усадьбы помещиков Дараганов, где до войны располагался детский санаторий «Крынки»	2004 г.	Тут, у былой сядзібе Дараганаў, з 1941 па 1943 г. знаходзіліся у фашысцкай няволі дзеці санаторыя «Крынка», выхаванцы дзіцячых дамоў з Дараганава, Карытнага, Свіслачы, Лапічаў, Асіповічаў звыш 500 чалавек, якія паміралі ад голаду, холаду, хвароб, растрэлаў, часткова вывезены ў Германію.	Не ўстаноўваўся	
6.	д. Крынки, урочышце «Галны»	1975 г.	Обнажите голы! Здезь покояцца вечным сном 82 воспитанника детского санатория «Крынка». Расстреляны фашистскими извергами в апреле 1942 г.	2006 г.	Памяці 84-х яўрэйскіх дзяцей з дзіцячага санаторыя «Крынка», расстреляных фашыстамі ў краінах 1942 г. (<i>Та же надпись на идишь</i>).
8.	д. Липень, ул. Риммы Кунько	70-е гг. XX в.	Жертвам фашизма. 1941 – 1944	2009 г.	Жертвам фашизма. 1941 – 1944. В честь памяти расстрелянных и сожженных евреев в годы ВОВ.
9.	г. Осиповичи, еврейское кладбище	70-е гг. XX в.	Память родным и близким, расстрелянным фашистами. 1941 – 1942.	Не ўстаноўваўся	Плита у подножыя памятніка с надпісью на идишь и датами 1941 – 1945 (<i>дата установки не известна</i>)
10.	д. Ясень, табличка в лесу с ограждением	Не известен	Тут 2 сакавіка 1942 года нямецка-фашысцкімі захопнікамі і іх прыспешнікамі былі расстреляны яўрэі, мірныя жыхары п. Ясень	Не ўстаноўваўся	

Katarzyna du Vall

PhD Candidate

Centre for Holocaust Studies /

Institute of European Studies

Jagiellonian University

POLISH LAW AND TOTALITARIAN IDEOLOGIES: THE NEED FOR CHANGE

Poland has been the victim of National Socialism and communism. Therefore, it is no surprise that it is one of those countries that adopted certain regulations relating to the question of the presence of totalitarian ideologies in the public sphere.

Currently, there are 4 legal acts that directly deal with this issue:

The Constitution of the Republic of Poland of 2nd April 1997

The Criminal Code of 6th June 1997

The act of 18th December 1998 on The Institute of National Remembrance – Commission for the Prosecution of Crimes against the Polish Nation (IPN)

The act of 1st April 2016 on the ban of promotion of communism or other totalitarian systems by names of buildings, objects, and public utility facilities

The question arises what are the aims of these laws in a democratic state and whether they serve the purpose for which they were set up. It is to be stressed that they obviously restrict fundamental freedoms such as: freedom of speech or free creation of political parties. Therefore, such regulations should be made and applied carefully.

For the purposes of this short report, I will mention the first two provisions and highlight the essential problems arising from them¹.

Thus, article 13 of the Constitution of the Republic of Poland reads as follows:

„Political parties and other organizations whose programmes are based upon totalitarian methods and the modes of activity of Nazism, fascism and communism (...) shall be prohibited”².

Article 256 of the Criminal Code states that:

“1. Whosoever publicly propagates a fascist or other totalitarian state system (...) is subject to punishment”

2. Whoever produces, records or imports, purchases, stores, possesses, present, transport or send – for the purpose of dissemination – printed materials, recordings or other objects comprising the content specified in § 1 or being carriers of fascist, communist or other totalitarian symbols, shall be subject to the same penalty.

3. The perpetrator of the act prohibited under § 2 shall not commit an offence, if the said act was committed as part of artistic, educational, collecting or academic activity (...).³

In my view, the core problem with above rules is the absence of a legal definition of: Nazism, fascism, communism, totalitarian state system, totalitarian methods and the modes of activity.

However, according to Supreme Court’s decision of 1st September 2011 (V KK 98/11), a meaning of a term “totalitarian state system” is self-evident among historians and there is no need to appoint an expert to define it.

In my opinion such an approach is highly controversial. The addressee of the rule of law, particularly the criminal laws, should be aware of the unlawful conduct. Meanwhile, until today, totalitarian state systems are the subject of research and there seem to be no consistent view among specialists in this field.

1 It should be noted that work is pending on the amendment of the act of 18th December 1998 on the Institute of National Remembrance and the act of 1st April 2016 has not entered into force yet.

2 The Constitution of the Republic of Poland of 2nd April 1997, eng.: <http://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/angielski/kon1.htm>

3 Eng.: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL\(2013\)006-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL(2013)006-e) (p. 12). The part which contains the words: „or being carriers of fascist, communist or other totalitarian symbols” has been challenged as unconstitutional by the Constitutional Court (the judgement of 19th July 2011, K11/10).

Furthermore, regulations existing in Polish legal order limit the question exclusively to three totalitarianisms. Namely, they refer to historical totalitarianisms that were imposed on Poland – that means: they were not invented or developed by the Poles. Therefore, they constitute a legal protection from the taboos, rather than real threat. It seems that other types of totalitarian systems in fact do not fall within the scope of the existing regulations. Consequently, promotion of any forms of fundamentalist doctrines that by their very nature contradict democracy, as they seek to take total control over society, cannot be effectively prosecuted.

Simultaneously, one should be aware that such regulations are exceptional in a democratic state, since a general rule is political pluralism and a freedom of expression. In consequence, they cannot be framed or interpreted too broadly.

Eventually, it is impossible to publish even a critical edition of Nazi, fascist, and communist ideologues writings. As a result, in the Internet age, almost everyone can have access to such content. But, in Polish case, there is a lack of critical analysis. What is more, illegal content can be tempting for young people and do more harm than good.

In this regard, it seems that there is a need for change of anti-totalitarian laws in Poland. The following options can be considered:

- Improving existing legislation by clarifying the rules;

- Removing the anti-totalitarian provisions and the application of other existing regulations (i.e. concerning hate speech).

When looking at current situation in Europe, in particular growing popularity of extreme right-wing political movements, only the first solution seems to be acceptable. Keeping such provisions can at least refrain from disseminating genuinely evil ideologies.

Tamara Viarshytskaya
Museum of History and Regional
Studies and Jewish Resistance
Museum, Novogrudok, Belarus

Тамара Вершицкая
Музей Еврейского Сопротивления
на Новогрудчине

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМЫ

Музей Еврейского Сопротивления в г. Новогрудке возник по инициативе Новогрудского историко-краеведческого музея как следствие сотрудничества с евреями-эмигрантами из нашего города. Первый контакт состоялся в 1992 г., когда в только что открывшийся

районный историко-краеведческий музей обратился Джек Каган с вопросом что есть в музее о евреях Новогрудка. Этот вопрос поставил сотрудников музея в тупик, потому что ни о каких евреях до тех пор речи не было вообще. Но поскольку музей был молодым и было “не стыдно” не знать, мы попросили поделиться с нами тем, что знал он. Мы были искренне заинтересованы.

Итак, вызов первый, с которым столкнулись большинство тех, кто занялся изучением истории евреев Беларуси, – это отсутствие информации об истории евреев своего города или посёлка в официальных источниках и молчание тех, кто знал.

Как правило до войны евреи составляли значительную часть населения большинства городов и местечек Беларуси. Здесь возник уникальный феномен штетла – местечка, в котором совместно проживали белорусы, поляки, евреи, татары – заключающийся в том, что несмотря на тесное соседство и в некоторой степени заимствование, не произошло слияния культур. По ряду причин, которым можно посвятить отдельное исследование, история еврейской общины оказалась вычеркнутой и почти стёртой из памяти.

Есть несколько объяснений, почему в Новогрудке процесс восстановления истории еврейской общины развивался активнее, чем в других местах. Первое и самое главное – источником информации стали евреи-выходцы из Новогрудка, и в основе наших взаимоотношений лежали открытость и с одной стороны – желание узнать, а с другой – поделиться знанием. Во-вторых, история, которая постепенно открывалась и разворачивалась перед нами, была уникальной во многих отношениях и не могла оставить равнодушными. В-третьих, (и возможно, это и было самым главным) Джек Каган, который первым обратился к нам, оказался удивительным человеком с собственной миссией – сохранить память о новогрудской еврейской общине, постигшей её трагедии и борьбе новогрудских евреев за жизнь.

Поначалу, как и в других местах, речь шла об установке памятников на местах массовых расстрелов с текстом на белорусском, английском языках и иврите, в которых говорилось о том, что в этих могилах лежат евреи и чьих рук это дело. Для решения этой проблемы нужны были совместные усилия и желание понять другую сторону. Этот процесс занял несколько лет, поскольку в Новогрудке были известны три места массовых расстрелов и по архивным данным в одном из них расстреливали не только евреев, но и людей других национальностей.

В результате появились не только новые памятники, установленные Джеком Каганом при поддержке местной администрации и непосредственном участии белорусско-израильского СП “Леор Пластик”, находящегося в г. Новогрудке, но возникли дружеские отношения и доверие, которые позволили сделать, казалось бы, невозможное.

Дело в том, что процесс восстановления еврейской истории поначалу вызвал недоумение подавляющего большинства жителей города и вопросы: “Зачем вам это нужно? Почему вас интересуют евреи?”

Вызов второй: Это – не наша история.

Разделение населения по национальному признаку, которое было одним из направлений нацистской политики, осуществлённой на деле оккупационными немецкими властями на оккупированной территории; претензии к евреям, обусловленные политическими процессами, имевшими место накануне войны (установление советской власти в западных областях Беларуси в сентябре 1939 г., с которой сотрудничали многие евреи); антисемитизм, массово пропагандированный и насаждавшийся во время войны оккупационными немецкими властями, а после её окончания – сталинским режимом; и, наконец, массовое уничтожение евреев, участниками которого или невольными свидетелями стали жители оккупированных территорий, были причинами нежелания помнить. К тому же в городе практически не осталось коренных евреев, живших в Новогрудке до войны.

Понадобились годы усилий, чтобы совершить переворот в массовом сознании жителей города, чтобы спустя 60 лет забвения люди снова начали воспринимать всё, что связано с евреями Новогрудка, как часть истории своего города.

Безусловную роль в этом процессе сыграло создание Музея Еврейского Сопротивления на месте бывшего гетто. Рождение музея было продиктовано самой историей, произошедшей в этом месте, и стало логическим продолжением процесса, начавшегося в 1992 г. с визита Джека Кагана в Новогрудок. Экспозиция, созданная при поддержке европейского фонда по мемориализации и увековечению памяти жертв Холокоста (ИТФ) и лично Джека Кагана, была открыта в июле 2007 г.

Появление Музея Сопротивления воспринималось неоднозначно. Администрация города не возражала против его создания, но и не помогала. На уровне областного управления и Министерства культуры инициатива не поощрялась. Мнения местных жителей можно

было разделить на три категории: одним было всё равно, другие начали рассказывать всё, что они знали о евреях, третьи были настроены открыто скептически. Свидетельством изменения отношения сначала стали инициативы по присвоению имени Тувии Бельского, командира еврейского партизанского отряда, молодёжной организации БРСМ гимназии №2 в 2010 г., а также имени Джека Кагана – классу СШ №5, а затем – присвоение звания почётного гражданина города Новогрудка Джеку Кагану в 2011 г. за вклад в сохранение памяти и увековечение погибших.

Главную роль в произошедших изменениях сыграла история, которая вернулась из небытия и легла в основу экспозиции.

В августе 1942 г. по приказу гебитскомиссара Вильгельма Трауба на улице Кореличской в г. Новогрудке был организован еврейский трудовой лагерь – гетто закрытого типа №2. Около 500 человек, получивших новые рабочие карточки, были переведены из гетто на Пересеке в здания воеводского суда для работы в мастерских. 7 мая 1943 г. половина узников лагеря погибла в четвёртой акции расстрела. После этого оставшиеся в живых 250 человек приняли решение строить туннель.

Экспозиция музея разместилась в здании бывшего барака, в помещении где в 2007 г. был обнаружен вход в туннель. Помещение под экспозицию было предоставлено администрацией аграрного лица, которому принадлежат все здания, имеющие отношение к истории первой акции расстрела, трудового лагеря, туннеля и побега.

Эту историю сотрудники музея впервые услышали от Джека Кагана, а затем в 1998 г. в Лондоне вышла книга воспоминаний, написанная Джеком в соавторстве с его двоюродным братом Довом Коэном. Книга была сразу переведена на белорусский язык и издана в Минске в 1999 г. Тогда, в конце 90-х, имя братьев Бельских было известно только узкому кругу людей, непосредственно обязанных своим спасением этому самому многочисленному еврейскому партизанскому отряду в Европе, а о туннеле вообще не говорил практически никто. Даже в сохранившихся свидетельствах евреев, бежавших через туннель, побег является всего лишь эпизодом в череде унижений, страданий, гибели людей, которые перевешивают этот акт спасения.

Вызов третий: Новое осмысление событий и понятий

Само сочетание “еврей-партизан” вызывало недоумение и недоверие из-за распространённого стереотипа: евреи не воевали и не

сопротивлялись, когда их вели на расстрел. Братья Бельские, под началом которых к концу войны в Налибокской пуще было более тысячи евреев, и 250 последних узников трудового лагеря, прорывших за четыре месяца 200 метров туннеля размером 70x70 см под землёй не укладывались в общую картину. Несмотря на очевидность, факты требовали объяснений и доказательств.

До сих пор можно часто услышать мнение, что евреи не воевали, а лишь отсиживались в лесу и грабили местное население.

Хотя, последнее часто можно услышать и в адрес партизан-не евреев, еврейский партизанский отряд братьев Бельских действительно отличался по своему составу и целям от других советских партизанских отрядов. Мало того, что это был семейный отряд, в котором было более трёхсот женщин и около 60 детей, командир отряда не ставил перед отрядом цели уничтожать немцев. Несмотря на то, что в июне 1943 г. по приказу партизанского подпольного командования из отряда была выделена боевая группа для ведения боевых действий совместно с другими партизанскими отрядами, главной задачей, которую поставил перед собой командир, и которой было подчинено всё и вся, было спасение евреев. Без понимания еврейской традиции и того, что главной ценностью для евреев является жизнь, невозможно оценить масштабы миссии, взятой на себя Тувией Бельским. Тем более это трудно объяснить и понять оперируя категориями военного времени, когда уничтожение врага (убийство) является мериллом доблести, предметом гордости и славы.

Сомнение вызывало и существование самого туннеля. Уж слишком невероятным казался сам факт – 200 м под землёй, прорытые в охраняемом гетто незаметно для охранников и побег, в результате которого 2/3 остались живы и смогли отыскать в 15 км от города в лесу старую базу отряда Бельских.

На протяжении двадцати лет на базе музея ведутся исследования, проведён ряд конференций и семинаров для учителей, преподавателей ВУЗов и музейных работников Беларуси с участием специалистов из Яд Вашем, НПЦ “Холокост” (Москва), Лондонского еврейского культурного центра. В 2011 г. музей был отмечен второй премией среди музеев Беларуси за патриотическое воспитание на основе экспозиции, посвящённой еврейскому сопротивлению.

В экспозиции Музея Сопротивления представлены конкретные люди, а её цель – представить их судьбы, погрузить в личные истории,

тем самым включить сопереживание и понимание. Достоверность истории подтверждают артефакты, найденные во время археологических раскопок. В 2007 г. был обнаружен вход в туннель, а в 2012 г. – проведены исследования на всём протяжении туннеля, установлен точный маршрут и его протяжённость. Поиск туннеля проводился с участием трёх непосредственных участников побега, один из которых строил туннель. (Исроэл Колачек живёт в настоящее время в Израиле). В поисковых работах участвовали дети и внуки бывших узников, приехавшие из разных стран, а также молодые люди из Новогрудка, для которых история побега и еврейского партизанского отряда ожили и стали реальностью в присутствии людей, имеющих к ним непосредственное отношение.

В результате исследований появилось много фактов и деталей, которые позволяют визуализировать произошедшие события. Благодаря этому воссоздаётся реальная картина, полная противоречий, страхов, недоверия, отчаяния, злости из которых рождаются отчаянная смелость, непоколебимое упорство и мужество, продиктованные желанием жить.

Таким образом, в основе экспозиции Музея Сопrotивления заложен конфликт. С одной стороны, гетто – это место, где все узники должны были умереть. С другой стороны – представлена реальная история борьбы за жизнь, увенчавшаяся успехом. Именно идея борьбы с обстоятельствами без пафоса и киношного героизма делает Музей Еврейского Сопrotивления на Новогрудчине музеем для всех.

После того, как был установлен маршрут туннеля на всём его протяжении и обнаружены остатки туннеля недалеко от выхода возникла идея музеефикации прилегающей к туннелю территории. Музеефикация предусматривает обозначение маршрута на всей протяжённости и консервацию обнаруженных остатков туннеля, закладку Сада Справедливости и Милосердия, а также возведение Стены Памяти.

Два первых этапа были завершены в 2014 г. в ходе реализации проекта, осуществляемого музеем при поддержке германского фонда “Память. Ответственность. Будущее”, целевой группой которого являются бывшие остарбайтеры – люди, принудительно вывезенные на работы в Германию в годы войны. Работы по установке бордюров вдоль туннеля выполняли студенты сельскохозяйственного лицея, на территории которого расположен музей, и таким образом непосред-

ственно знакомились с историей строительства туннеля и побега. В закладке Сада принимали участие бывшие остарбайтеры.

Сейчас предстоит строительство Стены Памяти. Идея Стены заключается в том, чтобы сохранить имена и истории каждого участника побега, так же как идея Сада – сохранить имена тех, кто помогал евреям, оставаясь людьми в условиях, когда сама жизнь потеряла ценность.

История побега – это, в первую очередь, история жизни, а не смерти, поэтому медитативная Стена Памяти должна вызывать не чувство горя, как единственную эмоцию, а богатое и сложное переживание всей истории, основанной на любви к жизни и утверждении жизни.

Вызов четвёртый: Это история наших семей, но это не наша история.

Сегодня дети и внуки бывших партизан отряда Бельского гордятся принадлежностью к истории самого многочисленного в Европе еврейского партизанского отряда, которая стала известна всему миру благодаря Голливудскому фильму “Вызов”, снятому режиссёром Эдвардом Цвиком, поляком по происхождению. Когда мы вместе искали туннель с детьми и внуками евреев, которые бежали через туннель, снимался документальный фильм с рабочим названием “Побег!” (окончательное название “Туннель надежды”). Тогда же был предложен для обсуждения проект музеефикации территории вокруг туннеля. Идея создания мемориала не вызвала энтузиазма среди участников поисков. Понадобилось время, чтобы понять почему. В этом фильме внук Джека Кагана говорит: “Это история нашей семьи, но это не моя история”. Фильм, снятый в Новогрудке в 2012 г., показал, что дети и внуки тех, кто так трепетно относился к Новогрудку как к своей родине, несмотря на всю тяжесть воспоминаний, связанных с пережитой трагедией, кто (как Джек Каган) строил мост над пропастью, разделившей нас, не захотели заметить протянутую навстречу руку. Судьба строящегося мемориала стала делом Новогрудского историко-краеведческого музея.

Tatjana Vukelic
(PhD student, University of Freiburg)

MIGRATION OF ROMA PEOPLE FROM SOUTHEASTERN EUROPE TO WESTERN EUROPE (PARTICULARLY GERMANY)

When we speak about a huge topic ‘migration of Roma people’, we need to speak about history, identity (culture, language, religion), politics, etc. The current report is part of my PhD research, and is still work in progress. The empirical part of my qualitative research is being conducted in five South-Eastern European countries: Serbia, Montenegro, Bosnia and Herzegovina, Macedonia and Kosovo. On the example of Roma asylum-seekers I want to explain the mentioned new migration issue. “Visa requirements for travel to the Schengen area were lifted for citizens of Serbia, Macedonia and Montenegro in December 2009, leading to a dramatic increase in the number of asylum applications from Serbia (but other countries in the region as well) made in the EU, particularly Sweden, Belgium and Germany.”¹ The example of Roma asylum-seekers does not show only the situation of Roma people in the particular home countries, but also the social and political situation in South-Eastern Europe, as well as in the whole Europe.

¹ Civil Society Monitoring on the Implementation of the National Roma Integration Strategy and Decade Action Plan in Serbia in 2012 and 2013 (2014: 49), Decade of Roma Inclusion Secretariat Foundation, Budapest

Probably for the reason of political correctness it was rarely talked or written in the media about migration, or the immigration of Roma people in the previous years, although this population could also be found in the majority among the migrants from the new EU countries such as Bulgaria and Romania. The case is similar when we look at the case of the asylum-seekers in the Western European countries originated from the Western Balkans / South-Eastern European countries like Bosnia and Herzegovina, Macedonia, Montenegro, Serbia and Kosovo.

In the previous years, the economic reason was mentioned as the only reason for the aforesaid migration. In the press it has been reported about 'new immigrants', especially in the context of economic refugees. It has not been explored until now whether some other reasons for migration do exist; this is at least not to be found among publicly available information.

The reasons for 'new migration' are in my opinion much deeper than only the economic ones. In my research I am trying to understand them with the help of the previous scientific research and some journalistic research, but first of all due to my own empirical findings. The goal is to find out the underlying reasons of the current migration of Roma people and to explain them in the political and social context which is linked to the research topic. Numerous statements of the various Eastern European and German media sources have also been taken to a first critical examination.

According to the data of German Federal Office for Migration and Refugees (BAMF), almost the half of the first time applicants in the year 2015 (until May 2015) came from the six dominant

Western Balkan countries: Albania, Kosovo, Serbia, Macedonia, Bosnia and Herzegovina and Montenegro to Germany. However, the fall of the asylum-seekers requests number from the countries Serbia, Bosnia and Herzegovina and Macedonia comparing to the end of the previous year, 2014 could be witnessed.² More than a quarter of the first time applicants (120.882; 27,4%) which came to Germany in 2015 originated from six Balkan countries: Serbia, Macedonia, Bosnia and Herzegovina, Kosovo, Montenegro and Albania.³ In April 2016 there were 1.263 following applications (second time or multiple applications) registered at

² <http://www.bamf.de/SharedDocs/Meldungen/DE/2015/20150506-asylgeschaeftsstatistik-april.html>, access: 18.05.2015

³ http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/Broschueren/bundesamt-in-zahlen-2015-asyl.pdf?_blob=publicationFile, access: 30.05.2016

German Federal Office for Migrations and Refugees (BAMF). More than a half of the following applicants in the month April 2016 (55,7 %; 703 applications) came from the six countries of Balkan region: Serbia (225), Albania (140), Kosovo (139), Macedonia (121), Bosnia and Herzegovina (57) and Montenegro (21).⁴

In the previously published article of mine *Immigration of Roma from Republic of Serbia* (Vukelic, 2013) I have already tried to explain the issue. It is prompted for the connection between the new migration movements and politics. The first signs of the existence of networks have been confirmed by previous research. As three most important factors which influence the migration of the Roma population were connections through the Internet, among the friends or circle of relatives, as well as nongovernmental organisations (NGOs). Due to the high complexity of the topic the indepth research is very welcome.

The findings from the own field research in the concerned countries should provide new information concerning motivation, course and consequences of the current migration. This should especially bring out the political and social conditions in the countries of origin, associated with the migration. In already existing work on Roma migration from Eastern Europe it is hardly been dealt with the network structures. The original idea is that we are talking here about chain migration, i.e. migrants follow the previous migrants of their own group. Therefore the study of networks is likely to lead to new, more extensive knowledge in relation to Roma migrants and Roma migration.

The most existing research, as well as publications on Roma issues (e.g. Heuss 2011; Ivanova and Krustev 2013; Jacobs 2011; Marushiakova and Popov, 2005; Marx 2011; Matter 2005; Srdic 2009; Strauss 2011, etc.) deal with the issues of Roma minorities in the respective countries, with the issues of social inclusion, including culturespecific issues, stereotypes as well as any type of discrimination by the major society, as well as gender issues, but also with legal – political issues. There are not much accessible information regarding the connection between migration and politics, as well as to the government of one particular country (Sievers, 2012).

From a pragmatic perspective the Roma issues were worked on, especially as part of initiatives to the Decade of Roma Inclusion (2005-2015)

⁴ http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Downloads/Infothek/Statistik/Asyl/201604-statistik-anlage-asyl-geschaeftsbericht.pdf?_blob=publicationFile, download: 30.05.2016

(Open Society News, 2005). Since 2005 different EU projects are offered in various Western Balkan / South-Eastern European countries which deal with inclusion of the Roma population in the majority of society, with improvement of their living and working conditions, with their training opportunities, health conditions, etc. The second part (officially not called 'Decade of Roma Inclusion', but the idea is very similar to the previous one) is planned for the period from 2016-2020.

Through my participant observation, as well as through the analysis of the existing literature on the concerned issue, but also through a lot of conversation with the concerned population, I could find out that the effectiveness of the actions taken by the majority of those affected in many countries of South-Eastern Europe is questioned. The reasons of this failure are probably of various natures; they should also be clarified by further fieldwork. There are for sure more educational activities / projects / political initiatives than in the time before the Decade of Roma Inclusion. But some issues are still missing, like education for the Roma population over 30. (as the project *Druga sansa*⁵). In my opinion the parallel education of younger and older people can bring the Roma population further and make the prosperity in the concerning countries easier and sooner possible.

The most mentioned topic by the interviewees is that there is no monitoring for Decade of Roma Inclusion and no real coordination for the projects. In my opinion the lack of education of Roma people in concerning countries in general, but also lack of political education are also very important reasons for the current migration and asylumseeking of Roma people, what is also a very important sociological and political issue. The role of the State, and the states in South-Eastern of Europe, but also in Western Europe regarding the educational issues in the concerning countries is to be questioned as well. According to some interview partner, the most of Roma asylumseekers are originally not informed at all about the countries they are going to, and the information that they do have come from a third hand knowledge. There is obviously one number of non-Roma, but also some Roma who abuse their ignorance. (Vukelic, 2013) Such point of view illustrates some new perspective in the current issue.

The official statements of the governmental authorities on the situation of Roma issues in general, but also regarding migration issues appear to some extent to be somehow contradictory. There are a lot of doc-

⁵ <http://drugasansa.rs/?lang=en>

umented ideas and proposals regarding the Roma issues, but they need to be better implemented in the praxis, actually not only in South-Eastern of Europe but also in the European Union.

The mentioned questions can be best answered by qualitative research methods. The qualitative interviews are therefore conducted in all concerned countries. In my research I am dealing with the expert interviews, and semistructured interviews. The expert interviews were led with the representatives of governmental and non-governmental institutions and organisations, academics with relevant topics knowledge, politicians and journalists. A second group of data consists of semistructured, openended interviews with Roma people who experienced migration. Based on the information from both the expert interviews, but also from the interviews of the second group

I am trying to understand whether peculiarities are to be noticed and whether and how to improve the current situation of the Roma ethnic group. I will also try from the collected material to arrange the other peculiarities as well as important statements, and to associate them with the other topics.

Interesting to be mentioned is the process of Readmission. It is not really clear if we can call it a 'modern deportation' because not a lot about this process of readmission is really known in public. There is no real communication between EU countries and countries of South-Eastern of Europe regarding the Roma people which have been sent back from the Western European countries. The Western European countries are sending the Roma people back to the countries of origin but still without any plan for the future; the home countries have signed the Readmission Agreement also without having a plan what to do with all the people in the future. The Roma people are offered the immediate help in the concerned countries, but no longterm solution, and they are still in some kind of sandwich position.

When speaking about the process of Readmission, I was also told during my fieldwork about some misuses, not only by organisations from Eastern-European countries, but also by international ones. My question is how can be proved actually if all that financial investments through diverse projects really came to the concerning Eastern-European countries, but also if they have been used for the proposed purpose. When we look at the previous ten years of 'Roma Inclusion' the situation of Roma people did not really change, despite the different research projects,

as the nonformal settlements without water, electricity, etc. still exist. Summarized, neither the Eastern-European nor the Western European countries have any plan for Roma people, what is not really known in public. In some points it looks like the Europe is somehow afraid of Roma people. When we speak about Roma people, we can not speak about a homogeneous group of people – this is also not very known in public. The main problem is somehow, there is no real communication between Roma and non Roma population. The important issue for this interplay between migration and politics I mentioned is maybe also: we can not stop migration, but the question is what kind of consequences, positive as well as ‘negative’ does this Roma migration process have; how can we minimize the ‘negative’ consequences; what could we as major population learn from Roma people and how can Roma population contribute to more value to the community in general.

Maria Vyathcina
Kazan Federal University

Anna Yudkina
State Museum-Preserve “The Kulikovo Field”

Мария Вятчина
Казанский Федеральный Университет

Анна Юджина
Музей-заповедник “Куликово поле”

BETWEEN "LOYAL ADMINISTRATION" AND "CONCERNED CITIZENS": ACTORS OF MEMORIALIZATION OF HOLOCAUST IN SMOLENSK REGION

МЕЖДУ «ЛОЯЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ» И «НЕРАВНОДУШНЫМИ ГРАЖДАНАМИ»: АКТОРЫ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ ХОЛОКОСТА В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

В фокусе внимания авторов данной работы – взаимодействие акторов мемориализации событий Холокоста на территории г. Смоленска и Смоленской области (Вязовеньки, Смоленск; Рудня; Рославль; Монастырщина; Велиж; Первомайский; Духовщина; Шумячи и др). Данный текст основывается на полевых материалах, собранных в ходе экспедиции Центра «Сэфер» в Смоленскую область в августе 2015 г. Кроме того, в научный оборот вводятся документы из нескольких архивов: архив Фонда «Холокост» (декабрь 2015 г.), Государственный архив Смоленской области (ГАСО, январь–февраль 2016 г.) и Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО, февраль 2016 г.). Привлекаются данные из периодических изданий, мемуаров и дополнительные устные свидетельства.

Согласно теории Я. Ассмана и Я. Зарубавель, предложенные кейсы рассматриваются как способы конструирования и поддержания памяти о прошлом через конституирование «мест памяти». Мемориалы постепенно приобретают новые функции, переходя от объектов «монументальной пропаганды» к «местам памяти». Исходя из определения, данного А. Ассман в работе «Новое недовольство мемориальной культурой», можно сказать, что в Советском Союзе не существовало общегосударственного или политического элемента в мемориализации Шoa. Тем не менее, «понятие мемориальной культуры охватывает гораздо большее, нежели государственные мемориалы

¹ Материалы собраны благодаря программе Центра «Сэфер» по поддержке исследований в области иудаики (грант Genesis Philanthropy Group в рамках благотворительной программы Charities Aid Foundation <Еврейские сообщества>).

и выступления государственных функционеров или публичных политиков; она опирается на живую активность гражданского общества, осуществляющуюся в виде бесчисленных исторических проектов [...]. Импульс для локальных инициатив рождается в конкретных населенных пунктах, жители которых слой за слоем открывают для себя свою историю». Из этого следует, что можно говорить о «мемориальной культуре Холокоста в СССР²», существовавшей, как минимум, в виде локальных практик.

В центре нашего внимания монументальная мемориализация в Смоленской области, т.е. установка памятных знаков на месте гибели и/или захоронения жертв Холокоста и связанные с ними практики памяти. Отметим, что мемориализация осуществлялась и по другим направлениям. Погибших родственников поминали в частных и коллективных молитвах, т.е. в рамках религиозной обрядности. С конца 1980-х гг. начинается публикационная активность по теме Холокоста: производится сбор воспоминаний, появляются мемуары и документальные свидетельства. Эти материалы также демонстрируют всю сложность социальных взаимоотношений вокруг проблемы информационного освещения, доступа к ресурсам и мемориальной политики.

Мы выделяем четырех акторов мемориализации: так называемые «неравнодушные граждане», лояльная администрация, активисты и еврейская община. На наш взгляд, эти четыре актора были включены в процесс мемориализации Холокоста в советский период. С распадом СССР изменились стратегии их взаимодействия, а также появились дополнительные акторы (например, религиозные организации – среди них Союз евангельских христиан-баптистов; международный проект по мониторингу захоронений «Вернуть достоинство» и т.д.).

Еврейские общины

В своем исследовании политики Советского государства по отношению к иудаизму С. Чарный отмечает, что «борьба за право обустройства мест захоронения погибших во время Холокоста³» была

² Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. С.70.

³ Чарный С. Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в период «оттепели»: 1953–1964. Автореферат диссертации на соискание степени к.и.н. М., 2008. С. 104.

одним из видов деятельности еврейских общин. Материалы архивных документов, отражающих работу уполномоченного Совета по делам в Смоленской области, показывают, что в 1946–1960-е гг. евреи Рославля и Смоленска неоднократно обращались с просьбами о разрешении открыть синагогу/зарегистрировать общину / разрешить коллективные молитвы по субботам и праздники в частных домах. В этих письмах, обращенных к власти, тема Холокоста служит одной из отправных точек: «С болью в сердце узнали мы возвратившись из эвакуации о чудовищном преступлении немецких варваров, которые в годы оккупации г. Рославля зверски расстреляли тысячи советских граждан *в том числе 800 евреев [курсив наш – А.Ю., М.В.]*. Придерживаясь еврейским религиозным обычаям мы должны еженедельно молиться богу за их души, погибшие от вражеских рук во имя освобождения нашей Родины»⁴. Аргументируя необходимость поминовения жертв нацистов, авторы писем просят удовлетворить их просьбы. Поскольку эти письма адресовались не только в местные органы, но и в Москву (“ЦК ВКП (б). Тов Суслову”), уполномоченный обязан был отвечать на них – так разворачивается, например, спор о численности погибших в Рославле: «Касаясь содержания жалобы, нельзя не отметить явно недобросовестное изложение фактического материала: по данным учета партийных и советских организаций в г. Рославле было истреблено немецко-фашистскими захватчиками *до 270 евреев [курсив наш – А.Ю., М.В.]*, тогда как жалобщики беззастенчиво сгущая краски доводят эту цифру до 800 человек».

Несмотря на то, что официально ни одна синагога не получила разрешение на открытие, архивные документы и воспоминания местных жителей свидетельствуют о разнообразных эпизодах подпольной еврейской жизни в Смоленской области. К началу 1960-х гг., со смягчением режима, становятся возможными обращения об облагораживании территорий братских могил и сооружении мемориальных знаков, которые заменяли существовавшие (опять же, по воспоминаниям) немногочисленные стихийные знаки (например, деревянное сооружение в Рославле).

4 ГАСО. Ф. Р-985. Оп.1. Д.4. Переписка с Советом и местными организациями, заявления верующих по вопросам, относящимся к религиозным культурам. 9 января 1948 – 21 декабря 1948. Л. 29–31; Д.1. 19 января 1960 – 31 декабря 1960. Л. 2, 17–22; ГАСО, Д.18. 17 января 1961–29 декабря 1961. Л.19, 40; Д.20. 6 февраля 1962–16 июля 1962.

Лояльная администрация

Тема Холокоста и памятники на местах расстрелов мирных жителей не входили в область понятия “монументальная пропаганда”, что видно из соответствующих административных планов. Более того, эти памятники ставились в результате низовых инициатив и сравнительно быстро, поэтому они отсутствуют в документах о планировании (которые составлялись на десятилетия вперед, например, “Перспективный план монументальной пропаганды по Смоленской области на 1959 – 1970-е годы”).

Единственная документально зафиксированная реакция, известная нам на данный момент – это запреты от рай- и горисполкома на открытие синагог и регистрацию общин, которые упоминаются уполномоченным по делам религии. Однако эти запреты регулировались всесоюзными органами. С другой стороны, когда инициативная группа пришла в горисполком по поводу сооружения памятника в Вязовеньках, по воспоминаниям Иды Исаевны Черняк, “там нам отказали, но посоветовали написать в областные и центральные газеты”. В результате появились публикации в “Известиях” и “Правде” и смоленской газете “Рабочий путь”⁵. В то же время горсовет и Заднепровский райисполком помогли с сооружением ограды к уже готовому памятнику, законченному в 1966 г., изготовлением ворот, обустройством въезда с дороги. О лояльности упоминали также в Монастырщине, где хозяйственные работы осуществлялись при содействии главного инженера Рувима Малкина, еврея по национальности.

Если посмотреть на даты сооружения памятников жертвам Холокоста на Смоленщине, то можно увидеть отчетливую тенденцию открытия официальных монументов в 1960-е гг. Наша предварительная гипотеза заключается в том, что здесь имеет место целый комплекс причин.

Во-первых, на этот период пришелся очередной виток антирелигиозной кампании, который “спровоцировал” необходимость нахождения новой формы поминовения погибших, до этого осуществлявшейся (только?) в рамках религиозной традиции. При этом у нас есть выписки из донесений в Совет по делам религии о том, что Таборная гора на 9 мая становилась местом сбора евреев: “В День Победы 40–60 евреев собираются на Таборной горе, у памятника (место расстрела

⁵ Цынман И. Бабы Яры Смоленщины. Смоленск, 2001. С. 27-28.

евреев в период оккупации)⁶. Эта практика фиксируется на рубеже 1970-1980-х гг., но не исключено, что это происходило и ранее. Это же нам подтвердил в интервью Ефим Маневич (1930 г.р., Смоленск)⁷.

Во-вторых, в указанные годы наблюдается «мемориальный бум», который сопровождает крупные и важные даты, какими на тот момент были 50-летие Революции и 20-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Это было бы невозможно без наращивания некоторого экономического потенциала: страна, по большей степени, преодолела в производственном отношении последствия войны. Следует отметить, что 20-летний юбилей Победы был отправной точкой в большом проекте мемориализации и создании культа Великой Отечественной войны. Несмотря на то, что тема Холокоста никак не включалась в программу пропаганды, можно предположить, что этот «мемориальный бум» позволял легитимизировать низовые инициативы по сооружению памятников.

Отметим все же, что разрешение на строительство памятников еще не стало поводом к выходу темы Холокоста в публичный дискурс, поскольку эти мемориалы сооружались в память «о мирных советских гражданах», без указания на национальную принадлежность.

Активисты и «неравнодушные граждане»

К активистам относятся представители местных сообществ, которые занимались сбором информации о жертвах, разработкой идей памятников, заботой и уходом за территорией и пр. Например, памятник в Рославле был поставлен при непосредственном участии краеведа Е. Ивановой, внучатой племянницы Ф.М. Достоевского (об этом случае довольно подробно написали Л. Терушкин и А. Черкасски⁸). Учительница из деревни Петровичи Шумячского района М. В. Максимчук занималась поисковой деятельностью, под ее руководством был организован школьный краеведческий музей

⁶ ГАСО. Ф. Р – 985. Оп. 3. Д 35. Документы о деятельности групп иудейской религии (миньен) в г.Смоленске и в г.Рославле за 1977–1981 гг. Л.1.

⁷ ПМА

⁸ Иванова Л. Вызывая огонь на себя: положение евреев при «новом порядке» гитлеровских оккупантов в 1941-1943 гг. / составители И.А. Альтман, Л.А.Терушкин, Е.В. Тестова. – М., Центр «Холокост», 2012; Черкасски А., Терушкин. Л. Стратегии советской еврейской общественности по увековечиванию памяти на примере установки памятников евреям-жертвам фашизма. Былые годы. 2013. № 29 (3). С. 69-74.

с перечнем имен погибших (который один из очевидцев сравнил с «книгой имен» в крупнейших музеях Катастрофы, что весьма примечательно, потому что экспозиция создавалась и пополнялась в 1970–1980-е гг., при невозможности советского влияния), а позднее вела переписку с сотрудниками музея «Яд Вашем» в Иерусалиме. Преподаватель и краевед И.И. Цынман более 10 лет собирал материалы для своего фундаментального труда по истории Холокоста в Смоленской области «Бабы Яры Смоленщины», благодаря его усилиям поставлены и отремонтированы мемориалы в Первомайском, Духовщине и Шумячах⁹.

Под «неравнодушным большинством» мы подразумеваем тех людей, которые принимали участие в массовых сборах денежных средств на памятники, присутствовали на траурных церемониях, причем среди этих людей были не только родственники погибших. Охват был массовым, поэтому поиск информации об этих мероприятиях наиболее затруднен, поскольку деньги присылались по почте, переводились на специальные счета с территории всего Советского Союза и, что не исключено, из-за рубежа. В любом случае, поддержка «неравнодушного большинства» была значимым фактором при достижении успеха в деле возведения мемориалов.

Результаты данной работы показывают на локальном уровне, что тема мемориализации Холокоста в Советском Союзе существовала в виде низовых инициатив (фактически аналога западных grassroots), факты о численности жертв были известны и даже использовались как аргумент в дискуссиях с властью, разрабатывались проекты мест памяти и часть этих идей в итоге была реализована.

Источники и литература

Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016.

ГАНИСО (Государственный архив новейшей истории Смоленской области) Ф. 2812. Личный фонд И.И. Цынмана. Оп.1. Д. 57, 75, 77, 87, 173, 174.

⁹ Ф.2812, Оп.1, Д.174. Переписка И.И. Цынмана с историками, краеведами, коллегами, близкими об увековечении памяти евреев, сборе данных об их родственниках (12 февраля 1986 -22 мая 2009). Л. 15.

BETWEEN "LOYAL ADMINISTRATION" AND "CONCERNED CITIZENS":
ACTORS OF MEMORIALIZATION OF HOLOCAUST IN SMOLENSK REGION

ГАСО (Государственный архив Смоленской области). Ф. Р-3237. Оп.1. Д.154. Перспективный план монументальной пропаганды по Смоленской области на 1959 – 1970-е годы. 2 л.

ГАСО. Ф. Р-985. Оп.1, Д. 1, 2, 4, 18, 20; Оп.2. Д.8, 11, 14, 17, 20, 23, 26, 29, 31, 34; Оп.3. Д.35. Переписка с Советом и местными советскими органами по вопросам, относящимся к религиозным культам. 1945–1962 гг.

Зарубавель Я. Динамика коллективной памяти. Империя и нация в зеркале коллективной памяти: Сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 10-30.

Иванова Л. Вызывая огонь на себя: положение евреев при «новом порядке» гитлеровских оккупантов в 1941-1943 гг. / составители И.А. Альтман, Л.А.Терушкин, Е.В. Тестова. – М., Центр «Холокост», 2012.

Полевые материалы авторов; полевые материалы Центра «Сэфер» (2015 – 2016).

Цынман И. Бабы Яры Смоленщины. Смоленск, 2001.

Чарный С. Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в период «оттепели»: 1953–1964. Автореферат диссертации на соискание степени к.и.н. М., 2008. 252 с.

Черкасски А., Терушкин. Л. Стратегии советской еврейской общественности по увековечиванию памяти на примере установки памятников евреям-жертвам фашизма. Былые годы. 2013. № 29 (3). С. 69-74.